Процессъ 193-хъ

Изданіе В. М. Саблина.

Процессъ 193-хъ

Съ предисловіемъ В. Каллаша.

Изданіе В. М. Саблина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Передъ нашими глазами развертывается послѣдній, полный всевозможныхъ кровавыхъ эффектовъ, актъ великой драмы—борьбы за русское освобожденіе.

Надъ отдѣльными ея моментами до послѣдняго времени висѣлъ безцѣльный и неосмысленный гнетъ цензурной и административной тайны. „Историческая давность“, за предѣлами которой была возможна относительно свободная и безпристрастная оцѣнка явленій и дѣятелей освободительнаго движенія, обыкновенно растягивалась, по меньшей мѣрѣ, на сто лѣтъ. Только въ прошломъ году, спустя 105 лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ знаменитаго „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, Радищевъ, „рабства врагъ“, могъ окончательно „цензуры избѣжать“; могли появиться, хотя и въ изуродованномъ видѣ, собраніе сочиненій Герцена, стихотворенія Огарева, нѣкоторыя работы Лаврова-Миртова, кн. Крапоткина, рядъ матеріаловъ о декабристахъ и Петрашевцахъ.

„Самочинная свобода печати“, игнорируя цензуру и административныя „усмотрѣнія“, разорвала и путы „исторической давности“. Такъ появились: письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, книги Туна и г. Акимова-Махновца, „Процессъ 1 марта 1881 г.“, романъ Степняка-Кравчинскаго, его же „Подпольная Россія“. Съ недавняго, но уже основательно забытаго прошлаго началъ понемногу совлекаться покровъ принудительной тайны, и для современнаго общества, часто „не помнящаго родства“, ярче и нагляднѣе стала вырисовываться изъ сумрака разрозненныхъ и полузабытыхъ фактовъ эволюція-революціи, охватившей всѣ фибры его души, всѣ стороны его жизни...

Насталъ чередъ и для крупнѣйшихъ явленій освободительнаго движенія 70-хъ годовъ истекшаго вѣка — „процессовъ 50-ти и 193-хъ“. Искусственно разъединенные полицействующею Ѳемидой, несмотря на глубокую внутреннюю и внѣшнюю связь, они примыкаютъ къ одному и тому же общественному движенію, съ которымъ генетически связаны многія изъ современныхъ освободительныхъ теченій.

Напомнить о немъ нужно именно теперь. Этого требуетъ прежде всего нравственное чувство. Недавно вернулись къ намъ, къ прежней жизни и дѣятельности, послѣ долгихъ годовъ страданій, многіе изъ наиболѣе видныхъ его дѣятелей. Цинически откровенная судебно-административная расправа надъ ними въ свое время вызвала въ русскомъ обществѣ чувство глубокаго, но глухого негодованія, которое тогда и не могло выразиться открыто. Теперь оно въ первый разъ имѣетъ возможность безъ оглядки и опаски возобновить въ памяти „дѣла минувшихъ дней“, загладить свой старый грѣхъ, живымъ и мертвымъ „заплатить дань слезами умиленія и хвалою“, оправдать себя—дѣломъ...

Для современнаго движенія затѣмъ важно выяснить свои корни въ прошломъ, стать прочно на историческій фундаментъ. Когда сомкнутся отдѣльныя звенья въ непрерывную цѣпь развитія, многое, что кажется теперь наноснымъ и случайнымъ, разрозненнымъ и непонятнымъ, получитъ свой raison d'être, свое историческое оправданіе...

60-ые и 70-ые годы были у насъ періодомъ усиленнаго броженія революціонной мысли, подыскиванія, иногда ощупью, революціонныхъ силъ.

На смѣну дворянъ-идеалистовъ съ ихъ эстетическимъ прекраснодушіемъ и платоническими мечтами о свободѣ пришелъ въ концѣ 50-хъ годовъ разночинецъ, интеллигентный пролетарій, „желчевикъ“ и „реалистъ“ съ его идеаломъ „критически мыслящей личности“, „разрушеніемъ эстетики“ и активнымъ политическимъ радикализмомъ.

Отрицателемъ, „нигилистомъ“ его могли называть только по недоразумѣнію. При внѣшней шероховатости и жесткости онъ отличался высокимъ идеалистическимъ строемъ души, для котораго, впрочемъ, не умѣлъ и не хотѣлъ подыскивать звучныхъ и красивыхъ формъ; догматикъ и ортодоксалистъ по натурѣ, онъ стремительно противупоставлялъ традиціонному міровоззрѣнію новое евангеліе матеріализма и эволюціонизма, за которое готовъ былъ идти на костеръ. Не даромъ Зайцевъ писалъ про свое поколѣніе: „мы были глубоко убѣждены въ томъ, что боремся за счастье всего человѣчества, и каждый изъ насъ охотно пошелъ бы на эшафотъ и сложилъ свою голову за Молешотта и Дарвина“...

Бой шелъ по всей линіи и на оба фронта. Приходилось рвать старыя путы, мѣшавшія „свободѣ мысли“, „эмансипація женщинъ“, „разумному труду“—тріединому отвѣту на тревожный вопросъ: „Что дѣлать?“ Нужно было отграничивать себя и отъ идеалистовъ-эстетиковъ.

Легче всего оказалось стряхнуть съ себя пыль старой вѣры, чтобы замѣнить ее догмой матеріализма и атеизма; сложнѣе и труднѣе давалось освобожденіе женщины отъ вѣковѣчнаго рабства, чтобы сдѣлать ее изъ „кисейной барышни“ „мыслящею личностью“ и „разумною подругой“; менѣе всего налаживался „разумный трудъ“, потому что въ поискахъ за нимъ и при его практическомъ осуществленіи то и дѣло приходилось наталкиваться на цензуру, административно-полицейскій произволъ и созданные вѣками невѣжества и рабства общественные предразсудки.

„Борьба за счастье всего человѣчества“ во имя отвлеченныхъ идеаловъ свободы мысли и личности получаетъ все болѣе сгущенную политическую окраску и вдвигается въ русло широкаго освободительнаго движенія.

Освобожденіе крестьянъ, за которымъ должно было послѣдовать,—но не послѣдовало—дальнѣйшее раскрѣпощеніе всего русскаго народа, расшевелило и всколыхнуло общественное сознаніе. „Шатость“ правительства и его заигрываніе съ крѣпостниками вызывали общее раздраженіе и въ конецъ подорвали уваженіе и довѣріе къ нему.

Отношенія шестидесятниковъ къ народу всегда были очень сложны. Силы однихъ цѣликомъ уходили на борьбу за свободу мысли и „критически мыслящей личности“, и народъ, собственно, для нихъ не существовалъ; другіе снисходили къ нему съ вершинъ послѣдняго слова европейской науки, искренно желали ему освобожденія отъ рабства, даже жалѣли его, насколько умѣли, но между тупымъ, забитымъ мужикомъ, вѣрившимъ въ трехъ китовъ, божественность власти становового и высшую предустановленность сожительства съ тараканами, и „реалистомъ“, вѣрившимъ только въ микроскопъ и всемогущество „естественныхъ наукъ“,—было, конечно, слишкомъ мало общаго. Вспомнимъ крестьянскіе типы писателей-шестидесятниковъ, напр., Слѣпцова, Н. Успенскаго: не даромъ позднѣе въ нихъ видѣли сплошное издѣвательство надъ деревенскою темнотою. А вѣдь они для своего времени очень знаменательны...

Только у очень немногихъ *раннихъ* шестидесятниковъ можно подмѣтить теплое и простое народолюбіе.

Эмансипація, прошедшая черезъ бюрократическія тѣснины, мало улучшила положеніе крестьянъ. Болѣе прозорливые умы, въ особенности Чернышевскій, ждали отъ нея въ ближайшемъ будущемъ тяжелыхъ послѣдствій. При болѣе внимательномъ изученіи „таинственный незнакомецъ“ потерялъ свой обликъ троглодита, и въ немъ стали разглядывать человѣка, которому мало было одного освобожденія отъ *физическаго* рабства. Почувствовали даже свою кровную связь съ нимъ. Когда прошелъ угаръ первыхъ побѣдъ „мысли“ и „критики“,—выросло сознаніе, что онѣ въ значительной степени парализуются рабствомъ *политическимъ*, цѣпко охватившимъ всѣ общественные слои; начала слагаться идея долга передъ народомъ и долга народу, съ такою силою формулированная Лавровымъ въ „Историческихъ письмахъ“; стало проясняться сознаніе необходимости искать для своихъ личныхъ стремленій прочнаго базиса—*внизу*, на землѣ. „Реалистъ“ и „кающійся дворянинъ“ подали другъ другу руки, чтобы сдѣлаться народниками и—революціонерами...

Этотъ процессъ совершился на протяженіи двухъ смежныхъ поколѣній, но его можно прослѣдить и на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ (напр., Лаврова-Миртова, если принять

во вниманіе послѣдовательно пройденный имъ путь—отъ настойчиваго и прямолинейнаго матеріализма молодости къ полнымъ идеалистическаго народолюбія „Историческимъ письмамъ“ и программнымъ статьямъ въ журналѣ „Впередъ“).

На Западѣ между тѣмъ количественно и качественно росъ соціализмъ. Его вліяніе безпрепятственно проникало къ намъ и черезъ книги, привезенныя изъ-за границы, и черезъ непосредственное общеніе въ швейцарскихъ университетахъ, куда нахлынула наша, алкавшая знанія, свѣжая и бодрая молодежь,—съ эмигрантами и мѣстными соціалистами. Очень вліятельный тогда „Интернаціоналъ“ выдвинулъ рабочій вопросъ и подготовилъ почву для послѣдующаго побѣдоноснаго шествія западно-европейской соціалъ-демократіи. Многихъ разбудили и довоспитали жуткія и возвышающія впечатлѣнія Парижской Коммуны 1871—72 гг. Герценъ, болѣзненно пережившій тяжелый кризисъ разочарованія въ западной революціи и ужаса передъ торжествующею пошлостью всепоглощающаго мѣщанства, все болѣе переходилъ къ славянофильствующей проповѣди соціалистическаго мессіанизма русскаго крестьянства съ его артельнымъ и общественнымъ началами и отрицаніемъ права частной собственности на землю. Бакунинъ стремительно развивалъ идеи „бунтарства“, федералистической анархіи, разрушенія государственности путемъ раздуванія „вспышекъ“ и послѣдовательнаго революціонизированія массъ. Лавровъ пытался сначала помирить „критику“ и „реализмъ“ съ революціей—in longa spe, но потомъ, увлеченный общимъ потокомъ, сдѣлалъ рядъ существенныхъ уступокъ революціи—im Werden.

Будущимъ крестоносцамъ соціально-экономическаго переворота („политика“ пока была не въ чести) напряженіе революціонной энергіи въ отдѣльныхъ группахъ русскаго народа казалось громаднымъ. Нужно было только, для взрыва, сомкнуть токъ. Слишкомъ даже часто, можетъ быть, вспоминались Разинъ и Пугачевъ. Для немедленной революціи были какъ будто бы на лицо всѣ данныя: стоило только прояснить ихъ въ сознаніи крестьянъ и рабочихъ—посредствомъ бесѣдъ при совмѣстныхъ работахъ, „хожденія въ народъ“, торопливой раздачи, иногда въ первыя попавшіяся руки, двухъ-трехъ революціонныхъ книгъ; слѣдовало затѣмъ поторопиться съ созданіемъ объединяющей организаціи.

Учащаяся молодежь, въ страстномъ порывѣ, сама шла навстрѣчу новому движенію; крестьянъ и рабочихъ приходилось вовлекать въ него.

Раздался кличъ—„идти въ народъ!“—и начались крестовые походы въ деревни и и на фабрики. Шли подростки, бросавшіе школьную скамью и „кружки для самообразованія“ ради революціонной агитаціи и пропаганды; общій потокъ подхватывалъ и людей съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, дѣвушекъ изъ аристократическихъ семей, офицеровъ, мировыхъ судей, инженеровъ, богатыхъ помѣщиковъ и помѣщицъ, которые братались и сливались въ одномъ жизненномъ дѣлѣ со студентами, семинаристами и гимназистами. На революцію отдавали всѣ личныя средства, иногда довольно крупныя. Люди, привыкшіе къ роскоши, радостно шли на тяжелую физическую работу, въ грязь народной жизни, на несомнѣнную гибель...

По словамъ *Степняка*, „точно какой-то могучій кличъ, исходившій неизвѣстно откуда, пронесся по странѣ, призывая всѣхъ, въ комъ была живая душа, на великое дѣло спасенія родины и человѣчества. И всѣ, въ комъ была живая душа, отзывались и шли на этотъ кличъ, исполненные тоски и негодованія на свою прошлую жизнь, и, оставляя родной кровъ, богатство, почести, семью, отдавались движенію съ тѣмъ восторженнымъ энтузіазмомъ, съ той горячей вѣрой, которая не знаетъ препятствій, не мѣряетъ жертвъ, и для которой страданія и гибель являются жгучимъ, непреодолимымъ стимуломъ къ дѣятельности“.

Съ особенною силою это движеніе развернулось въ 1873—74 гг., съ которыхъ можно начинать новую революціонную эру.

Въ немъ не было и не могло быть внутренняго единства. Одни никакъ не могли увѣровать, при всемъ желаніи, въ близость революціоннаго взрыва, серьезно готовились къ агитаціонной и пропагандистской дѣятельности. Если они и шли въ деревни и на фабрики, то дѣлали это только для того, чтобы „братски раздѣлить съ народомъ его бѣды“, не увеличивать больше своего долга ему, воспитывать его своимъ примѣромъ—

во имя революціи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Другіе увлекались могучимъ призывомъ Бакунина, которому вторилъ позднѣе Ткачевъ, вмѣстѣ съ нимъ видѣли цѣль жизни въ „установленіи всѣми возможными средствами и во что бы то ни стало живой бунтовской связи между разъединенными общинами“, отрицали казенную науку въ казенной школѣ—гасительницѣ истиннаго просвѣщенія и раболѣпной служанкѣ полицейско-бюрократическаго произвола, утверждали, что некогда было учиться и готовиться, когда нужно было дѣйствовать, спасать народъ, которому было „не до науки“, изъ его безвыходнаго положенія, старались раздувать и объединять разрозненныя революціонныя вспышки („вспышкопускатели“),—или собирались на первыхъ же порахъ своей агитаціонной дѣятельности сомкнуть „живой токъ революціонной мысли, воли и дѣла“.

Къ этой „честной, искренней, до конца преданной, соціально-революціонной молодежи“ обращалъ Бакунинъ свой призывъ „идти въ народъ... потому что нынѣ вездѣ, по преимуществу же въ Россіи, внѣ народа, внѣ многомилліонныхъ чернорабочихъ массъ, нѣтъ болѣе ни жизни, ни дѣла, ни будущности“.

„Русскій народъ только тогда признаетъ нашу образованную молодежь своею молодежью, когда онъ встрѣтится съ нею въ своей жизни, въ своей бѣдѣ, въ своемъ отчаянномъ бунтѣ. Надо, чтобы она присутствовала отнынѣ не какъ свидѣтельница, но какъ дѣятельная и передовая, себя на гибель обрекшая, соучастница, повсюду и всегда, во всѣхъ народныхъ волненіяхъ и бунтахъ, какъ крупныхъ, такъ и самыхъ мелкихъ. Надо, чтобы, дѣйствуя сами по строго обдуманному и положенному плану и подвергая въ этомъ отношеніи всѣ свои дѣйствія самой строгой дисциплинѣ, для того, чтобы создать то единодушіе, безъ котораго не можетъ быть побѣды,—она сама воспиталась и воспитала народъ не только къ отчаянному сопротивленію, но также и къ смѣлому нападенію“. Вопросъ шелъ, конечно, объ особомъ *революціонномъ воспитаніи*, а не о „подготовкѣ“ лавристовъ.

„Бунтарство“ Бакунина смыкалось съ отголосками Нечаевщины (конечно, безъ ея конспиративнаго деспотизма и неразборчивости въ средствахъ) и носило въ себѣ зародыши терроризма, для которыхъ пока въ условіяхъ жизни не было подходящей почвы. Террористическіе акты были для этого времени явленіями исключительными: подавляющее большинство было пока за мирную пропаганду и агитацію.

Бакунисты были противъ „политики“. „На другой день“ послѣ соціальной революціи, въ которой самъ собою потонетъ прежній политическій строй, народъ создастъ себѣ новыя формы жизни. Ихъ нельзя навязывать народу, но горячо вѣрилось, что это будетъ именно „федералистическая анархія“, при чемъ федерализація пойдетъ „снизу вверхъ“. Однако, та обстановка, въ которой шла пропаганда, все время наталкивала на „политику“, и отрицаніе ея въ теоріи не мѣшало признанію ея на практикѣ. Другіе, менѣе правовѣрные бакунисты, и вообще совсѣмъ ея не боялись.

Въ этомъ движеніи защитники крѣпкой революціонной организаціи шли объ руку съ революціонерами-индивидуалистами, сторонниками безусловной автономіи кружковъ и отдѣльныхъ личностей. Одни возлагали надежду болѣе всего на передовую интеллигентную молодежь, другіе—на крестьянъ или рабочихъ, войско, раскольниковъ или сектантовъ, даже казаковъ. Особенно привлекали: Поволжье, въ которомъ предполагались остатки стараго бунтарства, и Украйна съ ея запорожскими и гайдамацкими воспоминаніями. Революція предполагалась—то для народа, черезъ интеллигентные революціонные кружки, соорганизовавшіеся и вобравшіе въ себя всѣ подходящіе элементы изъ массы крестьянства и рабочихъ, то для народа, и только посредствомъ народа, при чемъ интеллигенты должны были играть лишь чисто служебную роль „вспышкопускателей“ и смыкателей „тока“.

Въ концѣ концовъ бунтарство бакунистовъ побѣдило постепеновство радикальныхъ культуртрегеровъ-лавристовъ, и стремленіе „идти въ народъ“ для ускоренія революціоннаго процесса со стихійною силой охватило всю передовую молодежь.

Пропагандисты спѣшили подѣлиться съ народомъ новыми, только что усвоенными идеями о Богѣ, власти, землѣ. Они мало считались съ реальными условіями жизни и, конечно, часто попадали впросакъ. Смѣлая идея Бакунина, что „преступники—безсознательные революціонеры“, многихъ заставляла довѣрчиво обращаться съ проповѣдью или за поддержкою къ довольно сомнительнымъ лицамъ, которыя сейчасъ же

выдавали и предавали. Не всегда умѣлый, слишкомъ настойчивый, прозелитизмъ часто отталкивалъ и запугивалъ мало подготовленныхъ крестьянъ и рабочихъ. Пропаганда „на лету" давала лишь незначительные результаты, не окупавшіеся принесенными жертвами. Она и вообще проходила при очень неблагопріятныхъ условіяхъ.

Близко знавшій все это движеніе Кравчинскій говоритъ: „Революція всегда требуетъ сильной организаціи, которая можетъ создаться только путемъ пропаганды, соціалистической или чисто революціонной. Такъ какъ ее нельзя было вести открыто, то оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ тайной пропагандѣ, совершенно невозможной въ нашихъ деревняхъ. Всякій, кто селится тамъ, въ качествѣ ли ремесленника, сельскаго ли учителя или писаря, тотчасъ же оказывается на виду у всѣхъ, точно онъ сидитъ въ фонарѣ. Кромѣ того, крестьянинъ совершенно неспособенъ хранить [illegible]одъ своими односельчанами... Понятно, что при такихъ нравахъ прави[illegible]о безъ всякаго затрудненія могло узнать объ агитаціи, которая велась среди крестьянъ". Какъ велась зачастую пропаганда, можно видѣть изъ комическаго разсказа того же Кравчинскаго князю Крапоткину о первыхъ шагахъ своихъ въ качествѣ пропагандиста. Онъ отправился „въ народъ" съ товарищемъ пѣшкомъ, встрѣтилъ по дорогѣ мужика, ѣхавшаго на плохой клячонкѣ, и началъ его „просвѣщать" относительно податей, царя, Бога и т. д. Испуганный мужикъ сталъ погонять свою лошаденку, чтобы поскорѣе уѣхать отъ опаснаго собесѣдника, но Кравчинскій не отставалъ, ускоривалъ шаги и затѣмъ сталъ бѣжать за возомъ, съ трудомъ выкрикивая все тѣ же агитаціонныя рѣчи...

Вспомнимъ затѣмъ дышащій правдою и юморомъ разсказъ о хожденіи въ народъ Нежданова въ „Нови" Тургенева.

Слѣдуетъ однако отмѣтить, что въ общемъ женщины оказались лучшими пропагандистами, чѣмъ мужчины, что и отмѣтилъ Тургеневъ въ своемъ романѣ. Соломинъ, этотъ Штольцъ русской революціи, въ счетъ, конечно, идти не можетъ: это—не столько результатъ живого наблюденія, сколько поэтическая „выдумка", персонифицированный постулатъ Тургенева отъ революціоннаго движенія.

Такая пропаганда только и могла привести къ „проваламъ", массовымъ арестамъ. Въ письмахъ и показаніяхъ нѣкоторыхъ изъ привлеченныхъ къ „процессу 193-хъ" часто звучитъ глубокое разочарованіе въ характерѣ и результатахъ ихъ дѣятельности.

Постепенно слагается идея—замѣнить летучую пропаганду прочными революціонными поселеніями въ деревняхъ и на фабрикахъ. Эти поселенія позднѣе были осуществлены „деревенщиками", необходимымъ дополненіемъ къ которымъ были „городскіе", которые взяли на себя администрацію революціоннаго дѣла и пропаганду среди учащейся молодежи и городскихъ рабочихъ.

Усиленные аресты начались съ 1873 года и привели къ „процессамъ 50-ти и 193-хъ". Правительство раскрыло почти всѣ нити заговора и привлекло къ слѣдствію и суду нѣсколько тысячъ человѣкъ. Слѣдствіе затянулось на нѣсколько лѣтъ. Арестованные были подвергнуты одиночному заключенію. Подавляющее большинство участниковъ движенія было захвачено: только немногимъ удалось своевременно скрыться или бѣжать изъ тюремъ.

Во Христѣ жандармствующая прокуратура обставила слѣдствіе самыми возмутительными условіями. Для того, чтобы вырвать у свидѣтелей неблагопріятныя для подсудимыхъ показанія, ихъ арестовывали, всячески запугивали, водили по улицамъ подъ стражей. Арестованныхъ заставляли выдавать своихъ товарищей—голодомъ, лишеніемъ свиданій, книгъ и письменныхъ принадлежностей, надѣваніемъ кандаловъ на голое тѣло, строгимъ одиночнымъ заключеніемъ, которое тянулось по нѣскольку лѣтъ. Для опороченія привлеченныхъ къ процессу тщательно собирались всѣ провинціальныя сплетни, ни на чемъ не основанные доносы провокаторовъ и шпіоновъ или лживыя показанія тѣхъ, которые добивались личнаго освобожденія предательствомъ товарищей и знакомыхъ. За показанія въ пользу подсудимыхъ грозили тюрьмой и ссылкой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прокуроры сами составляли показанія и заставляли допрашиваемыхъ ихъ переписывать и подписывать.

Съ особеннымъ усердіемъ они раскапывали и выдвигали грязные факты изъ жизни сомнительныхъ лицъ, привлеченныхъ къ процессу только для виду, отъ которыхъ открещивались всѣ настоящіе подсудимые.

Но общество не было обмануто этими уловками. Оно было достаточно освѣдомлено относительно характера и хода судебнаго разбирательства. Даже Сенатъ нашелъ возможнымъ освободить многихъ изъ подсудимыхъ, нѣкоторымъ уменьшить наказанія. Но по настоянію Мезенцова рѣшеніе суда было отмѣнено, большинству осужденныхъ наказанія были увеличены, почти всѣ освобожденные судомъ были сосланы административнымъ порядкомъ.

„Процессъ 193-хъ“ сыгралъ крупную роль въ исторіи нашего революціоннаго движенія. Сопровождавшія его беззаконія вызвали общее негодованіе, которое привело къ перемѣнѣ средствъ борьбы, къ замѣнѣ мирной пропаганды—терроромъ, идея котораго была окончательно формулирована на знаменитомъ Липецкомъ съѣздѣ.

Процессы пропагандистовъ, имѣвшіе мѣсто въ 1877 и 1878 гг., знаменуютъ ко[illegible]періода революціоннаго движенія въ Россіи, являясь въ то же время его апоѳео[illegible] правительство, желая идти по стопамъ французской Второй Имперіи, умѣвшей [illegible] хорошо играть краснымъ призракомъ, рѣшило, чтобы разборъ перваго большого дѣла, такъ называемаго „процесса 50-ти“, происходилъ публично: оно надѣялось, что устрашенные привилегированные классы тѣснѣе сомкнутся вокругъ трона и оставятъ всякія завиральныя идеи. Но разсчетъ оказался ошибочнымъ. Даже тѣ, которые враждебно относились къ революціонерамъ, были поражены ихъ изумительной готовностью къ самопожертвованію. „Да это святые!“ восклицали всѣ, кому удалось присутствовать на этомъ памятномъ судѣ. Въ слѣдующемъ году громадный „процессъ 193-хъ“ только усилилъ это впечатлѣніе. И дѣйствительно, все, что есть благороднаго и высокаго въ природѣ человѣка, казалось, было сосредоточено въ этой горсти героической молодежи. Восторженно преданные своей великой идеѣ, они хотѣли принести въ жертву не только свою жизнь, будущность, положеніе, но и самую душу свою. Они хотѣли освободиться отъ всякихъ другихъ помышленій, отъ всякихъ личныхъ привязанностей, чтобы отдаться своему дѣлу всецѣло, беззавѣтно“.

„Ригоризмъ былъ возведенъ въ догматъ... Пропагандисты ничего не хотѣли для себя. Они были чистѣйшимъ олицетвореніемъ самоотверженности. Но это были люди слишкомъ неподходящіе для предстоявшей страшной борьбы. Типъ пропагандиста 70-хъ годовъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые выдвигаются скорѣе религіозными, чѣмъ революціонными движеніями. Соціализмъ былъ его вѣрой, народъ—его божествомъ. Не взирая на всю очевидность противнаго, онъ твердо вѣрилъ, что не сегодня-завтра произойдетъ революція, подобно тому, какъ въ средніе вѣка люди иногда вѣрили въ приближеніе страшнаго суда. Неумолимая дѣйствительность нанесла жестокій ударъ этой восторженной вѣрѣ, показавши ему его Бога, каковъ онъ есть, а не какимъ онъ рисовался его воображенію. Попрежнему, онъ готовъ былъ на жертвы, но ему не доставало уже ни прежняго неудержимаго пыла, ни прежней жажды борьбы. Послѣ перваго разочарованія онъ потерялъ всякую надежду на побѣду, и, если еще желалъ вѣнца, то это былъ вѣнецъ изъ терніевъ, а не изъ лавровъ. Подобно христіанину первыхъ вѣковъ, онъ шелъ на муки съ ясностью во взорѣ и выносилъ ихъ съ полнымъ спокойствіемъ духа,—даже съ наслажденіемъ, такъ какъ зналъ, что страдаетъ за свою вѣру. Онъ былъ полонъ любви и ни къ кому не питалъ ненависти, не исключая даже своихъ палачей. Таковъ пропагандистъ 1872—1875 годовъ. Въ немъ было слишкомъ много идеализма, чтобъ онъ могъ устоять въ предстоявшей трудной и жестокой борьбѣ. Онъ долженъ былъ измѣниться, или исчезнуть. И уже началъ вырабатываться иной типъ революціонера, готовый занять его мѣсто. На горизонтѣ обрисовывалась сумрачная фигура, озаренная точно адскимъ пламенемъ, которая, съ гордо поднятымъ челомъ и взоромъ, дышавшимъ вызовомъ и местью, стала пролагать свой путь среди устрашенной толпы, чтобы вступить твердымъ шагомъ на арену исторіи.

То былъ—террористъ“ (*Степнякъ*, *„Подпольная Россія“*).

Терроръ захватилъ и поглотилъ почти всѣ крупныя силы, оставшіяся на свободѣ послѣ „провала“ 1873—1874 гг.

На смѣну „Земли и Воли“, какъ движенія соціально-революціоннаго и пропагандистскаго, пришла „Народная Воля“, какъ организація террористическая. Остатки „деревенщиковъ“ создали „Черный передѣлъ“, игравшій второстепенную роль и съ каждымъ днемъ терявшій свое значеніе.

Вл. Каллашъ.

Въ половинѣ мая 1874 г. финляндскимъ уроженцемъ Іогапомъ Пельконенъ была открыта въ гор. Саратовѣ на Царицынской улицѣ, въ домѣ Превратухиной, башмачная мастерская, въ скоромъ времени обратившая на себя вниманіе полиціи страннымъ и подозрительнымъ поведеніемъ проживавшихъ въ ней лицъ, вслѣдствіе чего 31-го мая въ означенной мастерской былъ сдѣланъ обыскъ. Результаты обыска, равно какъ и произведеннаго вслѣдъ за симъ дознанія, привели къ несомнѣнному убѣжденію что мастерская Пельконенъ служила притономъ для лицъ, принадлежавшихъ къ революціонному сообществу, имѣвшему развѣтвленія въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, въ виду чего было признано необходимымъ сосредоточить въ однѣхъ рукахъ повсемѣстное разслѣдованіе преступной дѣятельности обнаруженнаго сообщества, каковое разслѣдованіе по Высочайшему повелѣнію и было возложено на начальника московскаго губернскаго жандармскаго управленія, генералъ-лейтенанта Слезкина. Произведенное послѣднимъ, подъ наблюденіемъ прокурора Саратовской судебной палаты, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жихарева, дознаніе вполнѣ подтвердило дѣйствительное существованіе въ Россіи, въ періодъ времени 1873 — 1874 г., обширнаго преступнаго сообщества, стремившагося къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка, раскрыло дѣятельность лицъ, принадлежавшихъ къ этому сообществу, и наглядно возстановило исторію его возникновенія и дальнѣйшаго развитія.

Собранныя дознаніемъ данныя, не поколебленныя и предварительнымъ слѣдствіемъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что преступное сообщество, существованіе котораго было обнаружено въ Саратовѣ, возникло въ Петербургѣ въ 1873 г., и что оно находилось въ прямой преемственной связи съ прежними сообществами Долгушина, Натансона и др. Принадлежавшія къ этимъ сообществамъ лица, избѣжавшія преслѣдованія или наказанія и проживавшія большею частію въ Петербургѣ, продолжая въ теченіе 1872 г. свою преступную дѣятельность, старались сближаться съ рабочими, преимущественно фабричными, и подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, возбуждали въ нихъ недовольство существующимъ порядкомъ и распространяли между ними революціонныя идеи какъ путемъ устной пропаганды, такъ и посредствомъ возмутительнаго содержанія книгъ, привозимыхъ изъ-за границы и издаваемыхъ русскими эмигрантами. До 1873 года дѣятельность пропагандистовъ имѣла характеръ индивидуальный, въ началѣ же сего года нѣкто Николай Васильевичъ Чайковскій, окончившій курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и принадлежавшій къ кружку Натансона, задался мыслью сплотить разрозненныя силы агитаторовъ въ одно цѣлое, къ чему и приложилъ всѣ свои старанія, вскорѣ затѣмъ увѣнчавшіяся нѣкоторымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ возникъ первый революціонный кружокъ, носившій по фамиліи своего основателя названіе „кружка чайковцевъ", по примѣру и подъ вліяніемъ котораго, въ теченіе того же года, образовалось нѣсколько другихъ кружковъ. Кружокъ „чайковцевъ", а также и нѣкоторые другіе, поддерживали постоянную связь съ русскими эмигрантами, поселившимися преимущественно въ Цюрихѣ и другихъ городахъ Швейцаріи. Личныя сношенія членовъ кружковъ съ эмигрантами, издаваемыя послѣдними книги, въ значительномъ количествѣ ввозимыя тайными путями въ Россію, и поступленіе въ ряды пропагандистовъ возвращавшихся изъ-за границы, такъ называемыхъ *цюрихскихъ студентовъ*, къ развращенію которыхъ эмигранты прилагали особенное стараніе,— все это, взятое въ совокупности, имѣло рѣшительное вліяніе на направленіе *петербург-*

скихъ кружковъ. Означенные кружки вполнѣ прониклись ученіями эмигрантовъ, каковыя ученія и легли въ основаніе всей дальнѣйшей дѣятельности кружковъ.

Въ 1873 году русская эмиграція, считавшая до того времени „международную ассоціацію рабочихъ" единственнымъ орудіемъ водворенія всеобщаго счастія на землѣ, стала группироваться около новой формулы обновленія человѣческаго рода—*федерализма, основаннаго на коллективизмѣ и мутуализмѣ.* Такое измѣненіе направленія русской эмиграціи явилось послѣдствіемъ пятаго конгресса международной ассоціаціи рабочихъ, происходившаго въ 1872 г. въ гор. Гаагѣ. Исключенный постановленіемъ сего конгресса изъ числа членовъ ассоціаціи, за образованіе въ ея средѣ тайнаго общества, эмигрантъ Бакунинъ, усердно проповѣдывавшій идею федерализма въ швейцарскихъ секціяхъ ассоціаціи, образовалъ „Цюрихскую славянскую секцію", которая и слилась съ секціями Юрской федераціи, непризнававшими постановленій Гаагскаго конгресса и избравшими своимъ девизомъ „федерализмъ". По формулѣ федерализма, задача соціально-революціонной партіи состояла въ разрушеніи всѣхъ государствъ, уничтоженіи всякаго государственнаго строя и буржуазной цивилизаціи и созданіи новаго строя путемъ вольной федераціи снизу въ верхъ независимыхъ производительныхъ общинъ. Поставивъ своею задачей разрушеніе государства, славянская секція должна была, само собою разумѣется, вступить прежде всего въ борьбу съ тѣми высокими началами, коими обусловливается государственная жизнь народовъ, и дѣйствительно, въ своей программѣ секція объявила что будетъ бороться противъ религіи, собственности и семьи. Пропагандируя въ своихъ сочиненіяхъ теорію федерализма, извѣстную также подъ именемъ *анархіи*, ибо основное положеніе ея заключается въ отрицаніи всякой власти, Бакунинъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводилъ мысль о необходимости поголовнаго возстанія Русскаго народа противъ Верховной власти и доказывалъ неизбѣжность такого возстанія. Такое мнѣніе Бакунина, раздѣляемое большинствомъ эмигрантовъ, нашло себѣ поддержку и въ появившемся въ половинѣ 1873 года журналѣ *Впередъ* Лаврова, который разошелся съ партіей Бакунина лишь по вопросу о способѣ веденія революціоннаго дѣла въ Россіи. Приверженцы Бакунина полагали, что пропагандисты должны немедленно *идти въ народъ* организовать для революціи и внушать ему революціонныя идеи съ цѣлью вызвать возстаніе; Лавровъ же признавалъ, что навязывать народу революцію не слѣдуетъ, и что возстанію должно предшествовать сознаніе народомъ своихъ потребностей, разъясненіе которыхъ народу и составляетъ прямую задачу пропагандиста. Теорія Лаврова, требовавшая отъ агитатора извѣстной научной подготовки, крайне не понравилась русскимъ эмигрантамъ, и Лавровъ остался въ меньшинствѣ; но возникшій между нимъ и его противниками споръ породилъ ученіе, весьма категорически выраженное бѣжавшимъ за границу изъ мѣста ссылки государственнымъ преступникомъ Ткачевымъ въ изданной имъ въ апрѣлѣ 1874 года брошюрѣ подъ заглавіемъ *Задачи революціонной пропаганды въ Россіи.* Въ означенной брошюрѣ, полемизируя съ Лавровымъ, Ткачевъ заявилъ что „революціонная партія ставитъ своею главною, своею первостепенною задачей не подготовленіе революціи вообще, а осуществленіе ея въ возможно ближайшемъ настоящемъ", что „не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія вопросамъ, касающимся устройства наилучшаго порядка вещей въ будущемъ, послѣ того какъ революція совершитъ свою разрушительную миссію", и что единственная цѣль партіи „дѣйствія" должна заключаться „въ борьбѣ съ правительствомъ, борьбѣ съ установившимся порядкомъ вещей, борьбѣ до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія".

Чудовищныя ученія Бакунина и Ткачева, господствовавшія среди эмигрантовъ, нашли себѣ, какъ сказано выше, сочувственный отголосокъ въ петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ. Теорія федерализма составила, такъ сказать, pia desideria пропагандистовъ, практическая же ихъ дѣятельность получила направленіе вполнѣ согласное съ ученіемъ Ткачева, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, написанный княземъ Крапоткинымъ, однимъ изъ видныхъ дѣятелей кружка чайковцевъ, трактатъ подъ заглавіемъ: „Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя?" каковой вопросъ разрѣшался княземъ Крапоткинымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Петербургскіе кружки усвоили не только догматическую часть ученій, выработанныхъ эмигрантами въ Швейцаріи, но и въ организаціи своей дѣятельности послѣдовали указаніямъ, преподаннымъ на сей предметъ цюрихскою славянскою секціей, вслѣдствіе чего организація кружковъ выразилась въ фор-

мѣ отсутствія какой-либо іерархіи и полной свободы выбора каждымъ агитаторомъ какъ рода, такъ и способа пропаганды, причемъ, однако, каждый пропагандистъ пользовался посильною помощью и содѣйствіемъ своихъ единомышленниковъ.

Такимъ образомъ изъ всего вышеизложеннаго несомнѣнно вытекаетъ, что петербургскіе революціонные кружки возникли и сложились подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: во 1-хъ, оставшихся въ Россіи обломковъ прежнихъ преступныхъ сообществъ Долгушина, Натансона и др., къ которымъ присоединились и нѣкоторыя личности, привлекавшіяся къ дѣлу Нечаева, и во 2-хъ, русской эмиграціи поселившейся въ Швейцаріи, чѣмъ и обусловливается связь упомянутыхъ кружковъ, съ одной стороны, съ предшествовавшими русскими политическими сообществами, а съ другой—съ западно-европейскою соціально-революціонною партіей, въ составъ которой вошли русскіе эмигранты.

Возникшіе въ Петербургѣ кружки, пополнявшіеся приливомъ новыхъ членовъ, преимущественно изъ числа студентовъ Технологическаго Института и Медико-Хирургической Академіи, а также слушательницъ женскихъ курсовъ при той же Академіи и акушерскихъ курсовъ, раздѣлились на двѣ категоріи, изъ коихъ первая тотчасъ же приступила къ пропагандѣ революціонныхъ идей между фабричными и заводскими рабочими, а другая занялась приготовленіемъ себя къ революціонной дѣятельности. Исходя изъ того положенія, что узнать народъ и пользоваться его довѣріемъ можно лишь въ томъ случаѣ, когда ищущій сближенія съ народомъ будетъ жить жизнью народа, вращаясь въ его средѣ въ качествѣ простаго рабочаго, многіе изъ агитаторовъ занялись изученіемъ какого-либо мастерства или ремесла, чѣмъ и объясняется открытіе агитаторами мастерскихъ, какъ-то, напр., кузнечныхъ въ Петербургѣ и Одессѣ, столярныхъ въ Москвѣ и слесарныхъ въ Тулѣ.

Сношенія кружковъ поддерживались какъ личнымъ знакомствомъ членовъ между собою, такъ и путемъ сходокъ, собиравшихся, между прочимъ, въ квартирѣ студента Технологическаго Института Головина, въ 12-й ротѣ Измайловскаго полка, на каковыхъ сходкахъ обсуждались вопросы революціонной теоріи и практическаго примѣненія ея къ дѣлу, чѣмъ уже были заняты нѣкоторые изъ пропагандистовъ. Въ концѣ 1873 г. преступная дѣятельность нѣкоторыхъ агитаторовъ въ средѣ петербургскихъ рабочихъ сдѣлалась извѣстною правительству, вслѣдствіе чего означенныя лица, скрываясь отъ преслѣдованія, уѣхали изъ Петербурга. Въ числѣ такихъ лицъ находилось нѣсколько наиболѣе выдающихся членовъ кружка „чайковцевъ“, укрывшихся въ Москвѣ, гдѣ они проживали подъ чужими именами. Подъ ихъ вліяніемъ и руководствомъ сложились московскіе революціонные кружки съ такимъ же направленіемъ какъ и петербургскіе, имѣвшіе съ послѣдними прямую непосредственную связь. Около того же времени лицами близко стоявшими къ петербургскимъ агитаторамъ былъ основанъ кіевскій кружокъ, извѣстный подъ названіемъ „Кіевской коммуны“, а раннею весной 1874 г. глава одного изъ петербургскихъ кружковъ, дворянинъ Сергѣй Филипповъ Коваликъ, организовалъ кружокъ въ гор. Харьковѣ; кружки кіевскій и харьковскій вошли въ сношенія между собою. Кіевскій, личный составъ котораго къ лѣту 1874 г. увеличился поступленіемъ въ число его членовъ многихъ петербургскихъ пропагандистовъ, кромѣ того вступилъ въ весьма близкую связь съ кружкомъ одесскихъ революціонеровъ; послѣдній же, основанный группою лицъ проживавшихъ въ Цюрихѣ и усвоившихъ себѣ революціонное направленіе у самаго его источника, естественнымъ путемъ, въ силу своего происхожденія, слился съ петербургскими дѣятелями.

Одновременно съ кружкомъ, образовавшимся въ Харьковѣ по иниціативѣ Ковалика, въ этомъ городѣ возникъ другой кружокъ, весьма незначительный, основанный пропагандисткой, прибывшею изъ Москвы; этотъ послѣдній кружокъ, вскорѣ послѣ своего возникновенія, а именно къ лѣту 1874 года, слился съ таганрогскимъ кружкомъ, основаннымъ въ началѣ лѣта однимъ изъ петербургскихъ революціонныхъ дѣятелей.

Весной 1874 г. петербургскіе кружки обнаружили стремленіе къ болѣе тѣсному сближенію между собою, къ составленію изъ себя одного органическаго цѣлаго; для этой цѣли избранные каждымъ кружкомъ делегаты собирались для совѣщаній, результатомъ которыхъ явилось устройство общей кассы, имѣвшей однако въ своемъ распоряженіи не болѣе 700 руб. Назначеніе кассы было—оказывать вспомоществованія какъ цѣлымъ кружкамъ, такъ и отдѣльнымъ членамъ оныхъ, отправлявшимся въ народъ, причемъ въ кассѣ могли принимать участіе и отдѣльныя, не принадлежавшія къ кружкамъ лица, отъ которыхъ требо-

валась лишь нѣкоторая общая солидарность въ принципахъ, т.-е. признаніе необходимости довести народъ до соціальной революціи.

Съ наступленіемъ лѣта члены петербургскихъ кружковъ двинулись въ народъ на пропаганду. Въ этотъ періодъ времени петербургскіе революціонные дѣятели совершенно слились со своими московскими единомышленниками и сообща приступили къ осуществленію своихъ преступныхъ замысловъ. Подъ вліяніемъ соединенныхъ элементовъ петербургскихъ и московскихъ пропагандистовъ возникли революціонные кружки въ Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и др. мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, главныя силы революціонной партіи сосредоточились въ восточной полосѣ Россіи, въ приволжскихъ губерніяхъ, что произошло не случайно, а въ силу заранѣе обдуманнаго плана дѣйствій и выработавшагося у большинства пропагандистовъ, на основаніи примѣровъ Стеньки Разина и Пугачева, убѣжденія, что революціонныя идеи найдутъ наиболѣе благопріятную для себя почву на востокѣ, въ приволжскихъ губерніяхъ, представлявшихся для революціонеровъ классическою страной бунтовъ и возмущеній. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ дѣятельности революціоннаго сообщества первенствующую роль занялъ пензенскій мѣщанинъ Порфирій Войноральскій, незаконный сынъ дворянина Ларіонова и княгини Кугушевой. Обладая, сравнительно, значительными денежными средствами и большою энергіею и предпріимчивостью, Войноральскій весьма скоро сталъ во главѣ движенія; онъ устроилъ въ Москвѣ типографію, въ которой печатались революціонныя сочиненія, разсылавшіяся затѣмъ въ разныя мѣстности (въ томъ числѣ въ Саратовъ, въ мастерскую Пельконенъ) для брошюровки и распространенія ихъ въ народѣ, снабжалъ деньгами пропагандистовъ и самъ лично занимался организаціей кружковъ и пропагандой въ народѣ.

Такимъ образомъ революціонная пропаганда шла по двумъ главнымъ направленіямъ: юго-западному и восточному; первое направленіе выразилось въ возникновеніи кружковъ харьковскаго, кіевскаго, одесскаго и таганрогскаго, съ ихъ развѣтвленіями, а второе — въ кружкахъ, образовавшихся въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и т. д. Всѣ названные кружки хотя и раздѣлялись на двѣ нѣсколько обособленныя группы, тѣмъ не менѣе, связанныя между собою единствомъ происхожденія, ученія и преслѣдуемой цѣли, а также личными сношеніями своихъ членовъ, составляли одно цѣлое, одно преступное сообщество, нагляднымъ доказательствомъ чего служитъ то обстоятельство, что обыскъ, произведенный въ мастерской Пельконена, далъ возможность раскрыть всю дѣятельность сообщества.

Внѣшніе пріемы пропаганды были одни и тѣ же во всѣхъ кружкахъ. Пропаганда подъ прикрытіемъ разныхъ профессій: доктора, фельдшера, народнаго учителя, простого рабочаго — велась или устно, или посредствомъ чтенія и раздачи революціонныхъ книгъ, содержаніе же пропаганды видоизмѣнялось, смотря по тому съ кѣмъ пропагандисты имѣли дѣло, съ лицами ли принадлежащими къ простому народу, или же съ лицами принадлежащими къ „интеллигенціи", подъ каковымъ терминомъ революціонные дѣятели подразумѣвали народныхъ учителей, студентовъ, семинаристовъ и гимназистовъ. Въ первомъ случаѣ, пропагандистъ обыкновенно указывалъ на недостатокъ земли у крестьянъ, на тяжесть податей и налоговъ, и внушалъ мысль, что еслибы всѣ крестьяне или рабочіе соединились и уничтожили правительство, истребивъ при этомъ высшіе классы, то не пришлось бы платить никакихъ податей, а земли было бы у каждаго съ избыткомъ, такъ какъ она вся принадлежала бы крестьянамъ; во второмъ случаѣ, пропагандистъ большею частью старался доказать, ссылаясь на разные революціонные авторитеты, что экономическое положеніе народа отчаянное, что на обязанности всякаго порядочнаго человѣка лежитъ помочь народу выйти изъ такого положенія, что представляется возможнымъ только путемъ революціи, и что задача послѣдней должна состоять въ уничтоженіи Верховной Власти, всякаго правительства и государства, такъ какъ коренное измѣненіе къ лучшему положенія народа можетъ быть достигнуто только путемъ замѣны государства вольною федераціей производительныхъ общинъ. Независимо отъ сего, пропаганда, обращенная къ „интеллигенціи", сопровождалась обыкновенно указаніемъ на то что наука есть не что иное, какъ средство эксплуатировать народъ, и что счастіе народа можетъ быть создано и безъ науки, почему „интеллигентные" слушатели пропагандиста приглашались бросить ученіе и идти въ народъ, причемъ объявлялось, что сообщество располагаетъ денежными средствами, которыми и будетъ снабжать своихъ новыхъ товарищей.

Такое ученіе, основанное на теоріи Бакунина, возводящее невѣжество и лѣность на степень идеала, и сулящее, въ видѣ ближайше осуществимаго блага, житье на чужой счетъ, могло, конечно, показаться заманчивымъ только для самой плохой части учащейся молодежи, и дѣйствительно, большинство завербованныхъ пропагандистами въ средѣ этой молодежи единомышленниковъ представляло изъ себя людей, занимавшихся чѣмъ угодно, только не науками, а потому и крайне легко относившихся къ вопросу о выходѣ изъ учебныхъ заведеній.

Денежныя средства сообщества составлялись: изъ суммъ отпускаемыхъ болѣе состоятельными вожаками дѣла, какъ, напримѣръ, Войнаральскимъ; изъ взносовъ членовъ кружковъ; изъ суммъ вырученныхъ отъ баловъ и другихъ увеселеній, устройствомъ которыхъ, подъ разными благовидными предлогами, занимались нѣкоторые петербургскіе кружки, и т. п.—вообще матеріальныя средства сообщества были незначительны. Между тѣмъ безпрестанные разъѣзды пропагандистовъ, покупка революціонныхъ книгъ и всякаго рода вспомоществованія требовали большихъ расходовъ. Такимъ положеніемъ вещей достаточно объясняется причина обнаруженной многими пропагандистами готовности къ совершенію всякихъ преступленій ради пріобрѣтенія денегъ.

Главный контингентъ своихъ силъ въ количественномъ отношеніи сообщество черпало изъ той учащейся молодежи, о которой уже сказано выше. Преобладаніе такого элемента въ рядахъ пропагандистовъ, служа, съ одной стороны, доказательствомъ того, что какъ болѣе развитая среда, такъ и среда лишенная образованія, но полная здраваго смысла, оставались для революціонныхъ дѣятелей одинаково недоступными, съ другой—естественнымъ образомъ обрекало сообщество на совершенное безсиліе и ничтожество.

Осенью 1874 года большинство пропагандистовъ было задержано и открытый ими весной того же года походъ противъ государства и цивилизаціи могъ считаться оконченнымъ, а сообщество разрушеннымъ, хотя нѣкоторые изъ его членовъ, успѣвшіе скрыться отъ преслѣдованія, и продолжали свою преступную дѣятельность до конца 1874 года и начала 1875 г.

За періодъ всего своего существованія сообщество, съ его точки зрѣнія, достигло слѣдующаго результата: совращенія на всемъ пространствѣ Россіи, на которое распространялась дѣятельность всѣхъ силъ сообщества, двухъ трехъ десятковъ лицъ изъ простого народа, усвоившихъ себѣ суть революціоннаго ученія и пришедшихъ къ убѣжденію, что лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая могла бы сему препятствовать, есть настоящая формула осуществленія если не всеобщаго, то ихъ личнаго блага на землѣ.

Таковою, въ краткомъ очеркѣ, представляется исторія возникновенія развитія и дѣятельности преступнаго сообщества, образовавшагося въ Петербургѣ въ 1873 году и окончившаго свое существованіе въ концѣ 1874 г. Освѣщая отдѣльныя проявленія революціонной дѣятельности мѣстныхъ кружковъ, нижеизложенный очеркъ вмѣстѣ съ тѣмъ уяснитъ и значеніе нѣкоторыхъ не вполнѣ рельефно возстановленныхъ обстоятельствъ дѣла.

Исходнымъ пунктомъ революціонной пропаганды въ Россіи, какъ уже сказано выше, былъ С.-Петербургъ, а изъ числа образовавшихся въ этомъ городѣ кружковъ, первымъ по времени возникновенія и главнымъ по вліянію, оказанному на дальнѣйшее развитіе революціоннаго дѣла, былъ *кружокъ чайковцевъ*, о которомъ упоминаютъ въ своихъ показаніяхъ обвиняемые: Митрофанъ Грицепковъ, Моисей Рабиновичъ, Левъ Городецкій и Александръ Низовкинъ. Послѣдній, весьма близко стоявшій къ „чайковцамъ", въ показаніи своемъ подробно изложилъ исторію возникновенія этого кружка и дѣятельности многихъ изъ его членовъ въ Петербургѣ. По словамъ Низовкина, проживавшаго въ 1872 г. на Выборгской сторонѣ, по Астраханской улицѣ, въ домѣ № 38, вмѣстѣ съ товарищами своими по Медико-Хирургической Академіи дворяниномъ Анатоліемъ Сердюковымъ и нѣкіимъ Доводчиковымъ, большою популярностью въ средѣ студенческаго міра пользовался въ то время студентъ Технологическаго Института Лисовскій, посвятившій всю свою жизнь на сближеніе съ рабочими, съ цѣлью распространенія между ними противоправительственныхъ идей и нашедшій себѣ многихъ подражателей. Сближеніе съ рабочими начиналось обыкновенно съ

обученія ихъ грамотѣ, причемъ такое обученіе играло лишь роль благовидной приманки, подъ прикрытіемъ которой внушались рабочимъ революціонныя идеи, какъ словесно, такъ и посредствомъ раздачи преступнаго содержанія книгъ, привозимыхъ изъ-за границы въ числѣ прочихъ и самимъ Лисовскимъ. По примѣру Лисовскаго сблизился съ рабочими и студентъ университета Корнѣевъ, читавшій рабочимъ лекціи по географіи. Посѣтивъ однажды лекцію Корнѣева, Низовкинъ нашелъ таковую крайне неудовлетворительною и предложилъ бывшимъ у Корнѣева рабочимъ собираться въ квартирѣ его, Низовкина, для слушанія лекцій по физіологіи, популярнымъ изложеніемъ которой изъявилъ готовность заниматься Доводчиковъ. Рабочіе согласились и стали посѣщать квартиру Низовкина и лекціи Доводчикова. Присутствовавшіе нѣсколько разъ на этихъ лекціяхъ Лисовскій и Сердюковъ находили ихъ совершенно безполезными для рабочихъ и полагали, что послѣднихъ слѣдуетъ поучать въ духѣ идей рабочаго сословія, а также давать имъ для чтенія хорошія книги. Въ видахъ предоставленія рабочимъ возможности имѣть всегда подъ руками книги, Сердюковъ предложилъ устроить для нихъ библіотеку и, приведя однажды Низовкина въ неизвѣстную ему квартиру, по Владимірской улицѣ, указалъ ему большую кучу растрепанныхъ книгъ и журналовъ, предоставляя сдѣлать изъ нихъ выборъ по усмотрѣнію Низовкина; послѣдній, при содѣйствіи не окончившаго курса наукъ въ Вологодской гимназіи дворянина Михаила Васильева Купріянова, разобралъ книги и привезъ ихъ на свою квартиру. Такимъ образомъ возникла библіотека рабочихъ. Тѣмъ временемъ лекціи Доводчикова продолжались, привлекая рабочихъ съ заводовъ и фабрикъ, расположенныхъ на Выборгской сторонѣ, на Васильевскомъ островѣ и за Невскою заставой. Въ числѣ рабочихъ, посѣщавшихъ квартиру Низовкина, были рабочіе: Викторъ Обнорскій, Степанъ Васильевъ Митрофановъ, Сергѣй Ивановъ Виноградовъ, Алексѣй Ильинъ Козловъ, Алексѣй Васильевъ Графовъ, Филиппъ Яковлевъ Вангесовъ и Дмитрій Николаевъ Смирновъ, къ которымъ въ послѣдствіи присоединился и Алексѣй Васильевъ Лавровъ. Означенные рабочіе интересовались чтеніями Доводчикова, сопровождавшимися опытами, но исключительно научное направленіе лекцій не нравилось Сердюкову, и онъ въ бесѣдахъ съ рабочими доказывалъ послѣднимъ, что существующій соціально-экономическій строй Россіи не совмѣстимъ съ интересами рабочихъ, что этотъ строй крайне вреденъ для Русскаго народа, и что поэтому необходимо во что бы то ни стало, разрушить его путемъ насилія рабочихъ массъ, въ средѣ которыхъ съ этою цѣлью и должна вестись дѣятельная пропаганда. Указывая рабочимъ на необходимость разрушенія существующаго порядка, Сердюковъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ имъ и тотъ новый строй, который долженъ воздвигнуться на развалинахъ стараго порядка, и при этомъ говорилъ и объ общинномъ владѣніи землей, о союзѣ промышленныхъ ассоціацій, и касался даже женскаго вопроса, стараясь внушить рабочимъ цѣлое революціонное міровоззрѣніе. Не довольствуясь своею личною пропагандой, Сердюковъ пригласилъ въ квартиру Низовкина дочь почетнаго гражданина Александру Иванову Корнилову, недавно вернувшуюся изъ-за границы, которая въ сущности говорила рабочимъ то же самое что̀ и Сердюковъ. Разница между пропагандой Сердюкова и Корниловой заключалась лишь въ формѣ изложенія: первый излагалъ предметъ такъ-сказать въ догматической формѣ, т.-е. выставлялъ прежде всего извѣстныя революціонныя положенія и затѣмъ уже пояснялъ ихъ рабочимъ; Корнилова же излагала свою пропаганду въ формѣ разсказовъ о своихъ заграничныхъ путешествіяхъ. Доказывая рабочимъ необходимость соціальной революціи, Корнилова указывала на ихъ западно-европейскихъ товарищей, на революціонные и промышленные союзы послѣднихъ, на ихъ стачки и сходки, причемъ разсказывала, что сама присутствовала въ Вѣнѣ на нѣсколькихъ сходкахъ и показывала фотографическія изображенія нѣкоторыхъ ораторовъ изъ рабочихъ. Посѣщенія рабочими квартиры Низовкина въ скоромъ времени обратили на нее вниманіе лицъ, искавшихъ сближенія съ простымъ народомъ, и въ квартирѣ Низовкина появились Чайковскій и отставной артиллерійскій поручикъ Кравчинскій, съ которыми Низовкинъ познакомился чрезъ Сердюкова. Кравчинскій сталъ приходить довольно часто и бесѣдовалъ съ рабочими, причемъ его бесѣды всегда отличались преступнымъ характеромъ. Кромѣ этихъ лицъ, квартиру Низовкина навѣщали: отставной артиллерійскій поручикъ Дмитрій Михайловъ Рогачевъ, съ которымъ Низовкинъ былъ знакомъ еще въ то время, когда Рогачевъ воспитывался въ Артиллерійскомъ училищѣ; студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванъ Ивановъ Гауэнштейнъ, нѣкто Шлейснеръ и др. Всѣ вышепоименованныя лица, а

также студентъ С.-Петербургскаго университета Дмитрій Клеменсъ и бывшій студентъ Александръ Левашовъ, съ которыми Низовкинъ познакомился въ послѣдствіи, занимались пропагандой въ средѣ рабочихъ; изъ нихъ Чайковскій велъ свою преступную дѣятельность между мастеровыми патроннаго завода на Васильевскомъ островѣ, о чемъ Низовкинъ слышалъ отъ рабочихъ; Шлейснеръ агитировалъ за Невскою заставой, гдѣ Низовкинъ встрѣчалъ какъ его, такъ и Клеменса и Левашева, а Гауэнштейнъ занимался переводомъ на русскій языкъ привезенныхъ изъ-за границы нѣмецкихъ революціонныхъ брошюръ, для распространенія таковыхъ между рабочими. Вышеназванныя личности, пропагандировавшія въ 1872 и въ началѣ 1873 г. въ средѣ петербургскихъ рабочихъ, и составили, по словамъ Низовкина, ядро той партіи, которая сложилась впослѣдствіи благодаря усиліямъ Чайковскаго.

Такое показаніе Низовкина находитъ себѣ подтвержденіе въ объясненіяхъ рабочихъ, посѣщавшихъ лекціи Доводчикова, Митрофанова, Виноградова и др. Изъ показанія Митрофанова видно, что при содѣйствіи Лисовскаго имъ была въ 1872 г. учреждена сапожная артель, которую не рѣдко посѣщалъ Лисовскій, приводившій съ собою и рабочаго Виктора Обнорскаго. Въ началѣ своихъ сношеній съ Митрофановымъ, Лисовскій былъ весьма сдержанъ, но впослѣдствіи, не стѣсняясь, сталъ выражать свое неудовольствіе по поводу образа дѣйствій правительства; Лисовскій ѣздилъ за границу и въ разные провинціальные города Россіи: за границу онъ ѣздилъ для пріобрѣтенія революціонныхъ книгъ, а въ провинцію—для пропаганды. Посѣщая въ 1872 г. лекціи студента Корнѣева, Митрофановъ встрѣтился однажды у послѣдняго съ Низовкинымъ и по его приглашенію сталъ ходить на лекціи Доводчикова, гдѣ видѣлъ Сердюкова и Александру Корнилову, разсказывавшую объ Интернаціоналѣ. Низовкинъ познакомилъ рабочихъ съ Кравчинскимъ, который и сталъ имъ читать лекціи по исторіи, а однажды принесъ съ собою брошюру на иностранномъ языкѣ и разсказывалъ ея содержаніе, а въ послѣдствіи принесъ нѣсколько экземпляровъ этой брошюры на русскомъ языкѣ и роздалъ таковые рабочимъ; брошюра называлась: *Слово вѣрующаго къ народу.*

По словамъ Виноградова, онъ познакомился съ Низовкинымъ чрезъ Обнорскаго, поселился въ послѣдствіи въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Низовкинъ, и слушалъ лекціи Доводчикова и Кравчинскаго, изъ которыхъ послѣдній переводилъ рабочимъ брошюру, отлитографированную затѣмъ на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Слово вѣрующаго къ народу*, и розданную рабочимъ. Виноградовъ встрѣчалъ у Низовкина Лисовскаго и Левашева, зналъ Клеменса, Рогачева и видѣлъ однажды Чайковскаго.

Какъ Митрофановъ, такъ и Виноградовъ подтвердили существованіе библіотеки и удостовѣрили относительно Гауэнштейна обстоятельства, которыя будутъ изложены ниже, свидѣтельствующія о преступной его дѣятельности, а Виноградовъ, кромѣ того, объяснилъ, что познакомился у сестры Купріянова съ Николаемъ Аполлоновымъ Чарушинымъ, студентомъ Технологическаго Института, причемъ присовокупилъ, что Кравчинскій, Клеменсъ, Рогачевъ и Чарушинъ были люди весьма энергичные.

Остальные рабочіе—Козловъ, Графовъ, Вангесовъ и Смирновъ также подтвердили, что Доводчиковъ читалъ имъ лекціи и что существовала библіотека для рабочихъ; нѣкоторые изъ нихъ присутствовали и на лекціяхъ Кравчинскаго, другіе же только слышали о немъ, равно какъ и о нѣкоемъ Синегубѣ, учившемъ рабочихъ явно, не остерегаясь.

Алексѣй Лавровъ, обнаружившій во время производства слѣдствія признаки разстройства умственныхъ способностей, тоже бывалъ, какъ это видно изъ его показанія, на лекціяхъ Доводчикова и Кравчинскаго, зналъ Клеменса и слышалъ о Синегубѣ и Чайковскомъ.

Въ началѣ 1873 г. Чайковскій сплотилъ, по словамъ Низовкина, большинство пропагандировавшихъ между рабочими лицъ въ одну партію и, такимъ образомъ, возникъ первый кружокъ, носившій названіе кружка „чайковцевъ". Число „чайковцевъ" было весьма значительно. Въ составъ кружка, по удостовѣренію Низовкина, вошли слѣдующія лица: Лисовскій, Левашовъ, Сердюковъ, Александра Корнилова, Купріяновъ, Кравчинскій, Рогачевъ, Гауэнштейнъ, Клеменсъ, Чарушинъ, слушательница женскихъ курсовъ при Медико-Хирургической Академіи Анна Дмитріева Кувшинская, студентъ Технологическаго Института Леонидъ Владиміровъ Поповъ, студентъ того же Института Степанъ Васильевъ Мокіевскій-Зубокъ,

отставной артиллерійскій поручикъ Леонидъ Эммануиловъ Шишко, дворянинъ Сергѣй Силовъ Синегубъ, дворянка Софья Львова Перовская и рабочіе: Лавровъ, Обнорскій и Михаилъ Андреевъ Орловъ. Осенью 1873 г. къ кружку „чайковцевъ“ присоединился, по показанію Низовкина, послѣ своего возвращенія изъ-за границы, князь Петръ Алексѣевъ Крапоткинъ, а по словамъ обвиняемаго Моисея Рабиновича, къ тому же кружку принадлежала дочь купца Александра Яковлева Ободовская, нынѣ по мужу Сидорацкая. Сверхъ сего, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла, въ теченіе 1873 г. къ кружку примкнули: дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховскій, сынъ священника Василій Аполлоновъ Стаховскій, студентъ С.-Петербургскаго университета Левъ Александровъ Тихоміровъ, дворянинъ Федоръ Михайловъ Любавской, отставной подпоручикъ Александръ Викторовъ Ярцевъ и крестьянинъ Тверской губ. Леонидъ Давыдовъ Румянцевъ.

Всѣ вышеозначенныя лица, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла, были между собою знакомы. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ прежнимъ политическимъ кружкамъ, или же имѣли съ ними близкія сношенія; такъ: основатель кружка Чайковскій привлекался къ дознанію о кружкѣ Натансона; Ободовская и Перовская, какъ оказывается изъ отобранной у первой переписки, были знакомы съ Натансономъ; Ободовская кромѣ сего привлекалась къ дѣлу Долгушина и за храненіе у себя запрещенныхъ сочиненій была приговорена къ семидневному аресту, а Волховской привлекался къ дѣлу Нечаева, но былъ по суду оправданъ и проживалъ затѣмъ въ гор. Одессѣ.

По словамъ Низовкина, организація кружка „чайковцевъ“ гласила, что между ними нѣтъ ни большихъ, ни меньшихъ, ни начальствующихъ, ни подчиненныхъ, всѣ равнозначущи, всѣ дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга, но опираясь на соединенныя силы всѣхъ членовъ кружка и находя въ нихъ ту матеріальную поддержку, которая необходима для осуществленія задуманныхъ отдѣльными членами предпріятій. Убѣжденные въ томъ, что одна интеллигенція въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ ничего серьознаго сдѣлать не можетъ, „чайковцы“ задумали почерпать свои силы изъ нѣдръ самого народа, для каковой цѣли и стали дѣятельно сближаться съ рабочими или, какъ они выражались, „ходить въ народъ“. Сходясь съ рабочими, „чайковцы“ старались доводить до фанатической ненависти къ существующему порядку недовольство рабочихъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ, обусловленнымъ разными экономическими причинами, и создавать такимъ образомъ революціонныхъ дѣятелей изъ среды самого народа. Когда революціонная партія разовьетъ свои силы и будетъ располагать обширною агентурой, тогда, по плану „чайковцевъ“, должно было вспыхнуть всеобщее возстаніе какъ въ городахъ, такъ и среди сельскаго населенія, причемъ движеніе массъ должно было начаться непремѣнно разомъ, на томъ основаніи что при такомъ образѣ дѣйствій силы правительства будутъ поставлены между многихъ огней. Центрами возстанія должны были служить столицы, гдѣ для дачи быстраго хода напору массъ предполагалось образовать авангарды изъ людей смѣлыхъ и хорошо вооруженныхъ на средства партіи, на обязанности которыхъ, напр., въ Петербургѣ, лежало бы овладѣніе прежде всего артиллерійскими казармами и крѣпостью. Вообще стратегическіе планы для овладѣнія столицами разрабатывались весьма тщательно членами кружка, служившими прежде въ военной службѣ, отъ которыхъ, какъ-то: отъ Кравчинскаго и Рогачева, Низовкинъ между прочимъ, слышалъ, что Москва, съ ея извилистыми улицами и переулками, представляетъ всѣ удобства для борьбы съ войскомъ.

Конечная цѣль указанныхъ Низовкинымъ стремленій и плановъ кружка „чайковцевъ“, состояла въ уничтоженіи государства и замѣнѣ нынѣ существующаго строя народной жизни „анархіей“, что видно изъ показанія, даннаго при дознаніи Ярцевымъ, въ которомъ послѣдній, встрѣчавшійся съ Чайковскимъ, Синегубомъ, Шишко, Кравчинскимъ, Клеменсомъ, Чарушинымъ и многими другими „чайковцами“, объяснилъ, что упомянутыя лица признавали теоретически анархію идеаломъ общественнаго устройства. Ближайшею задачей своей революціонной дѣятельности „чайковцы“ признавали лишь уничтоженіе существующаго порядка вещей посредствомъ революціи, отодвигая на второй планъ вопросъ о формѣ новаго строя жизни, т.-е., иными словами, придерживались ученія Ткачева. Доказательствомъ такого направленія кружка „чайковцевъ“ служитъ составленная однимъ изъ его членовъ, княземъ Крапоткинымъ, записка подъ заглавіемъ: „Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя“, въ коей кн. Крапоткинъ какъ бы установлялъ программу дѣй-

ствій революціонной партіи въ Россіи. Въ означенной запискѣ цѣлымъ рядомъ доводовъ и соображеній доказывается сначала непригодность всѣхъ существующихъ формъ государственной жизни, а разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ будущаго строя общества предоставляется народу. Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ народъ можетъ осуществить свой идеалъ, авторъ записки находитъ, что единственнымъ для сего путемъ представляется насильственный соціальный переворотъ, который не ограничился бы только ниспроверженіемъ государственности, но и уничтожилъ бы весь существующій соціальный и экономическій строй народной жизни; всѣ мирные пути прогресса отвергаются въ запискѣ и признаются даже вредными. Для подготовленія соціальной революціи въ Россіи необходимо, по мнѣнію автора, образовать революціонную организацію, основными положеніями которой должны служить: полнѣйшее равенство всѣхъ ея членовъ, отсутствіе всякаго подчиненія всѣхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, отрицаніе обмана и насилія во взаимныхъ отношеніяхъ для достиженія своихъ цѣлей и въ то же время признаніе обмана и насилія вполнѣ разумными и необходимыми средствами въ отношеніяхъ членовъ организаціи къ правительственной власти и представителямъ капитала. Подготовительная дѣятельность революціонной организаціи должна быть направлена главнымъ образомъ на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ посредствомъ дѣятельной пропаганды своихъ воззрѣній и усиленія неудовольствія противъ правительства. Участіе въ революціонной организаціи учащейся молодежи отвергается запиской. Въ организацію должны быть принимаемы только тѣ представители упомянутой молодежи, которые, бросивъ науку, отправятся въ народъ для пропаганды, отрѣшившись отъ всей своей предыдущей жизни не только въ принципѣ, но и во внѣшней ея формѣ, оставивъ всѣ свои привычки и поставивъ себя вполнѣ въ положеніе рабочаго. Люди изъ народа признаются авторомъ записки наиболѣе надежными и полезными революціонерами. Для подготовленія такихъ дѣятелей агитаторы должны поселиться между крестьянами и вести осѣдлую пропаганду посредствомъ сближенія съ народомъ. Для приведенія въ извѣстность результатовъ пропаганды и выработки дальнѣйшихъ мѣръ, въ запискѣ рекомендуется устройство періодическихъ съѣздовъ агитаторовъ, а затѣмъ авторъ записки обращаетъ особенное вниманіе на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ рабочихъ, которые, возвращаясь на родину, могутъ распространять между крестьянами соціальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ. Кромѣ устной пропаганды, признанной наиболѣе цѣлесообразною, авторъ допускаетъ и пропаганду литературную, въ видахъ которой революціонная организація должна озаботиться изготовленіемъ и распространеніемъ въ народѣ книгъ, въ родѣ разсказовъ о сильныхъ и выдающихся личностяхъ изъ народа, картинъ безвыходности современнаго соціальнаго строя и т. п. Стачки рабочихъ и устройство артелей не одобряются авторомъ, такъ какъ означенныя мѣры въ свою очередь служатъ средствомъ къ скопленію капиталовъ и въ результатѣ оказываютъ вредное вліяніе на народъ. Мѣстныя волненія между рабочими и сопротивленіе властямъ признаются имѣющими для народа „воспитательное" значеніе въ смыслѣ революціонномъ, почему, не совѣтуя агитаторамъ возбуждать подобныя явленія, дабы не отвлекать ими народа отъ стремленія къ достиженію главной цѣли—всеобщаго возстанія во имя кореннаго переворота—авторъ находитъ тѣмъ не менѣе полезнымъ не препятствовать ихъ развитію, если только они вызываются естественнымъ путемъ. Въ заключеніе авторъ опредѣляетъ отношенія русской революціонной организаціи къ международной ассоціаціи рабочихъ и къ русскимъ эмигрантамъ, причемъ, заявляя полное сочувствіе къ дѣятельности секцій федералистовъ и преимущественно ея русскихъ представителей, вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ *полной* солидарности со всѣми партіями эмигрантовъ, признавая что русская народная революціонная партія должна самобытно развиться среди Русскаго народа.

Согласно указаніямъ князя Кропоткина, кружокъ „чайковцевъ" занимался распространеніемъ революціонныхъ сочиненій какъ среди учащейся молодежи, такъ и среди народа. По словамъ Низовкина, упомянутыя сочиненія привозились изъ-за границы или самими членами кружка, или чрезъ посредство контрабандистовъ, причемъ торговля книгами находилась главнымъ образомъ въ рукахъ Чайковскаго, сестеръ Корниловыхъ, Сердюкова и др. Такое показаніе Низовкина подкрѣпляется показаніемъ Рабиновича, по удостовѣренію котораго народныя революціонныя книги, въ родѣ *Сказки о четырехъ братьяхъ* и *Стеньки*

Разина, распространялись преимущественно „чайковцами"; кто именно изъ членовъ кружка завѣдывалъ спеціально ввозомъ изъ-за границы книгъ Рабиновичу неизвѣстно, хотя былъ слухъ, что этимъ занимался Купріяновъ, каковой слухъ, по мнѣнію Рабиновича, находилъ себѣ основаніе въ частыхъ поѣздкахъ Купріянова за границу. Не ограничиваясь ввозомъ въ Россію преступнаго содержанія книгъ, кружокъ Чайковскаго занимался и составленіемъ и изданіемъ таковыхъ; такъ, по показанію Низовкина, онъ слышалъ отъ Клеменса, что большинство революціонныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ *Пѣсенникахъ*, составлены имъ, Клеменсомъ; тѣмъ же Клеменсомъ было передѣлано и приспособлено къ революціоннымъ цѣлямъ сочиненіе Шатріана *Исторія одного французскаго крестьянина* и на средства „чайковцевъ" же были изданы за границей *Стенька Разинъ* и *Емелька Пугачевъ*. Въ этомъ отношеніи показаніе Низовкина подтверждается добытыми дознаніемъ и слѣдствіемъ данными, изъ которыхъ несомнѣнно вытекаетъ, что князь Крапоткинъ принималъ участіе въ составленіи книги *Емелька Пугачевъ*.

Покупка и изданіе революціонныхъ книгъ, а также другія предпріятія, требовали большихъ расходовъ, вслѣдствіе чего „чайковцы" и устроили кассу, которая, по показанію Низовкина, основанному на разсказахъ рабочаго Орлова, пополнялась, во 1-хъ, вкладами болѣе состоятельныхъ членовъ кружка, въ числѣ коихъ находилась и Александра Корнилова; во 2-хъ, сборами отъ устройства всякаго рода лотерей и деньгами, добывавшимися путемъ разныхъ хитростей, которыя придумывались для обиранія довѣрчивыхъ и добрыхъ людей, въ чемъ особенно отличались женщины входившія въ составъ кружка, какъ передавалъ о томъ Низовкину Сердюковъ, и въ 3-хъ, случайными пожертвованіями и барышами отъ продажи революціонныхъ книгъ, торговля которыми велась отнюдь не въ убытокъ. Существованіе кассы кружка „чайковцевъ" подтверждается также показаніями рабочихъ Якова Иванова и Егора Кудряшева. По словамъ Якова Иванова, Чарушинъ и Шишко показывали однажды рабочимъ 500 р. с., говоря что эти деньги собраны ими для кассы; а по удостовѣренію Кудряшева, на одной сходкѣ, происходившей послѣ ареста Чарушина, князь Крапоткинъ, отвѣчая на заявленіе о томъ, что Чарушинъ обѣщалъ заплатить за харчи Кудряшева, объявилъ что такъ какъ теперь кассой завѣдуетъ онъ, Крапоткинъ, то и деньги будутъ выданы имъ. Независимо отъ сего, доказательствомъ существованія кассы „чайковцевъ" служатъ отобранныя у Гауэнштейна при обыскѣ деньги, въ количествѣ 1.110 р. 73 к. с. По показанію Гауэнштейна, изъ числа означенныхъ денегъ 1.100 р. принадлежатъ слушательницѣ женскихъ курсовъ при Медико-Хирургической Академіи Вѣрѣ Иваницкой, поручившей ему не задолго до обыска помѣстить эти деньги въ банкъ; между тѣмъ спрошенная вслѣдствіе сего Иваницкая хотя и показала, что дѣйствительно дала Гауэнштейну въ началѣ 1874 года на сбереженіе деньги безъ всякаго документа, но при этомъ не могла опредѣлить точной суммы переданныхъ Гауэнштейну денегъ. Такое показаніе Иваницкой, въ связи съ другими, обнаруженными по отношенію къ Гауэнштейну обстоятельствами дѣла, приводитъ къ убѣжденію, что вышеупомянутыя деньги принадлежали кассѣ кружка „чайковцевъ".

Сохраняя, по удостовѣренію Низовкина, постоянную связь съ эмигрантами, отъ которыхъ и получались революціонныя сочиненія, кружокъ „чайковцевъ" вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ въ близкія сношенія съ прочими петербургскими кружками, изъ коихъ нѣкоторые, какъ это будетъ изложено ниже, возникли подъ непосредственнымъ его вліяніемъ, а также и внѣ Петербурга имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи сношенія съ лицами, примкнувшими въ послѣдствіи къ дѣлу революціонной пропаганды. Такъ Чарушинъ появлялся въ Москвѣ, въ средѣ студентовъ Петровской Академіи; онъ же и Гауэнштейнъ имѣли въ Казани сношенія со студентомъ тамошняго университета Овчинниковымъ; Ободовская—въ Москвѣ, со студентомъ университета Саблинымъ; Сердюковъ—съ дворяниномъ Иванчинымъ-Писаревымъ, проживавшимъ въ Ярославской губерніи; Корнилова и Перовская—въ Самарской губерніи, съ сельскою учительницей Сахаровою и т. д. Кромѣ сего въ Одессѣ, какъ будетъ изложено ниже, Волховской, и въ Кіевѣ, по словамъ Рабиновича, студенты университета Аксельроде, Левенталь и Лурье находились также въ сношеніяхъ съ кружкомъ „чайковцевъ". Далѣе Ободовская, на связь которой съ кружкомъ Натансона было уже указано выше, вела съ сосланнымъ въ Архангельскую губернію Натансономъ переписку, изъ которой, между прочимъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста въ письмѣ помѣ-

чениомъ 31 января:.....„Самая ссылка вообще меня нисколько какъ-то не занимаетъ, я все думаю о той подготовкѣ, которую я долженъ себѣ дать въ ссылкѣ, подготовку такую, чтобы, куда бы ни забросила меня судьба, я могъ бы высоко держать знамя народнаго дѣла. Я убѣждаюсь.... что всего страшнѣе что полной системы или катехизиса совершенно пока еще нѣтъ у народной партіи, что о народѣ можно пока сказать только — напрасно пророка о тѣни онъ проситъ. Итакъ, задача подготовки выясняется: собрать всѣ отдѣльныя защиты народнаго дѣла, всѣ отрывки, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, въ нѣчто такое, что дало бы партіи отвѣтъ на всѣ вопросы, возникающіе у личности.... Просьба: всѣми силами старайся чтобы друзья не разбрелись... Передай отъ меня поклонъ.... и Перовской". Наконецъ, въ концѣ 1873 года Порфирій Войноральскій, какъ видно изъ его собственнаго показанія, былъ уже знакомъ съ нѣкоторыми представителями кружка „чайковцевъ", какъ-то: съ Кравчинскимъ и Рогачевымъ.

Тотчасъ послѣ своего возникновенія, кружокъ „чайковцевъ" приступилъ къ осуществленію своихъ преступныхъ замысловъ и притомъ преимущественно въ Петербургѣ. Къ лѣту 1873 года многіе изъ его членовъ уѣхали изъ столицы, оставшіеся же въ Петербургѣ единомышленники ихъ ревностно занялись дѣломъ революціонной пропаганды. Рогачевъ, какъ видно изъ показанія обвиняемаго крестьянина Григорія Щеглова, поступилъ простымъ рабочимъ на заводъ Путилова; Кравчинскій, продолжавшій вплоть до весны чтеніе своихъ лекцій по исторіи, сводившихся въ сущности, по словамъ Низовкина, къ разсказамъ о бунтахъ Разина и Пугачева, превозносимыхъ имъ до небесъ, поселился въ началѣ лѣта вмѣстѣ съ Клеменсомъ около Кушовея, въ мѣстности извѣстной подъ названіемъ „Клочки", въ квартирѣ рабочаго Орлова, что также удостовѣряется показаніемъ Щеглова, одно время проживавшаго въ одной квартирѣ съ Орловымъ и другимъ рабочимъ, Игнатіемъ Бачинымъ. Проживъ съ недѣлю вмѣстѣ съ Кравчинскимъ и Клеменсомъ, Орловъ переѣхалъ на другую квартиру и поселился за Невскою заставой, а Кравчинскій и Клеменсъ, оставаясь въ Клочкахъ, продолжали свои занятія съ рабочими, приводимыми къ нимъ, уже вполнѣ усвоившими себѣ революціонное направленіе — Обнорскимъ Орловымъ и др. Пребываніе Кравчинскаго и Клеменса въ Клочкахъ подтверждается: во 1-хъ, показаніемъ Синегуба, изъ котораго видно что, поселившись лѣтомъ 1873 года въ Клочкахъ, онъ засталъ уже тамъ Кравчинскаго; во 2-хъ, показаніемъ Орлова, признавшаго что онъ жилъ нѣкоторое время въ Клочкахъ у Клеменса, и въ 3-хъ, показаніями рабочихъ Смирнова и Щеглова. По словамъ Смирнова, онъ былъ однажды въ Клочкахъ съ Обнорскимъ и слушалъ лекцію Кравчинскаго о политической экономіи; изъ показанія же Щеглова оказывается, что онъ отправился въ Клочки вмѣстѣ съ Орловымъ, по приглашенію послѣдняго, который и представилъ его двумъ лицамъ, оказавшимся Кравчинскимъ и Клеменсомъ, о знакомствѣ съ которыми Орловъ совѣтовалъ ему „не очень болтать". Щегловъ посѣщалъ Кравчинскаго и Клеменса нѣсколько разъ и присутствовалъ на ихъ лекціяхъ, на одной изъ которыхъ Клеменсъ доказывалъ, что монахи—дармоѣды и что Господь Богъ не можетъ обучать рабочихъ французскому языку, а онъ, Клеменсъ, можетъ. Какъ Клеменсъ, такъ и Кравчинскій, посѣщали, по словамъ Щеглова, общую его съ Орловымъ квартиру и приносили послѣднему книги; ту же квартиру, по удостовѣренію рабочаго Бачина, посѣщали Обнорскій и Виноградовъ, а чрезъ Орлова онъ, Бачинъ, познакомился съ Клеменсомъ, который въ свою очередь познакомилъ его съ Синегубомъ, у послѣдняго же онъ встрѣчался съ Рогачевымъ и Кравчинскимъ.

Усвоивъ себѣ ученіе Кравчинскаго и Клеменса, Орловъ, по показанію Щеглова, отказался отъ мѣста на заводѣ, на которомъ до того времени работалъ, и предавшись окончательно дѣлу революціонной пропаганды, сталъ жить, по словамъ Низовкина, на средства кружка „чайковцевъ". Послѣдніе, по удостовѣренію того же Низовкина, возлагали большія надежды на Орлова и считали его будущимъ сельскимъ учителемъ-революціонеромъ, вслѣдствіе чего Кравчинскій и Клеменсъ возили его даже, какъ о томъ передавалъ Низовкину самъ Орловъ, въ Финляндію, къ Флеровскому (Берви). Вообще отношенія Орлова къ главнымъ дѣятелямъ кружка „чайковцевъ" были настолько близки, что онъ даже былъ на „ты" съ Кропоткинымъ, какъ это удостовѣрилъ въ своемъ показаніи рабочій Митрофановъ. Желая оправдать довѣріе своихъ патроновъ, Орловъ знакомилъ ихъ съ рабочими, какъ-то, Щегловымъ, Бачинымъ и др., и для болѣе успѣшнаго распространенія револю-

ціонныхъ идей между своими товарищами принялъ на себя завѣдываніе библіотекой рабочихъ. По собственному показанію Орлова, у него находились на храненіи книги рабочихъ, которыя онъ и раздавалъ для чтенія. Нахожденіе библіотеки въ завѣдываніи Орлова подтверждается и показаніемъ Щеглова, по словамъ котораго Орловъ больше занимался раздачей книгъ, добывая ихъ у своихъ знакомыхъ и имѣя у себя складъ книгъ, въ числѣ коихъ Щегловъ видѣлъ два экземпляра *Гражданской войны во Франціи*, *Отщепенцевъ*, *Стеньку Разина* и нѣсколько экземпляровъ *Исторіи одного французскаго крестьянина*. Хотя Щегловъ въ послѣдствіи эту часть своего показанія измѣнилъ, объяснивъ, что у Орлова онъ запрещенныхъ книгъ не видѣлъ, но достовѣрность первоначальнаго его показанія подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что у рабочаго Василія Тимоѳеева, которому Орловъ, по собственному его показанію, передалъ въ послѣдствіи книги, была найдена записная книжка, въ которой въ числѣ другихъ книгъ записаны *Гражданская война во Франціи* и *Отщепенцы;* передача Орловымъ книгъ Тимоѳееву подтверждается и показаніемъ Щеглова.

Независимо отъ сего, изъ показанія самого Орлова оказывается, что у него былъ второй томъ сочиненій Лассаля, который, по его же словамъ, былъ имъ переданъ для переписки нѣкоему Августину Блюммеру, а по удостовѣренію Виноградова, переписанный Блюммеромъ 2-й томъ Лассаля былъ при немъ, Виноградовѣ, переданъ Митрофанову, передавшему его въ свою очередь Гауэнштейну. Такое показаніе Виноградова вполнѣ подтверждается Митрофановымъ, по объясненію котораго Блюммеръ, придя однажды къ Низовкину, объявилъ, въ присутствіи его, Митрофанова, что 2-й томъ Лассаля имъ переписанъ, но что онъ не знаетъ съ кого получить деньги; вслѣдствіе чего Митрофановъ, слышавшій отъ Виноградова, что Лассаль былъ данъ для переписки Орловымъ по порученію „чайковцевъ", отнесъ рукопись къ Гауэнштейну, а полученныя отъ него деньги передалъ Блюммеру.

Несмотря на всѣ вышеизложенныя собранныя противъ него улики, Орловъ виновнымъ себя не призналъ.

Въ началѣ лѣта 1873 г. кружокъ „чайковцевъ" увеличился поступленіемъ въ число членовъ дворянина Ѳедора Любавскаго, причемъ обнаружились и сношенія съ „чайковцами" проживавшаго въ Одессѣ Волховскаго. Любавскій, не окончившій курсъ наукъ въ гимназіи, при дознаніи показалъ, что въ мартѣ 1873 г. онъ отправился изъ Москвы на Кавказъ черезъ Одессу. Въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ зашелъ къ своей старой знакомой Антоновой, вышедшей замужъ за Волховскаго, съ которымъ и познакомился, и который въ разговорѣ сталъ доказывать, что мирный прогрессъ представляется слишкомъ медленнымъ и что по его мнѣнію слѣдуетъ заняться изданіемъ книгъ, которыя бы разъясняли причину дурного положенія народа, а также и способы улучшить такое положеніе, причемъ сообщилъ, что съ мѣсяцъ тому назадъ образовались уже кружки лицъ, занявшихся, съ цѣлью поднятія уровня народнаго развитія, распространеніемъ издаваемыхъ за границей книгъ соціальнаго направленія. Волховской совѣтовалъ и ему, Любавскому, примкнуть къ ихъ кружку, поселиться въ деревнѣ и распространять книги, и при этомъ вручилъ Любавскому програму журнала *Впередъ*. Получивъ отъ Любавскаго согласіе содѣйствовать денежными средствами изданію книгъ, Волховской снабдилъ его письмомъ къ нѣкоему Грибоѣдову (студенту Медико-Хирургической Академіи) въ Петербургѣ, черезъ котораго онъ могъ бы познакомиться съ книгами, въ изданіи которыхъ предполагалъ принять участіе. Прибывъ въ апрѣлѣ въ Петербургъ, Любавскій, по его словамъ, отыскалъ Грибоѣдова и черезъ него познакомился съ Бѣляевымъ, оказавшимся Чайковскимъ, у котораго встрѣтилъ и Чарушина. Чайковскій передалъ Любавскому нѣсколько экземпляровъ *Стеньки Разина* и *Пѣсенникъ*, а также *Программу рабочихъ* Лассаля, причемъ разговоръ зашелъ о кружкѣ; но Чайковскій былъ весьма сдержанъ съ Любавскимъ „какъ съ новичкомъ". Получивъ отъ Чайковскаго два письма: одно въ Москву, къ студенту Московскаго университета (по медицинскому факультету) Льву Александрову Тихомірову, а другое въ Самару, къ Сердюкову, Любавскій уѣхалъ въ Москву, гдѣ и познакомился съ Тихоміровымъ, который однажды, въ присутствіи знакомаго Любавскаго, студента университета Богданова, прочелъ имъ стихотвореніе *Аркадскій принцъ* и списалъ даже съ него копію для Богданова. Отъ Тихомірова Любавскій получилъ и шифръ для переписки, по слѣдующему

поводу: въ письмѣ Волховскаго къ Грибоѣдову были шифрованныя мѣста: упомянувъ въ разговорѣ объ означенномъ письмѣ и шифрѣ, Любавскій обратился къ Тихоміpову съ просьбой—показать употребляемый ими шифръ, что Тихоміровъ и исполнилъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Москвѣ, Любавскій поѣхалъ въ Самару и по дорогѣ заѣхалъ въ Саратовъ, къ своему знакомому Мосолову, который, выслушавъ его разсказъ о распространеніи книгъ, сталъ отговаривать его отъ участія въ этомъ дѣлѣ, причемъ высказалъ, что онъ когда-то самъ увлекался подобными вещами, но что въ послѣдствіи убѣдился, что стоящія во главѣ кружковъ лица часто дѣйствуютъ изъ личныхъ корыстныхъ цѣлей. Въ Самарѣ Любавскій отыскалъ Сердюкова и передалъ ему какъ письмо Чайковскаго, такъ и около 10 экземпляровъ *Стеньки Разина*, полученныхъ въ С.-Петербургѣ, причемъ изъ разговора съ Сердюковымъ убѣдился, что послѣдній посвященъ въ дѣло изданія книгъ. Проживъ нѣкоторое время въ Самарской губерніи, Любавскій вернулся въ Москву, гдѣ пробылъ до конца іюня; въ этотъ періодъ времени онъ видѣлся нѣсколько разъ съ Тихоміровымъ, которому сообщилъ что деньги на изданіе книгъ еще не готовы, и однажды встрѣтился у Тихомірова съ Чайковскимъ и Чарушинымъ. Въ концѣ іюня Любавскій отправился въ Петербургъ, явился къ Чайковскому, но не засталъ его дома и поручилъ какой-то барынѣ, проживавшей у Чайковскаго, передать послѣднему, что деньги имъ, Любавскимъ, еще не собраны. Къ вышеизложенному показанію Любавскій присовокупилъ, что имѣлъ намѣреніе пожертвовать на изданіе книгъ нѣсколько тысячъ рублей, разсчитывая выручить деньги черезъ залогъ своего имѣнія, что полученный отъ Чайковскаго *Пѣсенникъ* былъ имъ переданъ Богданову, и что Волховской, насколько онъ, Любавскій, могъ заключить изъ его словъ, не былъ вполнѣ согласенъ съ безусловною необходимостью революціи, а желалъ главнымъ образомъ поднять умственный уровень народа, дабы онъ могъ ясно сознавать свои права.

Любавскій былъ задержанъ въ Москвѣ, въ концѣ сентября, причемъ у него было найдено, между прочимъ, нѣсколько народныхъ книгъ и шифръ; по обыску у Тихомірова, произведенному въ началѣ октября, былъ отобранъ литографированный экземпляръ *Отщепенцевъ*, самъ же Тихоміровъ оказался выбывшимъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ задержанъ въ послѣдствіи въ квартирѣ Синегуба.

При слѣдствіи Любавскій, подтверждая свое знакомство съ Волховскимъ, Чайковскимъ, Чарушинымъ, Сердюковымъ и Тихоміровымъ, а также полученіе отъ Чайковскаго *Стеньки Разина* и *Пѣсенника*, во всемъ остальномъ отвергъ свое показаніе данное при дознаніи и объяснилъ, что *Пѣсенникъ* былъ у него взятъ самимъ Богдановымъ и что онъ обѣщалъ Чайковскому деньги на изданіе народныхъ книгъ въ родѣ *Двухъ генераловъ* Щедрина и разсказовъ Наумова.

Любавскій виновнымъ себя не призналъ.

Между тѣмъ, первоначальное показаніе Любавскаго находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи студента Ивана Александрова Богданова. По словамъ послѣдняго, Любавскій передалъ ему програму журнала *Впередъ* и объяснилъ, что существуетъ Общество Распространенія Книгъ съ цѣлью подготовленія мирнаго соціальнаго переворота, органомъ таковаго Общества и служитъ журналъ *Впередъ*, причемъ предложилъ Богданову быть корреспондентомъ означеннаго журнала; далѣе Любавскій сообщилъ, что въ Петербургѣ только отдѣленіе вышеупомянутаго Общества, что руководители его находятся въ Женевѣ; что проживающій въ Одессѣ, привлекавшійся къ дѣлу Нечаева, Волховской состоитъ членомъ Общества; что онъ, Любавскій, ведетъ переписку съ Волховскимъ; что распространители книгъ должны составить по всей Россіи кружки, такъ чтобы кто нибудь одинъ, получая книги прямо отъ Общества, раздавалъ ихъ другимъ членамъ Общества для распространенія; что Тихоміровъ состоитъ чѣмъ-то въ родѣ коммиссіонера по распространенію запрещенныхъ изданій, и что онъ, Любавскій, хочетъ заложить свое имѣніе и часть полученныхъ денегъ передать кому-то, на предметъ изданія книгъ. Кромѣ сего изъ показанія Богданова видно, что онъ познакомился черезъ Любавскаго съ Тихоміровымъ, видѣлъ на квартирѣ у послѣдняго нѣсколько экземпляровъ *Пѣсенника* и *Стеньки Разина*, а также народныя книги, что Тихоміровъ передалъ ему и Любавскому рукописное стихотвореніе *Аркадскій Принцъ* и что отъ Любавскаго онъ получилъ *Стеньку Разина* и *Пѣсенникъ*.

Тихоміровъ, признавая свое знакомство съ Любавскимъ и Богдановымъ, а также возможность передачи Любавскому *Аркадскаго Принца*, во всемъ остальномъ отвергъ показанія Богданова и Любавскаго, равно какъ и свое знакомство съ Чайковскимъ и Чарушинымъ.

Волховской, оставшійся неразысканнымъ во время производства дознанія по дѣлу Любавскаго и задержанный впослѣдствіи по поводу павшихъ на него новыхъ обвиненій, отказался при слѣдствіи дать какія бы то ни было объясненія.

Дѣло Любавскаго, по которому дознаніе производилось отдѣльно отъ настоящаго дѣла, прекращено въ отношеніи Тихомірова, и относящіяся до послѣдняго обстоятельства приведены лишь въ виду ихъ тѣсной связи съ преступною дѣятельностью Любавскаго.

Лѣтомъ того же 1873 года произошло и сближеніе Ярцева съ кружкомъ „чайковцевъ". Ярцевъ, проживая въ своемъ имѣніи, селѣ Андрюшинѣ, Новоторжскаго уѣзда, познакомился въ Торжкѣ съ некончившимъ курса наукъ въ Технологическомъ Институтѣ оберъ-офицерскимъ сыномъ Леонидомъ Владиміровымъ Поповымъ, что подтверждается какъ показаніемъ Попова, такъ и показаніемъ Ярцева. Поводомъ къ такому знакомству послужило то обстоятельство, что Леонидъ Поповъ, занимавшій съ начала 1873 года должность учителя въ Новоторжской городской народной школѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ библіотекаремъ въ частной библіотекѣ Львовой, въ числѣ абонентовъ которой находился и Ярцевъ. Въ концѣ мая, какъ видно изъ показанія Попова, даннаго при дознаніи, поступилъ въ библіотеку, въ качествѣ помощника библіотекаря, крестьянинъ Леонидъ Давыдовъ Румянцевъ, который, послѣ отъѣзда Попова въ началѣ іюня въ Петербургъ, занялъ мѣсто библіотекаря и также познакомился съ Ярцевымъ. Посѣщая довольно часто Петербургъ, гдѣ проживала его мать, Ярцевъ, по его собственному показанію, въ одно изъ такихъ посѣщеній лѣтомъ 1873 года встрѣтился съ Поповымъ, которому, между прочимъ, въ разговорѣ высказалъ желаніе имѣть помощникомъ по хозяйству кого-либо изъ образованныхъ людей, вслѣдствіе чего въ іюлѣ явился къ нему въ Андрюшино Кравчинскій, а затѣмъ и Чайковскій. Доказательствомъ того, что Кравчинскій былъ присланъ къ Ярцеву Леонидомъ Павловымъ, служитъ показаніе Румянцева, изъ коего оказывается, что Кравчинскій, явившись къ нему въ Торжкѣ, объявилъ что онъ знакомъ съ Поповымъ, который, не зная точнаго адреса Ярцева, предложилъ ему обратиться за таковымъ къ Румянцеву. По словамъ Ярцева, у него бывали съ Кравчинскимъ бесѣды о необходимости распространенія образованія въ народѣ, въ видахъ содѣйствія чему было даже предложено устроить въ селѣ Андрюшинѣ типографію, которая должна была помѣщаться въ подвалѣ, гдѣ складывался картофель. При дознаніи Ярцевъ объяснилъ что для вышеуказанной цѣли онъ и Кравчинскій вырыли собственноручно въ подвалѣ яму. При слѣдствіи же Ярцевъ измѣнилъ свое показаніе, утверждая, что яма существовала съ давняго времени; существованіе означенной ямы подтверждается и актомъ осмотра. Около того же времени Ярцевъ познакомился и съ Ободовскою, прибывшею въ Торжокъ на учительскій съѣздъ, на который однако она не была допущена, и поселившеюся, по показанію Румянцева, въ одномъ съ нимъ домѣ, вслѣдствіе чего между ними также завязалось знакомство. По словамъ Ярцева, Ободовская тоже проживала нѣкоторое время въ Андрюшинѣ, что подтверждается и показаніемъ одного андрюшинскаго крестьянина, объяснившаго что Ободовская пробыла у Ярцева лишь нѣсколько дней. Въ августѣ Ярцевъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ онъ показалъ при дознаніи, разыскалъ Ободовскую, отъ которой узналъ адресъ Попова, а затѣмъ чрезъ Попова познакомился съ Леонидомъ Шишко, а чрезъ Кравчинскаго съ Синегубомъ. При слѣдствіи Ярцевъ измѣнилъ свое показаніе и объяснилъ, что онъ познакомился съ Шишко чрезъ Кравчинскаго, а съ Синегубомъ чрезъ Шишко. Посѣщая Синегуба, Ярцевъ, по его словамъ, читалъ у него журналъ *Впередъ* и завелъ новыя знакомства, а именно съ Тихоміровымъ и Стаховскимъ. Относительно дальнѣйшей своей дѣятельности въ Петербургѣ и всего того, что происходило въ кружкѣ его новыхъ знакомыхъ, Ярцевъ далъ при слѣдствіи показаніе, вполнѣ противорѣчащее тому что онъ показалъ при дознаніи. Такъ, при слѣдствіи Ярцевъ объяснилъ, что о существованіи общества, имѣющаго цѣлью распространеніе противуправительственныхъ идей, онъ у Синегуба ничего не слышалъ, и что былъ только разговоръ о распространеніи въ народѣ книгъ съ цѣлью образованія народа; между тѣмъ при дознаніи Ярцевъ удостовѣрилъ что, посѣщая Синегуба и Шишко, онъ встрѣчалъ у нихъ Чай-

ковскаго, Клеменса, Чарушина, Левашева, Корнилову, Кувшинскую, Купріянова, Перовскую, Рогачева, Богомолова, Орлова, Лаврова и др., которыхъ онъ назвалъ „членами петербургскаго кружка“. Изъ знакомства съ означенными лицами онъ, Ярцевъ, вынесъ то убѣжденіе, что всѣ они держались одного направленія и стремились къ одной цѣли, а именно, къ пересозданію существующихъ нынѣ экономическаго и государственнаго порядковъ и замѣнѣ таковыхъ „анархіей“. Каждому члену кружка вмѣнялось въ обязанность развивать въ рабочихъ критическое отношеніе къ существующимъ порядкамъ, съ тѣмъ, чтобы рабочіе впослѣдствіи сами могли обучать другихъ въ томъ же направленіи. Кромѣ тенденціозныхъ книгъ, Ярцевъ видѣлъ въ квартирѣ Шишко прокламацію *Къ русскимъ революціонерамъ*, у Синегуба же читалъ журналъ *Впередъ* и *Слово вѣрующаго къ народу*. Далѣе, при слѣдствіи Ярцевъ показалъ что однажды, придя къ Синегубу, онъ въ разговорѣ высказалъ, что у него есть знакомая артель каменщиковъ, въ которой работаютъ многіе изъ андрюшинскихъ крестьянъ, и что ему нужно передать нѣкоторымъ изъ нихъ письма, полученныя на ихъ имя съ родины, вслѣдствіе чего Синегубъ и Стаховскій отправились вмѣстѣ съ нимъ къ каменщикамъ, но что ему неизвѣстно, говорилъ ли съ послѣдними Синегубъ; изъ объясненій же данныхъ Ярцевымъ при дознаніи оказывается, что его преступныя дѣйствія были совершены подъ вліяніемъ кружка лицъ, съ которыми онъ въ послѣднее время сошелся и что подъ впечатлѣніемъ ихъ ученій онъ познакомилъ Синегуба и Стаховскаго съ каменщиками; наконецъ, при слѣдствіи, Ярцевъ утверждалъ, что никакихъ запрещенныхъ сочиненій Румянцеву не передавалъ и что ему неизвѣстно какимъ образомъ оказалось у послѣдняго писанное рукой его, Ярцева, стихотвореніе *Барка*, которое онъ написалъ подъ чью-то диктовку, между тѣмъ какъ при дознаніи онъ показалъ, что стихотвореніе *Барка*, а также списокъ народныхъ книгъ съ объясненіемъ каждой изъ нихъ были имъ написаны на квартирѣ Шишко, при участіи Чарушина, Попова и Тихоміірова.

Первоначальныя показанія Ярцева находятъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ обстоятельствахъ дѣла:

По словамъ обвиняемаго Михаила Орлова, послѣдній познакомился съ Ярцевымъ въ квартирѣ Синегуба и встрѣчалъ у Ярцева Чарушина.

Изъ показанія обвиняемаго Стаховскаго оказывается, во 1-хъ, что въ квартирѣ Синегуба кромѣ Ярцева бывали Рогачевъ, Кравчинскій, Перовская, Тихоміровъ и другія лица, и во 2-хъ, что Синегубъ, въ присутствіи Ярцева, Рогачева, Тихомірова, Перовской и еще какихъ-то женщинъ, читалъ журналъ *Впередъ*, послѣ чего происходили разговоры, разумѣется противозаконнаго свойства, какъ выразился Стаховскій, потому что и самъ журналъ былъ революціонный.

Въ показаніяхъ данныхъ при дознаніи, Левъ Тихоміровъ объяснилъ, что однажды въ квартирѣ Синегуба, послѣ чтенія журнала *Впередъ*, былъ разговоръ объ „анархіи“.

По признанію самого Синегуба, онъ былъ знакомъ съ Шишко и Чайковскимъ, съ послѣднимъ съ 1871 года.

Показаніями нѣсколькихъ крестьянъ бывшихъ въ артели каменщиковъ удостовѣрено, что Ярцевъ съ двумя неизвѣстными товарищами два раза приходилъ въ артель, причемъ какъ Ярцевъ, такъ и его товарищи читали рабочимъ какія-то сказки, въ томъ числѣ и про Илью Муромца.

При предъявленіи Ярцеву, во время производства дознанія, рабочаго Алексѣя Васильева Лаврова, Ярцевъ объяснилъ, что Лавровъ есть то самое лицо, о которомъ онъ говорилъ въ своемъ показаніи.

Кромѣ сего, подтвержденіемъ показаній, данныхъ Ярцевымъ при дознаніи, служитъ записка Леонида Попова къ сестрамъ Корниловымъ, содержаніе каковой записки будетъ приведено ниже.

Въ октябрѣ Ярцевъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Андрюшино съ цѣлью продать свою землю крестьянамъ.

Во время пребыванія Ярцева въ Петербургѣ, Синегубъ проживалъ за Невскою заставой, въ Смоленской слободѣ, въ домѣ № 33, куда онъ переселился въ сентябрѣ 1873 г.; въ томъ же мѣсяцѣ у него поселился товарищъ его по гимназіи и Технологическому Институту—Стаховскій, который затѣмъ въ октябрѣ нанялъ себѣ отдѣльную квартиру недалеко отъ Синегуба, въ домѣ, помѣщавшемся противъ трактира „Рожокъ“, въ сентябрѣ же прі-

ѣхалъ изъ Москвы Левъ Тихоміровъ, который сталъ часто посѣщать Синегуба и, по его собственнымъ словамъ, около мѣсяца жилъ даже въ квартирѣ послѣдняго; наконецъ, въ октябрѣ, какъ видно изъ показаній Стаховскаго и Синегуба, Софья Перовская вмѣстѣ съ Рогачевымъ поселились рядомъ съ Синегубомъ, гдѣ и прожили около недѣли, что признано и самою Перовскою.

Такимъ образомъ, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ за Невскою заставой проживало нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ къ кружку „чайковцевъ"; появленіе означенныхъ лицъ въ такой отдаленной, по преимущественно населенной рабочими мѣстности, имѣло, очевидно, характеръ не случайный, а находилось въ связи съ преступными цѣлями, преслѣдуемыми кружкомъ, и дѣйствительно, всѣ вышеназванныя лица, какъ было обнаружено впослѣдствіи, поселились за Невскою заставой единственно въ видахъ болѣе удобнаго сближенія съ рабочими. Квартиры Синегуба и Стаховскаго сдѣлались центрами революціонной пропаганды. Собирая у себя рабочихъ, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, какъ Синегубъ, такъ и Стаховскій читали рабочимъ возмутительнаго содержанія книги и, комментируя прочитанное, старались внушать своимъ слушателямъ революціонныя идеи. Такая дѣятельность Синегуба и Стаховскаго сдѣлалась извѣстною правительству въ началѣ ноября 1873 г., и 11-го числа того же мѣсяца были произведены обыски какъ у поименованныхъ лицъ, такъ и у рабочихъ, посѣщавшихъ ихъ лекціи.

По обыску у рабочаго Степана Зарубаева, проживавшаго въ Смоленской слободѣ, въ домѣ № 80, вмѣстѣ съ другими рабочими, посѣщавшими Синегуба, было найдено между прочимъ 9 экз. *Степныхъ очерковъ* и рукописное стихотвореніе *Илья Муромецъ*.

Въ квартирѣ другихъ рабочихъ, жившихъ въ домѣ № 82 и также обучавшихся у Синегуба, были найдены книги и тетради не преступнаго содержанія, а у одного рабочаго — Ивана Гришина, въ карманѣ оказались возмутительнаго содержанія стихотворенія: *Барка, Народъ и Царь и Дума Ткача*.

При обыскѣ у Синегуба найдено: рукописное воззваніе *Гей, работники, несите топоры, ножи съ собою*, *Къ рабочему народу*, *Стенька Разинъ* и несомнѣнно писанный кѣмъ-либо изъ рабочихъ призывъ *Къ избіенію проклятаго племени чиновниковъ и собственниковъ, чтобы добыть свободу и подѣлить землю*. Во время производства обыска у Синегуба, въ квартирѣ послѣдняго находились и были задержаны: рабочій Филиппъ Заозерскій и Левъ Тихоміровъ, назвавшійся Тигровичемъ.

По обыску у Стаховскаго отобрана записная книжка съ выписками изъ сочиненій Миртова (Лаврова), Лассаля и Флеровскаго.

Отобранныя у Синегуба рукописныя воззванія и стихотвореніе оказались писанными рукой Синегуба, равно какъ и стихотворенія, найденныя у Гришина, а стихотвореніе *Илья Муромецъ*, взятое у Зарубаева—рукой Стаховскаго.

По показанію Зарубаева, найденныя у него книги были принесены къ нему наканунѣ обыска отъ Синегуба однимъ изъ рабочихъ, а по удостовѣренію Заозерскаго, стихотвореніе *Барка* и др. были даны ему для прочтенія Синегубомъ, а имъ, Заозерскимъ, переданы Гришину.

Характеръ занятій Синегуба съ рабочими вполнѣ выясненъ рядомъ показаній обучавшихся у него лицъ. По словамъ послѣднихъ, Синегубъ читалъ имъ *Дѣдушку Егора*, *Матвѣху* и другія народныя книги, а также *Илью Муромца* и *Стеньку Разина*, причемъ называлъ Илью и Разина героями и освободителями народа отъ баръ, которые, по его мнѣнію, притѣсняютъ бѣдныхъ и живутъ на счетъ народа, обремененнаго податями и рекрутчиной; доказывалъ необходимость отнятія земли у баръ и раздѣла ея между всѣми поровну, и пѣлъ преступнаго содержанія пѣсни, какъ-то *Барку* и др. Кромѣ сего, изъ показаній тѣхъ же рабочихъ видно, что Синегубъ давалъ имъ деньги для найма квартиры и подарилъ имъ мебель, которую, какъ оказывается изъ показанія Синегуба, оставили ему Перовская и Рогачевъ. Давая рабочимъ деньги, Синегубъ, по удостовѣренію одного свидѣтеля, говорилъ, что у него деньги тоже крестьянскія, такъ какъ онъ получаетъ ихъ отъ своего отца, такого же „міроѣда" какъ и другіе, почему и считаетъ нужнымъ тратить ихъ на пользу крестьянъ.

Вышеизложенныя показанія рабочихъ находятъ себѣ подтвержденіе въ показаніи крестьянина Михаила Кошкарева, проживавшаго рядомъ съ квартирой нѣкоторыхъ рабочихъ,

обучавшихся у Синегуба. По словамъ Кошкарева, онъ видѣлъ Синегуба приходившаго нанимать квартиру для рабочихъ, вскорѣ послѣ переѣзда которыхъ слышалъ разговоръ ихъ съ Синегубомъ, доказывавшимъ, что до Рождества Христова не было податей, которыхъ и теперь платить не слѣдуетъ; кромѣ сего, Кошкаревъ слышалъ однажды въ квартирѣ рабочихъ пѣніе: пѣли—*Барку* и *Волюшку*.

Помощникомъ Синегуба въ его занятіяхъ съ рабочими былъ Левъ Тихоміровъ, что признано и самимъ Тихоміровымъ, который отвергъ лишь преступный характеръ своихъ сношеній съ рабочими. Между тѣмъ, изъ показаній Синегуба видно, что онъ считалъ Тихоміpова за человѣка, могущаго стать въ его, Синегуба, ряды; а по удостовѣренію Стаховскаго, Тихоміровъ принадлежалъ къ числу лицъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ. Независимо отъ сего, изъ показанія одного рабочаго, оказывается, что Тихоміровъ присутствовалъ въ квартирѣ Синегуба при пѣніи пѣсни *Барка*, а по словамъ проживавшаго вмѣстѣ со Стаховскимъ студента Медико-Хирургической Академіи Константина Борисевича, Тихоміровъ въ занятіяхъ своихъ съ рабочими преслѣдовалъ ту же цѣль что и Синегубъ и Стаховскій.

Стаховскій былъ совершенно солидаренъ съ Синегубомъ и, собирая въ своей квартирѣ рабочихъ, внушалъ имъ тѣ же революціонныя идеи, которыя составляли суть ученія Синегуба. Изъ показаній обучавшихся у Стаховскаго рабочихъ видно, что Стаховскій читалъ имъ *Стеньку Разина*, называлъ его освободителемъ и защитникомъ крестьянъ, которые работаютъ много, а живутъ бѣдно, платя оброкъ на господъ и чиновниковъ; указывалъ на Америку, гдѣ народъ живетъ безъ царя, говорилъ о чрезмѣрныхъ, по его мнѣнію, расходахъ на Императорскій дворъ и на правительство; внушалъ, что всѣ должны быть равны, что добиться всеобщаго равенства одному человѣку нельзя, но что достигнуть этого можно, если соберется много людей, и т. д.

Показанія рабочихъ подтверждаются показаніемъ Борисевича, по удостовѣренію котораго Стаховскій, равно какъ и Синегубъ и Тихоміровъ, имѣли цѣлью уяснить рабочимъ недостатки нынѣ существующаго порядка вещей и указать имъ на лучшій порядокъ, при которомъ народъ управлялся бы самъ собою, улучшилъ бы свое экономическое положеніе и достигъ бы того, что не было бы ни богатыхъ ни бѣдныхъ, а всѣ были бы равны. По словамъ Борисевича, Стаховскій читалъ рабочимъ книги и, поясняя прочитанное, указывалъ на то, что капиталъ есть ни что иное, какъ удержанная плата слѣдующая рабочимъ, доказывалъ непроизводительное расходованіе государственныхъ доходовъ и разсказывалъ, что въ древности Русскій народъ управлялся самъ собою, выбиралъ князей и назначалъ надъ ними судъ. При дознаніи Борисевичъ, описывая подробнѣе характеръ занятій Стаховскаго съ рабочими, пояснилъ, что Стаховскій доказывалъ необходимость измѣненія существующаго порядка, совѣтовалъ рабочимъ заявлять о своихъ требованіяхъ сообща и дѣйствовать противъ хозяевъ, и вообще старался развить въ рабочихъ недовольство существующимъ порядкомъ и заставить ихъ стремиться къ измѣненію таковаго.

Изъ числа учениковъ Синегуба одинъ рабочій, а именно Степанъ Петровъ Зарубаевъ, усвоилъ себѣ революціонное направленіе и, въ свою очередь, занялся пропагандой. Преступная дѣятельность Зарубаева была обнаружена на родинѣ его, въ Тверскомъ уѣздѣ, куда онъ отправился послѣ освобожденія его изъ-подъ стражи, въ концѣ 1874 года. По прибытіи на родину, Зарубаевъ, какъ это удостовѣрено свидѣтельскими показаніями, роздалъ нѣсколькимъ лицамъ слѣдующія книги: *Исторію одного французскаго крестьянина*, *Пѣсенникъ*, *Сказку о четырехъ братьяхъ*, *О мученикѣ Николаѣ* и прокламацію *Чтой-то, братцы*, причемъ разсказывалъ, что у него въ Петербургѣ хорошее знакомство, что хотя онъ и мало работалъ, но имѣлъ достаточно денегъ, что онъ пріѣхалъ изъ Петербурга по чьему-то порученію, получивъ на расходы 78 р. и что онъ за подобныя книги уже содержался въ Литовскомъ замкѣ. Кромѣ сего изъ дѣла видно, что Зарубаевъ, еще до отъѣзда своего изъ Петербурга, въ ноябрѣ 1874 года, передалъ одному знакомому крестьянину *Сказку о четырехъ братьяхъ* и *Стеньку Разина*.

При обыскѣ у Зарубаева найдено: 2 экз. *Сказки о четырехъ братьяхъ*, 2 экз. *О мученикѣ Николаѣ*, 3 экз. *Чтой-то, братцы*, *Стенька Разинъ* и *Пѣсенникъ*, рукопись подъ заглавіемъ: *Съ чего слѣдуетъ начинать* (первое письмо къ рабочимъ) и нѣсколько тенденціозныхъ книгъ.

Изъ показанія даннаго Зарубаевымъ при слѣдствіи видно, что онъ познакомился съ Синегубомъ еще въ то время, когда послѣдній жилъ въ Клочкахъ. Синегубъ, по словамъ Зарубаева, читалъ рабочимъ *Исторію одного французскаго крестьянина* и *Стеньку Разина*, а также пѣлъ *Барку*, а Тихоміровъ говорилъ рабочимъ объ имѣвшей появиться *Сказкѣ о четырехъ братьяхъ*; незадолго до своего ареста Синегубъ передалъ ему, Зарубаеву, для чтенія и раздачи въ народѣ, около 40 книгъ, часть которыхъ была отобрана при обыскѣ, а остальныя, хранившіяся въ деревянномъ сараѣ, не были найдены, и онъ эти книги впослѣдствіи привезъ на родину. Признавая себя затѣмъ виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ книгъ, Зарубаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ пояснилъ, что распространялъ ихъ не въ народѣ, а между своими знакомыми и безъ противозаконной цѣли.

Синегубъ, отрицавшій на первыхъ допросахъ свою виновность, при предъявленіи ему слѣдствія заявилъ, что признаетъ себя виновнымъ въ покушеніи на составленіе въ средѣ рабочихъ сообщества, съ цѣлью измѣненія существующаго экономическаго строя, а также въ составленіи найденныхъ у него при обыскѣ стихотвореній, писанныхъ карандашемъ, присовокупляя, что въ квартирѣ его происходили чтенія журнала *Впередъ* въ присутствіи другихъ лицъ, но кого именно, не помнитъ.

Впослѣдствіи, при предъявленіи Синегубу слѣдственнаго производства о Зарубаевѣ, онъ отказался отъ первыхъ двухъ пунктовъ сдѣланнаго имъ сознанія.

Стаховскій призналъ себя виновнымъ въ покушеніи на составленіе въ средѣ рабочихъ сообщества съ цѣлью измѣненія существующаго экономическаго порядка, а Левъ Тихоміровъ виновнымъ себя не призналъ.

Между тѣмъ Ярцевъ, по пріѣздѣ своемъ въ Андрюшино, запродалъ крестьянамъ за 5.000 р. землю купленную имъ у матери и братьевъ за 8.000 р., которые не были имъ еще уплачены, и, какъ видно изъ его показанія, имѣлъ намѣреніе сдѣлаться „офеней“, т.-е. заняться продажей народныхъ книгъ, почему и обратился къ волостному старшинѣ съ просьбой о выдачѣ ему крестьянскаго паспорта. Въ это время Ярцевъ, усвоивъ себѣ ученіе „чайковцевъ“, былъ уже вполнѣ съ ними солидаренъ, доказательствомъ чего служатъ какъ вышеприведенные его поступки, такъ и дальнѣйшій, удостовѣренный свидѣтельскими показаніями, образъ его дѣйствій.

Состоя попечителемъ Дмитровской земской школы, въ которой учительницей была мѣщанка Ольга Шевырева, Ярцевъ, въ ноябрѣ 1873 г., посѣтилъ означенную школу и остался ночевать у сельскаго старосты; въ разговорѣ съ послѣднимъ Ярцевъ высказывалъ, что крестьянамъ жить трудно, что правительство тратитъ деньги на пустяки, и что было бы лучше еслибы въ Россіи была республика, какъ во Франціи и въ другихъ земляхъ; увидѣвъ же духовнаго содержанія книги, сказалъ что „все это вздоръ“, а въ дальнѣйшемъ разговорѣ доказывалъ, что бѣднымъ слѣдуетъ подняться и перебить богатыхъ, чтобы сравняться имуществомъ.

Въ разговорахъ съ крестьянами Ярцевъ, какъ видно изъ показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, говорилъ, что за границей порядки лучше, потому что тамъ нѣтъ государя, и что онъ, Ярцевъ, терпѣть не можетъ баръ—и всѣхъ бы ихъ перебилъ; кромѣ сего Ярцевъ давалъ нѣкоторымъ крестьянамъ читать книги и въ присутствіи крестьянъ напѣвалъ *Барку*.

Въ этотъ періодъ времени проживалъ у Ярцева, въ Андрюшинѣ, Румянцевъ, оставившій мѣсто библіотекаря въ Торжкѣ и желавшій занять должность сельскаго учителя, съ каковою цѣлью онъ, по его собственнымъ словамъ, ѣздилъ во Владимірскую губернію. Въ ноябрѣ Ярцевъ вмѣстѣ съ Румянцевымъ отправился въ Петербургъ, причемъ, какъ видно изъ показанія крестьянина Емельяна Аверьянова, предъ отъѣздомъ зашли къ Аверьянову и пили у него чай, послѣ чего Ярцевъ сказалъ Румянцеву: „пиши, я продиктую имъ стихи“, и сталъ диктовать Румянцеву стихотвореніе: „Друзья пріятели свободы“. Означенные стихи впослѣдствіи представлены Аверьяновымъ жандармскому офицеру.

Ярцевъ и Румянцевъ подтвердили показаніе Аверьянова.

Послѣ отъѣзда Ярцева, въ Андрюшино явились Кравчинскій и Рогачевъ, и несмотря на отсутствіе Ярцева, остались въ той мѣстности и нанялись въ пильщики къ одному лѣсопромышленнику. Нѣсколько времени спустя, въ концѣ ноября, по распоряженію волостнаго старшины, которому поведеніе ихъ казалось подозрительнымъ, Кравчинскій и Рога-

чевъ были задержаны и отправлены къ становому приставу, по дорогой успѣли бѣжать и появились затѣмъ: Кравчинскій — въ Москвѣ, а Рогачевъ — въ Пензѣ, гдѣ и продолжали свою преступную дѣятельность.

Поѣздка Кравчинскаго и Рогачева въ Андрюшино была извѣстна оставшимся въ Петербургѣ членамъ кружка Чайковскаго, доказательствомъ чего служитъ письмо Рогачева или Кравчинскаго къ двоюродному брату Рогачева, дворянину Виктору Лехницкому. Означенное письмо, написанное, какъ можно заключить изъ его содержанія, послѣ ареста Кравчинскаго и Рогачева, было передано ими послѣ побѣга, крестьянину Ивану Клементьеву для опущенія въ почтовый ящикъ, причемъ Клементьеву были даны и деньги на покупку почтовой марки. Клементьевъ опустилъ въ ящикъ письмо, забывъ приклеить къ нему марку, вслѣдствіе чего письмо не было отправлено и могло быть впослѣдствіи пріобщено къ дѣлу.

Вышеупомянутое письмо, написанное на французскомъ языкѣ и притомъ крайне безграмотно, оказалось слѣдующаго содержанія: „мы не можемъ идти дальше вслѣдствіе внезапной болѣзни. Скажите, что вы потеряли банковый билетъ Дмитрія, а не послали его нѣкоему Ф. Покажите это письмо какъ можно скорѣе нашимъ друзьямъ. Скажите имъ что надо послать Ф. или кого-нибудь изъ его друзей за всѣмъ что онъ послалъ Ф.“

Лехницкій, разспрошенный по содержанію адресованнаго на его имя письма, объяснилъ, что по просьбѣ Рогачева имъ была послана въ Торжокъ, на имя Фонтузогло, посылка съ бѣльемъ, а также указъ объ отставкѣ Рогачева. Вслѣдствіе такого показанія Лехницкаго, изъ Новоторжской почтовой конторы была вытребована къ дѣлу посылка на имя Фонтузогло, по вскрытіи которой въ ней были найдены: двѣ красныя рубашки изъ кумача, двѣ пары нижняго бѣлья, записка на имя Дмитрія Александровича и указъ объ отставкѣ Рогачева.

По прибытіи въ Петербургъ, Ярцевъ и Румянцевъ поселились на одной квартирѣ съ рабочимъ Михаиломъ Орловымъ, и вскорѣ затѣмъ, 5-го декабря 1873 г., были арестованы вслѣдствіе разнесшагося въ Новоторжскомъ уѣздѣ и дошедшаго до свѣдѣнія подлежащихъ властей слуха, ни на чемъ впрочемъ не основаннаго, о томъ, что Ярцевъ отправился въ Петербургъ съ цѣлью совершить ужасное злодѣяніе. При обыскѣ въ квартирѣ Ярцева, Румянцева и Орлова было найдено: у перваго — упомянутый уже выше списокъ книгъ съ объясненіемъ ихъ содержанія, у втораго писанное рукой Ярцева стихотвореніе *Барка*, прокламація *Чтой-то, братцы* и записная книжка съ адресами Шишко, Ярцева и Александры Корниловой, а у послѣдняго — третій томъ сочиненій Чернышевскаго; кромѣ сего, въ чемоданѣ оставленномъ Румянцевымъ во Владимірѣ, у мѣщанина Зубова, найдено письмо Ободовской къ Румянцеву, въ которомъ Ободовская, между прочимъ, сообщала о своемъ намѣреніи вести пропаганду среди раскольниковъ.

При дознаніи Ярцевъ, сознаваясь въ своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, далъ чистосердечное показаніе, сущность котораго приведена уже выше, причемъ возстановилъ даже текстъ составленнаго имъ воззванія къ народу, въ коемъ говорится о раздѣлѣ земли, о выборныхъ которые будутъ управлять крестьянами, и о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ; при слѣдствіи же, измѣнивъ свое показаніе, Ярцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвергъ и свою виновность.

Румянцевъ не призналъ себя виновнымъ, и объяснивъ сначала, что прокламація *Чтой-то, братцы* была имъ получена отъ „чайковца“ Мокіевскаго Зубка, въ послѣдствіи отъ такого показанія отказался.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста Ярцева былъ задержанъ и Леонидъ Поповъ, при обыскѣ у котораго была найдена книга *Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne*, а также значительное количество народныхъ книгъ и сочиненій по рабочему вопросу. Поповъ, дававшій при дознаніи крайне неопредѣленныя и уклончивыя показанія, содержась въ новоторжскомъ тюремномъ замкѣ, написалъ двѣ записки, которыя, по доставленіи его въ Петербургъ, вручилъ сопровождавшему его жандармскому унтеръ-офицеру Бабичу, съ просьбою передать таковыя Александрѣ Корниловой или ея сестрѣ Любови (нынѣ Сердюковой). Представленныя Бабичемъ въ жандармское управленіе записки Леонида Попова оказались слѣдующаго содержанія: 1) „Меня смертельно мучитъ проваль съ Гал—ко. Когда мнѣ объявили что повезутъ въ Торжокъ, я былъ въ сильномъ волненіи, опасаясь Я—ва и за судьбу Ж—ва. Эта ошибка лежитъ на моей совѣсти, я себѣ не могу этого простить. И этотъ посту-

покъ, и позоръ кружка страшно мучитъ меня. Яр—въ разсказалъ все до мельчайшихъ подробностей, привирая, такъ напримѣръ, приписывая мнѣ *Барку*. Онъ указалъ на Ш—ко, Б—ву, Кр—ву, Ч—го, Ж—ва и безъ сомнѣнія прочихъ. Онъ насолилъ и мнѣ, и Тигру, и С—гу. Показалъ онъ и на Оба—у. У него найдено письмо мое къ Лицу съ фамиліями Оба—и Любимовой. Взяли у меня адресную книжку. Отъ адреса Н. Пв. Кр—ой не могъ отказаться. Есть адресъ Вер—го. Ярц. показалъ и на Ор. и на Бог—а. Показалъ о travail и каменщ. Моя пѣсенка спѣта, остается вамъ рѣшить хорошо ли. Если откажетесь отъ меня, то дайте gift (у). (яд). Прощайте, пишу изъ острога. Теперь, безъ сомнѣнія, везутъ въ Питеръ. Итакъ, бесѣдую съ вами послѣдній разъ. У меня былъ аресъ О. А. Маш—ой. Страшно тяжело. Пою пѣсни и привожу въ умиленіе жандармовъ. Занимался математикой, но все-таки невыносимъ нашъ дорог. Прощайте еще дорогіе мои. Настрочите кабатчика и выдайте 5 р. Филогр. Кромѣ Ж—ва, (знакомъ съ нимъ) я отказался отъ всего. Ради Бога Sauve qui peut.“ 2) „Что-то показали либералы? Вашъ судъ тяготѣетъ надо мною. Все бы вынесъ, но не нравственную каторгу. Какъ бы я желалъ слышать Вашъ приговоръ обо мнѣ (бзпр...). Это было бы единственною поддержкой мнѣ. Въ темнотѣ, утромъ я призналъ другаго за Ч—ка по голосу и росту. Какъ право это гадко. Здѣсь прокуроръ все старается польстить моей образованности“.

Леонидъ Поповъ, по предъявленіи ему вышеприведенныхъ записокъ, призналъ, что таковыя писаны имъ и подлежали передачѣ одной изъ сестеръ Корниловыхъ. Изъ объясненій Попова и сопоставленія содержанія записокъ съ обстоятельствами дѣла оказывается, что въ запискахъ упоминаются фамиліи обвиняемыхъ: Шишко, Чайковскаго, Корниловой, Синегуба, Тихомірова, Ободовской, а также фамиліи студента Медико-Хирургической Академіи Богомолова и дворянки Батюшковой (нынѣ уже осужденной по другому дѣлу).

Леонидъ Поповъ, товарищъ Синегуба и Чарушина по Технологическому Институту, не призналъ себя виновнымъ.

По обыску, произведенному 5 января въ квартирѣ сестеръ Корниловыхъ, проживавшихъ вмѣстѣ съ Софіею Перовскою, найдено слѣдующее: *Лексиконъ* Рейфа, на первой страницѣ котораго написана фамилія Синегуба, *Прокотоколъ перваго конгресса союза швейцарскихъ рабочихъ* на нѣмецкомъ языкѣ, цюрихскаго изданія, *Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne*, шифрованное письмо, принадлежащее, по заявленію Александры Корниловой, сей послѣдней, и документы Сергѣя Синегуба. Во время производства обыска въ квартиру Корниловыхъ прибыли Анатолій Сердюковъ, слушательница женскихъ курсовъ Медико-Хирургической академіи Анна Дмитріева Кувшинская, Степанъ Мокіевскій-Зубокъ, вольнослушатель Технологическаго Института, и Александра Ободовская.

Александра Корнилова, изучавшая, по ея словамъ, въ 1872 году акушерство въ Вѣнѣ, объяснила, что интересовалась ходомъ рабочаго вопроса за границею, почему въ разговорѣ со своими знакомыми и сообщала можетъ-быть нѣкоторыя по сему предмету свѣдѣнія; разъяснить содержаніе найденнаго у нея шифрованнаго письма Корнилова не пожелала, а также отказалась дать какія-либо объясненія о своихъ знакомствахъ: относительно же записокъ Леонида Попова заявила, что содержаніе таковыхъ для нея непонятно.

Низовкинъ, по предъявленіи ему Александры Корниловой, призналъ въ ней ту личность, о которой онъ говорилъ въ своемъ показаніи.

Александра Корнилова не признала себя виновною.

Въ то время, когда Синегубъ, Стаховскій и прочія поименованныя выше сего лица агитировали за Невскою заставой, другіе члены кружка „чайковцевъ“ вели дѣятельную пропаганду среди рабочихъ проживавшихъ на Выборгской сторонѣ. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ означенной мѣстности былъ Чарушинъ, еще въ 1872 г. появившійся, какъ видно изъ показанія Виноградова, въ домѣ № 38 по Астраханской улицѣ, гдѣ жили Низовкинъ, Сердюковъ, Виноградовъ и сестра Купріянова. Лѣтомъ того же 1872 г. Чарушинъ въ гор. Вяткѣ передалъ своему бывшему товарищу по Вятской гимназіи, студенту Казанскаго университета Евгенію Овчинникову, нѣсколько народныхъ книгъ, а также по удостовѣренію Овчинникова, имѣлъ съ послѣднимъ разговоръ о томъ, что слѣдовало бы заняться распространеніемъ между рабочими свѣдѣній о различныхъ артельныхъ товариществахъ. Лѣтомъ 1873 года Чарушинъ, какъ уже сказано выше, появлялся съ Чайковскимъ въ Москвѣ у Льва Тихомірова, у котораго встрѣчался съ Любавскимъ, а осенью того же года присту-

нилъ вмѣстѣ съ другими „чайковцами“ къ веденію пропаганды, вполнѣ схожей какъ по содержанію, и по пріемамъ съ пропагандою Синегуба, Стаховскаго и др.

Вмѣстѣ съ Чарушинымъ на Выборгской сторонѣ занимались пропагандой: Анна Кувшинская, жившая, по ея собственному показанію, на одной квартирѣ съ Чарушинымъ, Клеменсъ, Шишко, Купріяновъ, Гауэнштейнъ, Перовская и возвратившійся изъ-за границы князь Крапоткинъ. Послѣдній былъ извѣстенъ подъ фамиліей Бородина, а Кувшинская подъ именемъ Марьи Андреевны.

На Выборгской сторонѣ, подобно тому какъ и за Невскою заставой, сближеніе съ рабочими происходило подъ предлогомъ обученія послѣднихъ грамотѣ; знакомясь съ рабочими, пропагандисты старались прежде всего пріобрѣсти ихъ довѣріе и затѣмъ постепенно развивали предъ ними свое ученіе. Изъ цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній видно, что Чарушинъ заводилъ знакомство съ рабочими преимущественно въ трактирахъ и затѣмъ предлагалъ обучать ихъ грамотѣ; заручившись согласіемъ рабочихъ, Чарушинъ являлся къ нимъ, приводя съ собою Клеменса и Шишко, а затѣмъ предлагалъ рабочимъ приходить на уроки въ указываемыя имъ мѣста. Первоначально рабочіе собирались въ Казарменномъ переулкѣ, въ квартирѣ въ которой жили Шишко и Перовская, предъ переселеніемъ послѣдней вмѣстѣ съ Рогачевымъ за Невскую заставу, что̀ подтверждается и показаніями Шишко и Перовской; въ этой квартирѣ рабочіе впервые познакомились съ Перовскою и Купріяновымъ. Затѣмъ рабочіе были приглашены являться въ Крапивный переулокъ, въ квартиру студента С.-Петербургскаго Университета Хохрякова, гдѣ появились Анна Кувшинская и князь Крапоткинъ, и наконецъ, по предложенію Кувшинской и при содѣйствіи Крапоткина и Клеменса, было нанято особое помѣщеніе для рабочихъ на дачѣ Бабошина, въ Головинскомъ переулкѣ, гдѣ рабочихъ посѣщали Крапоткинъ, Клеменсъ, Кувшинская, Купріяновъ и Гауэнштейнъ. На обзаведеніе поселившимся на дачѣ Бабошина рабочимъ были даны деньги, бо̀льшую часть которыхъ внесъ Клеменсъ, а когда означенныя деньги оказались пропитыми, то Крапоткинъ сильно бранилъ за это рабочихъ и собрали сходку для обсужденія поступка послѣднихъ. На этой сходкѣ,—на которой присутствовало нѣсколько рабочихъ, а изъ числа „учителей“ Крапоткинъ, Клеменсъ, Купріяновъ и Кувшинская,—было рѣшено оставить на дачѣ Бабошина пропившихъ деньги рабочихъ изъ опасенія чтобъ они не заявили о сношеніяхъ своихъ съ пропагандистами. Желая пріобрѣсти довѣріе и расположеніе рабочихъ, агитаторы, преимущественно Чарушинъ и Шишко, приглашали ихъ въ трактиры, гдѣ и угощали на свой счетъ, а впослѣдствіи, въ видахъ окончательнаго закрѣпленія связи рабочихъ съ дѣломъ пропаганды, предложили рабочимъ устроить кассу для покупки книгъ и оказанія помощи товарищамъ, причемъ Чарушинъ и Шишко показывали 500 р., говоря что эти деньги собраны ими для кассы. Бесѣдуя съ рабочими въ трактирахъ, Чарушинъ и Шишко проводили ту мысль, что народъ терпитъ притѣсненія потому только, что не понимаетъ своего положенія, причемъ Чарушинъ и Шишко въ присутствіи рабочихъ пѣли пѣсни: *Долго насъ помѣщики душили*, *Доля наша долюшка* и *Барку*; впослѣдствіи же, познакомившись поближе со своими слушателями, Чарушинъ сталъ имъ доказывать, что правительство богачей, купцовъ и чиновниковъ надо уничтожить, для чего необходимо произвести бунтъ. Въ бесѣдахъ съ рабочими на собраніяхъ, происходившихъ въ Казарменномъ переулкѣ, Чарушинъ, Клеменсъ, Купріяновъ и Шишко высказывали, что рабочимъ слѣдуетъ избавиться отъ притѣсненій правительства, и что для этого необходимо уничтожить путемъ возстанія, верховную власть и правительство, послѣ чего земля будетъ въ распоряженіи крестьянъ, а фабрики въ рукахъ рабочихъ. Присутствовавшая на этихъ сходкахъ Перовская, какъ видно изъ показаній рабочихъ, дѣятельнаго участія въ нихъ не принимала. На собраніяхъ въ Крапивномъ переулкѣ Чарушинъ, Клеменсъ, Шишко, Купріяновъ, а также Кувшинская и Крапоткинъ, тоже убѣждали рабочихъ въ необходимости произвести бунтъ для уничтоженія правительства. Бунтъ долженъ былъ начаться въ дальнихъ губерніяхъ, на Волгѣ, какъ училъ Чарушинъ, причемъ рабочимъ внушалось, что, получивъ достаточную подготовку, они должны будутъ разъѣхаться по губерніямъ и пропагандировать въ деревняхъ и на фабрикахъ необходимость возстанія. Одному изъ рабочихъ, родомъ изъ Кинешемскаго уѣзда, Чарушинъ прямо предложилъ отправиться на родину съ нимъ или съ другимъ лицомъ, для возбужденія народа къ бунту, причемъ, какъ узналъ въ послѣдствіи рабочій, предполагалось отправить съ нимъ Шишко

На дачѣ Бабонина, Крапоткинъ, Клеменсъ, Купріяновъ и Кувшинская развивали предъ рабочими тѣ же самыя ученія, и при этомъ Клеменсъ говорилъ, что если „вырывать дубъ, то надо вырывать и всѣ корни", а Крапоткинъ высказывалъ, что недостаточно истребить дворянство и высшіе классы общества, а что слѣдуетъ уничтожить и Верховную Власть, потому что въ противномъ случаѣ высшіе классы вновь образуются. Гауэнштейнъ, приходившій на дачу Бабонина вмѣстѣ съ Купріяновымъ, говорилъ то же, что́ и другіе. Независимо отъ сего, Чарушинъ и Крапоткинъ говорили нѣкоторымъ рабочимъ, что мощей нѣтъ, и вообще старались подорвать въ своихъ слушателяхъ религіозное чувство. Послѣ ареста Чарушина, послѣдовавшаго въ началѣ января 1874 г., Шишко уговаривалъ рабочихъ не робѣть, а дѣйствовать такъ какъ училъ Чарушинъ, и совѣтовалъ, въ случаѣ ареста, отзываться о всемъ незнаніемъ; такого же рода совѣты давала рабочимъ и Кувшинская. Параллельно съ такою устною пропагандой шла и книжная. Такъ, по удостовѣренію рабочихъ, Чарушинъ, Крапоткинъ, Клеменсъ, Шишко, Купріяновъ и Кувшинская читали имъ *Исторію одного французскаго крестьянина*, *Стеньку Разина* и *Сказку о четырехъ братьяхъ*, а также давали имъ означенныя книги для чтенія на руки: Гауэнштейнъ читалъ рабочимъ *Пѣсенникъ* и *Исторію одного французскаго крестьянина* или *Сказку о четырехъ братьяхъ*, а Крапоткинъ, кромѣ сего, *Пугачевщину* въ рукописи: впослѣдствіи же Крапоткинъ принесъ печатную книжку о Пугачевѣ и разсказалъ рабочимъ, что *Пугачевщина* была написана имъ, Крапоткинымъ, и что онъ посылалъ рукопись за границу, гдѣ она и была напечатана.

Въ подтвержденіе своихъ показаній, нѣкоторыми рабочими были представлены къ дѣлу полученныя ими отъ пропагандистовъ книги, въ числѣ которыхъ находятся *Пѣсенникъ* и *Исторія французскаго крестьянина*.

Въ близкихъ отношеніяхъ съ лицами пропагандировавшими на Выборгской сторонѣ находились Богомоловъ и Мокіевскій-Зубокъ. Богомоловъ, какъ будетъ изложено ниже, устроилъ кузницу, въ которой работали, подготовляя себя къ революціонной дѣятельности, члены такъ называемаго кружка артиллеристовъ, а также Чарушинъ, который и былъ задержанъ въ квартирѣ Богомолова; относительно Мокіевскаго-Зубка слѣдствіемъ выяснено слѣдующее: по показаніямъ двухъ рабочихъ, Крапоткинъ, узнавъ однажды, что на дачѣ Бабонина ночевали рабочіе, занимавшіеся прежде у студентовъ, сказалъ, что ихъ надо свести къ Зубку, вслѣдствіе чего вышеупомянутые двое рабочихъ, получивъ отъ Крапоткина записку, въ которой были написаны лишь слова: *Вашъ пріятель Бородинъ*, отправились къ Зубку по адресу, также указанному Крапоткинымъ. Мокіевскій-Зубокъ пригласилъ рабочихъ въ трактиръ и, узнавъ отъ нихъ желаніе Крапоткина, выразилъ готовность заниматься съ рабочими, для чего и хотѣлъ нанять особую квартиру, причемъ объяснилъ, что, ожидая постоянно обыска, онъ у себя никого не принимаетъ, также не держитъ у себя книгъ, которыя впрочемъ скоро у него будутъ.

Во время производства предварительнаго слѣдствія Мокіевскій-Зубокъ, находившійся подъ надзоромъ полиціи, скрылся изъ Петербурга и былъ впослѣдствіи задержанъ въ Москвѣ, въ то время, когда онъ покушался войти въ сношеніе съ содержавшеюся въ полицейскомъ домѣ Яузской части дочерью штабсъ-капитана Лидіею Фигнеръ, обвинявшеюся въ государственномъ преступленіи и нынѣ уже осужденною.

Преступная дѣятельность всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ сдѣлалась извѣстною правительству въ началѣ 1874 г., и всѣ они были задержаны, за исключеніемъ Шишко и Клеменса, успѣвшихъ скрыться отъ преслѣдованія и отправившихся въ Москву, гдѣ они вмѣстѣ съ Кравчинскимъ занялись организаціей московскихъ кружковъ.

Чарушинъ былъ задержанъ въ квартирѣ Богомолова, причемъ назвался купеческимъ сыномъ Петромъ Шуравинымъ. При обыскѣ у Чарушина были найдены: записная книжка, два письма писанныя очевидно крестьяниномъ, одно изъ нихъ съ вырѣзанными фамиліями. Въ этомъ письмѣ сообщается между прочимъ что *насъ восемь человѣкъ нераздѣльныхъ, которые имѣютъ понятія*; записка начинающаяся словами: *для Виктора и ему подобныхъ*; записка, подписанная буквами *Л. Ш. Податель сего Чарушинъ, общій другъ мой, Іогана и Чайковскаго*; рукописное воззваніе *къ земледѣльческому населенію* и книги: *Сила солому ломитъ*, *Послѣдняя революція* Гамбона, *Государственность и Анархія* и *Историческое развитіе интернаціонала*.

По обыску у князя Крапоткина найдено: нѣсколько сочиненій о международной ассоціаціи рабочихъ, пакетъ съ надписью *въ Москву* съ 3-мя вытравлеными паспортными бланками и шифрованною запиской, другое шифрованное письмо и заклеенное въ конвертъ письмо изъ Москвы на имя *Николая Алексѣевича, подписанное буквою К.*, въ каковомъ письмѣ говорится о путешествіи двухъ лицъ по Тульской и Рязанской губерніямъ, съ цѣлью революціонной пропаганды. По разборѣ писанныхъ шифромъ записки и письма оказалось, что въ запискѣ указывался способъ вытравленія текста паспортовъ и что письмо было получено изъ Москвы, отъ лица несомнѣнно принадлежащаго къ революціонному сообществу; въ означенномъ письмѣ, служащемъ наглядпымъ доказательствомъ вполнѣ установившихся къ веснѣ 1874 г. сношеній петербургскихъ агитаторовъ съ московскими, упоминается между прочимъ объ Обпорскомъ, Сердюковѣ и Фроленко, изъ коихъ послѣдній принадлежалъ къ московскому кружку студентовъ Петровской академіи.

У Ивана Гауэнштейна были найдены деньги въ количествѣ 1.110 руб. 73 коп., о которыхъ упомянуто уже выше, а также писанныя рукою кн. Крапоткина сочиненія: *Пугачевщина* и *Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя* съ поправками, сдѣланными рукою Гауэнштейна; часть 2 т. сочиненій Лассаля; нѣсколько переписанныхъ изъ означенной книги статей и письмо Натансона, въ которомъ послѣдній рекомендуетъ Александру Христофоровичу своего друга и товарища по мысли и дѣлу.

У Анны Кувшинской найденъ IV т. сочиненій Чернышевскаго, женевскаго изданія, а у Мокіевскаго-Зубка: 15 экз. *Дѣдушки Егора*, *Впередъ*, *Сила солому ломитъ*, *Стенька Разинъ*, *Емелька Пугачевъ*, *Гражданская война во Франціи*—Маркса, и книга на первой страницѣ которой написаны двѣ фамиліи — Франжоли и Лукашевичъ.

У Софьи Перовской были найдены двѣ тетради, озаглавленныя *Кассовая* и *Главная*, а также тетрадь съ названіями стихотвореній: *Доля*, *Барка*, *Кузнецъ*, *Свобода*, *Дума*, и т. д.

Купріяновъ былъ задержанъ на дачѣ Бабонина, причемъ у него была отобрана записная книжка исписанная шифромъ; на дачѣ Бабонина оказалось значительное количество тенденціозныхъ книгъ.

Купріяновъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что велъ пропаганду съ цѣлью измѣненія существующаго порядка, для чего знакомился съ рабочими и читалъ имъ книги: *Сказку о 4 братьяхъ*, *Пѣсенникъ*, *Стеньку Разина*, а также передалъ рабочимъ *Стеньку Разина* и *Исторію одного французскаго крестьянина*.

Гауэнштейнъ призналъ свое знакомство съ Низовкинымъ, Кравчинскимъ и Чайковскимъ, а также—что читалъ рабочимъ *Сказку о 4 братьяхъ* и стихотворенія *Барку* и *Аркадскій принцъ*, но при этомъ не пожелалъ объяснить цѣли такого чтенія.

Шишко, признавая что жилъ въ одномъ домѣ съ Перовскою, въ Казарменномъ переулкѣ, на вопросъ о виновности, отвѣчать отказался.

Перовская, не отвергая свое знакомство съ Чайковскимъ, Рогачевымъ, Синегубомъ и Ободовскою, а также и то, что Шишко жилъ въ ея квартирѣ, въ Казарменномъ переулкѣ, виновною себя не признала, равно какъ и Чарушинъ, Мокіевскій-Зубокъ, Крапоткинъ и Кувшинская, изъ показанія которой между прочимъ видно, что она была знакома съ Чайковскимъ, Синегубомъ, Гауэнштейномъ и Перовскою.

Крапоткинъ во время производства слѣдствія бѣжалъ изъ-подъ стражи.

Изъ числа прочихъ лицъ, принадлежащихъ къ кружку „чайковцевъ", Богомоловъ умеръ, Чайковскій, Левашевъ, Лисовскій, Грибоѣдовъ и Обпорскій не были разысканы, а Сердюковъ и Хохряковъ обнаружили признаки разстройства умственныхъ способностей.

Александра Ободовская, нынѣ Сидорацкая, бывшая сельская учительница въ Тверской губерніи, была знакома, какъ оказывается изъ ея собственнаго показанія, съ Флеровскимъ (Берви), Натансономъ, Левашевымъ, Корниловою, Перовскою, Кувшинскою, Синегубомъ, Кравчинскимъ, Ярцевымъ, Румянцевымъ, Сердюковымъ и московскимъ пропагандистомъ Саблинымъ. Кромѣ сего, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія обстоятельствъ дѣла, Ободовская была знакома почти со всѣми членами петербургскихъ кружковъ, а также имѣла сношенія съ провинціальными агитаторами, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ революціонной пропаганды, въ которой и сама желала принять дѣятельное участіе.

Отобранное у Румянцева письмо Ободовской, уже упомянутое, не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія и находитъ себѣ подкрѣпленіе въ оказавшемся у Ободовской письмѣ основателя сыроваренныхъ артелей въ Тверской губерніи Верещагина, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ, что, согласно желанію Ободовской, онъ пріискалъ ей мѣсто среди раскольниковъ. Вмѣстѣ съ другими „чайковцами", Ободовская имѣла непосредственное вліяніе на образованіе такъ называемаго кружка артиллеристовъ и, какъ видно изъ показанія Рабиновича, явилась даже представительницею сего кружка на происходившихъ весною 1874 года собраніяхъ депутатовъ всѣхъ почти петербургскихъ кружковъ, причемъ, очевидно, представляла собою и кружокъ „чайковцевъ".

При двукратномъ обыскѣ у Ободовской была найдена обширная переписка, причемъ Ободовская выбросила за окно записку Саблина: „Былъ у васъ, не засталъ дома, если увидите Д. скажите ему, что онъ найдетъ меня въ редакціи *Знанія*, Лит., д. 62, кв. 12, пусть спроситъ прямо Н. А. С—а".

Сидорацкая не признала себя виновною. Дальнѣйшее участіе Сидорацкой въ дѣлахъ сообщества будетъ указано ниже, при изложеніи преступной дѣятельности кружковъ и лицъ, съ которыми она находилась въ сношеніяхъ.

Къ кружку „чайковцевъ" безъ сомнѣнія принадлежалъ первоначально и Низовкинъ, столь близко знакомый съ большинствомъ членовъ кружка и со всею его дѣятельностью, но въ концѣ 1873 или началѣ 1874 года между Низовкинымъ и „чайковцами" произошелъ полный разрывъ, и Низовкинъ сталъ уговаривать рабочихъ не сходиться съ „чайковцами". Рабочій Виноградовъ въ показаніи своемъ объяснилъ, что Низовкинъ относился враждебно къ кружку „чайковцевъ", потому что послѣдніе дѣйствовали слишкомъ радикально; по мнѣнію же Митрофанова, Низовкинъ вооружилъ рабочихъ противъ „чайковцевъ" изъ самолюбія. Какъ бы то ни было, въ началѣ 1874 года Низовкинъ несомнѣнно обнаружилъ стремленіе создать свой собственный кружокъ изъ тѣхъ рабочихъ, съ которыми онъ вошелъ въ сношенія еще въ 1872 году, и для которыхъ, при содѣйствіи Сердюкова, имъ была устроена библіотека. Вся преступная дѣятельность Низовкина тѣсно связана съ этою библіотекой. Изъ показанія Виноградова видно, что пожертвованія на покупку книгъ сосредоточивались первоначально въ рукахъ Низовкина, передавшаго затѣмъ, по словамъ Митрофанова, на время своего отсутствія изъ Петербурга лѣтомъ 1873 года, завѣдываніе библіотекой Обнорскому и Виноградову. 31 декабря того же года, по удостовѣренію нѣсколькихъ рабочихъ, Низовкинымъ была собрана въ квартирѣ рабочаго Смирнова сходка, на которой было постановлено, чтобы каждый рабочій платилъ извѣстный процентъ съ своего заработка на увеличеніе средствъ библіотеки, а также была учреждена касса для оказыванія помощи рабочимъ арестуемымъ по политическимъ дѣламъ. По показанію Виноградова, согласному съ показаніями другихъ рабочихъ, кассиромъ кассы былъ избранъ Лавровъ, кассиромъ библіотечной кассы рабочій Волковъ, а библіотекаремъ Смирновъ, причемъ, для бо́льшаго удобства, библіотека была раздѣлена на три части: Васильеостровскую, Выборгскую и Невскую (за Невскою заставой). Послѣ ареста Лаврова завѣдываніе кассою перешло къ Виноградову, а 3 марта 1874 года Низовкинъ вновь собралъ сходку въ Измайловскомъ полку, на которой также говорилось о дѣлахъ библіотеки, причемъ Низовкинъ убѣждалъ рабочихъ прервать сношенія съ „чайковцами". Между тѣмъ уже въ концѣ 1873 года Виноградовъ, по его собственному показанію, пріобрѣлъ на библіотечныя деньги 4 экз. *Гражданской войны во Франціи*, а въ началѣ 1874 года, поручилъ Митрофанову, по удостовѣренію послѣдняго, купить у Гауэнштейна *Государственность и Анархію* и *Историческое развитіе интернаціонала*, что́ Митрофановъ и исполнилъ. Кромѣ сего, по словамъ Виноградова, имъ былъ полученъ отъ кого-то журналъ *Впередъ* и нѣсколько экземпляровъ *Исторіи одного французскаго крестьянина* и *Стеньки Разина* отъ Низовкина; послѣднее обстоятельство подтверждается, во-первыхъ, показаніями Митрофанова, изъ которыхъ оказывается, что для библіотеки было пріобрѣтено 15 экз. *Исторіи французскаго крестьянина* и 10 экз. *Стеньки Разина*, и во-вторыхъ, показаніемъ Низовкина, удостовѣрившаго, что имъ было пріобрѣтено 15 экз. *Исторіи крестьянина* и 10 экз. *Гражданской войны во Франціи*, которые и были затѣмъ переданы рабочимъ. Всѣ вышепоименованныя книги поступили, по показанію Виноградова, въ библіотеку рабочихъ и самъ Виноградовъ давалъ ихъ читать своимъ товарищамъ. Изъ показаній нѣсколькихъ рабочихъ видно, что Вино-

градовъ передалъ имъ для чтенія *Исторію одного французскаго крестьянина*, *Стеньки Разина* и *Слова върующаго къ народу*, и по словамъ самаго Виноградова, онъ давалъ для чтенія и журналъ *Впередъ*.

По обыску у Виноградова найдены — журналъ *Впередъ* и *Государственность и Анархія*.

Послѣ освобожденія изъ-подъ ареста, Виноградовъ вмѣстѣ съ рабочимъ Карломъ Иванайненъ, какъ видно изъ ихъ показаній, отправились за границу безъ паспортовъ, были въ Швейцаріи, видѣли Лисовскаго и разыскивали Обнорскаго, котораго однако не нашли, а затѣмъ, при возвращеніи въ Россію, были задержаны на границѣ.

Виноградовъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ преступному сообществу.

Низовкинъ, не отвергая передачи рабочимъ *Исторіи одного французскаго крестьянина* и *Гражданской войны во Франціи*, тѣмъ не менѣе не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ и объяснилъ, что сближеніе его съ рабочими было вызвано лишь желаніемъ содѣйствовать ихъ образованію.

Такое объясненіе Низовкина, противорѣча всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, находитъ себѣ опроверженіе и въ показаніяхъ двухъ рабочихъ, по словамъ которыхъ Низовкинъ говорилъ, что необходимо уничтожить дворянъ, купцовъ и правительство и сдѣлать такъ, чтобы не было Царя и чтобы всѣ были равны.

Въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ „чайковцами" находился кружокъ, основанный въ концѣ 1873 г. народнымъ учителемъ Ѳеофаномъ Никандровымъ Лермонтовымъ и носившій по фамиліи своего основателя названіе *кружка Лермонтова*, подъ каковымъ названіемъ онъ и былъ извѣстенъ между петербургскими революціонерами, что видно изъ показанія мѣщанина Моисея Рабиновича и дворянина Льва Городецкаго. Лермонтовъ, какъ слѣдуетъ заключить изъ показанія даннаго при дознаніи Любавскимъ, принадлежалъ первоначально къ кружку Чайковскаго, съ которымъ разошелся въ началѣ 1873 г., потому что желалъ играть главную роль въ кружкѣ. Такое показаніе Любавскаго представляется весьма правдоподобнымъ въ виду того, что Лермонтовъ, подобно Чайковскому, имѣлъ сношенія съ Натансономъ, что доказывается отобранною у Ободовской перепискою, а также и потому, что еще въ 1872 г. Лермонтовъ, по удостовѣренію Рабиновича, вращался въ средѣ „чайковцевъ", у одного изъ которыхъ, а именно у Левашева и произошло первое знакомство Рабиновича съ Лермонтовымъ. Кромѣ Левашева, Лермонтовъ изъ кружка чайковцевъ зналъ и Александру Ободовскую, которая въ письмахъ своихъ къ нему называла его *дорогимъ другомъ* и обращалась къ нему, употребляя мѣстоименіе *ты*. Относительно своего знакомства съ Ободовскою, Лермонтовъ объяснилъ, что сближенію ихъ содѣйствовало то обстоятельство, что оба они интересовались народнымъ образованіемъ, причемъ Ободовская не была практически знакома съ народною школою, тогда какъ онъ, Лермонтовъ, былъ близко знакомъ съ дѣломъ народнаго образованія, вслѣдствіе чего, какъ выразился Лермонтовъ, они и должны были *сойтись, объединиться въ самомъ существѣ вопроса*. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что не одинъ вопросъ о народномъ образованіи занималъ Лермонтова и Ободовскую. По обыску у послѣдней были отобраны, между прочимъ, два письма: одно изъ Опочки, отъ 4го мая, безъ обозначенія года, подписанное буквами *Ѳ. Н. Л.*, а другое, отъ 12 августа 1873 г. изъ Петербурга, подписанное *Прокоповичъ* — относительно которыхъ Ободовская первоначально показала, что письмо изъ Опочки относится къ 1871 году и написано Лермонтовымъ, а что письмо за подписью *Прокоповичъ* писано не къ ней; но въ послѣдствіи признала, что и это послѣднее письмо получено ею отъ Лермонтова, по возвращеніи ея изъ села Едимнова, Корчевскаго уѣзда, гдѣ она была нѣкоторое время учительницею въ школѣ при сыроваренномъ заводѣ Верещагина. Въ письмѣ отъ 4 мая Лермонтовъ извѣщалъ, между прочимъ, Ободовскую, что въ Петербургѣ онъ, вѣроятно, будетъ бочаромъ или кузнецомъ, а въ письмѣ отъ 12 августа сообщалъ свой адресъ „5-я рота Измайловскаго полка, д. № 20, Якову Сыченкову—на внутреннемъ конвертѣ Ѳ. Н.". Такой способъ переписки, а также желаніе Лермонтова сдѣлаться бочаромъ или кузнецомъ, становятся вполнѣ понятными въ виду удостовѣреннаго Рабиновичемъ обязательства, что Лермонтовъ уже въ 1872 году доказывалъ ему, Рабиновичу, что единственный выходъ изъ существующаго порядка вещей заключается въ кровавой революціи.

Лѣтомъ 1873 г. Лермонтовъ, по словамъ Рабиновича, ѣздилъ за границу, гдѣ и познакомился съ дворянкою Евгеніею Константиновною Судзиловскою, которая, по возвращеніи въ Петербургъ, поселилась вмѣстѣ съ цюрихскою студенткою Варварою Ивановною Ваховскою, въ домѣ № 8, по Троицкому переулку, и стала посѣщать акушерскіе курсы. Въ это время Рабиновичъ, приготавливаясь къ поступленію въ Медико-Хирургическую Академію, жилъ въ квартирѣ дворянина Сергѣя Ковалика, куда его помѣстилъ одинъ изъ его знакомыхъ, съ которымъ онъ встрѣчался у Левашова; въ этой же квартирѣ поселился осенью 1873 года и Лермонтовъ, подъ фамиліею Варуздина, введенный къ Ковалику, насколько помнитъ Рабиновичъ, Судзиловскою. Проживая на одной квартирѣ, Рабиновичъ и Лермонтовъ вошли въ болѣе близкія сношенія, и по показанію Рабиновича, Лермонтовъ сталъ ему разсказывать о Бакунинѣ, съ которымъ былъ знакомъ лично, объ эмигрантѣ Сажинѣ, называвшемъ себя Россомъ, и о цюрихской жизни, развивалъ предъ нимъ анархическую теорію, и, наконецъ, предложилъ Рабиновичу поѣхать за границу, войти въ сношенія съ Сажинымъ и заняться ввозомъ въ Россію революціонныхъ сочиненій. Рабиновичъ принялъ предложеніе Лермонтова, вслѣдствіе чего они и ѣздили за границу, по возвращеніи откуда Рабиновичъ, вернувшійся ранѣе Лермонтова, поселился на квартирѣ Судзиловской. Вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ Лермонтовъ, а также появились въ квартирѣ Судзиловской старые друзья Лермонтова — дочь генералъ-маіора Софья Александровна Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и мѣщанинъ Киріакъ Родіоновъ Милоглазкинъ, изъ коихъ послѣдній былъ знакомъ съ Лермонтовымъ по Технологическому Институту, въ которомъ оба они слушали лекціи, а Лешернъ, какъ видно изъ ея показанія, познакомилась съ Лермонтовымъ въ 1871 году, въ одномъ изъ засѣданій педагогическаго общества.

Въ 1873 году Лешернъ не была уже новичкомъ въ дѣлѣ революціонной пропаганды. Вскорѣ послѣ своего знакомства съ Лермонтовымъ, въ 1871 году, она отправилась въ имѣніе своей матери, село Меглецы, Боровичскаго уѣзда, гдѣ, по ея собственнымъ словамъ, завѣдывала дѣлами ссудо-сберегательнаго товарищества, а въ 1872 году открыла школу, учителемъ въ которой былъ Гамовъ, нынѣ осужденный по дѣлу Долгушина и др. Дѣятельность Гамова и Лешернъ имѣла послѣдствіемъ закрытіе школы и воспрещеніе Лешернъ быть гдѣ-либо учительницей, а вслѣдъ затѣмъ ей было запрещено заниматься и дѣлами ссудо-сберегательнаго товарищества. Не взирая на запрещеніе быть учительницей, Лешернъ продолжала учить крестьянскихъ дѣтей, внушая имъ при этомъ революціонныя идеи, доказательствомъ чего служитъ показаніе крестьянскаго мальчика Ивана Павлова Бондарева, по словамъ котораго, послѣ удаленія Гамова, стала учить Лешернъ. Занятія происходили по вечерамъ, въ помѣщеніи школы, причемъ дверь затворялась съ внутренней стороны желѣзнымъ крюкомъ, а окна занавѣшивались занавѣсками. Лешернъ читала ученикамъ *„Дѣдушку Егора, Стеньку Разина* и др. книги, названіе которыхъ Бондаревъ не помнитъ, и говорила что надо сдѣлать бунтъ, перебить господъ какъ Стенька Разинъ перебилъ бояръ, и что всѣ должны быть равны, причемъ о чтеніяхъ приказывала не болтать.

Хотя показаніе Бондарева, указавшаго лицъ кромѣ него присутствовавшихъ на чтеніяхъ, сими послѣдними не было подтверждено, тѣмъ не менѣе справедливость объясненій Бондарева удостовѣряется слѣдующимъ показаніемъ становаго пристава Малиновскаго: по словамъ послѣдняго, получивъ отъ исправника приказаніе слѣдить за тѣмъ, чтобы Лешернъ не учила въ школѣ, онъ однажды, осенью 1873 г., поздно вечеромъ, подъѣхалъ къ школѣ съ завязаннымъ колокольчикомъ и убѣдился, что въ школѣ занимаются; окна были закрыты извнутри, а дверь заперта. На стукъ—Лешернъ спросила „кто стучитъ" и долго не отворяла дверей; когда же наконецъ таковыя были отперты, то онъ, не останавливаясь разговаривать съ вышедшею къ нему Лешернъ, прошелъ прямо въ школу, гдѣ и засталъ двухъ или трехъ мальчиковъ, которые на его вопросъ, гдѣ остальные, отвѣтили что тѣ ушли изъ школы по черной лѣстницѣ.

Вышеназванныя лица, т.-е. Судзиловская, Лешернъ, Рабиновичъ и Милоглазкинъ, составили подъ руководствомъ Лермонтова кружокъ, что̀ подтверждается показаніемъ самого Рабиновича. Ваховская, проживавшая въ одной квартирѣ съ Рабиновичемъ и Судзиловскою, очевидно тоже примкнула къ кружку.

Кружокъ Лермонтова придерживался теоріи Бакунина, что̀ несомнѣнно вытекаетъ какъ изъ приведеннаго уже разговора Лермонтова съ Рабиновичемъ, въ которомъ первый разви-

валъ ученіе объ анархіи, такъ и изъ того обстоятельства, что Судзиловская и Ваховская усвоили себѣ революціонное направленіе за границей, подъ непосредственнымъ вліяніемъ русскихъ эмигрантовъ, сближеніе съ которыми повліяло также и на окончательное посвященіе себя Лермонтовымъ дѣлу революціонной пропаганды.

Программа практической дѣятельности кружка вполнѣ выяснилась на сходкахъ происходившихъ въ квартирахъ студентовъ Технологическаго Института, Головина и Чернышева. На означенныхъ сходкахъ, въ которыхъ принимали участіе лица, принадлежавшія къ разнымъ петербургскимъ кружкамъ, обсуждались, какъ видно изъ показанія Рабиновича, слѣдующіе вопросы: а) какимъ образомъ довести народъ до революціи; б) въ какомъ положеніи всего удобнѣе дѣйствовать среди народа: въ положеніи рабочаго, или же въ положеніи болѣе или менѣе привелигированномъ — въ качествѣ учителя, фельдшера, медика, земскаго дѣятеля; в) нужна ли для народнаго дѣятеля научная подготовка; г) какимъ образомъ дѣйствовать въ народѣ: пропагандируя ли соціально-революціонныя истины, просвѣщая, такъ сказать, теоретически рабочую массу на счетъ ея положенія и уничтоженія властей, или же опираясь на существующее въ народѣ недовольство, прямо, безъ предварительной подготовки, возбуждать народныя страсти, и д) если дѣйствовать послѣднимъ путемъ, то какимъ образомъ расположить свои дѣйствія: захватывать ли обширныя мѣстности, стараясь связать между собою разрозненные центры недовольства, или же, ограничиваясь одною мѣстностью. — селомъ, деревней и т. д., пользоваться подходящимъ случаемъ и вызывать бунтъ, вспышку? Вопросъ же о необходимости соціальной революціи считался предрѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. При обсужденіи вышеприведенныхъ вопросовъ, кружокъ Лермонтова, какъ оказывается изъ показанія Рабиновича, высказался въ томъ смыслѣ, что пропагандировать въ народѣ слѣдуетъ въ положеніи рабочаго, возбуждая революціонныя страсти и распространяя свою дѣятельность на обширныя мѣстности, причемъ научная подготовка признавалась для пропагандиста излишнею.

Нѣкоторые изъ членовъ кружка употребляли въ перепискѣ шифръ, такъ напримѣръ: Лермонтовъ, Рабиновичъ и Лешернъ, причемъ двое послѣднихъ, по словамъ Рабиновича, приняли шифръ изобрѣтенный Коваликомъ и состоявшій изъ неприличныхъ словъ. Въ этомъ отношеніи показаніе Рабиновича подтверждается записками Лешернъ писанными ею впослѣдствіи, во время содержанія ея подъ стражею въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ.

Особой кассы у кружка не было и вообще денежныя средства его были ограничены: расходы по перевозкѣ изъ-за границы книгъ покрывались частными средствами отдѣльныхъ лицъ, какъ-то, напримѣръ: сыномъ генералъ-майора Михаиломъ Шрейдеромъ (скрывшимся) и Войноральскимъ, отъ котораго Рабиновичъ получилъ 300 р., а Лермонтовъ, какъ видно изъ дѣла, очень нуждался въ деньгахъ.

Кружокъ Лермонтова имѣлъ сношенія со всѣми прочими петербургскими кружками. Изъ „чайковцевъ" посѣщали квартиру Судзиловской, по удостовѣренію Рабиновича, Ободовская, Чарушинъ, Богомоловъ и др., фамилій которыхъ онъ не помнитъ. Рабиновичъ, кромѣ сего, былъ знакомъ съ Купріяновымъ, Кравчинскимъ и др. Съ кружкомъ Ковалика въ близкихъ сношеніяхъ находились, какъ видно изъ вышеизложеннаго, Лермонтовъ, Рабиновичъ и Судзиловская, а также Ваховская, что доказывается запиской отобранною въ послѣдствіи у Ковалика. Рабиновичъ, по его собственному показанію, работавшій нѣкоторое время въ устроенной агитаторами кузницѣ въ Боровой улицѣ, встрѣчался тамъ съ членами такъ называемыхъ кружковъ артиллеристовъ и оренбуржцевъ, а Лешернъ была знакома съ нѣкоторыми членами кружка самарцевъ, доказательствомъ чего служатъ, во 1-хъ, показаніе Лешернъ, изъ котораго видно, что она знала Надежду Юргенсонъ; во 2-хъ, письма, отобранныя впослѣдствіи у Лешернъ при ея задержаніи. Весною 1874 г. кружокъ Лермонтова принялъ участіе въ общемъ стремленіи кружковъ къ болѣе тѣсному сближенію между собою. Рабиновичъ, по его собственному показанію, явился представителемъ кружка Лермонтова въ собраніяхъ депутатовъ петербургскихъ кружковъ, послѣдствіемъ каковыхъ собраній было, какъ уже сказано выше, учрежденіе общей кассы. По словамъ Рабиновича, онъ и Ободовская находились нѣкоторое время въ числѣ лицъ, коимъ было поручено завѣдываніе кассою, основной капиталъ которой составился изъ 300 р. с., внесенныхъ членомъ кружка Чернышева — Каблицомъ, и изъ суммъ собранныхъ со студенческихъ вечеровъ. Касса, по удостовѣренію Рабиновича, снабдила деньгами члена кіевскаго кружка

Дробышъ-Дробышевскаго, уѣзжавшаго въ Кіевъ, а также петербургскихъ агитаторовъ Воронцова и Цвиневу, бѣжавшихъ за границу.

Кромѣ сношеній съ петербургскими кружками, кружокъ Лермонтова имѣлъ связи и съ революціонными дѣятелями другихъ мѣстностей. Лермонтовъ имѣлъ сношенія въ Одессѣ съ Волховскимъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія обстоятельствъ дѣла, и въ Кіевѣ, по показанію Рабиновича, съ членами мѣстнаго кружка Дебагоріо-Мокріевичемъ и Николаемъ Судзиловскимъ, братомъ Евгеніи Судзиловской. По словамъ Рабиновича, Лермонтовъ, въ концѣ 1873 г., послалъ его въ Кіевъ для устройства книжной агентуры, причемъ далъ ему письмо къ Судзиловскому и поручилъ узнать отъ Дебагоріо-Мокріевича, имѣвшаго непосредственныя сношенія съ эмигрантомъ Сажинымъ, что сталось съ книгами, высланными послѣднимъ на южную границу. Судзиловская, Лешернъ и Рабиновичъ имѣли сношенія съ Войнаральскимъ, познакомившимся съ Судзиловскою чрезъ Анну Тушинскую, съ которою Судзиловская, какъ видно изъ ея показанія, встрѣчалась въ повивальномъ институтѣ. Милоглазкинъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ нижегородскимъ кружкомъ; Рабиновичъ—съ харьковскимъ и кіевскимъ, и былъ знакомъ, по его собственнымъ словамъ, со многими московскими революціонными дѣятелями: съ Саблинымъ, Алексѣевою, братьями Аркадакскими и т. д.; Ваховская имѣла сношенія съ кіевскимъ кружкомъ, что видно изъ приложенной къ дѣлу копіи письма Дебагоріо-Мокріевича, а также и съ кружкомъ одесскихъ революціонеровъ, доказательствомъ чего служитъ показаніе данное при дознаніи дворяниномъ Георгіемъ Трудницкимъ, принадлежавшимъ одно время къ одесскому кружку. По словамъ Трудницкаго, онъ видѣлся съ Ваховскою въ концѣ 1873 г. и старался склонить ее на путь мирнаго прогресса, но всѣ старанія его остались тщетными.

Независимо отъ сего, Лермонтовъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ русскими эмигрантами, преимущественно съ Сажинымъ, при содѣйствіи котораго и съ помощью Рабиновича организовалъ ввозъ въ Россію, черезъ прусскую границу, книгъ революціоннаго содержанія. Сношеніе съ Сажинымъ, а также операція ввоза книгъ, подробно описаны Рабиновичемъ въ его показаніи.

Изъявивъ, какъ уже было сказано выше, согласіе участвовать въ дѣлѣ ввоза въ Россію революціонныхъ книгъ, Рабиновичъ условился съ Лермонтовымъ на счетъ плана дѣйствій, причемъ было рѣшено, что Лермонтовъ отправится за границу черезъ южныя губерніи, а Рабиновичъ черезъ сѣверныя, и что оба они съѣдутся въ Берлинѣ, гдѣ и встрѣтятся съ Сажинымъ. Лермонтовъ далъ Рабиновичу шифрованную записку къ Сажину и указалъ какимъ образомъ разыскать въ Берлинѣ какъ его, такъ и Сажина, а именно, по пріѣздѣ въ Берлинъ Рабиновичъ долженъ былъ спросить на почтѣ письмо на имя Ухтомскаго, въ каковомъ письмѣ и долженъ былъ находиться адресъ Сажина, самому же Рабиновичу надлежало оставить на почтѣ свой адресъ въ письмѣ на имя Дзигоева. Пятаго или шестаго ноября 1873 г. Рабиновичъ, разставшись съ Лермонтовымъ, отправился въ Берлинъ, гдѣ и разыскалъ Сажина, а нѣсколько дней спустя пріѣхалъ и Лермонтовъ. Всѣ названныя лица провели вмѣстѣ дня два, совѣщаясь на счетъ перевозки и распространенія книгъ, послѣ чего Рабиновичъ съ Сажинымъ поѣхали въ пограничный прусскій городъ Шервиндъ, а Лермонтовъ остался въ Берлинѣ, ожидая возвращенія Сажина. Въ Шервиндѣ Рабиновичъ и Сажинъ отыскали контрабандиста, кельмейскаго мѣщанина Мовшу Вульфова Эдельштейна, которому назвались вымышленными именами: Рабиновичъ—именемъ *Котья*, а Сажинъ—именемъ *Будо*, и условились съ Эдельштейномъ, что послѣдній будетъ доставлять книги изъ Шервинда въ какой-нибудь городъ, находящійся за таможенною линіей, напр. въ Кейданы или Ковно, съ платою по 30 руб. съ пуда. Тотчасъ послѣ заключенія такого условія съ Эдельштейномъ, Сажинъ уѣхалъ въ Берлинъ, а оттуда вмѣстѣ съ Лермонтовымъ въ Прагу, а Рабиновичъ остался въ Шервиндѣ, дожидаясь присылки книгъ. Черезъ недѣлю книги были доставлены въ Шервиндъ. Эдельштейнъ, при помощи Рабиновича, перепаковалъ книги на чердакѣ дома контрабандиста Эрнста Братца и затѣмъ увезъ ихъ, сказавъ Рабиновичу, чтобъ онъ явился за полученіемъ таковыхъ въ Кейданы, къ еврею Вульфу Розенблату, адресъ котораго и передалъ Рабиновичу. Не имѣя денегъ для уплаты слѣдующей Эдельштейну за перевозку книгъ суммы, Рабиновичъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ, какъ уже сказано выше, и поселился въ квартирѣ Судзиловской. Черезъ

нѣсколько дней послѣ возвращенія Рабиновича, за книгами отправился упомянутый уже выше Шрейдеръ (скрывшійся), который, заплативъ изъ своихъ средствъ слѣдующія Эдельштейну деньги, получилъ отъ него квитанцію Варшавской желѣзной дороги, по которой Рабиновичъ въ послѣдствіи и получилъ тюки съ книгами. Доставленныя такимъ образомъ книги, *Государственность и Анархія и Историческое развитіе интернаціонала*, были розданы петербургскимъ революціоннымъ дѣятелямъ, въ томъ числѣ и посѣщавшимъ квартиру Судзиловской—Чарушину, Ободовской, Богомолову, Каблицу, Ивану Чернышеву и др. Предъ отъѣздомъ изъ Шервинда, Рабиновичъ оставилъ Эдельштейну, для переписки съ нимъ, адресъ жены технолога Александры Ивановой Агарковой. По этому адресу было получено въ мартѣ 1874 г. извѣщеніе о прибытіи второго транспорта книгъ, за полученіемъ котораго также ѣздилъ Шрейдеръ, на этотъ разъ въ Ковно, а въ іюнѣ самъ Рабиновичъ, получившій въ то время 300 руб. отъ Войноральскаго, отправился въ Кейданы за третьимъ транспортомъ, который и былъ имъ доставленъ въ Петербургъ, причемъ Рабиновичъ для дальнѣйшей съ нимъ переписки сообщилъ Эдельштейну новый адресъ почетнаго гражданина Ѳедора Ѳедорова Орлова. По этому послѣднему адресу, равно какъ и по адресу Агарковой, Рабиновичъ получилъ нѣсколько писемъ, что̀ подтверждается показаніями Агарковой и Орлова, изъ которыхъ послѣдній зналъ Рабиновича подъ именемъ Лемена.

Вышеизложенное показаніе Рабиновича подтверждается вполнѣ показаніемъ Мовши Эдельштейна, умалчивающаго лишь о второмъ транспортѣ книгъ, переданныхъ Шрейдеру въ Ковнѣ, а также и показаніемъ Вульфа Розенблата, удостовѣрившаго сношенія Рабиновича съ Эдельштейномъ. Кромѣ сего, изъ показанія Розенблата оказывается, что Эдельштейнъ въ началѣ августа 1874 г. отправилъ куда-то по желѣзной дорогѣ тюкъ задѣла̀нный въ деревянный ящикъ.

Этотъ послѣдній тюкъ былъ найденъ 9-го августа 1875 г. въ пакгаузѣ Московской товарной станціи Николаевской желѣзной дороги при разборкѣ непринятыхъ въ теченіе года кладей. Въ упомянутомъ тюкѣ, доставленномъ изъ Кейданъ, оказалось: 390 экземпляровъ сочиненія: *Русской соціально-революціонной молодежи* по поводу брошюры *Задачи революціонной партіи въ Россіи* — редактора журнала *Впередъ*; одинъ экземпляръ книги: *Kapital und Arbeit, ein populärer Auszug aus „das Kapital, von Karl Marx“* 8 экземпляровъ; 2 тома журнала *Впередъ*; 16 экземпляровъ *Письма безъ адреса: Неизданная статья Н. Г. Чернышевскаго* и 46 №№ газетъ *Der Volksstaat* за 1874 г.

Не отвергая своего участія въ дѣлѣ ввоза въ Россію книгъ, Эдельштейнъ виновнымъ себя не призналъ.

Въ апрѣлѣ 1876 г. былъ задержанъ въ мѣстечкѣ Радзивиловѣ бывшій студентъ Технологическаго Института Михаилъ Петровъ Сажинъ, высланный въ 1868 г. административнымъ порядкомъ въ гор. Вологду за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ и бѣжавшій впослѣдствіи за границу. Не признавая себя виновнымъ, Сажинъ объяснилъ, что ни Лермонтова, ни Рабиновича, ни Эдельштейна не знаетъ, и что цѣлью его пріѣзда въ Россію была вербовка волонтеровъ въ Герцеговину.

Между тѣмъ, по предъявленіи Сажина Рабиновичу, послѣдній призналъ въ немъ то самое лицо, съ которымъ видѣлся въ Берлинѣ и ѣздилъ въ Шервиндъ, при этомъ, до предъявленія ему Сажина, Рабиновичъ не только назвалъ его имя и отчество и описалъ совершенно вѣрно его примѣты, но даже указалъ на то, что Сажинъ пишетъ четко и старательно, что̀ вполнѣ подтверждается показаніемъ Сажина, собственноручно имъ записаннымъ.

Эдельштейнъ, которому Сажинъ также былъ предъявленъ, отозвался, что не можетъ съ увѣренностью сказать, былъ ли у него Сажинъ подъ именемъ Будо, такъ какъ послѣдняго онъ видѣлъ въ Шервиндѣ одинъ только разъ.

Независимо отъ вышеизложеннаго, Сажинъ имѣлъ еще непосредственныя сношенія со студентомъ Медико-Хирургической Академіи Исаакомъ Павловскимъ, основателемъ таганрогскаго кружка, которому тоже доставлялъ изъ-за границы книги революціоннаго содержанія, въ чемъ принималъ участіе и Эдельштейнъ. Участіе Сажина и Эдельштейна въ преступной дѣятельности Павловскаго будетъ изложено ниже.

Ѳеофанъ Лермонтовъ, подъ именемъ слушателя Технологическаго Института Василія Матвѣева Иванова, былъ задержанъ 4-го января 1874 г. въ квартирѣ Судзиловской, проживавшей въ то время вмѣстѣ съ Ваховскою въ 8-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ № 9. У Судзиловской были найдены книги: *Mémoire présenté par la Fédératiom Jurassienne* и *Азбука соціальныхъ наукъ,* у Лермонтова—замѣтки революціоннаго направленія и письмо воспитанника Нижегородской духовной семинаріи Михаила Духовскаго на имя Киріака Милоглазкина, а у находившейся во время обыска въ квартирѣ Судзиловской дочери полковника Клеопатры Блавдзевичъ были отобраны — двѣнадцать бумагъ принадлежащихъ Сергѣю Ковалику и два свидѣтельства Вѣры Павловой Рогачевой, жены Дмитрія Рогачева.

Лермонтовъ, отвергая свое появленіе въ квартирѣ Ковалика подъ именемъ Варуздина, поѣздку за границу съ Рабиновичемъ и участіе свое въ дѣлѣ ввоза въ Россію революціонныхъ книгъ, объяснилъ, что съ августа по декабрь 1873 г. проживалъ въ Одессѣ и слѣдовательно не могъ совершить того, что̀ приписываетъ ему Рабиновичъ, а также, что не онъ совратилъ Рабиновича, а напротивъ того, послѣдній старался склонить его, Лермонтова, къ революціонной дѣятельности и преслѣдовалъ его насмѣшками за нежеланіе участвовать въ пропагандѣ.

Помимо явной невѣроятности послѣдняго объясненія Лермонтова, которому въ 1873 г. было 25 лѣтъ, тогда какъ Рабиновичу въ то время едва минуло 17 лѣтъ, показаніе Лермонтова опровергается слѣдующими обстоятельствами дѣла:

Проживавшій на одной квартирѣ съ Коваликомъ дворянинъ Иванъ Павловъ Блавдзевичъ, какъ видно изъ его показанія, видѣлъ на означенной квартирѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, одновременно съ Рабиновичемъ, нѣкоего Варуздина, котораго затѣмъ встрѣчалъ въ квартирѣ Судзиловской и Ваховской, въ 9-й ротѣ Измайловскаго полка. Сестра Ивана Блавдзевича, Клеопатра, также слышала фамилію Варуздина.

Содержась подъ стражею въ домѣ предварительнаго заключенія, Лермонтовъ написалъ двѣ шифрованныя записки и передалъ таковыя для отправки арестанту Фролову, убиравшему помѣщенія арестантовъ привилегированныхъ сословій, у котораго онѣ и были отобраны. Означенныя записки, разобранныя посредствомъ шифра указаннаго самимъ Лермонтовымъ, оказались слѣдующаго содержанія: „Старый Вашъ.... прошу васъ немедленно вотъ что̀ сдѣлать. Написать мнѣ кто цѣлъ и гдѣ находится, писать можно только на булочныхъ кошеляхъ лимономъ; чтобы прочесть надо погрѣть на огнѣ; всѣ бумаги отъ меня, по виду бѣлыя, такъ читать. Вмѣсто философіи вотъ бы этому научиться; какъ я ни ухищрялся, нѣтъ, не понялъ. Ради Бога вотъ что̀ сдѣлайте: 1) сказать Монастыреву чтобы непремѣнно онъ измѣнилъ показаніе; я въ августѣ былъ, но бумагъ не оставлялъ, а потому онѣ не иначе къ нему.... прихватилъ съ книгами Жукова, или у Милоглазкина, или у другого кого, а у этого я ночевалъ и забылъ, и все это было въ послѣднихъ числахъ декабря, не иначе; 2) Фалину и *Жиду* и *Милому* что они видѣли мои документы, разъ когда въ декабрѣ, около 15, я былъ у перваго. сидѣли вмѣстѣ, я снялъ сюртукъ, они выпали, подняли тогда и разсматривали. А какіе документы, они сами знаютъ, видѣли, пусть припомнятъ, хоть не всѣ. Надо доказать что они были при мнѣ до конца декабря. Въ этомъ вся сила, ибо съ августа по 18 декабря я жилъ въ О.; 3) въ августѣ, бывъ (около 12) у Монастырева, я у него денегъ не просилъ на обѣдъ, это бывало ранѣе, а тогда я имѣлъ, ибо ѣхалъ въ Одессу. Видите, какъ онъ навралъ. На судѣ онъ долженъ все такъ измѣнить. Это можно. Вотъ она, гдѣ бы нужна ранѣе философія; 4) Лешернъ напомнитъ что я въ апрѣлѣ взялъ у нея 200 руб. въ долгъ, а лучше бы за переводъ чрезъ нее, но тогда мнѣ напишите книгу. Если не она, (но прошу дать ей знать), то вы ее замѣнить должны въ этомъ. лучше переводъ; 5) дайте знать Волховскому, Зотову (чрезъ Васюкова) и ему самому. Ходько чрезъ Женю Са..... Я жилъ въ Одессѣ съ начала августа до начала декабря. Съ ними видѣлся, искалъ мѣста. Они на моей квартирѣ не были и не знали ее. Познакомился я съ 1 въ Питерѣ, со 2 въ Одессѣ, въ библіотекѣ, съ 3 въ Питерѣ, видѣлся онъ проѣздомъ, 4 какъ 2; какъ твое здоровье милая Саша, не успѣешь поручи..... До свиданья, жму............ Здѣсь улажено сношеніе по всей тюрьмѣ къ Чарушину, а Попову чрезъ меня. Молчать строго... Послѣ васъ пусть другой кто ходитъ ко мнѣ, чтобы вести переписку. Прошу кого-нибудь

принести въ тюрьму три рубля на имя крестьянина Ярославской губ., Васильевской волости, деревни Фролова, Василія Фролова. Пусть мужчина и въ конторѣ скажетъ отъ родныхъ, такъ надо".

Къ этимъ шифрованнымъ запискамъ были приложены двѣ записки такого содержанія:

1) „На площадь Михаила Архангела, противъ церкви, домъ Ободовскаго—Александрѣ Яковлевнѣ Ободовской—Коломна"—и

2) „Просятъ, ради Бога, всѣ эти четыре листа бѣлыхъ бумагъ снести по такому адресу: Коломна, на площади Михаила Архангела, противъ церкви, въ домѣ Ободовскаго, Александрѣ Яковлевнѣ Ободовской, или, если ея нѣтъ, по такому: около театра Берга, картографическое заведеніе Ильина, домъ его же, управляющему заведеніемъ Александру Меркулову Эндаурову, а Васъ просятъ, Эндауровъ, всѣ эти бумаги передать Ободовской или Купріяновой скорѣе. Подателю заплатите по просьбѣ. Ради дружбы".

Кромѣ вышеприведенныхъ обстоятельствъ дѣла, наглядно доказывающихъ лживость показаній Лермонтова, весьма существенною уликой противъ послѣдняго является найденное у него при обыскѣ письмо Духовскаго, служащее также къ изобличенію Милоглазкина въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія.

Въ этомъ письмѣ, отъ 29-го декабря 1873 г., Духовской, между прочимъ, писалъ: „Очень радъ Вашему предложенію, г. Милоглазкинъ. Книги будутъ, я полагаю, полезны, въ особенности въ настоящее время: теперь у насъ время совершенно свободное и читать ихъ найдутся многіе, которые всегда не прочь узнать что бы то ни было новое . . . . . въ вольномъ духѣ (позвольте такъ выразиться). Передать экземпляръ въ компанію, о которой Вы говорите, нѣтъ никакого затрудненія. Адресовать можете на г-на Биткина, который обитаетъ въ Суетинской улицѣ, подъ № 6 (близъ Преподобнаго Сергія). Чѣмъ скорѣе Вы это исполните, тѣмъ больше я буду Вамъ благодаренъ—да и не одинъ я".

Вслѣдствіе сего письма, Духовской, какъ будетъ изложено ниже, получилъ отъ Милоглазкина нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ находились: *Государственность и Анархія*, *Историческое развитіе интернаціонала*, *Отщепенцы* и др., что подтверждается и показаніемъ сына священника Владиміра Серебровскаго. По словамъ Духовскаго, вышеприведенное письмо къ Милоглазкину было отвѣтомъ на предложеніе послѣдняго снабдить его, Духовскаго, „книгами хорошими и дѣльными, разрѣшающими массу вопросовъ не рѣшенныхъ многими"; затѣмъ книги были присланы Милоглазкинымъ, какъ видно изъ показанія Духовскаго, при слѣдующей запискѣ: „Бояться нечего, вотъ что на всякій случай запомните: если Васъ спросятъ что такое получаете — говорите астролябію".

Милоглазкинъ, не отвергая посылку книгъ Духовскому, объяснилъ, что сдѣлалъ это подъ вліяніемъ увлеченія, безъ всякой преступной цѣли.

Въ виду вышеизложеннаго, нахожденіе въ рукахъ Лермонтова письма Духовскаго къ Милоглазкину, въ связи съ показаніемъ Рабиновича, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что книги были посланы Милоглазкинымъ въ Нижній-Новгородъ съ вѣдома и при участіи Лермонтова.

Задержанная одновременно съ Лермонтовымъ, Варвара Ваховская была затѣмъ освобождена изъ подъ стражи и уѣхала къ отцу, въ Подольскую губернію, гдѣ однако оставалась недолго, и по возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1874 года, занялась революціонною пропагандой.

Въ отношеніи преступной дѣятельности Ваховской слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее.

Въ августѣ 1874 года, студентъ Технологическаго Института Эндауровъ явился въ мастерскую портнаго Чукуръ и предложилъ находившимся въ обученіи у послѣдняго крестьянскимъ мальчикамъ Михаилу Платонову и Ларіону Алексѣеву обучаться у него, Эндаурова, грамотѣ, и вслѣдствіе изъявленнаго Ларіоновымъ и Алексѣевымъ согласія, сталъ посѣщать ихъ почти ежедневно. Сначала Эндауровъ училъ Ларіонова и Алексѣева читать и писать, и читалъ имъ священныя книги, а впослѣдствіи, когда ученики къ нему привыкли, приносилъ имъ книги: *О землѣ и небѣ*, *Сказку о 4-хъ братьяхъ*,

Исторію одного французскаго крестьянина и Хитрую механику. Читая поименованныя книги, Эндауровъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ прочитанное, причемъ внушалъ своимъ ученикамъ, что рабочимъ тяжело жить, что трудомъ рабочихъ пользуются богатые, что рабочихъ и крестьянъ притѣсняютъ чиновники и правительство, и что для того, чтобы лучше жить, необходимо уничтожить правительство и чиновниковъ, послѣ чего всѣ будутъ равны; вышеназванныя книги Эндауровъ давалъ Платонову и Алексѣеву и на руки, совѣтуя читать эти книги и давать таковыя для чтенія другимъ. Около Рождества, вмѣсто Эндаурова явился новый учитель—неизвѣстная личность, назвавшаяся Николаемъ, который внушалъ Платонову и Алексѣеву то же, что и Эндауровъ, а предъ самымъ Рождествомъ новый учитель объявилъ, что вмѣсто него будетъ ходить и продолжать ученіе барышня, Варвара Ивановна Ваховская, которая дѣйствительно вскорѣ затѣмъ и явилась. Посѣщая Платонова и Алексѣева только по праздничнымъ днямъ, Ваховская читала имъ *Исторію одного французскаго крестьянина*, *Сказку о 4-хъ братьяхъ и Хитрую механику*, употребляя при этомъ иногда остававшіяся послѣ Эндаурова книги, а иногда приносила свои. Комментируя прочитанное, Ваховская, подобно своимъ предшественникамъ, внушала Платонову и Алексѣеву, что правительство и чиновниковъ слѣдуетъ уничтожить.

Все вышеизложенное вполнѣ подтверждено при слѣдствіи показаніемъ Платонова; Алексѣевъ же, показывая въ общихъ чертахъ согласно съ Платоновымъ, отозвался, что содержанія читанныхъ учителями книгъ и ихъ толкованій не помнитъ, причемъ однако удостовѣрилъ, что Ваховская говорила что-то о рабочихъ.

Достовѣрность показаній Платонова и Алексѣева подтверждается, во 1-хъ, показаніемъ родственника Платонова—крестьянина Ильи Егорова, объяснившаго, что Платоновъ принесъ ему предъ Рождествомъ книги: *Сила солому ломитъ*, *Исторію одного французскаго крестьянина и Хитрую механику* и, во 2-хъ, найденною при обыскѣ въ квартирѣ Чукуръ книгой *Стенька Разинъ* въ стихахъ.

Эндауровъ и учитель Николай остались неразысканными, а Ваховская, не отвергая своихъ занятій съ Платоновымъ и Алексѣевымъ, виновною себя не признала.

Ваховская, какъ видно изъ ея показанія, была знакома съ Дебагоріо Мокріевичемъ, членомъ кіевскаго кружка, и видѣлась съ нимъ въ Цюрихѣ.

Лермонтовъ и Ваховская были арестованы въ январѣ 1874 года, въ то время, когда Рабиновичъ, по порученію Лермонтова, ѣздилъ въ Кіевъ и Харьковъ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Рабиновичъ засталъ Судзиловскую уже на новой квартирѣ, въ 12-й ротѣ, въ домѣ № 10, куда вскорѣ затѣмъ явилась и уѣзжавшая въ Новгородскую губернію Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ. Послѣдняя привезла съ собою, по словамъ Рабиновича, пять годовыхъ паспортныхъ бланковъ, а Милоглазкинъ вырѣзалъ двѣ печати волостныхъ правленій, Ярославской и Смоленской губерній, послѣ чего, составивъ для себя фальшивый видъ на жительство, Милоглазкинъ ушелъ въ народъ. Такое показаніе Рабиновича находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи Лешернъ, признавшей, что ею было пріобрѣтено нѣсколько паспортныхъ бланковъ, и отчасти въ показаніи Милоглазкина, объяснившаго, что въ первой половинѣ апрѣля онъ отправился въ Рыбинскъ и затѣмъ черезъ Нижній въ Сызрань, гдѣ пробылъ до августа, занимаясь поденною работой, а въ началѣ августа уѣхалъ въ Нижній.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ Милоглазкинъ примкнулъ къ мѣстному революціонному кружку. Дальнѣйшая его дѣятельность будетъ изложена ниже.

Судзиловская, въ концѣ марта или началѣ апрѣля, тоже уѣхала изъ Петербурга и отправилась, по приглашенію Войноральскаго, въ село Степановку, Пензенской губерніи, гдѣ послѣдующая ея дѣятельность представляется тѣсно связанною съ дѣятельностью пензенскаго революціоннаго кружка.

Оставшіеся въ Петербургѣ Лешернъ и Рабиновичъ поселились, по ихъ собственнымъ показаніямъ, на новой квартирѣ, а именно: въ 3-й ротѣ Измайловскаго полка, въ д. № 12, кв. № 1. Въ этой квартирѣ, по показанію Рабиновича, навѣщали его Лешернъ и студентъ Медико-Хирургической Академіи Дмитрій Андреевъ Бородулинъ, что подтверждается и показаніемъ сего послѣдняго, изъ котораго видно, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ Рыбинскъ на каникулы, онъ сообщилъ свой адресъ Лешернъ, имѣвшей намѣреніе побывать лѣтомъ въ Рыбинскѣ. Хотя, по словамъ Бородулина, цѣль предполагавшейся

поѣздки Лешернъ не была ему извѣстна, но въ виду удостовѣренія Рабиновича о томъ, что Бородулинъ обѣщалъ найти для Лешернъ работу въ Рыбинскѣ и дальнѣйшей дѣятельности Бородулина, есть полное основаніе заключить, что послѣдній примкнулъ къ кружку и былъ посвященъ въ его замыслы.

Кромѣ Бородулина, въ квартирѣ Рабиновича и Лешернъ появлялись, по показанію Лешернъ, студентъ С.-Петербургскаго университета Павелъ Семеновъ Троицкій и слушательница женскихъ курсовъ при Медико-Хирургической Академіи Надежда Александрова Юргенсонъ; изъ нихъ Троицкій отправился впослѣдствіи на пропаганду въ Рыбинскъ, гдѣ встрѣтился съ Лешернъ, а Юргенсонъ, получивъ отъ Лешернъ адресъ Судзиловской, уѣхала въ Пензу.

Въ началѣ мая Рабиновичъ, по порученію Ковалика, отправился въ Харьковъ и Кіевъ. Дорогой онъ остановился въ Москвѣ, гдѣ и познакомился со многими мѣстными пропагандистами, а на обратномъ пути изъ Кіева получилъ отъ Войноральскаго упомянутыя уже выше деньги на расходы по перевозкѣ книгъ и около половины мая вернулся въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда ушла въ народъ Лешернъ, запасшись фальшивымъ паспортомъ, изготовленнымъ для нея Рабиновичемъ, съ каковымъ паспортомъ она и была впослѣдствіи задержана; Рабиновичъ же въ іюлѣ, какъ уже сказано, ѣздилъ въ Кейданы за третьимъ транспортомъ книгъ, а въ августѣ отправился въ Саратовъ. Дальнѣйшая дѣятельность Рабиновича и Лешернъ, а также дѣятельность Рабиновича въ Харьковѣ и Кіевѣ будутъ изложены ниже.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ арестованнаго Лермонтова и уѣхавшей къ роднымъ Ваховской, всѣ прочіе члены кружка къ лѣту 1874 г. уѣхали изъ Петербурга на пропаганду.

Дворянинъ Сергѣй Филиппов Коваликъ, о которомъ упоминалось уже нѣсколько разъ, былъ основателемъ третьяго изъ петербургскихъ кружковъ, извѣстнаго подъ названіемъ *кружка Ковалика*. Означенный кружокъ возникъ слѣдующимъ образомъ: въ 1872 г. Сергѣй Коваликъ былъ выбранъ на должность мироваго судьи въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, нѣкоторое время былъ даже предсѣдателемъ Мглинскаго съѣзда мировыхъ судей, но выборы не были утверждены Правительствующимъ Сенатомъ, и Коваликъ уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ встрѣтился со своими старыми знакомыми — студентомъ Института Путей Сообщенія дворяниномъ Иваномъ Павловымъ Блавдзевичемъ и сестрой его Клеопатрою, проживавшими осенью 1873 г. вмѣстѣ со студентомъ Технологическаго Института Константиномъ Фростомъ у Семеновскаго моста, въ д. № 88. Коваликъ тоже поселился въ квартирѣ Блавдзевичъ, гдѣ и познакомился съ Рабиновичемъ и другими членами кружка Лермонтова. Кромѣ Блавдзевичъ, Коваликъ нашелъ въ Петербургѣ изъ числа своихъ знакомыхъ бывшаго секретаря Мглинскаго съѣзда мировыхъ судей Іосифа Каблица, посѣщавшаго, по удостовѣренію Рабиновича, квартиру Блавдзевичъ, куда также приходили студенты Технологическаго Института Иванъ Яковлевъ Чернышевъ и Павелъ Александровъ Лемени-Македонъ. Въ концѣ 1873 г. Коваликъ уѣхалъ за границу, Клеопатра Блавдзевичъ, по ея собственному показанію, поселилась съ Вѣрой Павловой Рогачевой, а Иванъ Блавдзевичъ съ Лемени-Македономъ, поступившимъ на заводъ Лаврова въ качествѣ простого рабочаго, чему, по словамъ Рабиновича, не мало содѣйствовали увѣщанія Ковалика. Въ началѣ 1874 г. Иванъ Блавдзевичъ переѣхалъ на новую квартиру у Чернышева моста, въ домъ № 68, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ поселился студентъ С.-Петербургскаго университета Митрофанъ Александровъ Гриценковъ. Означенную квартиру, какъ видно изъ показаній Гриценкова и Рабиновича, сталъ часто посѣщать Коваликъ послѣ своего возвращенія изъ-за границы, причемъ Гриценковъ изъ происходившихъ разговоровъ узналъ, что Коваликъ былъ и въ Кіевѣ; по удостовѣренію того же Гриценкова, Коваликъ послѣ своего пріѣзда обратился ко всѣмъ своимъ знакомымъ съ просьбой называть его Лукашевичемъ, въ виду того, что его ищетъ полиція.

Всѣ вышеназванныя лица, т.-е. Иванъ и Клеопатра Блавдзевичъ, Лемени-Македонъ, Фростъ, Каблицъ, Чернышевъ и Гриценковъ, составили подъ руководствомъ Ковалика кружокъ, къ которому, по удостовѣренію Рабиновича, примкнули студенты: Медико-Хирургической Академіи Николай Ивановъ Паевскій и С.-Петербургскаго университета Александръ Константиновъ Артамоновъ. Чернышевъ и Каблицъ вскорѣ отдѣлились отъ кружка Кова-

лика и составили свой собственный кружокъ. Такое раздѣленіе кружка Ковалика произошло по всей вѣроятности, какъ можно заключить изъ показаній Гриценкова, почти одновременно съ возвращеніемъ Ковалика изъ его заграничной поѣздки, т.-е. въ концѣ февраля или началѣ марта 1874 года.

Кружокъ Ковалика придерживался теорій Бакунина, доказательствомъ чего служитъ, во 1-хъ, вся дальнѣйшая дѣятельность Ковалика, и во 2-хъ, изобрѣтенный послѣднимъ шифръ, составленный изъ неблагопристойныхъ словъ. Означенный шифръ, какъ видно изъ показанія Рабиновича, долженъ былъ по предложеніямъ Ковалика сдѣлаться современемъ общимъ для всѣхъ анархическихъ кружковъ, съ тѣмъ, чтобы въ перепискѣ каждый кружокъ обозначался буквою *a*, съ присовокупленіемъ № кружка, такъ, напримѣръ a^1—должно было означать: первый анархическій кружокъ, a^2—второй анархическій кружокъ и т. д. Такое показаніе Рабиновича находитъ себѣ полное подтвержденіе въ обстоятельствахъ дѣла.

При осуществленіи на практикѣ своихъ преступныхъ замысловъ кружокъ Ковалика имѣлъ намѣреніе, по удостовѣренію Рабиновича, дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: проникать подъ видомъ рабочихъ въ народную среду, соединять между собою отдѣльныя недовольныя личности изъ народа и при удобномъ случаѣ вызвать возмущеніе.

Кружокъ Ковалика находился въ сношеніяхъ со всѣми прочими петербургскими кружками; его отношенія къ кружку Лермонтова изложены уже выше, а изъ „чайковцевъ" съ нимъ имѣли сношенія—Ободовская, Кравчинскій, Клеменсъ, Рогачевъ и, вѣроятно, Чарушинъ и Богомоловъ; Коваликъ былъ знакомъ съ Ободовскою, что подтверждается отобранною въ Москвѣ у Ковалика запиской, и видѣлся въ Москвѣ, по словамъ Рабиновича, съ Кравчинскимъ и Клеменсомъ, а съ Рогачевымъ, какъ будетъ изложено ниже, пропагандировалъ на Волгѣ, въ Саратовѣ; Иванъ Блавдзевичъ, посѣщая квартиру Судзиловской, встрѣчался у нея, по всей вѣроятности, съ Чарушинымъ, Ободовскою и Богомоловымъ и, по его собственнымъ словамъ, былъ знакомъ съ Рогачевымъ, котораго знала и Клеопатра Блавдзевичъ, что видно изъ ея показанія, а также Гриценковъ, удостовѣрившій, что встрѣчался у Лехницкаго съ своими старыми знакомыми Рогачевымъ и дворяниномъ Анатоліемъ Ивановымъ Фаресовымъ.

Сношенія кружка Ковалика съ прочими петербургскими кружками подтверждаются показаніями Рабиновича и Гриценкова, изъ которыхъ первый объяснилъ, что въ квартирѣ Блавдзевича, у Чернышева моста, устроилось нѣчто въ родѣ безпрерывнаго собранія членовъ разныхъ кружковъ, а послѣдній удостовѣрилъ посѣщеніе означенной квартиры слѣдующими лицами: Антовымъ, Тепловымъ, Усачевымъ и Нефедовымъ—изъ кружка артиллеристовъ, Голоушевымъ—изъ кружка оренбуржцевъ и Городецкимъ—изъ кружка самарцевъ. Внѣ Петербурга Коваликъ имѣлъ сношенія: а) съ московскими революціонными дѣятелями, какъ-то: съ Олимпіадою Алексѣевою и Войнаральскимъ, съ которымъ въ Петербургѣ познакомилась черезъ Судзиловскую и Клеопатра Блавдзевичъ, что признано ею самою; б) съ кіевскимъ революціоннымъ кружкомъ и ц) съ таковымъ же харьковскимъ, основаннымъ самимъ Коваликомъ.

Изъ дѣла не видно, чтобы кружокъ Ковалика имѣлъ сношенія съ эмигрантами, хотя есть основаніе полагать что во время своей заграничной поѣздки Коваликъ видѣлся съ представителями эмиграціи.

Своей спеціальной кассы кружокъ Ковалика не имѣлъ, и нѣкоторые изъ его членовъ вообще нуждались въ деньгахъ, что видно изъ показанія Ивана Блавдзевича, признавшаго, что самъ онъ и его сестра, Лемени-Македонъ, Паевская и Гриценковъ пользовались денежными средствами Ковалика.

Представителемъ кружка на собраніяхъ депутатовъ петербургскихъ кружковъ явился, по удостовѣренію Рабиновича, Паевскій, такъ какъ самаго Ковалика въ то время въ Петербургѣ не было. Впослѣдствіи Паевскій, уѣзжая на Волгу, въ свою очередь передалъ свои полномочія Артамонову, который, по словамъ Рабиновича, вмѣстѣ съ нимъ и Ободовскою завѣдывалъ общею кассой, въ которую, насколько помнитъ Рабиновичъ, внесъ 300 р. с., добытые имъ изъ университетской кассы.

Собранія, происходившія въ квартирѣ Блавдзевича и Гриценкова имѣли такой же характеръ, какъ и собранія въ квартирѣ Головина. Еще въ то время, когда Блавдзевичъ проживалъ у Семеновскаго моста, въ квартирѣ его была собрана, по его собственнымъ

словамъ, сходка по поводу статьи *Знаніе и революція* изъ журнала *Впередъ;* въ квартирѣ же у Чернышева моста, какъ видно изъ показанія Гриценкова, разсужденія вращались преимущественно около слѣдующей темы: положеніе народа бѣдственное, исправится оно только тогда, когда самъ народъ пойметъ свое положеніе; интеллигентной молодежи слѣдуетъ помочь въ этомъ народу, для чего молодежи надлежитъ побывать въ средѣ народа, вынести на себѣ всѣ тяжести, которыя выноситъ народъ и говорить съ народомъ какъ съ братомъ. По словамъ Гриценкова, это были основныя положенія всѣхъ разсужденій, во время которыхъ высказывалась и мысль, что насильственный переворотъ — единственный путь улучшенія народной жизни. Кромѣ сего, на означенныхъ собраніяхъ, какъ видно изъ показанія Рабиновича, много говорили объ устроенной Чернышевымъ и кружкомъ артиллеристовъ въ Боровой улицѣ кузнечной мастерской и о томъ, какъ добыть для этой мастерской денегъ; въ упомянутой мастерской работалъ нѣкоторое время и Рабиновичъ, что подтверждается его собственнымъ показаніемъ. Цѣль устройства мастерской по словамъ Гриценкова, состояла въ томъ, чтобы имѣвшія намѣреніе отправиться въ народъ лица могли изучить нужное для нихъ ремесло. Около Пасхи 1874 г. всѣ лица, собиравшіяся въ квартирѣ Блавдзевичъ и Гриценкова, порѣшивъ идти въ народъ, вышли изъ учебныхъ заведеній; это послѣднее обстоятельство подтверждается показаніемъ Гриценкова.

Въ маѣ весь кружокъ Ковалика, за исключеніемъ Артамонова, уѣхалъ на пропаганду; Артамоновъ же остался въ Петербургѣ въ качествѣ представителя кружка.

Изъ членовъ кружка Ковалика пропагандой среди рабочаго населенія Петербурга занимались только Паевскій и Артамоновъ.

Артамоновъ былъ знакомъ съ Низовкинымъ, что видно изъ показанія рабочаго Митрофанова, удостовѣрившаго также, что въ квартирѣ Артамонова была однажды собрана сходка, на которой было рѣшено оказать вспомоществованіе семействамъ арестованныхъ рабочихъ—Лаврова и Зарубаева. Такимъ образомъ Артамоновъ несомнѣнно вращался въ средѣ рабочихъ, имѣвшихъ сношенія съ „чайковцами", что подтверждается и обнаруженными слѣдствіемъ сношеніями его съ рабочими Щегловымъ и Павломъ Григорьевымъ Бѣлиловымъ.

Щегловъ, проживавшій нѣкоторое время на одной квартирѣ съ рабочими Орловымъ и Бачинымъ,—что удостовѣрено показаніемъ послѣдняго,—и посѣщавшій, какъ уже сказано выше, лекціи Кравчинскаго и Клеменса въ Клочкахъ, сообщилъ Бачину предъ отъѣздомъ въ деревню, весной 1874 г., свое сожалѣніе о томъ, что въ деревнѣ придется оставаться безъ книгъ, на что Бачинъ, по словамъ Щеглова, отвѣтилъ, что книги можно получить отъ сапожника Александра Константинова, адресъ котораго извѣстенъ рабочему Пирогову. Вслѣдствіе такого указанія Бачина, Щегловъ узнавъ отъ Пирогова адресъ Александра Константинова отправился къ послѣднему, отъ котораго и получилъ слѣдующія книги: 1 экз. *Исторіи одного французскаго крестьянина*, 1 экз. *Отщепенцевъ*, 1 экз. *Стеньки Разина*, 3 экз. *Сила солому ломитъ*, 1 экз. *Сказки о 4 братьяхъ*, 2 экз. *Пѣсенника* и 1 экз. *Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ*.

Такое показаніе Щеглова находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ Пирогова и Бачина, изъ которыхъ видно, что Пироговъ получилъ отъ сапожника Николая Иванова (т.-е. Паевскаго) письмо съ приглашеніемъ придти въ квартиру сапожника Александра Константинова, въ Мастерской улицѣ, въ домѣ № 5, каковое письмо было передано Пироговымъ Щеглову, и что Бачинъ былъ знакомъ какъ съ Николаемъ Ивановымъ, такъ и съ Александромъ Константиновымъ.

При предъявленіи Щеглову и Бачину Александра Константинова Артамонова, первый призналъ въ немъ то самое лицо, отъ котораго имъ были получены вышеименованныя книги, а второй удостовѣрилъ, что видѣлъ Артамонова съ сапожникомъ Николаемъ Ивановымъ.

Адресъ: Большая-Мастерская, домъ № 5, Нина Иванова Сергѣева—оказался записаннымъ въ шифрованныхъ запискахъ, отобранныхъ въ послѣдствіи у Войноральскаго при его задержаніи.

Нина Иванова Сергѣева была знакома съ Артамоновымъ, который, по его собственному показанію, проживалъ одно время въ ея квартирѣ и передалъ ея адресъ Паевскому, когда послѣдній уѣзжалъ изъ Петербурга.

Признавая свое знакомство съ Бачинымъ, Пироговымъ и Щегловымъ, Артамоновъ объяснилъ, что дѣйствительно давалъ Щеглову какія-то книги, но какія именно — не помнитъ, присовокупляя, что не имѣлъ намѣренія дать Щеглову книги преступнаго содержанія, хотя у него и были таковыя, оставленныя Паевскимъ.

Получивъ отъ Артамонова книги, Щегловъ отправился на родину въ деревню Чуфариху, Кологривскаго уѣзда, гдѣ передалъ мѣстнымъ крестьянамъ книги: *Отщепенцы*, *Исторію одного французскаго крестьянина*, *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ* и *Сказку о 4 братьяхъ*, совѣтуя читать эти книги со вниманіемъ.

Кромѣ сего, какъ удостовѣрено свидѣтельскими показаніями, Щегловъ 24-го іюля говорилъ нѣсколькимъ крестьянамъ слѣдующее: „дурачье вы, мужики, землю у васъ отняли, а налоги всякіе платите; почитали бы вы тѣ книжки, что я изъ Петербурга привезъ, тамъ узнали бы какъ васъ правительство надуваетъ; я такихъ книжекъ съ полпуда привезъ, кому угодно даромъ дамъ почитать, только читайте со вниманіемъ. Намъ, братцы, надо соединиться въ одно слово, въ одну душу и вооружиться противъ Царя и начальниковъ, тогда сила будетъ на нашей сторонѣ; земля будетъ наша, налоговъ платить не станемъ и будемъ жить господами". Когда затѣмъ крестьяне расходясь стали креститься на образа, то Щегловъ вновь обозвалъ ихъ дураками и богохульствовалъ; по удостовѣренію свидѣтелей. Щегловъ былъ навеселѣ, но на ногахъ стоялъ твердо и говорилъ съ сердцемъ, горячо.

Не отвергая передачу крестьянамъ революціоннаго содержанія книгъ, Щегловъ ни въ чемъ виновнымъ себя не призналъ.

По обыску произведенному въ домѣ Щеглова, у него были найдены книги: *Пѣсенникъ* и *Стенька Разинъ*.

Во время своего пребыванія въ деревнѣ Чуфарихѣ Щегловъ написалъ Пирогову письмо, въ которомъ извѣщалъ о своемъ намѣреніи возвратиться въ Петербургъ и поручалъ попросить для него на дорогу денегъ у сапожника Александра Константинова. Вслѣдствіе такого письма Пироговъ отправился къ Константинову, который отозвался, что никакого Щеглова не знаетъ, но вскорѣ затѣмъ явился къ Пирогову и попросилъ показать ему письмо Щеглова, послѣ чего обѣщалъ доставить 10 р. с.

Павелъ Григорьевъ Бѣлиловъ, съ которымъ Артамоновъ и Паевскій также имѣли сношенія, работалъ на заводѣ бывшемъ Семянникова и былъ знакомъ, какъ видно изъ его показанія, съ Щегловымъ и Бачинымъ, изъ которыхъ послѣдній разсказывалъ ему, что посѣщалъ лекціи студентовъ, смѣялся надъ княземъ Кропоткинымъ и говорилъ, что отъ студентовъ слѣдуетъ брать книги, а если они будутъ учить вздору, то ихъ за это надо бить. Узнавъ отъ Бѣлилова, уѣзжавшаго въ началѣ лѣта 1874 г. въ деревню, что ему хотѣлось бы взять съ собою книгъ, Бачинъ при встрѣчѣ съ Николаемъ Ивановымъ (т.-е. Паевскимъ) сообщилъ послѣднему о желаніи Бѣлилова имѣть книги, и вслѣдствіе просьбы Паевскаго познакомилъ его въ трактирѣ съ Бѣлиловымъ. Паевскій обѣщалъ доставить книги и спросивъ его адресъ ушелъ, а черезъ нѣсколько дней явился въ квартиру Бѣлилова вмѣстѣ съ Александромъ Константиновымъ и принесъ нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, а также два экземпляра *Стеньки Разина* и *Сказку о четырехъ братьяхъ*, причемъ какъ Паевскій, такъ и Константиновъ совѣтовали читать эти книги и давать ихъ для чтенія другимъ. Въ разговорѣ съ Паевскимъ и Константиновымъ, т.-е. Артамоновымъ, Бѣлиловъ высказалъ, что хочетъ устроить въ деревнѣ кузницу и что ему необходимо имѣть работника, вслѣдствіе чего Паевскій и Артамоновъ стали убѣждать Бѣлилова непремѣнно устроить кузницу, обѣщая оказать ему помощь и прислать безплатнаго работника. Вскорѣ послѣ прибытія Бѣлилова на родину, въ деревню Глинкино, Старицкаго уѣзда, пріѣхалъ къ нему Паевскій и сталъ разсказывать о притѣсненіи фабрикантами рабочихъ, причемъ говорилъ, что работать должны всѣ и при этомъ упоминалъ о Рогачевѣ, который былъ бариномъ и сдѣлался работникомъ, и о Бакунинѣ. Пробывъ нѣсколько дней въ Глинкинѣ, Паевскій уѣхалъ, попросивъ Бѣлилова пріискать для одного изъ его знакомыхъ мѣсто волостнаго писаря или сельскаго учителя и вручивъ Бѣлилову два адреса, одинъ свой, а другой Нины Ивановой Сергѣевой, для переписки съ Артамоновымъ на случай нужды въ деньгахъ. Около Петрова дня Бѣлиловъ получилъ изъ Саратова письмо отъ Паевскаго, въ которомъ послѣдній, сообщая объ арестахъ въ Саратовѣ, упоминалъ о Рогачевѣ, спра-

влялся о кузницѣ и совѣтовалъ дѣйствовать энергичнѣе, а въ первыхъ числахъ іюля прибылъ неизвѣстный Бѣлилову молодой человѣкъ съ письмомъ отъ Александра Константинова и 15 р. с., присланными имъ же. Прибывшій человѣкъ, назвавшійся крестьяниномъ Островскаго уѣзда, Иваномъ Алексѣевымъ Гвоздевымъ и представившій въ удостовѣреніе своего званія трехмѣсячный паспортъ на имя Гвоздева, объявилъ, что онъ работникъ, присланный Константиновымъ, и дѣйствительно прожилъ у Бѣлилова въ качествѣ рабочаго до половины августа. Во время своего пребыванія въ Глинкинѣ, назвавшійся Гвоздевымъ получалъ и отправлялъ письма, написанныя шифромъ, объяснить который, несмотря на просьбу Бѣлилова, отказался. Послѣ отъѣзда Гвоздева Бѣлиловъ написалъ ему по адресу Нины Сергѣевой письмо, съ просьбой о пересылкѣ денегъ на покупку избы, на каковую просьбу Константиновъ отвѣтилъ, что Гвоздевъ заболѣлъ, что на его мѣсто прибудетъ другой работникъ и что просимыя деньги будутъ высланы; несмотря однако на такое обѣщаніе, къ Бѣлилову никто болѣе не являлся.

Проживавшій у Бѣлилова Гвоздевъ оказался неокончившимъ курса въ Вятской гимназіи сыномъ священника Петромъ Ивановымъ Неволинымъ, который объяснилъ, что въ апрѣлѣ 1874 г. отправился изъ гор. Вятки въ Петербургъ съ цѣлью поступленія въ Технологическій институтъ, причемъ запасся рекомендательнымъ письмомъ отъ нѣкоего Журавина къ Артамонову. По дорогѣ въ Петербургъ онъ остановился въ Москвѣ у одного знакомаго студента Петровской Академіи и познакомился съ нѣкіимъ Хмѣлевымъ, который, узнавъ о желаніи его, Неволина, подготовить себя къ практической дѣятельности прежде поступленія въ институтъ, снабдилъ его письмомъ къ своему дядѣ, помѣщику Псковской губ., Костюрину. Поработавъ нѣкоторое время у Костюрина въ качествѣ простаго рабочаго, онъ написалъ въ Петербургъ своей родственницѣ Софьѣ Синегубъ письмо съ просьбою о высылкѣ ему денегъ, по полученіи которыхъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился съ Артамоновымъ. Послѣдній, вслѣдствіе его просьбы о доставленіи работы, далъ ему письмо къ Бѣлилову, причемъ въ шутку назвалъ его въ письмѣ Гвоздевымъ. Проживая у Бѣлилова, онъ однажды приложилъ къ одному письму шифрованный адресъ по шифру, сообщенному студентомъ медико-хирургической академіи Александромъ Поповымъ, но сдѣлалъ это безо всякой противозаконной цѣли.

Артамоновъ, признавая свое знакомство съ Неволинымъ, объяснилъ таковое согласно съ показаніемъ послѣдняго.

Между тѣмъ изъ показанія Рабиновича оказывается, что Неволинъ былъ рекомендованъ Ободовской московскими революціонными дѣятелями, а по рекомендаціи Ободовской былъ помѣщенъ Артамоновымъ въ кузницу Бѣлилова. Такое объясненіе Рабиновича представляется вполнѣ заслуживающимъ довѣрія въ виду того, что Рабиновичу, какъ видно изъ его показанія, были хорошо извѣстны отношенія Паевскаго и Артамонова съ рабочими и, между прочимъ, устройство Бѣлиловымъ кузницы при содѣйствіи Паевскаго.

Неволинъ въ принадлежности къ преступному сообществу не призналъ себя виновнымъ.

У Павла Бѣлилова было отобрано между прочимъ письмо Паевскаго, а также 2 экз. *Сказки о четырехъ братьяхъ*, а при обыскахъ у Артамонова были найдены слѣдующія книги: журналъ *Впередъ* т. 1, *Сила солому ломитъ*, *Мысли о соціальной наукѣ будущаго*, *Біографія и дѣятельность Роберта Овена—основателя соціализма въ Англіи*, 2 экземп. *Анархія по Прудону*, *Задачи революціонной пропаганды въ Россіи*, *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ;* въ чемоданѣ у Артамонова между бѣльемъ былъ найденъ конвертъ съ 20 рублями, разложенными отдѣльно съ клочками бумаги, на которыхъ написаны фамиліи: Дубенскій, Тарановъ и Габель.

Во время содержанія Артамонова подъ стражей въ Полицейскомъ домѣ Спасской части, у содержавшагося тамъ же Богомолова были найдены 17 февраля 1875 года шифрованныя записки Артамонова, въ коихъ послѣдній, указывая адресъ Григорія Щеглова, котораго „знаютъ жена Синегуба и Клеменсъ“, просилъ уговорить его, а также передать Ободовской слѣдующее:

1). Пусть студентъ Николай (т.-е. Паевскій), который участвовалъ во всѣхъ похожденіяхъ, поскорѣе уѣзжаетъ за границу, ибо фамилію его знаютъ.

2) Пусть узнаютъ, если возможно, гдѣ сидитъ Неволинъ.

3) Пусть скажетъ Сергѣевой, чтобъ она не говорила, что я шилъ сапоги и уѣзжалъ на лѣто, что у меня бывали Пироговъ и Щегловъ, что она ихъ не видѣла и они мнѣ незнакомы, а если она уже сказала, то пусть перемѣнитъ показаніе на предварительномъ слѣдствіи.

Въ другой шифрованной запискѣ Артамоновъ писалъ, что „кузнецъ Павелъ Григорьевъ (Бѣлиловъ) совсѣмъ подлецъ, мы съ нимъ завели кузницу въ деревнѣ и тамъ уже работалъ одинъ изъ нашихъ—Неволинъ“, просилъ разыскать Бачина и уговорить его—„я съ нимъ кое о чемъ говорилъ и въ присутствіи его обѣщалъ дать книги этому подлецу, кузнецу, а также разыскать и вывезти за границу рабочаго Ивана Медвѣдева, ибо онъ ужасный трусъ, и если его арестуютъ, то онъ все разскажетъ, а знаетъ онъ многое; я ему помогъ бѣжать изъ Питера и познакомилъ съ другими, которые теперь считаются вожаками всего, а для меня только еще и не доставало, чтобы раскрылись мои связи съ ними“.

Артамоновъ объяснилъ, что вышеприведенныя записки написаны не имъ, но противное несомнѣнно вытекаетъ какъ изъ содержанія записокъ, такъ и изъ показанія смотрителя полицейскаго дома Спасской части.

Подтверждая вышеизложенныя обстоятельства дѣла о Щегловѣ и Бѣлиловѣ, записки Артамонова вмѣстѣ съ тѣмъ указали на сношенія послѣдняго съ рабочимъ Медвѣдевымъ, разслѣдованіе каковыхъ сношеній въ свою очередь повлекло за собою раскрытіе преступной дѣятельности студентовъ Технологическаго Института Андрея Андреева Пыпина и Анатолія Андреева Чарыкова.

Иванъ Ильинъ Медвѣдевъ, работавшій на заводѣ бывшемъ Семянникова, былъ знакомъ, какъ видно изъ его показанія, съ Бачинымъ, Пироговымъ, Виноградовымъ, Бѣлиловымъ, Орловымъ, Чернышевымъ, Низовкинымъ и Клеменсомъ; посѣщалъ, по удостовѣренію Бѣлилова, лекціи студентовъ, о чемъ самъ разсказывалъ Бѣлилову; присутствовалъ, по словамъ Виноградова, на сходкѣ, устроенной Низовкинымъ 3-го марта 1874 г., что признано и самимъ Медвѣдевымъ, и, наконецъ, какъ оказывается изъ показанія Бѣлилова, передалъ послѣднему для чтенія *Исторію одного французскаго крестьянина* и книгу про Бакунина.

18-го марта 1874 г. у Медвѣдева былъ произведенъ обыскъ, причемъ у него были отобраны книги: *Исторія одного французскаго крестьянина*, *Стенька Разинъ*, *Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ* и *Пролетаріатъ во Франціи*. Обязанный подпиской о неотлучкѣ изъ мѣста жительства, Медвѣдевъ тѣмъ не менѣе тотчасъ же послѣ обыска скрылся и былъ задержанъ лишь 21-го марта 1873 г. въ гор. Бродахъ, съ паспортомъ на имя купца Бертольда.

Отвергая свое знакомство съ Артамоновымъ, Медвѣдевъ объяснилъ, что былъ знакомъ съ Чарыковымъ и Пыпинымъ, въ квартирахъ которыхъ и скрывался, опасаясь послѣдствій обыска. Нѣкоторое время Медвѣдевъ проживалъ, какъ видно изъ его показанія, въ окрестностяхъ Петербурга, затѣмъ опять то у Пыпина, то у Чарыкова, и, наконецъ, въ мартѣ 1875 г. уѣхалъ за границу, причемъ предъ отъѣздомъ видѣлся съ Чарыковымъ, а самый отъѣздъ его былъ рѣшенъ въ квартирѣ Пыпина, въ присутствіи послѣдняго.

Чарыковъ и Пыпинъ, работавшіе, какъ видно изъ ихъ показаній, на бывшемъ заводѣ Семянникова, признали свое знакомство съ Медвѣдевымъ и проживаніе послѣдняго въ квартирахъ каждаго изъ нихъ, но при этомъ каждый объяснилъ, что ему неизвѣстно, бывалъ ли Медвѣдевъ у другого, и сверхъ сего оба отозвались незнаніемъ о намѣреніи Медвѣдева уѣхать за границу.

Между тѣмъ въ отношеніи Чарыкова и Пыпина слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія данныя.

Чарыковъ былъ знакомъ съ Синегубомъ и, по словамъ послѣдняго, познакомилъ его съ Медвѣдевымъ.

Пыпинъ присутствовалъ, по удостовѣренію Виноградова, на сходкѣ, собранной Низовкинымъ 3-го марта 1874 г., что подтверждено Медвѣдевымъ, изъ показанія котораго видно, что онъ пришелъ на означенную сходку вмѣстѣ съ Пыпинымъ.

Изъ показанія дворянина Льва Городецкаго оказывается, что онъ былъ знакомъ съ Пыпинымъ, а чрезъ него познакомился съ Чарыковымъ, который и посѣщалъ сходки, происходившія въ квартирѣ членовъ самарскаго кружка.

Ныпинъ и Чарыковъ, по словамъ Городецкаго, стояли за стачки фабричныхъ рабочихъ и обращали особое вниманіе, по выраженію Городецкаго, на умственное развитіе калинкинскихъ акушерокъ.

Показаніе Городецкаго находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи Медвѣдева, изъ котораго видно, что Низовкинъ, Ныпинъ и Чарыковъ отзывались дурно о хозяевахъ и совѣтовали устраивать ассоціаціи.

По словамъ того же Медвѣдева, Чарыковъ познакомилъ его съ Чернышевымъ, отъ котораго онъ получилъ найденныя у него при обыскѣ книги; самъ же Чарыковъ давалъ ему для чтенія *Пролетаріатъ во Франціи*, *Положеніе рабочаго класса въ Россіи* и т. п. книги.

Изъ вышеизложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что Ныпинъ и Чарыковъ, имѣвшіе сношенія съ революціонными дѣятелями разныхъ кружковъ и вращавшіеся въ средѣ рабочихъ, преслѣдовали тѣ же цѣли, къ которымъ стремились и прочіе пропагандисты.

Сопоставляя такой вытекающій изъ обстоятельствъ дѣла выводъ съ проживаніемъ укрывавшагося отъ преслѣдованія Медвѣдева въ квартирахъ Ныпина и Чарыкова и съ бѣгствомъ Медвѣдева за границу, слѣдуетъ признать, что Ныпинъ и Чарыковъ, подобно Артамонову, были заинтересованы въ исчезновеніи Медвѣдева.

Медвѣдевъ, Ныпинъ и Чарыковъ виновными себя не признали.

Каблицъ и Чернышевъ, отдѣлившись отъ Ковалика, образовали новый кружокъ, въ составъ котораго вошли, по показанію Рабиновича, студентъ Технологическаго Института Николай Яковлевъ Стронскій, Вѣра Рогачева и, какъ надо полагать, Фростъ. Кружокъ Каблица и Чернышева носилъ названіе *кружка вспышкопускателей* на томъ основаніи, что члены кружка, въ противность большинству пропагандистовъ, стояли за мѣстныя возстанія, вспышки. Такое происхожденіе названія кружка подтверждается показаніями Рабиновича и Гриценкова, изъ которыхъ, впрочемъ, послѣдній отъ этой части своего показанія отказался.

На собраніяхъ делегатовъ всѣхъ кружковъ, представителемъ *кружка вспышкопускателей* явился, по удостовѣренію Рабиновича, Каблицъ, внесшій въ общую кассу 300 руб. сер. изъ взятаго имъ за женою приданаго.

Члены кружка, чрезъ Каблица и Рогачеву, познакомились съ проживавшею въ то время въ Петербургѣ хорошею знакомою Ковалика, дворянкою Екатериною Константиновою Брешковскою, одною изъ основательницъ кіевскаго кружка. Послѣдствіемъ такого знакомства было переселеніе весною 1874 г. всего кружка въ Кіевъ и совершенное сліяніе его съ мѣстнымъ кружкомъ.

Подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ четырехъ кружковъ: Чайковскаго, Лермонтова, Ковалика и вспышкопускателей сложились и организовались кружки: артиллеристовъ, оренбуржцевъ и самарцевъ.

Кружокъ артиллеристовъ возникъ въ 1873 г. слѣдующимъ образомъ: въ 1872 г. воспитанники Михайловскаго артиллерійскаго училища Давыдъ Антовъ, Тепловъ, Усачевъ и Нефедовъ, товарищи по классу, стали посѣщать квартиру отставного поручика Егора Егоровича Емельянова, начальника снаряжательнаго отдѣла патроннаго завода, гдѣ встрѣчались съ Кравчинскимъ и Шишко, а по показанію Усачева и Антова и съ Рогачевымъ. Кравчинскій, Шишко и Рогачевъ, по показанію Теплова, читали на собраніяхъ у Емельянова программы журнала *Впередъ* и *Интернаціональнаго общества*, а также доказывали необходимость революціи, какъ единственнаго средства разорвать тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ, по ихъ словамъ, находилось общество; такого рода ученіе произвело на Теплова, по его собственному показанію, сильное впечатлѣніе, которому поддались очевидно и его товарищи, рѣшившіе вмѣстѣ съ Тепловымъ оставить Артиллерійское училище. Въ февралѣ 1873 г. Тепловъ вышелъ изъ училища, вслѣдъ за нимъ въ мартѣ Антовъ и Нефедовъ, а лѣтомъ и Усачевъ. Тепловъ поселился съ Антовымъ и Нефедовымъ на одной квартирѣ, въ которой кромѣ того жилъ тоже оставившій Артиллерійское училища дворянинъ Сидорацкій (женившійся въ послѣдствіи на Ободовской) и въ которой впослѣдствіи поселились знакомые Антова, пріѣхавшіе лѣтомъ изъ Оренбурга и Уфы—дворянинъ Сергѣй Голоушевъ, дворянинъ Леонидъ Щиголевъ и мѣщанинъ Соломонъ Аронзонъ, а также Усачевъ и воспитанникъ Артиллерійскаго училища, оставившій таковое по примѣру своихъ

товарищей, сынъ статскаго совѣтника Ѳедоръ Ѳоминъ. Нефедовъ поступилъ въ Технологическій Институтъ; Усачевъ, Тепловъ, Антовъ, Голоушевъ и Арапзонъ — въ Медико-Хирургическую Академію; Щиголевъ готовился къ поступленію въ Технологическій Институтъ; Ѳоминъ ѣздилъ въ Дерптъ съ цѣлью поступленія въ тамошній Университетъ, но дерптскіе порядки ему не понравились и онъ вернулся въ Петербургъ, а Сидорацкій былъ арестованъ въ ноябрѣ 1873 г. по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Квартиру, въ которой жили всѣ эти лица, посѣщали: Шишко — по удостовѣренію Теплова, Усачева и Антова; студентъ Технологическаго Института, австрійскій подданный Александръ Осиповъ Лукашевичъ и Купріяновъ — по показаніямъ Теплова и Ѳомина, а также съ недѣлю жилъ въ ней, по словамъ того же Теплова, Дробышевскій, товарищъ Усачева по Нижегородской гимназіи. Оставаясь такимъ образомъ подъ вліяніемъ Шишко, артиллеристы съ другой стороны подпали вліянію кружка Ковалика; такъ изъ показанія Митрофана Гриценкова видно, что въ началѣ января онъ встрѣчалъ въ квартирѣ Ивана Блавдзевича — Антова, Теплова, Усачева, Нефедова и Голоушева, а по удостовѣренію Усачева, онъ съ Нефедовымъ былъ на сходкѣ у Чернышева, на которой Каблицъ говорилъ „о стачкахъ и мѣстныхъ возстаніяхъ, какъ средствахъ воспитать въ народѣ чувства, нужныя для того чтобъ онъ могъ произвести революцію". Вліяніе такого знакомства выразилось въ явно революціонномъ направленіи которое усвоилъ себѣ кружокъ артиллеристовъ, что доказывается слѣдующимъ:

По показанію Теплова, онъ считалъ нѣкоторое время „революцію исторической необходимостью, могущею произвести переворотъ въ строѣ государства", почему и записывалъ въ тетрадь, отобранную у него при обыскѣ, тексты изъ Священнаго писанія, подтверждающіе, по его мнѣнію, такое положеніе.

По показанію Ѳомина, у него послѣ прочтенія нѣсколькихъ запрещенныхъ книгъ, а также *Капитала*—Маркса и *Положеніе рабочаго класса въ Россіи*—Флеровскаго, явилось убѣжденіе о необходимости измѣнить положеніе рабочаго класса; не будучи въ состояніи разрѣшить собственными силами вопросъ о томъ какимъ способомъ такое измѣненіе можетъ быть достигнуто, онъ обратился за разъясненіемъ къ Теплову и Антову, которые и указали ему на революцію.

Въ одномъ изъ заявленій Антова, написанныхъ послѣ задержанія его въ гор. Калугѣ, встрѣчаются слова: „прежде я былъ такого образа мыслей что народъ можетъ достигнуть благосостоянія путемъ кровавыхъ революцій,—теперь я этого не думаю".

По показанію Усачева, въ квартирѣ артиллеристовъ появились прокламаціи: *Къ интеллигенціи* и *Къ русскому народу*, и однажды вечеромъ читались статьи Бакунина объ образованіи, послѣ чего между Тепловымъ и Голоушевымъ произошелъ по поводу прочитаннаго споръ, въ которомъ Голоушевъ доказывалъ необходимость дальнѣйшаго образованія, а Тепловъ отстаивалъ ту мысль, что можно вести пропаганду и съ тѣми знаніями которыми обладали уже въ то время артиллеристы.

Такое показаніе Усачева находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Щиголева, удостовѣрившаго, что въ квартирѣ артиллеристовъ появились книги *Впередъ* и *Анархія*.

Изъ переписки отобранной у матери Голоушева видно, что во второй половинѣ 1873 г. Голоушевъ писалъ своей матери, между прочимъ, слѣдующее........ „я писалъ вамъ, что разъ ставъ на какой-нибудь путь, вѣдь не сворачивать же съ него ни съ того, ни съ сего. А путь нашъ всѣмъ теперь извѣстное дѣло, не особенно покойный и безопасный. Надо не только сближаться съ народомъ, надо просто идти въ него и слиться съ нимъ".... „Вы говорите противъ насильственныхъ переворотовъ; что вы называете насильственнымъ?... если я укажу возможность выйти изъ тяжелаго положенія человѣку изъ котораго тянутъ сокъ...... тутъ простое стремленіе выбиться изъ-подъ гнета и я не думаю чтобы вы употребили слово насиліе въ этомъ смыслѣ. Хорошо было бы еслибы возможенъ былъ мирный путь, но вспомните слова Іисуса Христа: не миръ пришелъ Я принесть на землю, а мечъ".

Артиллеристы, а также Голоушевъ, въ показаніяхъ своихъ стараются доказать что направленіе кружка не было революціоннымъ, и что они, убѣжденные въ бѣдственномъ положеніи народа, обсуждали лишь вопросъ: какъ помочь народу выйти изъ этого положенія, причемъ рѣшили отправиться на „рекогносцировку", т.-е. пойти въ народъ, отнюдь

не съ цѣлью пропагандировать революцію, а исключительно съ намѣреніемъ узнать настоящее положеніе народа, а также его нужды и стремленія.

Такое объясненіе, не согласуясь, однако, съ изложенными выше обстоятельствами дѣла, достаточно характеризующими направленіе кружка, находитъ себѣ полное опроверженіе въ дѣятельности членовъ послѣдняго. По показанію Теплова, еще въ то время, когда онъ жилъ лишь съ Нефедовымъ и Сидорацкимъ, къ нимъ въ квартиру для сбереженія былъ отданъ кѣмъ-то ручной типографскій станокъ и шрифтъ для печатанія. Когда они переѣхали на другую квартиру, въ которой вмѣстѣ съ ними жили Усачевъ и др., станокъ этотъ хранился въ верхнемъ помѣщеніи квартиры, гдѣ раза два Шишко съ неизвѣстною личностью провели нѣсколько часовъ, заперевъ дверь на ключъ. Тепловъ пробовалъ печатать на этомъ станкѣ программу собиранія свѣдѣній о народномъ бытѣ, что̀ видѣлъ и Усачевъ, какъ удостовѣрилъ сей послѣдній, но попытка Теплова, по его словамъ, не увѣнчалась успѣхомъ. Послѣ ареста Сидорацкаго и бывшаго воспитанника Артиллерійскаго училища Циммерберга, Тепловъ и товарищи его, опасаясь обыска, рѣшили отправить типографскій станокъ къ Емельянову, что̀ и было исполнено. Желая однако продолжать начатые опыты печатанія, Тепловъ, по его собственнымъ словамъ, обратился къ Емельянову съ предложеніемъ нанять гдѣ-либо квартиру и перевезти туда станокъ, причемъ, въ виду изъявленнаго Емельяновымъ согласія, просилъ его рекомендовать ему, Теплову, кого-нибудь, кто могъ бы быть его помощникомъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ. Емельяновъ рекомендовалъ Теплову воспитанника Техническаго Училища Гвоздева, съ которымъ Тепловъ нашелъ гдѣ-то за арсеналомъ квартиру, за которую платилъ Емельяновъ, давшій и мебель для этой квартиры и вмѣстѣ съ Тепловымъ перевезшій въ нее типографскій станокъ съ той квартиры, гдѣ онъ хранился. Несмотря однако на содѣйствіе Гвоздева, опыты печатанія остались, по словамъ Теплова, безуспѣшными, и онъ, уѣзжая изъ Петербурга, посовѣтовалъ Гвоздеву продолжать работу съ Аранзономъ.

Какъ Емельяновъ, такъ и окончившій курсъ въ Технической школѣ мастеръ 2-го разряда Михаилъ Григорьевъ Гвоздевъ отвергли показанія Теплова, причемъ Емельяновъ объяснилъ, что зналъ Гвоздева, а сей послѣдній отозвался, что Тепловъ ему совершенно неизвѣстенъ, несмотря на признаніе его Тепловымъ за то самое лицо, о которомъ онъ упоминалъ въ своемъ показаніи.

Несмотря на такія объясненія Емельянова и Гвоздева, показаніе Теплова представляется вполнѣ правдоподобнымъ въ виду доказаннаго распространенія Гвоздевымъ революціонныхъ книгъ, что̀ удостовѣрено кронштадтскимъ мѣщаниномъ Александромъ Разумовскимъ. По словамъ сего послѣдняго, онъ въ мастерской арсенала купилъ за 15 к. у Гвоздева, по его предложенію, *Сказку о четырехъ братьяхъ* и прокламацію *Чтой-то, братцы*, причемъ Гвоздевъ совѣтовалъ ему давать эти книги для чтенія и другимъ, пояснивъ что онѣ „на то и печатаются". Такое показаніе Разумовскаго подтвердилъ и Гвоздевъ, объясняя, что означенныя книги онъ купилъ на толкучемъ рынкѣ и, прочитавъ таковыя, продалъ ихъ Разумовскому, не зная что онѣ запрещенныя.

Тепловъ, работавшій нѣкоторое время послѣ выхода изъ Артиллерійскаго училища въ снаряжательной мастерской патроннаго завода, познакомился съ рабочимъ той же мастерской, крестьяниномъ Гдовскаго уѣзда, Михаиломъ Никифоровымъ (нынѣ умершимъ), который затѣмъ, по болѣзни, уѣхалъ на родину, гдѣ и завелъ школу. Въ устройствѣ этой школы принимали дѣятельное участіе Тепловъ и Аитовъ, какъ это видно изъ ихъ показаній, а также Щиголевъ и Голоушевъ. По обыску у Никифорова найдено довольно значительное количество народныхъ и тенденціозныхъ книгъ, въ томъ числѣ: *Дѣдушка Егоръ*, съ приложеннымъ къ нему рукописнымъ листомъ, заключающимъ въ себѣ прямое воззваніе къ бунту, *Сказка о четырехъ братьяхъ*, *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, *Программа работниковъ*, брошюра *Какъ должно жить по закону природы и правды*, прокламація *Къ русскому народу*, а также три письма, изъ коихъ два отъ Щиголева, а третье отъ Теплова.

Тепловъ въ своемъ письмѣ совѣтуетъ Никифорову просвѣщать темныхъ людей и обѣщаетъ прислать книгъ въ родѣ *Дѣдушки Егора*. Щиголевъ въ одномъ письмѣ сообщаетъ Никифорову, что знаетъ его по разсказамъ общаго ихъ друга Теплова, что письмо Никифорова къ Аитову не застало послѣдняго въ Петербургѣ, что Голоушевъ, получившій

письмо предъ своимъ отъѣздомъ, просилъ Щиголева взять переписку съ Никифоровымъ на себя и обѣщаетъ прислать денегъ; въ другомъ же письмѣ Щиголевъ извѣщаетъ о посылкѣ денегъ, о скорой присылкѣ книгъ, и проситъ Никифорова писать подробнѣе о своихъ дѣлахъ, такъ какъ они интересуютъ не одного Щиголева, а и всѣхъ товарищей его, причемъ прилагаетъ адресъ на имя Софіи Смиттенъ.

Заботы Теплова и товарищей его о школѣ, какъ это видно изъ писемъ Никифорова, отобранныхъ у Щиголева, не пропали даромъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Никифоровъ извѣщалъ, что дѣла у него въ деревнѣ идутъ на столько хорошо что могутъ радовать такихъ мыслящихъ людей, какъ Щиголевъ и его товарищи. Онъ, какъ Шовель, старается разъяснить человѣческія права народу, который начинаетъ уже цѣнить въ себѣ человѣческое достоинство и не раболѣпствуетъ предъ помѣщикомъ какъ прежде. Въ другомъ письмѣ Никифоровъ благодаритъ за присылку *Пѣсенника* и другихъ книгъ и проситъ денегъ „для общей нашей пользы".

Михаилъ Никифоровъ, нынѣ умершій, объяснилъ при дознаніи, что деньги и книги для устроенной имъ въ селѣ Подоспѣ школы, онъ получилъ отъ Теплова и Щиголева, что народные разсказы, *Программы работниковъ* и брошюры: *Къ русскому народу* и *Какъ слѣдуетъ жить по закону природы и правды*, были привезены къ нему, Никифорову, въ село Подоспье, 24 декабря 1873 г., Тепловымъ и Антовымъ, и что *Пѣсенникъ* и *Сказку о четырехъ братьяхъ* прислалъ въ іюлѣ 1874 г. Щиголевъ, котораго о полученіи этихъ книгъ онъ и увѣдомилъ письмомъ, писаннымъ соляпымъ растворомъ, каковой способъ переписки былъ рекомендованъ Тепловымъ.

Тепловъ и Антовъ признали, что дѣйствительно на Рождествѣ 1873 г. ѣздили къ Никифорову въ с. Подоспье и привезли ему народныя книги, а также брошюры: *Къ русскому народу* и *Какъ слѣдуетъ жить по закону природы и правды*, причемъ объяснили: Тепловъ—что брошюры эти были получены отъ Шишко, а Антовъ—что брошюры были имъ взяты съ собою вѣроятно потому, что онѣ не запрещенныя.

Щиголевъ, не отрицая посылки Никифорову книгъ, пояснилъ, что дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по порученію студента Воронцова, и не зналъ содержанія книгъ, которыя были ему переданы для отсылки Никифорову завернутыми въ бумагу и запечатанными.

Между тѣмъ по обыску у самого Щиголева были найдены: *Сказка о четырехъ братьяхъ*, *Стенька Разинъ*, извлеченіе изъ устава интернаціональнаго общества и стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Къ русскому народу*.

Усвоивъ себѣ революціонное направленіе и посвятивъ себя агитаторской дѣятельности, кружокъ „артиллеристовъ" прежде чѣмъ идти въ народъ счелъ необходимымъ, подобно большинству пропагандистовъ, изучить какое-либо ремесло. Затрудненія, которыя, по словамъ Антова, встрѣчались по сему предмету, были, какъ это видно изъ показаній Теплова, Антова и Нефедова, устранены Шишко. Явившись однажды, вскорѣ послѣ ареста Сидорацкаго, на квартиру артиллеристовъ, Шишко сообщилъ Антову и Теплову, что нѣсколько студентовъ рѣшили устроить слесарную мастерскую и предложилъ имъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, на что Антовъ и Тепловъ изъявили согласіе, причемъ въ виду предупрежденія Шишко о томъ, что много народу набирать не слѣдуетъ, порѣшили сообщить о вышеизложенномъ только Нефедову, который, подобно своимъ товарищамъ, охотно согласился на предложеніе Шишко. На другой день явился къ нимъ, по словамъ Теплова и Антова, студентъ Медико-Хирургической Академіи Богомоловъ (нынѣ умершій) съ запиской отъ Шишко и, сообщивъ свой адресъ, сказалъ, что къ нему можно придти хоть въ тотъ же день. Тепловъ, Антовъ и Нефедовъ послѣдовали приглашенію Богомолова, который и показалъ имъ гдѣ-то на набережной Малой Невки квартиру, въ коей должна была помѣщаться мастерская и гдѣ они встрѣтили австрійскаго подданнаго Александра Осиповича Лукашевича. Работая въ означенной мастерской, артиллеристы, къ которымъ вскорѣ присоединился и Усачевъ, встрѣчались въ ней, по показанію Теплова, со студентомъ Медико-Хирургической Академіи Чернышевымъ (нынѣ умершимъ) и съ другимъ Чернышевымъ-технологомъ, членомъ кружка Каблица (скрывшимся отъ преслѣдованія), а по показанію Антова сверхъ того и съБлавдзевичемъ, Гриценковымъ и Шуравинымъ (Чарушинымъ). Вскорѣ затѣмъ было рѣшено заняться изученіемъ кузнечнаго мастерства. Богомоловъ и Лукашевичъ отыскали кузницу по Боровой улицѣ, гдѣ кромѣ нихъ стали работать Антовъ,

Тепловъ, Нефедовъ и Усачевъ, къ которымъ присоединились Голоушевъ и Ѳоминъ, а по удостовѣренію Усачева и Антова, технологъ Чернышевъ и Шуравинъ (Чарушинъ). Въ началѣ 1874 г. артиллеристы, а вмѣстѣ съ ними и Александръ Осиповъ Лукашевичъ, признали себя достаточно подготовленными и рѣшили идти въ народъ, для чего пріобрѣли крестьянское платье и запаслись видами на жительство. Послѣдніе, по словамъ Теплова, были добыты слѣдующимъ образомъ: Тепловъ отправился къ Емельянову, сообщилъ ему о своихъ намѣреніяхъ и просилъ его дать нѣсколько адресовъ лицъ у которыхъ онъ, во время своего хожденія въ народѣ, могъ бы найти пристанище для отдыха, а также семинарское свидѣтельство. Емельяновъ далъ Теплову и то и другое, и Тепловъ отправился на квартиру Щиголева и Аранзона, гдѣ и передалъ Антову полученное отъ Емельянова свидѣтельство. Антовъ, по словамъ Теплова, ушелъ куда-то съ упомянутымъ свидѣтельствомъ и вскорѣ вернулся, принеся съ собой нѣсколько экземпляровъ свидѣтельствъ, составленныхъ по образцу принесеннаго Тепловымъ; имъ была приложена печать, нацарапанная Тепловымъ, по его выраженію, на свинцовой плиткѣ, и затѣмъ каждый изъ артиллеристовъ, т.-е. Тепловъ, Антовъ, Усачевъ, Нефедовъ и Ѳоминъ получили по свидѣтельству. Такое показаніе Теплова находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ Нефедова и Усачева, по словамъ которыхъ Тепловъ принесъ три или четыре семинарскія свидѣтельства, изъ которыхъ Нефедовъ и Усачевъ взяли себѣ по одному.

Для переписки между собою и съ Петербургомъ, уходившіе въ народъ запаслись, по показанію Теплова и Усачева, шифромъ, предложеннымъ Лукашевичемъ, ключъ къ которому состоялъ изъ слѣдующихъ словъ: „горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной, богата жизнь царскихъ лакеевъ, въ будущемъ флюдъ", причемъ, по удостовѣренію тѣхъ же, Теплова и Усачева, письма въ Петербургъ должны были адресоваться на имя Софьи Измайловой, живущей на Литейной улицѣ, но получать эти письма должна была знакомая Александра Осипова Лукашевичъ-Ободовская, которую Тепловъ, по его словамъ, нѣсколько разъ видѣлъ съ Лукашевичемъ. Какъ Ободовская, такъ и Лукашевичъ противъ вышеизложеннаго показанія возразили, что они между собою незнакомы, причемъ Лукашевичъ показалъ, что шифра артиллеристамъ не передавалъ, а Ободовская объяснила, что артиллеристовъ вовсе не знаетъ и никому не давала разрѣшенія писать ей по адресу Измайловой. Между тѣмъ: а) изъ показанія самой Сидорацкой (Ободовской) оказывается, что она знала нѣкую Софью Измайлову, служившую въ качествѣ гувернантки у присяжнаго повѣреннаго Богаевскаго, а также Емельянова, у котораго проживалъ ея мужъ; б) въ отобранной въ Москвѣ у Ковалика запискѣ, въ которой послѣдній указывалъ на лицъ, могущихъ быть полезными для его побѣга, встрѣчается слѣдующая фраза: „Ободовская, сказать ей, что она давала мнѣ записку въ Нижній къ артиллеристамъ, подписалася „Флютцъ", и в) какъ видно изъ отобраннаго у Щиголева письма Голоушева, послѣдній, сообщая о появленіи въ Орлѣ новой секты, основанной Маликовымъ, послѣдователями котораго сдѣлались Тепловъ и Антовъ, просилъ сообщить объ этомъ *къ Архангелу.* (Сидорацкая жила близъ церкви св. Михаила Архангела, въ домѣ своего отца).

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Тепловъ зашелъ къ Лукашевичу за картой Нижегородской губерніи и встрѣтилъ въ квартирѣ Лукашевича Купріянова, который и предложилъ ему рекомендательную записку въ Нижній и, вслѣдствіе изъявленнаго Тепловымъ согласія, далъ ему адресъ: „Магазинъ Холтурина—Ливанову" и записку, въ которой было сказано, что подателямъ таковой можно довѣриться.

Наконецъ 2-го марта Тепловъ, Усачевъ, Нефедовъ и Ѳоминъ выѣхали изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ, а чрезъ нѣсколько дней по тому же пути отправились Антовъ и Лукашевичъ.

Голоушевъ, Щиголевъ и Аранзонъ, оставаясь въ Петербургѣ, не прервали своихъ сношеній съ артиллеристами и, кромѣ того, съ присоединившимися къ нимъ лицами составили особый кружокъ, носившій названіе *Кружка оренбуржцевъ и кружка Голоушева.*

Въ составъ означеннаго кружка, кромѣ Голоушева, Щиголева и Аранзона, вошли: студентъ С.-Петербургскаго Университета Дмитрій Ѳедоровичъ, студенты Медико-Хирургической Академіи Леонидъ Траубенбергъ и Петръ Воскресенскій, дочь надворнаго совѣтника Марія Веревочкина и слушательница женскихъ курсовъ при Медико-Хирургической Академіи Клеопатра Лукашевичъ. Голоушевскій кружокъ, какъ видно изъ показанія, даннаго Ве-

ревочкиною при дознаніи, возникъ слѣдующимъ образомъ: во второй половинѣ 1873 г. Веревочкина проживала у нѣкоей Карповой, у которой жилъ также студентъ Медико-Хирургической Академіи Вейнбаумъ; квартиру Карповой посѣщали Голоушевъ, Щиголевъ, Аранзонъ, Ѳедоровичъ и Клеопатра Лукашевичъ, которые вмѣстѣ съ Карповою, Веревочкиною и Вейнбаумомъ составили кружокъ, распавшійся впослѣдствіи на два, причиною чего было несогласіе во взглядахъ между Вейнбаумомъ и Карповою съ одной, и прочими лицами—съ другой стороны. Послѣ отпаденія Вейнбаума и Карповой, члены кружка продолжали собираться у Ѳедоровича и Голоушева, причемъ на ихъ собраніяхъ появлялись и новыя личности—Траубенбергъ и Воскресенскій. На собраніяхъ читали запрещенныя книги, разсуждали о бѣдственномъ положеніи народа и его невѣжествѣ, о стачкахъ рабочихъ и объ артеляхъ, объ интернаціоналѣ, признававшемся „силою, которой принадлежитъ будущее", и, наконецъ, рѣшили бросить ученіе и „помочь народу отъ притѣсненій, эксплуатаціи и его собственнаго невѣжества".

Такое показаніе Веревочкиной находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ объясненіяхъ нѣкоторыхъ членовъ кружка, такъ и въ дальнѣйшей ихъ дѣятельности. По словамъ Голоушева, онъ находилъ несовершеннымъ существующій въ Россіи государственный и соціальный порядокъ и желалъ измѣненія означеннаго порядка, вслѣдствіе чего, съ цѣлью помочь скорѣйшему достиженію такого измѣненія, Голоушевъ вышелъ изъ Академіи и рѣшилъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ, какъ это видно изъ отобранныхъ у него писемъ матери, въ которыхъ послѣдняя писала ему, что выходомъ изъ Академіи для поступленія въ сельскіе учители онъ вступилъ на путь далеко не безопасный и совершенно безцѣльный и уговаривала его продолжать образованіе. Ѳедоровичъ, какъ оказывается изъ его показанія, вышелъ изъ университета съ тѣмъ, чтобы жить въ деревнѣ, изучить народъ и опредѣлить способъ, коимъ было бы возможно достигнуть улучшенія экономическаго положенія народа и его нравственности. Веревочкина, по удостовѣренію Щиголева, сходилась во мнѣніяхъ съ Голоушевымъ. Лукашевичъ думала занять мѣсто сельской учительницы, а Воскресенскій считалъ необходимымъ изучить народъ прежде чѣмъ избрать какую-либо дѣятельность. Всѣ означенныя лица, равно какъ и Аранзонъ, были, по словамъ Щиголева, недовольны существующимъ государственнымъ и соціальнымъ строемъ. Такое недовольство раздѣлялъ и самъ Щиголевъ, что видно какъ изъ его показанія о томъ, что онъ пересталъ думать о своемъ поступленіи въ Технологическій Институтъ и также желалъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ, такъ и изъ переписки Щиголева съ его родителями. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу Щиголевъ писалъ, что хотя высказываемыя имъ мысли и вычитаны изъ сочиненій Бакунина, но онѣ вошли въ его плоть и кровь и, слѣдовательно, сдѣлались его собственными, и что коммунизмъ, проповѣдуемый Бакунинымъ не выдуманъ, а есть идея Іисуса Христа. Мать Щиголева въ письмѣ отъ 24-го іюня 1874 г. писала сыну, что желаніемъ своимъ занять постъ сельскаго учителя онъ прямо идетъ по скользкому и опасному пути Голоушева.

Хотя члены кружка „оренбуржцевъ" въ показаніяхъ своихъ и стараются провести мысль что они исключительно путемъ образованія, искорененія предразсудковъ и т. п. средствами желали содѣйствовать улучшенію матеріальнаго и нравственнаго положенія народа, тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать сомнѣнію, что и кружокъ Голоушева усвоилъ себѣ явно революціонное направленіе, доказательствами чего служатъ показанія Щиголева и Веревочкиной, данныя при дознаніи, изъ которыхъ видно, что на собраніяхъ членовъ кружка читали книгу *Анархія* и журналъ *Впередъ*, произведшіе сильное впечатлѣніе на Щиголева, а также говорили о возможности переворота въ пользу народа путемъ прямого возстановленія послѣдняго противъ эксплуатаціи капиталистовъ и противъ власти, и рѣзко отзывались о существующемъ государственномъ строѣ, для преобразованія котораго предлагались „радикальнѣйшія мѣры". Революціонное направленіе кружка обусловливалось и сношеніями его съ прочими петербургскими кружками: такъ — Голоушевъ, Щиголевъ и Аранзонъ сохранили прежнія свои связи; кромѣ сего, Голоушевъ, а также и Воскресенскій, какъ видно изъ показаній Льва Городецкаго, имѣли близкія отношенія къ кружку самарцевъ, къ которымъ присоединилась и Клеопатра Лукашевичъ; наконецъ кружокъ оренбуржцевъ слился съ прочими революціонными кружками, что вытекаетъ изъ удостовѣреннаго Рабиновичемъ присутствія Траубенберга на происходившихъ весной 1874 г. собра-

ніяхъ представителей петербургскихъ кружковъ. Изъ показанія того же Рабиновича кромѣ сего видно, что кружокъ, къ которому принадлежитъ Траубенбергъ, часто устраивалъ балы и вечера, причемъ вырученныя отъ такихъ вечеровъ деньги предназначались на веденіе пропаганды, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Веревочкиной, удостовѣрившей, что ей извѣстно о двухъ вечерахъ, устроенныхъ—первый на Загородномъ проспектѣ, а второй—на Петербургской сторонѣ, оба съ платой за входъ по 1 руб. сер.

Слившись съ прочими революціонными кружками и усвоивъ себѣ ихъ направленіе, „голоушевцы", подобно другимъ революціоннымъ дѣятелямъ, уѣхали весной 1874 г. изъ Петербурга съ цѣлью вести пропаганду въ народѣ. Въ Петербургѣ остались Щиголевъ и Траубенбергъ, которыхъ товарищи поставляли въ извѣстность какъ о своей личной дѣятельности, такъ и дѣятельности другихъ пропагандистовъ, причемъ въ сношеніяхъ соблюдалась осторожность: письма или вовсе не подписывались, или же подписывались лишь начальными буквами фамиліи писавшаго, и весьма часто пропагандисты назывались въ письмахъ не ихъ фамиліями, а прозвищами, ключъ къ которымъ дали въ своихъ показаніяхъ Щиголевъ и Голоушевъ. По словамъ перваго, у членовъ кружка и близкихъ къ нимъ лицъ были слѣдующія прозвища: Голоушева называли—„Львомъ", Клеопатру Лукашевичъ—„Воробьемъ" Ѳомина—„Емелькой", Усачева—„Кургузкой", а Клеменса—„Бяхою"; по удостовѣренію же Голоушева, его называли и „Казенною вещью", Траубенберга—„Верзилой", а Воскресенскаго—„Малостью Петровичемъ".

Раньше другихъ уѣхалъ Голоушевъ, который по пріѣздѣ въ Оренбургъ, какъ видно изъ показанія дворянина Евгенія Малышевича, разсказывалъ о студентахъ, отправившихся въ народъ на пропаганду, и совѣтовалъ Малышевичу послѣдовать ихъ примѣру и также идти въ народъ подъ видомъ иконописца или сельскаго учителя. По словамъ того же Малышевича, Голоушевъ привезъ съ собою нѣсколько экземпляровъ *Исторіи французскаго крестьянина*, *Отщепенцевъ* и брошюру *Что дѣлается на родинѣ*, изъ каковыхъ книгъ онъ, Малышевичъ, въ квартирѣ Голоушева, по предложенію гимназиста Павла Орлова, взялъ нѣсколько экземпляровъ, которые затѣмъ возвратилъ Голоушеву, оставивъ у себя лишь *Исторію французскаго крестьянина*. Изъ Оренбурга Голоушевъ написалъ Веревочкиной письмо, въ которомъ извѣщалъ, что „началъ уже заниматься слесарнымъ ремесломъ и знакомиться съ рабочимъ людомъ", выражалъ свою досаду на Татарина (Антова), не привозящаго ему книгъ, на которыя большой запросъ; спрашивалъ Веревочкину знаетъ ли она что-нибудь отъ Тр. (Траубенберга) и присовокуплялъ, что „вообще наши съ нимъ дѣла здѣсь идутъ недурно"... Въ другомъ письмѣ, на имя Щиголева, Голоушевъ сообщалъ о новой сектѣ Маликова, въ Орлѣ, послѣдователями которой сдѣлались Тепловъ и Антовъ, и просилъ передать объ этомъ и другихъ новостяхъ къ Архангелу (Александрѣ Ободовской), а также просилъ прислать „народныя книги" и „остальныя".

Веревочкина въ маѣ уѣхала въ Уфу; по ея словамъ цѣль таковой поѣздки заключалась въ томъ, чтобы видѣться съ Голоушевымъ, съ которымъ она имѣла намѣреніе вступить въ бракъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что такая цѣль дѣйствительно была у Веревочкиной, какъ это видно изъ ея переписки съ Голоушевымъ, которому она, между прочимъ, писала, что въ іюлѣ она должна обвѣнчаться, что если онъ не получитъ согласія своихъ родителей на вступленіе съ нею въ бракъ и не захочетъ обвѣнчаться безъ таковаго согласія, то чтобы прямо написалъ ей объ этомъ, въ каковомъ случаѣ она найдетъ кого-либо другого. Но помимо вышеуказанной цѣли, у Веревочкиной была несомнѣнно и другая—идти въ народъ въ качествѣ члена революціоннаго кружка, доказательствомъ чего служитъ переписка Веревочкиной. Въ этомъ же письмѣ, въ которомъ она побуждала Голоушева къ скорѣйшему вступленію съ нею въ бракъ, Веревочкина писала: „Ты долженъ, ты обязанъ, думать обо мнѣ какъ о своемъ товарищѣ *по дѣлу*, и мое счастіе и спокойствіе ты долженъ цѣнить какъ счастіе каждаго изъ нашихъ. Теперь позволь тебѣ предложить одинъ вопросъ: можешь ли ты обвѣнчаться со мною? Это надо мнѣ, потому что иначе я не могу ничего дѣлать, я связана. Это надо для меня потому, что если я не обвѣнчаюсь, меня найдутъ, и другихъ въ покоѣ не оставятъ. Я говорю теперь не какъ „твоя Маша", а говорю просто, какъ одинъ изъ насъ. Имѣю ли я право напоминать тебѣ, какъ Голоушеву, что съ одной стороны стоитъ помощь *собрату*, прямая выгода для всѣхъ..... а съ другой—безпокойство твоего отца и только ... О Сибири не стоитъ говорить, я рѣшительно не

поѣду туда. Здѣсь больше надобности въ насъ, а тамъ? *А тамъ мы еще будемъ!*" Щиголевъ въ письмахъ своихъ къ Веревочкиной, убѣждая ее сдѣлаться сельскою учительницей, подкрѣплялъ свои доводы тѣмъ соображеніемъ, что избранная Веревочкиною дѣятельность будетъ ей не подъ силу. Такъ, въ письмѣ отъ 24-го мая Щиголевъ писалъ:.....„я долго раздумывалъ о Вашей будущей жизни, и она представляется до того плохою, до того невыгодною для Васъ, а потому и для дѣла и людей уважающихъ Васъ, что я рѣшился просить Васъ еще разъ хорошенько обдумать Ваше намѣреніе. Вамъ придется переходить изъ деревни въ деревню по жарѣ и холоду, но долго ли выдержитъ эти переходы Ваше не крѣпкое здоровье? Потомъ далѣе, для Васъ нуженъ чистый воздухъ, а Вамъ придется дышать такимъ, какого и здоровый человѣкъ съ непривычки не выноситъ. Марья Ивановна, Вы себя губите и изъ чего? Будетъ ли на столько плодотворна Ваша дѣятельность? Окупится ли принесенной Вами пользой Ваша личность? Конечно нѣтъ. Знаете ли Вы, сколько Вамъ придется вынести борьбы противъ предразсудковъ? Но я, положимъ, увѣренъ, что Вы побѣдите, что Васъ будутъ слушать, за Вами пойдутъ, но не много, оттого что Вы сами не долго будете идти впередъ. Васъ скоро сломитъ физически непосильная жизнь. Не ходите, дорогая Марья Ивановна, лучше подождите мѣсяцъ, другой мѣста учительницы....." Въ другомъ письмѣ отъ 31-го мая Щиголевъ писалъ:...„я не знаю еще, согласитесь ли Вы со мною на счетъ дѣятельности учительницы или нѣтъ, но на всякій случай теперь подыскиваю мѣста, два уже намѣчены: одно, въ деревнѣ какой-то княгини либералки, которая гонитъ старую учительницу за то, что та мало обращала вниманія *на пропаганду*, жалованья тамъ 600 р. с. въ годъ, второе есть, но гдѣ, хорошенько не знаю.... о княгинѣ я навожу справки. Нѣкоторые говорятъ, что она будетъ помогать дѣлу, т.-е. прикрывать учительницу, другіе же, что будетъ мѣшать ей. Опредѣленнаго ничего не могъ еще узнать". Наконецъ въ письмѣ отъ 25-го іюля Щиголевъ, извѣщая „что хлопочетъ о мѣстѣ учительницы у княгини-либералки", увѣдомляетъ Веревочкину о смерти Луки (Лукашевичъ) и присовокупляетъ: „Вы берегите Ваше здоровье, вѣдь Вы по письму къ ней (т.-е. къ Лукашевичъ) тоже склонны къ этой болѣзни, она свирѣпствуетъ въ Самарѣ, Саратовѣ и Москвѣ". Веревочкина въ письмахъ къ Щиголеву писала, между прочимъ, слѣдующее: въ письмѣ отъ 17-го мая:......„Вы вѣдь одинъ изъ запоздавшихъ, изъ нашихъ вѣдь почти никого не осталось (т.-е. въ Петербургѣ). Напрасно Вы говорите объ опасности смерти, дѣло главное то въ томъ, что невозможно развернуться тамъ и сила угрожающая ляжетъ тяжело не на личность, а на дѣло...."; въ письмѣ отъ 12-го іюля изъ Уфы: ....„я справлялась здѣсь можно ли держать экзаменъ на учительницу, отвѣтъ получила неудовлетворительный, т.-е. что экзамены начнутся съ 1-го сентября. Вы видите, что Ваши совѣты не остались безъ вниманія, да и всѣ остальные порицаютъ избранную мною форму; я соглашаюсь, что она не состоятельна, какъ постоянная форма (и то для меня, такъ какъ здоровье не вынесетъ зимнихъ путешествій), но такъ какъ все равно теперь невозможно найти мѣста учительницы, и до сентября, слѣдовательно, я свободна, то избираю эту неудобную по Вашему форму какъ временную именно потому, что другого ничего не представляется, а сидѣть даромъ до осени не имѣю ни малѣйшаго желанія.... Теперь еще одно слово объ учительствѣ моемъ; княгиня, о которой Вы пишете, кажется мнѣ идеальною или можетъ одинъ изъ пророковъ убѣдилъ ее?" Въ другомъ письмѣ Веревочкина сообщала Щиголеву „что ѣздила въ деревню, въ верстахъ 20 отъ Уфы, гдѣ была очень хорошо принята крестьянами, но должна была отказаться отъ мысли поселиться въ этой деревнѣ, потому, что впослѣдствіи ее сочли за колдунью". Въ слѣдующемъ письмѣ Веревочкина извѣщала, что „весь городъ заинтересовался узнать что́ за таинственная особа, а тутъ еще одинъ изъ бывшихъ въ компаніи Вейнбаума взялся объяснить желающему узнать обо мнѣ. Разсказываетъ даже подробности, что́ очень плохо, конечно"; въ томъ же письмѣ Веревочкина писала: „Вы уже знаете о моей неудачѣ въ деревнѣ, теперь я надѣюсь, что *результатъ получится иной. Я уйду съ парохода въ первомъ селѣ, если не удастся устроиться, то отправлюсь далѣе, гдѣ-нибудь да будетъ же удача... Думаю, что не захвораю, потому что просто не узнать меня. Я являюсь преобразившись, да и совсѣмъ уже не подъ тѣмъ предлогомъ, съ которымъ было прослыла со всѣмъ за колдунью.* Что́ не пишете вы ничего о Петровичѣ? Зачѣмъ Трау уѣзжаетъ въ Финляндію? Здѣсь есть двѣ личности, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, они ѣдутъ въ Питеръ осенью.... одинъ юный купецъ,

могущій сильно пригодиться капиталомъ, а другой гимназистъ, хорошій парень". Извѣстивъ затѣмъ Щиголева телеграммой, чтобъ онъ въ письмахъ въ Уфу не писалъ ей о подробностяхъ, Веревочкина уже изъ села Пьянаго-Бора сообщила Щиголеву о своихъ разговорахъ съ крестьянами и просила адресовать ей письма въ Чистополь, куда она намѣрена была отправиться послѣ посѣщенія еще нѣсколькихъ деревень. Наконецъ, въ послѣднихъ письмахъ изъ Казани Веревочкина сообщала, что отправится въ одно село „какъ бы за ягодами", что она въ восторгѣ отъ совершенныхъ ею двухъ походовъ и присовокупляла: „книгъ мнѣ не надо, что касается ихъ чтенія, то онѣ расходятся крайне медленно, нѣтъ, здѣсь не книги нужны! людей-то больно ужъ мало, а то могло бы быть важное дѣло. Эхъ, кабы народу побольше?" Письма Веревочкиной къ Щиголеву, какъ оказывается изъ письма сего послѣдняго, полученнаго Веревочкиною въ Казани, читались съ большимъ удовольствіемъ: „ими и Вами довольны какъ нельзя болѣе", писалъ Щиголевъ, причемъ сожалѣлъ, что Веревочкина выбрала своимъ мѣстопребываніемъ Казань, гдѣ „около города скверный воздухъ и легко можно умереть"; въ этомъ же письмѣ Щиголевъ извѣщалъ, что Малость Петровичъ занялся работой, но ничего не сообщаетъ о результатахъ, и спрашивалъ Веревочкину—зачѣмъ она желала заѣхать въ одно богатое село, поясняя, что онъ проѣхалъ бы мимо таковаго, потому что „сытое брюхо къ ученью глухо".

Изъ писемъ Веревочкиной къ Щиголеву кромѣ сего видно, что Өедоровичъ пріѣхалъ въ Уфу почти одновременно съ нею. О пріѣздѣ своемъ Өедоровичъ извѣстилъ Веревочкину письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: ......„пріѣду въ Уфу: необходимо тамъ быть вотъ почему: къ тому времени туда пріѣдутъ много студентовъ изъ Казани. Отъ этого я жду большого толку. Предположить, что дѣло можетъ обойтись безъ меня не могу, не по самолюбію, а вотъ почему: изъ нашихъ тамъ будете только Вы и Ст., остальные только полунаши. Изъ нашихъ Вы въ началѣ лицо незнакомое; Ст., мнѣ кажется, дѣло поведетъ не хорошо, просто не справится,— я помогу. Я придумалъ для себя очень удобную форму и надѣюсь получить успѣхъ". Еще въ февралѣ Өедоровичъ, въ письмѣ къ своимъ роднымъ, проживавшимъ въ Уфимской губерніи, писалъ: .....„далѣе у меня къ Вамъ есть еще просьба, передать которую въ двухъ словахъ нельзя и о которой мы подробнѣе потолкуемъ когда увидимся, теперь же я сестеръ попрошу встать въ самыя дружественныя отношенія къ крестьянамъ всѣхъ тѣхъ деревень, которыя сосѣдни нашей усадьбѣ. Переспросите ихъ, чѣмъ они болѣе всего недовольны, въ какихъ размѣрахъ желали бы получить лучшее, кого винятъ въ своемъ положеніи и желаютъ ли сами принять участіе въ улучшеніи этого положенія и какими путями, на кого надѣяться, укажите на кого они въ этомъ случаѣ могутъ надѣяться и пр.; скажите имъ, между прочимъ, что ихъ счастіемъ интересуются очень многіе, словомъ, бесѣдуйте съ ними почаще объ этихъ вещахъ, если это вамъ возможно, и записывайте ихъ слова. Вы спросите для чего мнѣ это нужно? я отвѣчу: не „мнѣ", а Вамъ это очень нужно. Когда увидимся, то я вамъ въ подробностяхъ все объясню, а теперь покуда можно и не говорить". Не довольствуясь возложеніемъ на своихъ сестеръ такого порученія, Өедоровичъ по пріѣздѣ въ Уфу передалъ сестрамъ (какъ это видно изъ письма одной изъ нихъ) прокламацію и книги очевидно революціоннаго направленія, такъ какъ сестра Өедоровича боялась переслать таковыя изъ деревни въ Уфу иначе какъ съ знакомымъ лицомъ, о чемъ и писала брату, прося принять и ее въ общество честныхъ людей. Означенное общество, т.-е. кружокъ Голоушева, нуждался въ деньгахъ, и Өедоровичъ въ другомъ письмѣ къ сестрамъ просилъ ихъ похлопотать у своихъ знакомыхъ, чтобъ они пожертвовали что-нибудь въ „нашу кассу", причемъ присовокуплялъ „я вамъ уже говорилъ объ *обществѣ*". Чтеніе сестрами Өедоровича книгъ и прокламацій, полученныхъ отъ брата, вредно отразилось на нихъ, о чемъ Өедоровичъ поспѣшилъ увѣдомить Веревочкину. Въ письмѣ къ послѣдней онъ писалъ: ....„Ну вотъ, я у своихъ въ деревнѣ, пріѣхалъ я, знаете, и удивился не мало. Такую нашелъ перемѣну, что страсть! И какъ бы вы думали, отчего она произошла? Я Вамъ не разсказывалъ, что сестры, бывъ еще въ городѣ устроили чтеніе моихъ книгъ: потомъ онѣ взяли ихъ въ деревню, здѣсь еще разъ читали даже матери и, какъ оказывается, чтеніе это произвело на нихъ такое впечатлѣніе, что онѣ совершенно переродились. Посылаю вамъ письмо, которое было написано ими въ Уфу и послано въ тотъ день, когда я выѣхалъ изъ нея. Подивитесь, я по правдѣ-то сказать малость удивился. Мнѣ обѣщаютъ помогать во всемъ! Каково!...." Приложенная къ приведенному

письму записка сестры Өедоровича была та самая, о которой упомянуто уже выше и въ которой говорится о чтеніи сестрами Өедоровича прокламацій, полученныхъ отъ брата. Проживая въ Уфимской губерніи, Өедоровичъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, ходилъ по деревнямъ, помогалъ крестьянамъ въ полевыхъ работахъ, причемъ бесѣдовалъ съ ними объ ихъ нуждахъ и столкновеніяхъ съ властями; характеръ таковыхъ бесѣдъ Өедоровича съ крестьянами опредѣляется самъ собою изъ всего вышеизложеннаго, а также изъ письма Өедоровича къ Щиголеву, въ которомъ онъ, между прочимъ, просилъ прислать ему *Сказку*.

Во время своего пребыванія въ Уфѣ Веревочкина видѣлась съ Голоушевымъ, пріѣхавшимъ изъ Оренбурга, гдѣ было его постоянное мѣстопребываніе. Въ Оренбургѣ Голоушевъ встрѣтился съ двумя лицами, съ которыми былъ знакомъ еще до своего отъѣзда въ Петербургъ, а именно: съ упомянутымъ уже выше гимназистомъ Павломъ Орловымъ и лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія Митрофаномъ Муравскимъ. Означенныя лица были извѣстны и прочимъ членамъ кружка, что видно какъ изъ переписки Орлова, такъ и изъ показанія Щиголева о томъ, что прозвище Орлова было „Павелъ", а Муравскаго—„отецъ Митрофанъ". Орловъ былъ вполнѣ посвященъ въ дѣятельность Голоушева, доказательствомъ чего служитъ какъ изложенная уже выше передача Малышевичу книгъ, привезенныхъ изъ Петербурга Голоушевымъ, такъ и письмо Орлова къ Голоушеву, въ которомъ онъ совѣтуетъ послѣднему быть осторожнѣе и даже пріостановить временно свою дѣятельность, которую впослѣдствіи, по мнѣнію Орлова, можно продолжать, но только не въ формѣ учительства. Муравскій былъ, по всей вѣроятности, тотъ господинъ *уже бывалый*, который звалъ Голоушева въ Сибирь, разсказывая про нее много хорошаго, о чемъ Голоушевъ и писалъ Веревочкиной, не согласившейся однако ѣхать въ Сибирь, какъ это уже изложено выше. Орловъ и Муравскій примкнули къ кружку „оренбуржцевъ", въ чемъ убѣждаетъ показаніе учителя оренбургскаго духовнаго училища Петра Марсова, по словамъ котораго въ іюнѣ 1874 г. Орловъ и Муравскій, въ селѣ Куроѣдовѣ, убѣждали его, Марсова, присоединиться къ революціонному кружку, организовавшемуся въ Оренбургѣ и другихъ городахъ; тому же Марсову Муравскій доказывалъ необходимость возбудить народъ къ возстанію съ цѣлью, какъ онъ говорилъ, возстановленія правъ человѣка, и для подкрѣпленія своихъ доводовъ давалъ Марсову читать журналъ *Впередъ*, *Сказку о четырехъ братьяхъ*, *Что дѣлается на родинѣ* и *Лѣтопись рабочаго движенія*. Послѣ пребыванія въ селѣ Куроѣдовѣ Муравскій отправился странствовать по Белебеевскому и Челябинскому уѣздамъ, во время каковаго путешествія написалъ письмо, найденное при обыскѣ у Орлова, въ которомъ, между прочимъ, сообщалъ, что „предполагаемыя затрудненія, страхи и затѣмъ фіаско оказываются слишкомъ преувеличенными; въ дѣйствительности далеко не такъ, словомъ—я доволенъ". Странствуя по деревнямъ, Муравскій занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ; такъ, урядпику Магнитской станицы Матвѣю Невзорову онъ читалъ *Сказку о четырехъ братьяхъ*; крестьянину Гаврилѣ Молчанову — книгу о томъ, какъ мировые посредники тиранили мужиковъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости; крестьянину Ивану Эрастову — *Сказку о четырехъ братьяхъ;* крестьянину Ивану Цыганову — ту же сказку. Независимо отъ сего Муравскій передалъ Цыганову *Исторію французскаго крестьянина*; Матвѣю Веденѣеву—*Сказку о четырехъ братьяхъ*, а Семену Давыдову продалъ за 55 коп. три книги, въ числѣ которыхъ была *Исторія французскаго крестьянина*.

При задержаніи Муравскаго въ городѣ Челябѣ у него были отобраны книги: *Пѣсенникъ*, *Исторія французскаго крестьянина*, *Лѣтопись рабочаго движенія* и *Что дѣлается на родинѣ*, а также рукописная программа журнала *Впередъ*, „программа собиранія свѣдѣній о народѣ", писанная рукой Орлова, и стихи революціоннаго содержанія.

Муравскій призналъ себя виновнымъ лишь въ имѣніи запрещенныхъ книгъ.

Изъ имѣющейся при дѣлѣ справки видно, что Муравскій за произнесеніе дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора и приготовленіе къ возбужденію бунта—по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на восемь лѣтъ; въ 1870 году Муравскому было разрѣшено проживать въ Оренбургской губерніи подъ надзоромъ полиціи.

Разставшись съ Муравскимъ, Орловъ возвратился въ Оренбургъ, гдѣ впослѣдствіи и былъ задержанъ, причемъ у него, между прочимъ, были отобраны: а) черновое письмо, писанное его рукой къ неизвѣстному лицу, въ каковомъ письмѣ упоминается объ Аранзонѣ, Голоушевѣ, Клеопатрѣ Лукашевичъ, Воскресенскомъ и Траубенбергѣ, а также сообщается, что „вторую серію карточекъ Анны Ивановны не придется увидать: надули Жиды"; б) тетрадь со слѣдующимъ заглавіемъ: „замѣтка и выписки, матеріалы для плана работъ необходимыхъ при всеобщей реорганизаціи общества" и в) книга: *Объ общинномъ владѣніи землей*, Чернышевскаго. По объясненію Орлова, „карточки Анны Ивановны" означали журналъ *Впередъ*.

Орловъ призналъ себя виновнымъ лишь въ имѣніи сочиненій Лассаля, Герцена и Чернышевскаго.

Голоушевъ, побывавъ, какъ видно изъ его переписки, въ Пермской губерніи, отправился въ Яранскъ, съ цѣлью занять тамъ мѣсто сельскаго учителя, и 20 августа 1874 года былъ задержанъ, причемъ изъ отобранной у него переписки оказалось, что онъ въ 1873 году передалъ проживавшимъ въ Оренбургѣ дѣвицамъ Маріи и Юліи Решко какія-то книги и програму. Спрошенная по сему предмету Юлія Решко объяснила, что дѣйствительно въ 1873 году получила отъ Голоушева и Давыда Антова *Исторію интернаціонала*, програму журнала *Впередъ* и нѣсколько прокламацій на французскомъ языкѣ. Еще ранѣе Голоушева, а именно 13 августа, была задержана въ Казани Марія Веревочкина, у которой при обыскѣ было, между прочимъ, отобрано 10 экз. *Дѣдушки Егора*, два экз. *На міру*, *Сказка о четырехъ братьяхъ*, *Стенька Разинъ*, *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, *Исторія французскаго крестьянина*, *Азбука соціальныхъ наукъ* и *Объ общинномъ владѣніи землей* Чернышевскаго. Относительно найденныхъ у нея книгъ Веревочкина объяснила, что народныя разсказы передалъ ей Щиголевъ, а революціонныя книги она получила отъ Голоушева для сохраненія таковыхъ, что̀ подтвердилъ и Голоушевъ.

Веревочкина и Голоушевъ, а также Ѳедоровичъ, задержанный 17 августа въ Уфимской губерніи, въ имѣніи его родителей, виновными себя ни въ чемъ не признали, причемъ Веревочкина подтвердила сначала показаніе данное ею при дознаніи, за исключеніемъ той его части, въ которой разсказывала исторію раздѣленія кружковъ Вейнбаума и Голоушева, а впослѣдствіи отвергла какъ объясненія данныя ею при дознаніи, такъ и показаніе свое данное при слѣдствіи.

Аранзонъ, уѣзжая изъ Петербурга, получилъ отъ Воронцова чрезъ посредство Траубенберга, какъ видно изъ показанія послѣдняго, два тюка съ книгами, для доставленія таковыхъ въ Самару—Льву Городецкому. Такое показаніе Траубенберга Аранзонъ подтвердилъ при дознаніи; при слѣдствіи же объяснилъ, что книги были имъ получены отъ неизвѣстной личности и оставлены въ Самарѣ на пароходѣ изъ опасенія нажить изъ-за нихъ бѣду. Пріѣздъ Аранзона въ Самару съ книгами подтвердилъ и Городецкій, по словамъ котораго книги были запрещенныя и были оставлены Аранзономъ на пароходѣ, потому что „испугался преслѣдованія жандармовъ", какъ разсказывалъ объ этомъ Филадельфовъ, чрезъ котораго Аранзонъ разыскивалъ его, Городецкаго. По пріѣздѣ въ Оренбургъ Аранзонъ написалъ три письма: Щиголеву, Веревочкиной и Голоушеву. Первому онъ писалъ: ...„путешествіе мое было съ приключеніями, который неудобно писать. На пароходѣ я встрѣтился съ Бяхою (Клеменсомъ), онъ мнѣ разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ и торопилъ меня сюда. Воробей (Клеопатра Лукашевичъ) женился, очень славный малый. Оренбургскаго Льва (Голоушевъ) здѣсь нѣту, онъ въ Уфѣ. Павелъ (Орловъ) тоже тамъ. Отецъ Митрофанъ (Муравскій) уходитъ отсюда. Емельюшка (Ѳоминъ) здѣсь у своего patra, который держитъ его въ ежовыхъ; Кургузка (Усачевъ) тоже былъ здѣсь, я его не засталъ, онъ уѣхалъ домой на погибельный Кавказъ... Левъ велъ себя здѣсь таинственно и странно даже между *своими*. 18 іюня былъ я у твоихъ. Письмо твое я уничтожилъ дорогой, потому что нужно было. Я, не зная содержанія его, счелъ нужнымъ уничтожить его, потому что я чуть-чуть не влопался изъ-за того, что̀ далъ мнѣ Верзила (Траубенбергъ)... скажи Верзилѣ, что онъ сглупилъ, давъ мнѣ одинъ адресъ для передачи посылки, я имѣлъ много непріятностей изъ-за этого, а посылка не знаю хорошенько, будетъ ли цѣла, можетъ-быть пропадетъ, что̀ очень жаль... Напиши что̀ тебѣ извѣстно о молодомъ Халатѣ (Давыдѣ Антовѣ), говорятъ что его ар....... но я думаю враки.... Твой Николаевъ". Щиголевъ, признавъ что

вышеизложенное письмо получено имъ отъ Аранзона, объяснилъ, что ему неизвѣстно, почему Аранзонъ подписался фамиліей Николаева.

Въ письмѣ своемъ къ Веревочкиной Аранзонъ сообщалъ нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о своемъ путешествіи: ....„я встрѣтился на этомъ пароходѣ, писалъ Аранзонъ, съ однимъ мужикомъ, котораго я зналъ еще въ Питерѣ. Фамилію его не пишу. У насъ на квартирѣ его всѣ звали Бяха или Ей Богу;.....мы очень обрадовались другъ другу. Я былъ очень радъ встрѣтить человѣка умнаго, который уже давно шляется, онъ же—встрѣтить интеллигентнаго знакомаго изъ Питера. Я ему разсказалъ о Питерѣ, онъ мнѣ вотъ что: въ Москвѣ дѣла очень хороши, лучше чѣмъ въ Питерѣ. Вездѣ слушаютъ съ удовольствіемъ, но одно плохо, что слышанное не распространяется слушателями. На счетъ работы говорилъ онъ, что очень трудно достать какую бы то ни было. Безъ денегъ пуститься въ дорогу не совѣтовалъ. Торопилъ меня ѣхать поскорѣе сюда, такъ какъ сюда должны были прійти два господина, одного изъ которыхъ я и нѣкоторые изъ нашихъ знаютъ лично, а о другомъ слышалъ. Разставшись съ нимъ на одной пристани, куда онъ направилъ свои стопы, я поѣхалъ дальше. Пріѣхавъ въ С. (Самару), я остановился на постояломъ дворѣ и тотчасъ же пошелъ отыскивать нѣкую синьйору, которой нужно было передать посылку для передачи одному синьйору. Когда я вошелъ въ тотъ домъ, я былъ озадаченъ тѣмъ страннымъ пріемомъ, который мнѣ тамъ сдѣлали.... отвѣтомъ было, что адреса онъ не оставилъ... Сказавъ это, они чуть чуть меня не вытолкали изъ дому. Пославъ ихъ ко всѣмъ чертямъ, я отправился къ А. (Лукашевичъ) и спросилъ дома ли А“. Далѣе Аранзонъ сообщалъ, что Лукашевичъ вышла замужъ безъ согласія родителей, и присовокуплялъ: „....въ другой разъ я вамъ напишу какъ меня чуть-чуть не захлопали въ С. и дальнѣйшія путевыя приключенія“.

Въ письмѣ къ Голоушеву, Аранзонъ писалъ: „Я пріѣхалъ сюда за деньгами, но кромѣ 25 р. ничего больше не заработалъ и не пріобрѣлъ... Путешествіе мое было съ приключеніями, о которыхъ я написалъ М. Н. (Веревочкиной).... Позволь мнѣ любезный другъ, что ты дѣлаешь? Ну для чего ты поступаешь на это мѣсто? Или ты не чувствуешь что тебя скоро прогонятъ?.... Мой совѣтъ и моя просьба не поступать на мѣсто. Я увѣренъ, что вышеупомянутые доводы убѣдятъ тебя не брать это мѣсто. А то пропадешь безвременно и безполезно. Дѣйствовать въ извѣстной тебѣ формѣ я совѣтую отложить пока. Да и самая форма не приноситъ хорошихъ результатовъ, *почти никакихъ*. *Ты самъ*, какъ видно изъ твоего письма къ Н. А. (Орлову), *жалуешься на неплодотворность* твоей дѣятельности. Я могу тебѣ сказать, что всѣ жалуются на это. Бяха или Ей Богу (знаешь? съ которымъ я видѣлся на пароходѣ и съ которымъ долго бесѣдовалъ, тоже жалуется на это самое. Онъ говорилъ, что слушаютъ-то слушаютъ, но сами слышанное не распространяютъ, разговоры остаются разговорами. Глубоко въ грудь они не западаютъ, въ одно ухо вошло, а въ другое вышло. Главная причина неплодотворности нашего дѣла заключается въ отсутствіи развитія со стороны угнетенныхъ и въ нашемъ собственномъ шалопайствѣ. Для того чтобы дѣятельность наша была плодотворна, нужно развивать отдѣльныхъ личностей и бросить шалопайство. Этого достигнемъ помощью извѣстнаго тебѣ плана—поселиться въ деревнѣ и устроить крѣпкую организацію. Этотъ планъ обѣщаетъ намъ, что не сгинемъ даромъ и безполезно, личную безопасность и возможность почти во всю нашу жизнь дѣйствовать (конечно, если не торопиться и не вести дѣло сбухту барахту, а разумно). Но ты скажешь, да для этого нуженъ „пропиталъ“, а гдѣ ты его возьмешь? Я самъ это знаю и намѣренъ его достать, хотя не скоро...... Чтобы достать этотъ „пропиталъ“, я ѣду въ академію кончать курсъ, потомъ поступить на мѣсто, скопить 3.000 р. и тогда за дѣло..... Но ты можетъ-быть подумаешь, что я охладѣлъ, струсилъ или что-нибудь другое...... Нисколько..... Повторяю еще разъ, хотя и долго ждать, но за то ужъ вѣрно и сдѣлаемъ кое-что, и это кое-что не пройдетъ безслѣдно..... Если ты не одобришь мой планъ.... то я буду просить тебя объ одномъ.... за нами, конечно, слѣдятъ, повремени малость, оставь на время дѣятельность. Иначе ты погибнешь такъ же скоро и безполезно какъ Даудъ et tutti quanti, не сдѣлавъ ничего важнаго“.

Совѣтуя Голоушеву оставить на время „дѣятельность“ въ формѣ учительства, какъ слишкомъ явную и опасную, самъ Аранзонъ продолжалъ вести пропаганду въ болѣе простой формѣ. Такъ, слѣдствіемъ выяснено, что Аранзонъ далъ двѣнадцатилѣтнему крестьпа

янину Павлу Царегородцеву *Сказку о 4-хъ братьяхъ*, сказавъ ему при этомъ: „на, прочитай", и что въ квартирѣ Орлова Аранзонъ доказывалъ Малышевичу, что надо идти въ народъ на пропаганду.

Во второй половинѣ августа Аранзонъ уѣхалъ изъ Оренбурга и 13 августа явился въ гор. Казани на квартиру арестованной уже въ то время Веревочкиной. Не зная еще объ арестѣ Веревочкиной, Аранзонъ оставилъ ей слѣдующую записку: „Марья Ивановна! Сегодня, 23 августа, проѣздомъ въ Питеръ, я хотѣлъ было съ вами видѣться, но къ сожалѣнію мое желаніе не могло осуществиться, благодаря вашей глупости—я еще долженъ заѣхать въ Яранскъ, гдѣ увижу Сергѣя, впрочемъ буду ждать васъ на конторѣ пароходства Дубровина до 7 часовъ вечера. Сообщу вамъ новость: Ѳ. (Федоровичъ) умеръ въ Уфѣ, и тѣло его привезено сюда для погребенія. Причина смерти неизвѣстна. Извѣстный вамъ Аранзонъ". Вслѣдствіе этой записки Аранзонъ былъ задержанъ того же 23-го августа на пароходной пристани, гдѣ оказался и Павелъ Царегородцевъ, ѣхавшій къ родителямъ въ Яранскъ и объяснившій, что вмѣстѣ съ нимъ и Аранзономъ ѣхалъ Ѳоминъ, который 22-го августа отправился въ Нижній-Новгородъ.

При задержаніи Ѳомина у него былъ найденъ ковровый мѣшокъ съ вещами, принадлежащими, по объясненію Ѳомина Аранзону и переданными ему послѣднимъ для доставленія въ Петербургъ; въ числѣ означенныхъ вещей оказалось нѣсколько крестьянскихъ рубахъ и сборникъ стихотвореній Митрофана М.

Аранзонъ не призналъ себя виновнымъ.

Воскресенскій, какъ видно изъ показанія Щиголева, отправился съ цѣлью изученія народа на астраханскіе рыбные промыслы. При слѣдствіи Воскресенскій не только не призналъ себя виновнымъ и отвергъ свое пребываніе въ Астраханской губерніи, но даже заявилъ, что Щиголева, Голоушева, Аранзона и проч. членовъ кружка не знаетъ и никогда не видалъ.

Между тѣмъ, при обыскѣ у Воскресенскаго были найдены замѣтки объ астраханскихъ рыбныхъ ловляхъ, а у Щиголева отобраны два письма Воскресенскаго, въ которыхъ заключается просьба о доставленіи послѣднему вновь вышедшихъ книгъ и паспорта, безъ котораго онъ ничего не можетъ сдѣлать, и упоминаются фамиліи Ушева и Траубенберга. По объясненію Щиголева, Воскресенскій написалъ ему вышеприведенныя письма изъ Курской губерніи, куда Воскресенскій первоначально отправился. Подъ фамиліей Ушева, по словамъ Щиголева, слѣдуетъ понимать Голоушева.

Независимо отъ сего, 22-го февраля 1875 г. въ г. Казани было получено письмо на имя Ивана Николаева Гранильщикова, слѣдующаго содержанія: „Здравствуй пріятель! Давно уже собирался я писать тебѣ, да писать-то признаться нечего, путнаго ничего нѣтъ. Изъ Астраханской губерніи я долженъ былъ уѣхать, такъ какъ получилъ письмо изъ Курской, гдѣ мнѣ сказали, что дядюшка нашъ послѣ моего отъѣзда изъ Курской губерніи справлялся обо мнѣ, что я дѣлалъ, бывъ тамъ, гдѣ былъ, что обо мнѣ онъ все знаетъ и знаетъ даже, что я въ Астраханской губерніи. Тогда я поѣхалъ въ Тулу на родину. Не успѣлъ я пріѣхать, какъ обо мнѣ дядюшка сталъ справляться, и черезъ одного генерала отецъ мой узналъ, что этотъ дядюшка думаетъ навѣстить меня самъ затѣмъ, чтобы перерыть всю мою корреспонденцію. Конечно, я не желалъ скандала и поспѣшилъ въ Питеръ. Здѣсь, на другой день пріѣзда, явился къ здѣшнему моему дядюшкѣ, и онъ меня сталъ подробно распрашивать гдѣ былъ я, что дѣлалъ, кто мои знакомые и гдѣ они находятся и наконецъ объявилъ мнѣ, что не пуститъ меня изъ Питера, такъ какъ я ему еще понадоблюсь...... Я было говорилъ ему, что мнѣ нечѣмъ жить, что я долженъ поэтому уѣхать отсюда, но онъ мнѣ объяснилъ, что пожалуй, можетъ меня послать жить на глаза къ отцу и подъ присмотръ тамошняго дядюшки..... Собственно дядюшка обо мнѣ, какъ оказывается, точныхъ свѣдѣній никакихъ не имѣлъ, и потому я ему ничего интереснаго для него не сказалъ, отъ знакомствъ всякихъ отперся...... Знакомыхъ моихъ многихъ и очень многихъ я не засталъ въ Питерѣ, но несмотря на это много другихъ знакомыхъ продолжаетъ уѣзжать отсюда, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ весной. Если можешь, передай, другъ, письмо это другимъ моимъ пріятелямъ, скажи имъ, что я живъ и здоровъ и что очень сожалѣю о постигшей ихъ неудачѣ въ осуществленіи ихъ плановъ ... ты получилъ вѣроятно денегъ еще разъ или два.... въ этомъ случаѣ я хлопоталъ о посылкѣ ихъ тебѣ...... Петровъ".

Воскресенскій призналъ, что вышеизложенное письмо написано имъ, но дать объясненіе по существу его отказался, между тѣмъ, слѣдствіемъ обнаружено, что Гранильщиковъ, по просьбѣ содержавшагося въ казанскомъ тюремномъ замкѣ безсрочно-отпускного рядового Бауэра, передавалъ послѣднему адресованныя на имя его, Гранильщикова, письма, которыя Бауэръ, черезъ другого арестанта, нѣкоего Садовскаго, доставлялъ Ѳедорову, содержавшемуся въ то время подъ стражею въ г. Казани.

Траубенбергъ, принимавшій участіе въ собраніяхъ представителей петербургскихъ кружковъ и пославшій чрезъ Аранзона въ Самару два тюка революціонныхъ книгъ, остался въ Петербургѣ въ качествѣ представителя кружка, на что̀ указываетъ письмо Щиголева, въ которомъ онъ писалъ, что до отъѣзда изъ Петербурга онъ занимаетъ такую же должность, какъ и Траубенбергъ, только въ другомъ департаментѣ. Послѣ ареста Щиголева, Траубенбергъ послалъ Орлову телеграмму, въ которой извѣщалъ о смерти Леонида и просилъ сообщить такое извѣстіе Голоушеву и Ѳедоровичу; вскорѣ затѣмъ Траубенбергъ самъ былъ задержанъ, причемъ у него были найдены: документы Антова, Теплова и Усачева, *Программа работниковъ* Лассаля и *Азбука соціальныхъ наукъ*. Траубенбергъ не призналъ себя виновнымъ.

Щиголевъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, имѣлъ намѣреніе отправиться въ Курскую губернію и ходить по ней подъ видомъ коробейника, но, какъ слѣдуетъ заключить изъ одного письма Щиголева, недостатокъ въ деньгахъ помѣшалъ ему уѣхать изъ Петербурга. Проживая въ послѣднемъ городѣ, Щиголевъ, какъ оказывается изъ всего вышеизложеннаго, принималъ живое участіе въ дѣлахъ своихъ единомышленниковъ, съ которыми и велъ дѣятельную переписку, прибѣгая иногда къ шифру, какъ это видно изъ письма, отобраннаго у Веревочкиной, въ которомъ Щиголевъ, между прочимъ, сообщилъ, что „отъ Голоушева получено письмо, но еще не все разобрано“.... а также изъ показаній Голоушева и самого Щиголева, признавшихъ что у нихъ былъ шифръ.

Поддерживая весьма усердно сношенія съ членами своего кружка, Щиголевъ вмѣстѣ съ тѣмъ велъ и обширную переписку съ родными, предъ которыми развивалъ свои такъ называемыя „убѣжденія“, почерпнутыя изъ сочиненій Бакунина. Доказательствомъ такого образа дѣйствій Щиголева служатъ письма его отца, который 20-го іюня 1874 г. писалъ, между прочимъ, сыну: „...съ воззрѣніемъ твоимъ на уродливыя натуры я ни подъ какимъ предлогомъ не согласенъ; твои доводы на эту тему фальшивые, дерущіе своимъ дребезжаніемъ уши и, какъ я вижу, это любимая твоя тема для преній, т.-е. твой конекъ.... Мнѣніе твое, нѣтъ, оно не твое, а всецѣло почерпнуто изъ ученія Бакунина, навязывающаго всей Европѣ непримѣнимый къ дѣлу коммунизмъ...“. Мать Щиголева, въ другомъ письмѣ отъ 25-го іюня 1874 г. писала: „Послѣ отправленія отцомъ 20-го числа къ тебѣ письма, по сію пору я и отецъ проводимъ ночи безъ сна, все черныя думы тѣснятся въ нашихъ головахъ въ отношеніи твоего ложнаго направленія, развитаго у тебя, какъ мы только теперь догадываемся, еще въ Оренбургѣ г-жею Г. Эта барыня съ перваго взгляда, пожалуй, покажется замѣчательнаго ума, но на дѣлѣ она не болѣе какъ фразерка, это можетъ замѣтить здравый и опытный умъ, а слѣпо вѣрующему и несмыслящему фразерства можно доказать наглядными фактами, како̀вые и привожу: Сережа ея, окончивъ курсъ гимназіи съ золотою медалью, проводитъ въ академіи годъ осломъ, въ 19 лѣтъ женится, подогрѣтый чужою, ложною, возмутительною по принципу, идеей, готовится или поступаетъ въ сельскіе учители, запасается для пропаганды тамъ преглупыми и возмутительными книжонками. Все перечисленное доказываетъ, что малый безъ ума, не имѣлъ и не имѣетъ ничего собственнаго, городитъ чушь по чужой идеѣ, а самъ не замѣчаетъ того, что онъ стучится въ двери тюрьмы. А что̀ же мать, высоко тобою чтимая, какъ смотритъ она на заблужденія сына, воспитаннаго ею по собственной своей идеѣ? Она все знаетъ и одобряетъ подвиги Сережи. Послѣднее воззрѣніе богини само собою доказываетъ то, что у нея трезваго ума никогда не было, а есть у нея безспорно умъ фальшиво направленный и пересыпанный трескучими фразами, плѣняющій фантазіи мало мыслящихъ юношей. Сообразивъ твои воззрѣнія вообще на вещи, намъ кажется, что и у тебя понятія походятъ на воззрѣнія Г. Въ особенности учительскій постъ поразителенъ для насъ. Намъ здѣсь уже видятся тюрьма, цѣпи и пр. и то, что ты цѣлый годъ ничему не учился и возжался съ Г. Леонидъ!

время не ушло, прерви всѣ отношенія съ Г., забудь все то дурное и фальшивое, что могло быть между вами, займись своимъ дѣломъ по указанію отца....“

Несмотря на такіе разумные родительскіе совѣты, Щиголевъ не перемѣнилъ не только своего направленія, но и, подобно Ѳедоровичу, старался совратить свою сестру Анну. Изъ черноваго письма Щиголева къ сестрѣ видно, что онъ совѣтовалъ ей быть „производительнымъ членомъ общества“, „вырваться изъ обыкновенной мѣщанской дорожки женщины и выйти на дорогу человѣка“, а также убѣждалъ ее учиться при содѣйствіи Орлова и Малышевича съ тѣмъ, чтобы поступить на женскіе курсы Медико-Хирургической Академіи. Въ чемъ именно должно было заключаться „ученіе“, къ которому побуждалъ Щиголевъ свою сестру, о томъ не трудно составить себѣ понятіе изъ писемъ Орлова и содержанія тѣхъ книгъ, чтеніе которыхъ Щиголевъ рекомендовалъ сестрѣ. Такъ Орловъ, къ которому Щиголевъ обращался съ просьбою заниматься съ его сестрою, писалъ Щиголеву: „По смыслу твоего письма, Леонидъ, видно что ты навязываешь мнѣ „развиваніе“. Ну, братъ, относительно этого извини. Я готовъ ее „обучать наукамъ“, но развивать нѣтъ, ибо понялъ тщету сего занятія. Вы Юл. Клав. развивали втроемъ, а между тѣмъ не развили до того, чтобы понять на сколько она пошла своимъ „перемѣняніемъ мнѣній“.... Изъ писемъ же Анны Щиголевой оказывается, что братъ совѣтовалъ ей читать нѣкоторыя книги, и что она читала: *Что дѣлается на родинѣ* и другія, писать о которыхъ опасно. Въ числѣ таковыхъ книгъ была *Исторія французскаго крестьянина*, что удостовѣрилъ свидѣтель Малышевичъ; по словамъ послѣдняго, Щиголевъ письмомъ просилъ его взять у Голоушева книги, которыя имъ будутъ привезены изъ Петербурга и давать читать таковыя Аннѣ Щиголевой. Вслѣдствіе сего, получивъ отъ Голоушева, чрезъ Орлова, *Исторія французскаго крестьянина*, онъ, Малышевичъ, и передалъ означенную книгу Аннѣ Щиголевой. Такое показаніе Малышевича находитъ себѣ подтвержденіе въ одномъ письмѣ отца Щиголева который писалъ сыну: „Книжонку, о которой ты сказалъ Анютѣ, читала ли она ее, я видѣлъ; она глупа какъ пробка; читать ее можно, а мыслить по своему, а у кого мышленія своего нѣтъ, тому чтеніе всякой дряни вредно. Книжонка эта и пошленькіе стишки выпущены и распространяются для опутыванія людей несмыслящихъ; безмозглая же толпа не вредна, разумъ возьметъ перевѣсъ, а злоумышленники Б. останутся въ дуракахъ,—это вѣрно, какъ дважды два четыре“.

По обыску у Щиголева были, между прочимъ, отобраны: стихотвореніе революціоннаго содержанія, замѣтки объ интернаціональномъ обществѣ рабочихъ, писанный рукою Щиголева разсказъ—*Дѣдушка Егоръ*, заключающій въ себѣ прямое воззваніе къ бунту, и книги: *Анархія по Прудону* и *Сказка о четырехъ братьяхъ*.

Содержась подъ стражею въ Казанскомъ тюремномъ замкѣ, Щиголевъ составилъ стихотвореніе возмутительнаго содержанія, которое и было у него отобрано при обыскѣ, произведенномъ въ его камерѣ.

Щиголевъ призналъ себя виновнымъ въ имѣніи запрещенныхъ сочиненій и составленіи отобраннаго у него въ тюрьмѣ стихотворенія, а также призналъ, что найденный у него разсказъ *Дѣдушка Егоръ* составленъ имъ.

Клеопатра Лукашевичъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ писемъ, уѣхала въ Самару, гдѣ и вошла въ составъ мѣстнаго революціоннаго кружка.

Кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ, съ кружкомъ „оренбуржцевъ“, по словамъ Льва Городецкаго, имѣла близкія сношенія дочь титулярнаго совѣтника Надежда Юргенсонъ, присоединившаяся въ послѣдствіи къ самарскому кружку.

Кружокъ Самарцевъ, или Городецкаго, былъ основанъ въ 1873 г. пріѣхавшими изъ Самарской губерніи Львомъ Городецкимъ и Павломъ Чернышевымъ, принадлежащими къ кружку самообразованія, существовавшему еще въ 1872 г. въ средѣ воспитанниковъ Самарской гимназіи. По словамъ Городецкаго, нашедшимъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ Владиміра Осипова и Василія Филадельфова, онъ, Городецкій, Осиповъ и Филадельфовъ, а также товарищи ихъ по гимназіи Викторъ Осташкинъ и Павелъ Чернышевъ, въ 1872 г. составили кружокъ, имѣвшій цѣлью пополнить пробѣлы гимназическаго образованія путемъ чтенія и разсужденія о прочитанномъ. Въ 1873 году кружокъ выработалъ даже уставъ, въ коемъ опредѣлялась какъ его цѣль, такъ условія и его существованія. По уставу, цѣль кружка заключалась въ „саморазвитіи“, котораго предполагалось достигнуть посредствомъ

чтеній и составленія рефератовъ; собранія кружка должны были происходить на квартирахъ его членовъ, для которыхъ посѣщеніе собраній было обязательнымъ; былъ выбранъ даже завѣдующій дѣлами кружка, каковая обязанность была возложена на Городецкаго, а также былъ опредѣленъ порядокъ пріема новыхъ членовъ. По удостовѣренію Городецкаго, каждое лицо, изъявившее желаніе быть членомъ кружка, должно было первоначально считаться гостемъ и получало званіе члена лишь тогда, когда, по мнѣнію кружка, „запасъ его развитія", какъ выразился Городецкій, достаточно увеличивался. Первыми гостями были—гимназистъ Минъ Никитинъ Милоглазкинъ и рекомендованный Городецкимъ лакей г. Малышева, крестьянинъ Никифоръ Ивановъ Емельяновъ. Къ веснѣ 1873 г., по удостовѣренію Городецкаго, кружокъ началъ усвоивать себѣ противуправительственное направленіе, которое замѣчалось кромѣ него, Городецкаго, и у Осташкина, Осипова и Филадельфова. Городецкій мечталъ даже объ изданіи газеты съ цѣлью проведенія своихъ взглядовъ въ кружкѣ, для чего и пріобрѣлъ литографскій камень; но желанія Городецкаго не осуществились, и до конца 1873 г. противуправительственное направленіе нѣкоторыхъ изъ членовъ кружка въ осязательной формѣ не проявлялось. Въ концѣ лѣта Городецкій и Чернышевъ прибыли въ Петербургъ, гдѣ Чернышевъ и поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію; Городецкій же, имѣвшій намѣреніе поступить въ Технологическій Институтъ, и, какъ видно изъ его собственнаго показанія, уже вполнѣ усвоивъ себѣ мысль о необходимости измѣнить положеніе рабочаго класса въ Россіи, сталъ искать сближенія съ людьми одинаковаго съ нимъ образа мыслей. По словамъ Городецкаго, онъ съ означенною цѣлью нѣсколько разъ посѣщалъ трактиръ, такъ-называемую „Казанку", гдѣ преимущественно сходились студенты, но всѣ его поиски долгое время оставались тщетными; наконецъ ему удалось познакомиться съ нѣсколькими революціонными дѣятелями, въ томъ числѣ и съ Мокіевскимъ-Зубкомъ, о которомъ ему сказали, что это одна изъ тѣхъ личностей, которыхъ онъ ищетъ, и притомъ еще изъ лучшихъ,—но и на этотъ разъ сближеніе не состоялось. Поиски Городецкаго продолжались до тѣхъ поръ, пока счастливый случай не доставилъ ему возможности побывать на сходкахъ, происходившихъ въ 12 ротѣ Измайловскаго полка, въ квартирѣ Головина. На первой сходкѣ, на которой былъ Городецкій, присутствовало человѣкъ до 50; шума было много, разсуждали о недостаткахъ существующаго государственнаго строя, но вообще выяснить себѣ предметъ разсужденій было трудно; на этой же сходкѣ Городецкій узналъ о полученіи изъ-за границы сочиненій Бакунина. Черезъ недѣлю сходка у Головина повторилась, на которую народу собралось еще больше, чѣмъ на первую. За этою сходкой, какъ слышалъ Городецкій, слѣдовали и другія, продолжавшіяся до февраля 1874 г., но Городецкій на нихъ уже не присутствовалъ.

Подъ вліяніемъ означенныхъ сходокъ Городецкій окончательно усвоилъ себѣ революціонное направленіе, и когда однажды къ нему пришли Чернышевъ и студентъ Медико-Хирургической Академіи Бухъ, бывшій воспитанникъ Самарской гимназіи, то Городецкій, какъ видно изъ его показанія, сталъ доказывать имъ, что занятіе науками безплодно, что слѣдуетъ обратить вниманіе на бѣдствія народа и стараться заинтересовать этимъ вопросомъ возможно большее количество лицъ. Краснорѣчіе Городецкаго, по его собственному предположенію, подѣйствовало на Чернышева и Буха, которые чрезъ нѣсколько дней устроили въ своей квартирѣ сходку. На этой сходкѣ Городецкій встрѣтился со студентами Медико-Хирургической Академіи, Никитинымъ и Курдюмовымъ, принимавшими участіе и въ послѣдующихъ сходкахъ, на которыхъ также бывали студенты Медико-Хирургической Академіи, Николай Поповъ и Воронцовъ и крестьянинъ Комовъ. На этихъ сходкахъ, по удостовѣренію Городецкаго, обсуждались вопросы о томъ: въ чемъ заключается счастіе, какимъ образомъ возможно избѣжать дуализма въ личности и т. п., затѣмъ стали разсматривать вопросы объ ассоціаціяхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, а послѣ пріобрѣтенія Городецкимъ сочиненій Бакунина — таковыя сдѣлались единственною темой разговоровъ на сходкахъ. Сочиненія Бакунина, по словамъ Городецкаго, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе; подъ ихъ вліяніемъ, собиравшіяся на сходкахъ лица признали, что стремленія народа вполнѣ выяснены, и пришли къ заключенію о необходимости вести въ народѣ пропаганду. Придя къ такому выводу, посѣтители сходокъ, какъ видно изъ показанія Городецкаго, въ январѣ 1874 г. составили свой особый кружокъ, въ составъ котораго вошли: Городецкій, Чернышевъ, Бухъ, Никитинъ, Курдюмовъ, Поповъ, Комовъ и слуша-

тельница акушерскихъ курсовъ, мѣщанка Марѳа Герасимовна Жукова, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Никитина.

Основанный подъ вліяніемъ теоріи Бакунина кружокъ самарцевъ, подобно прочимъ петербургскимъ кружкамъ, усвоилъ себѣ анархическое направленіе. По удостовѣренію Городецкаго, члены кружка были того мнѣнія, что революція въ Россіи должна произойти сама собою, въ силу историческаго хода вещей, вслѣдствіе чего считали своею задачей—содѣйствовать, посредствомъ устной и книжной пропаганды, сознанію народомъ идеала своего будущаго устройства. Для осуществленія такой задачи члены кружка рѣшили идти въ народъ подъ видомъ простыхъ рабочихъ, разыскивать недовольныхъ настоящимъ положеніемъ вещей и дѣйствовать на нихъ слѣдующимъ образомъ: развивая и выясняя, устно или чтеніемъ, существующее уже недовольство, указывать на возможность выхода изъ настоящаго тяжелаго положенія лишь при условіи единодушнаго образа дѣйствій со стороны народа, въ доказательство чего ссылаться на бунты Стеньки Разина и Пугачева; затѣмъ изъяснять, что, дѣйствуя совокупными силами всего народа, слѣдуетъ добиваться общиннаго землевладѣнія, свободнаго перехода изъ одной общины въ другую и самоуправленія, а потому и уничтоженія правительства и администраціи; вопросъ о существованіи Верховной Власти предполагали не затрогивать, такъ какъ само собою подразумѣвалось, что таковая будетъ уничтожена, въ виду ея несомнѣннаго сопротивленія требованіямъ народа. Каковою предполагалась устная пропаганда, таковою же должна была быть и книжная; самою пригодною для послѣдней книгой признавалась *Исторія одного французскаго крестьянина*, а также считалось полезнымъ распространять въ народѣ разсказы въ родѣ *Митюхи*, *Дѣдушки Егора* и др., какъ указывающіе на вредное вліяніе эксплуатаціи на народъ; книги же *Стенька Разинъ* и *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ* были признаны годными исключительно для лицъ болѣе или менѣе развитыхъ, какъ-то: народныхъ учителей, семинаристовъ и гимназистовъ.

Для пріобрѣтенія подлежавшихъ распространенію въ народѣ книгъ, а также для оказанія помощи нуждающимся членамъ кружка, была устроена, по словамъ Городецкаго, касса. Для означенной кассы имѣлось сначала въ виду добывать деньги путемъ изданія народныхъ книгъ, но такое предположеніе не осуществилось, а потому касса стала пополняться взносами, дѣлаемыми каждымъ изъ членовъ кружка; завѣдываніе же кассой было поручено Чернышеву. Изъ кассы было оказано вспомоществованіе Никитину, а Городецкій на счетъ кассы взялъ себѣ нѣсколько книгъ изъ числа пріобрѣтенныхъ Чернышевымъ, а именно: *Объ общинномъ владѣніи землей*, Чернышевскаго, 2 экз. *Исторіи одного французскаго крестьянина* и 5 экз. разсказовъ *Сила солому ломитъ*.

Чернышевъ, Поповъ, Никитинъ и Курдюмовъ въ показаніяхъ своихъ отвергаютъ существованіе кружка, но правдивость показанія Городецкаго доказывается:

а) Показаніемъ Комова, удостовѣрившаго существованіе кружка и объяснившаго, что цѣль таковаго состояла „въ воздѣйствіи на развитіе народа въ смыслѣ сознанія имъ своего экономическаго положенія и возможности выхода изъ него“.

б) Показаніемъ Рабиновича, по словамъ котораго, въ числѣ петербургскихъ кружковъ былъ и кружокъ Городецкаго, членами котораго состояли извѣстные Рабиновичу — Городецкій, Бухъ, Курдюмовъ, Поповъ, Никитинъ и Комовъ.

в) Показаніями Чернышева и Попова, признавшихъ, какъ знакомство между собою всѣхъ лицъ, составлявшихъ, по словамъ Городецкаго, кружокъ, такъ и обсужденіе этими лицами читанныхъ ими статей по рабочему вопросу, и желаніе помочь народу легальнымъ путемъ выйти изъ сего тяжелаго положенія.

г) Полнѣйшею дѣятельностью членовъ кружка.

Кружокъ „самарцевъ“ имѣлъ сношеніе со всѣми прочими петербургскими кружками; такъ, по словамъ Городецкаго, на сходкахъ кружка бывали: Голоушевъ и Воскресенскій— изъ кружка „оренбуржцевъ“, Милоглазкинъ — изъ кружка Лермонтова, и Сердюковъ — изъ кружка „чайковцевъ“, а также Воронцовъ и Чарыковъ; на этихъ же сходкахъ бывалъ Рабиновичъ, какъ оказывается изъ показанія послѣдняго, а по удостовѣренію Гриценкова, въ квартирѣ Блавдзевичъ бывали Городецкій и Никитинъ, что́ и подтвердилъ Городецкій; наконецъ, черезъ Голоушева самарскій кружокъ имѣлъ сношенія и съ кружкомъ артиллеристовъ, вмѣстѣ съ которыми въ мастерской Богомолова, какъ уже сказано выше, рабо-

талъ и Павелъ Черпышевъ, встрѣчаясь тамъ съ Черпышевымъ „вспышкопускателемъ", Иваномъ Блавдзевичемъ, Александромъ Лукашевичемъ и Чарушинымъ, подъ фамиліей Шуравина.

Весной 1874 г. кружокъ „самарцевъ" окончательно слился съ прочими кружками, что видно изъ показанія Рабиновича, удостовѣрившаго, что на собраніяхъ представителей кружковъ делегатомъ отъ кружка „самарцевъ" явился Курдюмовъ.

Кромѣ всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ, къ самарскому кружку примкнула еще впослѣдствіи, по словамъ Городецкаго, Надежда Юргенсонъ, имѣвшая близкія отношенія къ „оренбуржцамъ".

Весной 1874 г. самарцы двинулись въ народъ и, за исключеніемъ Попова и Комова, отправились въ Самарскую губернію. Комовъ, по его собственному показанію, послѣ отъѣзда изъ Петербурга работалъ на фабрикѣ Морозова, въ Твери, затѣмъ былъ въ Богородскѣ и работалъ въ красильномъ заведеніи Морозова, въ Орѣховѣ, послѣ чего отправился на родину въ село Тейково, Владимірской губерніи, гдѣ и былъ арестованъ. Комовъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ сообществу, составившемуся для противозаконныхъ цѣлей; помимо такого сознанія и всего вышеизложеннаго, виновность Комова подтверждается:

а) Свидѣтельскими показаніями лицъ, удостовѣрившихъ, что Комовъ, въ перепискѣ съ ними сообщая, что нашелъ цѣль для своей жизни, высказывалъ, между прочимъ, такого рода мысли, что „если буржуазія воруетъ у рабочаго часть его трудовъ, то и рабочій имѣетъ такое же право воровать у буржуазіи, потому что, воруя, онъ беретъ свою собственность", и что „не мѣшало бы агитировать по поводу крайняго обремененія народа поборами".

б) Показаніемъ Комова, даннымъ при дознаніи, въ которомъ онъ гораздо подробнѣе и откровеннѣе, чѣмъ при слѣдствіи, описывалъ направленіе кружка самарцевъ и программу его дѣятельности. Въ означенномъ показаніи Комовъ объяснилъ, что, обсуждая экономическое положеніе народа, кружокъ пришелъ къ тому выводу, что выходъ изъ такого положенія представляется возможнымъ лишь при помощи соціально-экономическаго переворота, способствовать которому кружокъ и рѣшился путемъ пропаганды въ народѣ. Для опредѣленія цѣли этой пропаганды была назначена сходка, на которой, сознавъ необходимость вести соціально-революціонную пропаганду въ народѣ, члены кружка рѣшили направлять существующее въ народѣ недовольство къ соединенной борьбѣ съ общими причинами, обусловливающими непригодность общественной жизни. Пропаганда соціальной революціи, по словамъ Комова, не отдѣлялась отъ политической, которая силой обстоятельствъ должна быть послѣдствіемъ первой, такъ какъ при распаденіи всѣхъ формъ настоящаго общественнаго устройства, существованіе политической власти, обусловливающей эти формы, было бы немыслимо.

в) Письмомъ Комова къ Городецкому.

г) Найденными при обыскѣ у Комова книгами, какъ-то: сочиненія Лассаля и *Крестьянскіе выборы*.

д) Показаніемъ Городецкаго о томъ, что Комовъ, подобно другимъ членамъ кружка, имѣлъ прозвище, а именно, былъ извѣстенъ подъ именемъ Лохматова, каковое показаніе Городецкаго подтверждается найденнымъ у него адресомъ—Лохматову, въ гор. Тверь, гдѣ, какъ сказано выше, Комовъ нѣкоторое время работалъ на фабрикѣ.

Николай Поповъ, оставаясь въ Петербургѣ, поддерживалъ сношенія какъ съ уѣхавшими въ Самару товарищами, такъ и съ членами другихъ кружковъ, и когда Софья Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ уѣзжала изъ Петербурга на пропаганду въ приволжскія губерніи, то Поповъ, по просьбѣ Рабиновича, далъ ей въ Самару рекомендательное письмо, приложивъ къ таковому записку Паевскаго къ Ковалику, съ которою любой изъ самарскихъ революціонныхъ дѣятелей могъ явиться въ Николаевскъ; означенныя письма Поповой и записка Паевскаго были впослѣдствіи отобраны у Лешернъ при задержаніи ея въ гор. Саратовѣ.

Николай Поповъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что письмо для Лешернъ написано имъ по просьбѣ Буха и почти подъ его диктовку; между тѣмъ Рабиновичъ удостовѣрилъ, что упомянутое письмо было написано Поповымъ по просьбѣ его, Рабиновича, и что онъ обратился съ такою просьбой къ Попову, потому что Поповъ, какъ ему было извѣстно, принадлежалъ къ кружку „самарцевъ".

Остальные члены кружка, какъ уже сказано, отправились въ Самару, гдѣ и слились съ мѣстнымъ революціоннымъ кружкомъ, дѣятельность котораго будетъ изложена ниже.

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ кружковъ въ Петербургѣ существовали еще слѣдующіе кружки:

Кружокъ Воронцова, студента Медико-Хирургической Академіи, имѣвшаго, какъ видно изъ дѣла, весьма близкія сношенія съ кружкомъ Ковалика, а по удостовѣренію Рабиновича—съ кружкомъ Городецкаго и со штабсъ-капитаномъ Емельяновымъ и Ободовскою. Изъ членовъ сего кружка подлежалъ преслѣдованію одинъ Воронцовъ, успѣвшій, однако, какъ сказано выше, бѣжать за границу.

Кружокъ Троицкаго, студента С.-Петербургскаго университета, державшійся, по словамъ Рабиновича, нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ Петербургскихъ кружковъ. Преступная дѣятельность сего кружка обнаружена лишь въ отношеніи двухъ его членовъ: Троицкаго и дворянки Маріи Эдуардовой Гейшторъ. Гейшторъ имѣла сношенія со студентомъ Медико-Хирургической Академіи Исаакомъ Павловскимъ, основателемъ таганрогскаго кружка, что будетъ изложено ниже; а Троицкій былъ знакомъ съ Рабиновичемъ, какъ видно изъ показанія послѣдняго, у котораго онъ бралъ книги. Въ маѣ 1874 г. Троицкій и Гейшторъ отправились на пропаганду въ Рыбинскій уѣздъ.

Кружокъ Павловскаго, къ которому принадлежали Исаакъ и его братъ Ааронъ Павловскій, слушательница акушерскихъ курсовъ Эйдела Пумлянская и студенты Медико-Хирургической Академіи Зубковъ и Иванишевичъ. Этотъ кружокъ имѣлъ самостоятельныя сношенія съ Сажинымъ и занимался ввозомъ въ Россію книгъ революціоннаго содержанія, а лѣтомъ 1874 г. Исаакъ Павловскій основалъ кружокъ въ Таганрогѣ. Дѣятельность вышепоименованныхъ лицъ будетъ изложена ниже.

Такимъ образомъ къ лѣту 1874 года большинство петербургскихъ революціонныхъ дѣятелей двинулось въ народъ съ цѣлью осуществленія своихъ преступныхъ замысловъ.

Еще ранѣе, въ мартѣ или апрѣлѣ, Коваликъ ѣздилъ въ Харьковъ, гдѣ и основалъ революціонный кружокъ, вошедшій въ близкія отношенія съ кіевскимъ кружкомъ, основаннымъ близкими къ Ковалику лицами; послѣдній кружокъ, въ дѣлахъ котораго Коваликъ принималъ живое участіе и который онъ посѣтилъ въ февралѣ 1874 г., въ свою очередь тѣсно связалъ свою дѣятельность съ дѣятельностью одесскаго кружка. Почти одновременно съ Коваликомъ появилась въ Харьковѣ пропагандистка изъ Москвы—Анна Андреева, также основавшая въ Харьковѣ небольшой кружокъ, слившійся впослѣдствіи съ таганрогскимъ кружкомъ.

Въ концѣ 1873 года дочь губернскаго секретаря Анна Васильева Андреева уѣхала, по собственному ея показанію, изъ Москвы, поселилась въ д. Сковородиневѣ (Харьковской губерніи) у дальней своей родственницы Кусаковой, въ разговорѣ съ которою обнаружила, по показанію коллежскаго регистратора Алексѣя Гаврилова Головачева, крайнее озлобленіе противъ существующаго политическаго и общественнаго строя. Изъ объясненій самой Андреевой видно, что она читала Кусаковой и Головачеву *Историческія письма* Миртова (Лаврова), а также давала читать крестьянскимъ дѣтямъ привезенныя съ собою народныя книги, какъ-то: *О землѣ и небѣ* и *Дѣдушка Егоръ*. Проживъ нѣкоторое время въ гор. Курскѣ, на урокахъ, Андреева весною 1874 г. пріѣхала въ Харьковъ, гдѣ и поселилась у своей матери. Въ Харьковѣ она познакомилась съ проживавшимъ у отставного надворнаго совѣтника Василія Емельянова Ракшевскаго ученикомъ техническаго желѣзнодорожнаго училища Феликсомъ Іосифовымъ Юркевичемъ, а чрезъ послѣдняго и съ товарищемъ его по училищу Семеномъ Ивановымъ Корабельниковымъ. Изъ показаній Корабельникова и въ особенности Юркевича, гораздо подробнѣе разсказывающаго обстоятельства дѣла, видно, что при посѣщеніяхъ ими Андреевой она разсказывала, что живетъ у своей матери подъ видомъ горничной, скрываясь отъ преслѣдованія, такъ какъ она подозрѣвается въ принадлежности къ революціонному кружку, имѣвшему цѣлью посредствомъ народнаго возстанія достигнуть измѣненія существующаго государственнаго и общественнаго строя, и что члены этого кружка уже пропагандируютъ въ народѣ въ качествѣ учителей, мастеровыхъ и вообще рабочихъ. Говоря о низшемъ классѣ народа, Андреева высказывала мысль, что онъ нахо-

дится въ угнетенномъ, бѣдственномъ положеніи по винѣ правительства, и что если дать народу образованіе, то онъ пойметъ это, и самъ посредствомъ возстанія выйдетъ изъ своего тяжелаго положенія; вслѣдствіе чего, по мнѣнію Андреевой, прежде всего необходимо озаботиться пріобрѣтеніемъ сторонниковъ пропаганды въ образованномъ классѣ съ тѣмъ, чтобы таковые сначала обучали народъ, а потомъ дѣйствовали въ революціонномъ духѣ. По словамъ Юркевича, Андреева, излагая предъ ними все вышеизложенное, старалась вызвать въ нихъ участіе къ себѣ, но съ прямымъ предложеніемъ — сдѣлаться дѣятельными членами общества—къ нимъ не обращалась; по объясненію же Корабельникова, Андреева предлагала ему возбуждать между рабочими, посредствомъ разговоровъ съ ними, неудовольствіе къ правительству. На собраніяхъ Андреевой читались книги, какъ напримѣръ, *Историческіе этюды*, Шашкова и сказки *Кота мурлыки*, причемъ Андреева поясняла прочитанное. Такъ, по удостовѣренію Юркевича, Андреева по поводу сказки *Кота мурлыка* говорила, что она написана съ цѣлью показать тяжелое положеніе рабочихъ, возбудить въ нихъ неудовольствіе къ правительству и такимъ образомъ вызвать возмущеніе. Книги давались имъ для чтенія и на домъ; Юркевичъ получилъ *Кота мурлыку*, а Корабельниковъ — *Дѣдушку Егора*. По словамъ Корабельникова, Андреева совѣтовала имъ уѣхать лѣтомъ на практическія занятія въ Таганрогъ или Новочеркасскъ, гдѣ они будутъ имѣть возможность познакомиться съ членами общества, о которомъ она имъ разсказывала, и читать революціонныя книги. Предъ отъѣздомъ въ Таганрогъ Андреева предложила имъ списокъ книгъ, которыя, по ея мнѣнію, имъ слѣдовало читать, и сверхъ того, по показанію Юркевича, снабдила ихъ рекомендательными записками къ своей знакомой Шумковой, въ Новочеркасскѣ, въ которыхъ просила Шумкову познакомить ихъ съ какимъ-то Иваномъ Яковлевичемъ. Независимо отъ сего, Юркевичу была дана записка на имя нѣкоего Дилевскаго (найденная у Юркевича при обыскѣ), содержащая въ себѣ просьбу давать подателю оной книги для чтенія и помѣщеніе, удобное для сходокъ съ товарищами.

Анна Андреева, не отвергая существа показаній Юркевича и Корабельникова, пояснила, что о принадлежности своей къ какому-либо революціонному кружку она имъ не говорила, а высказала лишь, что ее въ этомъ подозрѣваютъ. Она принадлежала къ московскому кружку, когда онъ преслѣдовалъ не преступныя цѣли, имѣя въ виду только поднятіе уровня народнаго образованія; но когда кружокъ измѣнилъ свое направленіе, то она совершенно отъ него отдѣлилась. Присоединиться къ какому-либо тайному обществу она, Юркевичу и Корабельникову не предлагала, а говорила лишь, что было бы хорошо, еслибъ они, запасшись знаніями, пошли въ народные учители; Юркевичъ и Корабельниковъ не поняли нѣкоторыхъ ея объясненій и вывели изъ нихъ свои неосновательныя заключенія.

На лѣто 1874 г. Юркевичъ былъ командированъ для практическихъ занятій въ Таганрогъ. Андреева тоже проживала лѣтомъ въ Таганрогѣ, гдѣ и познакомилась съ пріѣхавшимъ изъ Петербурга къ своимъ роднымъ студентомъ Медико-Хирургической Академіи Исаакомъ Павловскимъ и братомъ его не окончившимъ курса наукъ въ таганрогской гимназіи, Аарономъ, которыхъ въ свою очередь познакомила съ Юркевичемъ. Въ теченіе лѣта Корабельниковъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Таганрогъ и бывалъ у Андреевой, которая обѣщала, по его словамъ, достать для него журналъ *Впередъ* и хотѣла познакомить съ какимъ-то Павловскимъ, но ни того, ни другого не сдѣлала. По показанію Андреевой, Павловскіе при первомъ же знакомствѣ съ нею предложили ей принять участіе въ составленіи библіотеки для постепеннаго развитія гимназистовъ, на что она и согласилась, но впослѣдствіи пришла къ убѣжденію, что цѣль библіотеки была совершенно иная. Направленіе и дѣятельность Павловскихъ были тѣ же, что и московскаго кружка; у нихъ она видѣла: *Исторію интернаціонала: Государственность и Анархія*, *Пѣсенникъ* и журналъ *Впередъ*, а предъ отъѣздомъ своимъ Исаакъ Павловскій получилъ второй томъ журнала *Впередъ*, *Послѣднюю революцію*, Гамбона и др. книги. *Пѣсенникъ* давали читать и ей, а одинъ экземпляръ таковаго Исаакъ Павловскій продалъ Юркевичу. Книги хранились у бывшаго воспитанника таганрогской гимназіи, мѣщанина гор. Ралковъ, Евгенія Фридрихова Іогансона, которому она, послѣ отъѣзда Исаака Павловскаго въ Петербургъ, объявила, что прерываетъ всякія съ ними сношенія и беретъ назадъ изъ библіотеки свои книги. Ааронъ Павловскій самъ разсказывалъ ей о своей пропагандѣ въ какой-то деревнѣ, а Исаакъ Павловскій съ Іогансономъ, какъ ей извѣстно, также ходили на пропаганду.

Такое показаніе Андреевой нашло себѣ подтвержденіе въ показаніи Юркевича, по удостовѣренію котораго, въ квартирѣ Павловскихъ, гдѣ проживалъ и Іогансонъ, происходили собранія, посѣщавшіяся и гимназистами. На этихъ собраніяхъ читалась *Исторія интернаціонала*, Бакунина, а другія запрещенныя книги, какъ-то: *Впередъ*, *Сказка о 4-хъ братьяхъ* и *Пѣсенникъ*, давались ему для чтенія на домъ, какъ Павловскимъ, такъ и Андреевою; кромѣ сего, одинъ экземпляръ *Пѣсенника* былъ проданъ ему Исаакомъ Павловскимъ за 1 р. с.; хотя при передачѣ этихъ книгъ ему и не говорилось, чтобъ онъ давалъ ихъ читать другимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его просили завлекать въ члены кружка какъ можно больше знакомыхъ ему лицъ. Вслѣдствіе сего онъ предлагалъ своимъ знакомымъ Иванову и Кузьменко познакомить ихъ съ кружкомъ. Исаакъ Павловскій и Андреева, будучи самыми дѣятельными членами кружка, ѣздили, по словамъ Юркевича, куда-то по желѣзной дорогѣ; въ особенности Андреева часто отправлялась на заводъ Юза, какъ онъ думаетъ, съ цѣлью пропаганды, такъ какъ иначе ей туда не зачѣмъ было ѣздить, и притомъ раза два или три она увезла съ собою какъ бы узлы съ книгами. Цѣль кружка, насколько могъ понять Юркевичъ, состояла въ привлеченіи къ нему лицъ изъ образованнаго класса, съ тѣмъ чтобъ они путемъ пропаганды противуправительственныхъ идей въ народѣ возбудили его къ возстанію, послѣдствіемъ котораго было бы уничтоженіе сословій и равномѣрное распредѣленіе земли и капиталовъ между всѣми гражданами. Евгеній Іогансонъ, подтверждая, что *Пѣсенникъ* былъ переданъ Исаакомъ Павловскимъ Юркевичу, объяснилъ, что бывая у Павловскихъ раза два въ недѣлю, онъ заставалъ у нихъ Андрееву и Юркевича, причемъ раза три ему случилось заставать Исаака Павловскаго читающимъ этимъ лицамъ какія-то книги.

Исаакъ и Ааронъ Павловскіе, не отвергая того обстоятельства, что у нихъ въ домѣ были запрещенныя книги, какъ-то: *Впередъ*, *Пѣсенникъ*, въ 2, 3 экземплярахъ, и *Исторія одного французскаго крестьянина*, объяснили, что эти книги были привезены изъ Петербурга Исаакомъ Павловскимъ, который взялъ ихъ у своего товарища по Академіи, Иванишевича, единственно изъ желанія познакомиться съ литературою революціоннаго направленія. По словамъ Исаака Павловскаго, онъ прочелъ журналъ *Впередъ*; *Исторію французскаго крестьянина*, вслѣдствіе болѣзни глазъ, читалъ ему Іогансонъ. Одинъ экземпляръ *Пѣсенника* онъ сжегъ, а остальныя книги велѣлъ брату и Іогансону уничтожить; по показанію же Аарона Павловскаго, Андреева брала книги безъ вѣдома брата, и экземпляръ *Пѣсенника*, который братъ просилъ сжечь, передала, кажется, Юркевичу; у нея же самой онъ, Ааронъ Павловскій, видѣлъ *Государственность и Анархію* и *Исторію интернаціонала*. Никто изъ нихъ къ революціонному кружку не принадлежалъ, и онъ на пропаганду не ходилъ, а читалъ лишь два раза у помѣщика Чикалева совершенно открыто, не видя въ этомъ ничего дурного, прикащику, садовнику и пастуху — *Дѣдушку Егора*. Въ устройствѣ библіотеки, состоявшей изъ цензурныхъ книгъ, принимала, по словамъ Аарона Павловскаго, большое участіе Андреева, относительно которой Ааронъ Павловскій объяснилъ, что она разсказывала ему о раздачѣ ею какихъ-то прокламацій и о своемъ намѣреніи пропагандировать революціонныя идеи въ будущемъ; а Исаакъ Павловскій показалъ, что Андреева, съ которою онъ познакомился случайно въ вагонѣ, постоянно заводила съ нимъ серьозные разговоры, желая показать что она не изъ послѣднихъ, но при этомъ всегда обнаруживала такое невѣжество, что онъ сталъ надъ нею смѣяться; какъ-то разъ она привела къ нему Юркевича, изъ разговора съ которымъ онъ убѣдился, что это *чистый воръ*...

Павловскіе, Андреева, Іогансонъ и Корабельниковъ виновными себя не признали, Юркевичъ же призналъ себя виновнымъ въ томъ, что вступилъ въ кружокъ Андреевой, зная о противозаконныхъ цѣляхъ его, заключавшихся въ стремленіи къ измѣненію незаконнымъ путемъ существующаго въ Россіи правительства и общественнаго строя, но при этомъ объяснилъ, что не имѣлъ намѣренія быть дѣятельнымъ членомъ кружка и что вступилъ въ таковой лишь съ цѣлью развить себя посредствомъ чтенія книгъ, имѣвшихся въ этомъ кружкѣ.

Независимо отъ такого сознанія Юркевича, къ изобличенію его, а равно и остальныхъ несознавшихся обвиняемыхъ, слѣдствіемъ собраны слѣдующія данныя:

Изъ показанія Ракшевскаго, у котораго проживалъ Юркевичъ и котораго родные Юркевича просили имѣть за симъ послѣднимъ „разсуждающимъ такъ что уши вянутъ

слушать" отцовское наблюденіе—видно, что по возвращеніи Юркевича изъ Таганрога, свидѣтель отобралъ у него книгу *Азбуку соціальныхъ наукъ* и сжегъ ее, и что Юркевичъ взялъ однажды безъ спроса у него, Ракшевскаго, 1 т. журнала *Полярная Звѣзда.* Этотъ журналъ былъ переданъ Юркевичемъ, по показанію воспитанника Харьковскаго техническаго училища Петра Эрастова Иванова, Корабельникову и воспитаннику Дзюбину, а затѣмъ былъ отобранъ у Юркевича смотрителемъ училища Иваномъ Дмитріевымъ Тупикомъ, который, между прочимъ, удостовѣрилъ, что однажды Корабельниковъ, вмѣсто заданнаго ему изложенія своими словами чего-то прочитаннаго изъ *Дѣтскаго Чтенія,* написалъ разсужденіе о рабочемъ классѣ, причемъ ссылался на Флеровскаго и *Азбуку соціальныхъ наукъ.*

По показанію того же Петра Иванова, Юркевичъ весною 1874 г. сообщилъ ему о своемъ знакомствѣ съ Андреевою, скрывавшеюся отъ преслѣдованія правительства и проживавшею у своей матери подъ видомъ горничной, и разсказывалъ, что Андреева принадлежала къ кружку, задача котораго состояла въ поднятіи уровня народнаго образованія. съ цѣлью учрежденія въ Россіи республики, и что члены кружка занимаются этимъ подъ видомъ рабочихъ. Юркевичъ предлагалъ ему познакомиться съ Андреевою, а когда онъ отъ этого отказался, то просилъ не разсказывать никому о его знакомствѣ съ Андреевою; у Юркевича Ивановъ видѣлъ сказки *Кота мурлыки* и данную ему Андреевою записку къ Аннѣ Ѳедоровнѣ. Лѣтомъ, когда Ивановъ былъ въ Таганрогѣ на практическихъ занятіяхъ, Юркевичъ вновь предлагалъ Иванову познакомиться съ Андреевою, съ каковымъ предложеніемъ обращался и къ студенту Института Инженеровъ Путей Сообщенія Василію Михайлову Кузьменко. Посѣщая Андрееву въ Таганрогѣ, Юркевичъ приносилъ отъ нея книги: *Сила соломy ломитъ*, *Пѣсенникъ*, *Сказку о 4-хъ братьяхъ* и др., которыя и давалъ читать разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и Кузьменко. Кромѣ сего, Юркевичъ въ Таганрогѣ и въ Харьковѣ, на работѣ, на улицѣ и въ квартирѣ, въ присутствіи другихъ, пѣлъ революціонныя пѣсни. О Павловскомъ Юркевичъ отзывался въ разговорахъ съ Ивановымъ какъ объ умнѣйшемъ членѣ и представителѣ кружка.

Изъ показанія ученика техническаго училища Александра Васильева Быстровскаго оказывается, что Юркевичъ говорилъ ему объ Андреевой, но отказался познакомить его съ нею, говоря, что у него, Быстровскаго, *длинный языкъ*, у Юркевича онъ видѣлъ книги *Азбука соціальныхъ наукъ* и *Сборникъ пѣсенъ*, которыя онъ давалъ читать своимъ товарищамъ, и нѣкоторыя пѣсни, какъ-то: *Когда я былъ Царемъ Россійскимъ* и *Дубинушка* (Барка), онъ пѣлъ публично, и наконецъ Юркевичъ позволялъ себѣ дерзко отзываться объ Особѣ Государя Императора.

Воспитанникъ того же училища Андрей Ивановъ Михелисъ показалъ, что Юркевичъ при другихъ лицахъ пѣлъ пародію на Аркадскаго принца, что подтвердилъ и служащій въ конторѣ начальника дистанціи въ Таганрогѣ бахмутскій мѣщанинъ Николай Николаевъ Петровъ. Кромѣ сего, Михелисъ добавилъ, что онъ видѣлъ у Юркевича *Пѣсенникъ*, *Сила соломy ломитъ* и *Сказку о 4-хъ братьяхъ*, каковыя книги Юркевичъ читалъ студентамъ Кузьменко и Ковалеву.

Студенты Института Инженеровъ Путей Сообщенія Кузьменко и Александръ Николаевъ Ковалевъ, подтвердивъ сдѣланную на нихъ Ивановымъ и Михелисомъ ссылку, объяснили, что эти книги они сами брали у Юркевича безъ его на то предложенія; но такое объясненіе противорѣчитъ показанію самого Юркевича, который, будучи спрошенъ объ этомъ обстоятельствѣ, показалъ, что если и давалъ Кузьменко и Ковалеву читать вышеуказанныя книги, то дѣлалъ это лишь вслѣдствіе ихъ о томъ просьбы.

Воспитанникъ техническаго училища Сергѣй Ивановъ Скворцовъ показалъ, что лѣтомъ 1874 г., во время практическихъ занятій на станціи Ставроково, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги, Корабельниковъ не разъ заводилъ съ нимъ разговоръ о бѣдственномъ положеніи низшаго класса народа и намекалъ на то, что землю слѣдуетъ отобрать отъ помѣщиковъ и раздѣлить ее поровну между крестьянами. На дознаніи Скворцовъ объяснилъ, что причину бѣдственнаго положенія народа Корабельниковъ видѣлъ въ монархическомъ образѣ правленія. Однажды при крестьянинѣ Портнягo, у котораго Скворцовъ и Корабельниковъ квартировали, Корабельниковъ завелъ разговоръ о томъ, что правительство назначаетъ такихъ сельскихъ учителей, которые не умѣютъ говорить съ на-

родомъ, и при этомъ указывалъ на одного своего богатаго знакомаго въ Таганрогѣ, говоря, что онъ пойдетъ въ учители безвозмездно, изъ одной любви къ народу.

Крестьянинъ Изюмскаго уѣзда, села Знаменскаго, Демьянъ Моисеевъ Портняго не подтвердилъ при слѣдствіи показанія Скворцова, хотя при дознаніи удостовѣрялъ, что Корабельниковъ читалъ, въ разное время книги: *Митюху, Очетырсахъ братьяхъ*, про Разина и др., названій которыхъ не упомнитъ; крестьянинъ же Александръ Семеновъ Сосико показалъ, что Корабельниковъ говорилъ рабочимъ, что паны обманули народъ, что имъ досталось земли больше чѣмъ народу, и что другіе народы живутъ хорошо потому, что у нихъ никакого царя нѣтъ; кромѣ сего, при дознаніи Сосико удостовѣрилъ, что Корабельниковъ читалъ книжку *трудно живется (Чтой-то, братцы)*.

Во время производства по настоящему дѣлу дознанія, содержавшійся одновременно съ Андреевою и Іогансономъ въ таганрогскомъ тюремномъ замкѣ арестанта Девойно Соллогубъ (неразысканный при слѣдствіи) представилъ къ дѣлу полученныя отъ Андреевой и Іогансона записки, содержаніе которыхъ, подкрѣпляя собранныя уже доказательства существованія таганрогскаго кружка, вмѣстѣ съ тѣмъ привело къ обнаруженію сношеній этого кружка съ русскими эмигрантами и полученія кружкомъ непосредственно изъ-за границы книгъ преступнаго содержанія.

Изъ этихъ записокъ, о которыхъ Андреева и Іогансонъ показали, что таковыя дѣйствительно писаны ими, имѣютъ значеніе: 1) двѣ записки Андреевой, въ которыхъ она, между прочимъ, писала: „отговариваться непониманіемъ я не могу, такъ какъ всѣ мои знакомые дали показанія что я очень умна.... имъ извѣстно о полученіи Павловскимъ предъ отъѣздомъ 2 тома *Впередъ*, Гамбона и пр. Напишите, что васъ спрашивали обо мнѣ, какъ вы характеризовали меня, мои отношенія къ Павловскимъ и кружку“; по показанію Андреевой, записка, въ которой помѣщена послѣдняя фраза, предназначалась Іогансону, и 2) слѣдующія записки Іогансона: подъ № 5—„Съ Андреевою было мало общаго, она участвовала въ составленіи библіотеки и только. Не знаю въ чемъ ей можно помочь..... Я спрашивалъ, нельзя ли сознаться въ томъ, что кажется извѣстнымъ“.... подъ № 7: „Я твердъ, и два мѣсяца отрицаю буквально все; уликъ много и въ сообществѣ, и въ томъ что мной было взято много на себя“.... подъ № 8: были нѣсколько разъ чтенія запрещенныхъ книгъ, журнала *Впередъ* и Бакунина. Это извѣстно. Извѣстно, что у насъ были запрещенныя книги: *Впередъ*, *Что дѣлать*, Бакунина 2 т., были еще другія, про нихъ, кажется, неизвѣстно. Извѣстно, что запрещенныя книги хранились у меня. Отъ меня, вѣроятно, потребуютъ сознанія во всѣхъ дѣйствіяхъ студента, такъ какъ я съ нимъ вмѣстѣ жилъ отъ пріѣзда его въ Таганрогъ съ іюня до августа“..... подъ № 9: „Нельзя ли притвориться сумасшедшимъ. Я за три дня предъ моимъ арестомъ писалъ письмо въ Питеръ. письмо это, кажется, въ рукахъ правительства. Если это такъ,—дѣло плохо. Тамъ встрѣчаются выраженія: наше дѣло и наши ряды“.....; подъ № 12: „У насъ здѣсь съ іюня 1874 г. составился кружокъ подъ руководствомъ студента. Составлена библіотека изъ цензурныхъ книгъ. Библіотека эта существовала подъ моей фирмою, но извѣстно, что она не моя. Изъ вопросовъ предлагаемыхъ мнѣ, я вижу, что многое извѣстно. Нельзя ли мнѣ теперь сознаться въ томъ, что я полагаю извѣстнымъ уже...“, и наконецъ подъ № 15: „Скверно вотъ что. Въ Сувалкской губ. получены книги; не задолго до ареста того кто долженъ былъ ѣхать за ними было получено письмо, какъ можно скорѣе прислать 175 р. и получить книги. Книги тамъ были самыя новыя, какихъ въ Россіи еще нѣтъ... жаль, если онѣ попадутъ въ руки правительства, это главный и безопасный путь, черезъ который можно было бы всегда получать книги. Мы здѣсь получили книги багажомъ, не знаю открыто ли это, кажется, нѣтъ“.

Относительно этой послѣдней записки Іогансонъ при слѣдствіи объяснилъ, что о книгахъ, полученныхъ въ Сувалкской губ., онъ слышалъ отъ Исаака Павловскаго; о томъ же кто долженъ былъ ѣхать за книгами отозвался незнаніемъ, а полученіе книгъ подъ видомъ багажа назвалъ пустою фразой. При дознаніи же Іогансонъ удостовѣрилъ, что за книгами долженъ былъ ѣхать Исаакъ Павловскій, что изъ Петербурга на имя Павловскаго были получены багажомъ запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ были двѣ книги Бакунина и журналъ *Впередъ*, и что, кромѣ того, нѣсколько запрещенныхъ книгъ было привезено изъ Новочеркасска Аарономъ Павловскимъ.

Спрошенный по поводу записки Іогансона подъ № 15, Исаакъ Павловскій показалъ слѣдующее: студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванишевичъ (неразысканный), уѣзжая въ Парижъ, обѣщалъ выслать оттуда должную имъ студенту Зубкову сумму денегъ, но такъ какъ Зубковъ не могъ дать полнаго своего адреса, то и было рѣшено, что Иванишевичъ вышлетъ деньги Павловскому въ Таганрогъ, на имя родственника Павловскаго Шмаева, съ передачею квартировавшей въ домѣ Павловскихъ Смирновой, прямаго же своего адреса онъ не далъ, потому что дома имѣли обыкновеніе читать его письма. Затѣмъ въ августѣ 1874 года, онъ получилъ отъ Иванишевича изъ Ковна письмо, въ которомъ Иванишевичъ извѣщалъ, что въ мѣстечкѣ Кейданахъ находятся высланные имъ тюки революціонныхъ книгъ, и въ виду того что личность, которая должна была за ними пріѣхать, арестована, просилъ его, какъ честнаго человѣка, взять эти книги и заплатить за нихъ 75 р. Дня черезъ два послѣ сего онъ получилъ письмо, писанное видимо Евреемъ, съ требованіемъ 175 руб. за перевозку книгъ; съ деньгами этими онъ долженъ былъ или самъ поѣхать, или выслать ихъ на имя Эдельштейна, который и пришлетъ книги. Не желая, съ одной стороны, принимать высланныя книги, а съ другой —опасаясь поссориться съ Иванишевичемъ, онъ поручилъ Іогансону написать Эдельштейну письмо о томъ, что онъ не зналъ что потребуется такая сумма денегъ, что проситъ подождать недѣлю, въ теченіе которой надѣется собрать деньги, и чтобъ Эдельштейнъ писалъ ему въ Курскъ, на имя Ивана Смирнова, до востребованія. Личность Смирнова, по словамъ Павловскаго, была вымышленная.

Іогансонъ не призналъ того, что по порученію Павловскаго онъ писалъ письмо Эдельштейну, но у послѣдняго было найдено письмо такого же содержанія, какъ письмо, написанное, по словамъ Павловскаго, Іогансономъ, и по сличеніи почерка, коимъ писано это письмо, съ несомнѣннымъ почеркомъ Іогансона, оказалось, что письмо это писано дѣйствительно симъ послѣднимъ.

5 февраля 1875 года въ мѣстечкѣ Кейданахъ, Ковенской губ., былъ произведенъ обыскъ у занимавшагося контрабандой Еврея Вульфа Розенблата, и по обыску, на чердакѣ дома, въ которомъ жилъ Розенблатъ, было найдено два холщевыхъ тюка, прикрытыхъ плетенкою отъ телѣги. По вскрытіи этихъ тюковъ въ нихъ оказались книги преступнаго содержанія: 206 экз. *Анархіи по Прудону*, 48 экз. *Государственность и Анархія*, 48 экз. *Историческое развитіе интернаціонала*, 34 экз. *Задачи революціонной партіи въ Россіи*.

Относительно найденныхъ у него тюковъ Розенблатъ показалъ, что они были присланы къ нему изъ м. Шаки проживающимъ тамъ Евреемъ Мовшею Эдельштейномъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ, съ запискою, въ которой онъ просилъ хранить эти тюки до пріѣзда его самого или того кого онъ пришлетъ.

По произведенному вслѣдъ за симъ въ м. Шаки у Еврея Мовши Эдельштейна обыску, были найдены: 1) письмо слѣдующаго содержанія: „Посылаю вамъ чрезъ Ernst Bratz, Эдельштейнъ, три тюка книгъ (два изъ Цюриха и одинъ изъ Лондона) и прошу васъ перевезти ихъ. Когда перевезете, то пошлите письмо вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, которое я посылаю вамъ съ этимъ письмомъ къ вамъ, запечатайте конвертъ и пошлите, за вещами пріѣдутъ. Вы должны только написать свой адресъ и сказать, сколько нужно денегъ за перевозку..... Прощайте, вашъ Будо“; 2) записка, о которой показывалъ Павловскій, начинающаяся словами: „я совершенно не зналъ, что потребуется такая большая сумма“..... и кончающаяся словами: „отвѣчайте какъ можно скорѣе въ Курскъ, на имя Ивана Смирнова, до востребованія И. См....“ и 3) два конверта безъ почтовыхъ штемпелей съ написанными на нихъ адресами,—на одномъ „С.-Петербургъ, 3 рота Измайловскаго полка, домъ № 12, кв. № 4, Ѳедору Ѳедоровичу Орлову, а на другомъ:—„Таганрогъ, кассиру на вокзалѣ Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги, Якову Шмаеву, для передачи Еленѣ Васильевнѣ Смирновой“.

Изъ объясненій Эдельштейна оказывается: а) что письмо Будо онъ послалъ къ Орлову и Шмаеву въ новыхъ штемпельныхъ конвертахъ, а конверты, присланные Будо, остались у него, и что съ Будо онъ познакомился въ концѣ 1873 г. и тогда же началъ перевозить черезъ границу присылаемые Будо тюки книгъ, и б) что третій тюкъ, о которомъ упоминается въ письмѣ Будо, былъ отбитъ пограничною стражей.

Послѣднее обстоятельство вполнѣ подтвердилось. 29 іюля 1874 г. на Владиславской таможенной линіи дѣйствительно былъ задержанъ перевозимый контрабандистами тюкъ, по вскрытіи котораго въ немъ оказались книги: 533 экз. *Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, 9 экз. *Сказки о 4-хъ братьяхъ*, 1 экз. *Государственность и Анархія*, 39 экз. *Анархія по Прудону* и 18 экз. брошюры *О мученикѣ Николаѣ*.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Медико-Хирургическою Академіей, видно, что Иванишевичъ отправился за границу лишь въ іюнѣ 1874 г., а изъ показанія обвиняемаго Моисея Рабиновича оказывается, что Будо, съ которымъ онъ былъ у Эдельштейна въ концѣ 1873 г., не Иванишевичъ, а Сажинъ, рукою котораго писано письмо за подписью Будо и адресы на имя Шмаева и Орлова.

Такимъ образомъ объясненіе Павловскаго о томъ что книги были доставлены Эдельштейну Иванишевичемъ и что онъ, Павловскій, совершенно случайно оказался замѣшаннымъ въ дѣло о ввозѣ книгъ, вслѣдствіе полученнаго имъ письма отъ Иванишевича, представляется вымышленнымъ и опровергается сверхъ того нижеслѣдующимъ:

13-го февраля 1875 года, во время обыска у виленской мѣщанки Эйдели Пумпянской, къ ней явился студентъ Медико-Хиругической Академіи Моисей Нестеровскій, у котораго было отобрано письмо, помѣченное 12 февраля 1875 г., слѣдующаго содержанія: „Пишу вамъ, дорогой мой другъ, послѣдній разъ, прошу васъ сильно, глубоко, не указывать на меня на допросахъ.... И такъ еще разъ, и послѣдній, не показывать на меня. Это необходимо для дѣла перевозки книгъ на будущее время, дѣло, которое теперь въ довольно печальномъ положеніи и которое станетъ абсолютно невозможнымъ, если вы укажете на меня, и необходимо для спасенія отъ гибели, для Россіи по крайней мѣрѣ, восьми minimum человѣкъ... сваливайте на Судзиловскаго все.... можете ли вы бѣжать? Какой вашъ планъ вашего побѣга? Ваши друзья готовы употребить силу, если это совершенно необходимо.... Я взялъ одну вашу медицинскую книгу Карпинскаго о малыхъ операціяхъ (часть письма, относящаяся до побѣга, на французскомъ языкѣ). Любящій васъ „Одиннадцатый“.

Нестеровскій объяснилъ, что это письмо (незапечатанное) было ему дано студентомъ Медико-Хирургической Академіи Зубковымъ, его товарищемъ по семинаріи, для передачи Пумпянской, которую онъ передъ тѣмъ раза два видѣлъ у сестры Исаака Павловскаго.

Пумпянская, не признавая себя виновною въ принадлежности къ преступному сообществу, показала, какъ на дознаніи такъ и при слѣдствіи, что отобранная у Нестеровскаго записка была прислана къ ней Зубковымъ для передачи Исааку Павловскому, и что объ этомъ просилъ ее лично самъ Зубковъ, отъ котораго она уже разъ, по дружбѣ къ Маріи Павловской, сестрѣ Исаака, передала сему послѣднему записку. При предъявленіи же Пумпянской слѣдственнаго производства, она измѣнила свое показаніе и объяснила, что записку, подписанную „Одиннадцатый“, Зубковъ просилъ передать нѣкоей Цвиневой, которая была въ то время въ отъѣздѣ и скоро должна была вернуться.

По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ, Цвинева была допрошена при дознаніи въ первый разъ 29 апрѣля 1875 года и не только не содержалась подъ стражею, но противъ нея не было даже принято никакой мѣры для пресѣченія ей способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Кромѣ сего, изъ показанія Цвиневой видно, что она, по окончаніи курса наукъ въ Псковской женской гимназіи, занималась преподаваніемъ въ частныхъ домахъ и медицинскихъ наукъ не изучала; между тѣмъ, по увѣдомленію Медико-Хирургической Академіи оказывается, что книга Карпинскаго *О малыхъ операціяхъ* употребляется, какъ руководство, на третьемъ курсѣ Академіи.

По предъявленіи Исааку Павловскому письма за подписью „Одиннадцатый“, онъ объяснилъ, что таковое, судя по почерку, дѣйствительно писано Зубковымъ, но къ нему, Павловскому, не относится. Павловскій отказался также отъ двухъ записокъ, отобранныхъ у Чарушина и адресованныхъ къ Маріи Гейнторъ, въ которыхъ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія выраженія: „вѣрю глубоко въ наше святое дѣло... пусть свирѣпствуетъ опричина, она сама себя сжираетъ въ своемъ неистовствѣ... нельзя ли узнать объ Андреевой, т.-е. объ ея образѣ жизни? Мнѣ говорилъ братъ, что она дѣлаетъ доносы на подругъ, что стучатъ. Эта стерва—второй экземпляръ Рабиновича“. По сличенію почерка, которымъ писаны эти записки, съ несомнѣннымъ почеркомъ Исаака Павловскаго, оказалось, что записки писаны рукою сего послѣдняго.

По обыскамъ, произведеннымъ въ квартирахъ Павловскихъ въ Таганрогѣ и Петербургѣ, найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, тетрадь *Слово вѣрующаго къ народу*, нѣсколько стихотвореній преступнаго содержанія, записная книга библіотеки, тетрадь Аарона Павловскаго, въ которой на оборотѣ стр. 38 усмотрѣнъ шифръ и опытъ писанія имъ, и пачка писемъ, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе письмо безъ подписи, начинающееся словами: „Tuquoque, Brute...", въ коемъ, между прочимъ, говорится о томъ, что „мы теперь по современнымъ способамъ мчимся съ дикою быстротой назадъ въ Николаевскія времена", и что автору письма передавали, что Флеровскаго схватили и отправляютъ въ Сибирь, по поводу чего авторъ письма восклицаетъ: „Дожили жъ до такого положенія! А долго этого быть не можетъ, не могу и не хочу вѣрить, чтобъ это долго такъ было".

Изъ числа этихъ вещественныхъ доказательствъ — *Слово вѣрующаго къ народу* и преступныя стихотворенія, по словамъ Исаака и Аарона Павловскихъ, имъ не принадлежатъ и какъ таковыя попали къ нимъ въ квартиру, имъ неизвѣстно, шифрованная азбука и опытъ писанія шифромъ писаны, по словамъ Аарона Павловскаго, имъ, но зачѣмъ и откуда онъ выписалъ эту азбуку — онъ не помнитъ; письмо же, начинающееся словами: *Tuquoque, Brute* писано, по объясненію обоихъ братьевъ, Исаакомъ къ Аарону.

Кружокъ лицъ къ которому принадлежали, какъ видно изъ вышеизложеннаго, Исаакъ Павловскій и Зубковъ, чрезъ посредство одного изъ своихъ членовъ—студента Технологическаго Института Николая Абрамова Литошенко, снабжалъ книгами преступнаго содержанія гор. Харьковъ. Такъ, изъ показаній исключеннаго изъ Харьковской Семинаріи Михаила Өеоктистова Спѣсивцева, неокончившаго курса гимназіи Юрія Николаева Говорухи и жены дворянина Екатерины Дмитріевой Барковой, видно, что студентъ Харьковскаго Университета Ананьевъ (неразысканный) въ началѣ 1874 г. занимался продажею экземпляровъ журнала *Впередъ*, получаемаго имъ отъ Литошенко; солидарность же сего послѣдняго съ Павловскимъ, Зубковымъ и Ананьевымъ устанавливается отобранною у инженера Шмакова шифрованною запискою, присланною къ нему Литошенко, для передачи неизвѣстной личности, означенной буквою *Н*. Въ этой запискѣ Литошенко, между прочимъ, спрашиваетъ, не поздно ли онъ пріѣдетъ въ Харьковъ въ іюлѣ 1874 г., для посылки, изъ Бессарабіи, гдѣ, т.-е. въ Бессарабіи, какъ видно изъ письма, отобраннаго у Нестеровскаго, Зубковъ былъ лѣтомъ 1874 г., вмѣстѣ съ другими членами сего кружка. Что посылка изъ Бессарабіи должна была состоять изъ запрещенныхъ книгъ, въ этомъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія дальнѣйшее содержаніе шифрованной записки Литошенко, который между прочимъ писалъ слѣдующее: „во всякомъ случаѣ напишите пожалуста, что у васъ тамъ дѣлается, и получился ли второй томъ и благополучно ли, сколько? Послали ли въ Харьковъ? Если нѣтъ, найдите случай и пришлите штукъ шесть, и если перешлете чрезъ харьковскаго жителя, то пусть подержитъ у себя до моего пріѣзда, если же нѣтъ, то пусть запечатаетъ и отнесетъ по слѣдующему адресу: Морская улица, домъ № 5, и попроситъ хозяевъ того дома (Ананьевыхъ) поберечь до моего пріѣзда". Далѣе Литошенко высказываетъ мысль что „шататься совсѣмъ неподходящая вещь, ужасное недовѣріе и тѣмъ большее, чѣмъ больше радикальничать, впрочемъ можетъ быть такъ со мною случилось оттого, что я былъ въ барской одеждѣ. Отослали ли печатать Голодовку? Если бы скорѣе! Сопоставленіе такихъ фактовъ производитъ отличное впечатлѣніе....."

Вмѣстѣ съ шифрованною запискою было отобрано у Шмакова другое письмо Литошенко, въ которомъ сей послѣдній разсказываетъ, что лѣтомъ 1874 г., во время проѣзда со станціи Воронежской желѣзной дороги Давыдово въ имѣніе своихъ родителей, онъ читалъ крестьянамъ *Сказку о 4-хъ братьяхъ* и старался возбудить въ своихъ слушателяхъ негодованіе къ сословіямъ, а также къ особѣ Государя Императора. Далѣе, описывая жизнь свою въ деревнѣ у родителей, Литошенко присовокупляетъ, что онъ не можетъ чувствовать себя счастливымъ, такъ какъ видитъ вездѣ кругомъ ужасную эксплуатацію простого народа и, наконецъ, сообщаетъ о встрѣчѣ своей съ одною знакомою госпожой, въ которой онъ книгою Наумова пробудилъ совѣсть.

Николай Литошенко, признавая что вышеизложенныя письмо и шифрованная записка писаны имъ, и что разборъ шифра вѣренъ, объяснилъ, что письмо и записка написаны

имъ изъ желанія узнать, вскрываются ли на почтѣ письма и что содержанія писемъ есть только плодъ его фантазіи.

Такое крайне неправдоподобное само по себѣ объясненіе находитъ себѣ опроверженіе и въ обнаруженныхъ слѣдствіемъ преступныхъ дѣйствіяхъ Литошенко, вполнѣ соотвѣтствующихъ содержанію его письма. Такъ, изъ показаній столяра Родіоновскаго и отставного рядового Данилы Иванова оказывается, что Литошенко, на хуторѣ Маріенталь, у своихъ родителей, лѣтомъ 1873 г., давалъ Родіоновскому для чтенія разныя книги, названій которыхъ Родіоновскій не помнитъ, а уѣзжая осенью сказалъ, что съ почты получатся книги, которыя мать Литошенко передастъ ему, Родіоновскому. Дѣйствительно, около Покрова г-жа Литошенко передала Родіоновскому 8 или 9 книжекъ, въ числѣ которыхъ были: *Дѣдушка Егоръ*, разсказы *о землѣ и небѣ* и какіе-то *очерки*. Затѣмъ весною 1874 г. Литошенко передалъ Родіоновскому *Сказку о 4-хъ братьяхъ*, сказавъ при этомъ: „*на тебѣ для просвѣщенія*". Сказку эту Родіоновскій началъ читать Данилѣ Иванову, но убѣдившись, что она богопротивная, порѣшилъ ее уничтожить и сталъ изводить на сигарки.

Литошенко, несмотря на собранныя противъ него улики, виновнымъ себя не призналъ.

Почти одновременно съ кружкомъ Андреевой возникъ весною 1874 г. въ Харьковѣ другой кружокъ, основателемъ котораго явился Сергѣй Коваликъ.

Кружокъ этотъ образовался слѣдующимъ образомъ: въ февралѣ 1874 г. пріѣхали въ Харьковъ, проѣздомъ изъ Петербурга на Кавказъ, Григорій Лебедевъ и бывшій студентъ Земледѣльческаго Института Викторъ Даниловъ и остановились въ квартирѣ родственника Данилова, дворянина Антонина Гродецкаго. Встрѣчаясь здѣсь со студентами Харьковскаго университета Николаемъ Крутиковымъ, Николаемъ Михайловымъ Барковымъ, женою Баркова Екатериною Дмитріевою и неокончившимъ курса гимназіи дворяниномъ Юріемъ Николаевымъ Говорухою-Отрокомъ,—Лебедевъ и Даниловъ сообщили имъ, по словамъ Говорухи-Отрока, что въ Петербургѣ появился журналъ *Впередъ*, причемъ Лебедевъ, по ихъ просьбѣ, обѣщалъ написать въ Петербургъ письмо о доставленіи имъ этого журнала. Не дождавшись присылки журнала, Крутиковъ, Гродецкій и Барковъ съ женою на шестой недѣлѣ Великаго поста узнали, что журналъ можетъ быть пріобрѣтенъ у студента Ананьева, сложились и купили его за 7 р. сер. Между тѣмъ, на Ѳоминой недѣлѣ въ квартиру Крутикова, при Говорухѣ-Отрокѣ, явился неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся Лукашевичемъ и оказавшійся впослѣдствіи Коваликомъ. Коваликъ привезъ съ собою отъ Лебедева на имя Гродецкаго письмо, въ которомъ говорилось о присылкѣ обѣщанныхъ Лебедевымъ книгъ, причемъ Коваликъ тутъ же передалъ Говорухѣ и Крутикову книги: два экз. *Государственность и Анархія*, нѣсколько экземпляровъ *Исторіи французскаго крестьянина*, *Отщепенцы* и одинъ экземпляръ драмы *Стенька Разинъ*. По приглашенію Говорухи и Крутикова, Коваликъ поселился на квартирѣ Крутикова и весь вечеръ разсказывалъ имъ о петербургскихъ кружкахъ, поставившихъ своею задачей пропагандированіе въ народѣ идеи ниспроверженія существующаго государственнаго строя, каковые разсказы окончилъ прямымъ предложеніемъ, обращеннымъ къ Говорухѣ-Отроку и Крутикову, принять участіе въ революціонной пропагандѣ. Какъ Говоруха-Отрокъ, такъ и Крутиковъ изъявили на это свое согласіе, и тутъ же было рѣшено привлечь къ дѣлу постороннихъ лицъ и образовать такимъ образомъ революціонный кружокъ. Съ этою цѣлью въ этотъ же вечеръ Говоруха-Отрокъ отнесъ одинъ экземпляръ *Государственности и Анархіи* къ Баркову, а на другой день вмѣстѣ съ Крутиковымъ отправился въ семинарію и пригласилъ семинаристовъ на сходку въ квартиру Крутикова.

Изъ показаній семинаристовъ—Николая Иванова Моисеева, Дмитрія Васильева Дикарева и др. оказывается, что съ этого времени начался цѣлый рядъ сходокъ, изъ которыхъ первая, четвертая и пятая происходили на квартирѣ Крутикова, а вторая и третья на квартирѣ студента университета Кулашко, послѣ чего сходки продолжались въ квартирахъ Баркова и студентовъ Ветеринарнаго института Емельянова и Лешафаева, въ Карповскомъ саду и на Основѣ. На первой сходкѣ было нѣсколько человѣкъ семинаристовъ, а именно: Моисеевъ, Дикаревъ, Бѣляевъ, Даниловъ, Александръ Поповъ и др., Крутиковъ, Говоруха-Отрокъ и студентъ Кацъ. На этой сходкѣ главную роль игралъ Говоруха. Онъ говорилъ о ненормальности существующаго политическаго и экономическаго строя, который долженъ быть уничтоженъ посредствомъ революціи, о необходимости уничтоженія частной собствен-

ности и раздѣленія имущества поровну между всѣми гражданами, и доказывалъ, что научныя занятія совершенно излишни, и что единственнымъ честнымъ трудомъ представляется трудъ физическій. Въ доказательство правильности своихъ разсужденій Говоруха ссылался на книги *Государственность и Анархія* и *Историческое развитіе интернаціонала*, которыя тутъ же и передалъ семинаристамъ съ просьбой прочесть таковыя, причемъ особенное вниманіе семинаристовъ Говоруха обращалъ на прибавленіе, отдѣленное отъ *Государственности и Анархіи*, которое онъ прочелъ и просилъ семинаристовъ списать, что нѣкоторые и сдѣлали. Говоря затѣмъ о существующихъ во многихъ мѣстностяхъ кружкахъ, стремящихся къ измѣненію посредствомъ революціи существующихъ въ государствѣ порядковъ, Говоруха убѣждалъ семинаристовъ, какъ честныхъ людей, присоединиться къ этимъ кружкамъ и подъ видомъ рабочихъ идти въ народъ, возбуждая его къ возстанію. Въ заключеніе Говоруха пригласилъ семинаристовъ придти на слѣдующій день. Послѣ ухода семинаристовъ, какъ это видно изъ показанія Говорухи, пришли Барковъ и студентъ Колюжный, которые изъявили согласіе принять участіе въ кружкѣ и идти въ народъ. По предложенію Баркова, на слѣдующій день сходка была устроена въ квартирѣ студента Кулашко, у котораго затѣмъ состоялась и третья сходка. На этихъ сходкахъ присутствовали: Крутиковъ, Колюжный, Барковъ, Кацъ, Говоруха-Отрокъ, Кулашко и жившій на одной съ Кулашко квартирѣ студентъ университета Петръ Денисовъ Арсеньевъ; изъ семинаристовъ приведенныхъ Кацемъ были: Моисеевъ, Дикаревъ, Даниловъ, Бѣляевъ, Александръ Поповъ, Петръ Ѳоминъ, Перцовъ, Титовъ, Ѳедоровскій, Клементьевъ, Веселовскій и Михаилъ Ѳеоктистовъ Спѣсивцевъ. На эти двѣ сходки явился и Коваликъ, который началъ свою бесѣду съ семинаристами съ того, что спросилъ ихъ прочли ли они данныя имъ книги и не желаетъ ли кто сдѣлать какія-нибудь возраженія. Когда возраженій не послѣдовало, то Коваликъ сталъ говорить семинаристамъ, что въ виду бѣдственнаго положенія народа,—вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія между гражданами имуществъ и эксплуатаціи его привилегированными классами и правительствомъ, — имъ слѣдуетъ оставить ученіе и идти въ народъ—возбуждать его къ низверженію правительства и уничтоженію непроизводительныхъ классовъ общества: дворянства, духовенства, купечества и вообще всѣхъ тѣхъ, кто не зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба трудомъ физическимъ. Совѣтуя семинаристамъ бросить ученье, Коваликъ доказывалъ имъ, что наука, какъ дающая возможность эксплуатировать народъ, должна быть изгнана. Далѣе Коваликъ внушалъ семинаристамъ, что задача каждаго изъ нихъ должна состоять лишь въ разрѣшеніи существующихъ въ государствѣ порядковъ, такъ какъ впослѣдствіи народъ уже самъ создастъ новый порядокъ и, по всей вѣроятности, введетъ общинное устройство, такъ что Россія будетъ представлять изъ себя федерацію множества мелкихъ общинъ, ни отъ кого не зависящихъ и никѣмъ не управляемыхъ. Уговаривая семинаристовъ идти въ народъ, Коваликъ разсказывалъ имъ, что за границей и въ Петербургѣ образовалось революціонное общество, обязался высылать по первому требованію деньги тѣмъ, которые согласятся идти въ народъ, и совѣтовалъ прежде всего отправиться на фермы въ Пензенскую и др. губерніи для изученія какого-нибудь ремесла съ тѣмъ, чтобы потомъ, подъ видомъ рабочаго, съ фальшивымъ паспортомъ, ближе сойтись съ народомъ, успѣшнѣе вести дѣло революціонной пропаганды. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ Коваликъ ссылался на *Государственность и Анархію* и на *Исторію интернаціонала;* книги же *Исторію одного французскаго крестьянина* и *Стеньку Разина* совѣтовалъ распространять въ народѣ. Говоруха, Барковъ и Кацъ поддерживали Ковалика, причемъ Говоруха предлагалъ внести на надобности кружка 200 р. сер. и говорилъ объ устройствѣ спектакля, а Кулашко указывалъ на какого-то помѣщика, у котораго можно достать 1.000 р. сер. Изъ присутствовавшихъ на сходкахъ семинаристовъ, одинъ Спѣсивцевъ изъявилъ полную готовность идти въ народъ и примкнулъ къ кружку, членами котораго, по словамъ Говорухи-Отрока, были: онъ, Говоруха, Крутиковъ, Барковъ, Колюжный, Кацъ и Кулашко. Послѣ послѣдней сходки, второй на квартирѣ Кулашко, Коваликъ уѣхалъ, оставивъ, по удостовѣренію Говорухи, для переписки съ нимъ шифръ, что подтвердилъ и Спѣсивцевъ, присовокупивъ, что шифръ этотъ состоялъ изъ неприличныхъ словъ. Послѣ отъѣзда Ковалика, Говоруха, Барковъ и Спѣсивцевъ ходили въ село Пересѣчное, къ сельскому учителю Климентову, съ цѣлью уговорить сего послѣдняго принять участіе въ пропагандѣ, но не застали Климентова дома и вернулись ни съ чѣмъ. Между тѣмъ сходки

продолжались; студенты и семинаристы собирались на квартирѣ Крутикова два раза, причемъ на этихъ сходкахъ Говоруха продолжалъ въ разговорѣ съ семинаристомъ Раздольскимъ доказывать необходимость истребленія правительства и привилегированныхъ классовъ, и при этомъ на заданный кѣмъ-то вопросъ: „какъ же ихъ уничтожить?" отвѣтилъ: „да я самъ сейчасъ зарѣжу прокурора!" Послѣ этихъ сходокъ Говоруха и Крутиковъ отдѣлились отъ кружка и болѣе въ дѣлахъ его участія не принимали. Главой кружка сдѣлался Барковъ. Занявъ на двухъ послѣднихъ вышеуказанныхъ сходкахъ въ квартирѣ Крутикова первенствующую роль, Барковъ сохранилъ ее и на всѣхъ послѣдующихъ сходкахъ, происходившихъ у него, у ветеринаровъ Емельянова и Лишафаева и въ Карповскомъ саду. На этихъ сходкахъ, собиравшихся по указаніямъ Баркова, онъ совѣтовалъ отправляться на фермы, изучать какое-либо ремесло и затѣмъ идти въ народъ и распространять въ немъ запрещенныя книги, а также уговаривалъ семинариста Лонгинова вступить въ кружокъ, а Клементьева идти въ народъ подъ видомъ рабочаго; говоря затѣмъ о сохраненіи единодушія между революціонными кружками и о сношеніяхъ ихъ между собою, Барковъ доказывалъ необходимость изданія газеты, устройства кассы для оказанія помощи недостаточнымъ пропагандистамъ, библіотеки изъ революціонныхъ книгъ и кузницы, а также учрежденія агентовъ, которые представляли бы собою мѣстные кружки. На одной изъ сходокъ у ветеринаровъ Барковъ читалъ и разъяснялъ программу революціонной пропаганды Бакунина, причемъ по вопросу объ уничтоженіи правительства говорилъ, что личность Царя сама по себѣ не виновата, что слѣдуетъ дѣйствовать не противъ личностей, а противъ строя, что поэтому „Члены Царствующаго Дома должны быть устранены, т.-е. должны, потерявъ власть, поступить въ разрядъ всѣхъ другихъ гражданъ". Кромѣ сего, по показанію Спѣсивцева, Барковъ два раза ходилъ съ нимъ, Спѣсивцевымъ, и ветеринаромъ Емельяновымъ въ село Алексѣевку, гдѣ преимущественно Барковъ разъяснялъ рабочимъ причины ихъ бѣдственнаго положенія, причемъ всѣ они предлагали рабочимъ революціонныя книги, отъ принятія которыхъ рабочіе отказались. Это послѣднее обстоятельство призналъ и Барковъ, пояснивъ, что предлагалъ рабочимъ книгу *Исторію одного французскаго крестьянина*. Предложеніе Баркова объ устройствѣ кассы и библіотеки осуществилось; по словамъ Спѣсивцева, касса кружка находилась въ рукахъ Баркова, и въ ней, какъ говорилъ сей послѣдній, было около 170 р. с.; сумма эта составилась чрезъ розыгрышъ въ лотерею незапрещенныхъ книгъ и продажу на сто руб. сер. книгъ революціоннаго содержанія. Существованіе кассы Барковъ призналъ какъ при дознаніи, такъ и при слѣдствіи, причемъ не отвергъ и того обстоятельства, что касса находилась въ его завѣдываніи, и что часть находившихся въ ней денегъ была выручена путемъ розыгрыша въ лотерею незапрещенныхъ книгъ. Библіотека, состоявшая приблизительно изъ 50 книгъ, въ числѣ которыхъ были: *Государственность и Анархія*, *Историческое развитіе интернаціонала*, *Сказка о 4-хъ братьяхъ*, *Исторія одного французскаго крестьянина* и др., находилась также въ завѣдываніи Баркова.

Однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ кружка былъ Коложный, который и ввелъ въ кружокъ ветеринаровъ студента Медико-Хирургической Академіи Павла Дмитріева Максимова, находившагося въ Харьковѣ проѣздомъ въ Полтаву, гдѣ онъ хотѣлъ поступить въ какую то сапожную мастерскую, и разсказывавшаго о петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ. Спѣсивцевъ также радѣлъ объ интересахъ кружка и, какъ видно изъ его показанія, познакомилъ Баркова съ семинаристами Лонгиновымъ и Николаемъ Поповымъ, изъ коихъ последнему, послѣ отъѣзда Баркова, были переданы на храненіе, въ маѣ 1874 г., запрещенныя книги, съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ давалъ читать только тѣмъ изъ семинаристовъ, которые изъявятъ желаніе идти въ народъ.

Ковальикъ и послѣ отъѣзда изъ Харькова не прекратилъ своихъ сношеній съ образованнымъ имъ кружкомъ; по показанію Спѣсивцева, онъ нѣсколько разъ писалъ Баркову, извѣщая его о тѣхъ фермахъ, на которыхъ пропагандисты могли бы приготовлять себя къ будущей своей дѣятельности, и въ концѣ апрѣля прислалъ Рабиновича, какъ это видно изъ показанія сего послѣдняго, съ запрещенными книгами и деньгами для кружка. По словамъ Рабиновича, онъ передалъ Баркову 250 р. с. для кружка, нѣсколько бланковъ для фальшивыхъ паспортовъ и запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ, по показаніямъ Спѣсивцева и Дюкова и объясненіямъ Баркова, даннымъ при дознаніи, было нѣсколько

экземпляровъ *Государственности и Анархіи, Историческаго развитія интернаціонала* и *Сказки о четырехъ братьяхъ*. Кромѣ сего Рабиновичъ передалъ ветеринару Емельянову 120 р. с. для опредѣленія его въ казачій полкъ, съ цѣлью облегченія перевозки изъ-за границы книгъ и бѣгства за границу революціонеровъ, а также 30 р. с. Спѣсивцеву. По показанію Баркова, данному при дознаніи, Рабиновичъ привезъ ему и письмо отъ Ковалика, въ которомъ сей послѣдній убѣждалъ кружокъ дѣйствовать энергичнѣе, обѣщая дальнѣйшую помощь деньгами и книгами. По случаю пріѣзда Рабиновича были устроены двѣ сходки—одна въ Карповскомъ саду, а другая на квартирѣ ветеринаровъ, на каковыхъ сходкахъ Рабиновичъ говорилъ о дѣятельности петербургскихъ революціонныхъ кружковъ, совѣтовалъ устроить что-то въ видѣ клуба, гдѣ бы можно было собираться для обмѣна мыслей по дѣлу пропаганды, читалъ приложеніе къ *Государственности и Анархіи* и сообщилъ семинаристамъ адресы: а) Головина—въ Калужской губ., у котораго по соглашенію Головина съ Коваликомъ семинаристы могли обучаться какому-либо ремеслу, и б) мастерской, устроенной Войноральскимъ въ Пензѣ. Уѣзжая изъ Харькова, Рабиновичъ взялъ у Баркова адресъ семинариста Дюкова для того, чтобы вести чрезъ него переписку, такъ какъ лѣтомъ члены кружка должны были разъѣхаться, что дѣйствительно и случилось. Въ отсутствіе уѣхавшихъ членовъ кружка сходки продолжались въ Карповскомъ саду, и на нихъ появились новыя личности, введенныя ветеринарами, а именно: студенты Позинъ и Долинскій, изъ которыхъ послѣдній, по показанію Баркова, былъ никто иной, какъ Лебедевъ, уѣхавшій весной на Кавказъ вмѣстѣ съ Даниловымъ. Въ августѣ появился въ Харьковѣ и Каблицъ, показывавшій Дюкову фальшивый паспортъ на имя какого-то солдата, по которому онъ жилъ, пропагандируя въ Астрахани, на Волгѣ и на Дону.

На лѣто, какъ сказано выше, большинство членовъ кружка уѣхало изъ Харькова. Барковъ уѣхалъ въ Екатеринославскую губернію, гдѣ, какъ онъ разсказывалъ впослѣдствіи Дюкову, ходилъ по деревнямъ и, кромѣ того, съ Емельяновымъ былъ на Дону въ средѣ старообрядцевъ, которые, по его словамъ, такъ сильно возбуждены противъ правительства, что года черезъ два-три взбунтуются; возвратившись въ концѣ іюня въ Харьковъ, Барковъ взялъ у Дюкова *Исторію одного французскаго крестьянина* и уѣхалъ въ Курскъ. Спѣсивцевъ поѣхалъ на средства кружка въ Пензу, куда Барковъ высылалъ ему деньги на имя Каменскаго; по возвращеніи изъ Пензы, Спѣсивцевъ, какъ видно изъ его показанія, не засталъ въ Харьковѣ Баркова и написалъ ему въ Курскъ письмо съ просьбой о присылкѣ денегъ, на что получилъ отъ Баркова отвѣтъ, что семинаристы — дураки, которымъ помогать не слѣдуетъ, такъ какъ они не способны быть революціонерами. Кацъ уѣхалъ въ Екатеринославскую губернію съ цѣлью изучить кузнечное мастерство и добыть денегъ для кружка, а Колюжный и Кулашко отправились въ Полтавскую губернію, на хуторъ вдовы надворнаго совѣтника Надежды Колесниковой, гдѣ проживалъ и Максимовъ, и куда пріѣзжали—студентъ Технологическаго Института Николай Стронскій и дворянинъ Иванъ Чернышевъ. Во время пребыванія означенныхъ лицъ на хуторѣ Колесниковой, т.-е. лѣтомъ 1874 года, между крестьянами Кобелякскаго уѣзда распространилась молва о предстоящемъ будто бы вскорѣ раздѣлѣ земли поровну между помѣщиками и крестьянами, причемъ, какъ на источникъ этого слуха, молва указывала на студентовъ, проживавшихъ въ хуторѣ Колесниковой.

Спрошенная по поводу вышеизложеннаго Надежда Ѳоминична Колесникова объявила, что въ Полтавѣ у нея была дѣйствительно сапожная мастерская, въ которую Максимовъ и Колюжный приходили иногда по личнымъ своимъ надобностямъ, какъ-то, напр., съ цѣлью заказать сапоги; Максимова, Колюжнаго и Стронскаго она знала съ давняго времени; Максимовъ былъ приглашенъ ею на лѣто 1874 г. въ Полтаву для полученія мѣста репетитора; пріѣхавъ весной и заболѣвъ прожилъ нѣкоторое время у нея, а потомъ лѣтомъ пріѣзжалъ къ ней на хуторъ, гдѣ жилъ и ея знакомый Олеховскій, пригласившій къ себѣ Колюжнаго, Чернышева и Стронскаго. Пріѣхавъ весной 1874 года въ Полтаву, Максимовъ въ разговорѣ съ нею сталъ ей доказывать необходимость поднятія физическаго труда и образованія себя лишь на средства добытыя такимъ трудомъ, присовокупляя, что не велика бѣда, если его выгонятъ изъ Академіи. По словамъ Максимова, его убѣжденія раздѣлялись въ Петербургѣ весьма многими лицами и, какъ онъ говорилъ, Колесникова тоже

согласилась бы съ нимъ, если бы прочла привезенныя имъ изъ Петербурга книги *Государственность и Анархія* и журналъ *Впередъ*, которыхъ однако ей не далъ, объяснивъ, что всѣ книги имъ уже розданы. Лѣтомъ она раза четыре пріѣзжала на хуторъ и при этомъ не замѣчала, чтобы Максимовъ и Колюжный занимались распространеніемъ между крестьянами революціонныхъ идей, а слышала только отъ крестьянъ, что паничи работали иногда съ ними, о чемъ и разсказывала студенту Университета Св. Владиміра — Дымскому. Она получала нѣсколько разъ изъ Петербурга письма для передачи Максимову, который, распечатавъ однажды при ней письмо, нашелъ въ конвертѣ чистый листъ бумаги и сказалъ, что его надо только смочить какимъ-то растворомъ, и что тогда можно будетъ читать письмо. При дознаніи Колесникова пояснила, что Максимовъ доказывалъ ей необходимость уничтоженія правительства, высшаго образованія, сословій, и введеніе имущественнаго равенства, а также, что Колюжный весной 1874 г. просилъ у нея позволенія помѣстить въ сапожную мастерскую какихъ-то трехъ рабочихъ.

Студентъ Левъ Дымскій удостовѣрилъ, что на Рождествѣ 1873 года и около Пасхи 1884 г. онъ встрѣчался съ Максимовымъ въ квартирѣ Колесниковой и получилъ отъ него для чтенія *Государственность и Анархію* и журналъ *Впередъ*, причемъ Максимовъ объяснялъ ему, что въ Петербургѣ есть много людей, которые раздѣляютъ идеи, изложенныя въ этихъ книгахъ, и что многіе изъ нихъ идутъ въ народъ съ цѣлью пропагандированія революціи. Возвращаясь однажды съ хутора въ Полтаву съ Колесниковою, онъ узналъ отъ послѣдней, что проживающіе въ хуторѣ студенты увлекаются журналомъ *Впередъ* и другими подобными книгами, и что крестьяне совѣтовали ей не оставлять ея сына въ обществѣ этихъ лицъ.

Дѣйствительно, какъ это видно изъ показаній нѣсколькихъ свидѣтелей мѣстныхъ жителей, общество „паничей", проживавшихъ на хуторѣ Колесниковой, могло принести только вредъ сыну сей послѣдней, такъ какъ паничи проводили все свое время съ крестьянами, которымъ читали разныя книги, въ томъ числѣ, по показанію Колюжнаго, *Сказку о 4-хъ братьяхъ*, причемъ внушали крестьянамъ необходимость вырѣзать пановъ и жидовъ, а также, какъ показывалъ одинъ свидѣтель при дознаніи, лишить власти Царя, послѣ чего земля будетъ общею.

По обыску, произведенному въ Петербургѣ, въ квартирѣ Строискаго, у проживающаго вмѣстѣ съ нимъ студента С.-Петербургскаго Университета Константина Пичипоренко, было отобрано полученное имъ отъ Максимова письмо, написанное особыми чернилами, выходящими на бумагѣ лишь при смачиваніи ихъ растворомъ азотной кислоты. Въ этомъ письмѣ, подписанномъ „П. Перепез...", сообщается, между прочимъ, объ обыскахъ, бывшихъ въ Полтавѣ, и объ арестѣ одного рабочаго, который въ пьяномъ видѣ проповѣдывалъ соціальную революцію и называлъ Максимова и др. лицъ ангелами, почему письмо слѣдуетъ адресовать не на имя „Н. Ѳ." въ Полтаву, а на имя Кащенко (помѣщика, у котораго Максимовъ жилъ въ качествѣ учителя его дѣтей) съ надписью о передачѣ на второмъ, внутреннемъ пакетѣ.

Изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ харьковскому кружку, Колюжный, во время производства по сему дѣлу слѣдствія, обнаружилъ признаки разстройства умственныхъ способностей, остальные же частью скрылись, частью были задержаны, какъ-то: Коваликъ, Рабиновичъ, Говоруха-Отрокъ, Барковъ, Спѣсивцевъ и Максимовъ. Изъ нихъ Максимовъ не призналъ себя виновнымъ ни въ принадлежности къ революціонному сообществу, ни въ распространеніи книгъ возмутительнаго содержанія, прочіе же признали себя виновными: Ковалинъ—въ революціонной пропагандѣ съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію, въ учрежденіи харьковскаго революціоннаго кружка и въ распространеніи книгъ: *Государственность и Анархія*, *Исторія одного французскаго крестьянина* и др.; Рабиновичъ—въ такой же пропагандѣ и такомъ же распространеніи книгъ; Говоруха-Отрокъ—въ принадлежности къ революціонному кружку и раздачѣ книгъ *Государственность и Анархія;* Барковъ—въ принадлежности къ революціонному кружку, стремившемуся въ далекомъ будущемъ къ измѣненію посредствомъ революціи современнаго государственнаго и общественнаго строя, и, наконецъ, Спѣсивцевъ — въ принадлежности къ кружку, цѣль котораго состояла въ возбужденіи народа къ измѣненію посредствомъ революціи существующаго политическаго и экономическаго строя общества.

Студенты Лебедевъ и Даниловъ, прiѣздъ которыхъ въ гор. Харьковъ повлекъ за собою прiѣздъ Ковалика и образованiе харьковскаго революцiоннаго кружка, послѣ отъѣзда своего на Кавказъ не прервали своихъ сношенiй съ гор. Харьковымъ: Лебедевъ не долго пробылъ на Кавказѣ; лѣтомъ 1874 г. онъ возвратился въ Харьковъ, гдѣ подъ именемъ Долинскаго и принималъ участiе въ сходкахъ мѣстнаго кружка, какъ это изложено выше, и, сверхъ сего, занялся распространенiемъ революцiонныхъ книгъ. Эта послѣдняя его дѣятельность была обнаружена слѣдующимъ образомъ: 2-го сентября 1874 г. у учителя Острогожскаго уѣзднаго училища Ѳеодосiя Цебенко былъ произведенъ обыскъ, по которому, между прочимъ, найдено письмо отъ 29-го iюня, подписанное „М. Серебряковъ"; вслѣдъ затѣмъ было задержано въ гор. Острогожскѣ письмо изъ Харькова, на имя того же Ѳеодосiя Цебенко, содержавшагося въ то время подъ стражей. По вскрытiи письма, оно оказалось писаннымъ 30-го августа, безъ подписи, и слѣдующаго содержанiя: „Любезный дядюшка Цебенко. Должно быть уже сильно надоѣло ждать отъ меня письма..... Я было подумывалъ кинуть ветеринарное, потому что совершенно потерялъ къ нему вкусъ, ну да необходимость спецiальности для дѣла, которое я поставилъ себѣ цѣлью осуществить, удержала меня тамъ. Объ этомъ впрочемъ въ будущемъ, а въ настоящемъ я тебѣ скажу, что могу прислать книгъ очень хорошихъ, но только по случаю, потому что всѣ онѣ запрещенныя. Вотъ заглавiя нѣкоторыхъ изъ нихъ: *Государственность и Анархiя*, *Исторiя интернацiонала*, *Анархiя по Прудону*, *Отщепенцы*, *Задачи революцiонной пропаганды*, Ткачева, *Исторiя крестьянина*, переложенная на русскiй ладъ, *Стенька Разинъ* и т. п. Въ Харьковѣ духъ нашей братiи и вообще всѣхъ измѣнился къ лучшему; всѣ интересуются крайне подпольною литературой. Дѣло Долгушина не сходитъ съ языка, всѣ трактуютъ, возмущаются, приходятъ въ препирательства и просто зачитываются цюрихскихъ изданiй. Но все это пахнетъ чѣмъ-то навѣяннымъ извнѣ, временною экзальтацiей, а не продуманными убѣжденiями".

Письмо это оказалось писаннымъ тою же рукой что и письмо отъ 29-го iюня, за подписью „М. Серебряковъ", вслѣдствiе чего въ гор. Харьковѣ, у воспитанника Харьковскаго Ветеринарнаго института Михаила Михайлова Серебрякова былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, между прочимъ, найдено: а) записная книжка Серебрякова съ написаннымъ чернилами каталогомъ тенденцiозныхъ книгъ и со слѣдующими отмѣтками карандашемъ на 21 и 22-мъ листахъ: на 21-мъ: *Государ. и Анарх.*—1 руб. 50 коп., *Анархiя по Пр.*—1 руб., *Истор. интер.*—1 руб. 50 коп., *Отщепенцы*—1 руб., *Задачи Ткачева*—25 коп., *Исторiя крестьянина*—25 коп., *Стеньки Разинъ*—10 коп., *Пѣсенникъ*—3 коп., *Револ. молод.*—25 коп., *Послѣд. Революц.* (Гамбона)—25 коп., *Париж. Коммун.*—1 р. 25 к., *Наука и revол. дѣ.*—25 к., *Народн. дѣло*—25 к., *Впред.* II—5 р., *Общин. Земл.*—Чернышева, *Полярная звѣзда*—1 р. 25 к., *Съ того берега*—10 коп., *О мучен. Никол.*—20 к., *Офицеръ рус. ар.*—10 к., *Русск. пѣсни*—15 к., *Степанъ Раз.*—10 к., *Четыре брата*—5 к. пѣсен.; на 22-мъ: *Развитiе интернацiон.*—5 р., *Государств. и Анарх.*—5 р., *Анарх. по Прудон.* — 5 р., *Отщепенцы* — 3 р., *Задачи Ткачева* — 4 р., *Истор. крестья.*—2 р., *Степанъ Разин.*—5 р., *Пѣсни*—5 р., *Впередъ*—1 р., *Коммуна*—1 р., *Народ. дѣло*—1 р., *Мучен. Никол.*—1 р., *Прокламa*—1 р., *4 брата*—2 р., и б) зарытыя въ землю и отысканныя по указанiю самого Серебрякова—*Задачи революцiонной партiи въ Россiи* Ткачева и *Отщепенцы*.—Прочiя оставшiяся у него книги Серебряковъ передалъ, какъ видно изъ его показанiя, даннаго при дознанiи лицу, назвать которое не пожелалъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя были уничтожены, если у него, Серебрякова, будетъ сдѣланъ обыскъ.

Серебряковъ, признавая себя виновнымъ въ распространенiи революцiонныхъ книгъ между своими знакомыми съ цѣлью пропаганды революцiонныхъ идей, объяснилъ, что письмо къ Цебенко, отъ 30-го августа, писано имъ, что подтвердила и экспертиза, и что книги были ему даны студентомъ Лебедевымъ, съ которымъ онъ познакомился случайно въ библiотекѣ воспитанниковъ Ветеринарнаго института, и который своими разсужденiями заставилъ его увѣровать въ необходимость улучшенiя народнаго быта посредствомъ революцiи. Лицъ, между которыми онъ распространилъ книги, Серебряковъ назвать не пожелалъ, кромѣ нѣкоего Курицына, оставшагося при слѣдствiи неразысканнымъ, несмотря на всѣ принятыя къ разысканiю его мѣры.

Лебедевъ застрѣлился во время производства дознанія по настоящему дѣлу.

Викторъ Александровъ Даниловъ, разсказывавшій о себѣ, какъ видно изъ показанія Екатерины Барковой, что онъ придерживается Бакунинскихъ убѣжденій, за которыя и не былъ принятъ на службу въ типографію Лаврова (Миртова), уѣхалъ на Кавказъ на деньги собранныя членами харьковскаго кружка, которые за тѣмъ посылали ему деньги и въ Тифлисъ. Поселившись въ селѣ Воронцовкѣ, среди молоканъ, Даниловъ встрѣтился тамъ, по собственному его показанію, съ давнишнею своею знакомой Маріею Александровою Шавердовой. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ нанялся у крестьянина Козьмы Бучнева косить сѣно и, проводя въ работѣ будничные дни, по праздникамъ ходилъ къ Шавердовой, съ которою и занимался чтеніемъ книгъ, между прочимъ: *Стеньки Разина* и *Сказки о четырехъ братьяхъ;* означенныя книги онъ читалъ и молоканамъ, по просьбѣ сихъ послѣднихъ. Пробывъ въ Воронцовкѣ около мѣсяца, Даниловъ отправился къ духоборцамъ, въ село Спасское, гдѣ и опредѣлился на должность сельскаго писаря. Признавъ такимъ образомъ что онъ читалъ молоканамъ въ селѣ Воронцовкѣ *Стеньку Разина* и *Сказку о четырехъ братьяхъ,* Даниловъ тѣмъ не менѣе не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ сочиненій съ цѣлью возбужденія къ бунту, а также не призналъ и того, чтобъ у него были какія-либо отношенія съ харьковскимъ революціоннымъ кружкомъ.

Между тѣмъ, по обыску, произведенному у Данилова въ с. Спасскомъ, были найдены между прочимъ: а) отрывокъ письма, писаннаго Даниловымъ, по его словамъ, къ бывшей студенткѣ Цюрихскаго университета Павловой, въ каковомъ письмѣ, описывая бытъ духоборцевъ, Даниловъ говоритъ: „и еслибы не ихъ достатокъ, вышли бы изъ нихъ народ. революціей сильно", и б) полулистъ почтовой бумаги съ написанными на немъ славянскими буквами, противъ которыхъ поставлены цифры отъ 1 до 10; сверхъ сего на этомъ полулистѣ написаны слова „Императоръ" и „вольнодумъ", причемъ подъ каждою буквой этихъ словъ поставлены цифры. Во время же препровожденія Данилова къ жандармскому офицеру для допроса Даниловъ бросилъ письмо, которое было поднято шедшимъ сзади него мальчикомъ и передано Данилову, послѣ чего сей послѣдній, изорвавъ письмо въ клочки, бросилъ его вновь; означенные клочки были собраны сопровождавшимъ Данилова жандармскимъ унтеръ-офицеромъ и пріобщены къ дѣлу. Въ этомъ письмѣ, адресованномъ „коли въ Питеръ, то въ Земледѣльческій институтъ (онъ же Лѣсной) студенту Глушкову; коли въ Харьковъ, то студенту Брутикову или Гродецкому (послѣдняго можно найти въ аптекѣ Тутаева за Нетечью"), Даниловъ описываетъ свое путешествіе до села молоканъ (Воронцовки) и, между прочимъ, говоритъ: „я думалъ купно съ однимъ малымъ, наслѣдникомъ тысячи десятинъ и тысячъ четырнадцати денегъ, устроить нѣчто подобное фермѣ, а можетъ многимъ удалось бы и заняться какъ соціальною пропагандой, также и другимъ какимъ либеральнымъ дѣломъ..... отправился я на Кавказъ вдвоемъ только, хотя въ Х. осталось нѣсколько людей прекрасныхъ.... въ Тифлисѣ, гдѣ я имѣлъ счастіе познакомиться съ либеральною партіей мира и свободы, и тутъ же разстался съ Лебедевымъ, онъ направился въ Россію.... и я наконецъ пріѣхалъ въ деревню (молоканъ). Въ этой же деревнѣ проживала одна барынька революціонерка изрядная, я знавалъ ее еще въ Тифлисѣ.... Ну, разумѣется, когда я пріѣхалъ, то первоначально розыскалъ барыньку, барынька моя довольна и въ восхищеніи отъ молоканъ. Народъ дѣйствительно порядочный, совершенно критически относится къ Царю и правительству, а самое главное что безъ вида безъ всякаго, только зарекомендовавъ себя въ ихъ пользу или вѣрнѣе въ пользу вообще русскаго народа, можешь и прожить, и пропагандировать что̀ твоей ду̀шѣ угодно.... Такимъ маneромъ работалъ я по цѣлымъ недѣлямъ и въ воскресенье устраивалъ чтеніе революціонныхъ запрещенныхъ разсказовъ, хотя нужно отдать справедливость русской соціально-революціонной партіи, книгъ подходящаго содержанія очень мало; мы (т.-е. я и барынька) достали всего двѣ книги, одна *Четыре брата* и *Стенька Разинъ*. Народу собиралось душъ до 15—10, послѣ каждаго и во время чтенія поднимались разные разговоры, которые почти всегда поднималъ одинъ рыжій малый, лѣтъ 40, фразою; „ну какъ же мы все это устроимъ"? Подъ этимъ „все" подразумѣвалось раздѣленіе земли и изгнаніе поповъ съ чинами и Царемъ: а оканчивались подобные разговоры фразою: кого-нибудь изъ ребятъ: „это все такъ, да какъ его начинать, пусть молъ въ Россіи начнутъ, а мы ужъ

поддержимъ". Сюжетами для разговора были разные вопросы по самоуправленію и о землѣ преимущественно; были и такіе, которые не находили возможнымъ обходиться безъ Царя, и подиимались споры,.... если возбудить кто-либо вопросъ о необходимости Царя, правительства, Свѣтило (изъ молоканъ) читаетъ какого-то пророка, который говоритъ, что Цари даны за наказаніе, и потомъ о томъ, какъ придетъ время, когда Цари и всѣ сильные міра сего будутъ рабами низшаго класса. Такимъ маперомъ, работая по цѣлымъ недѣлямъ и по воскресеньямъ, и праздникамъ, читая и ходя на чтеніе къ барынькѣ, я прожилъ мѣсяцъ"....

По поводу этого письма Даниловъ объяснилъ, что въ немъ онъ описывалъ только то, чего былъ свидѣтелемъ па молоканскихъ религіозныхъ сходкахъ, что фамилій „барыньки-революціонерки и рыжаго малаго" не знаетъ, и что барынька эта—молоканка, приносившая ему молоканскія религіозныя книги.

Не подлежитъ однако сомнѣнію, что „барынька-революціонерка" была не молоканка, а проживавшая въ с. Воронцовкѣ бывшая учительница женскаго института въ Тифлисѣ, Марія Александрова Никитина, нынѣ Шавердова, по обыску у которой найдено, между прочимъ, писанное Шавердовою черновое письмо къ какому-то Аполлону Петровичу, изъ каковаго письма видно, что Шавердова имѣла сношенія съ Дебагоріо-Макріевичемъ, и что она имѣла въ виду переселиться съ другими лицами въ Америку, гдѣ предполагалось устроить коммуну.

Шавердова, не отвергая, что жила въ с. Воронцовкѣ, гдѣ по праздникамъ бывалъ у нея Даниловъ, съ которымъ она познакомилась въ 1868—1869 гг. въ Петербургѣ, не признала себя виновною и объяснила, что никакого чтенія революціонныхъ книгъ молоканамъ не происходило, и что Даниловъ, говоря объ этомъ въ своемъ письмѣ, просто желалъ, вѣроятно, порисоваться предъ своими товарищами.

Начальница института, въ которомъ Шавердова была учительницей, г-жа Колюбакина, удостовѣрила, что Шавердова пользовалась самою дурною репутаціей въ нравственномъ отношеніи и распространяла между воспитанницами института самыя превратныя понятія о бракѣ, религіи и повиновеніи начальству, а также, что по внушенію и иниціативѣ Шавердовой, нѣсколько воспитанницъ уѣхало въ Цюрихъ. По вступленіи въ должность начальницы, г-жа Колюбакина, узнавъ о поведеніи Шавердовой, предложила ей удалиться изъ института.

Въ мартѣ 1875 г. вновь было обнаружено распространеніе среди народа, въ гор. Харьковѣ, книгъ революціоннаго содержанія, поводомъ къ чему послужили: а) отобраніе у кочегара на шерстомоечномъ заведеніи купца Алексѣева, мѣщанина Дрожжикова и крестьянки Дубининой книгъ: *Сила соломý ломитъ*, *Сказка о четырехъ братьяхъ* и прокламаціи *Чтой-то, братцы*, и б) заявленіе мастера вагонной мастерской Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги Роберта Фазеля о томъ, что въ печкѣ одного изъ отдѣлывающихся вагоновъ имъ найдена *Исторія одного французскаго крестьянина*.

По объясненію Василія Дрожжикова, отобранныя у него книги были имъ получены отъ какого-то Ѳедора, работавшаго въ слесарной шерстомоечнаго заведенія; этотъ Ѳедоръ отошелъ отъ мѣста, по показанію одного свидѣтеля, безо всякаго повода, будто бы для обмѣна паспорта, который однако не былъ просроченъ; уходя, Ѳедоръ набилъ сакъ-вояжъ какими-то брошюрами, какъ бы газетными листами, и положилъ туда еще толстую книгу. Вслѣдствіе сего и въ виду оказавшихся у другаго рабочаго Ивана Бѣлаго книгъ, какъ-то: *На міру*, *Въ память столѣтія пугачевщины*, изданіе журнала *Впередъ*, *Исторія одного французскаго крестьянина* и *Сказка о четырехъ братьяхъ*, — хозяинъ шерстомоечнаго заведенія, купецъ Алексѣевъ, поручилъ всѣмъ своимъ рабочимъ въ случаѣ встрѣчи кѣмъ-либо изъ нихъ рабочаго Ѳедора представить послѣдняго въ жандармское управленіе. 24-го марта рабочіе Иванъ Хлопотовъ и Яковъ Столяренко встрѣтили Ѳедора на Рыбной улицѣ, предъ слесарнымъ заведеніемъ, куда Ѳедоръ, по его словамъ, хотѣлъ поступить, и задержали его. Хлопотовъ отправился за городовымъ, а въ его отсутствіе Ѳедоръ сталъ просить Столяренко отпустить его, предлагая за это деньги и говоря, что ему уже и въ полвѣка не выйти, а затѣмъ, выйдя въ послѣдній дворъ, засунулъ въ щель, въ стѣнѣ дома, какую-то бумагу, похожую па газету. Бумага эта была вынута изъ щели посредствомъ клещей слесаремъ Закржевскимъ и оказалась прокламаціей *Чтой-то, братцы*.

Задержанное Хлопотовымъ и Столяренко лицо оказалось крестьяниномъ Старицкаго уѣзда, села Кознакова, Ѳедоромъ Семеновымъ, который, не признавая себя виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ книгъ, показалъ слѣдующее: познакомившись случайно зимою 1874 г., въ гор. Петербургѣ, съ личностью, называвшею себя Чукчаевымъ, онъ, по совѣту сего послѣдняго, отправился вмѣстѣ съ нимъ на югъ искать работы; еще до отъѣзда Чукчаевъ давалъ ему читать *Чтой-то, братцы* и *Исторію крестьянина*, но онъ, не читавъ этихъ книгъ, возвратилъ ихъ Чукчаеву; за Москвою къ нимъ присоединился повидимому знакомый Чукчаеву человѣкъ, назвавшій себя Павломъ Александровымъ, съ которымъ онъ и остался въ Харьковѣ, а Чукчаевъ поѣхалъ далѣе. Проживъ нѣкоторое время безъ работы, причемъ за квартиру и харчи платилъ Павелъ Александровъ, они поступили на мѣста, а вскорѣ затѣмъ Павелъ Александровъ отправился въ Курскъ, и, уѣзжая, оставилъ ему, Семенову, сакъ-вояжъ съ книгами, причемъ совѣтовалъ читать ихъ, а отходя отъ мѣста передать таковыя для той же цѣли кому-нибудь изъ рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждалъ его, что если онъ попадется съ этими книгами, то ему будетъ плохо. Полученныя отъ Александрова книги, за исключеніемъ *Чтой-то, братцы*, онъ оставилъ Бѣлову, которому при этомъ не говорилъ, чтобъ онъ читалъ ихъ и передавалъ другимъ, а прокламацію *Чтой-то, братцы* взялъ съ собою изъ любопытства. Кромѣ Бѣлова, онъ никому никакихъ книгъ не давалъ.

Такое во многихъ частяхъ неправдоподобное и противорѣчащее обстоятельствамъ дѣла показаніе Семеновъ измѣнилъ впослѣдствіи, заявивъ, что Павелъ Александровъ, передавая ему книги, не совѣтовалъ ему читать таковыя или раздавать ихъ другимъ, а велѣлъ ихъ спрятать и никому не показывать; въ показаніи же, данномъ при дознаніи, Семеновъ объяснилъ, что Чукчаевъ велѣлъ ему остановиться съ Павломъ Александровымъ въ гор. Харьковѣ, получить отъ Александрова книги, пристроиться гдѣ-нибудь на заводѣ и тамъ ихъ раздавать.

Иванъ Бѣловъ, оставшійся неразысканнымъ при слѣдствіи, при дознаніи объяснилъ, что Семеновъ оставилъ ему книги для чтенія, говоря, что это хорошія книги и что онъ за ними придетъ.

Харьковскій цеховой Леонтій Ефимовъ Романицкій удостовѣрилъ, что Павелъ Александровъ и Ѳедоръ Семеновъ жили у него съ недѣлю, а затѣмъ: первый изъ нихъ поступилъ въ вагонную мастерскую при желѣзной дорогѣ, а послѣдній — въ шерстомоечное заведеніе купца Алексѣева. Проживая у него, эти лица читали разныя книги и приглашали его, Романицкаго, слушать чтеніе книжекъ *О французскомъ крестьянинѣ-мужичкѣ* и *О Гришкѣ Безоброчномъ*. О богатыхъ Александровъ отзывался нехорошо; такъ, напримѣръ, встрѣчая кого-либо на улицѣ въ хорошемъ пальто, говорилъ: „онъ пальто укралъ, потому что не заработалъ его, укралъ у того, кто работаетъ“.

Поступленіемъ Павла Александрова въ качествѣ рабочаго въ вагонную мастерскую желѣзной дороги достаточно объясняется и появленіе между рабочими этой мастерской книгъ революціоннаго содержанія. Показаніями нѣсколькихъ человѣкъ рабочихъ положительно удостовѣрено, что Александровъ раздавалъ для чтенія прокламацію: *Чтой-то братцы*, *Сказку о четырехъ братьяхъ*, *Пѣсенникъ* и *Емельку Пугачева*, причемъ совѣтовалъ быть осторожнѣе съ этими книгами, такъ какъ онѣ запрещенныя. По отзывамъ нѣсколькихъ лицъ Александровъ не похожъ былъ на рабочаго, говорилъ хорошо и въ разговорахъ своихъ указывалъ рабочимъ на тяжелое ихъ положеніе и на скорое наступленіе для нихъ лучшей поры.

Паспортъ, по которому Павелъ Александровъ проживалъ, работая въ вагонной мастерской, выданный изъ Романо-Борисоглѣбскаго волостного правленія, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, 10 августа 1874 года, за № 1.775, срокомъ на одинъ годъ, оказался фальшивымъ. Съ такимъ же подложнымъ видомъ Александровъ, какъ видно изъ дѣла, проживалъ и въ сентябрѣ 1875 года, въ гор. Кіевѣ, въ столярной мастерской купца Кириллова, подъ именемъ крестьянина Николая Егорова, послѣ чего онъ ѣздилъ въ Одессу и, наконецъ, подъ именемъ Николая Петрова и Дмитрія Звѣрева проживалъ въ гор. Полтавѣ, гдѣ и былъ задержанъ, и гдѣ о немъ производится другое дѣло, по обвиненію его тоже въ революціонной пропагандѣ.

Павелъ Александровъ, онъ же Николай Петровъ, объяснивъ, что онъ происхожденія своего не помнитъ, не призналъ себя виновнымъ ни въ принадлежности къ какому-либо революціонному кружку, ни въ распространеніи революціонныхъ книгъ. По его словамъ, онъ пріѣхалъ въ Харьковъ въ январѣ 1875 года, для пріисканія себѣ работы, купилъ себѣ у кого-то на постояломъ дворѣ за два рубля паспортъ, случайно встрѣтился съ Семеновымъ, съ которымъ и жилъ нѣкоторое время, послѣ чего поступилъ въ вагонную мастерскую, и, найдя на дорогѣ двѣ книжки, изъ которыхъ одна была подъ заглавіемъ: *Откуда и куда идутъ деньги*, передалъ таковыя рабочимъ; изъ Харькова же онъ уѣхалъ потому, что нашелъ на полотнѣ дороги 1.500 р. с., на которыя и путешествовалъ по разнымъ городамъ. Изъ дѣла видно, что въ этомъ путешествіи спутницей его была дѣвица Ксенія Елисѣева, бывшая слушательница акушерскихъ курсовъ при Кіевскомъ Университетѣ. Званіе личности, именующей себя Павломъ Александровымъ и Николаемъ Петровымъ, осталось необнаруженнымъ.

Харьковскій кружокъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, имѣлъ чрезъ Каблица, Чернышева и Стронскаго сношенія съ кіевскимъ кружкомъ, въ дѣлахъ котораго Коваликъ принималъ также близкое участіе. Исполняя, какъ надо полагать, порученіе Ковалика, Рабиновичъ, уѣхавъ изъ Харькова, направился въ Кіевъ, причемъ взялъ предъ своимъ отъѣздомъ адресъ Дюкова, и оставилъ въ Харьковѣ, для переписки съ нимъ, адресъ дворянина Бенецкаго, въ Кіевѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ Рабиновичъ видѣлся, по его собственному показанію, съ дворянкою Екатериною Константиновною Брешковской, дворяниномъ Василіемъ Александровымъ Бенецкимъ, студентами Кіевскаго Университета Левенталями, мѣщанкою Маріею Колѣнкиною, дочерью коллежскаго регистратора Идальею Осиповою Польгеймъ и другими лицами, фамиліи которыхъ забылъ. Въ Кіевѣ же онъ узналъ, что студентъ Университета Николай Судзиловскій уѣхалъ въ гор. Николаевскъ, Самарской губерніи.

Всѣ вышеозначенныя лица принадлежали къ кіевскому революціонному кружку, носившему названіе „коммуны" и возникшему въ сентябрѣ 1873 года слѣдующимъ образомъ:

Въ январѣ 1872 года, дворянинъ Мекленбургъ-Шверингскаго Великаго Герцогства, бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи, а въ то время студентъ Кіевскаго Университета, Василій Ѳедоровъ Фишеръ познакомился въ студенческой столовой съ дворянкою Екатериною Брешковскою, рожденною Веригo, хорошо знакомою съ Коваликомъ, съ которымъ и онъ, Фишеръ, въ свою очередь познакомился лѣтомъ 1872 г., проживая въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, вмѣстѣ съ Брешковской, у родителей сей послѣдней. Затѣмъ, встрѣтившись съ Брешковской въ Кіевѣ, въ сентябрѣ 1873 г., Фишеръ поселился съ нею, ея сестрою Ольгою Ивановой (нынѣ умершею), дворяниномъ Бенецкимъ и студентомъ Николаемъ Судзиловскимъ въ одной общей квартирѣ въ д. Горлова. Проживаніе означенныхъ лицъ въ домѣ Горлова подтверждается показаніемъ Фишера и выпискою изъ домовой книги. По показанію Фишера, вышедшаго въ это время изъ Университета, не окончивъ въ немъ курса наукъ, жители дома Горлова держались того убѣжденія что, живя жизнью интеллигентныхъ людей, они живутъ въ сущности на счетъ народа, а потому и мечтали объ устройствѣ жизни такимъ образомъ, чтобы жить собственнымъ трудомъ; Брешковская же въ особенности мечтала объ устройствѣ фермы, которая могла бы служить образцомъ для другихъ и мѣстомъ, гдѣ желающіе могли бы выучиться раціональному хозяйству. Случай осуществить такія мечты, по мнѣнію коммуны, вскорѣ представился: двоюродная сестра Брешковской, Александра Ильина Филиппъ, получившая въ наслѣдство отъ дяди имѣніе Горяны, Полоцкаго уѣзда, Витебской губерніи, и не утвержденная еще въ правахъ наслѣдства, написала въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1873 г. Брешковской письмо, въ которомъ жаловалась на свою безпомощность при приведеніи имѣнія въ порядокъ, вслѣдствіе чего Брешковская и Фишеръ рѣшили тотчасъ ѣхать въ Горяны, для приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ имѣнія и для устройства въ немъ, если это окажется возможнымъ, образцовой фермы. Такая первоначальная цѣль поѣздки въ Горяны, по объясненію Фишера, данному при дознаніи, вскорѣ измѣнилась и уступила мѣсто желанію воспользоваться для народнаго дѣла или доходами съ имѣнія, или капиталомъ, вырученнымъ отъ продажи Горянъ, для чего онъ, Фишеръ, и сталъ совѣтовать Брешковской взять у Филиппъ

довѣренность, продать имѣніе и, купивъ взамѣнъ его для Филиппъ другое, меньшее, воспользоваться остальными деньгами для устройства артели. Исполнить свой планъ Фишеръ однако не рѣшился, и, проживъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ Горянахъ и съѣздивъ насчетъ Филиппъ въ Кіевъ и Петербургъ, въ мартѣ 1874 г. вернулся въ Кіевъ. Характеризуя свой образъ дѣйствій въ отношеніи Филиппъ, Фишеръ, при дознаніи, называлъ таковой „грязными продѣлками" и признавалъ, что хотѣлъ „надуть Филиппъ". По показанію Фишера, еще въ январѣ 1874 г. пріѣхалъ въ Горяны слесарь Иванъ Петровъ (Кукушкинъ, нынѣ умершій) съ письмомъ отъ Судзиловскаго, и, проживъ нѣкоторое время въ Горянахъ, былъ затѣмъ помѣщенъ Фишеромъ къ помѣщику Курской губерніи Сергѣю Дмитріевичу Арцыбушеву; Брешковская же въ половинѣ января уѣхала въ Петербургъ, гдѣ и вошла въ сношенія съ мѣстными агитаторами, изъ числа которыхъ Коваликъ въ февралѣ поспѣшилъ отправиться въ Кіевъ, гдѣ и прожилъ нѣсколько дней въ коммунѣ, переселившейся въ то время въ домъ Леминскаго. Въ Петербургѣ Брешковская познакомилась съ женою поручика Вѣрою Павловою Рогачевой, проживавшею, по ея собственнымъ словамъ, въ квартирѣ Ковалика. Рогачева же, въ свою очередь, познакомилась у Брешковской со студентомъ Медико-Хирургической Академіи Лейзеромъ Абовымъ Тетельманомъ, который, какъ видно изъ его показанія, былъ знакомъ съ Брешковскою еще въ началѣ 1873 г., а съ лѣта того же года находился съ нею въ интимныхъ отношеніяхъ, и въ квартирѣ котораго Брешковская жила въ С.-Петербургѣ. Въ мартѣ Брешковская отправилась обратно въ Горяны, куда вмѣстѣ съ нею поѣхалъ и бывшій студентъ Кіевскаго Университета Іосифъ Каблицъ, принадлежавшій, по показанію Рабиновича, равно какъ и Рогачева, къ кружку Чернышева, или *вспышкопускателей*. Вслѣдъ за Брешковской и Каблицомъ пріѣхали въ Горяны Рогачева и нѣкая Цвинева, а въ іюлѣ—и Тетельманъ. Проживая въ Горянахъ, всѣ эти лица находились между собою, по показанію одного свидѣтеля, въ самыхъ безцеремонныхъ отношеніяхъ: такъ, Фишеръ въ присутствіи женщинъ не стѣснялся ходить въ одномъ бѣльѣ, а Каблицъ спалъ въ одной комнатѣ съ Брешковской и Цвиневой. Цѣлью пребыванія означенныхъ лицъ у г-жи Филиппъ было очевидно желаніе воспользоваться ея деньгами, что несомнѣнно вытекаетъ изъ словъ, сказанныхъ впослѣдствіи Фишеромъ г-жѣ Филиппъ, а именно: что „не она была ему нужна, а ея средства, и что у нихъ была лишь цѣль получить отъ нея тысячи двѣ или три денегъ".

Рогачева не долго жила у Филиппъ и отправилась въ Кіевъ, гдѣ и поселилась въ коммунѣ, въ домѣ Леминскаго. Каблицъ и Тетельманъ тоже впослѣдствіи пріѣхали въ Кіевъ, равно какъ Брешковская и Фишеръ.

Въ это время, т.-е. весною 1874 г., коммуна окончательно получила характеръ революціоннаго кружка, число членовъ котораго увеличилось поступленіемъ въ него многихъ мѣстныхъ жителей, а также пріѣхавшихъ изъ Петербурга агитаторовъ. Въ числѣ послѣднихъ были: Рогачева, Каблицъ, Тетельманъ, Чернышевъ, бывшій студентъ Технологическаго института Николай Яковлевъ Стронскій съ женою Татьяною, сестрою жены Каблица, дворянинъ Алексѣй Дробышъ-Дробышевскій, бывшій студентъ Технологическаго Института Константинъ Фростъ; изъ мѣстныхъ жителей членами коммуны были: студенты Кіевскаго Университета Дебагоріо-Мокріевичъ, Левентали, Аксельроде, Лурье, дочери врача Кампперъ, слушательница акушерскихъ курсовъ мѣщанка Марія Колѣнкина, дворяне: Василій Ильясевичъ и Александръ Вольконштейнъ, сынъ священника Яковъ Стефановичъ, почетный гражданинъ Петръ Ѳедоровъ Ларіоновъ, поступившій въ члены кружка чрезъ посредство Фишера и Дебагоріо-Мокріевича, почетный гражданинъ Николай Елисѣевъ Гориновичъ, введенный въ кружокъ Ларіоновымъ, дочь коллежскаго регистратора Идалія Осипова Польгеймъ, введенная Аксельроде, и сельскій учитель Иванъ Дмитріевъ Трезвинскій; Брешковская, Фишеръ, Бенецкій и Судзиловскій, какъ сказано выше, принадлежали къ кружку съ момента его возникновенія; Коваликъ и Рабиновичъ, если не состояли членами кружка, то принимали въ дѣлахъ его весьма близкое участіе, а студентъ Кіевскаго Университета Гавріилъ Георгіевъ Божко-Божинскій имѣлъ сношенія съ кружкомъ, по всей вѣроятности, чрезъ Левенталя и Аксельроде. Коммуна, помѣщавшаяся въ домѣ Леминскаго и перешедшая впослѣдствіи въ домъ Манкутевича, а затѣмъ на Соломенку, въ домъ Сорокопуда, играла роль штабъ-квартиры кружка. Нѣкоторые изъ членовъ послѣдняго имѣли постоянное мѣстожительство въ коммунѣ, прочіе же приходили въ нее, какъ въ сборный пунктъ,

въ которомъ, кромѣ того, всегда могли найти пристанище. Въ домѣ Леминскаго, по показаніямъ Ларіонова, Идаліи Польгеймъ и Стронскаго, жили постоянно: Брешковская, Ларіоновъ, Польгеймъ, Фростъ, Стронскій, Рогачева и Колѣнкина; въ домѣ Манкутевича, по показанію Гориновича и Ларіонова, постоянно пребывали: Ларіоновъ, Гориновичъ, Идалія Польгеймъ и Дробышъ-Дробышевскій; на Соломенкѣ, по удостовѣренію Гориновича, жили: онъ, Гориновичъ и Дробышевскій, а въ домѣ Сорокопуда—Дробышевскій, Фростъ и Стронскій; Ларіоновъ же и Польгеймъ, когда коммуна перешла на Соломенку, поселились отдѣльно въ домѣ Бирюкова. Въ домѣ Леминскаго проживали еще временно родственницы Брешковской—Вѣра Вериго и Александра Филиппъ, и нѣкто Ильницкій. Что кіевскій кружокъ вообще и квартиры въ домахъ Леминскаго, Манкутевича и др. въ особенности, дѣйствительно носили названіе „коммуны“, это подтверждается показаніями Ларіонова, Гориновича, Идаліи Польгеймъ, Бенецкаго и другихъ лицъ, а также имѣющимися при дѣлѣ письмами Вѣры Вериго.

По показанію Ларіонова, кіевскій кружокъ держался идей Бакунина, изложенныхъ въ книгѣ *Государственность и Анархія*, т.-е. отрицанія „всякой“ формы государственнаго управленія, всякаго авторитета, собственности и семейнаго союза; по словамъ же Гориновича—кружокъ имѣлъ цѣлью, посредствомъ соціально-революціонной пропаганды въ народѣ, возбудить таковой къ возстанію, ниспровергнуть путемъ революціи Верховную Власть и водворить анархію. Такія показанія Ларіонова и Гориновича находятъ себѣ подтвержденіе въ показаніи Идаліи Польгеймъ, удостовѣряющей, что изъ разговоровъ лицъ проживавшихъ въ д. Леминскаго, а также лицъ туда приходившихъ, она поняла, что лица эти составляютъ общество, задавшееся цѣлью устроить переворотъ въ политическомъ и соціальномъ строѣ Россіи, что должно было сопровождаться перерѣзаніемъ всѣхъ чиновниковъ и зажиточныхъ людей.

Какъ выше сказано, средствомъ для осуществленія своего идеала анархіи кружокъ признавалъ пропаганду въ народѣ революціонныхъ идей. Для успѣшнаго веденія пропаганды кружкомъ были пріобрѣтены:

а) крестьянскіе костюмы, хранившіеся у Ларіонова, какъ это видно изъ собственнаго показанія,

б) географическія карты юго-западныхъ губерній—Кіевской, Черниговской, Волынской, Подольской, Харьковской и Екатеринославской, съ которыми нѣкоторые изъ членовъ коммуны были впослѣдствіи задержаны и которыя Идалія Польгеймъ наклеивала, по ея собственнымъ словамъ, на коленкоръ по приказанію Ларіонова;

в) книги революціоннаго содержанія, доставлявшіяся, по показанію Гориновича, изъза границы контрабандистами, что подверждается найденною при обыскѣ у Ильясевича запиской, въ которой, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, упоминаются фамиліи контрабандистовъ, занимающихся перевозкою черезъ границы книгъ революціоннаго содержанія, и означенъ путь, которымъ можно перейти границу близь м. Радзивилова: часть этихъ книгъ, по показанію Идаліи Польгеймъ, хранилась у нея.

Фальшивые паспорты для хожденія въ народъ дѣлались самими членами коммуны: Ларіоновымъ, Стефановичемъ, Гориновичемъ и Фишеромъ, въ чемъ они сознались; печати же волостныхъ правленій, прикладывавшіяся къ паспортамъ, были вырѣзаны Фишеромъ, чего послѣдній также не отрицаетъ. Печати хранились у Бенецкаго въ имѣніи, а затѣмъ, какъ видно изъ показанія Бенецкаго, были имъ переданы Дебагоріо-Мокріевичу.

Для письменныхъ сношеній между собою члены кружка употребляли шифръ; такихъ шифровъ было нѣсколько: такъ, Бенецкому, какъ онъ показалъ при дознаніи, были извѣстны два шифра: одинъ по русско-французскому лексикону Рейфа, и другой, состоящій изъ циническихъ словъ, т.-е. шифръ Ковалика, а Польгеймъ и Ларіоновъ употребляли шифръ по Евангелію, какъ это видно изъ показанія Польгеймъ и письма, написаннаго ею къ своему отцу, а также изъ показанія Ларіонова. Кромѣ сего, члены кружка употребляли шифръ, ключомъ къ которому служила, по показанію Рабиновича, одна изъ молитвъ—„Отче нашъ“ или „Богородица“, каковымъ шифромъ было писано письмо, полученное Рабиновичемъ изъ Кіева и пересланное имъ въ Николаевскъ—Ковалику, или доктору Кадьяну, по адресу Штемпелина, при письмѣ его, Рабиновича, подписанномъ „Мими“. Послѣдній шифръ, а также шифръ по Евангелію, были извѣстны и Гориновичу.

Денежныя средства коммуны были довольно ограничены. На удовлетвореніе потребностей ежедневной жизни обитателей домовъ Леминскаго, Манкутевича и др. деньги собирались, по показанію Ларіонова, съ лицъ жившихъ въ коммунѣ, причемъ каждый вносилъ сколько могъ; отправлявшихся въ народъ снабжали деньгами, по показанію Гориновича, въ небольшемъ количествѣ Дебагоріо-Мокріевичъ и Стронскій. Бенецкій, одинъ изъ состоятельныхъ членовъ кружка, поддерживалъ таковой денежными пособіями, какъ это видно изъ одного письма Вѣры Вериго, въ которомъ она пишетъ изъ Кіева, во время проживанія своего въ домѣ Леминскаго: „Вася Бенецкій вчера пріѣхалъ изъ деревни, привезъ намъ провизіи и денегъ". По словамъ Гориновича, Ильясевичъ также давалъ деньги на содержаніе кружка. Независимо отъ сего, какъ видно изъ показанія Ларіонова, даннаго при дознаніи, кружокъ получалъ деньги изъ Петербурга, о чемъ разсказывалъ Ларіонову, между прочимъ, Дебагоріо-Мокріевичъ, и, какъ Ларіоновъ слышалъ, деньги были присланы въ количествѣ 500 р. Такое показаніе Ларіонова находитъ себѣ подтвержденіе, во 1-хъ, въ письмѣ Каблица къ Вѣрѣ Вериго, отъ 24 января, въ которомъ Каблицъ, между прочимъ, пишетъ: „Вы знаете, что я весною прошлаго года одолжилъ Катѣ (т.-е. Екатеринѣ Брешковской) 500 р., вы, вѣроятно, слышали отъ нея, что эти деньги не суть личная собственность, а назначены „на общественныя нужды"…. я считалъ себя въ правѣ дать взаймы 500 р. с., потому что думалъ, что деньги пойдутъ „на общественныя нужды", и во 2-хъ, въ показаніи Рабиновича, удостовѣряющаго, что оставилъ въ Кіевѣ „немного денегъ". Несмотря однако на такія субсидіи, кружокъ вообще и члены его въ отдѣльности почти постоянно нуждались въ деньгахъ. Такъ, Вѣра Вериго въ одномъ изъ своихъ писемъ писала: „пришли денегъ съ первою почтой, а то у меня нѣтъ ни гроша и у коммуны тоже, а позавчера нужно было платить за квартиру", а Ларіоновъ, въ письмѣ къ студенту Блюменфельду, прося одолжить отъ 35 до 50 р. „не на бонбошки, а на дѣло", присовокуплялъ, что „или лично я, или кто другой тебѣ эти деньги во всякомъ случаѣ возвратитъ". Въ виду такой нужды въ деньгахъ, члены кружка были постоянно заняты изысканіемъ средствъ къ улучшенію какъ своихъ финансовъ, такъ и финансовъ коммуны. Для этой цѣли старались, какъ изложено выше, добыть тѣмъ или другимъ путемъ двѣ-три тысячи рублей отъ г-жи Филиппъ; для той же цѣли, какъ показала Польгеймъ при дознаніи, „сильно обирали" нѣкоего Осмоловскаго. Не довольствуясь и этимъ, члены кружка шли дальше; по показанію Гориновича, Ларіоновъ предлагалъ ему поступить въ почтальоны на тотъ конецъ, чтобы въ случаѣ перевозки большой суммы денегъ увѣдомить его объ этомъ, а онъ съ товарищами ограбитъ почту; по словамъ Идаліи Польгеймъ, Ларіоновъ, а, какъ она показывала при дознаніи, вмѣстѣ съ нимъ Фростъ и Стронскій, предлагали ей сдѣлаться любовницею какого-то старика курскаго помѣщика, съ тѣмъ, чтобъ обобрать его, отравить, а деньги доставить на пользу кружка. Фишеръ, по показанію Рогачевой, находящему себѣ подтвержденіе въ показаніи Филиппъ, въ Горнахъ сломалъ замокъ у сундука Филиппъ, взялъ оттуда шубы и заложилъ таковыя, говоря, что это ничего не значитъ, такъ какъ шубы будутъ потомъ возвращены; а изъ показаній Ильясевича и Идаліи Польгеймъ, данныхъ при дознаніи, оказывается, что въ отсутствіе Ильясевича изъ квартиры его были унесены всѣ его вещи, и что это было сдѣлано Аксельродъ, который послѣ того къ Ильясевичу болѣе не приходилъ.

У многихъ изъ членовъ кружка были особыя прозвища или клички, часто встрѣчающіяся въ приложенной къ дѣлу перепискѣ агитаторовъ. Такъ, по показанію Ларіонова, Стронскаго, Дробышъ-Дробышевскаго, Идаліи Польгеймъ и отчасти Гориновича, носили прозвища: Рогачева—Дуньки, Стронская— Таньки, Стефановичъ—Степана и сына Брешковской, Брешковская—Кати, Стронскій и Гориновичъ—Николки, Колѣнкина—Маши, Дебагоріо-Мокріевичъ—Мокриды и Владиміра, Каблицъ—Дѣдушки и Бенецкій—Васьки; Тетельманъ, какъ можно заключить изъ его показанія о томъ, что онъ далъ свой адресъ Колѣнкиной въ Одессу на имя „Коли", носилъ это послѣднее прозвище. По словамъ Стронскаго, вышеозначенныя прозвища были „ласкательными именами", употреблявшимися въ видѣ протеста противъ всего привилегированнаго и свойственныхъ послѣднему приличій.

Несмотря однако на такое употребленіе членами коммуны между собою „ласкательныхъ именъ", миръ и согласіе не всегда царствовали между ними. Изъ показанія Идаліи Польгеймъ оказывается, что сходки членовъ коммуны оканчивались въ большинствѣ слу-

чаевъ ссорами и драками, что подтвердилъ при дознаніи и Бенецкій, слышавшій о дракѣ на вилкахъ между Каблицомъ и Фишеромъ и удостовѣрявшій, что члены коммуны не довѣряли другъ другу и дѣйствовали безъ единодушія, а часто даже и не совсѣмъ честно; впрочемъ, по словамъ Идаліи Польгеймъ, эти ссоры и драки оканчивались довольно благополучно—онѣ разрѣшались общею попойкой. Послѣ этихъ попоекъ, какъ надо полагать, и происходили тѣ сцены, свидѣтелями которыхъ были Бенецкій и Ильясевичъ, какъ видно изъ ихъ показаній, данныхъ при дознаніи, и о которыхъ, со словъ Фишера, показывалъ при слѣдствіи свидѣтель Юрьевъ. По словамъ Бенецкаго, въ домѣ Лемпискаго случалось, что спали въ повалку двѣ-три пары мужчинъ и женщинъ, между которыми были дѣвицы Каминеръ, Левенталь и Аксельроде; Ильясевичъ, придя однажды, по приглашенію Аксельроде, въ коммуну часовъ въ 10 утра, засталъ спящими въ повалку паръ пять-шесть женщинъ и мужчинъ въ грязной и вонючей комнатѣ, среди разбросанныхъ кусковъ кожи и инструментовъ сапожнаго ремесла; свидѣтелю же Юрьеву Фишеръ разсказывалъ, что онъ жилъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ другими студентами и женщинами, что мужчины спали вперемежку съ женщинами и что отношенія ихъ между собой были совершенно свободныя, на что Юрьевъ отвѣтилъ Фишеру, что это у нихъ былъ вертепъ разврата.

Къ осени 1874 года, когда началось преслѣдованіе членовъ кружка и нѣкоторые изъ нихъ были арестованы, въ коммунѣ проявилось весьма сильное возбужденіе, и, какъ видно изъ показаній Ларіонова, Гориновича и Идаліи Польгеймъ, было рѣшено противопоставить мѣрамъ правительства собственныя мѣры устрашенія, терроризировать, такъ-сказать, правительство, пустивъ въ ходъ пожары, синильную кислоту, нитроглицеринъ и револьверы. Съ этою цѣлью Стронскій пріобрѣлъ, по удостовѣренію Ларіонова, значительное количество морфія и хлороформа, каковыя вещества и оказались у нѣкоторыхъ членовъ коммуны при ихъ задержаніи, и пробовалъ гнать синильную кислоту: Ларіоновъ же запасся свѣдѣніями о способѣ приготовленія нитроглицерина, каковыя свѣдѣнія и занесъ въ свою записную книжку; Рогачева пріобрѣла револьверъ и, какъ показывалъ о томъ на дознаніи Гориновичъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ, говорила, что совершитъ что-то ужасное, а именно, какъ разсказывали Ларіонову, о чемъ онъ показывалъ при дознаніи, она хотѣла явиться къ шефу жандармовъ и выстрѣлить въ него.

Вышеописанные преступные замыслы не были однако приведены въ исполненіе, но дальнѣйшій образъ дѣйствій успѣвшихъ скрыться отъ преслѣдованія агитаторовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не раскаяніе остановило членовъ коммуны. 11-го іюня 1876 г. коммунистами было совершено преступленіе, доказавшее на какія страшныя злодѣянія они способны. Означеннаго числа, въ гор. Одессѣ, на Конной площади, вблизи вокзала желѣзной дороги, былъ найденъ лежащимъ съ пробитою головой Николай Елисѣевъ Гориновичъ, облитый сверхъ того сѣрною кислотой, а около него оказалась записка со слѣдующими словами: „такова участь шпіона". Приведенный въ сознаніе Гориновичъ объяснилъ, что покушеніе на его жизнь сдѣлано агитаторами, въ числѣ которыхъ былъ Яковъ Стефановичъ (носившій въ коммунѣ прозвище Степана и сына Брешковской), давшій сигналъ къ убійству. Гориновичъ, у котораго вытекли глаза и отвалились сожженые сѣрною кислотой носъ и одно ухо, остался живъ вопреки всякимъ ожиданіямъ.

Покушеніе на убійство Гориновича заслужило полнѣйшее одобреніе лицъ, именующихъ себя „русскими революціонерами". Издаваемый за границей органъ послѣднихъ *Набатъ* (№ 10, сентября 1876 г.), сообщивъ о преступленіи 11-го іюня, воскликнулъ: „По дѣломъ ему! почаще такія расправы. Надѣвайте шпіонамъ такія маски какъ теперь на Гориновичѣ!"

Такова, основанная на показаніяхъ самихъ обвиняемыхъ, общая характеристика кіевской коммуны, ея цѣлей, правовъ, дѣятельности и принциповъ ее одушевлявшихъ; въ отношеніи же каждаго изъ ея членовъ въ отдѣльности дознаніемъ и слѣдствіемъ обнаружены нижеслѣдующія данныя.

Стронскій принадлежалъ въ Петербургѣ, по показанію Рабиновича, къ кружку Чернышева, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Гриценкова, удостовѣряющаго что Стронскій былъ хорошо знакомъ съ Чернышевымъ, съ которымъ и приходилъ въ квартиру Блавдзевичъ, гдѣ бывалъ и Фростъ. Въ началѣ лѣта 1874 года Стронскій со своею женой отправился въ Кіевъ, съ цѣлью, какъ онъ объяснилъ при слѣдствіи, побы-

вать въ народѣ, чтобъ убѣдиться на сколько вѣрны положенія книги *Государственность и Анархія* о томъ, что русскій народъ стремится къ безвластію и недоволенъ существующими порядками. По рекомендаціи Чернышева, Стронскій помѣстился, по его собственнымъ словамъ, въ домѣ Леминскаго, гдѣ прожилъ недѣли три, а затѣмъ, оставивъ жену въ Кіевѣ, уѣхалъ съ Чернышевымъ въ Лубенскій уѣздъ, къ отцу въ имѣніе, причемъ отъ станціи Ржищево до памятника Шевченко онъ и Чернышевъ шли пѣшкомъ въ полупростонародныхъ костюмахъ. Лѣтомъ того же 1874 г. Стронскій ѣздилъ съ Чернышевымъ въ хуторъ Колесниковой, гдѣ проживали, какъ изложено выше, члены харьковскаго кружка Максимовъ и Коляжный, причемъ, на основаніи уже изложенныхъ данныхъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что, сойдясь на хуторѣ Колесниковой съ харьковскими агитаторами, Стронскій и Чернышевъ вмѣстѣ съ ними занимались пропагандою. Изъ показанія самого Стронскаго оказывается, что, во время пребыванія его въ Полтавской губерніи, у него были революціонныя книги, такъ какъ онъ призналъ, что передалъ въ гор. Полтавѣ своему товарищу по Технологическому Институту Кочанову *Государственность и Анархія* и *Что дѣлается на родинѣ*, съ цѣлью, какъ онъ выразился, поддержать Кочанова въ нравственномъ отношеніи, ибо замѣтилъ въ немъ задатки будущаго кулака. Возвратившись въ Кіевъ, Стронскій засталъ коммуну уже переселившеюся въ домъ Сорокопуда, гдѣ проживали, по показанію Гориновича, Дробышъ-Дробышевскій, Фростъ и братъ жены Стронскаго Щукинъ и куда приходили Гориновичъ, Ларіоновъ, Дебагоріо-Мокріевичъ, Стефановичъ, Фишеръ, Татьяна Стронская и Вѣра Рогачева. По возвращеніи своемъ въ Кіевъ, узнавъ отъ Стефановича объ арестѣ Лурье, у котораго были найдены адресы Колѣнкиной и Брешковской, Стронскій рѣшилъ, какъ видно изъ его показанія, освободить Брешковскую и Колѣнкину, если таковыя арестованы, для чего и пріобрѣлъ хлороформъ и морфій, съ цѣлью усыпить посредствомъ этихъ веществъ охраняющій арестантокъ конвой; вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Стронскаго, имъ были пріобрѣтены, единственно съ цѣлью испытать свои способности по химіи, вещества, изъ которыхъ можно добывать что-то въ родѣ синильной кислоты; но такое объясненіе Стронскаго опровергается изложенными выше показаніями нѣсколькихъ лицъ, удостовѣряющихъ, что коммуна хотѣла терроризировать правительство поджогами и убійствами, и что для этой цѣли Стронскій гналъ синильную кислоту и были пріобрѣтены морфій, хлороформъ и рецепты для добыванія взрывчатыхъ веществъ, какъ, напримѣръ, нитроглицерина. Въ это же время, какъ видно изъ показанія Гориновича, Стронскій снабдилъ его деньгами, какъ лицо, уходившее въ народъ съ Ларіоновымъ, причемъ, какъ удостовѣрилъ Гориновичъ, Стронскій далъ ему деньги послѣ того, какъ онъ сказалъ ему, что идетъ въ народъ съ цѣлью пропаганды. Вскорѣ затѣмъ Стронскій уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ арестованъ. Несмотря на все вышеизложенное, Стронскій не призналъ себя виновнымъ.

Рогачева, по ея собственному показанію, будучи еще въ III классѣ Орловской гимназіи, поставила себѣ цѣлью быть полезною народу и трудиться вмѣстѣ съ нимъ; изъ гимназіи она вышла не окончивъ курса, по случаю выхода замужъ за отставного поручика Дмитрія Рогачева, и стала заниматься собственнымъ своимъ развитіемъ, читая книги и вращаясь въ средѣ молодежи, разсужденія которой о равенствѣ и любви къ ближнимъ, а также о поднятіи умственно-нравственнаго уровня народа и необходимости революціи, произвели на нее сильное впечатлѣніе. Въ концѣ 1873 г. Рогачева была арестована по дѣлу о революціонной дѣятельности ея мужа, причемъ у нея была отобрана книга *Исторія развитія интернаціонала*. Освобожденная въ февралѣ 1874 г., Рогачева поступила подъ именемъ Авдотьи Даниловой въ работницы на прядильную фабрику Ламздорфа, на Охтѣ, гдѣ, какъ оказывается по показанію одного свидѣтеля и по справкѣ наведенной въ табеляхъ мастеровъ фабрики, проработала около недѣли, а затѣмъ скрылась, не получивъ разсчета. Въ это же время Рогачева, принадлежа, по показаніямъ Рабиновича и Гриценкова, къ кружку Чернышева и Каблица, бывала съ Тетельманомъ въ квартирѣ Блавдзевичъ, познакомилась, по ея собственному показанію, съ Брешковскою, пріѣхавшею изъ Витебской губерніи и вскорѣ отправилась въ Горяны, гдѣ, какъ изложено выше, и проживала до отъѣзда въ Кіевъ и поселенія въ коммунѣ, въ домѣ Леминскаго. Въ Кіевѣ Рогачева разсказывала, по удостовѣренію Гориновича, о своей успѣшной дѣятельности въ Горянахъ, благодаря которой она довела одну крестьянскую дѣвушку до сознанія необходимости

истребленія „поповъ"; проживая же въ Кіевѣ, Рогачева ходила работать, по ея собственнымъ словамъ, съ Татьяною Стронскою на монастырскіе огороды, а съ Софьею Каминеръ въ д. Хатово, гдѣ ее навѣщалъ Аксельроде; отправляясь на эти работы Рогачева брала съ собою, по показанію Гориновича, *Сказку о 4-хъ братьяхъ* и *Стеньку Разина*. Пріобрѣтеніе револьвера Рогачева признала, объяснивъ, что таковой былъ ею купленъ съ цѣлью огражденія себя отъ опасностей во время путешествій по селеніямъ, въ которыхъ она работала. Осенью 1874 г. Рогачева уѣхала изъ Кіева и была задержана въ Петербургѣ, гдѣ по обыску, произведенному въ ея квартирѣ, были найдены: III томъ (заграничнаго изданія) Чернышевскаго, *Сказка о 4-хъ братьяхъ*, *Лѣтописи рабочаго движенія* изъ I и II тома журнала *Впередъ*, *Отщепенцы*, статья *Знаніе и революція* изъ I тома журнала *Впередъ* и двѣ рукописи: одна подъ заглавіемъ *Введеніе*, а другая—*Предисловіе къ первому изданію*. Рогачева признала себя виновною лишь въ имѣніи революціонныхъ книгъ.

Гориновичъ, сознавшійся въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго строя, объяснилъ, что онъ ходилъ въ народъ два раза: въ первый разъ—съ Дробышъ-Дробышевскимъ, съ цѣлью пропаганды, а второй—съ Ларіоновымъ, съ цѣлью скрыться и избѣгнуть ареста. Отправляясь въ народъ съ Дробышевскимъ, они запаслись подложными видами на жительство и взяли съ собою книги, а именно: четыре экземпляра *Сказка о 4-хъ братьяхъ*, *Стеньку Разина* въ прозѣ и стихахъ, *Отщепенцевъ* и *Пѣсенникъ*; деньги на дорогу, десять рублей сер., далъ Дебагоріо-Мокріевичъ. Пропаганда должна была состоять, по словамъ Гориновича, въ томъ, чтобы передать крестьянамъ содержаніе означенныхъ выше книгъ и тѣмъ возбудить ихъ къ возстанію противъ верховной власти и раздѣленію земли поровну. Дойдя до мѣстечка Шпалы, они работали тамъ на сахарномъ заводѣ, но весьма непродолжительное время, и должны были уйти, не успѣвъ сблизиться ни съ кѣмъ изъ рабочихъ. Отправляясь въ народъ съ Ларіоновымъ, онъ, Гориновичъ, получилъ деньги на дорогу отъ Стронскаго; въ этотъ разъ онъ книгъ не бралъ, а таковыя были у Ларіонова, взявшаго съ собою: *Исторію одного французскаго крестьянина*, *Пѣсенникъ*, *Сказку о 4-хъ братьяхъ*, *Отщепенцевъ* и др.; кромѣ сего, Ларіоновъ запасся англійскими пилками, хлороформомъ и морфіемъ. Черезъ мѣстечко Ружинъ они направились на станцію желѣзной дороги Казятинъ, работали тамъ весьма недолго, а затѣмъ пошли назадъ въ Кіевъ, черезъ Ружинъ, гдѣ и были задержаны. При задержаніи Гориновичъ назвался крестьяниномъ Михалюкомъ и предъявилъ подложный паспортъ на имя Михалюкова, но при немъ было найдено свидѣтельство Кіевской гимназіи на имя Гориновича, и онъ долженъ былъ открыть свое настоящее званіе.

Дробышъ-Дробышевскій, не отвергая того, что ходилъ съ Гориновичемъ въ мѣстечко Шпалы и работалъ тамъ на заводѣ, пояснилъ, что сначала онъ дѣйствительно хотѣлъ пропагандировать на заводѣ, но отъ этого намѣренія вскорѣ отказался. Затѣмъ отвергая существованіе революціоннаго кружка въ гор. Кіевѣ, Дробышевскій не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ. Такое показаніе Дробышевскаго опровергается, однако, какъ вышеизложеннымъ показаніемъ Гориновича, такъ и нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла: по объясненію Гориновича, Дробышевскій находился въ сношеніяхъ съ петербургскими агитаторами Артамоновымъ и Сидорацкимъ, что представляется вполнѣ правдоподобнымъ, такъ какъ Дробышевскій жилъ въ Петербургѣ, по его собственнымъ словамъ, на одной квартирѣ съ Фростомъ, а по показанію Теплова проживалъ нѣкоторое время въ общей квартирѣ Давыда Антова, Теплова, Усачева, Нефедова, Сидорацкаго, Голоушева и др. Независимо отъ сего, есть основаніе полагать, что и шифрованное письмо, полученное Рабиновичемъ изъ Кіева и пересланное имъ въ Николаевскъ по адресу Штемпелина, писано Дробышевскимъ; основаніями къ этому представляются: во 1-хъ, заявленіе Рабиновича о томъ, что письмо это писано, по его мнѣнію, Дробышевскимъ; во 2-хъ, заключеніе экспертовъ о томъ, что почеркъ коимъ писано это письмо имѣетъ нѣкоторое сходство съ безспорнымъ почеркомъ Дробышевскаго, и въ 3-хъ, совпаденіе времени пребыванія Дробышевскаго, по его собственному показанію, въ Жмеринкѣ со временемъ, когда и авторъ письма былъ въ этой мѣстности, а именно: письмо помѣчено 4-мъ іюля и изъ него видно, что лицо, писавшее его, пробыло въ Жмеринкѣ двѣ недѣли и недавно вернулось въ Кіевъ; Дробышевскій же, какъ видно изъ его показаній, пріѣхалъ въ Кіевъ 12-го іюня, затѣмъ чрезъ нѣсколько дней поѣхалъ въ Жмеринку съ цѣлью заработать себѣ средства къ жизни

физическимъ трудомъ, и вернувшись въ Кіевъ, поселился въ домѣ Манкутевича, пробывъ въ Жмеринкѣ лишь нѣсколько дней. Такимъ образомъ оказывается, что и Дробышевскій, и авторъ письма были въ Жмеринкѣ во второй половинѣ іюня. Окончаніе означеннаго письма слѣдующее: ...„меня можно найти... въ домѣ Манкутевича, спросить Ларіонова, если меня не будетъ, то у него можно узнать гдѣ я“.

Въ половинѣ августа Дробышевскій ѣздилъ въ с. Плиски, гдѣ, по его собственному показанію, былъ у мѣстнаго сельскаго учителя, т.-е. у Трезвинскаго, отъ котораго возвратился въ Кіевъ вмѣстѣ съ сельскимъ учителемъ Ходько; выйдя въ Кіевѣ изъ вагона, Дробышевскій бросился бѣжать въ противоположную отъ пассажирской платформы сторону, но былъ задержанъ жандармомъ. Содержась подъ стражею въ полицейскомъ домѣ 1 части гор. Нѣжина, Дробышевскій, по показанію мѣщанина посада Климова, Черниговской губерніи, Смирнова, арестованнаго за неимѣніе письменнаго вида и содержавшагося въ одной камерѣ съ Дробышевскимъ и Трезвинскимъ, объяснилъ ему, Смирнову, что онъ—государственный преступникъ, принадлежащій къ обществу, стремящемуся сдѣлать всѣхъ равными; что членовъ этого общества много въ Петербургѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Херсонѣ и Николаевѣ; что они дѣйствуютъ на народъ, ходя по деревнямъ; что теперь уже весь чернорабочій народъ Кіевской губерніи и многіе въ Петербургѣ согласны съ ними; что около Петербурга уже строятся погреба для склада оружія; что хотя у нихъ теперь денегъ немного, но они намѣрены ограбить почту, которая ходитъ изъ Кіева, и что 4-го октября будетъ въ Петербургѣ собраніе ихъ единомышленниковъ, на которомъ будетъ много лицъ, пріѣзжихъ изъ-за границы. По словамъ того же Смирнова, Дробышевскій разговаривалъ съ Трезвинскимъ о какомъ-то ихъ единомышленникѣ „Васѣ“, живущемъ въ своемъ имѣніи около Бобрина; у этого „Васи“, какъ говорили Дробышевскій и Трезвинскій, хранилось много книгъ, которыя членами общества распространяются въ народѣ, и у него же, т.-е. у „Васи“, каждый изъ нихъ можетъ найти безопасный пріютъ. Наконецъ Дробышевскій предложилъ Смирнову вступить въ ихъ общество, и когда Смирновъ согласился, то Дробышевскій обѣщалъ достать ему фальшивый паспортъ, дать денегъ и снабдилъ его четырьмя записками, съ которыми Смирновъ и долженъ былъ обратиться къ разнымъ лицамъ, а именно: отыскать сперва въ Кіевѣ, по указанному въ одной запискѣ адресу, Чернышева, который указалъ бы ему своего брата Ивана, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, помогъ бы Смирнову отыскать лицъ, о которыхъ говорится въ запискахъ. Въ подтвержденіе своего показанія, Смирновъ представилъ четыре записки, писанныя карандашомъ, слѣдующаго содержанія:

а) „Николай Өедоровичъ Чернышевъ, въ Либедской части, собст“.... Николай Өедоровичъ, покорнѣйше прошу васъ указать этому человѣку, гдѣ живетъ Владиміръ, Николка, Таня, Л—въ или вообще кто-нибудь изъ нашихъ, чтобъ онъ могъ тамъ остановиться Имѣйте къ нему полное довѣріе. А. Д. Маруська Л—ва непремѣнно въ Кіевѣ; если вы знаете, гдѣ она живетъ, укажите ея квартиру. Если вы знаете гдѣ живетъ Ильясевичъ, то спросите у него гдѣ живутъ наши, можетъ-быть онъ знаетъ. Можетъ-быть, въ Кіевѣ Катя. Во всякомъ случаѣ, постарайтесь кого-нибудь отыскать. Можетъ-быть, Иванъ въ Кіевѣ, укажите его. А. Д.“

б) „Спросить Николая Өедоровича, а у Николая Өедоровича спросить про Ивана. Владиміра, Степана или кого-либо изъ тому подобныхъ. Прошу васъ достать во что́ бы то ни стало паспортъ этому человѣку и, если нужно будетъ, сколько можете денегъ. А. Д.“

в) „Степану, Владиміру, Танѣ, Николкѣ или кому-либо изъ тому подобныхъ. Имѣйте къ этому человѣку полное довѣріе и постарайтесь поближе познакомить его съ нашимъ дѣломъ. Это человѣкъ изъ рѣдкихъ. А. Д.“

г) „Василій Александровичъ Бенецкій, имѣйте полное довѣріе къ этому человѣку и укажите ему какой-нибудь адресъ въ Кіевѣ, гдѣ бы онъ могъ остановиться и поближе познакомиться съ нашими людьми и дѣломъ. А. Д.“. По поводу этихъ записокъ Дробышевскій объяснилъ сначала, что таковыя дѣйствительно писаны имъ и были имъ же переданы Смирнову, впослѣдствіи же отъ такого показанія отказался, давъ, тѣмъ не менѣе, подробныя разъясненія по поводу этихъ записокъ. Такъ, по словамъ Дробышевскаго, записки писаны „нѣсколько безтолково, потому что онъ былъ нездоровъ, когда писалъ таковыя“: Смирновъ принималъ въ немъ большое участіе и онъ, желая получить отъ своихъ

знакомыхъ помощь, хотѣлъ доставить имъ свѣдѣнія о себѣ чрезъ Смирнова, которому и далъ адресъ Чернышева, потому что полагалъ, что его знакомые не жили уже въ то время въ домѣ Манкутевича. По показанію Дробышевскаго: Владиміръ—это Дебагоріо-Мокріевичъ, Николка -Гориновичъ, Татьяна—Татьяна Стронская, Л—въ—Ларіоновъ, Маруська Ларіонова—Идалія Польгеймъ, Катя—Брешковская, Степанъ—Стефановичъ; слова „познакомить его съ нашимъ дѣломъ“ слѣдуетъ, по объясненію Дробышевскаго, читать такъ: „познакомиться отъ него съ моимъ дѣломъ“, а выраженіе „познакомить его съ нашими людьми“ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Смирнова слѣдовало познакомить съ лицами, съ которыми онъ, Дробышевскій, жилъ и которымъ Смирновъ могъ бы доставить о немъ свѣдѣнія: что же касается показанія Смирнова о всемъ слышанномъ имъ отъ Дробышевскаго, то сей послѣдній призналъ таковое несправедливымъ, причемъ пояснилъ, что просьба, обращенная къ его знакомымъ о снабженіи Смирнова деньгами, была вызвана желаніемъ доставить Смирнову, въ видѣ вознагражденія за оказанную услугу, возможность выправить себѣ видъ на жительство. Несмотря на такое объясненіе Дробышевскаго, показаніе Смирнова, не допрошеннаго при слѣдствіи за неразысканіемъ его, представляется вполнѣ достовѣрнымъ, такъ какъ, во 1-хъ, написаніе Дробышевскимъ представленныхъ Смирновымъ записокъ подтверждается письмомъ отца Идаліи Польгеймъ къ Екатеринѣ Брешковской, писаннымъ во время содержанія ихъ обѣихъ подъ стражею въ гор. Нѣжинѣ, въ каковомъ письмѣ Польгеймъ спрашиваетъ Брешковскую, извѣстно ли ей содержаніе перехваченнаго письма Дробышевскаго; во 2-хъ, потому, что нѣкоторыя изъ указанныхъ Смирновымъ обстоятельствъ находятъ себѣ подтвержденіе въ дѣлѣ, и могли сдѣлаться ему извѣстными лишь отъ лица принадлежавшаго къ коммунѣ. Такъ, изъ показаній Идаліи Польгеймъ, Гориновича и др. лицъ видно, что въ коммунѣ дѣйствительно говорили объ имѣющемъ быть въ Петербургѣ, 4-го октября 1874 г., съѣздѣ русскихъ агитаторовъ и эмигрантовъ, о чемъ Гориновичъ слышалъ отъ Мокріевича; на этотъ съѣздъ, по словамъ Гориновича, предполагалъ ѣхать Дробышевскій; разговоры объ ограбленіи почты, какъ изложено выше, тоже происходили въ коммунѣ, а имѣніе Бенецкаго, носившаго кличку Васьки, какъ видно изъ показанія, даннаго при его дознаніи, дѣйствительно находится въ разстояніи всего 12 верстъ отъ станціи Бобрики; сверхъ сего, дополнительное показаніе Смирнова, въ которомъ онъ удостовѣряетъ, что Дробышевскій, по словамъ сего послѣдняго, при задержаніи его объяснилъ, что онъ до этого времени жилъ въ Петербургѣ, вполнѣ подтверждается протоколомъ, въ которомъ изложены объясненія Дробышевскаго, данныя имъ тотчасъ послѣ его задержанія. Кромѣ всего вышеизложеннаго, изъ показанія Гориновича оказывается, что Дробышевскій, какъ онъ самъ о томъ ему разсказывалъ, проживая въ Петербургѣ, занимался доставкою въ Артиллерійское училище запрещенныхъ книгъ.

Ларіоновъ ввелъ Гориновича, по словамъ сего послѣдняго, въ коммуну, убѣждалъ его въ необходимости улучшенія нынѣ существующаго государственнаго строя путемъ революціи, т.-е. путемъ поголовнаго возстанія противъ верховной власти, вызваннаго посредствомъ распространенія въ народѣ возмутительныхъ книгъ и идей. въ доказательство чего давалъ ему читать книги: *Отщепенцы*, *Государственность и Анархія*, *Сказка о четырехъ братьяхъ*, *Стенька Разинъ*, а также другія мелкія книги и журналъ *Впередъ*. Какъ видно изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ дѣла, Ларіоновъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ коммуны: онъ составлялъ подложные виды на жительство, вырѣзывалъ фальшивыя печати, заботился о пріобрѣтеніи денежныхъ средствъ для кружка, для чего составлялъ предположенія объ ограбленіи почты, отравленіи одного курскаго помѣщика и т. д., хранилъ у себя крестьянскіе костюмы, въ которыхъ агитаторы отправлялись на пропаганду, ходилъ въ народъ и, какъ видно изъ письма, отобраннаго у студента Блуменфельда, занимался вербовкою новыхъ членовъ кружка. Въ этомъ письмѣ Ларіоновъ, между прочимъ, пишетъ: „.....Мнѣ одному изъ смертныхъ пришлось дѣйствительно обрѣсти микроскопическій уголокъ этого рая, это полное „дивнаго огня“ правды и честности дѣло (понимай сію аллегорію)..... Будучи въ Кременчугѣ, я хотѣлъ было ѣхать въ Одессу, гдѣ и начать работать своими мускулами..... извѣстные тебѣ „новые люди“ оказались конечно людьми такими же какъ и всякій смертный, хотя впрочемъ между ними есть „бойцы“ которымъ я съ удовольствіемъ всегда пожму руку. Весело кажется будущее, хотя я не ручаюсь за особенно радостный исходъ его, по крайней мѣрѣ для насъ..... Я не могу

самъ теперь ничего написать про извѣстное, въ настоящую минуту слившееся съ моимъ существованіемъ „дѣло“, для этого нужно перечитать тебѣ все посѣянное представителями русской заграничной вольной прессы..... Въ будущемъ я не откажусь помазать тебя миромъ посвященія, конечно, если получу убѣжденіе, что ты съ теплою вѣрой послушаешь моего глагола, а не яко Іуда или разбойникъ, а какъ другъ, братъ, а главное—человѣкъ..... сути письма не моги сообщить никому“. Письмо это писано въ іюнѣ 1874 г. и признано Ларіоновымъ за писанное имъ. Въ другомъ письмѣ, отобранномъ по обыску у отца Идаліи Польгеймъ и помѣченномъ 12-мъ іюня, Ларіоновъ писалъ: „прошу Васъ не скорбѣть относительно того, что Вашъ сынъ есть оппозиторъ начала собственности.... Мы далеко не реформаторы, а только должны быть работниками, до того золотого періода намъ не дожить, а слѣдовательно попусту спорить съ Вами было бы нелѣпо; скажу прямо: цѣль моя – общее благо, доктрина—отрицательное начало (отрицать все зло и стремиться къ уничтоженію его), а убѣжденія—всегда, вездѣ и во всемъ быть честнымъ.... О мѣстѣ волостного писаря пожалуйста употребите всѣ усилія какъ можно скорѣе.....“ Послѣдняя фраза этого письма объясняется показаніемъ Гориновича, изъ котораго видно, что Ларіоновъ желалъ быть волостнымъ писарѐмъ съ цѣлью завладѣть бланками паспортовъ и деньгами; вообще же, по словамъ Гориновича, Ларіоновъ придерживался того правила, что цѣль оправдываетъ средства. На сколько коммуна высоко цѣнила дѣятельность Ларіонова, видно изъ показанія Идаліи Польгеймъ, удостовѣряющей, что когда Ларіоновъ объявилъ свое намѣреніе оставить коммуну, если она, Польгеймъ, не согласится жить съ нимъ въ гражданскомъ бракѣ, то члены кружка стали упрашивать ее принести себя въ жертву обществу, вслѣдствіе чего она и была вынуждена отдаться Ларіонову, не любя его. По показанію Гориновича, Ларіоновъ, уходя съ нимъ въ народъ, прямо высказалъ, что идетъ на пропаганду, для чего и взялъ съ собою означенныя выше сего книги, съ цѣлью читать ихъ въ народѣ, хлороформъ же и морфій, по словамъ Гориновича, были взяты Ларіоновымъ, какъ онъ самъ говорилъ, съ цѣлью усыпить какого-нибудь содержателя корчмы для ограбленія его. Въ Ружинѣ, Ларіоновъ, какъ извѣстно Гориновичу, передалъ отцу Идаліи Польгеймъ нѣсколько книгъ, которыя затѣмъ, по показанію нѣсколькихъ свидѣтелей, Польгеймъ сталъ читать крестьянамъ. По обыску у Іосифа Польгейма были отобраны книги: *Государственность и Анархія* и *Отщепенцы*, полученныя имъ, какъ видно изъ его показанія, даннаго при дознаніи, отъ Ларіонова, который, передавая ему книги, просилъ вдуматься въ ихъ содержаніе и дать не позже 25-го сентября окончательный отвѣтъ, согласенъ ли онъ дѣйствовать съ нимъ заодно, при слѣдствіи же Іосифъ Польгеймъ остался неспрошеннымъ, такъ какъ пожелалъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ему 705 ст. Уст. Уг. Суд. У Ларіонова, назвавшагося при задержаніи его въ м. Ружинѣ крестьяниномъ Петромъ Ивановычъ Ѳедоровымъ, было отобрано: пять картъ Курской, Черниговской, Подольской, Волынской и Кіевской губерній, два экземпляра *Сказки о 4-хъ братьяхъ*, *Исторія одного французскаго крестьянина*, *Пѣсенникъ*, *Евангеліе*, десять англійскихъ пилокъ для распиливанія желѣза, порошокъ и пузырекъ съ жидкостью — по химическому изслѣдованію хлороформъ и морфій, клочки бумаги съ знаками шифровой азбуки, и замѣтки о дѣйствіи синильной кислоты и о способѣ ея добыванія, а также о способѣ добыванія нитроглицерина.

Ларіоновъ показалъ при слѣдствіи, что Дебагоріо-Мокріевичъ и Фишеръ (сей послѣдній подъ фамиліею Бондаренко) въ селѣ Верхнягѣ, гдѣ онъ, Ларіоновъ, проживалъ, предложили ему принять участіе въ ихъ дѣлѣ, т.-е. „въ сообществѣ, составившемся для борьбы за народное дѣло путемъ пропаганды въ народѣ соціально-революціонныхъ идей“; такое предложеніе, подкрѣпленное увѣреніемъ, что сообщество располагаетъ матеріальными средствами для веденія борьбы, было принято Ларіоновымъ, который затѣмъ вскорѣ и отправился въ Кіевъ, въ домъ Леминскаго, адресъ котораго былъ данъ ему Дебагоріо и Фишеромъ. Объяснивъ такимъ образомъ свое поступленіе въ коммуну и не отвергая того, что онъ поддѣлывалъ паспорты, хранилъ у себя крестьянское платье, ходилъ въ народъ, далъ Польгейму революціонныя книги и имѣлъ при себѣ рецепты ядовитыхъ и взрывчатыхъ веществъ, а также хлороформъ и морфій, Ларіоновъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ преступному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго строя.

Независимо отъ настоящаго дѣла, о Ларіоновѣ производятся еще два другія: одно—по обвиненію его въ кражѣ лошади, совершенной въ Вологодской губерніи, а второе—по обвиненію въ присвоеніи денегъ, полученныхъ имъ изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства по довѣренности крестьянъ Городецкой волости, Корчевскаго уѣзда.

Идалія Польгеймъ, по ея собственному показанію, убѣжала отъ матери, дурно съ нею обращавшеюся и желавшею отдать ее въ монастырь, и была привезена изъ Каменецъ-Подольска Аксельроде, который дорогою разспрашивалъ ее о томъ, довольна ли она правительствомъ и условіями общественной и частной жизни и при этомъ сообщилъ ей, что въ Кіевѣ составился кружокъ молодежи, поставившій себѣ цѣлью произвести въ Россіи переворотъ и улучшить положеніе низшаго класса населенія. Въ принадлежности къ этому кружку Польгеймъ себя однако виновною не признала, хотя, по ея словамъ, существованіе и цѣли кіевскаго тайнаго общества и были ей извѣстны. Такое объясненіе Идаліи Польгеймъ представляется не согласнымъ съ обстоятельствами дѣла и опровергается нижеслѣдующимъ: Идалія Польгеймъ, по ея же показанію, принимала участіе въ поддѣлкѣ видовъ на жительство, шила для Маріи Колѣнкиной и другихъ крестьянскія рубашки, наклеивала на коленкоръ карты юго-западныхъ губерній и хранила у себя запрещенныя книги и инструменты для дѣланія печатей, которыя во время сдѣланнаго у нея обыска спрятала, а потомъ сожгла (кромѣ трехъ рѣзцовъ или шилъ представленныхъ ею къ дѣлу). Участіе Польгеймъ въ дѣлахъ коммуны не ограничивалось однако вышеизложеннымъ: она кромѣ сего предупреждала членовъ коммуны о грозящихъ имъ опасностяхъ и доставляла средства укрыться отъ преслѣдованія. Такъ: а) въ одномъ письмѣ къ отцу Польгеймъ писала: „......потомъ начали арестовывать, ловить, нужно было всѣмъ писать, предупреждать всѣхъ чертей и, я говорю, это было настоящее несчастіе....“; б) по просьбѣ Тетельмана, Польгеймъ, какъ она сама это удостовѣрила, ходила къ совершенно неизвѣстной ей личности, вдовѣ губернскаго секретаря Екатеринѣ Жміевской, съ цѣлью вывѣдать отъ сей послѣдней, не была ли ею получена телеграмма, отъ чего, какъ ей говорилъ Тетельманъ, зависѣла жизнь двухъ лицъ; при посѣщеніи Жміевской, Польгеймъ назвалась Петровскою и видимо интересовалась содержаніемъ телеграммы, подписанной „Екатерина Коренная“, каковую телеграмму, какъ будетъ изложено ниже, Брешковская послала въ Кіевъ послѣ ея задержанія, и в) при дознаніи Польгеймъ показала, что Дебагоріо-Мокріевичъ, скрываясь отъ преслѣдованія, прибѣжалъ къ ней, а она позвала цирюльника, который обрилъ Дебагоріо бороду, купила ему пальто и продержала его у себя на квартирѣ три дня, послѣ чего онъ уѣхалъ за границу, повидавшись предъ тѣмъ съ Фростомъ и Стронскимъ, которыхъ она же пригласила къ нему; разсказывая о вышеизложенномъ, Польгеймъ положительно удостовѣрила, что она знала, что Дебагоріо скрывался и думалъ бѣжать за границу, что она помогала ему исполнить его намѣреніе. Кромѣ сего, какъ это видно изъ упомянутаго уже выше письма Польгеймъ къ отцу, она вела съ Ларіоновымъ, во время отсутствія послѣдняго изъ Кіева, шифрованную переписку, и въ этомъ же письмѣ просила отца сообщить Ларіонову, что онъ долженъ показывать въ случаѣ допроса его. Наконецъ, по показанію Горинovича, Польгеймъ ходила за деньгами къ Ильясевичу, которыя сей послѣдній отпускалъ на содержаніе коммуны, а по удостовѣренію Ларіонова, Польгеймъ переписывалась съ Ваховскою, которая, по показанію Бенецкаго, данному при дознаніи, на пути изъ Петербурга въ Подольскую губернію останавливалась въ домѣ Леминскаго. Вышеизложенный образъ дѣйствій Польгеймъ, въ виду признанія ею, что цѣли, къ которымъ стремилась коммуна были ей извѣстны, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Польгеймъ вполнѣ сознательно принадлежала къ кіевскому революціонному кружку и была даже однимъ изъ довольно дѣятельныхъ членовъ онаго.

Тетельманъ, вращавшійся, какъ изложено выше, въ средѣ петербургскихъ агитаторовъ и находившійся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Брешковскою, ѣздилъ очевидно въ Горяны съ тою же цѣлью, какъ и остальные, бывшіе у г-жи Филиппъ, члены кіевской коммуны; осенью же 1874 г., когда начались аресты, Тетельманъ принялъ самое дѣятельное участіе въ доставленіи агитаторамъ средствъ укрыться отъ преслѣдованія. Какъ изложено выше, Тетельманъ посылалъ Идалію Польгеймъ вывѣдать у Жміевской, какая была получена сею послѣднею телеграмма; по показанію самого Тетельмана, объ этомъ просилъ его Стефановичъ, жившій въ то время на его квартирѣ и сообщившій ему, что Брешков-

ская въ Тульчинѣ и, можетъ-быть, арестована. По удостовѣренію Идаліи Польгеймъ, Тетельманъ далъ ей денегъ на покупку мужского платья, предназначавшагося для Стефановича, причемъ, какъ Польгеймъ объяснила при дознаніи, деньги были ей переданы послѣ того какъ она сообщила Тетельману о результатѣ своего визита къ Жміевской. Послѣдовавшее вслѣдъ за симъ исчезновеніе изъ Кіева Якова Стефановича, который до сихъ поръ остался неразысканнымъ, вполнѣ объясняетъ вышеизложенный образъ дѣйствій Тетельмана. Давъ такимъ образомъ Стефановичу возможность скрыться, Тетельманъ хотѣлъ оказать ту же услугу и Брешковской и, по его собственнымъ словамъ, отправился въ Тульчинъ съ цѣлью повидаться съ Брешковской и вызвать ее въ Кіевъ, но поѣхалъ слишкомъ поздно, такъ какъ Брешковская была уже арестована. Марія Колѣнкина, ходившая въ народъ съ Брешковскою, была тоже предметомъ заботъ Тетельмана, какъ это видно изъ его письма, отобраннаго у Вѣры Верпго, у которой послѣ ареста Брешковской проживала Колѣнкина. Въ этомъ письмѣ, адресованномъ, по собственному показанію Тетельмана, къ Колѣнкиной, Тетельманъ писалъ: „Душенька, ты здѣсь будешь сидѣть не дальше 10-го января. Скоро мы приготовимъ тебѣ все, встрѣтимся въ одномъ мѣстѣ и уѣдемъ въ Москву. Прощай. Степанъ (т.-е. Стефановичъ) въ Одессѣ. Адресъ: въ Одессу, Palais Royal Comptoir, № 17, Юлію Александровичу Тетельману. Въ двухъ конвертахъ, на внутреннемъ конвертѣ напишите „Колѣ“ и больше ничего. Напишите сейчасъ же мнѣ въ Одессу“. Въ отношеніи Колѣнкиной заботы Тетельмана увѣнчались успѣхомъ: Колѣнкина скрылась и до настоящаго времени не разыскана. Не ограничиваясь доставленіемъ средствъ агитаторамъ скрываться отъ преслѣдованія, Тетельманъ заботился и объ арестованныхъ своихъ единомышленникахъ; такъ, онъ устроилъ, какъ видно изъ его показанія, вечеръ въ пользу политическихъ арестантовъ, о чемъ производилась переписка въ Кіевской полиціи. По поводу этого вечера, Тетельманъ, по его собственному показанію, въ декабрѣ 1874 г., писалъ Вѣрѣ Верпго: „Вѣра, все это кончилось не такъ страшно, какъ думали. Все на счетъ вечера Васька (т.-е. Бенецкій) заболѣлъ (т.-е. арестованъ). Жалко. Пишутъ ли изъ Мглина? Вчера я туда писалъ, чтобы деньги выслали. Когда мое дѣло кончится, тогда напишу. Затѣмъ прощай“. Письмо это написано на одномъ листѣ бумаги съ вышеприведеннымъ письмомъ къ Маріи Колѣнкиной. Во Мглинѣ Тетельманъ былъ, по его словамъ, въ первой половинѣ декабря, съ цѣлью добыть для Брешковской денегъ отъ родственниковъ ея, Верпго. Хотя дѣло о вечерѣ кончилось, по выраженію Тетельмана, „не такъ страшно какъ думали“, тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ скрыться изъ Кіева, а послѣ арестованія написалъ отобранную у него записку въ Москву Маріи Пассоверъ, обѣщавшей ему, какъ видно изъ содержанія записки, „устроить передачу письма для Кати въ замокъ“. Марія Пассоверъ, по словамъ Тетельмана, была ему указана Стефановичемъ. Независимо отъ сего, Тетельманъ былъ въ гор. Москвѣ у Олимпіады Алексѣевой, какъ это видно изъ показанія сей послѣдней, а также въ Саратовской и Самарской губерніяхъ, для свиданія съ мѣстными агитаторами, какъ это оказывается изъ отобраннаго у Евгеніи Судзиловской письма, несомнѣнно писаннаго Тетельманомъ въ концѣ августа 1874 г. Въ этомъ письмѣ Тетельманъ извѣщаетъ „что онъ совершенно напрасно заѣхалъ къ дядѣ Николаю (Судзиловскій), потому что онъ уже давно заболѣлъ и уѣхалъ лѣчиться“, что „Даша (Надежда Юргенсонъ) тоже больна, подозрѣваютъ въ ней чахотку“ и что „адресъ, по которому писали до сихъ поръ въ Саратовъ оказался невѣрнымъ“. Несмотря на всѣ вышеизложенныя собранныя противъ него улики, Тетельманъ виновнымъ себя не призналъ.

Фишеръ и Брешковская были первыми основателями коммуны и, какъ указано выше, старались добыть отъ г-жи Филиппъ деньги для осуществленія замысловъ кружка. Преслѣдуя цѣли этого кружка, для которыхъ необходимы были люди знакомые съ какимъ-либо физическимъ трудомъ, подъ предлогомъ занятія которымъ они могли бы идти въ народъ для пропаганды, какъ Фишеръ, такъ и Брешковская старались пріискать лицъ, которыя согласились бы принять къ себѣ подъ видомъ рабочихъ ихъ единомышленниковъ, для доставленія таковымъ возможности изучить какое-либо ремесло или работу. Такъ Фишеръ, помѣстившій уже, какъ сказано выше, подъ видомъ слесаря нѣкоего Кукушкина къ помѣщику Арцыбушеву, обратился къ сему послѣднему съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Сергѣй Дмитріевичъ. Есть до Васъ просьба, состоящая въ слѣдующемъ: во 1-хъ, скажите, что съ Иваномъ Петровичемъ (т.-е. Кукушкинымъ). Во 2-хъ, можно ли къ Вамъ пріѣхать

мнѣ съ кѣмъ-нибудь или вмѣсто меня прислать пару людей, желающихъ изучить сельско-хозяйственныя работы на практикѣ, т.-е. самимъ поработать. Для этого они просятъ принять ихъ, какъ рабочихъ, жалованья никакого, разумѣется, только снисхожденіе къ ихъ работѣ, т.-е. не очень взыскивать, если не такъ сдѣлаютъ по неумѣнію. Напишите, пожалуйста, поскорѣе по слѣдующему адресу: Въ гор. Кіевъ, въ Университетъ Св. Владиміра, студенту Василію Ивановичу Костенко (нынѣ умершій),—просто безъ передачи, оно и такъ дойдетъ прямо до меня..... Вашъ Василій Фишеръ". Въ свою очередь, Брешковская обратилась словесно съ такою же просьбой къ женѣ помѣщика Зинаидѣ Юрьевой, причемъ въ подкрѣпленіе своей просьбы ссылалась на то, что Арцыбушевъ уже согласился на такую просьбу. Юрьева, однако, не согласилась исполнить просьбу Брешковской, а написала Арцыбушеву письмо, въ которомъ, между прочимъ, писала: „....у меня была К. К. (т.-е. Катерина Константиновна Брешковская) и предлагала взять къ себѣ студентовъ и какихъ-то барынь и помѣстить ихъ въ рабочіе, я ей отказала. При томъ она мнѣ говорила, что вы говорили ей, чтобъ она прислала къ вамъ, а вы ихъ помѣстите на мѣсто, но я ей плохо вѣрю. Мнѣ кажется, что она вретъ. Если же это правда, то не берите ихъ къ себѣ.... можетъ она вамъ не говорила ихъ предположенія; она хочетъ чтобъ эти рабочіе видались съ простымъ людомъ и втолковывали имъ ихъ глупую идею. Потомъ Фишера ищетъ полиція"... Подъ „глупыми идеями" Юрьева подразумѣвала тѣ теоріи, которыя Фишеръ и Брешковская неоднократно излагали предъ нею. По словамъ Юрьевой, Фишеръ и Брешковская не разъ внушали ей, что настоящее соціальное положеніе русскаго народа должно подлежать измѣненію, состоящему въ томъ, чтобы земли были раздѣлены между всѣми поровну, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, чтобы всѣ были равны и чтобы власть одного лица была уничтожена. Какъ Брешковская, такъ и Фишеръ разсказывали Юрьевой, что надъ достиженіемъ такой цѣли работаетъ цѣлое общество, члены котораго проводятъ вышеуказанныя убѣжденія въ народѣ, сближаясь съ нимъ подъ видомъ рабочихъ, причемъ Фишеръ увѣрялъ, что если его сошлютъ въ каторгу, то онъ вернется изъ нея и приведетъ съ собою каторжниковъ, а Брешковская присовокупляла, что если помѣщики не согласятся на раздѣлъ земли, то ихъ перерѣжутъ, и совѣтовала Юрьевой откладывать деньги и присылать ей таковыя, поясняя, что деньги нужны, между прочимъ, для пріобрѣтенія въ разныхъ губерніяхъ участковъ земли съ цѣлью устройства пунктовъ свиданій для членовъ ихъ общества. По удостовѣренію Ипполита Юрьева, Фишеръ развивалъ и предъ нимъ тѣ же теоріи, при чемъ высказывалъ, что если Государь и помѣщики не согласятся на раздѣлъ земли, то Государя заставятъ согласиться, а помѣщиковъ перерѣжутъ. Дальнѣйшее участіе Фишера въ дѣлахъ коммуны выразилось, по собственному его показанію, въ подделкѣ печатей для подложныхъ паспортовъ и въ хожденіи въ народъ вмѣстѣ съ Дебагаріо-Мокріевичемъ и Стефановичемъ, съ цѣлью обучиться крестьянскимъ работамъ и, такимъ образомъ, подготовить себя къ пропагандѣ. Отправляясь въ народъ, Фишеръ запасся, по его же показанію, фальшивымъ паспортомъ на имя Бондаренко; они работали сначала на станціи Жмеринкѣ, а затѣмъ были въ Брацловѣ и Немировѣ; у Стефановича разболѣлась нога, и онъ остался въ одномъ мѣстечкѣ около села Верхняги, куда Фишеръ отправился съ Дебагоріо, чтобы переговорить съ Ларіоновымъ, о чемъ изложено выше. Изъ села Верхняги Фишеръ и Дебагоріо вернулись къ Стефановичу, вмѣстѣ съ которымъ и направились обратно въ Кіевъ; въ Корсунѣ Фишеръ оставался нѣкоторое время вслѣдствіе болѣзни, а Стефановичъ пошелъ далѣе въ Кіевъ, вернувшись откуда передалъ Фишеру, какъ сей последній показывалъ при дознаніи, приказаніе, а по показанію, данному при слѣдствіи, просьбу остаться въ Корсунѣ, въ виду того, что въ Кіевѣ нашли нужнымъ, чтобы кто-нибудь жилъ въ этой мѣстности; Фишеръ на это не согласился, и они возвратились въ Кіевъ чрезъ Каневъ. Брешковская, какъ видно изъ ея писемъ, а также писемъ Вѣры Веригo къ мужу послѣдней, ѣздила въ Курскую губернію „по общему дѣлу" и входила въ сношенія съ такимъ количествомъ людей, являвшихся со всѣхъ концовъ отечества, что у нея „голова кругомъ пошла"; лѣтомъ же 1874 г. Брешковская, какъ видно изъ ея показанія, даннаго при дознаніи, и показанія Ларіонова, ходила съ Маріею Колѣнкиною въ м. Бѣлозерье и Смѣлу, гдѣ онѣ и занимались крестьянскими работами. Изъ показаній нѣсколькихъ свидѣтелей видно, между прочимъ, что съ Брешковскою и Колѣнкиною былъ еще молодой человѣкъ, котораго Брешковская называла своимъ племянникомъ Степаномъ:

Брешковская отказалась назвать своего спутника, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это былъ Стефановичъ, носившій въ коммунѣ прозвище Степана. Такое пребываніе Брешковской со Стефановичемъ въ м. Бѣлозерье было извѣстно члену коммуны Лурье, по обыску у котораго найденъ видъ, по которому Брешковская проживала до своего замужества, и замѣтки о томъ, какимъ путемъ можно доѣхать до Бѣлозерья и какимъ образомъ разыскать тамъ русскую красильщицу и отставного солдата. Нахожденіе адреса Брешковской у Лурье было извѣстно и остальнымъ членамъ коммуны: вслѣдствіе чего, послѣ ареста Лурье, какъ изложено выше, Стронскій, опасаясь ареста Брешковской иКолѣнкиной, заготовилъ морфій и хлороформъ, которые намѣренъ былъ употребить въ дѣло для освобожденія Брешковской, если бъ она была арестована. Осенью Брешковская вновь отправилась въ народъ, и 24-го сентября 1874 г. была задержана около гор. Тульчина, при чемъ по обыску у нея оказались: карты Кіевской и Херсонской губерній, порошокъ морфія, четыре рукописныя прокламаціи — одна черновая, а остальныя за №№ 101, 102 и 103, оканчивающіяся воззваніемъ къ бунту, и фальшивый паспортъ на имя крестьянки Ѳеклы Косовой, именемъ которой Брешковская и назвала себя при дознаніи. И въ этотъ разъ Брешковская ходила въ народъ не одна, что положительно доказывается показаніями нѣсколькихъ лицъ, удостовѣряющихъ, что съ Брешковскою былъ молодой человѣкъ, котораго она называла своимъ сыномъ, Яковомъ, и который, оставивъ Брешковскую въ Тульчинѣ, куда-то ушелъ. Заключенная подъ стражу въ тульчинскомъ этапномъ домѣ, Брешковская обратилась къ одному изъ карауливишихъ ее лицъ съ просьбой отправить телеграмму, которую ему и передала вмѣстѣ съ двумя рублями; означенная телеграмма, пріобщенная къ дѣлу, слѣдующаго содержанія: „Кіевъ, Фундуклеевская. Домъ Харламова, Жміевской, Сынъ, заболѣла не пріѣзжай. Катерина Коренная“. Брешковская, признавая что отобранныя у нея прокламаціи были ею взяты съ цѣлью раздачи ихъ въ народѣ, отказалась объяснить кого именно она хотѣла предупредить депешею, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ этотъ разъ спутникомъ Брешковской былъ Стефановичъ, носившій прозвище „сына“ Брешковской, который затѣмъ узнавъ, какъ сказано выше, чрезъ Тетельмана и Идалію Польгеймъ о полученіи Жміевскою депеши изъ Тульчина, немедленно скрылся изъ Кіева. Находясь подъ арестомъ, Брешковская продолжала свою пропагандистскую дѣятельность. Показаніями двухъ свидѣтелей, карауливишихъ Брешковскую въ Тульчинѣ, удостовѣрено, что Брешковская, которую они знали подъ именемъ Ѳеклы Косой, говорила имъ, что она посажена подъ арестъ за народъ, для котораго разносила грамоты, желая его избавить отъ преслѣдованій начальства; что народу не слѣдовало бы бояться и слушаться начальства; что имъ бы слѣдовало возстать съ оружіемъ въ рукахъ; что легко было бы справиться съ солдатами, которыхъ сравнительно съ народомъ ничтожное количество; что въ Тульчинѣ можно всѣхъ перерѣзать въ одинъ день, и что было такое время — „гайдамачина“ — когда народъ грабилъ и жилъ лучше, чѣмъ теперь. Брешковская признала себя виновною въ революціонной пропагандѣ съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію для ниспроверженія существующаго государственнаго строя, Фишеръ же призналъ себя виновнымъ лишь въ подделкѣ печатей разныхъ волостныхъ правленій.

Бенецкій вступилъ въ коммуну съ момента ея возникновенія, когда она помѣщалась еще въ домѣ Горлова, поддерживалъ таковую денежными средствами, какъ это изложено выше, и хранилъ у себя печати, прикладывавшіяся къ фальшивымъ паспортамъ, съ которыми члены коммуны отправлялись въ народъ. Признавая при слѣдствіи это послѣднее обстоятельство, Бенецкій объяснилъ, что онъ не подозрѣвалъ, чтобы печати имѣли какое-либо отношеніе къ революціонной пропагандѣ, и что у лицъ проживающихъ въ коммунѣ, — хотя таковыя и высказывали свое неудовольствіе на существующій въ государствѣ порядокъ, — онъ никакого стремленія къ революціонной дѣятельности не замѣчалъ. Такое объясненіе Бенецкаго, противорѣчащее всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, находитъ себѣ опроверженіе въ показаніи, данномъ самимъ Бенецкимъ при дознаніи; въ этомъ показаніи Бенецкій признавалъ существованіе кіевскаго революціоннаго кружка и объяснилъ, что такое признаніе онъ дѣлаетъ подъ вліяніемъ того негодованія, которое возбуждаетъ въ немъ поведеніе его бывшихъ знакомыхъ, „которые занимались пропагандой и всегда дѣйствовали съ недовѣріемъ другъ къ другу, безъ единодушія и даже часто не совсѣмъ честно“. Помимо такого показанія Бенецкаго, изъ котораго видно, что не только дѣятельность, но и

взаимныя отношенія членовъ коммуны были ему хорошо извѣстны,—принадлежность Бенецкаго къ коммунѣ доказывается слѣдующими данными: по показанію, данному при дознаніи Александромъ Костюринымъ, онъ былъ посланъ членомъ одесскаго революціоннаго кружка Макаревичемъ изъ Одессы въ с. Фастовцы предупредить народнаго учителя Франжоли о грозившемъ сему послѣднему арестѣ, причемъ деньги на обратный путь Костюринъ долженъ былъ получить въ Кіевѣ отъ Семена Лурье; пріѣхавъ въ Фастовцы уже послѣ ареста Франжоли, Костюринъ отправился въ Кіевъ, гдѣ его арестовали и, вмѣстѣ съ Дробышевскимъ, препроводили въ Нѣжинъ, причемъ дорогой Добрышевскій сообщилъ ему, что у студента Кіевскаго Университета Василія Александровича Бенецкаго также можно было получить деньги и, сверхъ того, фальшивый паспортъ; Гориновичъ при слѣдствіи удостовѣрилъ, что ѣздилъ по порученію Дебагоріо-Мокріевича въ имѣніе Бенецкаго передать сему послѣднему, чтобъ онъ привезъ въ Кіевъ печати, которыя находились у него, и видѣлъ у Бенецкаго запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ были: *Государственность и Анархія*,— каковое показаніе Гориновича въ связи съ показаніемъ Костюрина и приведеннымъ выше сего разговоромъ, происходившимъ между Дробышевскимъ и Трезвинскимъ въ присутствіи Смирнова, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у Бенецкаго былъ складъ революціонныхъ книгъ, принадлежащихъ кружку. Какъ это видно изъ писемъ Брешковской, сія послѣдняя вела свою корреспонденцію чрезъ Бенецкаго; такъ, въ одномъ письмѣ она писала: „....мой адресъ слѣдующій: По Витебско-Динабургской желѣзной дорогѣ, станція Горяны, Василію Александровичу Бенецкому", а въ другомъ: „....вся моя корреспонденція пойдетъ чрезъ Бенецкаго.... ѣду изъ К. 15 іюня". Изъ послѣдняго письма оказывается, что Бенецкій доставлялъ Брешковской письма въ то время, когда она была на пропагандѣ въ м. Бѣлозерье со Стефановичемъ и Колѣнкиною, такъ какъ изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что Брешковская съ сопровождавшими ее лицами прибыла въ Бѣлозерье около Петрова дня, что совпадаетъ съ ея отъѣздомъ изъ Кіева 15-го іюня. Независимо отъ сего, Дробышъ-Дробышевскій въ запискѣ, которую Смирновъ долженъ былъ доставить Бенецкому, просилъ сего послѣдняго указать Смирнову „какой-нибудь адресъ въ Кіевѣ, гдѣ бы онъ могъ остановиться и поближе познакомиться съ нашими людьми и дѣломъ", а изъ показаній Ларіонова и Фишера видно, что адресъ Ларіонова въ селѣ Верхняги былъ указанъ Фишеру и Дебагоріо-Мокріевичу Бенецкимъ, узнавшимъ о Ларіоновѣ отъ своего товарища Монтвита, котораго Ларіоновъ просилъ познакомить его съ людьми, держащимися, какъ и онъ, Ларіоновъ, крайнихъ политическихъ убѣжденій.

Наконецъ, указаніе Ковалика, въ отобранной у него запискѣ, на Бенецкаго, какъ на лицо, которое можетъ быть полезно для задуманнаго Коваликомъ побѣга, и перехваченная въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ переписка между арестантами—исключаетъ всякое сомнѣніе въ виновности Бенецкаго. Означенная переписка велась между Іосифомъ Польгеймомъ, Брешковскою и Бенецкимъ; Польгеймъ, сообщая Брешковской о томъ, что она неосновательно подозрѣваетъ Идалію Польгеймъ въ разоблаченіи дѣлъ кружка, вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ ее сообщить для передачи Вас. (Васькѣ) все, что ей извѣстно, и, въ особенности, сущность ея показанія о Бенецкомъ, причемъ излагаетъ вкратцѣ и первоначальное объясненіе Бенецкаго при дознаніи. Къ этой запискѣ была приложена слѣдующая записка Бенецкаго: „Катя. Отвѣчай Осипу Матвѣевичу Польгейму на его вопросы, я сюда попалъ, но не знаю по чьей милости, что ты обо мнѣ говоришь. Колька малый совершенно здоровъ, видалъ,...... поѣхала къ роднымъ твоимъ. В. С. и Ф. здоровы. Твой Васька"; нѣсколько словъ въ этой запискѣ нельзя было разобрать. Относительно этой записки Брешковская отозвалась, что, вѣроятно, она сочинена самимъ Польгеймомъ, но Бенецкій призналъ, что таковая писана имъ, причемъ объяснилъ, что Колька это сынъ Брешковской, что къ роднымъ Брешковской уѣзжала Вѣра Веригo, и что онъ не помнитъ, кого онъ подразумѣвалъ подъ буквами В. С. и Ф. По обыску у Бенецкаго были найдены инструменты сапожнаго мастерства, причемъ родственники Бенецкаго объяснили, что онъ хотѣлъ заниматься этимъ мастерствомъ. Несмотря на вышеизложенное, Бенецкій виновнымъ себя не призналъ.

Волкенштейнъ, бывшій въ 1874 г. студентомъ Кіевскаго университета, приходилъ, по показанію Ларіонова, въ домъ Леминскаго вмѣстѣ съ Чернышевымъ и принялъ къ себѣ въ имѣніе подъ видомъ рабочихъ—Фроста и какого-то Бахановскаго. Хотя Ларіоновъ этого

послѣдняго обстоятельства вполнѣ удостовѣрить не могъ, тѣмъ не менѣе оно представляется весьма вѣроятнымъ въ виду найденной у Волкенштейна на описи его имѣнія записки, начинающейся словами: „Ал. Ал! Не удастся ли вамъ увидать Бухан.....“ Независимо отъ сего, чрезъ Волкенштейна велась переписка Каблица, какъ это видно изъ письма сего послѣдняго къ Вѣрѣ Вериго, о возвратѣ 500 р. с., въ которомъ Каблицъ писалъ: „.....пишите по слѣдующему адресу. Въ Кіевъ, въ университетъ, студенту Волкенштейну, а внутри конверта для передачи Осипу Ивановичу“, и вообще, какъ это видно изъ дѣла, Волкенштейнъ былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ Каблицомъ, который и успѣлъ скрыться за границу при участіи Волкенштейна, что доказывается нижеслѣдующимъ:

По обыску у Волкенштейна былъ найденъ чемоданъ съ вещами и документами Каблица, а также письмо изъ Лондона, подписанное „Ваша Моргенштернъ“ съ вырѣзаннымъ клочкомъ бумаги, и находящаяся въ связи съ этимъ письмомъ, по объясненію Волкенштейна, тратта кіевскаго коммерческаго банка на Лондонъ, въ суммѣ 3.517 р. с. Въ означенномъ письмѣ, извѣщающемъ Волкенштейна о прибытіи автора онаго въ Лондонъ, имѣется приписка: „Не забудьте сдѣлать то, что я васъ просилъ, и какъ можно скорѣе, т.-е. депешей“. По объясненію Волкенштейна, Каблицъ, уѣзжая за границу черезъ Одессу, передалъ ему 3.500 р. с., съ просьбой переслать таковыя въ мѣсто, которое онъ укажетъ письмомъ; получивъ недѣли черезъ три послѣ отъѣзда Каблица письмо изъ Лондона, онъ догадался, что оно было писано Каблицомъ, и, получивъ затѣмъ телеграмму о посылкѣ денегъ за подписью Alex'а, или Каблица, послалъ оставленныя послѣднимъ деньги по указанному въ письмѣ адресу. Независимо отъ сего, у Волкенштейна былъ найденъ журналъ *Впередъ* и книга съ надписью—„домъ Барсукова, флигель“, т.-е. съ адресомъ Божко-Божинскаго. Объяснивъ, что журналъ *Впередъ* принадлежитъ Каблицу, что записка о Бухановскомъ адресована не къ нему, и что ему не было извѣстно, что Божко-Божинскій жилъ въ домѣ Барсукова, Волкенштейнъ виновнымъ себя не призналъ.

Трезвинскій, сельскій учитель въ селѣ Плискахъ, Борзенскаго уѣзда, имѣлъ сношеніе съ коммуной чрезъ Дробышъ-Дробышевскаго, арестованнаго на возвратномъ пути отъ него въ Кіевъ, и какъ надо полагать, чрезъ проживавшаго нѣкоторое время въ коммунѣ Ильницкаго, фамилія котораго значится на одной бумагѣ, отобранной у Трезвинскаго; независимо отъ сего, мѣсто сельскаго учителя было получено Трезвинскимъ, какъ онъ показалъ при дознаніи, чрезъ нѣкую Донецкую, которая, по показанію Идаліи Польгеймъ, была знакома съ Дебагоріо-Мокріевичемъ. Кромѣ кіевской коммуны, Трезвинскій имѣлъ сношенія и съ одесскими агитаторами, что доказывается: во 1-хъ, показаніемъ Георгія Трудницкаго, удостовѣряющаго, что Владиміръ Жебуневъ разсказывалъ ему объ агитаторской дѣятельности Трезвинскаго въ Черниговской губерніи, и во 2-хъ, оказавшеюся на нѣкоторыхъ книгахъ, отобранныхъ по обыску у Андрея Франжоли, фамиліею Трезвинскаго. Собирая постоянно у себя на квартирѣ своихъ учениковъ и мѣстныхъ хлопцевъ (парней), Трезвинскій въ разговорахъ съ ними внушалъ имъ, какъ это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, что порядки у насъ дурные, что другіе люди живутъ лучше, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни старшинъ, ни головъ, а само общество распоряжается своими дѣлами, что у насъ бѣдные трудятся, а богатые ничего не дѣлаютъ, и что если бы всѣ селенія сговорились, то, дѣйствуя всѣ вмѣстѣ, могли бы все сдѣлать и завести новые порядки, причемъ говорилъ, что другой, лучшій порядокъ, когда бѣдные отберутъ землю у богатыхъ, скоро наступитъ и, показывая на свой большой ножъ, объяснилъ, что таковой ему пригодится рѣзать пановъ и жидовъ. Независимо отъ сего, изъ представленной однимъ изъ учениковъ Трезвинскаго тетради оказывается, что Трезвинскій, подъ предлогомъ диктовки, излагалъ ученикамъ разницу между монархіею и республикой, самодержавнымъ и конституціоннымъ образами правленія. По обыску у Трезвинскаго было найдено много тенденціозныхъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя онъ давалъ читать своимъ ученикамъ, и большой складной ножъ. Трезвинскій не призналъ себя виновнымъ.

Прочіе подлежавшіе преслѣдованію члены кіевской коммуны успѣли скрыться и до настоящаго времени не разысканы, а Ильясевичъ обнаружилъ признаки разстройства умственныхъ способностей.

Студентъ Кіевскаго Университета Божко-Божинскій, адресъ котораго найденъ былъ у Волкенштейна, проживалъ весною и лѣтомъ 1874 г. въ г. Черниговѣ; посѣщая, по сво-

нимъ занятіямъ репетитора, много домовъ, онъ познакомился, между прочимъ, съ дочерью коллежскаго совѣтника Еленою Харченко и воспитанниками Черниговской семинаріи Егоромъ и Григоріемъ Имшенецкими. Еленѣ Харченко Божинскій далъ совѣтъ развить себя чтеніемъ книгъ, причемъ рекомендовалъ читать Беккера и Лассаля, а Егору Имшенецкому, при первомъ же съ нимъ знакомствѣ, сталъ разсказывать про Цюрихъ, Лаврова и издаваемый симъ послѣднимъ журналъ *Впередъ*, причемъ, поясняя, что Лавровъ убѣдился въ возможности улучшенія быта русскаго народа только посредствомъ соціальной революціи, и что многіе студенты, раздѣляя убѣжденія Лаврова, пошли въ народъ подготовлять соціальную революцію, склонялъ и Имшенецкаго задаться тою же цѣлью, и при этомъ напиралъ на то, что только глупцы и подлецы не раздѣляютъ мнѣній Лаврова. Желая еще болѣе убѣдить Имшенецкаго въ справедливости своихъ словъ, Божинскій обѣщалъ принести ему журналъ *Впередъ*, и, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени явился къ Имшенецкому со сказаннымъ журналомъ. Въ это свое посѣщеніе Божинскій засталъ у Имшенецкаго двоюроднаго его брата Григорія Имшенецкаго и семинариста Василія Тищенко, и въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ прочелъ вступленіе *Впередъ*, причемъ сопровождалъ свое чтеніе комментаріями, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что въ Швейцаріи существуетъ революціонное общество, имѣющее цѣлью осчастливить все человѣчество путемъ соціальной революціи, что этому обществу сочувствуютъ во всѣхъ государствахъ, а въ Россіи къ нему принадлежитъ много студентовъ всѣхъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго, и что въ самомъ Черниговѣ есть много лицъ, сочувствующихъ этому обществу; поясняя цѣль означеннаго общества, Божинскій разсказалъ, что таковая состоитъ въ низверженіи существующаго государственнаго строя и водвореніи анархіи, причемъ много разсказывалъ о Бакунинѣ и сообщалъ о существованіи въ Кіевѣ революціоннаго кружка. Затѣмъ Божинскій обратился къ Тищенко съ вопросомъ, желаетъ ли онъ добра русскому мужику, и высказалъ, что для блага народа нужно идти пропагандировать въ немъ, съ цѣлью возбудить возстаніе противъ существующаго порядка, послѣ чего прямо предложилъ Тищенко сдѣлаться членомъ упомянутаго выше общества и идти въ народъ съ цѣлью пропаганды. На возраженіе Тищенко, что у него большое семейство, которому онъ долженъ помогать, Божинскій отвѣтилъ, что семейство Тищенко живетъ во всякомъ случаѣ лучше мужика, и что если понадобится какая-либо денежная помощь, то Тищенко получитъ таковую изъ кассы, которая обыкновенно образуется при возникновеніи общества, а затѣмъ, объявивъ, что ожидаетъ прибытія изъ Кіева одного своего знакомаго, съ которымъ обѣщалъ познакомить семинаристовъ, ушелъ, оставивъ журналъ *Впередъ*, съ просьбою прочесть таковой поскорѣе, такъ какъ въ немъ имѣютъ нужду и другія лица въ гор. Черниговѣ. Дѣйствительно, въ скоромъ времени пріѣхали изъ Кіева сначала Левенталь, а затѣмъ Аксельроде съ одною изъ сестеръ Каминеръ; Левенталь пробылъ въ Черниговѣ весьма недолго, но и въ этотъ краткій промежутокъ времени, познакомленный Божинскимъ съ Еленою Харченко, успѣлъ изложить предъ нею свою теорію о томъ, что рабочему народу можно помочь только путемъ революціи, которая должна имѣть цѣлью уничтоженіе, посредствомъ „рѣзни и убійства", всѣхъ тѣхъ, кто угнетаетъ народъ, какъ-то: землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и т. п.; для достиженія этой цѣли, поучалъ далѣе Левенталь, необходимо идти въ народъ и возбудить его къ возстанію; идти же въ народъ, по словамъ Левенталя, слѣдовало въ качествѣ сельскаго учителя или учительницы, фельдшера или фельдшерицы, или же подъ видомъ рабочаго.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Левенталя пріѣхали Аксельроде и Каминеръ, которые и поселились въ квартирѣ Божинскаго. Послѣдній, во исполненіе даннаго имъ обѣщанія, привелъ Аксельроде на квартиру Егора Имшенецкаго, гдѣ Аксельроде и остался ночевать вмѣстѣ съ Тищенко. Аксельроде въ разговорѣ съ Тищенко и Имшенецкимъ развивалъ ту же теорію, которую проповѣдывалъ предъ симъ и Божинскій, причемъ разъяснялъ, что вся задача состоитъ въ уничтоженіи правительства и общественнаго строя путемъ насилія, иными словами — въ водвореніи анархіи, послѣ которой народъ устроитъ свой бытъ по своему усмотрѣнію. Далѣе, разсказавъ о существованіи въ Россіи многихъ революціонныхъ кружковъ, въ томъ числѣ и кіевскаго, Аксельроде совѣтовалъ Имшенецкому и Тищенко бросить семинарію, составить тѣсный кружокъ изъ надежныхъ и сочувствующихъ дѣлу лицъ и затѣмъ идти въ народъ для пропаганды. Егоръ Имшенецкій, Тищенко и Елена Харченко познако-

мились также и съ Камнеръ, которая разсказывала имъ про Цюрихъ, Бакунина и т. п., и для переписки съ нею и съ Аксельроде дала имъ шифръ: „Богъ завѣщалъ намъ, чтобы мы жили по-братски въ духѣ любви, какъ братья. Шафецельевъ“.

Усилія Божинскаго, поддержанныя Аксельроде и Камнеръ, основать въ гор. Черниговѣ революціонный кружокъ, увѣнчались успѣхомъ. Кружокъ дѣйствительно составился изъ Егора и Григорія Ишпенецкихъ и Тищенко, къ которымъ примкнули: семинаристъ Андрей Карповичъ, Елена Харченко, дочь титулярнаго совѣтника Марфа Соколовская и сынъ священника не окончившій курса гимназіи Андрей Петровъ Ласкаронскій; но существованіе кружка было непродолжительное—оно прекратилось въ томъ же году лѣтомъ, когда всѣ члены кружка разъѣхались на каникулы. Во время своего кратковременнаго существованія кружокъ, какъ видно изъ показаній членовъ его, занимался чтеніемъ революціонныхъ книгъ, бесѣдами по поводу прочитаннаго, разсужденіями о пропагандѣ и о томъ, какъ идти въ народъ, причемъ дѣлались предположенія объ устройствѣ кассы и т. п. Предъ каникулами каждый изъ посѣщавшихъ кружокъ изложилъ, что̀ онъ намѣренъ дѣлать лѣтомъ, причемъ оказалось, что нѣкоторые хотѣли заниматься простыми работами, а другіе думали поступить въ народные или сельскіе учителя и учительницы. Книгами революціоннаго содержанія—*Государственность и Анархія* и *Исторія развитія интернаціонала*, снабдилъ кружокъ Аксельроде или Божинскій, который, какъ видно изъ показанія Елены Харченко, давалъ ей читать у себя на дому журналъ *Впередъ* и *Государственность и Анархія*.

Божко-Божинскій, у котораго по обыску найдена книга—*Азбука соціальныхъ наукъ*, не призналъ себя виновнымъ.

Кіевскій кружокъ, какъ было указано выше, имѣлъ чрезъ Ивана Трезвинскаго сношенія съ одесскими агитаторами; при разсмотрѣніи же дѣятельности сихъ послѣднихъ было обнаружено, что и другіе члены коммуны, а именно: Стефановичъ и Семенъ Лурье принимали самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ одесскаго революціоннаго кружка, возникновеніе котораго весьма подробно объяснено дворяниномъ Георгіемъ Трудницкимъ. По показаніямъ послѣдняго, даннымъ при дознаніи и при слѣдствіи, онъ, желая поближе познакомиться съ организаціей и дѣятельностью интернаціональнаго общества рабочихъ, осенью 1872 г. отправился въ Цюрихъ, гдѣ вскорѣ сошелся съ пріѣхавшими изъ Россіи дворянами Николаемъ, Владиміромъ и Сергѣемъ Жебуневыми, женою Николая—Зинаидою Ивановою, Маріею Блиновой, вышедшею впослѣдствіи замужъ за Владиміра Жебунева, дворяниномъ Петромъ Макаревичемъ, Анною Розенштейнъ, вышедшею впослѣдствіи замужъ за Макаревича, дворяниномъ Георгіемъ Кобіевымъ, дворяниномъ Тимоѳеемъ Квятковскимъ и другими. Всѣ эти лица составили кружокъ, желавшій путемъ науки дойти до познанія народнаго блага, и, такимъ образомъ, рѣзко отличались отъ русскихъ эмигрантовъ-революціонеровъ, которые въ насмѣшку назвали этотъ кружокъ *сумасшедшимъ орденомъ сенъ-жебунистовъ*. *Сенъ-жебунисты* находили, что въ Россіи, странѣ земледѣльческой, народное благо осуществимо единственно путемъ развитія сельскихъ общинъ, почему и признавали своею задачей содѣйствовать съ одной стороны улучшенію сельскаго хозяйства, а съ другой, внося въ народъ соціальныя идеи и поднимая умственный его уровень, приготовлять народъ къ борьбѣ съ буржуазіей. Желая подготовить себя къ исполненію такой задачи, члены кружка Жебуневыхъ, въ февралѣ 1873 г., разъѣхались изъ Цюриха съ цѣлію изученія раціональнаго сельскаго хозяйства, а именно: Макаревичъ и Анна Розенштейнъ отправились въ Россію, а остальные переселились во Францію, и всѣ занялись практическимъ изученіемъ сельскаго хозяйства. Въ іюнѣ 1873 г. Трудницкій вернулся въ Россію и поселился въ своемъ имѣніи, куда въ сентябрѣ пріѣхалъ къ нему Николай Жебуневъ и настоялъ на продажѣ имѣнія, съ тѣмъ чтобы купить отдѣльные, небольшіе участки земли и завести на нихъ образцовое хозяйство. Съ цѣлью покупки такихъ участковъ, Трудницкій, Николай Жебуневъ и чиновникъ Екатеринославской Контрольной Палаты Константинъ Ивановъ отправились путешествовать по Саратовской и Самарской губерніямъ, но подходящихъ земель имъ найти не удалось, вслѣдствіе чего Николай Жебуневъ поѣхалъ обратно за границу, а Трудницкій поселился въ гор. Воронежѣ. Въ ноябрѣ 1873 г. къ Трудницкому пріѣхали Сергѣй Жебуневъ и Кобіевъ и объявили, что кружокъ радикально измѣнилъ свои убѣжденія и, прійдя къ заключенію, что только посредствомъ революціи можно достигнуть какихъ-либо результатовъ, перешелъ съ пути мирнаго прогресса на путь революціонный. Сообщивъ такое

извѣстіе Трудницкому и предложивъ ему внести его книги въ общую библіотеку кружка (для чего ихъ надлежало отправить въ Харьковъ къ Надеждѣ Леонтьевой, что Трудницкимъ и было исполнено), Сергѣй Жебуневъ и Кобіевъ отправились въ Москву, чтобы повидаться съ нѣкоторыми студентами Петровской академіи, отличавшимися революціоннымъ направленіемъ, и съ цѣлью войти въ сношенія съ другими революціонными кружками. Въ томъ же ноябрѣ въ гор. Кіевѣ состоялся съѣздъ членовъ кружка для совѣщаній относительно предстоящей дѣятельности; на этомъ съѣздѣ присутствовали, кромѣ Трудницкаго: Сергѣй Жебуневъ, Кобіевъ, Владиміръ Жебуневъ съ женою—Маріею Блиновой и сельскіе учители: австрійскій подданный Андрей Франжоли и мѣщанинъ Михаилъ Кацъ; Николай Жебуневъ, не явившійся лично, прислалъ письмо, въ которомъ излагалъ свои соображенія объ организаціи тайнаго сообщества. На этомъ съѣздѣ Сергѣй Жебуневъ и Кобіевъ сообщили, что изъ московскихъ дѣятелей къ нимъ присоединился Фроленко, студентъ Петровской академіи, агитирующій уже въ средѣ фабричныхъ рабочихъ, а Владиміръ Жебуневъ передалъ Трудницкому о своемъ намѣреніи предложить на обсужденіе вопросъ: не слѣдуетъ ли обществу войти въ сношеніе съ разбойничьими и воровскими шайками, чтобы съ ихъ помощью добывать матеріальныя средства, нужныя на покупку и печатаніе запрещенныхъ книгъ. Совѣщанія членовъ кружка привели къ рѣшенію: произвести революцію, но не регулировать ее, а предоставить народу полную автономію; результатомъ переустройства существующаго политическаго и соціальнаго строя долженъ былъ быть федеральный союзъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга сельскихъ общинъ, не управляемыхъ никакими общими законами или представительными собраніями, т.-е. анархія. Лучшимъ способомъ веденія революціонной пропаганды была признана вербовка агитаторовъ изъ среды самого народа, причемъ была выработана слѣдующая программа дѣйствій: *а*) группами разселиться по Россіи; *б*) организація должна быть вполнѣ федеральная; *в*) не составлять никакого общества подобнаго *нечаевцамъ*, не писать уставовъ, правилъ, программъ и т. п.; *г*) войти въ сношенія съ другими кружками революціонеровъ для передачи книгъ, брошюръ, прокламацій и для взаимной поддержки; *д*) не вести между собою переписки о революціонномъ дѣлѣ; *е*) не дѣйствовать на массу; *ж*) если же кто будетъ сельскимъ учителемъ, то не дѣйствовать въ школѣ и вообще гдѣ бы то ни было публично на массу, а быть по наружности вполнѣ благонамѣреннымъ; *з*) въ отношеніи религіи, обрядовъ, приличій и пр. не нарушать существующихъ понятій; *и*) о Царѣ крестьянамъ ничего худого не говорить; *к*) дѣйствовать путемъ разговоровъ съ отдѣльными личностями, находить въ селахъ людей протестующихъ и обращать ихъ въ революціонеровъ; *л*) знакомить и соединять такія личности для того, чтобы въ случаѣ возстанія поднялось разомъ много селъ, и *м*) въ городахъ дѣйствовать на артели, пропагандируя возстаніе подъ видомъ обученія грамотѣ.

Такимъ образомъ кружокъ Жебуневыхъ поставилъ себѣ задачей осуществленіе идей, проповѣдуемыхъ Бакунинымъ, причемъ и въ образѣ своихъ дѣйствій рѣшилъ слѣдовать тѣмъ правиламъ и указаніямъ, которыя преподаются русскимъ революціонерамъ въ книгѣ *Государственность* и *Анархія*.

Послѣ вышеуказаннаго съѣзда, члены кружка разъѣхались, по удостовѣренію Трудницкаго, съ цѣлью заняться подготовленіемъ революціи. Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Трудницкій и Кацъ поселились въ Конотопскомъ уѣздѣ; Владиміръ Жебуневъ (раньше другихъ) и Кацъ получили чрезъ Якова Стефановича мѣста сельскихъ учителей, первый въ селѣ Дептовкѣ, а второй въ селѣ Кошарахъ; затѣмъ Кацъ перешелъ въ село Великій-Самборъ, а его мѣсто въ Кошарахъ занялъ, по рекомендація того же Стефановича, Трудницкій, помощникомъ у котораго былъ Сергѣй Жебуневъ; Андрей Франжоли занялъ мѣсто сельскаго учителя въ селѣ Фастовцахъ, Борзенскаго уѣзда, а Николай Жебуневъ и Макаревичъ съ женами, а также Кобіевъ, отправились въ Одессу, гдѣ затѣмъ Николаемъ Жебуневымъ и была устроена кузница.

Поселившіеся въ Конотопскомъ уѣздѣ Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Кацъ и Трудницкій, какъ это видно изъ ихъ собственныхъ показаній, часто посѣщали другъ друга, и къ нимъ приходилъ изъ села Фастовца и Франжоли, что удостовѣряется показаніями какъ Владиміра Жебунева, такъ и самого Франжоли, а къ Кацу, въ Великій-Самборъ, пріѣзжала, по показанію квартирнаго хозяина Каца, дня на три какая-то дама, по объясненію Владиміра Жебунева и Трудницкаго, Анна Макаревичъ. Всѣ эти лица, приводя въ исполненіе

постановленія кіевскаго съѣзда, занялись пропагандою, дѣйствуя, по показанію Трудницкаго, очень осторожно и стараясь казаться вполнѣ благонадежными, вслѣдствіе чего только въ отношеніи Сергѣя Жебунева и Каца, и то лишь отчасти, могло быть обнаружено, въ чемъ именно состояла ихъ агитаторская дѣятельность.

Сергѣй Жебуневъ, уѣзжавшій изъ Кошаръ на время праздниковъ Св. Пасхи въ Одессу, вернулся съ цѣлымъ запасомъ революціонныхъ книгъ, которыя, по словамъ Трудницкаго, и роздалъ брату Владиміру, Кацу и крестьянину Александру Стрѣльцу, что подтвердилъ и сей послѣдній, объяснивъ, что получилъ отъ Сергѣя Жебунева книги: *Исторію одного французскаго крестьянина*, *О мученикѣ Николаѣ*, *Сборникъ пѣсенъ и стиховъ* и брошюру *Чтой-то, братцы*. Передавая означенныя книги Стрѣльцу, Сергѣй Жебуневъ совѣтовалъ ему списать брошюру *Чтой-то, братцы*, чтобы лучше ее усвоить, и передавать другимъ; по совѣту того же Сергѣя Жебунева, Стрѣлецъ передавалъ затѣмъ имѣвшіяся у него книги крестьянину Харитону Панибратцу, который часто посѣщалъ кошарскихъ учителей. Не ограничиваясь раздачею книгъ, Сергѣй Жебуневъ велъ и словесную пропаганду; такъ, по показанію Стрѣльца, онъ говорилъ ему и другимъ „хлопцамъ", что всѣ должны быть равны, что надо идти на пановъ, побить ихъ и раздѣлить ихъ земли, послѣ чего можно будетъ обойтись и безъ Царя; по указаніямъ того же Сергѣя Жебунева и отчасти съ его словъ, Стрѣлецъ написалъ найденные у него при обыскѣ: *Разсказъ о бывшихъ въ 1861 и 1868 гг. возмущеніяхъ крестьянъ въ селѣ Кошарахъ* и два воззванія, изъ которыхъ одно подъ заглавіемъ: *Птицы съ желѣзными носами*, что, по разъясненію, данному Сергѣемъ Жебуневымъ Стрѣльцу, должно было означать „пановъ".

Кацъ въ селѣ Великомъ-Самборѣ познакомился съ фельдшеромъ Семеновымъ, который, бывая у Каца довольно часто, встрѣчался у него съ Сергѣемъ Жебуневымъ и Стефановичемъ, а также съ крестьяниномъ Панибратцомъ. У Каца Семеновъ видѣлъ книги: *Впередъ*, *Исторію одного крестьянина* и *О мученикѣ Николаѣ*, изъ которыхъ послѣднюю Кацъ читалъ Семенову. Кромѣ означенныхъ книгъ, у Каца была еще книга *Стенька Разинъ*, которую видѣлъ квартирный хозяинъ Каца, передавшій сему послѣднему отъ учителя села Дептовки (Владиміра Жебунева) какую-то записку, написанную непонятными буквами.

Посѣщая агитаторовъ, поселившихся въ Конотопскомъ уѣздѣ, Стефановичъ и Франжоли, по удостовѣренію Трудницкаго, побуждали своихъ единомышленниковъ къ болѣе энергическому образу дѣйствій. Стефановичъ доказывалъ необходимость прямо идти въ народъ, запасшись фальшивыми крестьянскими паспортами и изучивъ какое-нибудь ремесло, а Франжоли объяснялъ свою неудачу на поприщѣ пропаганды непригодностью для этого дѣла должности сельскаго учителя, какъ препятствующей отчасти сближенію съ народомъ. Подъ вліяніемъ такихъ разсужденій, а также опасенія быть выданными Трудницкимъ, который уговаривалъ своихъ товарищей бросить задуманное дѣло, Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Кацъ и Франжоли, сожгли бывшія у нихъ революціонныя книги и уличавшую ихъ переписку и разъѣхались въ разныя стороны: Сергѣй Жебуневъ и Франжоли поѣхали въ Одессу, куда прибылъ и Кацъ, побывавъ сначала въ Кіевѣ, гдѣ онъ подъ именемъ Михайлова, посѣщалъ, по удостовѣренію Ларіонова, коммуну въ домѣ Лемпнскаго, а Владиміръ Жебуневъ уѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ, по собственному его показанію, поступилъ рабочимъ къ сапожнику Пенцишевскому, имѣя въ виду открыть впослѣдствіи сапожную мастерскую.

Владиміръ Жебуневъ былъ задержанъ въ Харьковѣ, причемъ у него было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, а также сочиненія Прудона, Лассаля и т. п.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ Владиміра Жебунева, лѣтомъ 1874 г. весь кружокъ оказался въ сборѣ въ городѣ Одессѣ.

Какъ было сказано выше, Николай Жебуневъ съ женою, тотчасъ послѣ кіевскаго съѣзда, поселились въ Одессѣ, гдѣ уже съ сентября 1873 г. жилъ Петръ Макаревичъ съ женою. Николай Жебуневъ работалъ сначала въ слесарномъ заведеніи Рыхлицкаго, а затѣмъ открылъ свою собственную кузницу, въ которой работали перешедшіе къ нему отъ Рыхлицкаго—рядовой Августъ Шрейдеръ и сынъ дворянина Юрій Крыжановскій, и которая 15-го іюня была перенесена въ село Васильевку, находящееся въ 60 верстахъ отъ Одессы. Макаревичъ обучался сапожному мастерству и жилъ одно время на одной квартирѣ съ бывшимъ студентомъ Самуиломъ Чудновскимъ, съ которымъ и занимался ввозомъ въ

Россію изъ-за границы революціонныхъ книгъ, а въ іюнѣ поселился вмѣстѣ съ Франжоли у сапожнаго мастера Свѣчинскаго; у Макаревича проживалъ, кромѣ того, одно время дворянинъ Александръ Костюринъ, какъ это видно изъ показанія сего послѣдняго.

Юрій Крыжановскій и Александръ Костюринъ, спрошенные при дознаніи о дѣятельности Николая Жебунева и Петра Макаревича, дали первоначально уклончивыя показанія, но затѣмъ пожелали открыть истину и объяснили слѣдующее:

Александръ Костюринъ лѣтомъ 1874 г., чрезъ посредство брата своего Виктора Костюрина, жившаго съ Андреемъ Франжоли, познакомился съ симъ послѣднимъ, у котораго встрѣчался затѣмъ съ бывшимъ студентомъ Петровской академіи, крестьяниномъ Иваномъ Павловымъ Степюшкинымъ. По рекомендаціи Степюшкина, Костюринъ поступилъ ученикомъ въ кузницу Николая Жебунева, у котораго видѣлъ много запрещенныхъ книгъ, какъ-то: *Пѣсенникъ*, *Сказку о четырехъ братьяхъ*, *Государственность и Анархія*, *Историческое развитіе интернаціонала* и др., а затѣмъ, когда у него заболѣла нога, перешелъ на жительство въ общую квартиру Франжоли и Макаревича. Въ кузницѣ Жебунева велись разговоры о томъ, какъ идти въ народъ, причемъ Николай Жебуневъ передавалъ, что двое рабочихъ, Василій и Иванъ, къ которымъ онъ ходилъ, уѣхали на родину въ Курскую губернію, гдѣ и должны были заниматься пропагандой, для чего и были снабжены надлежащими книгами. Этихъ рабочихъ, Василія и Ивана, Костюринъ встрѣчалъ и у Франжоли, общую квартиру котораго съ Макаревичемъ посѣщали Феликсъ Волховской, Леонидъ Голиковъ, Николай и Сергѣй Жебуневы, Иванъ Глушковъ, Кацъ, Леонидъ Дическуло и какой-то Вильгельмъ (Лонганесъ), изъ которыхъ двое послѣднихъ лѣтомъ 1874 г. уѣхали въ Екатеринославскую губернію и поселились на границѣ ея съ Полтавскою губерніей. Всѣ вышепоименованныя лица, сходясь въ квартирѣ Макаревича и Франжоли, почти всегда разговаривали объ одномъ предметѣ, а именно: о мѣрахъ къ скорѣйшему возбужденію возстанія: изъ разговоровъ же этихъ лицъ Костюринъ узналъ, что у многихъ зарождается мысль объ организаціи вооруженнаго сопротивленія жандармамъ во время арестовъ, причемъ высказывалось, что какъ арестъ Богомолова не мѣшалъ пугачевскому бунту, такъ и теперешніе аресты не помѣшаютъ возстанію. Проживая у Макаревича, Костюринъ видѣлъ, что Макаревичъ употреблялъ въ своей перепискѣ шифръ, основанный на двухъ стихотвореніяхъ: „Птичка Божія не знаетъ“ и „По синимъ волнамъ океана“; впослѣдствіи же, когда Франжоли уѣхалъ обратно въ Фастовцы, Макаревичъ далъ Костюрину порученіе съѣздить къ Франжоли и предупредить его о грозившей ему опасности быть арестованнымъ, причемъ снабдилъ Костюрина деньгами на проѣздъ въ Фастовцы, объяснивъ, что на обратный путь деньги будутъ даны въ Кіевѣ Лурье, къ которому и поручилъ Костюрину заѣхать. Костюринъ пріѣхалъ однако въ Фастовцы уже послѣ ареста Франжоли, а затѣмъ былъ и самъ арестованъ въ Кіевѣ и отправленъ въ Нѣжинъ, причемъ во время слѣдованія въ этотъ послѣдній городъ имѣлъ съ Дробышевскимъ разговоръ о Бенецкомъ, сущность котораго уже была изложена выше.

Юрій Крыжановскій перешелъ въ кузницу Жебунева изъ слесарнаго заведенія Рыхлицкаго не задолго до Пасхи 1874 г. по уговору Леонида Дическуло, посѣщавшаго лишь изрѣдка Николая Жебунева, потому, какъ онъ говорилъ, что, состоя подъ надзоромъ полиціи, боялся частыми посѣщеніями навлечь подозрѣніе полиціи на кузницу. При поступленіи Крыжановскаго въ кузницу Жебунева, въ ней работали Августъ Шрейдеръ, Иванъ Павловъ (Степюшкинъ) и какой-то плотникъ Павло, который, впрочемъ, въ скоромъ времени скрылся, укравъ 125 р. с.; кромѣ того, одно время работалъ въ кузницѣ въ качествѣ ученика молодой человѣкъ по имени Александръ Костюринъ. Сначала Николай Жебуневъ велъ себя очень осторожно, и лишь впослѣдствіи, когда перестали стѣсняться Крыжановскаго, сей послѣдній понялъ, что Николай Жебуневъ занимался распространеніемъ преступнаго содержанія книгъ и пропагандою въ народѣ революціонныхъ идей.

Весною Дическуло отправился на работу въ Евпаторію съ цѣлью пріискать подлежащихъ людей для пропаганды, а по возвращеніи разсказывалъ Николаю Жебуневу, что крымскіе татары—люди весьма пригодные для революціоннаго дѣла, и что ему удалось устроить въ самой Евпаторіи бунтъ между рабочими, возбудить ихъ противъ хозяина, который заставлялъ ихъ работать слишкомъ долго. Лѣтомъ 1874 г. Дическуло получилъ отъ кого-то 1.000 р. сер., изъ коихъ далъ часть Николаю Жебуневу, а остальныя оставилъ у

себя съ цѣлью завести мастерскую, которая впослѣдствіи и была имъ открыта въ какой-то деревнѣ. Въ срединѣ лѣта Николай Жебуневъ перенесъ свою кузницу въ село Васильевку, гдѣ его посѣщали Сергѣй Жебуневъ и Иванъ Глушковъ, братъ жены Николая Жебунева, проживавшіе нѣкоторое время у Жебунева въ Одессѣ. У Николая Жебунева онъ видѣлъ Макаревича съ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ и какую-то одѣвавшуюся въ крестьянское платье дѣвицу Елену, 16 лѣтъ, которая разсказывала что отъ мужиковъ нельзя ожидать толку, потому что „станешь говорить имъ про дѣло, а они лѣзутъ обниматься". Николай Жебуневъ и посѣщавшія его лица давали Крыжановскому читать *Сказку о четырехъ братьяхъ*, *Впередъ*, *Пѣсенникъ*, *Стеньку Разина*, *Исторію французскаго крестьянина*, *Сила солому ломитъ* и другія книги. Эти книги хранились подъ поломъ, а приносилъ ихъ Макаревичъ. Послѣдній, а также жена его, уговаривали Крыжановскаго раздавать книги другимъ, причемъ Макаревичъ говорилъ, что и самъ распространяетъ книги, но между „болѣе благородными лицами", такъ какъ простымъ людямъ ему раздавать книги неудобно, потому что онъ хорошо одѣвался. Къ Макаревичу, какъ извѣстно Крыжановскому, ходило много „благородныхъ"; самъ онъ былъ у него только разъ съ Николаемъ и Сергѣемъ Жебуневыми, Кацемъ, Глушковымъ и Стенюшкинымъ и видѣлъ у Макаревича Александра, у котораго болѣла нога. Кромѣ означенныхъ лицъ, у Николая Жебунева по воскресеньямъ бывали простые рабочіе, которымъ онъ читалъ запрещенныя книги и давалъ читать таковыя на домъ; независимо отъ сего, Жебуневъ раздавалъ книги въ артеляхъ, но дѣло это шло неуспѣшно, и онъ роздалъ такимъ образомъ не болѣе 20 книгъ.

Переѣзжая съ кузницей въ село Васильевку, Николай Жебуневъ взялъ съ собой и революціонныя книги; когда же въ Васильевку пріѣхалъ Сергѣй Жебуневъ и сообщилъ объ арестѣ брата Владиміра, то книги были уложены въ мѣшокъ и отвезены Крыжановскимъ въ Одессу къ Сергѣю Жебуневу, который ихъ взялъ и съ ними куда-то ушелъ. Отъ Сергѣя Жебунева Крыжановскій слышалъ что онъ былъ учителемъ въ какой-то деревнѣ, гдѣ и подготовилъ одного парня къ ихъ дѣлу; въ то время, когда онъ былъ учителемъ, Сергѣй Жебуневъ, какъ слышалъ Крыжановскій, былъ въ компаніи съ Кацемъ, и заодно съ братьями Жебуневыми дѣйствовалъ какой-то Трудницкій. У Александра (Костюрина), работавшаго въ кузницѣ Николая Жебунева, а потомъ, когда у него болѣла нога, жившаго у Макаревича, былъ братъ Викторъ, бывшій студентъ Новороссійскаго университета, о которомъ рабочій Павло разсказывалъ Крыжановскому что онъ посѣщалъ артели рабочихъ и обучалъ ихъ тому же дѣлу, что́ и Жебуневъ, но обученіе его шло плохо. Содержась подъ стражею, Крыжановскому пришлось однажды, по недостатку отдѣльныхъ камеръ, ночевать въ одной камерѣ съ Глушковымъ, который разсказалъ ему, что Николай Жебуневъ уѣхалъ съ женою въ Англію, успѣвъ скрыться благодаря полученному отъ Ивана Павлова (Стенюшкина) извѣщенію о грозившемъ ему арестѣ.

Хотя Крыжановскій при слѣдствіи остался неспрошеннымъ за неразысканіемъ его, а Александръ Костюринъ впослѣдствіи отъ своего показанія отказался, тѣмъ не менѣе правдивость вышеизложенныхъ показаній означенныхъ лицъ не можетъ подлежать сомнѣнію, въ виду подтвержденія, которое эти показанія находятъ въ нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ дѣла.

По объясненіямъ Трудницкаго, даннымъ при дознаніи и слѣдствіи, въ Одессѣ существовалъ особый революціонный кружокъ, главою котораго былъ Волховской; кружокъ этотъ имѣлъ сношенія съ кружкомъ Жебуневыхъ, и къ нему принадлежалъ также дворянинъ Леонидъ Голиковъ.

Волховской и Голиковъ, привлекавшіеся къ дѣлу Нечаева, какъ выяснилось по дѣлу, дѣйствительно проживали въ Одессѣ и были между собою знакомы; Волховской, отказавшійся представить какія-либо объясненія, принадлежалъ также, какъ изложено выше, къ революціонному кружку Чайковскаго, имѣлъ сношенія съ Ѳеофаномъ Лермонтовымъ и былъ знакомъ, какъ это доказано слѣдствіемъ, съ Викторомъ Костюринымъ; у Голикова же, объяснившаго, что онъ, кромѣ Волховского, вовсе не знаетъ лицъ, принадлежавшихъ къ Одесскому кружку, были найдены фотографическія карточки Виктора Костюрина, Леонида Дическуло и Вильгельма Лонганса, а также неоконченная исповѣдь, въ которой Голиковъ, высказывая свое желаніе быть полезнымъ обществу, такъ какъ онъ не можетъ остаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ народа, вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ встрѣченныя имъ затруд-

непія при выборѣ дѣятельности, которая дала бы ему возможность принести наибольшую пользу и помощь народу.

Сергѣй Жебуневъ, Кацъ и Глушковъ жили вмѣстѣ на одной квартирѣ и занимались, первые двое — бондарнымъ, а послѣдній — столярнымъ ремесломъ. Изъ этихъ лицъ, Кацъ признавалъ, что у него были книги: *Стенька Разинъ*, а также *Исторія французскаго крестьянина. Впередъ* и *О мученикѣ Николаѣ*, каковыя книги онъ получилъ, по его словамъ, отъ Трудницкаго и сжегъ, не давая ихъ читать никому, а Глушковъ объяснилъ, что пріѣхалъ лѣтомъ 1874 г. въ Одессу, чтобы повидаться съ сестрою Зинаидою, женою Николая Жебунева. Глушковъ, какъ было указано выше, находился въ сношеніяхъ съ Даниловымъ, который и адресовалъ на имя Глушкова отобранное у него въ Ахалкалакахъ письмо, составляющее какъ бы отчетъ о революціонной дѣятельности Данилова на Кавказѣ, а Михаилъ Кацъ посѣщалъ подъ именемъ Михайлова въ гор. Кіевѣ коммуну въ домѣ Леминскаго, какъ это видно изъ показанія Ларіонова.

Андрей Франжоли, по собственному его показанію, проживалъ съ начала мая по 25-е іюня въ квартирѣ Макаревича, вмѣстѣ съ которымъ, какъ это доказано свидѣтельскими показаніями, и обучался сапожному ремеслу въ мастерской Свѣчинскаго. По обыску, произведенному у Франжоли въ Фастовцахъ, было найдено нѣсколько книгъ съ фамиліями Макаревича и Трезвинскаго, а также три письма, написанныя Франжоли, изъ которыхъ одно на имя Лурье въ Кіевъ, другое на имя Дубинина въ Одессу, а третье безъ конверта и адреса, начинающееся словами Витька. Въ означенныхъ письмахъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: а) въ письмѣ Дубинину: „Петро! Наканунѣ полученія отъ васъ письма, я послалъ вамъ письмо на адресъ старой квартиры... въ немъ я просилъ объ адресѣ Витьки, о вашемъ и всѣхъ знакомыхъ здоровьѣ;—ваше молчаніе на Анины письма смущало меня.... ужасно не хорошо, что у васъ много новостей, но не прибавляйте худыхъ ли, хорошихъ ли, или безразличныхъ.... пришлите мнѣ отложенныя книги. Пиши, получено ли первое письмо и что второе, меня смущаетъ слово „судебная“ на этомъ адресѣ.... Пиши о вашемъ здоровьѣ и о вашихъ новостяхъ, но помни, что я нездоровъ, и въ письмѣ будь остороженъ, рѣзкости меня тревожатъ. Виктора адресъ не забудь прислать. Сашкѣ на третій день пріѣзда сюда послалъ письмо въ Умань, чтобъ она или ѣхала сюда, или послала документы съ прошеніемъ въ училищный совѣтъ въ Борзенскую уѣздную управу, и мѣсто ей хорошее выбралъ, да отъ нея ни слуху, ни духу, напиши, что тебѣ извѣстно о ней. О ногѣ Александра напиши ....“; б) въ письмѣ къ Лурье: „Семенъ! вы вѣроятно получили чрезъ долговязаго господина лично или по почтѣ записочку о моей болѣзни, мнѣ такъ совѣстно что я ее написалъ.... но потомъ, раздумавъ, рѣшилъ не придавать никакого значенія всѣмъ толкамъ о моей болѣзни; я надѣюсь ее вынести безъ всякихъ сильныхъ потрясеній, даже надѣюсь обойтись безъ перемѣны климата и мѣстности, и не глупа ли послѣ этого, скажите, моя записка..... Если вы увѣдомили Аню и Петро о моей болѣзни, напишите имъ еще разъ, чтобъ они не безпокоились, что это просто плевка не стоитъ....“; в) въ письмѣ къ Витькѣ: „Предъ отъѣздомъ видѣлся съ Николаемъ.... мнѣ кажется, что ты сдѣлаешь и глупость, и подлость, если, желая загладить свое бездѣлье, задумаешь добыть результаты; ты ихъ не добудешь, а себя израсходуешь. Мы уже съ тобою говорили о невозможности добыть результаты; ты согласился, что твоя роль будетъ наблюдательная...... я такъ былъ возбужденъ послѣднимъ положеніемъ дѣлъ, что когда ко всему присоединился отъѣздъ твой и Ан., въ особенности Ани“.... Независимо отъ сего, уже послѣ ареста Франжоли, на его имя были получены изъ Одессы два письма слѣдующаго содержанія: первое—„ ..... а наша тетушка Евфросинья Петровна такъ опасно заболѣла, что ее вчера отвезли въ Москву, понимаешь ли чѣмъ это пахнетъ, перенесетъ ли она такое путешествіе; мы же пока, слава Богу, здоровы, хотя погода здѣсь теперь стала что-то несовсѣмъ хорошая, да и не у насъ однихъ; вонъ пишутъ, что и въ Крыму стала тоже плохая погода. Леонидъ и Колька недавно были у меня, они здоровы и у нихъ все хорошо, отправились на мѣсто, а Нѣмецъ теперь у меня сидитъ и тебѣ поклонъ шлетъ. Отъ Витьки очень часто получаю письма. Онъ пока еще на правахъ больного. Вотъ его адресъ: Его высоко. Павлу Андреевичу Плашко, городъ тебѣ извѣстенъ, а внутри конверта передать Виктору. Отъ Сашки ни слова; я не понимаю, что бы это значило. Я ей тоже писалъ. Иванъ Ѳедоровичъ кланяется тебѣ, онъ здоровъ..., деньги отъ матери Ани получены.... посылаю тебѣ адресъ: въ Одессу, въ судебную палату,

его высокоблагородію Василію Ивановичу Дубинину, прошу передать Ѳедору Леонтьевичу. Витька пишетъ (сейчасъ получилъ письмо)..... вещи отправилъ, но только въ Кіевъ, потому что на Плиски не приняли, въ Кіевъ же я послалъ квитанцію къ Семену; и прошу его сейчасъ же отправить вещи на станцію Плиски, а квитанцію тебѣ..... Кромѣ сообщенныхъ новостей, есть и другія интересныя, которыя сообщу тогда, когда пришлешь хорошій адресъ, хотя для одного или двухъ писемъ....“—Письмо это помѣчено 17-мъ августа. Второе— ....извѣщали ли васъ, что Евфросинья Петровна заболѣла и даже очень. Вчера мнѣ говорили, что будто ищутъ Ольгу Р........, но, можетъ-быть, это еще невѣрно. Послѣднее извѣстіе отъ нея получилъ изъ Москвы, будетъ уже мѣсяцъ. Теперь же не знаю, гдѣ она. Полагаю что въ Х..... Леонидъ здравствуетъ. Теперь еще не имѣю адреса чтобы вамъ выслать. Постараюсь приготовить его къ слѣдующему письму, которое ждите недѣли черезъ полторы. Самъ я пробуду въ О.... мѣсяцъ, два...... Вѣроятно, до тѣхъ поръ соберется много новостей“.

Франжоли призналъ, что отобранныя у него при обыскѣ письма писаны имъ, и объяснилъ, что „Петро“—это Макаревичъ, „Аня“—жена Макаревича, „долговязый господинъ“—Трезвинскій, „Семенъ“—Лурье и „Витька“—Викторъ Костюринъ; относительно же писемъ полученныхъ послѣ его ареста, Франжоли объяснилъ, что письмо отъ 17 августа писано Макаревичемъ, что „Евфросинья Петровна“—одна знакомая его дама, фамилію которой онъ забылъ, и что кѣмъ писано второе письмо — ему неизвѣстно.

Между тѣмъ изъ дѣла видно, что именно въ то время, когда было написано къ Франжоли письмо, извѣщавшее его о болѣзни и отправкѣ въ Москву Евфросиньи Петровны, былъ арестованъ въ Одессѣ и отправленъ въ Москву Феликсъ Волховской.

Макаревичъ, признавая, что письмо отъ 17-го августа писано имъ, отказался дать по содержанію онаго какія-либо объясненія, а Франжоли пояснилъ, что всѣ вышеизложенныя письма содержатъ лишь простой обмѣнъ его мыслей съ людьми ему близкими.

По объясненію же Александра Костюрина, данному при дознаніи, тѣ мѣста въ письмѣ отъ 17-го августа, написанномъ Макаревичемъ еще до отъѣзда его, Александра Костюрина, изъ Одессы, гдѣ говорится о болѣзни и здоровьи разныхъ лицъ, а также о погодѣ въ Одессѣ и Крыму, имѣли цѣлью охарактеризовать отношенія упоминаемыхъ въ письмѣ лицъ къ производившемуся уже въ то время дознанію, а также—дѣятельность лицъ, производившихъ таковое; упоминаемыя въ письмѣ имена означаютъ: „Леонидъ“—Дическуло, „Колька“—Маккавѣева, „Нѣмецъ“ — Вильгельма (фамиліи котораго Александръ Костюринъ не зналъ и который оказался Лонгансомъ), „Саша“— Александру Охременко, занимавшую должность сельской учительницы въ Черноостровѣ, и „Ольга Р.....“—дѣвицу Разумовскую.

Такое объясненіе Александра Костюрина, вполнѣ согласное съ обстоятельствами дѣла, находитъ себѣ подтвержденіе въ объясненіи Трудницкаго о томъ, что употреблявшіяся агитаторами въ перепискѣ выраженія: „заболѣлъ“, „дѣла идутъ хорошо“ и т. д. означали аресты, пропаганду и отношенія властей къ пропагандистамъ.

Франжоли, принадлежа къ Одесскому революціонному кружку и имѣя сношенія съ кіевскою коммуной, находился кромѣ сего въ сношеніяхъ и съ петербургскими агитаторами, что видно изъ шифрованнаго письма Сидорацкой (Ободовской), подписаннаго „Раскольникова“ и адресованнаго, по всей вѣроятности, къ Александру Осипову Лукашевичу; въ этомъ письмѣ Сидорацкая писала: „вотъ адресъ Франжоли: станція Кіево-Курской желѣзной дороги Плиски. Андрею Франжоли. Шифромъ не пишите ему въ Одессу. Оказывается—это лучшая, живая, нравственная сила; для него существуетъ одно насущное дѣло, и онъ не можетъ вовсе по жизненной натурѣ своей увлекаться разсчетами какого бы то ни было калибра“. Независимо отъ сего, сношенія Франжоли съ Лукашевичемъ подтверждаются еще слѣдующею отмѣткой, оказавшеюся въ отобранной у Франжоли записной книжкѣ: „Лук. Екатерингофской проспектъ, домъ Яковлева, квар. № 5“. Лукашевичъ, какъ видно изъ приложенной къ дѣлу справки, проживалъ въ домѣ Яковлева съ 23 сентября по 25 декабря 1873 года.

По показанію Макаревича и Франжоли, нѣкоторое время въ ихъ квартирѣ проживали Александръ и Викторъ Костюрины; кромѣ сего, квартиру Макаревича посѣщало почти ежедневно, по удостовѣренію проживавшей рядомъ съ Макаревичемъ свидѣтельницы Соляниковой, много молодыхъ людей, повидимому образованныхъ, но изъ коихъ нѣкоторые были одѣты мастеровыми и носили съ собою разные инструменты; обыкновенно собиралось человѣкъ пять-шесть, а раза три или четыре было такъ, что собралось въ квартирѣ Макаревича

человѣкъ до пятнадцати; въ числѣ посѣщавшихъ Макаревича лицъ были и женщины, изъ которыхъ одна приходила, какъ замѣтила Соляникова, утромъ — одѣтая какъ горничная, а вечеромъ—барыней; во время таких собраній, несмотря на присутствіе многихъ лицъ, въ квартирѣ Макаревича бывала всегда такая тишина, точно въ ней никого не было; вообще поведеніе Макаревича и приходившихъ къ нему лицъ произвело на Соляникову такое впечатлѣніе, что у нея родилась мысль, не занимаются ли всѣ эти лица въ квартирѣ Макаревича „поддѣлкою фальшивыхъ ассигнацій". Въ числѣ лицъ, приходившихъ къ Макаревичу, былъ нѣкто Желябовъ, фамилію котораго Соляникова слышала нѣсколько разъ.

Отъ означеннаго Желябова было получено въ Петербургѣ, въ октябрѣ 1874 г., на имя студента Технологическаго Института Рафаила Казбека шифрованное письмо, подлежавшее передачѣ Аннѣ Макаревичъ, какъ это удостовѣрилъ самъ Желябовъ. По разборѣ шифра, которымъ было писано упомянутое письмо, оно оказалось слѣдующаго содержанія: „въ дополненіе ко всему сказанному пріѣхавшими, пишу по просьбѣ Петра. Въ Цюрихѣ онъ былъ, Жебуневыхъ зналъ мало, бывалъ рѣдко, изъ-за границы вы возвратились вмѣстѣ. Петръ видѣлъ въ Одессѣ Жебуневыхъ раза два, Трудницкаго, который васъ выдалъ, зналъ мало, Леонида Квятковскаго и Кобіева также мало, объ остальныхъ молчитъ. Пишите, что̀ долженъ онъ сказать о вашей поѣздкѣ въ Конотопъ? На случай вашего ареста, загодя просите своихъ родителей взять васъ на поруки или внести залогъ, предстоитъ такое чудесное предпріятіе что я и этому письму не хочу довѣрить, но для успѣха нужны деньги. Я уже телеграфировалъ въ Кіевъ, не знаю вышлютъ ли. Если вы богаты, спѣшите сдѣлать переводъ ста руб. на контору Мааса въ Одессѣ. Дѣло спѣшное! Если будете высылать, то пришлите извѣщеніе телеграммой на имя Шестаковскаго, въ Коммерческое училище, учителю. Бѣда, нашъ прежній адресъ пересталъ служить. Я уговорилъ одну барыню дать свой адресъ на три недѣли, пишите: Одесса, Ланжероновскій переулокъ, въ складъ швейныхъ машинъ Цорна, Евгеніи Петровнѣ. Ищу новаго адреса, найдя напишу. На внутреннемъ конвертѣ ничего". Несмотря на показаніе Соляниковой, крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ, исключенный изъ Новороссійскаго университета за участіе въ безпорядкахъ 1872 года, отвергая свое знакомство съ Петромъ Макаревичемъ и другими лицами, принадлежавшими къ одесскому кружку, объяснилъ, что зналъ лишь одну Анну Розенштейнъ (Макаревичъ), которую встрѣчалъ нѣсколько разъ на улицѣ въ гор. Одессѣ и которой написалъ изложенное выше письмо по просьбѣ неизвѣстнаго лица, передавшаго ему шифръ и адресъ Анны Макаревичъ; что же касается „смѣлаго предпріятія", о которомъ упоминается въ письмѣ, то таковое должно было состоять, по словамъ Желябова, въ доставленіи Аннѣ Макаревичъ возможности видѣться съ мужемъ во время прогулки сего послѣдняго.

Евгенія Петровна, на имя которой Желябовъ просилъ адресовать ему письма въ Одессу, оказалась, по собраннымъ свѣдѣніямъ, вдовою поручика Окуньковою, удостовѣрившею при слѣдствіи, что Желябовъ въ сентябрѣ 1874 года просилъ у нея позволенія пользоваться ея адресомъ для любовной переписки, и получилъ чрезъ ея посредство два письма, изъ которыхъ одно было изъ Кишинева, а откуда было другое — ей неизвѣстно, такъ какъ оно было взято Желябовымъ въ ея отсутствіе.

Сынъ поручика Леонидъ Дическуло и прусскій подданный Вильгельмъ Лонгансъ, несомнѣнно принадлежавшіе, по удостовѣренію Александра Костюрина, къ одесскому революціонному кружку, были задержаны въ устроенной ими бондарной мастерской, въ селѣ Попельнастомъ, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, на границѣ Екатеринославской и Полтавской губерній. Означенная мастерская была открыта въ первыхъ числахъ іюня 1874 г. Лонгансомъ, который, назвавшись одесскимъ мѣщаниномъ Мартыномъ Петровымъ, нанялъ бондарнаго мастера крестьянина Ивана Лямина, назначивъ ему жалованье вдвое больше того, что̀ онъ получалъ у стараго хозяина. Лонгансъ, какъ это видно изъ показанія Лямина, былъ хозяиномъ мастерской, а Леонидъ (т.-е. Дическуло) ученикомъ; кромѣ Дическуло былъ еще другой ученикъ Николай (Маккавѣевъ, о которомъ упоминается въ одномъ изъ вышеприведенныхъ писемъ); по словамъ Лямина, никто изъ нихъ бондарнаго ремесла не зналъ, работали они мало и небрежно, отъ чего, при незначительности заказовъ, бондарная приносила убытокъ; Лонгансъ и Дическуло, одѣвшіеся по-простонародному, держали себя съ крестьянами какъ съ равными и въ разговорахъ съ ними указывали на преимущества

жизни въ Америкѣ и на недостатокъ земли у крестьянъ, объясняя послѣднее явленіе избыткомъ земли у „пановъ".

По обыску, произведенному въ бондарнѣ, было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ и довольно значительное количество народныхъ разсказовъ, въ томъ числѣ—*Дѣдушка Егоръ* въ 22-хъ экземплярахъ, а также карты Екатеринославской, Херсонской, Полтавской и Подольской губерній.

Независимо отъ сего, показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей удостовѣрено, что Дическуло, работая въ слесарномъ заведеніи Рыхлицкаго, возбуждалъ рабочихъ противъ хозяина, доказывая, что Рыхлицкій заставляетъ ихъ слишкомъ много работать. Леонидомъ Дическуло, по удостовѣренію Рыхлицкаго, былъ приведенъ къ нему въ заведеніе и Николай Жебуневъ, который, проработавъ лишь одинъ день, открылъ свою кузницу и, при содѣйствіи Дическуло, переманилъ къ себѣ рабочихъ Шрейдера и Крыжановскаго.

Все вышеизложенное, въ связи съ показаніями Трудницкаго и объясненіями, данными при дознаніи Юріемъ Крыжановскимъ и Александромъ Костюринымъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что кружокъ Жебуневыхъ, съ присоединившимися впослѣдствіи къ нему лицами, преслѣдовалъ тѣ же цѣли, что и кіевская коммуна, съ которою онъ имѣлъ весьма близкія сношенія.

Такой, несомнѣнно вытекающій изъ обстоятельствъ дѣла выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ предсмертномъ объясненіи дворянина Георгія Трудницкаго, окончившаго жизнь самоубійствомъ. Въ упомянутомъ объясненіи Трудницкій, подтверждая безусловно всѣ данныя имъ показанія, между прочимъ, пояснилъ слѣдующее: онъ былъ вполнѣ солидаренъ съ кружкомъ до того времени, пока члены его не рѣшили окончательно вызвать въ народѣ возстаніе; съ того же момента, когда онъ убѣдился, что рѣшеніе кружка неизмѣнно, что „рѣзня" только и была у всѣхъ на умѣ, онъ, вполнѣ сознавая весь вредъ, который принесла бы народу революція, разошелся съ кружкомъ и счелъ долгомъ своей совѣсти заявить правительству о планахъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ. Его намѣреніе было—дождаться суда, подтвердить и разъяснить на судѣ свои показанія и затѣмъ лишить себя жизни, такъ какъ исполнивъ то, что онъ считалъ своею обязанностью, онъ тѣмъ не менѣе не могъ перенести мысли, что выдалъ людей, съ которыми дѣйствовалъ сначала заодно; мучимый этою мыслію и тяготясь жизнью, онъ оказался, однако, не въ силахъ дождаться окончанія дѣла.

Трудницкій лишилъ себя жизни весною 1876 г.

Несмотря на все вышеизложенное, задержанные члены одесскаго революціоннаго кружка: Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Франжоли, Макаревичъ, Кацъ, Волховской, Голиковъ, Глушковъ, Дическуло, Лонгансъ, Викторъ Костюринъ и Желябовъ виновными себя ни въ чемъ не признали, прочіе же члены кружка подлежащіе преслѣдованію успѣли скрыться.

Тимоѳей Квятковскій, о которомъ упоминаетъ въ своемъ показаніи Трудницкій, также занялся революціонной пропагандой.

Проживая въ Петербургѣ съ 1869 года, Квятковскій, какъ видно изъ его показаній, былъ знакомъ съ Клеменсомъ, слушалъ лекціи въ университетѣ, затѣмъ перешелъ въ Технологическій институтъ, выйдя изъ котораго, въ началѣ 1873 года, поѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ и сошелся съ Жебуневыми, Макаревичемъ, Кобіевымъ и Трудницкимъ. По возвращеніи въ Петербургъ Квятковскій не прервалъ своихъ сношеній съ Жебуневыми; по его собственнымъ словамъ, лѣтомъ того же года онъ ѣздилъ къ нимъ въ деревню, а въ октябрѣ 1873 года Трудницкій, какъ оказывается изъ показанія даннаго имъ при дознаніи, пріѣзжалъ въ Петербургъ для совѣщанія съ Квятковскимъ, о результатѣ котораго и телеграфировалъ Николаю Жебуневу въ Одессу.

Лѣтомъ 1874 года Тимоѳей Квятковскій появился въ селѣ Хотушахъ, Тульскаго уѣзда, гдѣ и была обнаружена его преступная дѣятельность. Въ означенномъ селѣ существовала артель слесарей, дѣла которой шли очень плохо; о существованіи этой артели и положеніи ея дѣлъ Тимоѳей Квятковскій узналъ случайно, какъ видно изъ его показанія, отъ какого-то рабочаго на Курской желѣзной дорогѣ въ то время, когда онъ, весной 1874 года, проѣзжалъ изъ Петербурга въ деревню къ Жебуневымъ. Въ виду состоявшагося между нимъ и его братомъ Александромъ соглашенія примѣнить на практикѣ ученія соціа-

листовъ объ артеляхъ, Тимоѳей Квятковскій написалъ своему брату въ Петербургъ письмо, въ которомъ предлагалъ воспользоваться представившимся случаемъ и ѣхать въ Хотуши поддерживать артель.

Александръ Квятковскій принялъ предложеніе брата, и въ апрѣлѣ или началѣ мая 1874 года пріѣхалъ въ Хотуши, гдѣ и открылъ слесарную мастерскую, въ которую поступили: пріѣхавшій изъ Петербурга, вышедшій изъ Медико-Хирургической Академіи сынъ купца Иннокентій Павловъ Пьянковъ, помощникъ мѣстнаго сельскаго учителя, сынъ священника Дмитрій Петровъ Соколовъ и нѣсколько человѣкъ рабочихъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1874 г. въ Хотуши пріѣхалъ Тимоѳей Квятковскій, который и принялъ все дѣло въ свое завѣдываніе, а нѣсколько позже пріѣхалъ нѣкто Александръ Антоновичъ, званіе и фамилія котораго остались необнаруженными.

Работа въ мастерской производилась не на артельномъ началѣ, а на основаніяхъ задѣльной платы; всѣ рабочіе и, какъ зовутъ они Квятковскихъ, Пьянкова, Соколова и Александра Антоновича,—хозяева жили вмѣстѣ, причемъ послѣдніе ничѣмъ по образу жизни не отличались отъ рабочихъ и ѣли вмѣстѣ съ ними.

Хозяева желали кормить рабочихъ скоромною пищей въ дни постовъ, уговаривали ихъ ѣсть скоромное и доказывали, что поститься не слѣдуетъ, какъ равно не нужно молиться Богу, въ доказательство чего читали и толковали мѣста изъ Евангелія, взявъ таковое у мѣстнаго священника. Въ бесѣдахъ съ рабочими всѣ обвиняемые говорили имъ, что землю надо силой отобрать у помѣщиковъ, что всѣ должны быть равны между собою, что платить податей не слѣдуетъ, и что царя не надо, а слѣдуетъ государя выбирать на три года и смѣнять его, если это окажется нужнымъ.

Обвиняемые читали рабочимъ въ подтвержденіе таковыхъ мыслей разныя книги, изъ которыхъ свидѣтели, по заглавію, запомнили только *Сказку о четырехъ братьяхъ*; читали и толковали всѣ хозяева, какъ это видно изъ показаній рабочихъ, объяснившихъ также, что хозяева находились съ кѣмъ-то въ перепискѣ и получали письма, писанныя не обыкновеннымъ образомъ, а цифрами.

Первыми уѣхали изъ Хотушъ Александръ Квятковскій и Пьянковъ, затѣмъ уѣхалъ Соколовъ и Тимоѳей Квятковскій, а хозяиномъ остался Александръ Антоновичъ. Послѣ отъѣзда Тимоѳея Квятковскаго, когда Александръ Антоновичъ остался одинъ съ рабочими, то разъ какъ-то, напоивъ всѣхъ рабочихъ пьяными, онъ самъ скрылся изъ Хотушъ. Дѣла мастерской шли плохо, и когда всѣ хозяева скрылись, то имущество мастерской и всѣ инструменты, принадлежавшіе не хозяевамъ, а рабочимъ, были заарестованы мѣстнымъ трактирщикомъ Ѳедюнинымъ за долгъ мастерской по забору харчей, такъ что рабочимъ пришлось выкупать ихъ у Ѳедюнина на свой счетъ. По показанію рабочихъ, участіе ихъ въ мастерской привело ихъ только къ полному разоренію.

Какое значеніе имѣла слесарная, устроенная обвиняемыми, видно изъ показанія свидѣтеля Вознесенскаго, которому Пьянковъ самъ говорилъ, что она была устроена для пропаганды среди рабочихъ новыхъ идей.

Тимоѳей Квятковскій, не отвергая устройства мастерской, деньги на которую были даны имъ и братомъ, виновнымъ себя не призналъ, равно какъ и Пьянковъ и Соколовъ, изъ которыхъ послѣдній былъ задержанъ въ гор. Вильнѣ подъ именемъ студента Кіевскаго университета Тарловскаго.

Тимоѳей Квятковскій, содержась подъ домашнимъ арестомъ въ гор. Тулѣ, бѣжалъ и былъ задержанъ подъ именемъ и со свидѣтельствомъ солдатскаго сына Полякова въ гор. Ковнѣ въ то время, когда онъ покушался пробраться за границу.

Выше сего было указано, что Макаревичъ вмѣстѣ съ Чудновскимъ занимались ввозомъ въ Россію изъ-за границы революціонныхъ книгъ. Такая дѣятельность означенныхъ лицъ была обнаружена слѣдующимъ образомъ:

Староконстантиновскій еврей Мовша Шмулевичъ Сима, содѣйствуя проскуровскому исправнику въ разысканіи лицъ, занимающихся ввозомъ въ Россію черезъ австрійскую границу запрещенныхъ книгъ, вошелъ въ Подволочискѣ въ сношенія съ евреемъ Іос. Эллеромъ (онъ же Канторъ), который и предложилъ ему участвовать въ перевозкѣ книгъ. Сима, дѣйствуя по порученію исправника, согласился и условился съ Эллеромъ, чтобы книги были доставляемы ему за пять верстъ отъ границы, причемъ на образецъ получилъ отъ

Эллера книгу *Исторія одного французскаго крестьянина*, которую и представилъ исправнику. Въ условленное время книги были доставлены въ назначенное мѣсто, но исправнику не удалось задержать лицъ, доставившихъ книги, и они, бросивъ таковыя, успѣли скрыться.

Отобранныя исправникомъ книги были упакованы въ пяти тюкахъ, причемъ на двухъ тюкахъ оказались слѣдующія надписи: на тюкѣ № 2 „Colaus Kadajski Bahnbeamter Podwoloczyska Galizien", а на тюкѣ № 4 „B. 2. Wien. Oesterreich. Josephstadt Landsgasse № 11 Th. 42 Hr. Tschoudnoffsky"; по вскрытіи тюковъ, въ нихъ было найдено: 523 экземпляра *Исторіи одного французскаго крестьянина*, 92 экземпляра журнала *Впередъ*, 490 экземпляровъ *О мученикѣ Николаѣ*, 3 экземпляра *Отщепенцевъ*, три тетради за 1870, 1871 и 1872 годы журнала *Volkswille*, 85 экземпляровъ *Стеньки Разина*, 390 экземпляровъ *Чтой-то, братцы*, 148 экземпляровъ *Пѣсенника*, 155 экземпляровъ *Вольнаго атамана Степана Тимоѳеевича Разина*, 2 экземпляра *Программы работниковъ*, 9 экземпляровъ *Правды*, 10 экземпляровъ *Правдивыхъ идей* Шевченко, 12 экземпляровъ *Поэзіи* того же Шевченко, *Гражданская Война во Франціи*, *Поэзія Іосифа Федьковича*, *Трудъ ли выкупъ земли*, *Reden Bebels*, *Das Leben Jesu*, *Herr Bastias-Schultze von Delitsch* и *Perissent Dieu et la pretraille*—послѣдніе книги въ одномъ экземплярѣ.

Вышеозначенныя книги, какъ Эллеръ объяснилъ Симѣ, подлежали доставкѣ въ гор. Одессу еврею Зейликовичу для передачи нѣкоему Ивану Ивановичу, который еженедѣльно справлялся у Зейликовича о томъ—доставленъ ли товаръ. Прибывъ въ Одессу, Сима узналъ отъ Зейликовича, что къ сему послѣднему дѣйствительно нѣсколько разъ приходилъ какой-то господинъ справляться—прибылъ ли товаръ или письмо, причемъ Зейликовичъ разспрашивалъ Симу, какой товаръ долженъ быть доставленъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что справлявшійся о товарѣ господинъ соблюдалъ какую-то таинственность. Чрезъ нѣсколько дней, въ виду того, что къ Зейликовичу упомянутый господинъ не появлялся, Сима отправился въ Волочискъ, къ Эллеру; между тѣмъ, во время пребыванія Сима въ Одессѣ, на его имя было получено въ Проскуровѣ отъ Эллера письмо на еврейскомъ языкѣ, въ которомъ Эллеръ извѣщалъ о полученіи двухъ интересныхъ для Симы писемъ изъ Одессы и Кишинева и совѣтовалъ Симѣ отправиться самому въ Одессу, въ виду предстоящей получки 230 р. сер., причемъ пояснилъ, что прибыло еще пять мѣшковъ муки, и просилъ немедленно отвѣта по телеграфу. Сима отправился самъ, какъ сказано выше, въ Волочискъ, гдѣ Эллеръ сообщилъ ему, что адресъ Ивана Иванова можно узнать у Кадайскаго, кассира на станціи желѣзной дороги въ Подволочискѣ, что фамилія Иванова вымышленная, и что скрывающееся подъ этою фамиліей лицо есть Василій Фишеръ, оставившій Эллеру свои документы и проживающій въ настоящее время по другому паспорту на имя Шварценберга, причемъ и вручилъ Симѣ вышеозначенные документы, безъ которыхъ Фишеръ, не зная совершенно Симу, могъ бы ему и не повѣрить. Означенные документы оказались свидѣтельствами: а) 3-й С.-Петербургской гимназіи, о выдержаніи Василіемъ Фишеромъ экзамена изъ предметовъ преподаваемыхъ въ первыхъ трехъ классахъ сей гимназіи и б) провизора Пеля, о занятіяхъ Василія Фишера въ аптекѣ Пеля, въ гор. С.-Петербургѣ; эти документы, равно какъ и письмо Эллера, были впослѣдствіи представлены Симою къ дѣлу. Кадайскій, къ которому Сима обратился за адресомъ Ивана Иванова, заявилъ сначала, что онъ ничего не знаетъ; но когда Сима объяснилъ ему, что у него имѣются документы Фишера, то Кадайскій далъ Симѣ, во 1-хъ, адресъ, по которому надлежало писать въ Одессу, а именно „Петру Семенову Ващенко, до востребованія"; во 2-хъ, адресъ нѣкоего Генриха Попича въ Одессѣ, къ которому Сима долженъ былъ обратиться за дальнѣйшими справками, и въ 3-хъ, записку на имя какого-то Семенова, которую слѣдовало показать Попичу. Означенные документы были также впослѣдствіи представлены Симою къ дѣлу. Пріѣхавъ вторично въ Одессу, Сима отправился къ Попичу и показалъ ему письмо на имя Семенова, на что Попичъ заявилъ, что Семенова не знаетъ, но, можетъ-быть, узнаетъ о немъ отъ другихъ, причемъ разспрашивалъ Симу, зачѣмъ ему нуженъ Семеновъ и долго ли онъ, Сима, пробудетъ въ Одессѣ; при второмъ же посѣщеніи его Симой объявилъ окончательно сему послѣднему, что Семенова не знаетъ, и совѣтовалъ письмо Кадайскаго бросить въ печку. Дня черезъ два послѣ такого отвѣта Попича явился къ Симѣ неизвѣстный человѣкъ съ большою черною бородой и спросилъ, не онъ ли Іосъ Эллеръ? Послѣ довольно продолжительныхъ объясненій между Симой и пришедшимъ къ нему лицомъ,

было, наконецъ, условлено, что передача книгъ произойдетъ въ квартирѣ еврея, у котораго будто бы хранились привезенныя Симою книги, и что незнакомецъ явится въ 7 часовъ вечера къ Симѣ, съ которымъ и отправится на квартиру означеннаго еврея. Въ назначенное время Сима вышелъ на улицу, гдѣ уже находились переодѣтые жандармы; вскорѣ явился и незнакомецъ съ которымъ Сима сѣлъ на извозчика и поѣхалъ на Молдаванку; явившіеся съ незнакомцемъ два товарища его, изъ которыхъ одинъ былъ Макаревичъ, поѣхали сзади на другомъ извозчикѣ, но отстали и, какъ видѣли жандармы, отыскивали на Молдаванкѣ указанный имъ Симою домъ, а затѣмъ куда-то уѣхали. Незнакомецъ былъ привезенъ Симою въ квартиру унтеръ-офицера корпуса жандармовъ Семенова, гдѣ онъ и былъ арестованъ, причемъ у него оказалась надѣтою фальшивая борода.

Арестованное такимъ образомъ 27 января 1874 года лицо, имѣвшее при себѣ деньги въ количествѣ 240 руб. сер., оказалось сыномъ купца 2-й гильдіи Соломономъ Лейзеровымъ Чудновскимъ.

Чудновскій, неокончившій курсъ въ Новороссійскомъ университетѣ и исключенный изъ Медико-Хирургической Академіи за безпорядки и подстрекательства къ онымъ, объяснилъ, что Сима, который былъ ему совершенно неизвѣстенъ, нѣсколько разъ на улицѣ предлагалъ ему купить какія-то заграничныя книги, вслѣдствіе чего онъ, наконецъ, и рѣшился отправиться съ Симою посмотрѣть предлагаемыя симъ послѣднимъ книги, причемъ надѣлъ фальшивую бороду, опасаясь, чтобы неизвѣстныя ему люди, съ которыми онъ могъ встрѣтиться при осмотрѣ книгъ, узнавъ его личность, не могли бы его скомпрометтировать.

Такое объясненіе Чудновскаго находитъ себѣ полное опроверженіе какъ въ томъ обстоятельствѣ, что одинъ изъ задержанныхъ около Волочиска тюковъ съ книгами оказался съ приведенною выше надписью „Wien, Oesterreich, Josephstadt, Landsgasse, № 11, Tschoudnoffsky", такъ и въ дальнѣйшемъ показаніи Чудновскаго, изъ котораго оказывается: а) что Чудновскій въ первой половинѣ 1873 года жилъ въ Вѣнѣ въ Josephstadt, въ улицѣ, названіе которой начинается буквою L (Landsgasse, какъ объяснилъ впослѣдствіи Чудновскій), въ домѣ № 11; б) что съ Поничемъ онъ знакомъ съ гимназической скамьи и в) что за границу онъ ѣздилъ черезъ Волочискъ и вернулся тѣмъ же путемъ.

Независимо отъ сего, объясненіе Чудновскаго о томъ, что онъ Фишера никогда не зналъ и впервые услышалъ его фамилію при слѣдствіи, представляется ложнымъ въ виду показанія Василія Фишера, удостовѣрившаго, что онъ былъ на одномъ курсѣ съ Чудновскимъ, и въ 1869 г. ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ вагонѣ изъ Петербурга до Орла, куда онъ, Фишеръ, былъ высланъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, за что, въ одно съ нимъ время, былъ высланъ въ Одессу и Чудновскій.

Относительно оказавшихся у Эллера документовъ Фишера сей послѣдній объяснилъ, что бросилъ таковые какъ ненужные, и не знаетъ—какимъ образомъ они попали къ Эллеру, самъ же онъ въ Волочискѣ никогда не былъ.

По справкѣ въ книгахъ Волочисскаго пограничнаго пункта оказалось, что Чудновскій выѣхалъ за границу 6 января 1873 г., а вернулся 31 іюля того же года.

Петръ Макаревичъ, отвергая всякое участіе свое въ дѣлѣ ввоза въ Россію революціонныхъ книгъ, объяснилъ, что онъ въ тотъ вечеръ, когда былъ арестованъ Чудновскій, вовсе изъ дома не выходилъ, и что жандармы, вѣроятно, ошиблись, принявъ за него кого-либо другого.

Хотя жена и родные Макаревича и подтвердили его объясненіе, но показанія этихъ лицъ, въ особенности жены Макаревича, которая сама принадлежала къ революціонному кружку, не могутъ служить опроверженіемъ показаній трехъ унтеръ-офицеровъ корпуса жандармовъ, удостовѣряющихъ, что именно Макаревичъ былъ однимъ изъ двухъ товарищей Чудновскаго, отправившихся на извозчикѣ на Молдаванку, и знавшихъ Макаревича потому, что онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи.

Независимо отъ всего вышеизложеннаго, въ виду показанія сельскаго учителя Ивана Козманова, есть полное основаніе полагать, что Макаревичъ еще лѣтомъ 1873 г. въ С.-Петербургѣ, вмѣстѣ съ Стенюшкинымъ, занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ.

По словамъ Козманова, проживавшаго на одной квартирѣ съ Иваномъ Павловымъ Стенюшкинымъ, сей послѣдній въ началѣ мая 1873 г., предъ отъѣздомъ его, Козманова, изъ Петербурга въ Екатеринбургъ, обратился къ нему съ просьбою—сходить къ нѣкоему

Макаревичу, котораго Козмановъ до того времени не зналъ, взять у него книги и отвезти таковыя въ Екатеринбургъ крестьянину Короткову; исполняя просьбу Степюшкина, Козмановъ отправился по данному ему адресу къ Макаревичу, въ одну изъ ротъ Измайловскаго полка, передалъ Макаревичу записку Степюшкина и получилъ книги: *Слово върующаго къ народу*, *Пъсенникъ* и програму журнала *Впередъ*, причемъ Макаревичъ, вручая ему означенныя книги, ничего объ нихъ не говорилъ.

По предъявленіи Козманову фотографической карточки Макаревича, онъ заявилъ, что не можетъ положительно удостовърить, тотъ ли это Макаревичъ, который вручилъ ему вышепоименованныя книги, но что ему кажется, что это тотъ самый.

Макаревичъ, отвергая вполнѣ показаніе Козманова, объяснилъ, что въ указанное симъ послѣднимъ время онъ, Макаревичъ, не былъ даже въ Петербургѣ. Несмотря на такое заявленіе Макаревича, нельзя не придти къ заключенію, что Козманову книги были переданы именно Петромъ Макаревичемъ, такъ какъ Козмановъ ходилъ за книгами по просьбѣ Ивана Павлова Степюшкина, работавшаго впослѣдствіи, какъ было уже указано выше, въ кузницѣ Николая Жебунева и принадлежавшаго вмѣстѣ съ Макаревичемъ къ одесскому революціонному кружку.

Петръ Макаревичъ не только распространялъ изданныя уже революціонныя книги, но и самъ занимался составленіемъ сочиненій, пригодныхъ для преступныхъ цѣлей его кружка; такъ, при обыскѣ у дворянки Евгеніи Завадской была отобрана книга *Подлиповцы* со слѣдующей надписью, сдѣланною рукою Макаревича: „Завадская, не можете ли вы написать народную книжку *Гайдамаки* по Мордовцеву. Главное условіе—удобопонятность и простота языка, сжатость и легкость изложенія. Если согласны, то напишите, есть ли у васъ *Гайдамаки* Мордовцева; если есть, то постарайтесь начать эту работу поскорѣе".

Завадская отозвалась, что не помнитъ, отъ кого получила книгу *Подлиповцы* и кѣмъ сдѣлана на этой книгѣ надпись, но Петръ Макаревичъ призналъ, что надпись сдѣлана имъ и что онъ обращался къ Завадской съ изложенною въ этой запискѣ просьбой, потому что считалъ ознакомленіе народа съ историческими явленіями необходимымъ условіемъ поднятія его умственнаго развитія.

Упомянутая выше сего Завадская проживала въ 1872 году въ Цюрихѣ и, по словамъ Петра Макаревича, была подругою его жены, въ то время дѣвицы Анны Розенштейнъ; въ то же самое время проживали въ Цюрихѣ и сестры Субботины, къ матери которыхъ, вдовѣ штабсъ-капитана Софьѣ Александровой Субботиной, въ село Бѣломѣстное, Курской губерніи, Завадская пріѣхала лѣтомъ 1874 г. съ цѣлью занять мѣсто учительницы въ школѣ, состоявшей подъ попечительствомъ Софьи Субботиной. Въ селѣ Бѣломѣстномъ Завадская прожила однако только недѣлю, и, узнавъ что ее разыскиваютъ, уѣхала отъ Субботиной, но была задержана на станціи Прохорово, Курско-Харьковской желѣзной дороги, причемъ у нея была найдена шифрованная азбука и нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ находились: *Митюха*, *Очерки фабричной жизни* и сочиненія Карла Маркса и Лассаля, а также адресъ Макаревича.

По обыску въ помѣщеніи, которое Завадская занимала у Субботиной, было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ.

Завадская виновною себя ни въ чемъ не признала, но не подлежитъ сомнѣнію, что она, будучи хорошо знакома съ сестрами Субботиными, преданными уже суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи, вмѣстѣ съ ними принадлежала къ преступному сообществу, преслѣдовавшему революціонныя цѣли, доказательствомъ чего служатъ какъ найденная у нея шифрованная азбука, такъ и показаніе крестьянина Ивана Чернова. По словамъ этого свидѣтеля, отвозившаго Завадскую изъ села Бѣломѣстнаго на станцію Прохорово, Завадская дорогою разсказывала ему, что жила въ чужихъ краяхъ, гдѣ „мужички собрались, да и посмѣстили Царей", причемъ, указывая на непроизводительную, по ея мнѣнію, трату правительствомъ денегъ, совѣтовала собраться вмѣстѣ и не платить податей. Остановившись для отдыха верстахъ въ 15-ти отъ станціи Прохорово, у отставного рядового Стрѣльникова, Завадская много говорила съ симъ послѣднимъ и обѣщала прислать ему книгъ, а также написала записку, которую просила Чернова передать Субботиной; записка эта была представлена Черновымъ къ дѣлу и оказалась слѣдующаго содержанія: „1874 года 1-го сентября. Дорога была прекрасная. Я ею очень довольна. Не знаю какъ

у васъ отразился мой отъѣздъ, но сама я за дорогу много узнала и разсказала. Пришлите дѣду книгъ, да непремѣнно пѣсню про Царя Ивана Васильевича. У меня много было ихъ".

Кромѣ Субботиныхъ и Макаревича, Завадская имѣла сношенія и съ другими лицами, привлеченными въ качествѣ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу. Такъ, по объясненію Трудницкаго, Сергѣй Жебуневъ разсказывалъ ему, что Завадская хотѣла читать народу лекціи соціальнаго содержанія и раздѣляла мнѣнія кружка Жебуневыхъ, самъ же Трудницкій, будучи сельскимъ учителемъ въ селѣ Кошарахъ, получилъ отъ Завадской письмо, въ которомъ она просила его о высылкѣ ей книгъ тенденціознаго содержанія и сообщала, что ей удалось пробудить въ одномъ молодомъ человѣкѣ желаніе работать для блага народа.

Все вышеизложенное не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ той цѣли, съ которою Завадская желала занять мѣсто сельской учительницы въ школѣ села Бѣломѣстнаго.

Попечительница означенной школы Софья Субботина не только потворствовала преступнымъ намѣреніямъ Завадской, но и сама занималась революціонною пропагандой; такъ, по вопросу о преподаваніи въ школѣ Закона Божія Субботина отзывалась, что знать не хочетъ „нашей испорченной религіи", говорила о деспотизмѣ въ Россіи, о несправедливости въ судахъ и сочувственно относилась къ Нечаеву, называя его невиннымъ мученикомъ; въ разговорахъ съ крестьянами Субботина проводила мысль, что съ нихъ берутъ слишкомъ большія подати, которыя затѣмъ тратятся непроизводительно правительствомъ, говорила крестьянамъ, что „Царь беретъ съ васъ подати и солдатъ, а вы, какъ овцы, и деньги даете, и въ солдаты идете; скоро всѣ будутъ равны—купцы и господа будутъ мужиками...; что обидно платить правительству такія большія деньги, и что она пойдетъ войной на Царя, котораго и свергнетъ съ престола". Независимо отъ сего, какъ доказано слѣдствіемъ, Субботина осмѣливалась произносить дерзкія, оскорбительныя слова противъ Государя Императора.

По обыскамъ, произведеннымъ въ имѣніяхъ Субботиной, въ Елецкомъ и Ново-Оскольскомъ уѣздахъ, было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, оглавленіе, вырванное изъ книги *Историческое развитіе интернаціонала*, и довольно обширная переписка, характеризующая направленіе Субботиной и лицъ, съ которыми она переписывалась. Изъ этой переписки, между прочимъ, видно: а) что нѣкто Костревскій, потерпѣвшій, по его собственнымъ словамъ, *фіаско* въ Ивановѣ-Вознесенскѣ за свои отношенія къ инспектору народныхъ училищъ, и называющій себя въ видѣ насмѣшки „благонамѣреннымъ народнымъ учителемъ", обращался къ Субботиной съ предложеніемъ занять мѣсто учителя въ одной изъ школъ, состоявшихъ подъ ея попечительствомъ, причемъ не хотѣлъ даже входить въ обсужденіе условій денежнаго вознагражденія, потому что, какъ онъ писалъ, „главный-то интересъ—дѣло и честный человѣкъ" (т.-е. Субботина), и б) что нѣкто Постниковъ, называющій себя въ одномъ письмѣ „пролетаріемъ" и имѣвшій, по его словамъ, общую цѣль съ Субботиной—„высшую степень счастья для народа", развивалъ передъ Субботиной свои убѣжденія, состоявшія, главнымъ образомъ, въ томъ, что для „счастья народа" необходимо отнять землю у имѣющихъ таковую и надѣлить ею поровну всѣхъ людей.

Софья Субботина, не признавая себя ни въ чемъ виновною, между прочимъ, объяснила, что найденныя у нея при обыскѣ книги она пріобрѣла для школы.

Посвятивъ себя революціонной дѣятельности и доведя своимъ потворствомъ всѣхъ трехъ дочерей своихъ до совершенія преступленій, Софья Субботина не остановилась и на этомъ; она не пощадила и свою воспитанницу, дворянку Вѣру Шатилову, которая, руководимая Субботиною, усвоила себѣ ея направленіе и вмѣстѣ съ нею занялась революціонною пропагандой.

Показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей доказано, что Вѣра Шатилова, посѣщавшая съ Субботиною школу и сельскіе сходы, а также волостной судъ, и побуждавшая крестьянъ завести ссудо-сберегательную кассу, сказала одному крестьянину: „я прошу у вашихъ стариковъ руки подъ каску (кассу); а когда дадутъ то поверну ихъ воевать на Царя", а другому читала прокламацію *Что-то, братцы*.

По обыску, произведенному у Шатиловой въ Петербургѣ, была найдена, между прочимъ, книга *Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne*, а у Софьи Субботиной было отобрано письмо Шатиловой, въ которомъ послѣдняя, между прочимъ, писала: „чортъ знаетъ, не знаю, просто, что дѣлать. Мои петербургскіе знакомые боятся конфискаціи иму-

щества, но, вѣдь, конфискація будетъ въ пользу родственниковъ. Это вѣрно". При обыскѣ въ квартирѣ Шатиловой, присутствовала и пришедшая къ Шатиловой въ гости дочь капитана Лидія Фигнеръ, преданная суду вмѣстѣ съ сестрами Субботиными по обвиненію въ государственномъ преступленіи.

Вѣра Шатилова, не признавая себя ни въ чемъ виновною и отказываясь дать какія-либо объясненія по содержанію вышеприведеннаго письма, показала, что прокламацію *Чтой-то, братцы* дѣйствительно читала одному крестьянину съ цѣлью посмотрѣть какое она произведетъ на него впечатлѣніе.

Такимъ образомъ, обстоятельства дѣла приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что Софья Субботина и Вѣра Шатилова имѣли черезъ Евгенію Завадскую, сестеръ Субботиныхъ и Лидію Фигнеръ непосредственныя сношенія съ революціонными кружками, съ которыми, какъ по образу мыслей, такъ и по своей дѣятельности, онѣ были вполнѣ солидарны.

Весной 1874 г., какъ уже сказано выше, петербургскіе агитаторы двинулись въ народъ, причемъ многіе изъ нихъ, какъ-то: Ковалинъ, Грищенковъ, Лемени-Македонъ, Иванъ и Клеопатра Блавдзевичъ, Аитовъ и Александръ Осиповичъ Лукашевичъ остановились въ Москвѣ, гдѣ и вошли въ сношеніе съ мѣстными революціонными дѣятелями. Еще ранѣе прибыли скрывшіеся отъ преслѣдованія въ Петербургѣ Кравчинскій, Клеменсъ и Шишко, подъ вліяніемъ которыхъ московская молодежь, собиравшаяся преимущественно въ квартирѣ жены титулярнаго совѣтника Олимпіады Григорьевой Алексѣевой, перешла отъ теоретическихъ разсужденій—о необходимости помочь народу выйти изъ его тяжелаго положенія—къ практическому рѣшенію—идти въ народъ съ цѣлью возбужденія его къ возстанію и ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя.

Въ квартирѣ Алексѣевой, въ концѣ 1873 г., сталъ собираться кружокъ лицъ, принадлежавшихъ большею частію къ студенческой молодежи. По собственному показанію Алексѣевой, у ней бывали: студенты университета—Николай Алексѣевъ Саблинъ, Исаакъ Константиновъ Львовъ (нынѣ умершій) и Константинъ Васильевъ Аркадакскій, а также студентъ Петровской Академіи Николай Михайловъ Аносовъ; впослѣдствіи въ кружокъ Алексѣевой, какъ видно изъ ея же показанія, вошли: воспитанникъ Московской гимназіи Николай Александровъ Морозовъ и студентъ университета Иннокентій Александровъ Устюжниновъ, которымъ, въ мартѣ 1874 г., были введены: забайкальскій казакъ Николай Ивановъ Глушковъ и товарищъ послѣдняго—нижнеудинскій купецъ Дмитрій Николаевъ Сѣрышевъ. Около того же времени у Алексѣевой появились, по ея же словамъ, Кравчинскій и Клеменсъ, подъ фамиліями Ельцинскаго и Михайлова, и Шишко, подъ руководствомъ которыхъ кружокъ Алексѣевой быстро усвоилъ себѣ революціонное направленіе. По словамъ дворянина Дмитрія Дубенскаго, посѣщавшаго собранія у Алексѣевой, Кравчинскій рисовалъ ужасныя картины народныхъ страданій, говорилъ, что долгъ каждаго честнаго человѣка—жертвовать собою для народнаго дѣла, что для этой цѣли необходимо открыть мастерскія, изучить какое-либо ремесло и затѣмъ, надѣвъ рабочій костюмъ, идти въ народъ и вести революціонную пропаганду; такого рода воззрѣнія находили себѣ, по словамъ того же свидѣтеля, полное сочувствіе и поддержку въ Клеменсѣ, Алексѣевой и Саблинѣ.

Квартира Алексѣевой вскорѣ превратилась въ сборный пунктъ для дѣятелей пропаганды: въ ней, какъ видно изъ показанія Алексѣевой, стали появляться прибывшіе изъ Петербурга агитаторы—Ковалинъ, Аитовъ, Блавдзевичъ и Грищенковъ и, кромѣ сего, студенты Петровской Академіи Александръ Андреевъ Малиновскій и Михаилъ Гавриловъ Соловцовскій, членъ кіевскаго кружка Тетельманъ, бывшій мировой судья Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, Порфирій Ивановъ Войноральскій и помѣщикъ Ярославской губерніи Александръ Иванчинъ-Писаревъ, а также, по удостовѣренію Клеопатры Блавдзевичъ, и Рабиновичъ, т.-е. лица, всѣ безъ исключенія изобличенныя въ революціонной пропагандѣ.

Лица принадлежавшія къ кружку Алексѣевой собирались нѣсколько разъ и въ квартирахъ: а) Константина Аркадакскаго, гдѣ съ ними познакомился братъ Константина, окончившій курсъ семинаріи Алексѣй Аркадакскій, б) Дмитрія Дубенскаго и в) въ тайной

студенческой библіотекѣ, членомъ которой Дубенскій сдѣлался, по его показанію, чрезъ посредство Алексѣевой.

Усвоивъ себѣ революціонное направленіе, кружокъ Алексѣевой рѣшилъ приступить къ устройству мастерской, что видно изъ показанія самой Алексѣевой, удостовѣрившей, что въ квартирѣ Дубенскаго толковали объ устройствѣ мастерской, которая могла бы служить средствомъ сближенія съ рабочимъ людомъ.

Въ то самое время, когда въ кружкѣ Алексѣевой шли разсужденія о революціонной пропагандѣ, въ средѣ студентовъ Петровской Академіи образовался революціонный кружокъ, членами котораго были студенты: Михаилъ Ѳедоровъ Фроленко (скрывшійся), Алексѣй Егоровъ Знаменскій, упомянутые уже выше Аносовъ, Соловцовскій и Малиновскій, а также Цвѣтковъ и Дружининъ (умершіе).

Еще въ 1873 г., какъ это видно изъ показанія Анны Васильевой Андреевой, у Фроленко и Аносова появились книги: *Стенька Разинъ*, *Слово вѣрующаго къ народу* и *Рѣчь Кастеляра*, которыя они и порѣшили распространять въ народѣ въ возможно большемъ количествѣ, съ цѣлью подготовленія народа къ разрушенію существующаго государственнаго и общественнаго строя; по словамъ той же Андреевой, въ 1873 г. къ Фроленко пріѣзжалъ изъ Петербурга Чарушинъ, сообщившій, что многіе изъ петербургскихъ студентовъ уже отправились на пропаганду, а въ концѣ того же года, въ квартирѣ Аносова и Фроленко, въ домѣ Бѣлоусова, на Дѣвичьемъ полѣ, Аносовъ, въ присутствіи Андреевой, читалъ нѣсколькимъ рабочимъ *Исторію одного французскаго крестьянина*—Шатріана. Въ 1874 г. лица принадлежавшія къ означенному кружку, какъ это видно изъ показаній Знаменскаго, Соловцовскаго и Малиновскаго, собирались нѣсколько разъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, на дачѣ Ивакина, и рѣшили отправиться лѣтомъ въ народъ, вслѣдствіе чего и признали необходимымъ открыть мастерскія для приготовленія себя къ предстоящей дѣятельности.

Такимъ образомъ, какъ кружокъ Алексѣевой, такъ и кружокъ студентовъ Петровской Академіи приступилъ къ устройству мастерскихъ.

Первая мастерская была открыта Фроленко въ квартирѣ его, въ домѣ Бѣлоусова, но просуществовала недолго, и въ ней работали почти исключительно самъ Фроленко и Аносовъ: въ февралѣ Фроленко перенесъ свою мастерскую на Прѣсню, гдѣ работали, по ихъ собственнымъ показаніямъ, Знаменскій, Соловцовскій, Малиновскій, а также Аносовъ, причемъ, какъ удостовѣрилъ свидѣтель Андрей Кулябко, были приняты большія предосторожности для воспрепятствованія постороннимъ лицамъ входа въ мастерскую. Въ квартиру Фроленко и Аносова, на Прѣснѣ, явились по данному имъ адресу прибывшіе изъ С.-Петербурга Антовъ и Лукашевичъ, какъ это видно изъ ихъ показанія, такъ какъ, по словамъ Лукашевича, они остановились въ квартирѣ на Прѣснѣ, а по удостовѣренію Антова, въ означенной квартирѣ они познакомились съ Фроленко и Аносовымъ и видѣли въ ней Кравчинскаго и Шишко.

Означенная мастерская, какъ видно изъ показаній Знаменскаго и Кулябко, была закрыта въ началѣ марта, съ переѣздомъ Фроленко и Аносова на новую квартиру, въ Большой Благовѣщенскій переулокъ, въ домъ Петровой, причемъ, по словамъ Кулябко, Фроленко и Аносовъ, поселившись въ домѣ Петровой, выдали себя за семинаристовъ и, какъ видно изъ дѣла, предъявили для прописки свидѣтельства, выданныя изъ семинаріи студентамъ Петровской Академіи Александру Фадѣеву и Алексѣю Знаменскому. Вмѣстѣ съ Фроленко и Аносовымъ въ домѣ Петровой жилъ крестьянинъ Тверской губерніи Шиловъ (скрывшійся), который, равно какъ и крестьянинъ Григорій Крыловъ (нынѣ умершій), поддавшись ученіямъ агитаторовъ, раздѣляли ихъ преступные замыслы и дѣйствовали съ ними заодно. Участіе Крылова и Шилова въ дѣятельности московскихъ агитаторовъ было обнаружено по слѣдующему поводу: крестьянинъ села Заборовья, Тверского уѣзда, Арефій Гавриловъ, весной 1874 г., имѣя нужду въ деньгахъ, обратился за таковыми къ Крылову, часто заѣзжавшему въ чайную лавку Гаврилова въ селѣ Заборовьѣ; Крыловъ обѣщалъ Гаврилову добыть ему денегъ, и на Пасхѣ привезъ къ нему Шилова, сказавъ, чтобъ онъ, Гавриловъ, ѣхалъ съ Шиловымъ въ Москву, гдѣ и получитъ обѣщанные 400 р. сер. По пріѣздѣ въ Москву, Шиловъ свелъ Гаврилова на какую-то квартиру, гдѣ Гавриловъ встрѣтилъ нѣсколькихъ неизвѣстныхъ ему лицъ, изъ которыхъ одинъ, толстый и черный,

предложилъ Гаврилову выстроить на Волгѣ, верстахъ въ 35-ти отъ Твери, домъ и открыть въ немъ торговлю какую онъ только захочетъ, отъ чего Гавриловъ отказался, подозрѣвая что въ этомъ предложеніи кроется что-то нехорошее. Подозрѣніе Гаврилова было вполнѣ основательно, такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что Аносовъ, Фроленко и ихъ единомышленники имѣли намѣреніе устроить въ домѣ Гаврилова притонъ для агитаторовъ.

При дознаніи Гавриловъ указалъ какъ домъ, такъ и квартиру, въ которую его привелъ Шиловъ, причемъ домъ оказался въ Благовѣщенскомъ переулкѣ, принадлежащимъ Петрову, а квартира тою самою, въ которой жили Фроленко и Аносовъ; по справкѣ же, наведенной въ полицейскихъ домовыхъ книгахъ, оказалось, что по дому Петрова дѣйствительно были прописаны виды Фадѣева и Знаменскаго. Въ означенной квартирѣ Аносова и Фроленко мастерской не было: таковая помѣщалась, по удостовѣренію свидѣтельницы Лузиновой и Кулябки, въ домѣ Нестерова, противъ дома Петрова. Это была мастерская, устроенная Войнаральскимъ, въ которую и былъ перенесенъ верстакъ Аносова и др.

Мѣщанинъ Порфирій Войнаральскій въ 60-хъ годахъ былъ исключенъ изъ числа студентовъ Московскаго университета за участіе въ университетскихъ безпорядкахъ и высланъ подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію. Освобожденный изъ-подъ надзора въ 1873 году, Войнаральскій вскорѣ послѣ того былъ избранъ въ должность мирового судьи въ Городищенскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи. Въ октябрѣ 1873 года Войнаральскій отправился, по его собственному показанію, въ Петербургъ, съ цѣлью познакомиться съ тамошней молодежью, а въ декабрѣ того же года былъ уже знакомъ съ нѣкоторыми изъ главныхъ дѣятелей революціонной пропаганды, а именно: съ Кравчинскимъ и Рогачевымъ, изъ коихъ первому онъ передалъ документы нѣкоего Свиридова, съ которымъ Кравчинскій и проживалъ нѣкоторое время у студента Овсянникова въ Казани, а второй въ это время состоялъ у него письмоводителемъ, подъ именемъ семинариста Василія Петрова Орлова.

Побывавъ въ февралѣ 1874 года въ Москвѣ и познакомившись съ кружкомъ Аносова и Фроленко, Войнаральскій рѣшилъ открыть мастерскую, о чемъ, возвратясь въ Городище, и сообщилъ своей женѣ Надеждѣ Павловой, какъ это видно изъ показанія сей послѣдней. Послѣ того какъ выборъ Войнаральскаго на должность мирового судьи не былъ утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ, Войнаральскій уѣхалъ съ женою въ Москву, оставивъ въ Пензѣ Рогачева; изъ Москвы, оставивъ жену въ Петровско-Разумовскомъ, на дачѣ Ашиткова, въ квартирѣ дворянина Ивана Селиванова, Войнаральскій уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, чрезъ свою знакомую, акушерку Анну Тушинскую, познакомился съ дѣвицей Евгеніей Судзиловской, которую и пригласилъ въ Пензу для веденія пропаганды подъ видомъ продавальщицы въ устроенной имъ лавкѣ. Возвратившись въ Москву, Войнаральскій, просившій предъ своимъ отъѣздомъ Фроленко чрезъ Андрея Кулябко о пріисканіи квартиры для мастерской, нашелъ таковую уже нанятою; однако квартира найденная Фроленко оказалась неудобною, въ особенности потому, что около нея стоялъ городовой, и мастерская была переведена въ домъ Нестерова, а оставленную квартиру заняли Фроленко и Аносовъ. Между квартирой послѣднихъ и мастерскою установилось постоянное сообщеніе, которое, по возможности, старались скрывать; вслѣдствіе требованія дворникомъ прописки паспортовъ, Войнаральскій недѣли черезъ двѣ оставилъ и домъ Нестерова и перенесъ мастерскую на Бутырки, гдѣ кромѣ столярной была заведена еще и башмачная мастерская, въ которой обучалъ подмастерье Іоганъ Пельконенъ, приведенный Селивановымъ. Въ мастерскихъ на Бутыркахъ бывали, по словамъ Кулябко, Знаменскій, Соловцовскій, Фроленко, Аносовъ, Саблинъ, Исаакъ Львовъ, а также лицо, въ которомъ Кулябко нашелъ сходство съ Клеменсомъ, въ этихъ же мастерскихъ работали Антовъ и Лукашевичъ, отправившіеся изъ квартиры Фроленко въ народъ, и приведенные, по словамъ Антова, по возвращеніи своемъ въ мастерскую Войнаральскаго, Фроленко, котораго они встрѣтили на улицѣ. По объясненію Антова, онъ видѣлъ въ мастерской на Бутыркахъ Кравчинскаго и Клеменса. Въ мастерской, по удостовѣренію Кулябко, Войнаральскій повѣсилъ на стѣнѣ сумку, въ которой было 400 или 500 руб. сер., каковыми деньгами каждый изъ посѣщавшихъ мастерскую могъ пользоваться безотчетно. Изъ книгъ Кулябко видѣлъ въ мастерской нѣсколько экземпляровъ *Отщепенцевъ*, а по словамъ Знаменскаго, кромѣ того были еще *Впередъ*, *Стенька Разинъ* и *Исторія одного французскаго крестьянина*.

Открывъ мастерскую, самъ Войнаральскій работалъ мало; онъ въ это время былъ большею частію въ разъѣздахъ; по показанію Антова, ходилъ съ нимъ въ народъ, а также велъ большую переписку, получая письма чрезъ студента Хорькова, въ Петербургѣ.

Между тѣмъ, въ апрѣлѣ въ мастерской былъ арестованъ Исаакъ Львовъ, послѣ чего мастерская тотчасъ же была закрыта.

Непосредственно съ закрытіемъ мастерской на Бутыркахъ, кружокъ Алексѣевой открылъ свою башмачную мастерскую на Спиридоновкѣ, въ домѣ Цемшъ, въ квартирѣ одного изъ своихъ членовъ Николая Иванова Глушкова, рѣшившагося, по его собственному показанію, на открытіе мастерской вслѣдствіе доводовъ Устюжанинова о необходимости революціи.

По удостовѣренію Дмитрія Дубенскаго, въ мастерской Глушкова бывали: Кравчинскій, Алексѣева, Саблинъ, Морозовъ, Сѣрышевъ, оба Аркадакскіе, а также Антовъ, что подтвердилъ и сей послѣдній.

Просуществовавъ дня три или четыре, мастерская, по показанію Глушкова, была, изъ опасенія полиціи, перенесена на Плющиху, въ домъ Нечковскаго, гдѣ работали тѣ же лица, что и въ домѣ Цемшъ, кромѣ Антова, а руководителемъ работъ былъ Пельконенъ. Но эта мастерская недѣли двѣ спустя была оставлена, и московскіе агитаторы, считая себя достаточно подготовленными къ практической дѣятельности, стали отправляться на пропаганду.

Между тѣмъ изъ Петербурга пріѣхали отправлявшіеся въ народъ агитаторы: Коваликъ, Гриценковъ, Блавдзевичъ, Лемени-Македонъ, а также прибылъ Рабиновичъ. Изъ нихъ Рабиновичъ получилъ, по его словамъ, отъ Войнаральскаго чрезъ Аркадакскаго 300 руб. сер. и нѣсколько паспортныхъ бланковъ, съ которыми и уѣхалъ въ Петербургъ; Блавдзевичъ и Лемени-Македонъ пристали къ Войноральскому, а Ковалинъ съ Гриценковымъ занялись пропагандой между студентами Петровской Академіи.

По показанію Гриценкова, Коваликъ, имѣвшій отъ кого-то рекомендательное письмо къ одному изъ студентовъ названной Академіи, отправился съ нимъ, Гриценковымъ, въ Петровское-Разумовское. но, не заставъ лица, которому письмо было адресовано, оставилъ таковое одному изъ студентовъ для передачи его по принадлежности. Означенное письмо, какъ видно изъ показанія студента Петровской Академіи Бердникова, было адресовано товарищу его Леонтовичу (нынѣ умершему) и писано ихъ общимъ знакомымъ Волоховымъ, рекомендовавшимъ Лукашевича. Отправившись на другой день къ Лукашевичу, Бердниковъ и Леонтовичъ застали въ квартирѣ его неизвѣстное лицо, тоже пріѣхавшее изъ Петербурга,—Гриценкова, признавшаго, что онъ видѣлъ въ квартирѣ Ковалика двухъ студентовъ Петровской Академіи,—которое въ разговорѣ съ ними объяснило о своемъ намѣреніи идти въ народъ и „соединять его въ группы для протеста противъ существующаго государственнаго и общественнаго строя“. Вскорѣ затѣмъ пришелъ и Лукашевичъ, говорившій о томъ же. На слѣдующій день Лукашевичъ съ своимъ товарищемъ Гриценковымъ былъ у Леонтовича, гдѣ Бердниковъ далъ ему, по его просьбѣ. рекомендательное письмо къ студенту Казанскаго университета Овчинникову, и гдѣ Лукашевичъ, въ присутствіи нѣсколькихъ студентовъ, доказывалъ, что „именно теперь надо идти въ народъ и поднимать его противъ существующаго строя“.

Вскорѣ затѣмъ Ковалинъ, видѣвшійся въ Москвѣ, по словамъ Гриценкова, съ Ельцинскимъ и Михайловымъ (Кравчинскимъ и Клеменсомъ), а вмѣстѣ съ нимъ и Гриценковъ, уѣхали въ Ярославль.

Почти одновременно съ закрытіемъ мастерской, Войноральскій приступилъ къ новому дѣлу, а именно—къ печатанію запрещенныхъ и революціонныхъ книгъ въ типографіи Мышкина, о чемъ будетъ изложено ниже. Сотрудниками Войноральскаго на этомъ новомъ поприщѣ его дѣятельности изъ лицъ принадлежащихъ къ кружкамъ Алексѣевой и студентовъ Петровской Академіи, явились Малиновскій, Соловцовскій и Иванъ Селивановъ, всѣ же прочіе, равно какъ и присоединившіеся къ нимъ, пріѣхавшіе изъ Петербурга революціонные дѣятели ушли въ народъ.

Аносовъ съ Антовымъ отправились въ Нижній-Новгородъ, гдѣ уже находились Тепловъ, Нефедовъ, Усачевъ и Ѳоминъ; Александръ Осиповъ Лукашевичъ тоже пріѣхалъ въ Нижегородскую губернію и поселился въ селѣ Павловѣ.

Первыми прибыли въ Нижній, не останавливавшіеся почти въ Москвѣ — Тепловъ и Нефедовъ; по прибытіи въ Нижній, означенныя лица немедленно отправились, по ихъ собственнымъ показаніямъ, къ Холтурину и спросили у него адресъ Ливанова, къ которому ихъ и проводилъ бывшій у Холтурина крестьянинъ Николай Ѳедоровъ Биткинъ. Ливановъ, проч[illegible]ъ записку Купріянова, поданную ему Тепловымъ и Нефедовымъ, сталъ разспрашивать сихъ послѣднихъ о своихъ петербургскихъ знакомыхъ: дворянинѣ Львѣ Городецкомъ и студентѣ Медико-Хирургической Академіи Чернышевѣ. Тепловъ и Нефедовъ разсказали Ливанову и проживавшимъ съ нимъ на одной квартирѣ семинаристамъ, въ числѣ которыхъ былъ Граціановъ, о движеніи, проявившемся среди петербургской молодежи, и о появленіи революціонныхъ книгъ, причемъ, по просьбѣ присутствовавшихъ, Тепловъ, какъ это видно изъ его показанія, написалъ въ Петербургъ письмо о присылкѣ книгъ, адресовавъ таковое на имя Емельянова, не полагая, однако, чтобы сей послѣдній могъ прислать просимыя книги. Изъ разговоровъ Ливанова и проживавшихъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ Тепловъ вынесъ, по его собственнымъ словамъ, убѣжденіе, что въ Нижнемъ-Новгородѣ существуетъ кружокъ, руководимый Ливановымъ, который усвоилъ себѣ революціонное направленіе и стоялъ за пропаганду. Пробывъ одинъ день въ квартирѣ Ливанова, Тепловъ и Нефедовъ, какъ видно изъ ихъ показаній, ходили въ Балахну искать работы, но, не найдя таковой, вернулись въ Нижній, гдѣ поселились на квартирѣ братьевъ Серебровскихъ: Владиміра—семинариста и Павла—воспитанника арзамасскаго духовнаго училища. По словамъ Теплова, квартиру Серебровскихъ часто посѣщали Ливановъ, Биткинъ и другіе семинаристы, но сходокъ никакихъ не было, впослѣдствіи же Ливановъ хотѣлъ устроить таковыя и заявилъ однажды Теплову, что какъ ему, такъ и другимъ хотѣлось бы, чтобы Тепловъ или Нефедовъ прочли какой-нибудь рефератъ, доказывающій необходимость идти въ народъ для пропаганды революціи. Тепловъ, исполняя желаніе Ливанова, написалъ, какъ это видно изъ его показанія, рефератъ, въ которомъ доказывалъ лишь необходимость ознакомленія съ условіями жизни народа, каковой рефератъ не вызвалъ къ себѣ, по словамъ Теплова, никакого сочувствія. Вскорѣ затѣмъ прибыли Усачевъ и Ѳоминъ, пришедшіе, какъ это оказывается изъ ихъ показаній, пѣшкомъ изъ Москвы чрезъ Рыбинскъ, Ярославль, Кострому и Кинешму; по словамъ Усачева, онъ и Ѳоминъ, во время своего путешествія, въ разговорахъ съ крестьянами говорили имъ, что воинская повинность не принесетъ никакой выгоды крестьянамъ, а, напротивъ того, окажется для нихъ тяжелѣе прежняго порядка, и проводили параллель между нищетой народа и роскошью двора. Ѳоминъ и Усачевъ тоже обратились къ Холтурину за адресомъ Ливанова, застали послѣдняго у Холтурина и были имъ самимъ отведены на его квартиру, гдѣ и проживали нѣкоторое время, а затѣмъ переселились въ квартиру Серебровскихъ, куда переѣхалъ, по словамъ Теплова, и Ливановъ. По объясненію Ѳомина, въ квартирѣ Серебровскихъ говорилось, что надо идти въ народъ и проповѣдывать анархію, каковое мнѣніе поддерживалось и Тепловымъ, а также и пріѣхавшимъ впослѣдствіи Аитовымъ: такое показаніе Ѳомина находитъ себѣ подтвержденіе и въ объясненіи Нефедова о томъ, что у Серебровскихъ собирались раза два семинаристы, которымъ Тепловъ читалъ написанную имъ статью о томъ какимъ долженъ быть пропагандистъ и „въ какой формѣ всего удобнѣе вести пропаганду“. Такимъ образомъ, показаніе Теплова о содержаніи составленнаго имъ реферата и о происходившемъ на сходкахъ въ квартирѣ Серебровскихъ представляется не вполнѣ согласнымъ съ истиною, что подтверждается и дальнѣйшими собранными слѣдствіемъ свѣдѣніями о дѣятельности нижегородскаго революціоннаго кружка, основаннаго Ливановымъ.

Сынъ священника Александръ Ивановъ Ливановъ былъ нѣкоторое время студентомъ Технологическаго Института, но вышелъ изъ таковаго въ началѣ 1873 г., ѣздилъ въ Нижній, а затѣмъ въ Харьковъ съ цѣлью поступленія въ ветеринарный институтъ, но не выдержалъ экзамена и вернулся въ Петербургъ. Въ числѣ знакомыхъ Ливанова были, какъ указано уже выше, Городецкій, студентъ Медико-Хирургической Академіи Чернышевъ, а также, какъ это видно изъ показанія мѣщанки Горностаевой, Сердюковъ, Чарушинъ и Гауэнштейнъ; подъ вліяніемъ означенныхъ лицъ, Ливановъ проникся революціоннымъ направленіемъ и въ концѣ 1873 г. уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и занялся пропагандою. По удостовѣренію свидѣтеля Холтурина, Ливановъ говорилъ ему, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣнія Бакунина, что имъ изъ Петербурга привезено много хорошихъ книгъ и что

онъ намѣренъ устроить литературные вечера съ цѣлью ознакомленія семинаристовъ съ неизвѣстными имъ явленіями общественной жизни. Впослѣдствіи Холтуринъ слышалъ, что Ливановъ дѣйствительно читалъ запрещенныя сочиненія въ квартирахъ семинариста Граціанова (гдѣ жилъ и Ливановъ) и Серебровскаго; въ мартѣ же 1873 г. въ Нижній къ Ливанову стали появляться студенты Тепловъ, Апосовъ, Антовъ, Лукашевичъ и др., о которыхъ Ливановъ говорилъ Холтурину, что они оставили учебныя заведенія и ушли въ народъ съ цѣлью убѣдиться, дѣйствительно ли положеніе народа таково, какимъ его описываютъ. Ливановъ старался, по словамъ Холтурина, внушать ученіе Бакунина всѣмъ лицамъ, съ которыми ему приходилось сближаться: такъ, Ливановъ повліялъ на семинариста Александровскаго (нынѣ умершаго) который отправился въ село Павлово и занялъ тамъ мѣсто письмоводителя складочной артели, а самому Холтурину Ливановъ передалъ сочиненія Бакунина: *Отщепенцы*, *Слово вступающаго къ народу*, *Гражданскую войну во Франціи*,— послѣднюю книгу Ливановъ передалъ Холтурину съ цѣлью оправдать въ его глазахъ членовъ парижской коммуны, оказавшихъ, по словамъ Ливанова, великую услугу человѣчеству.

Пропаганда Ливанова повліяла на нѣкоторыхъ лицъ, и въ Нижнемъ-Новгородѣ составился революціонный кружокъ, въ составъ котораго вошли семинаристы: Граціановъ, Александровскій, В. Серебровскій, Духовской и крестьянинъ Николай Биткинъ.

Показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей удостовѣрено, что на сходкахъ Ливановъ читалъ сочиненія Бакунина: *Стеньку Разина*, *Отщепенцы*, *Исторію одного французскаго крестьянина* и рефератъ, въ которомъ доказывалась необходимость пропаганды. Комментируя прочитанное, Ливановъ указывалъ на бѣдственное положеніе народа и убѣждалъ идти въ народъ—возбуждать его къ возстанію противъ правительства съ цѣлью уничтоженія монархическаго образа правленія. Биткинъ и Серебровскій раздѣляли мнѣнія Ливанова, но самыми горячими приверженцами его были Граціановъ и Духовской, изъ которыхъ послѣдній чрезъ землемѣра Милоглазкина получилъ изъ Петербурга подъ видомъ инструментовъ революціонныя книги. Изъ показаній тѣхъ же свидѣтелей оказывается, что Ѳоминъ и Усачевъ явились въ Нижній въ качествѣ пропагандистовъ, идущихъ въ народъ съ цѣлью возмущенія его, и что Нефедовъ и Тепловъ принимали участіе въ дѣлахъ кружка, причемъ Нефедовъ говорилъ мало, а Тепловъ много и энергично. По словамъ одного свидѣтеля, Тепловъ на словахъ и въ написанномъ имъ рефератѣ рѣшительно доказывалъ необходимость идти въ народъ для пропаганды возмущенія противъ Царя и притѣсненій привилегированныхъ классовъ, причемъ рѣчи Теплова были такъ увлекательны, что дѣйствовали сильно даже на Ливанова, поступленіе котораго въ столярную мастерскую свидѣтель приписывалъ вліянію Теплова.

Изъ членовъ кружка, Граціановъ не призналъ себя виновнымъ, остальные же—Биткинъ, В. Серебровскій и Духовской, не отрицая своей виновности, подтвердили сущность изложенныхъ выше свидѣтельскихъ показаній, причемъ Биткинъ объяснилъ, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Нижняго передалъ свой видъ на жительство Теплову, который при его участіи, по образцу приложенной къ свидѣтельству печати, вырѣзалъ таковыя изъ мѣла, что подтвердилъ и Тепловъ, а Духовской удостовѣрилъ, что дѣйствительно получилъ отъ Милоглазкина, подъ видомъ инструментовъ, запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ были: *Государственность и Анархія*, *Исторія развитія интернаціонала*, *Отщепенцы* и др., которыя онъ и давалъ читать другимъ лицамъ.

По словамъ Теплова, артиллеристы послали въ Петербургъ по адресу Измайловой, шифрованное письмо, въ отвѣтъ на которое, вѣроятно, Ободовская обратилась къ нимъ съ просьбою не уѣзжать изъ Нижняго; появившіеся затѣмъ въ Нижнемъ Антовъ и Апосовъ объяснили Теплову причину такой просьбы, сообщивъ, что въ Москвѣ „было рѣшено направить всѣ силы на Уралъ“.

Тотчасъ послѣ прибытія Антова и Апосова, Тепловъ отправился съ Апосовымъ въ село Павлово, гдѣ, по показанію Теплова, Александровскій ходилъ съ ними по мастерскимъ и, между прочимъ, какъ видно изъ показаній Николая Алексѣева Личадѣева, привелъ ихъ къ сему послѣднему, у котораго, по словамъ Теплова, онъ и Апосовъ купили рублей на 13 замковъ и ножей, причемъ, какъ объяснилъ Личадѣевъ, одинъ изъ покупателей далъ ему для прочтенія книжку—*Исторія одного французскаго крестьянина*, найденную у Личадѣева при обыскѣ.

При предъявленіи Личадѣеву Аносова и Теплова, онъ объяснилъ, что не можетъ сказать, они ли или другія лица были приведены къ нему Александровскимъ: Тепловъ же призналъ, что Личадѣевъ похожъ на лицо, у котораго онъ съ Аносовымъ покупали стальныя издѣлія, но отвергъ передачу Личадѣеву книги.

По возвращеніи Аносова и Теплова въ Нижній, Тепловъ съ Антовымъ поѣхали въ Орелъ къ Меликову, основателю „богочеловѣческой" религіи: изъ Орла Антовъ, съ цѣлью познакомиться съ сектою воздыханцевъ, отправился въ Калугу, гдѣ и былъ задержанъ, а Тепловъ, по его показанію, вернулся въ Нижній, гдѣ засталъ только Ливанова и Аносова, вскорѣ затѣмъ отправившихся въ Самару, послѣ чего пошелъ пѣшкомъ въ Орелъ, заходя по дорогѣ къ Биткину, въ село Богородское, и къ Александровскому, въ село Павлово. Въ Муромѣ Тепловъ былъ арестованъ, причемъ у него были, между прочимъ, отобраны выписки изъ Св. Писанія, служившія, по мнѣнію Теплова, подтвержденіемъ мысли о необходимости революціи. Несмотря на сдѣланное Тепловымъ при арестованіи его заявленіе о томъ, что онъ никакихъ властей не признаетъ, онъ былъ тѣмъ не менѣе отпущенъ и направился въ Орелъ къ Меликову, а оттуда къ сестрѣ, въ Данковскій уѣздъ, гдѣ онъ и былъ вновь задержанъ, и куда Емельяновъ, по его просьбѣ, выслалъ ему его документы вмѣстѣ съ документами Антова.

Нефедовъ, по его собственнымъ словамъ, послѣ отъѣзда Антова и Теплова ходилъ искать работы въ Арзамасъ, но, не найдя таковой, вернулся въ Нижній, откуда вмѣстѣ со случайно встрѣченнымъ знакомымъ своимъ, нѣкіимъ Жуковымъ, отправился въ Павлово къ Александровскому. Послѣдній для ночлега привелъ Нефедова и Жукова къ крестьянину Перчанкину, по удостовѣренію котораго Нефедовъ, равно какъ и его товарищъ въ разговорахъ доказывали плохое положеніе рабочихъ, съ которыхъ власти берутъ даже послѣднее, причемъ внушали, что рабочимъ и крестьянамъ слѣдуетъ отказаться отъ уплаты податей и не робѣть даже предъ военною силой, такъ какъ рабочихъ и крестьянъ несравненно больше, чѣмъ солдатъ. По словамъ Перчанкина Нефедовъ и его товарищъ посовѣтовали ему прочесть книгу *Исторія одного французскаго крестьянина*, въ которой онъ найдетъ подтвержденіе всего высказаннаго ими, и пояснили, что означенную книгу онъ можетъ получить отъ Александровскаго, который черезъ нѣсколько дней и передалъ ему таковую въ домѣ Личадѣева.

Повидавшись у Перчанкина съ крестьяниномъ Коркинымъ (Лукашевичемъ), Нефедовъ отправился къ своему отцу, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ арестованъ.

Послѣ отъѣзда изъ Нижняго Теплова и Антова, Усачевъ и Ѳоминъ отправились въ Оренбургъ, гдѣ встрѣтили Голоушева и Аранзона. Изъ Оренбурга Ѳоминъ поѣхалъ въ Петербургъ съ Аранзономъ, но дорогою въ Нижнемъ былъ задержанъ, причемъ у него было отобрано письмо отъ Емельянова (подписанное Евкубѣ) и сакъ-вояжъ съ вещами Аранзона; Усачевъ же отправился къ роднымъ и поступилъ вольноопредѣляющимся въ 21-ю артиллерійскую бригаду, но вскорѣ затѣмъ былъ арестованъ.

Тепловъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ сообществу, составившемуся для противозаконныхъ цѣлей, а Нефедовъ, Антовъ, Усачевъ и Ѳоминъ виновными себя не признали.

Нижегородскій кружокъ, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, имѣлъ въ лицѣ Александровскаго своего постояннаго агента въ селѣ Павловѣ, гдѣ также поселился пріѣзжавшій изъ Москвы Александръ Осиповъ Лукашевичъ. Послѣдній, по показанію Личадѣева, поступилъ къ нему въ качествѣ рабочаго, но, проработавъ нѣсколько дней, перешелъ въ плотничную артель крестьянина Данилова, что подтвердилъ и Лукашевичъ, пояснившій, что въ с. Павловѣ онъ проживалъ по паспорту крестьянина Александра Петрова Коркина.

Какъ Александровскій, такъ и Лукашевичъ вошли въ близкія отношенія съ Личадѣевымъ, который подъ ихъ вліяніемъ и усвоилъ себѣ революціонное направленіе. Когда жандармскій офицеръ прибылъ для производства обыска въ домѣ Личадѣева, братъ послѣдняго сдѣлалъ попытку вынести изъ дому книги: *Положеніе рабочаго класса въ Россіи* Флеровскаго, *Азбуку соціальныхъ наукъ* и нѣсколько томовъ сочиненій Добролюбова и Писарева; Личадѣевъ же на вопросъ, есть ли у него *Исторія одного французскаго крестьянина*, отвѣтилъ отрицательно. По произведенному вслѣдъ за симъ обыску упомянутая книга была найдена подъ подушкой въ люлькѣ ребенка Личадѣева и, кромѣ того, были

найдены книги: *Очерки фабричной жизни*, *Пролетаріатъ во Франціи*, *Рабочіе союзы въ Англіи*, *Парижъ и революція 2-го декабря 1851 г.*, *Политическія движенія русскаго народа*, *Дѣдушка Егоръ* и *Митюха*.

Относительно отобраннаго по обыску письма, подписаннаго „Алексѣй Петровъ", Личадѣевъ объяснилъ, что ему неизвѣстно, ни—кѣмъ таковое писано, ни—кто упоминаемыя въ ономъ лица (Павелъ и Александръ Ивановичъ), ни—кѣмъ отрѣзана верхняя половина второго листа означеннаго письма. Между тѣмъ изъ показанія Лукашевича оказывается, что письмо было писано имъ и что упомянутыя въ немъ лица—Александровскій и Ливановъ.

Личадѣевъ ни въ чемъ себя виновнымъ не призналъ.

Въ числѣ членовъ нижегородскаго кружка, посѣщавшихъ село Павлово, былъ и Биткинъ, который, какъ видно изъ показанія Перчанкина, подтвержденнаго самимъ Биткинымъ, передалъ Перчанкину рукописную „Программу международнаго общества рабочихъ"; означенную программу Биткинъ вручилъ Перчанкину, вслѣдствіе вопроса послѣдняго о томъ, какимъ образомъ могутъ рабочіе выйти изъ того дурного положенія, о которомъ разсказывалъ Биткинъ.

Въ іюлѣ Лукашевичъ переселился изъ с. Павлова въ Нижній-Новгородъ, куда вскорѣ прибыли, по показанію Владиміра Серебровскаго, Александровскій и Милоглазкинъ, тоже ходившій въ народъ. Означенныя три лица, по словамъ Серебровскаго, рѣшили ѣхать въ Москву, для чего Александровскій и Лукашевичъ, при содѣйствіи его, В. Серебровскаго, составили себѣ фальшивые виды на жительство, первый—на имя Введенскаго, а второй—на имя Покровскаго. 16 августа Александровскій, Лукашевичъ и Милоглазкинъ уѣхали въ Москву, гдѣ и поселились въ Козицкомъ переулкѣ, причемъ первые двое предъявили въ полиціи составленные ими фальшивые виды на жительство.

17-го августа въ квартирѣ Серебровскихъ былъ произведенъ обыскъ, по которому было найдено значительное количество книгъ по рабочему вопросу и народныхъ разсказовъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, карты разныхъ губерній, крестьянское платье, семинарское свидѣтельство Александровскаго и кошель съ ножами павловскаго издѣлія, принесенными, по словамъ Серебровскаго, изъ Павлова Тепловымъ и Аносовымъ и съ которыми, по его же удостовѣренію, ходилъ въ народъ въ Макарьевскій уѣздъ Ливановъ.

На другой день послѣ обыска въ квартирѣ Серебровскихъ, т.-е. 18-го августа, въ Нижнемъ-Новгородѣ было получено на имя Владиміра Серебровскаго письмо съ петербургскимъ почтовымъ штемпелемъ, отъ 16-го числа того же мѣсяца. Означенное письмо, подписанное „твоя Раскольникова", было выдержано на огнѣ, причемъ обнаружилось, что между строкъ письма написано было другое химическими чернилами и частью зашифрованное. Послѣднее письмо, какъ уже сказано выше, несомнѣнно писанное Сидорацкою (Ободовскою), заключало въ себѣ свѣдѣнія о положеніи революціоннаго дѣла по всей Россіи и было, по всей вѣроятности, предназначено для Лукашевича: такъ это слѣдуетъ заключить изъ того, что въ письмѣ сообщался адресъ Франжоли.

Вскорѣ послѣ отъѣзда въ Москву Лукашевича, Александровскаго и Милоглазкина, въ Нижній-Новгородъ къ студенту Петровской Академіи Цвѣткову, знакомому Ливанова, явился крестьянинъ Григорій Ѳедоровъ Крыловъ, имѣвшій, какъ сказано выше, сношенія съ Аносовымъ, Фроленко и др., и принесъ съ собою два письма: одно отъ Милоглазкина къ Духовскому, а другое отъ Покровскаго (Лукашевича) къ Владиміру Серебровскому. Цвѣтковъ, не зная еще объ арестѣ Серебровскаго, отправился на квартиру послѣдняго съ Крыловымъ, гдѣ они и были задержаны, причемъ Крыловъ назвался крестьяниномъ Гурьяновымъ и предъявилъ паспортъ, выданный на имя Гурьянова, а у Цвѣткова оказался билетъ на имя крестьянина Нижне-Шкафтинской волости Орѣшкина, писанный, по удостовѣренію Войнаральскаго, рукою Дмитрія Рогачева.

Въ письмѣ Лукашевича, начинающемся словами: „*Господа Нижегородцы*", обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: „Податель этого письма беретъ на себя сходить въ Павлово. Человѣкъ этотъ вполнѣ хорошій, которому мы довѣряемъ все...... Погромы происходятъ на всемъ пространствѣ матушки Россіи, но наше дѣло, въ лицѣ своихъ сторонниковъ, нисколько не падаетъ. Напротивъ, можно сказать, что всякій ударъ, отнимая у насъ извѣстное число товарищей, приноситъ въ то же время новыхъ, если не тутъ же, то въ другомъ мѣстѣ. Насъ изрядно стѣснили въ Москвѣ, здѣсь теперь ужасная бѣдность

въ квартирахъ, большой недостатокъ въ адресахъ. Но за то въ провинціи наши дѣла идутъ довольно утѣшительно. Вездѣ нашихъ слушаютъ и принимаютъ съ большимъ сочувствіемъ, книги расходуются съ успѣхомъ и производятъ хорошее впечатлѣніе...... Но наша партія все-таки страдаетъ неорганизованностью...... Нужно чтобы каждый пріобрѣлъ какое либо ремесло или опредѣленное занятіе, и затѣмъ разселиться всѣмъ на такомъ пространствѣ, чтобы была возможность легко сноситься между собою,..... и затѣмъ твердо укрѣпиться каждому на своемъ мѣстѣ...... Такимъ образомъ весь этотъ районъ въ теченіе одного или двухъ лѣтъ можно довести до значительнаго градуса революціонности и потомъ изъ него черпать силы для другихъ мѣстностей...... Я, лично, вполнѣ сочувствуя этому плану, но не имѣя пока мѣста для усовершенствованія въ ремеслѣ, отправляюсь въ образѣ офени шляться и искать счастія, думаю съѣздить въ Питеръ и оттуда пройти всю Россію матушку съ сѣвера на югъ...... Не знаю какъ въ Питерѣ, а здѣсь всѣ люди разъѣхались, такъ что къ вамъ послать отсюда для житья некого...... Оставаться же въ Нижнемъ, по нашему мнѣнію, вамъ не слѣдъ, особенно въ виду возможности разоблаченій татарина (Антова), взятаго въ Калугѣ и плетущаго всякій вздоръ на основаніи новой вѣры...... Денегъ теперь въ Москвѣ нѣтъ, но каждый день ждемъ изъ Питера, и немедленно по полученіи будетъ вамъ выслана сумма...... Адресъ мой: Большой Козицкій переулокъ, домъ Маркова...... „Александру Сергѣевичу Покровскому" (послѣднія слова въ подлинномъ письмѣ зачеркнуты и вмѣсто нихъ написано карандашемъ: Петру Ивановичу Введенскому).

Александръ Осиповъ Лукашевичъ призналъ, что вышеприведенное письмо писано имъ.

Въ концѣ письма имѣется слѣдующая приписка, сдѣланная рукою Милоглазкина: „Николаева мы не нашли, а тѣ, которые его знаютъ, уѣхали. Книги мои взяты съ обѣщаніемъ переслать вамъ (Впередъ, т. 2)".

Означенный Николаевъ (Николай Судзиловскій), какъ это видно изъ показанія Серебровскаго, былъ лѣтомъ въ его квартирѣ вмѣстѣ съ Ливановымъ и разсказывалъ исторію своего побѣга съ Коваликомъ изъ Николаевска, Самарской губерніи, и, уѣзжая въ Москву, переодѣлся въ платье Серебровскаго, почему сей послѣдній и просилъ Милоглазкина разыскать Николаева и взять у него платье. По предъявленіи В. Серебровскому фотографической карточки Николая Судзиловскаго, онъ призналъ въ немъ личность, называвшуюся Николаевымъ.

Вскорѣ затѣмъ на имя Серебровскаго было получено другое письмо отъ Лукашевича, въ которомъ послѣдній извѣщалъ объ арестѣ Милоглазкина въ Москвѣ. Одновременно съ Милоглазкинымъ былъ арестованъ и Александровскій, послѣ задержанія котораго было получено написанное къ нему Лукашевичемъ изъ Петербурга письмо, начинающееся словами: „Друже Петръ" и заключающее въ себѣ извѣстіе о томъ, что мѣсто для Введенскаго найдено; между строкъ сего письма химическими чернилами было написано другое письмо, большею частью шифромъ.

Александровскій умеръ, а Лукашевичъ, задержанный 3-го апрѣля 1875 г. въ Москвѣ съ паспортомъ *крестьянина Петра Степанова Мудрова*, и Милоглазкинъ *виновными себя не* признали, причемъ, однако, Милоглазкинъ объяснилъ, что дѣйствительно ходилъ въ народъ и уѣхалъ изъ Нижняго въ Москву вмѣстѣ съ Александровскимъ и Лукашевичемъ, а также— что прислалъ Духовскому запрещенныя книги.

По обыску въ квартирѣ, нанятой Ливановымъ 1-го іюля въ слободѣ Печорахъ, было найдено 6 экземпляровъ *Сказки о 4-хъ братьяхъ*, 2 экземпляра *Исторіи одного французскаго крестьянина*, *Сборникъ пѣсенъ и стиховъ*, *Капиталъ и трудъ* Лассаля и двѣ рукописи — *Что дѣлать* и *Какое положеніе наиболѣе удобно для сближенія съ народомъ*.

Ливановъ, о поступленіи котораго въ столярную мастерскую воспитанникъ Самарской семинаріи Николай Петропавловскій писалъ судебному приставу Сызранскаго съѣзда мировыхъ судей, Монстрову: „нужно тебѣ доложить, что Ливановъ поступилъ въ столярную мастерскую съ тою хорошею цѣлью, чтобы тѣснѣе слиться съ рабочими, жить ихъ жизнью, ненавидѣть ихъ ненавистью и пропагандировать принципы соціальной революціи", — не призналъ себя виновнымъ; равнымъ образомъ, не призналъ свою виновность и Аносовъ, ѣздившій вмѣстѣ съ Ливановымъ, какъ это изложено выше, въ Самарскую губернію и задержанный въ гор. Москвѣ, въ квартирѣ дѣвицы Батюшковой (преданной суду по обвине-

пію въ государственномъ преступленіи), причемъ назвалъ себя дворяниномъ Захаровымъ. При задержаніи Аносова, у него были отобраны: книги — *Парижская коммуна* и нѣсколько экземпляровъ газеты *Впередъ*. По объясненію Аносова, онъ познакомился съ Антовымъ совершенно случайно на вокзалѣ передъ отъѣздомъ въ Нижній.

Казакъ Николай Глушковъ и Дмитрій Сѣрышевъ поселились на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, гдѣ къ нимъ присоединился пріѣхавшій изъ Петербурга студентъ Технологическаго института Иванъ Николаевъ Чернявскій. Выѣзжая изъ Москвы, Глушковъ взялъ, по его собственному показанію, у Устюжанинова *Сборникъ пѣсенъ и стиховъ* и *Исторію одного французскаго крестьянина* съ цѣлью распространенія таковыхъ сочиненій въ народѣ, а Сѣрышевъ, какъ это видно изъ его показанія, получилъ отъ Устюжанинова тенденціозную книгу *Крестьянскіе выборы*.

По словамъ Глушкова и Сѣрышева, какъ они, такъ и Чернявскій, постоянно доказывавшій имъ необходимость революціонной пропаганды, въ половинѣ мая приступили къ исполненію своихъ преступныхъ замысловъ; посѣщая трактиры вмѣстѣ съ рабочими, они занимались распространеніемъ между послѣдними книгъ; такъ, Чернявскій передалъ рабочимъ *Сказку о 4-хъ братьяхъ*, а Глушковъ *Исторію одного французскаго крестьянина* и *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ*: Сѣрышевъ же, хотя самъ и не раздавалъ книгъ, былъ въ трактирѣ вмѣстѣ со своими товарищами, когда послѣдніе передавали рабочимъ книги.

Показанія Глушкова и Сѣрышева нашли себѣ полное подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей-рабочихъ, которымъ переданы были книги: причемъ выяснилось еще, что Чернявскій посѣщалъ рабочихъ и на ихъ квартирѣ.

Какъ Сѣрышевъ, задержанный у воротъ дома, въ которомъ жилъ Устюжаниновъ, и выбросившій изъ кармана при заарестованіи его книгу *Крестьянскіе выборы*, такъ и Глушковъ признали себя виновными; Чернявскій же, арестованный 18-го іюля 1874 г. въ гор. Симбирскѣ, виновнымъ себя не призналъ, хотя и подтвердилъ передачу рабочимъ *Исторіи одного французскаго крестьянина* и, кажется, какъ онъ выразился, *Сказки о 4-хъ братьяхъ*.

При задержаніи Чернявскаго, назвавшагося студентомъ Московскаго университета Егоромъ Ивановымъ Никитинымъ, у него были отобраны слѣдующія книги: литографированныя выдержки изъ журнала *Впередъ*, *Исторія одного французскаго крестьянина*, 20 экз. *Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, *Мірской учетъ*, *№ перевоза*, *Крестьянскіе выборы* и *Отщепенцы*.

Дѣятельность Устюжанинова, снабжавшаго книгами Глушкова и Сѣрышева до зимы 1874—1875 гг., осталась не обнаруженною. Въ 1875 г., предъ масленицею, Устюжаниновъ вмѣстѣ съ дочерью статскаго совѣтника Вѣрою Николаевою Панютиной, при содѣйствіи дворянина Владиміра Николаева Щепкина, поселился въ деревнѣ Новинкахъ. Богородскаго уѣзда, у крестьянина Мурашева, причемъ какъ у Устюжанинова, такъ и Панютиной были фальшивые паспорты, у перваго на имя крестьянина Николая Александрова Ковригина, а у послѣдней на имя солдатки Александры Никитиной Агаповой.

Проживая въ Новинкахъ, Устюжаниновъ и Панютина занимались пропагандою. Такъ, когда одинъ крестьянинъ не пожелалъ читать пѣсенника, потому что „грѣхъ читать такія книги великимъ постомъ", Устюжаниновъ разсердился на него и сказалъ: „вы ничего не понимаете; эти книги для васъ болѣзныя" (т. е. о васъ соболѣзнующія); такъ Мурашевой, когда она говѣла, Устюжаниновъ и Панютина говорили, что „генералы, богатые и баре хорошо ѣдятъ и имъ это не грѣхъ"; въ другой же разъ, когда Мурашева стала учить своего сына молиться за Царя, они смѣялись надъ нею и доказывали, что Царя слѣдовало бы лишить власти, а министровъ и генераловъ повѣсить, имѣнія же ихъ раздѣлить поровну, въ доказательство чего ссылались на Пугачева, и стали читать Мурашевой и ея сыну о томъ, какъ Пугачевъ „казнилъ да вѣшалъ богатыхъ", поясняя при этомъ, „что если бы такъ всѣ взялись, то хорошо было бы жить".

Щепкинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ поселеніи Устюжанинова и Панютиной въ деревнѣ Новинкахъ, навѣщалъ ихъ въ означенной деревнѣ и велъ съ ними переписку, причемъ его письма, по прочтеніи ихъ, разрѣзывались на мелкіе куски; въ приложенномъ къ дѣлу письмѣ Устюжанинова, которое сей послѣдній вручилъ Мурашевой опустить въ

почтовый ящикъ, Устюжаниновъ, давая Щепкину отчетъ въ израсходованныхъ деньгахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ объ изготовленіи лѣтняго „для насъ“ костюма, присовокупляя, что костюмъ В. Н. купитъ сама, лишь бы Щепкинъ позаботился насчетъ денегъ, конецъ же письма—слѣдующій: „будутъ ли жить послѣ 6-го апрѣля наши друзья въ Протопоповскомъ переулкѣ и если перемѣнятъ квартиру, то сообщите точный адресъ.

Въ Протопоповскомъ переулкѣ, въ домѣ Корсакъ, жили: Бардина, Джабадари, Чикоидзе и др., преданные суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи.

По обыску, произведенному въ помѣщеніи, которое занимали въ деревнѣ Новинкахъ Устюжаниковъ и Панютина, было найдено значительное количество революціонныхъ сочиненій, какъ-то: 10 экз. *Чтой-то, братцы*, 9 экз. *Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, 6 экз. *Сказки о 4-хъ братьяхъ*, *Хитрая механика*, *Исторія одного французскаго крестьянина*, а также прибавленіе А къ *Государственности и Анархіи*.

Кромѣ сего по обыску были найдены: паспортъ на имя Ковригина и писанная карандашемъ на клочкѣ бумаги записка слѣдующаго содержанія: „я хотѣла писать письмо, да они мѣшаютъ. Вдругъ она прочтетъ. Не пріѣхалъ ли Н. А. М.“

Панютина, признавъ, что означенная записка писана ею къ Устюжанинову, уѣхавшему на время въ Москву, объяснила, что Н. А. М. — студентъ Кіевскаго университета Никита Андреевъ Мельниковъ, но имѣя въ виду, что адресъ Панютиной, писанный рукою Николая Александрова Морозова, найденъ въ деревнѣ Шелковой, у крестьянина Петра Союзова, есть полное основаніе признать, что Н. А. М.—членъ кружка Алексѣевой, гимназистъ Николай Александровъ Морозовъ.

Найденныя при обыскѣ у Панютиной и Устюжаниновой книги были, по показанію Мурашевой, привезены означенными лицами изъ Москвы въ два пріема, первый разъ на первой недѣлѣ Великаго поста, когда Устюжаниновъ и Панютина ѣздили оба въ Москву, а второй разъ — на третьей недѣлѣ, когда уѣзжалъ изъ Новинокъ одинъ Устюжаниновъ.

По обыску у Щепкина найдены книги: *Стенька Разинъ*, *Парижская коммуна*, статья изъ журнала *Впередъ*, *Отщепенцы*, *Сказка о 4-хъ братьяхъ*, 2 т. журнала *Впередъ*, *Объ общинномъ владѣніи землею*, Чернышевскаго, *Крестьянскіе выборы*, 17 экз. *На міру*, портретъ Лассаля съ надписью, сдѣланною рукою Щепкина: „вы камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго“, а также разнаго рода рукописи, въ томъ числѣ и преступнаго содержанія, въ числѣ которыхъ оказался писанный Щепкинымъ и Устюжаниновымъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія: „Der moderne Socialismus и т. д.“, каковое сочиненіе, по заявленію главнаго управленія по дѣламъ печати, относится къ числу такихъ, которыя колеблютъ основы государственнаго порядка.

Кромѣ сего у Щепкина была отобрана записная книжка, въ которой, между прочимъ, записанъ адресъ Лаврова въ Цюрихѣ.

Устюжаниновъ умеръ, а Панютина и Щепкинъ виновными себя не признали, но тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Щепкинъ и Панютина были вмѣстѣ съ Устюжаниновымъ членами революціоннаго кружка, и что Щепкинъ игралъ главную роль въ той пропагандѣ, веденіе которой приняли на себя Устюжаниновъ и Панютина.

Вышеупомянутый Николай Морозовъ, а также Николай Саблинъ, принадлежавшіе оба къ кружку Алексѣевой, равно какъ и сія послѣдняя, въ началѣ мая 1874 г. появились въ Даниловскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, въ селѣ Потаповѣ, имѣніи Иванчина-Писарева.

Иванчинъ-Писаревъ, какъ это выяснено слѣдствіемъ, занимался веденіемъ революціонной пропаганды въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ. Осенью 1873 г. онъ устроилъ въ селѣ Потаповѣ столярную мастерскую, въ которой училъ рабочихъ пѣть революціонныя пѣсни: *Барка*, *Свобода*, *Пора собраться съ силами* и др., и доказывалъ имъ необходимость возстанія противъ правительства; независимо отъ сего, Писаревъ занимался и распространеніемъ революціонныхъ книгъ: онъ читалъ и раздавалъ крестьянамъ: *Стеньку Разина*, *Исторію одного французскаго крестьянина*, *Отщепенцевъ*, *Государственность и Анархію* и *Сказку о четырехъ братьяхъ* и устраивалъ народныя гулянья, на которыхъ пѣлись пѣсни возмутительнаго содержанія.

Дѣятельными сотрудниками Иванчина-Писарева были проживавшіе въ селѣ Вятскомъ— земскій врачъ Иванъ Ивановъ Добровольскій, у котораго поселился Саблинъ, и земская

акушерка, бывшая цюрихская студентка Марія Платонова Потоцкая, жившая въ одной квартирѣ съ Добровольскимъ и получившая мѣсто по рекомендаціи послѣдняго.

Участіе Добровольскаго и Потоцкой въ пѣніи революціонныхъ пѣсенъ и устной пропагандѣ, а также распространеніе Добровольскимъ книгъ революціоннаго содержанія, вполнѣ доказано показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ полную солидарность означенныхъ лицъ съ Иванчинымъ-Писаревымъ.

Послѣ Пасхи 1874 г. въ селѣ Потаповѣ проживали нѣкоторое время и занимались пропагандою двѣ личности, назвавшіяся Василіемъ Семеновымъ Шевелевымъ и Иваномъ Кузьминымъ, которыхъ Иванчинъ-Писаревъ выдавалъ за своихъ хорошихъ знакомыхъ; между тѣмъ оказалось, по показанію Саблина, что Шевелевъ былъ Клеменсъ, а по показанію крестьянъ, Кузьминъ былъ Исаакъ Львовъ, арестованный въ мастерской Войноральскаго на Бутыркахъ и вскорѣ затѣмъ освобожденный изъ-подъ стражи.

Какъ выше сказано, въ маѣ 1874 г. въ Потапово пріѣхали Алексѣева, Саблинъ и Морозовъ. Алексѣева, какъ это удостовѣрено слѣдствіемъ, принимала участіе въ устраиваемыхъ Иванчинымъ-Писаревымъ народныхъ гуляньяхъ, на которыхъ пѣлись революціонныя пѣсни; Саблинъ, какъ это видно изъ показанія крестьянина Михаила Селиванова, старался занять мѣсто фельдшера въ Боровской волости, куда и ѣздилъ съ Иванчинымъ-Писаревымъ, а Морозовъ поступилъ, по его собственному показанію, въ кузницу въ деревнѣ Коптевѣ для обученія кузнечному мастерству. Независимо отъ сего, по удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, Саблинъ и Морозовъ читали рабочимъ въ мастерской Писарева революціонныя книги, разъясняли таковыя и говорили объ уничтоженіи правительства, а Саблинъ, сверхъ того, въ Троицынъ день, въ трактирѣ села Боръ, пѣлъ *Барку* въ присутствіи многихъ крестьянъ.

Въ концѣ мая дѣятельность Писарева стала извѣстна правительству, и Писаревъ скрылся; по обыску же въ селѣ Потаповѣ, въ нежиломъ домѣ, были найдены спрятанными за карнизомъ подъ крышею въ большомъ количествѣ революціонныя книги, изъ которыхъ *Государственность и Анархія*, *Впередъ*, *Историческое развитіе интернаціонала* и *Гражданская война во Франціи*,—Добровольскій призналъ за принадлежащія ему.

Пробывъ въ Потаповѣ около мѣсяца, Алексѣева, Саблинъ и Морозовъ, въ то самое время, когда скрылся Иванчинъ-Писаревъ, возвратились въ Москву, гдѣ Алексѣева и поселилась въ номерахъ Скворцова, на Моховой. Саблинъ вскорѣ затѣмъ уѣхалъ, по его собственному показанію, разыскивать Клеменса въ Петербургъ, откуда и отправился за границу; Алексѣева же и Морозовъ, въ виду послѣдовавшихъ около того времени въ Москвѣ арестовъ, выѣхали изъ Москвы и поселились въ Курской губерніи, въ имѣніи Софіи Леонтьевой, гдѣ и прожили до 13 августа. За день до ихъ отъѣзда пріѣхалъ къ Алексѣевой, какъ видно изъ ея показанія, Кравчинскій, предупредить ее не ѣздить въ Москву. Отъ Леонтьевыхъ Алексѣева поѣхала съ Морозовымъ до Курска, откуда уже одна отправилась въ Одессу, а затѣмъ въ іюнѣ 1875 г.—въ имѣніе своей матери, въ Тамбовскую губернію, гдѣ и была задержана.

Разставшись съ Алексѣевою въ Курскѣ, Морозовъ вернулся, по его словамъ, въ Москву, откуда въ ноябрѣ поѣхалъ за границу, гдѣ и встрѣтился съ Саблинымъ. 12-го марта 1875 г. Саблинъ и Морозовъ были задержаны въ пограничномъ селеніи Вибартахъ, на обратномъ пути въ Россію, причемъ у Морозова оказалось прусское легитимаціонное свидѣтельство на имя Карла Энгеля, а у Саблина—прусская легитимаціонная карта на имя Фридриха Вейсмана.

Независимо отъ вышеизложеннаго, слѣдствіемъ обнаружены сношенія Саблина съ Сидорацкою (Ободовскою), что уже изложено выше, и Морозова—со скрывшимся, но изобличеннымъ въ государственномъ преступленіи крестьяниномъ Иваномъ Союзовымъ. Въ домѣ брата послѣдняго—Петра Союзова, въ дер. Шелковой, Дмитровскаго уѣзда, было найдено нѣсколько записокъ, несомнѣнно писанныхъ Морозовымъ, въ числѣ которыхъ оказались слѣдующія: а) „поговорите съ нимъ и познакомьте съ кѣмъ-нибудь. Это братъ Ивана Осипова, про меня все знаетъ Н. М.", и б) „познакомьте съ народомъ побольше. Дѣло онъ знаетъ. Н. Воробьевъ". На оборотѣ первой записки имѣется адресъ Вѣры Панютиной.

Добровольскій, Потоцкая, Алексѣева, Саблинъ и Морозовъ виновными себя не признали.

Въ Ярославской губерніи революціонная пропаганда велась еще въ Рыбинскомъ уѣздѣ и въ самомъ Ярославлѣ. Представителями революціонныхъ дѣятелей въ Рыбинскѣ были Дмитрій Бородулинъ, Павелъ Троицкій и Марія Гейшторъ, а также и Софія Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, отправившаяся изъ Петербурга въ Саратовъ и останавливавшаяся на нѣсколько дней въ Рыбинскѣ.

Бородулинъ, уѣхавшій на лѣто, какъ сказано выше, изъ Петербурга въ Рыбинскъ, гдѣ онъ и поселился, объяснилъ на предварительномъ слѣдствіи, что въ началѣ іюня къ нему явился Троицкій съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Лешернъ, въ которомъ послѣдняя, между прочимъ, извѣщала, что дала разрѣшеніе Троицкому сообщить его знакомымъ адресъ Бородулина для корреспонденціи, а при дознаніи Бородулинъ удостовѣрилъ, что Троицкій и Лешернъ явились къ нему одновременно, и что Лешернъ лично рекомендовала ему Троицкаго; послѣдній, по словамъ Бородулина, былъ у него раза два или три, а затѣмъ отправился въ село Коприно, гдѣ намѣренъ былъ провести лѣто, причемъ, когда Троицкій, предъ уходомъ въ Коприно, явился къ нему въ послѣдній разъ, то вмѣстѣ съ нимъ была и Гейшторъ. Одновременное пребываніе въ Рыбинскѣ Троицкаго и Гейшторъ удостовѣряется и показаніемъ Лешернъ, изъ котораго оказывается, что она пробыла въ Рыбинскѣ дней десять и въ это время посѣщала какъ Бородулина, такъ и жившихъ вмѣстѣ на одной квартирѣ Троицкаго и Гейшторъ; изъ этого же показанія Лешернъ видно, что въ разговорахъ съ Бородулинымъ, она, быть можетъ, и говорила ему о цѣли своей поѣздки въ Саратовъ, состоявшей, по ея словамъ, въ томъ, чтобы ближе узнать „народъ и его политическій духъ", что̀ находитъ себѣ подтвержденіе и въ объясненіяхъ Бородулина о томъ, что Лешернъ, желая изучить бытъ волжскихъ рабочихъ, просила пріискать ей мѣсто кухарки въ артели крючниковъ, а также говорила что-то о шифрѣ для переписки, о бывшихъ съ нею какихъ-то книгахъ и о своемъ намѣреніи называться русскимъ именемъ. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что Бородулинъ зналъ и настоящую цѣль поѣздки Лешернъ, съ которою онъ, какъ видно изъ дѣла, былъ вполнѣ солидаренъ. Такъ, на дознаніи Бородулинъ призналъ, что Лешернъ показывала ему свой фальшивый паспортъ и передала ему шифръ для переписки съ нею. Такое показаніе Бородулина, данное при дознаніи, вполнѣ подтверждается написаннымъ Лешернъ въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ и адресованнымъ ею на имя Бородулина письмомъ, въ которомъ Лешернъ писала: „Дмитрій, замѣните первыя слова, что̀ я дала вамъ выучить, слѣдующими...", послѣ чего шифромъ написаны слова, изъ шифра Ковалика; означенное письмо подписано *Варя*, т.-е. именемъ, значащимся въ фальшивомъ паспортѣ, съ которымъ 17-го іюня Лешернъ была задержана въ Саратовѣ; далѣе въ письмѣ Лешернъ извѣщала Бородулина и Рабиновича о своемъ арестѣ, обращаясь къ обоимъ, какъ къ лицамъ, въ одинаковой степени посвященнымъ въ дѣла и самой Лешернъ, и другихъ дѣятелей революціонной пропаганды, сообщала о своемъ намѣреніи бѣжать изъ-подъ стражи и просила Бородулина съѣздить въ Петербургъ—„неравно и тамъ что не ладно", причемъ совѣтовала быть осторожнымъ. Независимо отъ вышеприведеннаго письма Лешернъ, вполнѣ изобличающаго Бородулина въ принадлежности къ тайному революціонному сообществу, виновность Бородулина подтверждается слѣдующими обстоятельствами дѣла: а) въ своемъ показаніи Бородулинъ призналъ, что два раза навѣщалъ въ Копринѣ Троицкаго и Гейшторъ, которые впослѣдствіи и оставили у него свое крестьянское платье; б) означенное платье, мужское и женское, было найдено при обыскѣ у Бородулина, удостовѣрившаго при слѣдствіи принадлежность такового вышеупомянутымъ лицамъ: в) по тому же обыску у Бородулина было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, какъ-то: *Очерки фабричной жизни*, въ 2-хъ экземплярахъ, *Клодъ Ге*, *Степные очерки*, *Митюха* и друг., фотографическія карточки Лассаля и Чернышевскаго и холстинная обертка съ посылки, съ адресомъ Дмитрія Бородулина, по поводу которой послѣдній при слѣдствіи показалъ, что въ концѣ іюня, въ то время, когда Троицкій и Гейшторъ были въ Копринѣ, онъ получилъ изъ Петербурга отъ неизвѣстнаго лица, подъ видомъ столярныхъ издѣлій, посылку съ книгами, въ числѣ которыхъ были: *Государственность* и *Анархія*, *Историческое развитіе интернаціонала* и *Исторія французскаго крестьянина*, изъ каковыхъ книгъ часть была отобрана у него при обыскѣ, прочія же—цензурныя разошлись неизвѣстно куда, а запрещенныя были имъ сожжены; и г) послѣ задержанія Бородулина, 14 іюля на его имя было получено въ Рыбинскѣ пи-

кѣмъ не подписанное письмо, въ коемъ сообщали Бородулину, что „Варвару забрали въ Саратовѣ", и совѣтовали ему быть осторожнымъ въ письмахъ; означенное письмо было написано Рабиновичемъ, что имъ и признано.

Несмотря на собранныя противъ Бородулина улики, онъ не призналъ себя виновнымъ.

Поселившись въ Копринѣ, Троицкій и Гейшторъ занялись пропагандою, доказательствомъ чего служитъ показаніе крестьянина деревни Льгоцевъ Тимоѳея Андреева Ермолаева, удостовѣрившаго, что за нѣсколько дней до Петрова дня онъ пустилъ къ себѣ ночевать мужчину и женщину, которые на другой день рано утромъ ушли, причемъ женщина, въ присутствіи мужчины, дала ему книгу, сказавъ: „вотъ тебѣ за ночлегъ"; переданная ему книга была, по словамъ Ермолаева, *Сказка о 4-хъ братьяхъ*, что подтвердилъ и другой крестьянинъ той же деревни, которому Ермолаевъ показывалъ оставленную ему книгу.

По предъявленіи Троицкаго и Гейшторъ Ермолаеву, послѣдній призналъ въ нихъ тѣхъ именно лицъ, которыя ночевали у него предъ Петровымъ днемъ и передавали ему *Сказку о 4-хъ братьяхъ*.

Независимо отъ вышеизложеннаго, изъ показанія Рабиновича видно, что Троицкій, послѣ возвращенія своего изъ Рыбинска, въ концѣ іюля, разсказывалъ ему о своей пропагандѣ въ Ярославской губерніи.

Павелъ Семеновъ Троицкій и Марія Эдуардовна Гейшторъ, не признавая себя виновными, отвергли даже свою ночевку въ дер. Льговецъ и объяснили: Троицкій, что онъ Рабиновича и Лешернъ вовсе не знаетъ, а Гейшторъ, что незнакома съ Лешернъ, которую не видала и въ Петербургѣ, и что Лешернъ, вѣроятно, называетъ ея именемъ другое лицо; послѣднее объясненіе Гейшторъ дала при предъявленіи ей слѣдственнаго производства.

Вслѣдствіе такого заявленія Гейшторъ была предъявлена Лешернъ фонъ-Герцфельдъ. которая показала, что предъявленную ей личность никогда не видала.

Такое объясненіе Лешернъ, назвавшей въ своемъ показаніи Гейшторъ по ея имени и отчеству, — въ виду несомнѣнности проживанія въ Рыбинскомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ Троицкимъ именно обвиняемой по настоящему дѣлу Маріи Эдуардовой Гейшторъ, что признано и сею послѣднею, а не какой-либо другой личности, — доказываетъ лишь полную солидарность между собою названныхъ лицъ, и объясняется тѣмъ, что во время производства предварительнаго слѣдствія какъ Лешернъ, такъ и Гейшторъ содержались подъ стражею въ домѣ предварительнаго заключенія, въ которомъ, какъ доказано слѣдствіемъ, существовали тайныя сношенія не только между арестантами одного отдѣленія, но и между арестантами мужского и женскаго отдѣленій; Марія Гейшторъ находилась въ числѣ лицъ, сношенія которыхъ съ другими вполнѣ доказаны записками, отобранными у Чарушина въ Петропавловской крѣпости, при переводѣ его туда изъ дома предварительнаго заключенія. Двѣ изъ означенныхъ записокъ, писанныя Исаакомъ Павловскимъ, начинаются словами: первая — „Вотъ мы гдѣ съ вами, Марія Эдуардовна, побесѣдуемъ!..", а вторая — „эту записку надо передать Маріи Гейшторъ".

По обыску въ квартирѣ, которую занимали въ Копринѣ Троицкій и Гейшторъ, была найдена тенденціозная книга: *Сила солому ломитъ*.

Въ г. Ярославлѣ занимался пропагандою Коваликъ, прибывшій туда изъ Москвы съ Митрофаномъ Гриценковымъ.

По словамъ послѣдняго, на пути въ Ярославль, онъ и Коваликъ заѣхали въ Троицко-Сергіевскую лавру къ семинаристу Остроумову и предъявили ему рекомендательное письмо отъ знакомой Остроумова, Криволуцкой, на имя Македона, за котораго Гриценковъ себя и выдалъ. Въ означенномъ письмѣ Криволуцкая просила Остроумова снабдить Македона рекомендаціей къ кому-либо изъ воспитанниковъ тамбовской семинаріи, что Остроумовъ и сдѣлалъ, давъ Гриценкову письмо къ брату своему Алексѣю, каковое письмо, по словамъ Гриценкова, взялъ себѣ Коваликъ.

По прибытіи въ Ярославль, Коваликъ (подъ фамиліею Лукашевича) отправился къ профессору Ярославскаго лицея Михаилу Духовскому, съ которымъ встрѣчался прежде въ Москвѣ, въ библіотекѣ Тюменевой, и познакомилъ его съ Гриценковымъ, назвавшимся

Александровымъ, а чрезъ Духовского и его брата Евгенія, Коваликъ и Гриценковъ, въ свою очередь, познакомились съ нѣсколькими студентами лицея. Задавшись мыслью вести пропаганду между семинаристами, Коваликъ старался знакомиться преимущественно со студентами, воспитывавшимися въ какой-либо семинаріи, и затѣмъ, подъ разными благовидными предлогами, выпрашивалъ у нихъ рекомендательныя письма къ ихъ прежнимъ товарищамъ. Такъ, выдавая себя за лицо желавшее открыть въ г. Костромѣ библіотеку, Коваликъ получилъ отъ студента Віолентова письма къ воспитанникамъ Костромской семинаріи Невскому и Померанцеву, а узнавъ отъ студента Знаменскаго, что въ Калужской семинаріи Скворцовъ и Громовъ слывутъ за самыхъ развитыхъ воспитанниковъ, просилъ Знаменскаго дать ему къ означеннымъ лицамъ письмо, отъ чего Знаменскій отказался.

Гриценковъ, какъ видно изъ его показанія, присутствовалъ при разговорахъ Ковалика со студентами, у которыхъ Коваликъ, между прочимъ, спрашивалъ, читали ли они запрещенныя книги, какъ-то, напр., *Государственность и Анархія*, и зналъ, что у Ковалика было четыре или пять экземпляровъ означенной книги, а также книга *Историческое развитіе интернаціонала*. Проживъ нѣсколько дней въ Ярославлѣ, Гриценковъ имѣвшій, по его словамъ, отъ студента Воронцова письмо къ земскому врачу Добровольскому, отправился къ сему послѣднему, но, вслѣдствіе постигшей его дорогою болѣзни, долженъ былъ возвратиться въ Москву, откуда поѣхалъ къ роднымъ въ Орелъ, гдѣ и былъ арестованъ.

Гриценковъ виновнымъ себя не призналъ.

Оставшись послѣ отъѣзда Гриценкова въ Ярославлѣ, Коваликъ явился къ студенту Богданову, адресъ котораго узналъ отъ студента Оферьева, выдалъ себя за рязанскаго помѣщика, сообщилъ, что думаетъ въ скоромъ времени быть во Владимірѣ, и просилъ Богданова назвать ему фамиліи нѣсколькихъ недостаточныхъ семинаристовъ, изъявляя готовность оказать имъ помощь. Уходя отъ Богданова, Коваликъ предложилъ ему прогуляться вмѣстѣ съ нимъ, и во время прогулки, что́ было уже поздно вечеромъ, сказалъ, что у него есть хорошія книги, которыми онъ можетъ снабдить Богданова. Вслѣдствіе изъявленнаго Богдановымъ согласія, Коваликъ передалъ ему тутъ же двѣ книги, которыя вынулъ изъ бокового кармана и которыя оказались: *Государственность и Анархія* и *Историческое развитіе интернаціонала*. Означенныя книги были представлены Богдановымъ директору лицея.

Передъ отъѣздомъ изъ Ярославля Коваликъ зашелъ къ Михаилу Духовскому и оставилъ ему письмо для передачи таковаго Гриценкову, если сей послѣдній заѣдетъ опять въ Ярославль. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Коваликъ передалъ Богданову запрещенныя книги, Духовской распечаталъ оставленное ему письмо и прочелъ таковое. Въ немъ совѣтовалось не оставаться въ Ярославлѣ, „гдѣ дѣлать нечего, а ѣхать — на сколько помнитъ Духовской — во Владиміръ — „русскій Манчестеръ“, какъ было сказано въ письмѣ; означенное письмо было Духовскимъ уничтожено.

Изъ Ярославля Коваликъ направился въ Кострому, гдѣ и явился къ Невскому съ рекомендательнымъ письмомъ Віолентова. По удостовѣренію Невскаго, Коваликъ завелъ съ нимъ разговоръ о товарищескомъ общеніи между семинаристами и спросилъ, не можетъ ли онъ, Невскій, устроить кружки? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Коваликъ обратился къ Невскому съ просьбою передать имѣющему прибыть въ Кострому товарищу его, Ковалика, Александрову книги, и, вслѣдствіе согласія Невскаго, передалъ ему завернутый въ бумагу и опечатанный пакетъ.

Въ іюлѣ Невскій получилъ непонятное для него письмо, а недѣлю спустя явилась къ нему неизвѣстная личность, которая пониженнымъ голосомъ спросила: „былъ у васъ Николаевъ?“ Означенный посѣтитель показался Невскому крайне подозрительнымъ, и такъ какъ въ полученномъ за недѣлю тому назадъ письмѣ упоминалась фамилія Николаева, то Невскій и заявилъ о всемъ вышеизложенномъ начальнику Костромского губернскаго жандармскаго управленія.

Задержанная по указанію Невскаго неизвѣстная личность, справлявшаяся объ Николаевѣ, оказалась народнымъ учителемъ Самарской губерніи Владиміромъ Поповымъ (нынѣ умершимъ), а въ представленномъ Невскимъ пакетѣ, оставленномъ у него Коваликомъ, были найдены книги: *Государственность и Анархія* и *Историческое развитіе интернаціонала*.

Калужскую семинарію, о воспитанникахъ которой сообщилъ ему свѣдѣнія Знаменскій, Коваликъ лично не посѣтилъ, предоставивъ пропагандировать въ ней своему знакомому—дворянину Аркадію Головину, бывшему воспитаннику Технологическаго института.

По обыску у означеннаго Головина были найдены: *Стенька Разинъ*, *О мученикѣ Николаѣ*, нѣсколько тенденціозныхъ книгъ и никѣмъ не подписанное письмо, которое Коваликъ призналъ за написанное имъ.

Въ означенномъ письмѣ Коваликъ совѣтовалъ посѣтить библіотеку Шевыревыхъ, гдѣ собираются семинаристы, съ которыми Шевыревы и познакомятъ Головина, а затѣмъ сообщилъ, что лучшіе изъ семинаристовъ — Громовъ и Скворцовъ, при знакомствѣ съ которыми можно сослаться на Знаменскаго, студента Ярославскаго лицея, что и Знаменскій будетъ въ Калугѣ въ іюнѣ, и что слѣдуетъ обратить вниманіе на него и на другихъ лицеистовъ, которые будутъ съ нимъ; въ заключеніе Коваликъ писалъ, что „онъ (т.-е. Знаменскій) предоставитъ такую же почву для *пропаганды* какъ и семинаристы“.

Головинъ, не признавая себя ни въ чемъ виновнымъ, объяснилъ, что найденныя у него при обыскѣ книги купилъ въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ, и что кѣмъ писано вышеприведенное письмо не знаетъ, хотя и былъ у Знаменскаго, что подтвердилъ и сей послѣдній.

Между тѣмъ, изъ показанія Рабиновича оказывается, что въ Петербургѣ, въ квартирѣ брата Головина, собирались сходки членовъ разныхъ кружковъ, на которыхъ обсуждалась программа дѣятельности кружковъ, и что Головинъ изъявилъ согласіе принять къ себѣ въ имѣніе нѣсколько человѣкъ пропагандистовъ подъ видомъ рабочихъ, для доставленія имъ возможности изучить крестьянскія работы, вслѣдствіе чего при посѣщеніи, по просьбѣ Ковалика, Харьковскаго революціоннаго кружка, Рабиновичъ и далъ членамъ онаго адресъ Головина въ Калужской губерніи.

Такое показаніе Рабиновича, въ связи съ письмомъ Ковалика, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ виновности Головина.

Въ то же самое время революціонная пропаганда велась въ селѣ Ловати, Жиздринскаго уѣзда, земскимъ врачемъ Иваномъ Козачкомъ, вмѣстѣ съ проживавшими у него студентомъ Петербургскаго университета Введенскимъ и не окончившимъ курса Орловской гимназіи Николаемъ Махаевымъ.

Въ числѣ знакомыхъ Козачка, окончившаго курсъ въ Медико-Хирургической Академіи въ 1873 г., былъ студентъ той же Академіи Василій Махаевъ, который, какъ видно изъ его письма, отобраннаго у земскаго врача Вятской губерніи Пересвѣтова, принадлежалъ къ петербургскимъ кружкамъ и занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ. Въ означенномъ письмѣ Василій Махаевъ (нынѣ умершій) сообщалъ, между прочимъ, что „Иванъ и еще нѣсколько человѣкъ, подвизающихся среди народа въ качествѣ медиковъ, учителей и рабочихъ, согласились съѣхаться въ декабрѣ 1874 г... чтобы повѣдать другъ другу свои удачи и неудачи и выработать болѣе или менѣе опредѣленный планъ дѣйствія; наконецъ посвятить новичковъ въ будущую дѣятельность, указывая имъ вѣрные пути для достиженія цѣли, вынесенные изъ своей практики“. Василій Махаевъ призналъ, что вышеприведенное письмо писано имъ, и что упомянутый въ письмѣ „Иванъ“ — земскій врачъ Иванъ Козачекъ.

Въ началѣ лѣта 1874 г., къ Козачку, въ село Ловать, пріѣхали: братъ Василія Махаева—Николай Введенскій, а также на короткое время и самъ Василій Махаевъ. Проживая въ селѣ Ловати, Козачекъ, Николай Махаевъ и Введенскій, какъ вполнѣ доказано свидѣтельскими показаніями, вели дѣятельную пропаганду между мѣстными крестьянами. Такъ, они внушали крестьянамъ, что земля должна быть раздѣлена между всѣми поровну, что подати платятъ только бѣдные, и что не слѣдуетъ допускать продажу своего имущества на пополненіе недоимокъ, пѣли на улицѣ въ Ловати и въ Ночномъ пѣсни *Свобода-свободушка*, *Изъ-за матушки, изъ-за Волги* и читали, а также раздавали крестьянамъ тенденціозныя и революціонныя книги. Введенскій раздавалъ крестьянскимъ мальчикамъ тенденціозныя книги на улицѣ и на дому, а Козачекъ и Махаевъ читали крестьянамъ *Сказку о четырехъ братьяхъ*, причемъ разъясняли прочитанное. Независимо отъ сего, Козачекъ, какъ обнаружено слѣдствіемъ, далъ одному лицу *Исторію одного французскаго*

крестьянина и въ разговорахъ съ крестьянами старался поколебать въ нихъ религіозное чувство, въ чемъ ему также содѣйствовали Махаевъ и Введенскій.

По обыску, произведенному 23 сентября 1874 г. въ квартирѣ Козачка, у сего послѣдняго были найдены книги: *Дѣдушка Егоръ* въ 21 экз., *Исторія одного французскаго крестьянина*, *Гражданская война во Франціи*, *Mémoire presenté par la Fédération Jurassienne* и нѣсколько другихъ тенденціозныхъ книгъ.

Козачекъ, Махаевъ и Введенскій виновными себя не признали, причемъ первые двое, не отвергая пѣнія пѣсенъ *Свобода-свободушка* и *Изъ-за матушки, изъ-за Волги*, объяснили: Козачекъ, что пѣлъ означенныя пѣсни отъ нечего дѣлать, а Махаевъ, что не считалъ ихъ революціонными. Кромѣ сего изъ показанія Козачка оказывается, что у него былъ „Пѣсенникъ".

Продолжая свое путешествіе, Коваликъ изъ Костромы направился въ Нижній-Новгородъ, имѣя, какъ сказано выше, записку отъ Ободовской къ артиллеристамъ. Видѣлся ли Коваликъ въ Нижнемъ съ артиллеристами, осталось не выясненнымъ, но слѣдствіемъ вполнѣ доказано, что Михаилъ Духовской пригласилъ нѣсколько человѣкъ семинаристовъ въ поле, за Петропавловскою церковью, гдѣ Коваликъ и студентъ Петровской Академіи Цвѣтковъ (нынѣ умершій) внушали семинаристамъ необходимость оказанія помощи народу, для чего слѣдуетъ бросить ученье, идти въ народъ и возбуждать его къ возстанію противъ правительства.

Коваликъ призналъ, что видѣлся въ Нижнемъ съ семинаристами, но не далъ никакихъ по сему предмету объясненій, а Духовской, вполнѣ подтвердивъ вышеизложенное, присовокупилъ, что имъ было дано Ковалику рекомендательное письмо къ Ливанову, находившемуся въ то время въ Самарѣ.

Означенное письмо было впослѣдствіи найдено въ мастерской Пельконена, устроенной въ Саратовѣ Войноральскимъ, въ шифрованныхъ запискахъ котораго оказался записаннымъ и адресъ Духовского.

Изъ Нижняго-Новгорода Коваликъ поѣхалъ въ Казань, гдѣ и явился къ студенту мѣстнаго университета Евгенію Овчинникову, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ студента Петровской Академіи Бердникова. У Овчинникова, знакомаго съ Чарушинымъ и Гауэнштейномъ, проживала, какъ видно изъ его показанія, въ январѣ 1874 г. неизвѣстная личность, назвавшаяся Свиридовымъ и явившаяся къ нему по рекомендаціи Чарушина: означенный Свиридовъ, у котораго Овчинниковъ видѣлъ старый видъ на жительство Голоушева, получилъ нѣсколько писемъ, адресованныхъ на имя Овчинникова, а также телеграмму изъ Городища отъ Войноральской, содержаніе которой, по словамъ Овчинникова, было слѣдующее: „передайте Темногрудову, что мужа нѣтъ дома, деньги скоро будутъ посланы".

Относительно посѣщенія Ковалика, явившагося подъ именемъ Лукашевича, Овчинниковъ объяснилъ, что Коваликъ сообщилъ ему о движеніи въ средѣ петербургской молодежи и о появленіи запрещенныхъ сочиненій Бакунина и Лаврова, а также изъявилъ готовность познакомить его впослѣдствіи съ результатами, къ которымъ придутъ люди, ушедшіе въ народъ, причемъ для переписки съ нимъ далъ шифръ. Посредствомъ означеннаго шифра Овчинниковъ разобралъ полученное отъ Ковалика изъ Самары письмо, въ которомъ Коваликъ спрашивалъ, гдѣ онъ, Овчинниковъ; на каковое письмо Овчинниковъ послалъ тоже писанный шифромъ отвѣтъ по указанному адресу: „въ Самару, Софьѣ Семеновнѣ"; полнаго адреса Овчинниковъ не помнитъ, причемъ просилъ адресовать ему письма въ университетъ на имя Соболева.

Адресъ Овчинникова оказался въ шифрованныхъ письмахъ Войноральскаго на имя Шершивадзе, а по обыску у Овчинникова найдено, между прочимъ, более 30 экземпляровъ *Дѣдушки Егора*, *Гражданская война во Франціи*, *Стенька Разинъ*, *Государственность и Анархія*, *Историческое развитіе интернаціонала*, *Азбука соціальныхъ наукъ*, *Сказка о четырехъ братьяхъ*, *Отщепенцы*, два экземпляра *Пѣсенника*, пять экземпляровъ *Устава международнаго общества рабочихъ*, *Политическая программа западно-европейской демократіи*, *Слово вѣрующаго къ народу*, а также записка слѣдующаго содержанія: „Потрудитесь Овчинникова познакомить съ вашими рабочими, онъ тотъ самый, о которомъ я говорилъ съ вами. Книги мои оставьте у себя до весны; пріѣхать обратно въ Казань мнѣ нельзя".

Приведенная записка оказалась писанною Гауэнштейномъ, что призналъ и сей последній, объясняя, что кому она была адресована, онъ не помнитъ и что Овчинникова лично не зналъ; по словамъ же Овчинникова, Гауэнштейнъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ и который въ концѣ 1873 г. бывалъ у него нѣсколько разъ, прислалъ ему изъ Петербурга упомянутую записку по следующему случаю: узнавъ изъ разговора съ Гауэнштейномъ, что въ Петербургѣ студенты знакомятся съ рабочими, и что Гауэнштейнъ знакомъ съ содержателемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Казани Шредеромъ, онъ, Овчинниковъ, пожелалъ сблизиться съ рабочими Шредера, съ цѣлью чтенія имъ книгъ, и сказалъ объ этомъ Гауэнштейну, который и обѣщалъ познакомить его съ Шредеромъ, но вскорѣ уѣхалъ и впослѣдствіи прислалъ ему упомянутую записку. Независимо отъ сего, изъ показанія Овчинникова видно, что онъ получилъ отъ Чарушина нѣсколько экземпляровъ *Дѣдушки Егора*.

Коваликъ удостовѣрилъ, что былъ въ Казани у Овчинникова, которому и передалъ шифръ для переписки съ нимъ. Овчинниковъ виновнымъ себя не призналъ.

Изъ Казани Коваликъ направился чрезъ Самарскую губернію въ гор. Саратовъ, куда и прибылъ въ концѣ мая и поселился въ мастерской Пелькопепа, устроенной Порфиріемъ Войноральскимъ.

Оставаясь въ Москвѣ, Войноральскій, какъ сказано выше, занялся, по его собственному показанію, печатаніемъ запрещенныхъ и революціонныхъ сочиненій, съ цѣлью распространенія ихъ въ народѣ, причемъ ближайшимъ сотрудникомъ его явился домашній учитель Ипполитъ Никитинъ Мышкинъ, стенографъ при Московскомъ окружномъ судѣ, содержавшій вмѣстѣ съ ревельскимъ гражданиномъ Вильде типографію на Тверскомъ бульварѣ.

Въ началѣ мая Мышкинъ отдѣлился отъ Вильде и перенесъ свою типографію на Арбатъ, въ домъ Орлова, гдѣ и занялся почти исключительно печатаніемъ запрещенныхъ сочиненій. Наборъ, верстаніе, печатаніе и т. д. означенныхъ сочиненій производились въ особомъ отдѣленіи типографіи, носившемъ названіе женской наборной, куда никто изъ непосвященныхъ въ преступную дѣятельность Мышкина не допускался.

Въ типографіи постоянно работали: дочь коллежскаго секретаря Ефрузина Супинская, дочери коллежскаго асессора Елена и Юлія Прушакевичи, дочь майора Софья Андреева Иванова, жена штабсъ-капитана Ольга Фетисова и дочь подполковника Елизавета Ермолаева.

Супинская, Прушакевичи и дочь подполковника Лариса Заруднева пріѣхали въ 1873 г. въ Москву изъ Архангельска и поселились въ номерахъ Кокорева, гдѣ жили также штабсъ-капитанъ Ѳедоръ Фетисовъ съ женою. Здѣсь онѣ познакомились со студентомъ Петровской Академіи Иваномъ Селивановымъ, какъ это видно изъ показанія послѣдняго, а также съ Фетисовыми, что удостовѣрено показаніемъ Ольги Фетисовой, а чрезъ послѣднихъ съ братьями Аркадакскими и съ Мышкинымъ, который, по показаніямъ Ермолаевой, Елены Прушакевичъ и Зарудневой, доставлялъ имъ работу въ своей типографіи. Селивановъ, имѣвшій уже въ 1873 г. сношенія съ дѣятелями революціонной пропаганды, какъ видно изъ отобранной у его брата Дмитрія, при обыскѣ въ квартирѣ Вѣры Рогачевой 12-го декабря 1873 г., записки, въ которой заключалась просьба о доставленіи чрезъ Леонида (Шишко) журнала *Впередъ*, познакомилъ прибывшихъ изъ Архангельска дѣвицъ съ Соловцовскимъ, что видно изъ показанія послѣдняго, а также, по показанію Супинской, и съ Войноральскимъ.

Ермолаева, Супинская, Прушакевичи, Фетисовы и Иванова поселились въ домѣ, въ которомъ помѣщалась типографія, равно какъ и Селивановъ и Войноральскіе; проживаніе означенныхъ лицъ въ домѣ Орлова удостовѣряется ихъ собственными показаніями.

Ермолаева, какъ видно изъ ея показанія, переписывала, по порученію Мышкина, для печатанія нѣкоторыя статьи Лассаля, а также *Исторію одного изъ многострадальныхъ*. (*Исторію одного французскаго крестьянина*). Въ наборѣ *Исторіи одного французскаго крестьянина* принимали участіе Супинская, Ермолаева, сестры Прушакевичъ и Фетисова, по ихъ собственнымъ показаніямъ, а также Иванова, какъ это оказывается изъ показанія Супинской; корректуру держали: Супинская и, по ея словамъ, Елена Прушакевичъ и Соловцовскій, а также Фетисова, по удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, по показаніямъ

которыхъ Елена Прушакевичъ и Супинская занимались верстаніемъ книгъ. Соловцовскій и Малиновскій, какъ это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтелями, часто бывали въ типографіи, принимали иногда съ машины отпечатанные листы, а Малиновскій, сверхъ того, раза три или четыре вертѣлъ колесо машины во время печатанія.

Фетисовъ, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній, былъ корректоромъ въ типографіи и хорошо зналъ о характерѣ набираемыхъ книгъ, доказательствомъ чего служитъ то обстоятельство, что однажды Фетисовъ силою не пустилъ наборщицу Левшину въ ту комнату, гдѣ работала его жена и Софья Иванова.

Зарудиева, поселившаяся въ домѣ Львова, вблизи отъ типографіи, въ квартирѣ, отысканной Константиномъ Аркадакскимъ, согласилась, по ея собственному показанію, на предложеніе Мышкина брошировать на своей квартирѣ запрещенныя книги, печатавшіяся въ его типографіи, вслѣдствіе чего къ ней были доставлены листы: *Исторіи одного французскаго крестьянина*, а также 1 и 2 томы Лассаля, и иногда означенные листы она сама брала къ себѣ изъ типографіи, большею же частію таковые доставлялись ей Аркадакскимъ и Мышкинымъ.

Въ типографіи работали весьма осторожно, отпечатанные листы тотчасъ уносились, равно какъ и макулатурные листы, что признаêлъ самъ Мышкинъ; работа шла спѣшно, иногда работали и ночью, и, наконецъ, около половины мая была отпечатана въ значительномъ количествѣ экземпляровъ *Исторія одного французскаго крестьянина*, переименованная въ *Исторію одного изъ многострадальныхъ* и передѣланная отчасти Мышкинымъ, что видно изъ его показанія.

Кромѣ означенной книги, по словамъ Мышкина, Войноральскаго и Супинской, были напечатаны еще сочиненія Лассаля, прокламація *Чтой-то, братцы*, выдержки изъ *Впередъ* и штукъ 40—50 бланковъ для паспортовъ. Печатаніе означенныхъ книгъ и брошюръ производилось, какъ видно изъ показанія Войноральскаго, большею частію на его средства.

Заниматься брошировкой отпечатанныхъ сочиненій въ Москвѣ Войноральскій признавалъ неудобнымъ, а потому, по его собственнымъ словамъ, и отправилъ Клеопатру Блавдзевичъ въ Пензу, къ Рогачеву, съ тремя ящиками отпечатанныхъ листовъ, снабдивъ при этомъ Блавдзевичъ, какъ это видно изъ ея показанія, фальшивымъ видомъ на имя солдатки Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, Толковской волости, Натальи Федоровой; такими фальшивыми паспортами Войноральскій снабдилъ Ивана Блавдзевича и Лемени-Македона; первому былъ данъ видъ на имя крестьянина Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда, Борисоглѣбской волости, Ивана Павлова Пѣтухова, а второму—на имя крестьянина того же уѣзда и волости Павла Александрова Сѣрякова.

Вышеизложенное признали какъ Войноральскій, такъ и Иванъ Блавдзевичъ, причемъ Войноральскій пояснилъ, что означенные паспорты писаны его рукой, и что приложенныя къ нимъ печати были вырѣзаны имъ же.

Лемени-Македонъ и Иванъ Блавдзевичъ отправились въ гор. Саратовъ, куда вслѣдъ за ними поѣхали и Войноральскій съ женою, Селивановымъ и Юліей Прушакевичъ, отправивъ туда же по желѣзной дорогѣ три ящика съ подлежавшими брошировкѣ листами; уѣзжая изъ Москвы, Войноральскій оставилъ, какъ видно изъ его показанія, Константину Аркадакскому деньги для раздачи таковыхъ лицамъ отправляющимся въ народъ.

Задумавъ заняться брошировкой и распространеніемъ отпечатанныхъ въ типографіи Мышкина сочиненій внѣ Москвы, Войноральскій рѣшилъ устроить въ Саратовѣ мастерскую, которая должна была служить, съ одной стороны, удобнымъ мѣстомъ для брошировки, а съ другой—притономъ для лицъ ушедшихъ въ народъ. Съ этою цѣлью Войноральскій въ началѣ мая 1874 г. отправилъ въ Саратовъ Кулябко и Пельконена съ порученіемъ найти удобную квартиру и открыть въ ней мастерскую, причемъ Кулябкѣ было рекомендовано познакомиться съ семинаристомъ Петромъ Андреевымъ Ломоносовымъ, къ которому Иванъ Блавдзевичъ имѣлъ, какъ видно изъ его показанія, письмо отъ его брата, студента Медико-Хирургической Академіи, и съ дворяниномъ Анатоліемъ Ивановымъ Фаресовымъ, знакомымъ Рогачева. Кулябко въ точности исполнилъ порученіе Войноральскаго, и къ пріѣзду послѣдняго сапожная мастерская была уже открыта Пельконеномъ, на Царицынской улицѣ, въ домѣ Превратухиной.

Войноральскій и прибывшія съ нимъ лица поселились въ означенной мастерской, состоявшей изъ трехъ комнатъ, кухни и мезонина, причемъ Иванъ Селивановъ и Юлія Прушакевичъ помѣстились въ небольшой комнатѣ въ мезонинѣ. Вскорѣ прибыли Лемени-Македонъ и Иванъ Блавдзевичъ, принявшій названіе „Секунда", какъ это видно изъ показанія Елены Прушакевичъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Саратовъ, Войноральскій послалъ Кулябку на вокзалъ желѣзной дороги за ящиками съ отпечатанными въ типографіи Мышкина листами, отправленными изъ Москвы, по словамъ Войноральскаго, подъ видомъ сельтерской воды и лимонада, а самъ вскорѣ затѣмъ отправился въ Москву, откуда вернулся, по его собственному показанію, съ Еленою Прушакевичъ, а также привезъ съ собою еще нѣсколько ящиковъ съ отпечатанными листами.

Между тѣмъ, мастерскую Пельконена стали посѣщать Фаресовъ и Ломоносовъ, изъ которыхъ послѣдній особенно сдружился, по его показанію, съ Иваномъ Блавдзевичемъ и нѣсколько разъ ночевалъ въ мастерской.

Фаресовъ, посѣщая мастерскую Пельконена, вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія ея обитателей, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей Малѣевыхъ, которымъ онъ доказывалъ необходимость пропаганды и далъ для прочтенія *Исторію одного французскаго крестьянина.*

Поручивъ Юліи и Еленѣ Прушакевичъ заняться фальцованіемъ *Исторіи одного изъ многострадальныхъ*, Войноральскій, назвавшій себя Косьмою Захаровымъ Смирновымъ, что видно изъ его показанія, отправился съ Иваномъ Селивановымъ въ Самарскую губернію, а жену свою послалъ въ Тамбовъ, къ губернскому секретарю Павлу Федосѣеву, за полученіемъ денегъ. Въ отсутствіе Войноральскаго, въ мастерскую прибылъ изъ Пензы Рогачевъ, подъ именемъ Николая Куликова, вмѣстѣ съ Клеопатрою Блавдзевичъ, какъ удостовѣрила сія послѣдняя, а 30-го мая, по показанію той же Блавдзевичъ и ея брата, прибылъ и Ковалкъ.

Проживаніе всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ въ мастерской Пельконена подтверждается ихъ собственными показаніями, а также показаніемъ Андрея Кулябко.

Какъ сказано выше, сестры Прушакевичъ занимались фальцованіемъ листовъ *Исторіи одного изъ многострадальныхъ*, въ чемъ имъ помогалъ, по словамъ Юліи Прушакевичъ, и Фаресовъ. Фальцованіе старались вести по возможности быстро, изъ опасенія обыска; поэтому, по словамъ Ивана Блавдзевича, онъ и Лемени-Македонъ тоже приняли участіе въ фальцованіи; опасенія обыска были настолько велики, что Иванъ Блавдзевичъ передалъ, какъ видно изъ его показанія, книгу *Государственность и Анархія* на сохраненіе Фаресову, которому, а также и Ломоносову, для той же цѣли было отдано и нѣсколько ящиковъ съ листами отпечатанныхъ въ Москвѣ сочиненій; это послѣднее обстоятельство подтверждено показаніями Юліи Прушакевичъ, Фаресова и Ломоносова.

Опасенія обитателей мастерской Пельконена были основательны, такъ какъ ихъ странное поведеніе и таинственность, которою они себя окружили, не могли не обратить на себя вниманіе мѣстныхъ властей. 31-го мая 1874 г. въ мастерской Пельконена, недѣли черезъ двѣ послѣ ея открытія, былъ произведенъ обыскъ, по которому найдено, между прочимъ, слѣдующее: въ первой комнатѣ, представлявшей сапожную мастерскую— пара дамскихъ ботинокъ, единственное издѣліе мастерской, *Государственность и Анархія* въ двухъ экземплярахъ, *Историческое развитіе интернаціонала* въ двухъ экземплярахъ и выписки изъ сочиненій разныхъ авторовъ, въ томъ числѣ и Герцена; во второй комнатѣ—нѣсколько путеводителей и географическихъ картъ, билетъ на полученіе книгъ изъ библіотеки, выданный на имя Косьмы Захарова Смирнова, три запечатанныя рекомендательныя письма: а) отъ Воронцова на имя сельскаго учителя Камышинскаго уѣзда Герольдова, б) отъ Криволуцкой на имя студента Петровской Академіи Сокольскаго, въ Тамбовъ, и в) отъ Михаила Остроумова на имя брата Алексѣя также въ Тамбовъ, и два незапечатанныхъ письма: а) отъ Дмитрія Болохова на имя брата его Петра, въ посадъ Дубовку, Саратовской губерніи, и б) отъ Воронцова на имя дворянина Сергѣя Сомова, въ гор. Саратовъ; въ третьей комнатѣ—фальшивый аттестатъ на имя Лукашевича, портмоне съ тремя записками, на оборотѣ одной изъ которыхъ написанъ сокращенно шифръ изъ неприличныхъ словъ, данный Клеопатрѣ Блавдзевичъ, какъ видно изъ ея показанія, Кова-

ликомъ, письмо отъ Воронцова на имя Владиміра Лазарева, письмо послѣдняго на имя жены и видъ на жительство солдатки Натальи Ѳедоровой; въ кухнѣ, на полкѣ, въ темномъ углу—книга *Государственность и Анархія*, а въ сѣняхъ—поддевка байковая, въ карманѣ которой оказалось свидѣтельство С.-Петербургской введенской прогимназіи на имя бывшаго ученика III класса Николая Куликова; въ свѣтелкѣ, занимаемой Селивановымъ и Юліей Прушакевичъ,—сарафанъ послѣдней, красная рубашка и синіе нестрядинные порты Селиванова, и, наконецъ, на чердакѣ мастерской—брошюра *Чтой-то, братцы*, а за стѣною свѣтелки, въ углу—покрытый шубою деревянный ящикъ, наполненный печатными листами.

Черезъ нѣсколько дней мастерская была вновь обыскана, причемъ на чердакѣ былъ найденъ засыпанный землею портфель Войноральскаго, въ которомъ оказалось: а) 28 видовъ на жительство, съ приложенными къ нѣкоторымъ изъ нихъ печатями Лепскаго, Толковскаго, Борисоглѣбскаго и Нижне-Шкафтинскаго волостныхъ правленій; б) два куска аспидной доски, одинъ съ вырѣзанною на немъ короною, а другой—со словомъ „печать"; в) видъ на жительство солдатки Натальи Ѳедоровой, безъ печати; г) метрическое свидѣтельство Малиновскаго и два билета Фроленко, выданные ему изъ Петровской Академіи на слушаніе лекцій и на жительство въ Москвѣ; д) довѣренность выданная Войноральскому дворяниномъ Эдуардомъ Каменскимъ; е) клочекъ бумаги съ надписью „Анатолій Фаресовъ" и съ адресомъ на оборотѣ „Тамбовъ". „Фока Макеевичъ Снегиревъ"; и ж) письма разныхъ лицъ къ Войноральскому. На томъ же чердакѣ, въ темномъ углу его, былъ найденъ сакъ-вояжъ, въ которомъ оказалось: 32 экземпляра *Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, 26 экземпляровъ *Сказки о четырехъ братьяхъ*, 96 литографированныхъ листовъ (изъ сочиненій Лассаля) и книга *Крестьянскіе выборы*. Означенные книги и листы Войноральскій призналъ за принадлежащіе ему. За обшивкою дома, подъ карнизомъ, было найдено нѣсколько пачекъ *Исторіи одного французскаго крестьянина*, а также книги—*Историческое развитіе интернаціонала*, *Рабочій вопросъ*, *Степные очерки*, *Очерки фабричной жизни*, *Отщепенцы* и *Историческія письма Миртова*; значительное количество листовъ *Исторіи одного французскаго крестьянина* было также найдено въ трубѣ и печкѣ, а въ кухнѣ, за обшивкою—свидѣтельство, выданное опочецкимъ предводителемъ дворянства дѣвицѣ Натальѣ Наперстковой, взятое Клеопатрою Блавдзевичъ, по ея показанію, у Наперстковой, предъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

По третьему обыску, произведенному 10 іюня въ мастерской, найдено: метрическое свидѣтельство Юліи Прушакевичъ, два билета, выданные изъ института инженеровъ Путей Сообщенія студенту Ивану Блавдзевичу, черновая телеграмма на имя Софіи Андреевой Ивановой и письмо, адресованное въ Самару, Ивану Ѳедоровичу Лукашевичу, слѣдующаго содержанія: „Гдѣ меня найти? Спросите у Л., оставьте мнѣ К. А. и П. Р. Н., они мнѣ нужны. Гдѣ найти Л...., узнайте въ томъ учебномъ заведеніи, гдѣ онъ находится до 12 часовъ. Secunda".

31 мая Войноральскаго, его жены и Селиванова не было въ мастерской, изъ прочихъ же обитателей ея Коваликъ и Рогачевъ успѣли скрыться, остальные же были арестованы. Клеопатра Блавдзевичъ и Лемени-Македонъ, при задержаніи ихъ, назвались тѣми именами, которыя означены въ данныхъ имъ Войноральскимъ фальшивыхъ паспортахъ, а Лемени-Македонъ, сверхъ того, во время самаго обыска написалъ подъ диктовку сестеръ Прушакевичъ, какъ это видно изъ ихъ показаній, депешу Софьѣ Ивановой слѣдующаго содержанія: „Софьѣ Андреевнѣ Ивановой, Арбатъ, домъ Орлова. Потрудитесь передать Пудикову (т.-е. Мышкину), чтобъ онъ приготовился къ принятію нашихъ давно ожидаемыхъ знакомыхъ, которые только что посѣтили насъ въ Саратовѣ и, вѣроятно, посѣтятъ васъ вскорѣ". Черновая означенной депеши, какъ сказано выше, была найдена въ мастерской, а полученіе таковой депеши не отрицаетъ въ своемъ показаніи и Мышкинъ.

Содержась подъ стражею при 2-й полицейской части гор. Саратова, Юлія Прушакевичъ старалась склонить на свою сторону помощника пристава Артоболевскаго, рисовала ему въ самыхъ темныхъ краскахъ положеніе и бѣдствія народа и, наконецъ, обратилась къ нему съ просьбою о передачѣ записки сестрѣ ея Еленѣ. Въ означенной запискѣ Юлія Прушакевичъ учила сестру, какъ и что показывать на допросахъ, совѣтовала ей не признаваться въ брошировкѣ и не говорить, какіе ящики увезли изъ мастерской Пелькопена

Ломоносовъ и Фаресовъ, объяснять поѣздку въ Саратовъ цѣлью лѣченія въ Самарѣ и т. д. Въ отвѣтъ на эту записку Елена Прушакевичъ запискою же отвѣтила, „что она не намѣрена сознаваться, что ни о Селивановѣ, ни о Войноральскомъ ничего не говорила, но что о Москвѣ, кажется, все знаютъ". Юлія Прушакевичъ разорвала записку сестры и бросила ее въ печь, но клочки записки были собраны и приложены къ дѣлу. Нѣсколько дней спустя Юлія Прушакевичъ вручила Артоболевскому два письма, подлежавшія отправкѣ въ Москву: одно—на имя Софіи Пластуновой, а другое—на имя Ипполита Мышкина; въ конвертѣ, адресованномъ на имя Пластуновой, оказался другой запечатанный конвертъ съ надписью „Поляку Фрузу передать немедленно и лично", по вскрытіи котораго въ немъ найдено письмо, адресованное, по словамъ Юліи Прушакевичъ, Ефрузинѣ Супинской. Въ этомъ письмѣ Прушакевичъ, извѣщая о бывшемъ въ Саратовѣ обыскѣ, совѣтовала уничтожить всѣ письма, могущія компрометировать кого-либо, просила извѣстить Косьму (т.-е. Войноральскаго), Иваночку (т.-е. Селиванова), Соню (т.-е. Иванову), Михаила и Алексѣя, которые хотѣли быть въ Саратовѣ (т.-е. Михаила Соловцовскаго и Алексѣя Знаменскаго), и вообще дать знать всѣмъ, чтобы были готовы, а также передать обо всемъ Пудику (т.-е. Мышкину); въ этомъ же письмѣ Прушакевичъ учила показывать, что Косьма и Надежда Павловна (Войноральскіе), а также и Иванъ (Селивановъ) у Пудика не жили, и отзываться незнаніемъ о томъ, куда они поѣхали. Въ письмѣ къ Мышкину Прушакевичъ писала между прочимъ: „хорошо бы скрыть что мы работали у Васъ въ типографіи; я увѣрена, что эта сволочь Уткинъ (управитель типографіи) будетъ намъ крайне опасенъ, хорошо бы его удалить. Имѣйте въ виду, что у Васъ есть всѣ шансы для того, чтобы выйти изъ этого дѣла чистымъ; безпокоитъ только Уткинъ". Вмѣстѣ съ означеннымъ письмомъ Прушакевичъ вручила Артоболевскому, предполагая что онъ самъ поѣдетъ въ Москву, два адреса,—братьевъ Аркадакскихъ на Арбатѣ, въ номерахъ „Гунибъ", и студента Петровской Академіи Дружинина—Петровское-Разумовское, выселки".

Уткинъ, о которомъ писала Прушакевичъ, сошелъ съ ума.

Юлія Прушакевичъ, признавъ что вышеприведенныя письма дѣйствительно писаны ею, тѣмъ не менѣе не признала себя виновною, равно какъ и сестра ея Елена; Иванъ Блавдзевичъ, удостовѣривъ что найденное въ мастерской письмо на имя Лукашевича, подписанное „Secunda", писано имъ къ Ковалику, и заключало въ себѣ просьбу о присылкѣ книги *Государственность и Анархія*, призналъ себя виновнымъ лишь въ знаніи о существованіи тайнаго общества, а Клеопатра Блавдзевичъ, пояснивъ что съ найденнымъ въ мастерской письмомъ Воронцова къ Лазареву она обращалась къ послѣднему подъ именемъ солдатки Натальи Өеодоровой, съ цѣлью поступить къ нему въ работницы, виновною себя ни въ чемъ не признала.

Фаресовъ и Ломоносовъ, по ихъ же показаніямъ, передали хранившіеся у нихъ, взятые ими изъ мастерской, листы приходскому учителю Александру Ильину Виддинову, что подтвердилъ и сей послѣдній, признавшій, что ему было извѣстно, что принятые имъ листы были сочиненіе Лассаля и *Исторія одного французскаго крестьянина*, и что означенныя книги онъ взялъ изъ квартиры Фаресова, къ которому, какъ удостовѣрилъ Ломоносовъ, были предварительно перевезены и находившіеся у него, Ломоносова, ящикъ и чемоданъ; по словамъ Виддинова, имъ было взято два ящика, чемоданъ и черный узелъ,—послѣдній, какъ оказывается изъ показанія Фаресова, былъ доставленъ къ нему изъ мастерской въ самый день обыска, т.-е. 31-го мая. Виддиновъ, по его собственному показанію, оставилъ у себя черный узелъ, въ которомъ были книги: *Исторія одного французскаго крестьянина*, *Рѣчи Лассаля къ рабочимъ* и по одному экземпляру *Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ* и *Сказки о 4-хъ братьяхъ*. Изъ означенныхъ книгъ Виддиновъ взялъ себѣ три, а остальныя уничтожилъ, ящики же и чемоданъ были имъ отданы на сохраненіе одному помѣщику, послѣ отъѣзда котораго въ деревню, Виддиновъ, вмѣстѣ съ знакомымъ своимъ студентомъ Ивановымъ (Паевскимъ), свезъ книги въ село Большую-Дмитріевку, гдѣ передалъ таковыя слушателю Московскаго учительскаго института Тимоѳею Александрову Соловьеву и уѣздному учителю Александру Яковлеву Палимпсестову, что признали и сіи послѣдніе, объяснивъ, что ящики были спрятаны подъ поломъ въ квартирѣ Соловьева. Въ концѣ іюля Соловьевъ и Палимпсестовъ обратились къ своему знакомому, волостному писарю Степану Ильину Шелкунову, съ просьбою дозволить имъ

перевезти къ нему ящики и переплести находившіяся въ нихъ книги, на что Шелкуновъ согласился и взялъ къ себѣ одинъ ящикъ, но затѣмъ, когда содержаніе находившихся въ немъ книгъ выяснилось для Шелкунова, то онъ заявилъ о вышеизложенномъ мѣстному губернатору.

По обыску въ квартирѣ Соловьева и Палимпсестова найдено: въ комодѣ—два экземпляра *Книги для чтенія рабочимъ*, подъ периною — нѣсколько экземпляровъ той же книги и неполные листы *Исторіи одного французскаго крестьянина*, въ сакъ-вояжѣ—листы тѣхъ же книгъ, а въ подвалѣ—два ящика, въ одномъ изъ которыхъ лежало 10 пачекъ *Исторіи одного французскаго крестьянина*, а въ другомъ – 34 связки той же книги и 6 пачекъ брошюры *Для простого народа;* по обыску у Виддинова найдены: клочекъ бумаги, исписанный шифромъ, *Стенька Разинъ*, *Книга для чтенія рабочимъ* и *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ*.

Виддиновъ, Палимпсестовъ и Соловьевъ виновными себя не признали.

Послѣ перваго обыска въ мастерской Пельконена, на имя послѣдняго были получены четыре письма. Въ первомъ находилась багажная квитанція отъ 28-го мая, за № 429, и записка: „продолженія не будетъ, или, если будетъ, то не скоро". По вскрытіи полученнаго по означенной квитанціи ящика, въ немъ оказалось 13 пачекъ печатныхъ листовъ, начинающихся словами: *Вступленіе. Россія—страна еще не открытая* (перепечатка изъ журнала *Впередъ*). Ящикъ оказался присланнымъ Мышкинымъ, рукою котораго писана и приложенная къ квитанціи записка, что̀ признано самимъ Мышкинымъ, отправляла же ящикъ Супинская, какъ это видно изъ ея показанія. Второе письмо, адресованное на имя Юліи Прушакевичъ, было писано Ларисою Зарудневою и заключало въ себѣ просьбу о присылкѣ денегъ. Третье письмо, присланное на имя Пельконена съ передачею Смирнову, оказалось писаннымъ рукою Малиновскаго, какъ это видно изъ показанія сего послѣдняго: въ означенномъ письмѣ, начинающемся словомъ: „Порфирій", встрѣчается слѣдующая фраза: „видѣлъ въ Самарѣ Ча или нѣтъ", объяснить которую Малиновскій отказался. Четвертое письмо, начинающееся словами: „Милыя мои дѣвушки", было подписано „Полякъ Фруза" (Супинская) и имѣло переписку „отъ Лизки большой", т.-е. Ермолаевой.

Между тѣмъ Надежда Войноральская, ѣздившая по порученію мужа въ Тамбовскую губернію къ Ѳедосѣеву за деньгами, вернулась въ Саратовъ; еще предъ отъѣздомъ своимъ въ Тамбовъ, Войноральская, исполняя данное ей мужемъ порученіе, написала Знаменскому и Соловцовскому письмо, въ которомъ извѣщала ихъ о пріобрѣтеніи въ гор. Саратовѣ, у священника Архангельскаго, пустопорожней земли и о начатой на этой землѣ постройкѣ, и приглашала ихъ пріѣхать заняться плотничнымъ ремесломъ, каковое обстоятельство подтверждено показаніями самой Войноральской, Знаменскаго и Соловцовскаго; изъ Тамбова же Войноральская, какъ видно изъ ея показанія, написала мужу шифрованное письмо, адресуя таковое въ Самару до востребованія, въ каковомъ письмѣ сообщала мужу, что послѣ его отъѣзда прибыли въ мастерскую Пельконена изъ Пензы, Рогачевъ и Клеопатра Блавдзевичъ, и что, по словамъ Рогачева, Екатерина Николаевна (Судзиловская) черезъ мѣсяцъ переселится въ Саратовъ, а также, что въ Пензѣ есть два гимназиста, которые могутъ работать въ типографіи, и еще одинъ человѣкъ, который можетъ быть печатникомъ. Получивъ отъ Ѳедосѣева деньги въ количествѣ 500 руб. с., Войноральская, какъ сказано выше, вернулась въ Саратовъ въ то самое время, когда въ мастерской производился обыскъ. Увидѣвъ около своей квартиры полицію и узнавъ о случившемся, Войноральская, по ея же словамъ, остановилась въ гостиницѣ, куда явился къ ней избѣжавшій ареста Рогачевъ и предложилъ ей ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Самару—отыскивать тамъ ея мужа. Изъявивъ на это согласіе, Войноральская написала мужу письмо въ Самару, до востребованія, въ которомъ извѣщала „о холерѣ" (арестахъ) и шифромъ присовокупила, что ѣдетъ съ Василіемъ Петровичемъ Орловымъ; далѣе, въ томъ же письмѣ Войноральская писала: „хотя и всѣ больны, но при смерти еще нѣтъ никого: успѣла перетащить, ахъ, что̀ я, прекратить одного боль на верху брюха что̀ ли, какъ назвать-то, не знаю". Давъ обѣщаніе ѣхать съ Войноральскою въ Самару, Рогачевъ, однако, вечеромъ того же дня отказался отъ своего намѣренія, и, какъ видно изъ показанія Войноральской, придя къ ней вечеромъ съ Фаресовымъ, объявилъ, что вмѣсто него поѣдетъ съ Войноральскою сей послѣдній; при этомъ Рогачевъ получилъ отъ Войноральской, по ея словамъ, 200 р. сер.:

сто рублей на надобности его, Рогачева, а остальные—для передачи Войноральскому при свиданіи.

На другой день Войноральская и Фаресовъ были задержаны на пароходной пристани, куда они явились съ намѣреніемъ ѣхать въ Самару, что видно какъ изъ показанія Войноральской, такъ и изъ показанія Фаресова.

Содержась подъ стражей, Войноральская нашла средство послать къ знакомому своему, Эдуарду Каменьскому, въ Пензу, письмо, въ которомъ, извѣщая объ арестахъ въ Саратовѣ, умоляла сообщить „одному" (т.-е. Войноральскому), чтобъ онъ не ѣхалъ ни въ Саратовъ, ни въ Пензу, а также излагала сущность первоначальныхъ своихъ показаній. Означенное письмо было получено Каменьскимъ и, какъ видно изъ его показанія, имѣло своимъ послѣдствіемъ отъѣздъ изъ Пензы Надежды Юргенсонъ, отправившейся предупредить Войноральскаго о грозившей ему опасности.

Войноральская виновною себя не признала, а Фаресовъ призналъ себя виновнымъ въ скрытіи книгъ революціоннаго содержанія.

Остальныя арестованныя въ мастерской Пельконена лица, т.-е. Лемени-Македонъ и самъ Пельконенъ, умерли, прочія же лица, посѣщавшія или проживавшія въ мастерской: Рогачевъ, Коваликъ и Ломоносовъ успѣли скрыться.

Рогачевъ направился въ Тамбовъ, получивъ отъ Фаресова адресъ нѣкоего Никифорова. Фаресовъ, признавъ сначала, что адресъ Никифорова былъ имъ дѣйствительно данъ Рогачеву, вслѣдствіе просьбы послѣдняго объ указаніи ему въ Тамбовѣ лица, у котораго онъ могъ бы остановиться дня на два, впослѣдствіи отъ этого показанія отказался. На пути въ Тамбовъ, Рогачевъ изъ Петровска послалъ въ Москву на имя Ѳедора Фетисова телеграмму, въ которой извѣщалъ, что „вексель поданъ ко взысканію", каковая телеграмма, подписанная фамиліей Иванова, и была получена въ типографіи Мышкина, какъ это видно изъ показаній послѣдняго, Супинской и Ѳедора Фетисова.

Коваликъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, явился къ помѣщику Борису Малышеву въ село Вязовку, подъ предлогомъ найма дачи, и тайно отъ Малышева взялъ выданный послѣднему изъ Саратовскаго полицейскаго управленія видъ на жительство, съ которымъ впослѣдствіи, уже подъ именемъ Малышева, появился въ гор. Николаевскѣ, у земскаго врача Кадьяна, къ которому явился и Ломоносовъ.

Войноральскій, какъ сказано выше, отправился съ Селивановымъ въ Самару; цѣлью его поѣздки было устройство притона, на подобіе мастерской Пельконена въ Саратовѣ: въ означенномъ притонѣ, какъ видно изъ показанія Войноральскаго, должна была жить знакомая его, акушерка Надежда Иванова, а также Супинская—послѣдняя спеціально для брошировки сочиненій, напечатанныхъ въ типографіи Мышкина. Планъ этотъ разстроился вслѣдствіе ареста Супинской, и Войноральскій, пройдя вмѣстѣ съ Селивановымъ Самарскій, Бузулукскій и Бугурусланскій уѣзды и заарендовавъ, между прочимъ, у крестьянина Осокина постоялый дворъ, въ которомъ агитаторы могли бы находить себѣ пристанище, въ началѣ іюня съ тѣмъ же Селивановымъ вернулся въ Саратовъ.

Мастерская Пельконена была въ то время уже закрыта; зайдя по словамъ Войноральскаго, въ сосѣдній съ мастерскою трактиръ, Войноральскій и Селивановъ, прислушавшись къ толкамъ объ арестѣ проживавшихъ въ мастерской лицъ, поняли, что все открыто, а потому и рѣшили тотчасъ же отправиться въ Пензу, распорядиться своимъ имуществомъ на случай ареста.

Въ Пензѣ велась въ это время дѣятельная пропаганда членами революціоннаго кружка, основаннаго Войноральскимъ и Рогачевымъ. Войноральскій еще въ 1873 г., проживая въ Городищенскомъ уѣздѣ, познакомился въ домѣ помѣщицы Александры Селивановой со сосланнымъ за участіе въ польскомъ мятежѣ дворяниномъ Эдуардомъ Юліановымъ Каменьскимъ, а чрезъ сего послѣдняго и съ акцизнымъ надзирателемъ Николаемъ Паулиновымъ Жилинскимъ и женою послѣдняго Ольгою Ивановою. Кромѣ означенныхъ лицъ, Войноральскій сошелся еще съ проживавшею въ Городищахъ женою прапорщика Анною Степановою Тушинскою, съ которою и вступилъ въ весьма близкія отношенія, не прекратившіяся и послѣ того, какъ Тушинская уѣхала въ Петербургъ для слушанія акушерскихъ курсовъ, а Войноральскій, въ октябрѣ 1873 г., женился на дочери мѣстнаго судебнаго слѣдователя Надеждѣ Павловой Дорониной. Пріѣзжая въ Петербургъ изъ Пензы, Войно-

ральскій бывалъ у Тушинской, какъ видно изъ показаній послѣдней, познакомился чрезъ нее въ квартирѣ Лешернъ съ Евгеніею Судзиловскою и, по собственному своему показанію, давалъ Тушинской революціонныя книги заграничнаго изданія. Войдя такимъ образомъ въ среду петербургскихъ агитаторовъ, Войноральскій вошелъ въ сношенія съ Ковалпкомъ, Клеопатрою Блавдзевичъ и др., изъ которыхъ Кравчинскій и Рогачевъ, скрываясь отъ преслѣдованія, въ декабрѣ 1873 г. явились къ нему въ Городищенскій уѣздъ. Какъ видно изъ показанія Войноральскаго, онъ передалъ Кравчинскому видъ на жительство семинариста Свиридова, взятый у послѣдняго еще въ 1867 г., когда онъ, Войноральскій и Свиридовъ, жили на одной квартирѣ въ г. Вельскѣ, Вологодской губерніи, Рогачевъ же остался у него подъ видомъ письмоводителя и подъ именемъ тульскаго семинариста Василія Петрова Орлова, что призналъ и Рогачевъ. Усвоивъ себѣ, какъ уже сказано выше, революціонное направленіе, Войноральскій въ мартѣ 1874 г. переселился въ Москву, гдѣ и предался всецѣло дѣлу революціонной пропаганды, но предъ своимъ отъѣздомъ изъ Пензы рѣшился пріобрѣсти единомышленниковъ и въ этой мѣстности. Съ этою цѣлью Войноральскій, явившись къ Каменьскому, предложилъ сему послѣднему, какъ это видно изъ его показанія, взять къ себѣ и давать читать другимъ привезенныя Войноральскимъ изъ Петербурга книги, на что Каменьскій и изъявилъ согласіе; означенныхъ книгъ было штукъ до 30, въ числѣ которыхъ, по словамъ Каменьскаго и перевозившаго эти книги семинариста Доброва, находилась: *Исторія одного французскаго крестьянина*, два или три экземпляра журнала *Впередъ*, два экземпляра *Азбуки соціальныхъ наукъ*, два тома сочиненій Лассаля, *Чтой-то, братцы. Стенька Разинъ* и т. п. Заручившись содѣйствіемъ Каменьскаго, Войноральскій, прежде чѣмъ уѣхать изъ Пензы, нанялъ у вдовы коллежскаго асессора Настасьи Филипповой Цибишевой квартиру, въ которой могъ бы останавливаться во время своихъ пріѣздовъ изъ села Нижняго-Шкафта Орловъ (Рогачевъ), котораго и выдалъ Цибишевой за своего управляющаго, а также снялъ въ селѣ Степановкѣ лавочку, имѣя въ виду предоставить въ ней мѣсто продавальщицы Судзиловской, обращавшейся къ Войноральскому какъ видно изъ ея показанія, съ просьбою поискать ей мѣсто, удобное для ознакомленія съ народомъ.

Исполняя свое обѣщаніе, Каменьскій, послѣ отъѣзда Войноральскаго въ Москву, сталъ распространять переданныя ему книги между своими знакомыми и учащеюся молодежью; такъ, по собственному сознанію Каменьскаго, учащаяся молодежь получала отъ него книги чрезъ посредство гимназиста Петра Васильева Кротонова, что подтвердилъ и сей послѣдній, а по удостовѣренію Николая Жилинскаго и вдовы титулярнаго совѣтника Александры Николаевой Рудницкой, Каменьскій далъ первому журналъ *Впередъ*, а послѣдней *Исторію одного французскаго крестьянина*. Преступная цѣль, съ которою Каменьскій раздавалъ для чтенія вышеозначенныя книги, вполнѣ выясняется какъ дальнѣйшимъ образомъ его дѣйствій, такъ и его направленіемъ, о которомъ свидѣтельствуетъ дворянка Владыкина; по словамъ послѣдней, Каменьскій говорилъ ей, что всѣхъ богатыхъ нужно уничтожить, потому что они ничего не дѣлаютъ, что правительство должно быть низвергнуто и что даже церкви не должно существовать въ Россіи.

Проживая въ селѣ Нижнемъ-Шкафтѣ, Рогачевъ въ свою очередь пропагандировалъ между крестьянами, въ средѣ которыхъ распространялъ и революціонныя книги, какъ-то: *Чтой-то, братцы*, *Стеньку Разина*, *Исторію одного французскаго крестьянина* и т. д., каковой образъ дѣйствій Рогачева вполнѣ доказанъ показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей. Не ограничиваясь пропагандою въ крестьянской средѣ, Рогачевъ, сверхъ того, поставилъ себѣ задачею развращеніе учащейся молодежи въ г. Пензѣ. Посѣщая довольно часто означенный городъ, онъ уже съ февраля 1874 г. началъ вести агитацію между учениками мѣстныхъ учебныхъ заведеній, первое знакомство съ которыми онъ завелъ чрезъ посредство дворянина Алексѣя Кулябко, также служившаго письмоводителемъ у Войноральскаго. По словамъ Кулябко, онъ, по просьбѣ Рогачева, познакомилъ послѣдняго съ гимназистомъ Викторомъ Ивановымъ Сабелькинымъ и Петромъ Васильевымъ Кротоновымъ, а также съ семинаристомъ Иваномъ Ивановымъ Добровымъ, которые, какъ видно изъ ихъ показаній, и были увлечены Рогачевымъ на путь революціонной дѣятельности.

По удостовѣренію Доброва, Рогачевъ при первомъ же съ нимъ знакомствѣ завелъ разговоръ о необходимости литературныхъ вечеровъ и предложилъ программу книгъ для

чтенія на этихъ вечерахъ; въ числѣ означенныхъ книгъ были сочиненія Флеровскаго, Лассаля, Овена, Фурье, Прудона и Чернышевскаго; далѣе, Рогачевъ перевелъ разговоръ на положеніе рабочаго класса въ Россіи, а также излагалъ ученіе Шульце-Делича и Лассаля; при послѣдующихъ свиданіяхъ Рогачевъ сталъ высказываться вполнѣ; онъ желчно отзывался о дворянахъ, купцахъ и т. д., говорилъ, что они несправедливо владѣютъ землей, что освобожденіе крестьянъ не принесло послѣднимъ никакой пользы, доказывалъ необходимость пропаганды въ народѣ, говорилъ о дѣятельности Бакунина, объ интернаціональномъ обществѣ рабочихъ и разбиралъ вопросъ о томъ, какой образъ правленія представляется лучшимъ, причемъ высказывался за анархію, т. е. федерацію общинъ при автономіи послѣднихъ, а въ концѣ концовъ, совѣтовалъ Доброву идти въ народъ. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ, Рогачевъ рекомендовалъ Доброву, по показанію послѣдняго, прочесть *Государственность и Анархію*, а также далъ ему журналъ *Впередъ* и нѣсколько другихъ книгъ, въ числѣ которыхъ былъ и первый томъ сочиненій Лассаля; журналъ *Впередъ* былъ доставленъ Доброву, по его словамъ, чрезъ Алексѣя Кулябко, который передалъ ему, что Войнаральскій рекомендуетъ прочесть статью *Наша программа*, а Рогачевъ статью *Что дѣлается на родинѣ*, остальныя же книги Добровъ получилъ лично отъ Рогачева въ квартирѣ Войнаральскаго.

Сабелькину, какъ видно изъ его показанія, Рогачевъ при первомъ съ нимъ свиданіи предложилъ занять мѣсто сидѣльца въ питейномъ заведеніи, на что Сабелькинъ отвѣтилъ отказомъ, послѣ чего Рогачевъ предложилъ ему составить кружокъ для литературныхъ чтеній и далъ ему программу таковыхъ и билетъ на полученіе книгъ изъ библіотеки Иванова; впослѣдствіи Рогачевъ сталъ горячо доказывать Сабелькину необходимость помочь рабочему классу, познакомилъ его съ Добровымъ и далъ ему читать *Государственность и Анархію*, *Историческое развитіе интернаціонала*, *Впередъ*, Лассаля и т. д.

Кротонову, какъ оказывается изъ его показанія, Рогачевъ также совѣтовалъ читать книги по составленной имъ, Рогачевымъ, программѣ и внушалъ ему то же самое, что и Доброву и Сабелькину; сводя постоянно, по словамъ Кротонова, разговоръ на соціальные вопросы, Рогачевъ пояснялъ, что на Пугачева и Разина слѣдуетъ смотрѣть не какъ на разбойниковъ, а какъ на людей, стремившихся къ облегченію положенія народа.

Подъ вліяніемъ Рогачева, Добровъ, Сабелькинъ и Кротоновъ усвоили себѣ революціонное направленіе и, въ свою очередь, стали пропагандировать въ средѣ своихъ товарищей—воспитанниковъ семинаріи и гимназіи.

Добровъ, какъ видно изъ показанія окончившаго курсъ семинаріи Ивана Иванова Ареопагитскаго, далъ сему послѣднему книги *Отщепенцы* и *Впередъ*, а также, по словамъ самого Доброва, *Исторію одного французскаго крестьянина* и ввелъ его въ свой кружокъ, послѣ чего Ареопагитскій, вмѣстѣ съ Добровымъ, совратили семинариста Павла Покровскаго, какъ это оказывается изъ показанія послѣдняго, а Ареопагитскій, сверхъ того, передалъ *Впередъ*, по его собственному показанію, товарищу своему Морозову. Независимо отъ сего, цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрено, что Добровъ доказывалъ нѣсколькимъ лицамъ необходимость идти въ народъ и возбуждать его къ возстанію противъ правительства, поясняя, что только путемъ революціи возможно достигнуть измѣненія существующаго порядка, предлагалъ многимъ изъ своихъ товарищей вступить въ тайное общество, составившееся съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго строя, и распространялъ революціонныя книги, какъ-то: *Впередъ*, *Стенька Разинъ*, *Историческое развитіе интернаціонала*, *Исторія одного французскаго крестьянина*, *Сказка о четырехъ братьяхъ* и др. Между прочимъ, и Петръ Кротоновъ, какъ видно изъ его показанія, получилъ отъ Доброва *Впередъ*, *Стеньку Разина* и *Историческое развитіе интернаціонала*, а, по удостовѣренію Эдуарда Каменьскаго, самъ Добровъ написалъ какую-то прокламацію, въ которой говорилось, что не слѣдуетъ учиться, а надо идти въ народъ, и затѣмъ раздавалъ ее своимъ товарищамъ.

Сабелькинъ, подобно Доброву, агитировалъ въ средѣ пензенской учащейся молодежи. По удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, Сабелькинъ проводилъ мысль, что существующіе порядки неудовлетворительны, что исправить таковые возможно единственно путемъ революціи, предлагалъ нѣсколькимъ лицамъ вступить въ образовавшееся въ Пензѣ тайное ре-

волюціонное общество, которое было, по его словамъ, лишь вѣтвью существующаго такого же общества за границею и распространялъ книги: *Сказку о четырехъ братьяхъ*, *Государственность и Анархія*, *Впередъ*, *Исторію одного французскаго крестьянина Стеньку Разина* и др., что видно и изъ показанія самого Сабелькина признавшаго что онъ послалъ въ гор. Чембары своему товарищу Плетневу нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ находились *Впередъ*, *Историческое развитіе интернаціонала* и сочиненія Лассаля.

Слѣдуя примѣру Доброва и Сабелькина, Кротоповъ также агитировалъ между своими товарищами по гимназіи, проводя тѣ же мысли, что и Сабелькинъ, и также занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ, которыя получалъ отъ Каменьскаго и Жилинскаго. Доказательствомъ такого образа дѣйствій Кротопова служатъ показанія нѣсколькихъ свидѣтелей, Каменьскаго и самого Кротопова.

Такимъ образомъ, благодаря усиліямъ Войноральскаго и Рогачева, образовался подъ ихъ руководствомъ пензенскій революціонный кружокъ, членами котораго были: Каменьскій, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоповъ, Ареопагитскій и Покровскій; направленіе означеннаго кружка, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, ничѣмъ не отличалось отъ направленія прочихъ кружковъ—пензенскій кружокъ придерживался идей Бакунина и считаль его формулу объ уничтоженіи государства и замѣнѣ таковаго федераціей вольныхъ общинъ единственнымъ способомъ улучшенія народнаго быта. Пензенскій кружокъ вскорѣ увеличился: членами его сдѣлались нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей и, сверхъ того, въ Пензу прибыли агитаторы изъ разныхъ мѣстъ Имперіи. Въ числѣ первыхъ находились: гимназистъ Миллеръ (нынѣ умершій) и Николай Жилинскій съ женою: прибывшіе же въ Пензу агитаторы были: Клеопатра Блавдзевичъ, Судзиловская, дочь титулярнаго совѣтника Надежда Юргенсонъ и членъ харьковскаго революціоннаго кружка Спѣсивцевъ.

Жилинскій, какъ видно изъ его показанія, получилъ въ февралѣ отъ Каменьскаго журналъ *Впередъ* и *Исторію одного французскаго крестьянина*; прочитавъ означенныя книги, Жилинскій задумался, по его словамъ, надъ статьей о самарскомъ голодѣ, понялъ что Войноральскій и Каменьскій сочувствуютъ народу и самъ рѣшилъ примкнуть къ дѣлу, которому они служили. Вслѣдствіе сего, когда Войноральскій, послѣ закрытія своей мастерской на Бутыркахъ, пріѣхалъ въ Пензу для полученія имущества, оставшагося послѣ смерти его отца, помѣщика Ларіонова, и обратился къ Жилинскому съ просьбой принять на сохраненіе книги оставленныя у Каменьскаго и тюки съ революціонными сочиненіями, которыя будутъ высылаемы изъ Москвы, то Жилинскій и его жена, какъ видно изъ ихъ показаній, а также показанія Каменьскаго, изъявили согласіе хранить у себя запрещенныя книги, заняться брошюровкой изданій, которыя будутъ присланы изъ Москвы и, сверхъ того, вести переписку съ членами кружка по поводу дѣлъ послѣдняго. Уѣзжая обратно въ Москву, Войноральскій, какъ удостовѣрили Жилинскіе, оставилъ имъ шифръ для веденія переписки и адресъ въ Москвѣ на имя Мышкина или Смирнова, а также просилъ пріискать мѣсто для одной женщины, которая вскорѣ должна была пріѣхать въ Пензу; съ той же просьбой Войноральскій обратился, по словамъ Каменьскаго, къ нему и, сверхъ того, просилъ распоряжаться его деньгами и никогда не отказывать въ таковыхъ Орлову.

Въ этотъ пріѣздъ свой Войноральскій видѣлся съ Судзиловскою, прибывшею въ Пензу еще въ мартѣ. Приглашеніе Войноральскаго ѣхать въ Пензу Судзиловская получила чрезъ посредство Тушинской, какъ это видно изъ показанія послѣдней, снабдившей Судзиловскую и адресомъ Цибишевой; около 15-го марта Судзиловская выѣхала изъ Петербурга и посѣтила въ Москвѣ мастерскую Войноральскаго на Плющихѣ, гдѣ, какъ оказывается изъ показанія Судзиловской, и получила отъ Войноральскаго нѣсколько книгъ для передачи таковыхъ Каменьскому, причемъ Войноральскій сообщилъ ей, что въ случаѣ надобности, она можетъ обращаться за содѣйствіемъ къ Орлову. Пріѣхавъ въ Пензу подъ именемъ крестьянки Екатерины Николаевой Петровой, Судзиловская остановилась у Цибишевой, познакомилась чрезъ Орлова-Рогачева съ прочими членами кружка и, какъ видно изъ ея показанія, закупивъ, при содѣйствіи Рогачева, товаръ для лавочки, вмѣстѣ съ Рогачевымъ поѣхала въ село Степановку, гдѣ и открыла торговлю въ помѣщеніи, снятомъ Войноральскимъ у крестьянина Романа Хромова. Проживая въ селѣ Степановкѣ, Судзиловская занималась пропагандой, но неуспѣшно, какъ это видно изъ показанія Доброва; по словамъ

послѣдняго. Судзиловская разсказывала ему, что жила въ Степановкѣ съ цѣлью дѣйствовать на народъ въ извѣстномъ направленіи и что народъ относился къ ней недовѣрчиво.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Войноральскаго въ Москву, Ольга Жилинская, какъ это видно изъ ея показанія, получила отъ Войноральскаго письмо, въ которомъ онъ еще разъ спрашивалъ, согласна ли она принять на храненіе книги; на означенное письмо, писанное шифромъ, Жилинская, по ея собственнымъ словамъ, шифрованнымъ же письмомъ увѣдомила Войноральскаго о своемъ согласіи. Вскорѣ затѣмъ, въ первой половинѣ мая, пріѣхала въ Пензу Клеопатра Бллвдзевичъ съ двумя или тремя тюками книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи Мышкина и выданныхъ ею Цибишевой, у которой она остановилась, за красный товаръ для лавочки Судзиловской въ Степановкѣ; Блавдзевичъ, называвшая себя солдаткой Натальей Өедоровою, явилась къ Каменьскому и передала ему, какъ видно изъ показанія послѣдняго, просьбу Войноральскаго перевезти означенныя книги къ Жилинскимъ, что Каменьскимъ и было исполнено. Перевозка къ Жилинскимъ книгъ и помѣщеніе ихъ въ чуланѣ новаго, еще неотстроеннаго дома, подтверждается, кромѣ показанія Каменьскаго, еще и показаніями Жилинскихъ, удостовѣрившихъ, сверхъ сего, и полученіе отъ Войноральскаго, черезъ контору транспортовъ, двухъ ящиковъ съ неброшированными листами *Исторіи одного французскаго крестьянина* и *Чтой-то, братцы*. Клеопатра Блавдзевичъ, сдавъ привезенные ею тюки съ книгами и переночевавъ одну ночь у Жилинскихъ, какъ это видно изъ показанія Жилинской, отправилась въ Степановку къ Судзиловской, у которой и пробыла нѣсколько дней, причемъ Судзиловская, какъ оказывается изъ ея показанія, знавшая уже Блавдзевичъ въ Петербургѣ, выдавала ее за свою сестру.

Почти одновременно съ Блавдзевичъ прибылъ въ Пензу и членъ харьковскаго революціоннаго кружка Михаилъ Өеоктистовъ Спѣсивцевъ. По словамъ послѣдняго, онъ получилъ въ Харьковѣ отъ Моисея Рабиновича два письма—одно къ Войноральскому, а другое къ Екатеринѣ Николаевой Петровой, т.-е. Судзиловской, причемъ Рабиновичъ объяснилъ, что Петрова имѣетъ лавочку въ Степановкѣ, въ 28 верстахъ отъ Пензы, и что у нея можно узнать адресы всѣхъ мѣстныхъ пропагандистовъ. По прибытіи въ Пензу, Спѣсивцевъ остановился у Цибишевой, адресъ которой былъ ему также сообщенъ Рабиновичемъ, а затѣмъ отправился въ Степановку къ Судзиловской, у которой и засталъ Клеопатру Блавдзевичъ; вскорѣ послѣ прихода Спѣсивцева подъѣхалъ молодой человѣкъ, назвавшійся, по словамъ Спѣсивцева, семинаристомъ Василіемъ Петровымъ Орловымъ (Рогачевъ), съ которымъ Блавдзевичъ и Спѣсивцевъ тотчасъ и отправились въ Пензу, какъ это видно изъ показанія Судзиловской, причемъ дорогой, по удостовѣренію Спѣсивцева, Рогачевъ разказывалъ ему о своей пропагандѣ въ селѣ Нижнемъ-Шкафтѣ, а Блавдзевичъ сообщила свѣдѣнія о пропагандѣ въ Кіевѣ. По пріѣздѣ въ Пензу, Клеопатра Блавдзевичъ остановилась у Каменьскаго, а Рогачевъ и Спѣсивцевъ у Сабелькина; на другой день, въ квартирѣ Цибишевой, гдѣ собрались Рогачевъ, Клеопатра Блавдзевичъ и Спѣсивцевъ, Рогачевъ разсказалъ Сабелькину, какъ удостовѣрилъ послѣдній, о дѣятельности пензенскихъ агитаторовъ и о московской типографіи, и просилъ Спѣсивцева спросить въ Харьковѣ, не пожелаетъ ли кто изъ семинаристовъ работать въ типографіи, а также просилъ Спѣсивцева написать члену харьковскаго кружка Кацу, намѣревавшемуся работать лѣтомъ въ кузницѣ у своего дяди, о принятіи въ означенную кузницу его, Рогачева. По словамъ Спѣсивцева, онъ исполнилъ просьбу Рогачева, но отвѣта изъ Харькова не получалъ.

Желая подготовить себя къ пропагандѣ, Спѣсивцевъ, по его показанію, при содѣйствіи Рогачева и по рекомендаціи Каменьскаго, поступилъ въ обученіе къ столяру Өедору Ершову, причемъ деньги за обученіе Спѣсивцева платилъ Ершову Каменьскій.

Проживая въ Пензѣ, Спѣсивцевъ познакомился съ членами кружка и принималъ участіе въ устраиваемыхъ Рогачевымъ сходкахъ гимназистовъ и семинаристовъ. Означенныя сходки начались еще въ мартѣ и имѣли цѣлью, съ одной стороны—поддерживать въ членахъ кружка изъ учащейся молодежи внушенное имъ направленіе, а съ другой—должны были служить средствомъ для пріобрѣтенія новыхъ единомышленниковъ.

Первая сходка была собрана на 6-й недѣли Великаго поста въ квартирѣ гимназиста Разумовскаго, у котораго проживали, по показанію Доброва, нѣкоторое время Рогачевъ и Алексѣй Кулябко. По просьбѣ Рогачева, Добровъ, какъ это видно изъ его показанія, созвалъ въ квартиру Разумовскаго нѣсколько человѣкъ семинаристовъ и гимназистовъ, а изъ

членовъ кружка присутствовали, кромѣ Рогачева и Доброва, Сабелькинъ, Кротоновъ и Ареопагитскій.

Вторая сходка состоялась, при содѣйствіи того же Доброва, въ квартирѣ гимназиста Францена, на которой изъ членовъ кружка присутствовали тѣ же лица, что и на первой сходкѣ.

Третья сходка собралась, при содѣйствіи Доброва и Сабелькина, въ маѣ, въ засѣкѣ; на означенной сходкѣ, кромѣ упомянутыхъ выше членовъ кружка, присутствовала Евгенія Судзиловская, прибывшая изъ Степановки, а также былъ и Андрей Кулябко, пріѣхавшій изъ Москвы съ Войнаральскимъ.

Четвертая сходка, во второй половинѣ мая, была устроена въ квартирѣ семинаристовъ Алмазова и Троянова; изъ членовъ кружка на ней присутствовали: Рогачевъ, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоновъ и Ареопагитскій.

Пятая сходка, въ томъ же маѣ, была устроена у Козицынской мельницы, и въ ней изъ членовъ кружка принимали участіе, между прочимъ, Спѣсивцевъ и Покровскій.

Шестая и послѣдняя сходка была собрана въ квартирѣ члена кружка Миллера; на ней были члены кружка: Рогачевъ, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоновъ, Покровскій и Спѣсивцевъ.

Всѣ вышеозначенныя сходки имѣли одинъ и тотъ же характеръ. Цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній вполнѣ доказано, что первенствующую роль на сходкахъ игралъ Рогачевъ, читавшій на многихъ изъ нихъ какую-либо статью, въ томъ числѣ и изъ журнала *Впередъ*, а затѣмъ комментировавшій прочитанное, причемъ онъ убѣждалъ своихъ слушателей въ необходимости революціи и совѣтовалъ имъ бросить ученіе и идти въ народъ, подготовлять его къ возстанію, говоря что не время учиться, когда страдаетъ меньшая братія; оканчивались же обыкновенно сходки пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. На сходкѣ въ засѣкѣ Судзиловская высказывалась въ томъ же духѣ, какъ и Орловъ, и поддерживала его въ спорѣ съ однимъ изъ присутствовавшихъ.

Старанія Рогачева побудить своихъ слушателей къ пропагандѣ въ народѣ не прошли вовсе безслѣдно: изъ числа членовъ кружка, Сабелькинъ и Спѣсивцевъ, какъ видно изъ ихъ показаній, отправились на пропаганду въ мѣстечко Виляевку и селеніе Ельшанку, взявъ съ собою и революціонныя книги. Въ Виляевкѣ Сабелькинъ и Спѣсивцевъ ночевали у одного крестьянина, которому Сабелькинъ говорилъ, по словамъ Спѣсивцева, что крестьяне могли бы избавиться отъ претерпѣваемыхъ ими страданій, такъ какъ крестьянъ больше чѣмъ тѣхъ, по винѣ которыхъ они страдаютъ, и читалъ при этомъ выдержки изъ *Стеньки Разина*. На другой день Сабелькинъ и Спѣсивцевъ отправились въ Ельшанку, гдѣ Сабелькинъ, по его собственному показанію, разсказывалъ одному крестьянину про французскую революцію и прочелъ ему брошюру *Стенька Разинъ* или *Чтой-то, братцы*, что подтвердилъ и Спѣсивцевъ, поясняя, что читанная Сабелькинымъ брошюра была *Чтой-то, братцы*. Независимо отъ показаній Сабелькина и Спѣсивцева, преступная дѣятельность Сабелькина въ Ельшанкѣ удостовѣряется и показаніями свидѣтелей.

Пробывъ еще нѣкоторое время въ Пензѣ, Спѣсивцевъ возвратился въ Харьковъ, причемъ деньги на дорогу получилъ отъ членовъ пензенскаго кружка Жилинскихъ и Судзиловской, какъ видно изъ показаній Судзиловской и Сабелькина.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Спѣсивцева, Жилинскій получилъ изъ гор. Вольска, Саратовской губерніи, два письма подписанныя словомъ „Пожиже". Въ первомъ письмѣ „Пожиже" просилъ передать Спѣсивцеву, что дѣла идутъ хорошо, и чтобъ онъ ѣхалъ въ Саратовъ, во второмъ же письмѣ заключалась просьба увѣдомить Спѣсивцева, чтобъ онъ не пріѣзжалъ, такъ какъ дѣла идутъ плохо. Означенныя письма, полученіе которыхъ удостовѣряется показаніями Жилинскихъ, были, по ихъ словамъ, переданы Каменскому для соотвѣтствующихъ распоряженій.

Къ разъясненію приведенныхъ писемъ можетъ служить показаніе Спѣсивцева о томъ, что Рогачевъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Саратовъ, просилъ его по полученіи отвѣта изъ Харькова отъ Каца, прибыть въ Саратовъ въ мастерскую Пелькопена, пароль для входа въ которую былъ слѣдующій: „желаю быть сапожникомъ, хозяинъ изъ Бутырокъ".

Выданныя Спѣсивцеву деньги на путевые расходы были, какъ сказано выше, возвращены Каменскому черезъ посредство Баркова, одного изъ главныхъ дѣятелей харьковскаго кружка.

Пріѣхавъ съ Рогачевымъ и Спѣсивцевымъ изъ Степановки въ Пензу, Клеопатра Блавдзевичъ рѣшила отправиться въ Саратовъ въ мастерскую Пельконена, куда вмѣстѣ съ нею отправился и Рогачевъ. Послѣдній, передъ своимъ отъѣздомъ, оставилъ Сабелькину свой адресъ и шифръ для переписки и просилъ Жилинскихъ помѣстить гимназиста Корнѣева въ мѣстную типографію Градковскаго, что Жилинскіе, какъ видно изъ показанія Ольги Жилинской, и обѣщали сдѣлать. Получивъ отъ Каменскаго, по словамъ послѣдняго, деньги на дорогу, Рогачевъ и Блавдзевичъ уѣхали изъ Пензы въ послѣднихъ числахъ мая, и, какъ уже изложено выше, поселились въ мастерской Пельконена въ Саратовѣ, гдѣ Блавдзевичъ и была задержана. Уѣзжая изъ Пензы, Рогачевъ запасся видомъ на жительство; онъ получилъ таковой отъ Жилинскихъ, которые передали ему выданное изъ С.-Петербургской Введенской прогимназіи свидѣтельство на имя воспитанника Жилинскихъ Николая Куликова, въ каковомъ свидѣтельствѣ лѣта Куликова были вытравлены Рогачевымъ и Клеопатрою Блавдзевичъ и замѣнены лѣтами, подходящими къ возрасту Рогачева. Передача Жилинскими Рогачеву свидѣтельства Куликова удостовѣряется показаніями Каменскаго и Ольги Жилинской, а исправленіе лѣтъ въ свидѣтельствѣ—показаніями Спѣсивцева, Клеопатры Блавдзевичъ и Каменскаго.

О прибытіи Рогачева и Блавдзевичъ въ Саратовъ Надежда Войнаральская, какъ сказано выше, сообщила мужу письмомъ, адресованнымъ въ Самару; въ означенномъ письмѣ Войнаральская писала, между прочимъ, что Рогачева въ Пензѣ можетъ замѣнить Сабелькинъ, что есть три наборщика-семинариста и гимназистъ-печатникъ, причемъ упоминала о типографіи Градковскаго.

Гимназистъ-печатникъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, былъ Корнѣевъ, а къ числу семинаристовъ, о которыхъ писала Войнаральская, принадлежали: Покровскій, изъявившій на сходкѣ у Миллера, какъ это оказывается изъ показанія Кротонова, согласіе работать въ московской типографіи, и Морозовъ, которому, по его словамъ, Рогачевъ предлагалъ отправиться въ Москву для изученія типографскаго дѣла; съ такимъ же предложеніемъ, какъ удостовѣрилъ Морозовъ, Рогачевъ обращался еще къ одному лицу, фамилію котораго Морозовъ не помнитъ.

Въ день отъѣзда Рогачева и Клеопатры Блавдзевичъ, въ квартирѣ Цибишевой, какъ видно изъ показанія Спѣсивцева, появилась новая личность—слушательница женскихъ курсовъ Медико-Хирургической Академіи Надежда Александрова Юргенсонъ, прибывшая изъ Петербурга подъ именемъ крестьянки Дарьи Николаевой съ фальшивымъ паспортомъ на имя послѣдней. Юргенсонъ привезла съ собою, по словамъ Спѣсивцева, нѣсколько экземпляровъ *Сказки о 4-хъ братьяхъ*, и вскорѣ отправилась въ Степановку къ Судзиловской, къ которой, какъ видно изъ показанія послѣдней, и явилась по адресу, данному Лешернъ фонъ-Герцфельдтъ.

Вскорѣ послѣ прибытія Юргенсонъ, Каменскій получилъ отъ Надежды Войнаральской приведенное уже выше письмо, въ которомъ Войнаральская просила сообщить „одному" чтобъ онъ не ѣздилъ ни въ Саратовъ, ни въ Пензу. По удостовѣренію Каменскаго, Жилинскій, узнавъ о содержаніи упомянутаго письма, хотѣлъ самъ ѣхать въ Самару предупредить Войнаральскаго о грозившей ему опасности, но Каменскій, выставивъ на видъ трудность разысканія Войнаральскаго, ходившаго „въ народѣ", предложилъ прислать въ Самару Дарью Николаеву, т.-е. Юргенсонъ. Юргенсонъ согласилась отправиться на поиски Войнаральскаго и уѣхала изъ Пензы, получивъ, по словамъ Каменскаго, адресъ акушерки Надежды Ивановой въ Самарѣ и письмо отъ Каменскаго къ Войнаральскому. Уѣзжая изъ Пензы, Юргенсонъ, какъ это видно изъ показанія Каменскаго, оставила ему свой фальшивый паспортъ, сказавъ, что онъ можетъ-быть кому-нибудь пригодится, каковой паспортъ Каменскій передалъ впослѣдствіи Жилинскимъ. Не довольствуясь отправленіемъ Юргенсонъ въ Самару, Жилинскій, какъ видно изъ его показанія, послалъ акушеркѣ Ивановой телеграмму, подписанную „Лазаревъ", въ которой просилъ увѣдомить Парѳена Иванова, т.-е. Войнаральскаго, чтобъ онъ не ѣздилъ ни въ Пензу, ни въ Саратовъ.

Вскорѣ послѣ сего, по словамъ Ольги Жилинской, ею было получено отъ Рогачева шифрованное письмо на имя Сабелькина. Письмо это, какъ видно изъ показанія Спѣсивцева, было прислано изъ Тамбова, и въ немъ Рогачевъ сообщалъ о саратовскихъ арестахъ, о томъ что едва самъ не былъ задержанъ и просилъ увѣдомить его о кузницѣ Каца. Вслѣд-

ствіе означеннаго письма, полученіе котораго подтверждается показаніемъ Н. Жилинскаго и не отвергается самимъ Сабелькинымъ. послѣдній послалъ Ареопагитскаго въ Степановку— узнать отъ Судзиловской, по удостовѣренію Ареопагитскаго, успѣшно ли она распространяетъ въ народѣ противуправительственныя идеи, а по показанію Судзиловской—и съ цѣлью извѣстить ее о саратовскихъ арестахъ и дать ей совѣтъ уѣхать изъ Степановки.

Между тѣмъ 7-го іюня прибыли въ Пензу Войноральскій и Иванъ Селивановъ, узнавшіе въ Саратовѣ о закрытіи мастерской Пелькопена и объ арестованіи проживавшихъ въ ней лицъ. Прибывъ въ Пензу. Войноральскій не вошелъ въ городъ, а остановился у моста и послалъ Селиванова къ Цибишевой; Иванъ Селивановъ, по его собственному показанію, вызвалъ Цибишеву, которая по просьбѣ Войноральскаго привела къ нему Каменскаго. Каменскій, какъ это видно изъ его показанія, пригласилъ Войноральскаго и Селиванова въ свою квартиру, гдѣ, по словамъ Селиванова, ихъ навѣщали Жилинскіе.

Желая, на случай своего ареста, спасти для революціоннаго дѣла пожертвованный имъ на таковое капиталъ, Войноральскій задумалъ посредствомъ безденежныхъ векселей перевести свои деньги на другихъ лицъ. Вслѣдствіе сего Войноральскій, какъ видно изъ показанія Каменскаго, обратился къ нему съ просьбою съѣздить въ Городище къ мировому судьѣ Эндаурову, передать ему письмо и просить пріѣхать въ Пензу, захвативъ съ собою нотаріальную книгу и печать; таковую просьбу Войноральскаго Каменскій поспѣшилъ исполнить. Выѣхавъ немедленно изъ Пензы, Каменскій заѣхалъ къ Судзиловской, которую, какъ видно изъ ея показанія, извѣстилъ о пріѣздѣ Войноральскаго, а на другой день, т.-е. 8 іюня, утромъ, по его собственнымъ словамъ, вернулся въ Пензу съ Эндауровымъ. Войноральскій заявилъ Эндаурову, по показанію Каменскаго, о необходимости ликвидировать свои дѣла, изъ опасенія чтобы на его капиталъ не былъ наложенъ арестъ, и высказалъ желаніе выдать на имя Каменскаго вексель въ 20,000 р., который затѣмъ и былъ написанъ на купленной Каменскимъ вексельной бумагѣ. Селивановъ тоже написалъ на имя Каменскаго вексель въ суммѣ 6,000 р., а затѣмъ, по словамъ Каменскаго, Войноральскій самъ записалъ векселя въ книгу и сдѣлалъ на нихъ надпись, которую подписалъ Эндауровъ, возразившій на замѣчаніе Каменскаго, о томъ что векселя пишутся заднимъ числомъ, т.-е. отъ 3 іюня, что доказать это будетъ очень трудно. Покончивъ дѣло съ векселями, Войноральскій обратился, по словамъ Каменскаго, къ Эндаурову съ просьбой добыть ему бланкъ для подорожной, что̀ Эндауровъ и обѣщалъ исполнить; дѣйствительно, на другой день, т.-е. 9 іюня, Эндауровъ, по удостовѣренію Каменскаго, прислалъ съ эстафетой, на имя жены Каменскаго, бланкъ подорожной, въ который Войноральскій и вписалъ текстъ, взявъ за образецъ подорожную Жилинскаго, доставленную симъ послѣднимъ именно для означенной цѣли.

Помимо показанія Каменскаго, выдача векселей Войноральскимъ и Селивановымъ подтверждается и показаніями сихъ послѣднихъ, но при этомъ Селивановъ призналъ, что векселя писались въ Пензѣ и послѣ третьяго іюня, а Войноральскій показалъ, что векселя были написаны и засвидѣтельствованы раньше, а именно того числа, которымъ они значатся выданными, и объяснилъ пріѣздъ Эндаурова лишь желаніемъ его. Войноральскаго, исправить какую-то допущенную при составленіи векселей ошибку, состоявшую, насколько онъ помнитъ, въ томъ, что онъ забылъ расписаться въ нотаріальной книгѣ.

Николай Ивановъ Эндауровъ, не признавая себя виновнымъ ни въ чемъ, объяснилъ, что векселя были написаны въ Городищахъ, 3 іюня, что 7 іюня пріѣхалъ къ нему Каменскій просить денегъ для Войноральскаго, что вслѣдствіе этого онъ отправился въ Пензу вмѣстѣ съ Каменскимъ, вручилъ Войноральскому 500 р., и обѣщалъ послать на другой день разсчеты по дѣлу Войноральскаго, которое было въ завѣдываніи его, Эндаурова, что̀ и исполнилъ немедленно по возвращеніи въ Городище, пославъ разсчеты съ эстафетою.

Такое объясненіе Эндаурова, противорѣчащее какъ показаніямъ Каменскаго и Ивана Селиванова, такъ и показанію Войноральскаго, находитъ себѣ опроверженіе и въ слѣдующихъ обстоятельствахъ дѣла:

По словамъ княгини Варвары Михайловой Кугушевой, матери Войноральскаго, послѣдній былъ въ Городищахъ у ея зятя Эндаурова одинъ и, пробывъ лишь нѣсколько часовъ, отправился въ Пензу, причемъ Эндауровъ ему никакихъ документовъ не свидѣтельствовалъ; чрезъ нѣкоторое время, поздно вечеромъ, пріѣхалъ Каменскій, съ которымъ Эндауровъ и

поѣхалъ въ Пензу, по возвращеніи откуда, разсказавъ Кугушевой, что жена Войноральскаго сидитъ въ острогѣ и что самого Войноральскаго также разыскиваютъ. Эндауровъ показывалъ ей вексель сына на 20.000 руб. с. и говорилъ что засвидѣтельствовалъ таковой въ Пензѣ.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Городищенскимъ съѣздомъ мировыхъ судей, оказывается, что въ прошнурованной тетради бланковъ подорожныхъ по казенной надобности, въ іюнѣ 1874 года, безъ обозначенія числа, рукою Эндаурова, записано: „выдана подорожная за № 276 мировому судьѣ 1 участка Николаю Иванову Эндаурову на разъѣзды по Городищенскому уѣзду. Подорожную получилъ мировой судья Н. Эндауровъ". Означенная подорожная обратно представлена не была и со стороны Эндаурова заявленія объ утратѣ бланка подано не было.

Вексель Селиванова былъ представленъ къ дѣлу женою Каменьскаго, а вексель Войноральскаго былъ отобранъ при обыскѣ у Эндаурова.

По удостовѣренію Каменьскаго, вексель Войноральскаго былъ взятъ Эндауровымъ для исправленія допущенной при составленіи векселя ошибки,—пропуска въ текстѣ векселя фамиліи Каменьскаго,—причемъ Эндауровъ сказалъ, что у него есть писецъ, умѣющій подписываться подъ руку Войноральскаго.

Въ векселѣ Войноральскаго, отобранномъ у Эндаурова, слово „Каменьскаго" дѣйствительно оказалось вписаннымъ между строкъ.

Добывъ себѣ, какъ сказано выше, подорожную, Войноральскій озаботился и пріисканіемъ какого-либо вида для Ивана Селиванова, что и возложилъ на явившагося къ нему Сабелькина. По удостовѣренію послѣдняго, онъ обратился по сему предмету къ Ареопагитскому, котораго и привелъ въ квартиру Каменьскаго, гдѣ Войноральскій, какъ видно изъ показанія Ареопагитскаго, узнавъ, что у него есть свидѣтельство на свободное проживаніе, выданное изъ полиціи, сталъ просить передать ему таковое, что Ареопагитскій и сдѣлалъ. Кромѣ Сабелькина и Ареопагитскаго, Войноральскій предъ своимъ отъѣздомъ изъ Пензы видѣлся съ Кротоновымъ, Покровскимъ и Судзиловскою, прибывшею изъ Степановки, какъ это видно изъ показаній Каменьскаго и Сабелькина, причемъ Кротоновъ, по его собственнымъ словамъ, взялъ себѣ простонародный костюмъ Войноральскаго. Независимо отъ его, Войноральскій, по его собственному показанію, поручилъ Каменьскому съѣздить въ Саратовъ развѣдать объ арестахъ и помочь арестованнымъ, причемъ настоялъ, чтобы Каменьскій взялъ себѣ въ помощь семинариста Покровскаго, а съ цѣлью скрыть свое пребываніе въ Пензѣ, Войноральскій, по удостовѣренію Каменьскаго, написалъ на его имя письмо, будто бы писанное въ Самарѣ 1 іюня, въ каковомъ письмѣ Войноральскій просилъ Каменьскаго повидаться съ женой и отдать Юліи Прушакевичъ 150 р. с. долгу, присовокупляя, что самъ онъ ѣдетъ „на любимый сѣверъ".

Сдѣлавъ всѣ вышеизложенныя распоряженія, Войноральскій уѣхалъ съ Селивановымъ въ Москву, причемъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, получилъ отъ Жилинскаго для болѣе удобнаго сокрытія своей личности синія очки и форменную фуражку Жилинскаго.

На другой же день послѣ отъѣзда Войноральскаго, Каменьскій и Покровскій отправились въ Саратовъ, какъ это признано и ими самими; предъ отъѣздомъ Каменьскій передалъ Жилинскимъ портфель Войноральскаго, что признано какъ Каменьскимъ, такъ и Жилинскими, причемъ Николай Жилинскій удостовѣрилъ, что въ портфелѣ былъ, между прочимъ, фальшивый паспортъ Юргенсонъ, оставленный послѣднею, какъ сказано выше, Каменьскому. Въ Саратовѣ Каменьскій навлекъ на себя подозрѣніе и былъ допрошенъ, вслѣдствіе чего, по его просьбѣ, Покровскій послалъ Войноральскому въ Москву, въ номера Скворцова, на имя Трубниковой, предупредительную телеграмму, каковое обстоятельство удостовѣрено показаніями Каменьскаго и Покровскаго; не ограничиваясь этимъ, Каменьскій, какъ видно изъ его показанія, отправилъ Покровскаго въ Москву для извѣщенія Войноральскаго о положеніи дѣлъ въ Саратовѣ и поручилъ Покровскому послать изъ Тамбова письмо, которое онъ, Каменьскій, написалъ къ Жилинской, адресуя таковое на имя Ольги Владыкиной. Въ означенномъ письмѣ Каменьскій сообщалъ, по его словамъ, о „болѣзни Лазаря" и о томъ что у него были „доктора", совѣтовалъ не пить „квасу" и спрятать его подальше; письмо было передано Жилинской Владыкиною, которой, по ея показанію, Жилинская и объяснила, что болѣзнь означала арестъ, квасъ—книги и т. д. По полученіи вышеозначеннаго письма,

портфель Войноральскаго былъ, по словамъ Ольги Жилинской, тотчасъ же уничтоженъ. Между тѣмъ Покровскій, не заставъ, по его собственному показанію, Войноральскаго въ Москвѣ, вернулся въ Саратовъ, а оттуда поѣхалъ въ Пензу, куда за нѣсколько дней предъ тѣмъ прибылъ и Каменьскій.

Послѣ отъѣзда Войноральскаго, Жилинскіе, исполняя желаніе Рогачева, помѣстили гимназиста Корнѣева въ типографію Градковскаго, а воспитанника своего Куликова — къ переплетчику Доронину, имѣя въ виду, по показанію Николая Жилинскаго, при содѣйствіи Куликова переплести присланныя изъ Москвы и хранившіяся у нихъ революціонныя сочиненія.

Около этого времени, по показанію Жилинскаго, было получено отъ Войноральскаго письмо, въ которомъ онъ просилъ отдать присланныя изъ Москвы книги на сохраненіе какому-то крестьянину Городищенскаго уѣзда и извѣщалъ, что вскорѣ на мѣсто Рогачева пріѣдетъ другое лицо—Иванъ Николаевъ, какъ видно изъ показанія Войноральскаго, отказавшагося объяснить, кто именно долженъ былъ явиться подъ означенною фамиліей. Вслѣдствіе такого письма Каменьскій послалъ Кротонова, по словамъ послѣдняго, въ Городищенскій уѣздъ, гдѣ Кротоновъ, по показанію фонъ-Францена, просилъ послѣдняго передать сосѣдямъ его Селивановымъ письмо, въ которомъ говорилось что-то о запрещенныхъ книгахъ. Цѣль такой поѣздки Кротонова, на которую Каменьскій далъ ему 10 р., заключалась, очевидно, въ разысканіи того крестьянина, которому, въ силу письма Войноральскаго, надлежало передать на сохраненіе революціонныя книги, такъ какъ изъ показанія Каменьскаго оказывается, что Кротоновъ, по возвращеніи въ Пензу, сообщилъ, что крестьянинъ отказывается принять книги.

Вскорѣ затѣмъ было получено Каменьскимъ, по его удостовѣренію, другое письмо отъ Войноральскаго, въ которомъ онъ просилъ дать знать Судзиловской, чтобъ она не оставалась дольше въ Степановкѣ. Исполненіе такого порученія Войноральскаго Каменьскій возложилъ на Жилинскаго, который, какъ видно изъ его показанія, и послалъ въ Степановку брата Ивана Селиванова—Дмитрія. Вслѣдствіе сего Судзиловская закрыла свою лавочку и переселилась въ Пензу, гдѣ, переночевавъ у Жилинской, поселилась у Цибишевой. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда Судзиловская явилась къ Каменьскому, какъ видно изъ его показанія, съ просьбой послать Рогачеву 200 р. с., въ чемъ Каменьскій ей отказалъ. Проживъ нѣкоторое время въ Пензѣ, Судзиловская переселилась, по ея собственному показанію, въ деревню Перелогово, гдѣ жила пріѣхавшая незадолго передъ симъ изъ Петербурга Анна Тушинская.

Кромѣ сего Войноральскій, какъ видно изъ его показанія, сообщилъ въ Пензу два адреса, по которымъ слѣдовало ему писать въ Самару—Дегтерева и Колесникова, что подтверждается и показаніемъ Каменьскаго, удостовѣрившаго, что адресъ Колесникова онъ получилъ отъ Ольги Жилинской и записалъ таковой въ своей записной книжкѣ слѣдующимъ образомъ: на одной страницѣ было написано—„Михаилу 4 р.“, на слѣдующей—„послать въ Трофимовку“, а затѣмъ—„послать Колесникову 50 р.“, что и означало „Михаилу Трофимову Колесникову“. Такое показаніе Каменьскаго подтверждается отобранною у него при обыскѣ записною книжкой.

Между тѣмъ Жилинскіе, напуганные арестами, стали отказываться отъ агентуры и, по показанію Каменьскаго, вполнѣ подтвержденному показаніемъ Ольги Жилинской, передали Каменьскому всѣ письма, шифры и адресы лицъ, съ которыми велась переписка по дѣламъ общества. Каменьскій, съ своей стороны, не рѣшился держать агентуру и, какъ видно изъ показанія Кротонова, поручилъ сему послѣднему написать въ Москву шифрованное письмо о томъ, чтобы на имя Каменьскаго и Жилинскихъ больше писемъ присылаемо не было.

Несмотря однако на такую мѣру, въ августѣ, какъ видно изъ показаній Жилинскихъ, Николаемъ Жилинскимъ было получено изъ Москвы адресованное на имя его жены письмо, подписанное словами: „Африкановъ“ и „Шахъ Персидскій“. Въ означенномъ письмѣ заключалась просьба передать какому-то Вышеславцеву приложенную къ письму записку, въ которой Вышеславцева вызывали въ Москву, объясняя, что тянуть дѣло—значитъ портить его. Къ разъясненію сего обстоятельства можетъ служить отчасти показаніе Константина Аркадакскаго, по словамъ котораго, въ іюнѣ, во время пребыванія Войноральскаго въ Москвѣ, послѣ пріѣзда его изъ Пензы, онъ, Аркадакскій, и Войноральскій изобрѣли для себя новыя прозвища, причемъ Аркадакскій назвался Африкановымъ, но при этомъ Аркадакскій удостовѣрилъ, что подъ именемъ Африканова Жилинскому писемъ не писалъ.

Оставленная Жилинскими и не принятая Каменьскимъ агентура перешла къ члену кружка Миллеру, что подтверждается: во 1-хъ, показаніями Войноральскаго и Каменьскаго; во 2-хъ, найденными по обыску у Миллера адресами и шифрами, изъ которыхъ одинъ былъ слѣдующій: „нюн. посу, ѣли, черти, колбасу, тѣхъ, щей, пожиже, влей, -егда, взмыша, тучь“; въ 3-хъ, однимъ изъ писемъ Войноральскаго, отъ 12 іюля, адресованныхъ въ Москву на имя князя Шершивадзе, въ которомъ Войноральскій извѣщалъ о новомъ бюро въ Пензѣ у Миллера; въ 4-хъ, отобранными при обыскѣ у Софійнскаго въ Саратовѣ и Рѣчицкаго-Логинова въ Николаевскѣ адресами Жилинскихъ и Миллера, и въ 5-хъ, показаніемъ Судзиловской о томъ, что она послала брату въ Николаевскъ для переписки съ нею адресъ Миллера.

Миллеръ въ свою очередь пользовался иногда адресомъ гимназиста Александра Ушакова, что видно изъ показанія послѣдняго, подтвержденіемъ котораго служитъ то обстоятельство, что адресъ Ушакова, писанный шифромъ, былъ найденъ при обыскѣ у гимназиста Осташкина въ Самарѣ.

Не рѣшившись принять агентуру и передавъ таковую Миллеру, Каменьскій не пожелалъ даже посылать Войноральскому деньги отъ своего имени. Изъ показанія Каменьскаго видно, что онъ послалъ Войноральскому въ Самару по адресу Колесникова 150 р. с.; между тѣмъ, изъ показанія Ушакова оказывается, что по просьбѣ Миллера онъ отправилъ Колесникову 25 р. с., а по удостовѣренію Тушинской, тотъ же Миллеръ, по порученію Каменьскаго, просилъ ее переслать въ Самару 125 р. с. Оба денежныя письма, какъ Ушакова, такъ и Тушинской, были получены Колесниковымъ, который и представилъ таковыя къ дѣлу.

Отказавшись отъ агентуры, Жилинскіе стали отказываться и отъ храненія революціонныхъ книгъ. По показанію Каменьскаго, Жилинскіе заявили ему, что если отъ нихъ не возьмутъ книги, то они таковыя сожгутъ, вслѣдствіе чего Миллеръ, которому онъ сообщилъ объ этомъ, отправился въ Перелогово къ Тушинской просить ее взять къ себѣ на сохраненіе находившіяся у Жилинскихъ книги, на что Тушинская, какъ передалъ Миллеръ Каменьскому, и изъявила свое согласіе; но перевозка книгъ въ Перелогово почему-то не состоялась, книги остались у Жилинскихъ и послѣ ареста Николая Жилинскаго были сожжены его женою. Посѣщеніе Тушинской Миллеромъ удостовѣряется показаніемъ ходившаго вмѣстѣ съ Миллеромъ въ Перелогово сына Цибишевой, а также показаніемъ Судзиловской и самой Тушинской, объяснившей, однако, что она отказалась принять къ себѣ книги.

Вскорѣ послѣ сего Каменьскій, Тушинская и Судзиловская уѣхали изъ Пензы.

Каменьскій 9 августа 1874 года былъ задержанъ въ гор. Минскѣ, причемъ у него была отобрана, какъ сказано выше, записная книжка съ адресомъ Колесникова.

Судзиловская уѣхала въ Петербургъ, откуда написала Миллеру письмо, въ которомъ сообщала свой адресъ: „3-я рота Измайловскаго полка, д. № 12, кв. № 4. Мельникову (внутри Р.)“; въ этомъ же письмѣ Судзиловская писала между прочимъ: „.....въ Николаевскѣ переполохъ страшный. П. И. (Порфирій Ивановъ Войноральскій) нужны деньги, онъ даже обращается сюда, нельзя ли выслать отсюда..... Мѣста учительницъ нужны не одно, а желательно было бы три.....“ Вышеприведенное письмо было отобрано при обыскѣ у Миллера и признано Судзиловскою за писанное ею.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Судзиловская была арестована, причемъ у нея были найдены документы Киріака Милоглазкина и неизвѣстно кѣмъ и для кого писанная записка: „Это та самая особа, о которой я Вамъ сообщила, что во вторникъ у Васъ будетъ“.

Въ день задержанія Судзиловской было получено на ея имя никѣмъ не подписанное, но несомнѣнно писанное рукою Тетельмана, письмо, въ которомъ послѣдній сообщалъ, что „дядя Николай (Николай Судзиловскій) давно заболѣлъ и уѣхалъ лѣчиться.... что Даша (Юргенсонъ) тоже больна. Подозрѣваютъ въ ней чахотку“... Судзиловская объяснила, что кѣмъ писано это письмо—ей неизвѣстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ признала, что была знакома съ Тетельманомъ и что ей извѣстна только одна Даша—Дарья Николаевна (то есть Юргенсонъ), проживавшая одно время вмѣстѣ съ нею въ Степановкѣ.

Тушинская изъ Перелогова отправилась въ Костромскую губернію, а оттуда въ гор. Усмань, Тамбовской губерніи, гдѣ и остановилась у доктора Буховцева. Тушинская была задержана въ Усманскомъ уѣздѣ, въ имѣніи жены купца Богомолова, причемъ у нея были найдены письма Войноральскаго, *Дѣдушка Егоръ*, *Стенька Разинъ*, *Митюха*, *Очерки фабричной жизни*, *Рѣчь Лаврова Цюрихскимъ студентамъ*, сочиненія Чернышевскаго,

шифръ, состоящій изъ нѣсколькихъ строкъ стихотворенія Некрасова *У парадного подъѣзда* и, между прочимъ, слѣдующіе адресы: а) 3 рота Измайловскаго полка, д. № 12, кв. № 4. Горѣлину (адресъ Рабиновича и Судзиловской); б) противъ Михаила Архангела, собственный домъ (адресъ Сидорацкой (Ободовской); в) акушеркѣ Надеждѣ Алек. Бартеневой въ Самару; г) той же Надежды Александровой, по мужу Ивановой, въ Москвѣ, въ номерахъ Скворцова, на Моховой; д) по Спиридоновкѣ, домъ Гуляковой, спросить квартиру Малиновскаго (адресъ Аркадакскихъ) и др.; въ чемоданѣ же Тушинской, оставленномъ въ квартирѣ Буховцева, были найдены книги: *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ* въ двухъ экземплярахъ, *Сказка о четырехъ братьяхъ*, *Впередъ*, *Государственность и Анархія*, *Историческое развитіе интернаціонала* и значительное количество тенденціозныхъ книгъ, какъ-то: *Степные очерки*, *Митюха* и т. д.

Въ одномъ изъ отобранныхъ у Тушинской писемъ Войноральскаго, послѣдній поручалъ Тушинской увѣрить Ободовскую въ вѣрности Цибишевой.

Вскорѣ затѣмъ были задержаны и всѣ прочіе пензенскіе революціонные дѣятели, кромѣ Войноральскаго, Рогачева, Селиванова и Юргенсонъ, причемъ у Доброва, Сабелькина и Покровскаго найдено: у перваго—книги: *Стенька Разинъ* и два тома *Впередъ*, *Исторія одного французскаго крестьянина* и сочиненія Лассаля; у второго—написанный его рукою разсказъ о томъ: *За что и какъ бунтовались Пичаевскіе мужики*, а у послѣдняго—полулистъ чистой бумаги съ печатью Николаевской церкви, села Сіальской Пятины, Инсарскаго уѣзда.

Сабелькинъ и Кротоновъ признали себя виновными въ принадлежности къ тайному сообществу, состоявшемуся съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію противъ правительства и распространенія революціонныхъ книгъ; Жилинскій, Ареопагитскій и Покровскій—принадлежности къ вышеозначенному сообществу; Ольга Жилинская—въ распространеніи революціонныхъ книгъ, а Добровъ, Каменьскій, Эндауровъ, Тушинская и Судзиловская виновными себя не признали.

Войноральскій и Селивановъ, какъ сказано выше, изъ Пензы отправились въ Москву, гдѣ въ ихъ отсутствіе положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Къ началу іюня, изъ членовъ кружковъ Алексѣевой и Петровской Академіи, въ Москвѣ остались только братья Аркадакскіе, всѣ же прочіе выѣхали изъ Москвы, причемъ дальнѣйшая дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ осталась не обнаруженною; къ числу послѣднихъ относятся Кравчинскій, Клеменсъ, Фроленко, успѣвшіе вовсе скрыться отъ преслѣдованія, и Шишко, задержанный въ августѣ въ квартирѣ поручика артиллеріи Венюкова и не признавшій себя виновнымъ ни въ чемъ; остальные же, т.-е. Соловцовскій, Знаменскій и Малиновскій были задержаны: первые двое—въ Тульской губ., а послѣдній—въ Вологодской губерніи, и въ отношеніи ихъ слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее:

Соловцовскій и Знаменскій выѣхали изъ Москвы въ началѣ мая, почти одновременно съ Войноральскимъ, и отправились въ Чернскій уѣздъ въ село Бабурино, гдѣ проживалъ отецъ Знаменскаго; въ Тулѣ, гдѣ они остановились на нѣкоторое время, Знаменскій, какъ видно изъ его показанія, встрѣтился со своимъ товарищемъ по семинаріи, сыномъ дьячка Іосифомъ Сильвестровымъ-Кирилловымъ, которому и передалъ нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ были: *Отщепенцы*, *Стенька Разинъ*, *Исторія одного французскаго крестьянина* и статья изъ журнала *Впередъ*, каковыя книги Знаменскій получилъ, по его собственнымъ словамъ, въ мастерской Войноральскаго, на Бутыркахъ. Поселившись въ Бабуринѣ, Соловцовскій и Знаменскій, какъ это удостовѣрено показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей, занялись изученіемъ ремеслъ: первый—сапожнаго, а послѣдній—столярнаго, одѣвались въ крестьянское платье и старались сблизиться съ крестьянами. Въ первыхъ числахъ іюня Соловцовскій ѣздилъ изъ Бабурина въ Москву, гдѣ, по его собственному показанію, былъ у Супинской, у которой хранились его документы, и въ квартирѣ братьевъ Аркадакскихъ въ домѣ Гулякова, а, по удостовѣренію свидѣтельницы Ольги Кудрявцевой, ночевалъ даже въ типографіи Мышкина, въ комнатѣ Супинской. Во время этой отлучки Соловцовскаго, Знаменскій, какъ видно изъ его показанія, получилъ отъ Войноральской изъ Саратова письмо, подписанное „хозяйка въ Бутыркахъ“, въ которомъ она извѣщала Соловцовскаго и Знаменскаго о покупкѣ ея мужемъ участка земли и приглашала ихъ пріѣхать въ Саратовъ. Соловцовъ и Знаменскій были арестованы 25-го іюня въ Бабуринѣ, причемъ Соловцовскій

былъ найденъ зарывшимся въ солому и при задержаніи его назвался крестьяниномъ Гавриловымъ, работникомъ отца Знаменскаго.

Ни Соловцовскій, ни Знаменскій виновными себя не признали.

Іосифъ Селиверстовъ-Кирилловъ получилъ отъ Знаменскаго въ Тулѣ вышеупомянутыя книги, отправился къ своему отцу въ Новосильскій уѣздъ, въ село Вышнее-Залегощь, гдѣ и сталъ распространять между крестьянами означенныя книги, что удостовѣрено свидѣтелями Харибинымъ, Постниковымъ и Поляковымъ.

Не отвергая полученія книгъ отъ Знаменскаго, Кирилловъ объяснилъ, что взялъ таковыя не съ цѣлью распространенія противуправительственныхъ идей, а съ цѣлью пріученія крестьянскихъ мальчиковъ къ толковому чтенію; но удостовѣренное показаніями мѣстныхъ священника и сельскаго учителя направленіе Кириллова не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ той преступной цѣли, съ которою онъ распространялъ между крестьянами полученныя имъ отъ Знаменскаго книги.

Малиновскій, по его собственному показанію, ѣздилъ въ Александровскій уѣздъ къ нѣкоему Богданову, работавшему въ плотничьей артели, личность котораго осталась неразъясненною, а затѣмъ въ Рыбинскъ, съ цѣлью найти тамъ работу, но, не найдя таковой, вернулся въ Москву, откуда прислалъ на имя давно умершей матери Знаменскаго писанное отчасти шифромъ письмо, въ которомъ сообщалъ, „что былъ у Богданова, что тотъ болѣе тамъ не будетъ, такъ какъ нашелъ это мѣсто для себя невыгоднымъ, главная причина та, что тамъ становой". Отправляясь въ Александровскій уѣздъ, Малиновскій о своемъ намѣреніи поступить въ плотничью артель сообщилъ и Войноральскому, въ Саратовъ, въ упомянутомъ уже выше письмѣ, въ которомъ между прочимъ спрашивалъ Войноральскаго: „видѣлъ ли онъ въ Самарѣ Ча"? Изъ Москвы Малиновскій уѣхалъ въ Вологодскую губернію, гдѣ и былъ задержанъ, причемъ у него была отобрана тетрадь, начинающаяся словами: „Послѣ рѣчей Бакунина читать", переписка, характеризующая направленіе Малиновскаго, и письмо, начинающееся словомъ „Мишка", адресованное въ Иваново-Вознесенскъ, на фабрику Лопатина, слесарю Михаилу Николаеву, въ которомъ сообщается адресъ „С. Г. Мельникову для передачи П. А. Лемени, Измайловскій полкъ, 3 рота, домъ № 12, кв. № 4". Означенное письмо было писано Моисеемъ Рабиновичемъ, какъ видно изъ его показанія, къ сыну генералъ-маіора Михаилу Шредеру (скрывшемуся); фамиліею „Лемени" Рабиновичъ назывался, по его словамъ, потому, что у него былъ паспортъ Лемени-Македона. Малиновскій виновнымъ себя не призналъ.

Такимъ образомъ, къ іюню 1874 г. въ Москвѣ остались только братья Аркадакскіе, продолжавшіе принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ типографіи Мышкина, въ которой въ концѣ мая или началѣ іюля появились двѣ новыя личности: бывшій воспитанникъ самарской духовной семинаріи Наѳанаилъ Скворцовъ и мѣщанка Ольга Шевырева.

Шевырева, познакомившаяся въ С.-Петербургѣ, въ концѣ 60-хъ годовъ, съ Наѳанаиломъ Скворцовымъ, служившимъ впослѣдствіи въ тверскомъ земствѣ, получила, какъ видно изъ ея показанія, въ концѣ 1872 г., при содѣйствіи Скворцова, мѣсто сельской учительницы въ селѣ Дмитріевскомъ, Новоторжскаго уѣзда, гдѣ и познакомилась съ Ярцевымъ и Румянцевымъ. По увольненіи отъ должности учительницы, Шевырева, по ея словамъ, проживала нѣкоторое время въ Петербургѣ, а затѣмъ въ маѣ 1874 г. прибыла со Скворцовымъ въ Москву, гдѣ они и поселились въ домѣ Гулякова, на одной квартирѣ съ братьями Аркадакскими, изъ которыхъ Константинъ былъ товарищемъ Скворцова по семинаріи; означенная квартира, какъ видно изъ показанія Скворцова, числилась за Малиновскимъ, видъ котораго и былъ явленъ въ полиціи для прописки; своего же вида Скворцовъ не предъявлялъ.

Аркадакскіе ввели Шевыреву и Скворцова въ типографію Мышкина, гдѣ Скворцовъ, по его собственному показанію, принималъ участіе въ печатаніи сочиненій Лассаля *Трудъ и Капиталъ* и *Книга для чтенія рабочимъ*, корректируя отпечатанные листы означенныхъ сочиненій, причемъ ему было извѣстно и о печатаніи *Исторіи одного французскаго крестьянина*, а Шевырева, какъ видно изъ показанія свидѣтельницы Левшиной, стала учиться набирать подъ руководствомъ Супинской, но занималась въ типографіи лишь нѣсколько дней, что подтвердила и сама Шевырева, удостовѣрившая также, что въ типографіи работали оба брата Аркадакскіе и Скворцовъ.

Въ типографіи Мышкина продолжали работать также спѣшно, какъ и до отъѣзда Войноральскаго; отпечатанныя сочиненія посылались подъ видомъ какого-либо товара въ Пензу и Саратовъ, какъ уже изложено выше, а также и въ Петербургъ, какъ показалъ о томъ Мышкинъ, причемъ упаковкою и отправкою отпечатанныхъ листовъ занимались, по словамъ Мышкина, Аркадакскій и Скворцовъ, а также Фетисовъ, какъ это признано имъ самимъ, и работавшія въ типографіи женщины, что удостовѣрено свидѣтельскими показаніями.

Извѣстія о саратовскихъ происшествіяхъ нарушили спокойствіе работавшихъ въ типографіи лицъ; первое извѣстіе—телеграмма Юліи Прушакевичъ на имя Софьи Ивановой объ открытіи преступной дѣятельности обитателей мастерской Пелькопена—было получено въ типографіи 2-го іюня, что призналъ и Мышкинъ, который вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Рязань, успѣвъ, по его собственному показанію, передъ своимъ отъѣздомъ отправить, при содѣйствіи Ермолаевой и Софьи Ивановой, по Николаевской желѣзной дорогѣ ящикъ съ отпечатанными листами.

Послѣ отъѣзда Мышкина, на имя Фетисова была получена другая телеграмма, посланная Рогачевымъ изъ Петровска, извѣщавшая, что „вексель поданъ ко взысканію", а вслѣдъ затѣмъ, 6-го іюня, въ типографіи былъ произведенъ обыскъ. Въ день обыска приглашенныя въ полицію для дачи объясненій Софья Андреева Иванова и Супинская обратились къ Левшиной, по показанію сей послѣдней, съ просьбою показать: первая—что работавшія въ типографіи женщины занимались перепискою, а не наборомъ, а Супинская—что Мышкинъ уѣхалъ въ Смоленскъ; сверхъ сего, Супинская, какъ видно изъ ея показанія, поручила Фетисовой извѣстить Мышкина телеграммою о случившемся, для чего и дала Фетисовой адресъ Мышкина въ Рязани, каковое обстоятельство признано и Фетисовою. 9-го іюня вновь былъ произведенъ обыскъ въ типографіи и всѣ проживавшія въ ней лица были арестованы.

При обыскахъ въ типографіи были, между прочимъ, отобраны слѣдующіе предметы: а) рукописная тетрадь на 112 страницахъ въ $^1/_4$ долю листа, подъ заглавіемъ: *Исторія одного изъ многострадальныхъ* (передѣлка *Исторіи одного французскаго крестьянина*); въ означенной рукописи во многихъ мѣстахъ сдѣланы отмѣтки „набрано", нѣкоторыя мѣста зачеркнуты, а на нѣкоторыхъ страницахъ сдѣлана отмѣтка „надо"; б) девять съ половиною печатныхъ сфальцованныхъ листовъ, составляющихъ экземпляръ книги, по содержанію схожей съ вышеозначенною рукописью; тѣ мѣста и выраженія, которыя въ рукописи зачеркнуты, въ составъ книги не вошли, подчеркнутыя же въ рукописи мѣста напечатаны курсивомъ; в) рукописная тетрадь въ $^1/_4$ долю листа на 118 страницахъ; въ ней каждый листъ разрѣзанъ; на нѣкоторыхъ листахъ написаны карандашемъ имена и фамиліи, какъ-то: Вася, Ваня, Супинской, Фетисову, Левшиной и др.; г) экземпляръ книги, начинающійся словами: „быть можетъ читатель удивится"..., совершенно схожей съ рукописью, означенною подъ лит. „в"; д) рукописная тетрадь въ $^1/_4$ долю листа на 55 страницахъ, подъ заглавіемъ *Книга для чтенія рабочимъ*, съ помѣтами: *Левшиной, Некрасову* и т. д.; е) печатный экземпляръ той же книги *Для чтенія рабочимъ*, тождественной съ содержаніемъ первыхъ 41 стр. рукописи, означенной подъ лит. „д", и ж) пять печатныхъ листовъ, начинающихся словами: *Господа, увлеченіе, сопровождавшее пренія этого процесса* и т. д.

Сочиненіе, начало котораго напечатано на указанныхъ подъ лит. „ж" пяти листахъ, составляетъ, по заключенію московскаго цензурнаго комитета, переводъ книги Лассаля, *Ferd. Lassalischer Criminalprocess*, запрещенной въ Россіи.

Ефрузина Супинская, признавъ первоначально свое участіе въ печатаніи книгъ революціоннаго содержанія съ цѣлью распространенія таковыхъ въ народѣ, впослѣдствіи объяснила, что работала въ типографіи единственно изъ-за денегъ; равнымъ образомъ и Ольга Фетисова, признавъ себя виновною „въ наборѣ запрещенныхъ книгъ", пояснила, что работала у Мышкина изъ-за денежнаго заработка.

Елизавета Ермолаева, не отвергая своего участія въ наборѣ *Исторіи одного французскаго крестьянина*, виновною себя не признала; Ѳедоръ Фетисовъ и Софья Андреева Иванова виновными себя также не признали.

Находившіеся еще въ типографіи во время обыска отпечатанные листы сочиненій Лассаля, не взятые лицами производившими обыскъ, были доставлены Скворцовымъ и

Аркадакскимъ къ Заруднѣвой, а отъ нея, какъ видно изъ ея показанія, были тѣми же Скворцовымъ и Аркадакскимъ отправлены въ Калугу.

Означенные листы, отправленные 12 іюня въ Калугу на имя Маріи Ѳедоровой Степановой, чрезъ общество страхованія и транспортированія кладей, были задержаны въ Калугѣ и оказались уложенными въ трехъ помѣщеніяхъ: въ сундукѣ, ящикѣ и тюкѣ. По предъявленіи вышеупомянутыхъ помѣщеній Заруднѣвой, она признала ихъ за тѣ самыя, которыя были увезены изъ ея квартиры Скорцовымъ и однимъ изъ братьевъ Аркадакскихъ.

Лариса Заруднева признала себя виновною въ брошировкѣ завѣдомо „запрещенныхъ" книгъ.

Въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ обысками въ типографіи, возвратился въ Москву Мышкинъ. Получивъ извѣщеніе о грозившей ему опасности, Мышкинъ, какъ видно изъ его показанія, доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Коломны изъ Подольска, а оттуда отправился въ Москву на лошадяхъ. Въ это же время прибыли въ Москву Войноральскій и Селивановъ изъ Пензы и Рогачевъ изъ Тамбова. Мышкинъ видѣлся въ Марьиной рощѣ съ Аркадакскими, Скворцовымъ и Фетисовымъ, а также съ Войноральскимъ, Селивановымъ и Рогачевымъ, какъ это удостовѣрилъ Иванъ Селивановъ. Послѣ вышеозначеннаго свиданія Мышкинъ скрылся изъ Москвы. Войноральскій, написавъ, по его собственнымъ словамъ, Жилинской въ Пензу письмо о сохраненіи находившихся у нея книгъ, вмѣстѣ съ Рогачевымъ, которому далъ видъ Ареопагитскаго, направился въ Саратовъ, а Селивановъ поѣхалъ въ мѣстечко Смѣлы, Кіевской губерніи, къ товарищу своему Николаю Виноградову, у котораго 13-го августа 1874 г. и былъ задержанъ. По обыску въ квартирѣ Виноградова были отобраны письма къ нему Селиванова, въ одномъ изъ которыхъ послѣдній просилъ Виноградова достать ему мѣсто на сахароваренномъ заводѣ, а также написанный на клочкѣ бумаги адресъ: „Тамбовъ, Семену Иванову Ареву, на Дубовой улицѣ, въ собственномъ домѣ: внутри — передать Иванову". Означенный адресъ, по словамъ Селиванова, былъ присланъ ему изъ Саратова Войноральскимъ.

Иванъ Селивановъ виновнымъ себя не призналъ.

Вскорѣ послѣ обыска въ типографіи Мышкина, Шевырева уѣхала въ Калугу, куда 16-го іюня отправились также К. Аркадакскій и Наѳанаилъ Скворцовъ, поселившіеся затѣмъ въ деревнѣ Черносвитинѣ подъ ложными фамиліями Нильсена и Петрова, что удостовѣрено свидѣтельскими показаніями и не отвергается Скворцовымъ и Шевыревою, изъ которыхъ послѣдняя, по ея собственнымъ словамъ, выдала даже Скворцова и Аркадакскаго за Нильсена и Петрова жандармскому офицеру, разспрашивавшему ее о проживавшихъ къ Черносвитинѣ личностяхъ. Пробывъ въ Черносвитинѣ недѣли три, Скворцовъ и Аркадакскій вернулись въ Москву, откуда Шевырева, какъ видно изъ ея показанія, вскорѣ затѣмъ получила шифрованное письмо, въ которомъ ее просили справиться, получена ли въ конторѣ общества „Двигатель" посылка на имя Степановой; о томъ, кѣмъ было писано означенное письмо, Шевырева отозвалась незнаніемъ, поясняя, что шифръ былъ извѣстенъ какъ Аркадакскимъ, такъ и Скворцову и Малиновскому. Наведя справки и узнавъ, что посылка не получена, Шевырева отвѣтила шифрованнымъ же письмомъ, адресовавъ таковое въ университетъ на имя студента Ивана Соколовскаго. За полученіемъ сего письма явился Скворцовъ, который, по распоряженію экзекутора университета Боровика, и былъ препровожденъ въ жандармское управленіе вмѣстѣ съ письмомъ на имя Соколовскаго. Въ означенномъ письмѣ, которое Шевырева признала за писанное ею, послѣдняя извѣщала между прочимъ что..... „теперь стоитъ ужаснѣйшая гроза" (аресты), „Отъ этой грозы" писала она, „можно захворать, и если съ Вами это случится, придется, конечно, лечь въ больницу. Постарайтесь увѣдомить въ какую именно, а то вѣдь больныхъ надо посѣщать".

При обыскѣ, произведенномъ 3-го августа 1874 г. въ квартирѣ Скворцова, былъ задержанъ Константинъ Аркадакскій, у котораго, между прочимъ, былъ найденъ адресъ Рабиновича (Лемени) и свидѣтельство Александра Малиновскаго.

К. Аркадакскій, освобожденный впослѣдствіи изъ-подъ стражи и отданный подъ надзоръ полиціи, скрылся; братъ его Алексѣй также успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія.

Задержаніе Скворцова повлекло за собою и арестованіе Шевыревой, у которой, между прочимъ, была найдена книга *Государственность и Анархія.*

Скворцовъ и Шевырева виновными себя не признали.

29-го августа, въ то время, когда Скворцовъ содержался подъ стражей, у него были отобраны двѣ шифрованныя записки; одна изъ этихъ записокъ начинается словами: „Сынамъ революціи привѣтъ и братство“, а вторая, очевидно предназначавшаяся для Шевыревой, слѣдующаго содержанія: „Вотъ уже три недѣли сижу я въ тюрьмѣ, и только сегодня мой часовой рѣшился послать помимо жандарма эту писульку. Если еще не поздно и ты получишь ее, бѣги хоть въ преисподнюю, скрывайся. Твое письмо перехвачено, и когда я за нимъ дерзнулъ придти въ университетъ, меня забрали. На допросѣ я только и твердилъ что я, не я, но..... меня посадили, сдѣлавъ обыскъ на квартирѣ, гдѣ попался Костя. Такъ какъ я отперся отъ письма, то они, въ виду тверской исторіи, навѣрное полагаютъ что ты писала письмо, бѣги!.... Носятся слухи, что Мышкинъ арестованъ еще прежде насъ и доведенъ почти до полнаго сознанія, не знаю, не врутъ ли? Вѣрить имъ ни на грошъ нельзя. Это исчадіе ада, вѣроломнѣйшіе изъ всѣхъ предателей, которые когда-либо стояли поперекъ дороги Христа. Чтобы не опоздать предупредить тебя, я послалъ Лизѣ письмо, не знаю дошло ли....? Не знаю, спасусь ли отъ каторги“....

Уѣзжая въ Калугу, Константинъ Аркадакскій, какъ видно изъ показанія дочери коллежскаго совѣтника Татьяны Ивановой Лебедевой, обмѣнялся съ нею адресами; по словамъ Лебедевой, она переписывалась съ Аркадакскимъ, а также получала адресованные на его имя въ университетъ письма и журналы.

Татьяна Лебедева посѣщала собранія, происходившія въ квартирѣ Дмитрія Дубенскаго, и знала почти всѣхъ членовъ кружка Алексѣевой; такъ, по показанію свидѣтельницы Вѣры Лебедевой, Татьяна Лебедева была знакома съ Саблинымъ, Исаакомъ Львовымъ, Клеменсомъ, Рогачевымъ и Кравчинскимъ, изъ которыхъ послѣдній велъ даже съ нею переписку, а по словамъ самой Лебедевой, она имѣла сношенія съ Морозовымъ, Алексѣевою, Аркадакскими и др.; въ маѣ мѣсяцѣ, когда члены московскихъ кружковъ пошли въ народъ, Татьяна Лебедева, по ея собственному показанію, поселилась на Моховой, въ номерахъ Скворцова, и приняла на сохраненіе студенческую библіотеку, членами которой, между прочимъ, были: Кравчинскій, Клеменсъ, Исаакъ Львовъ, Аркадакскіе и Шиловъ.

Кругъ знакомства Татьяны Лебедевой, ея отношенія къ Аркадакскому и принятіе ею къ себѣ на сохраненіе вышеупомянутой библіотеки, уже достаточно указываютъ на принадлежность Лебедевой къ кружку московскихъ агитаторовъ, въ чемъ окончательно убѣждаетъ дальнѣйшій образъ ея дѣйствій.

Изъ показаній Войноральскаго оказывается, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Пензы, въ началѣ іюня, онъ далъ Каменьскому для переписки съ нимъ адресъ Лебедевой и проживавшей вмѣстѣ съ нею въ номерахъ Скворцова нѣкоей Трубниковой. Затѣмъ, изъ показанія Кротонова видно, что, по просьбѣ Каменьскаго, онъ написалъ шифрованное письмо, въ Москву, которое, по удостовѣренію Сабелькина, было послано по адресу, оставленному ему Рогачевымъ. Означенное письмо было получено въ Москвѣ на имя Лебедевой при слѣдующей запискѣ: „Пушкино. Письмо которое я Вамъ посылаю я получилъ дня три тому назадъ изъ Пензы. Посылаю его потому, что самъ ничего не понимаю и, слѣдовательно, ничего не могу по немъ сдѣлать“. По разборѣ шифра, которымъ было написано письмо, оно оказалось такого содержанія: „Передайте знакомымъ чтобы никто не писалъ на имя Каменьскаго, Жилинскаго и Ланковскаго; намъ тоже немного нездоровится. На имя Каменьскаго напишите письмо, или два, самаго невиннѣйшаго свойства и помяните здѣсь, что адресъ свой пришлете, когда будетъ нужно; на конвертѣ дѣлайте надпись: „весьма нужное“.

Независимо отъ сего, на имя Лебедевой было получено еще и другое шифрованное письмо, а адресъ ея, написанный шифромъ, былъ найденъ въ Саратовѣ, у Софинскаго.

Держа такимъ образомъ у себя агентуру, Татьяна Лебедева въ свою очередь вела свою переписку чрезъ посредство другихъ лицъ; такъ, изъ показанія Вѣры Лебедевой видно, что Татьяна Лебедева сообщила ей однажды, что дала ея адресъ нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ и Аркадакскимъ. 9-го іюля, по словамъ Вѣры Лебедевой, она получила телеграмму о томъ, что на номера Скворцова подано ко взысканію; означенную телеграмму, подписанную, насколько ей помнится, фамиліею Шахова, она показала Татьянѣ Лебедевой, которая тотчасъ же разорвала какія-то два письма.

Вышеприведенная телеграмма заключала въ себѣ, очевидно, предупрежденіе о предстоящемъ обыскѣ, который дѣйствительно и былъ произведенъ у Татьяны Лебедевой на другой день послѣ полученія телеграммы, т.-е. 10-го іюня.

Татьяна Лебедева виновною себя не признала.

Послѣ задержанія Лебедевой, на ея имя было получено письмо, отправленное, судя по почтовому штемпелю, 15-го іюля изъ Полангена, въ каковомъ письмѣ нѣкто, подписавшійся „Cousin" извѣщалъ Татьяну Лебедеву о благополучномъ переходѣ через границу; этотъ „Cousin" оказался Мышкинымъ, какъ это видно изъ его показанія.

Мышкинъ, пробывъ нѣкоторое время за границей, вернулся въ Россію, и въ іюлѣ 1875 г. былъ задержанъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

12 іюля 1875 г. къ и. д. вилюйскаго окружнаго исправника, сотнику Жиркову, явилась личность въ мундирѣ жандармскаго офицера, назвалась поручикомъ корпуса жандармовъ Мещериновымъ и предъявила Жиркову: телеграмму генералъ-губернатора Восточной Сибири иркутскому жандармскому управленію объ оказаніи вилюйскимъ исправникомъ содѣйствія поручику Мещеринову при переводѣ государственнаго преступника Чернышевскаго изъ Вилюйска въ Благовѣщенскъ, сообщеніе иркутскаго жандармскаго управленія на имя вилюйскаго исправника также объ оказаніи содѣйствія Мещеринову и предписаніе того же управленія на имя унтеръ-офицера корпуса жандармовъ Ѳомина такого же содержанія. На основаніи поименованныхъ документовъ, назвавшійся поручикомъ Мещериновымъ хотѣлъ произвести обыскъ у Чернышевскаго и увезти послѣдняго въ Благовѣщенскъ, но не былъ къ этому допущенъ Жирковымъ, усомнившимся какъ въ личности Мещеринова, такъ и въ дѣйствительности возложеннаго будто бы на него порученія, а когда затѣмъ Мещериновъ изъявилъ желаніе отправиться въ Якутскъ, то Жирковъ приказалъ двумъ казакамъ, Семену Бубякину и Михаилу Маршинцеву, конвоировать Мещеринова до Якутска. На 8-й станціи отъ Вилюйска къ нимъ присоединился ѣхавшій также въ Якутскъ мѣщанинъ Егоръ Чудановъ. Дорогой, когда всѣ означенныя лица ѣхали верхомъ, и Бубякинъ находился впереди всѣхъ, Мещериновъ выстрѣлилъ въ него два раза изъ револьвера, причемъ ранилъ его въ бедро, потомъ, обернувшись, выстрѣлилъ въ Чуданова, у котораго пуля просвистѣла мимо лѣваго уха, и въ Маршинцева, послѣ чего бросился въ лѣсъ, въ которомъ и скрылся, но чрезъ нѣсколько дней былъ задержанъ якутами.

Выдававшій себя за поручика Мещеринова на первомъ допросѣ назвался сыномъ священника Титовымъ, воспитывавшимся въ Вологодской семинаріи, но, затѣмъ, когда по наведенной справкѣ оказалось, что Титова въ Вологодской семинаріи никогда не было, призналъ, что онъ—Ипполитъ Мышкинъ, и что цѣлью его поѣздки въ Вилюйскъ было освобожденіе Чернышевскаго.

При задержаніи Мышкина у него были отобраны склянки съ жидкостями, оказавшимися, по заключенію иркутской врачебной управы, хлороформомъ и уксуснокислымъ морфіемъ.

Содержась подъ стражей въ Иркутскѣ, Мышкинъ написалъ на имя своего брата письмо, въ которомъ, извѣщая о своемъ арестѣ, пояснилъ, что зналъ „на что шелъ" и что „ждетъ его впереди".

Мышкинъ призналъ себя виновнымъ въ печатаніи книгъ, запрещенныхъ правительствомъ, и въ распространеніи таковыхъ, а также призналъ, что имѣлъ намѣреніе освободить Чернышевскаго, что для этой цѣли имъ были составлены подложные документы, съ которыми онъ явился къ вилюйскому исправнику, и, не отвергая того, что стрѣлялъ въ лицъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Якутскъ, объяснилъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ дѣйствовалъ безсознательно.

Войноральскій и Рогачевъ изъ Москвы, какъ сказано выше, отправились, по удостовѣренію Ивана Селиванова, въ Саратовъ, а изъ показанія Войноральскаго видно, что онъ, послѣ выѣзда изъ Москвы, былъ въ Тамбовѣ съ Рогачевымъ и съ личностью, называвшею себя Николаемъ Ивановымъ.

Рогачевъ, какъ изложено выше, послѣ закрытія мастерской Пельконена въ Саратовѣ, получилъ отъ Фаресова адресъ нѣкоего Никифорова въ Тамбовѣ. Означенный мѣщанинъ, Николай Степановъ Никифоровъ, учитель сельской школы въ селѣ Большомъ-Липовцѣ, въ показаніи, данномъ при дознаніи, объяснилъ, что онъ уже давно былъ знакомъ съ исклю-

ченнымъ изъ Тамбовской гимназіи Анатоліемъ Фаресовымъ, который въ разговорахъ съ нимъ высказывалъ неудовольствіе на существующій порядокъ вещей и отрицалъ право личной собственности, что доказывалъ и на дѣлѣ тѣмъ, что безъ стѣсненія бралъ чужое платье, и, занимая у Никифорова деньги, не признавалъ нужнымъ возвращать таковыя, а напоминанія о долгѣ находилъ странными. Въ октябрѣ 1873 г. Фаресовъ посѣтилъ его, Никифорова, въ селѣ Большомъ-Липовцѣ, причемъ расхваливалъ мѣстности около Брянска и Приволжье, куда и намѣренъ былъ отправиться съ цѣлью *сближенія съ бурлаками*, причемъ, *говоря о Брянскѣ, Фаресовъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ какому-то мировому судьѣ, не называя его фамиліи*; уѣзжая изъ Липовца, Фаресовъ сказалъ, что къ Никифорову *явится лицо подъ фамиліей „Вышеславца изъ Тулы“*, котораго и просилъ помѣстить *въ оружейную мастерскую тамбовскаго мѣщанина* Семена Иванова Арева, и передалъ *Никифорову для переписки съ нимъ адресъ*: „въ гор. Брянскъ, Михаилу Михайловичу *Попову, на почтѣ, до востребованія*“; на внутреннемъ же конвертѣ надлежало написать: *„Войноральскій“* или буквы *„И. Р.,“* по каковому адресу онъ, Никифоровъ, и написалъ Фаресову письмо.

На предварительномъ слѣдствіи Никифоровъ измѣнилъ свое показаніе, заявивъ, что никакого адреса Фаресовъ ему не передавалъ, и затѣмъ объяснилъ, что въ началѣ іюня 1874 г. къ нему явился неизвѣстный человѣкъ, назвавшій себя Дмитріемъ Михайловымъ Вольскимъ, знакомымъ Фаресова, отъ котораго привезъ и записку. Вольскій, имѣвшій при себѣ паспортъ на имя студента Сергѣя Николаева Иванова, объяснилъ Никифорову, какъ видно изъ его показанія, что слышалъ отъ Фаресова объ устраиваемой въ Тамбовѣ артельной мастерской, чему онъ и его знакомые, располагающіе значительными средствами, очень сочувствуютъ. Но и это показаніе Никифоровъ измѣнилъ впослѣдствіи, утверждая, что съ Вольскимъ онъ познакомился безъ всякаго участія Фаресова. По словамъ Никифорова, Вольскій тоже просилъ его помѣстить Вышеславцева въ мастерскую Арева и передалъ Никифорову шифръ, по формулѣ „пи“, какъ объяснилъ Никифоровъ при дознаніи, а также нѣсколько адресовъ; эти адресы, какъ можно заключить изъ показанія Никифорова, были слѣдующіе: а) „въ Брянскъ, до востребованія“ съ буквами Р. и П.; б) „въ Московскій университетъ, студенту Плимуту“, на внутреннемъ конвертѣ—„Войноральскій“ или „Аркадакскій“, и в) „въ Москву, на Арбатъ, въ прачечную, Зензинову“, на внутреннемъ конвертѣ—„Войноральскій“ или „Аркадакскій“.

Фамилія Плимута, равно какъ и фамилія князя Шершивадзе, были вымышленныя, и были придуманы Войноральскимъ и Рогачевымъ для сношеній со своими московскими единомышленниками; изъ дѣла видно, что однажды за полученіемъ письма на имя князя Шершивадзе явился въ университетъ Аркадакскій, котораго по этому случаю хотѣли задержать, но онъ успѣлъ скрыться; адресъ Зензинова былъ найденъ у Константина Аркадакскаго при задержаніи его въ квартирѣ Скворцова, вмѣстѣ съ адресомъ Лемени, т.-е. Рабиновича.

Изъ показаній студентовъ Харьковскаго Ветеринарнаго Института, Фирсова и Прозоровскаго, а также студента Харьковскаго университета Кульчицкаго, проживавшихъ лѣтомъ 1874 г. въ гор. Тамбовѣ, видно, что Никифоровъ познакомилъ съ ними Вольскаго, съ которымъ приходилъ на квартиры Кульчицкаго и Прозоровскаго, причемъ у Кульчицкаго Вольскій разспрашивалъ Фирсова о томъ, какъ относятся харьковскіе студенты къ дѣлу „народной пропаганды“ и разсказывалъ, что молодежь оставляетъ школьныя скамьи и идетъ въ народъ пропагандировать соціально-революціонныя идеи. Никифоровъ познакомилъ Вольскаго и съ Аревымъ, у котораго Вольскій и ночевалъ. На другой день утромъ Вольскій разспрашивалъ Арева, по словамъ послѣдняго, о томъ, какъ идутъ въ Тамбовѣ артели, а когда пришелъ Никифоровъ, то Вольскій сообщилъ ему о своемъ отъѣздѣ и спросилъ на чье имя можно присылать ему письма; получивъ отъ Никифорова отвѣтъ, что письма могутъ быть присылаемы на имя Арева, онъ записалъ адресъ послѣдняго; при этомъ, по показанію Арева, Никифоровъ просилъ его, въ случаѣ если будутъ присланы „цифирныя“, по выраженію Арева, письма, то передавать таковыя ему, а Вольскій спрашивалъ при какихъ условіяхъ можно поступить въ мастерскую Арева и обѣщалъ прислать какого-то человѣка.

Послѣ отъѣзда Вольскаго изъ Тамбова, Никифоровъ писалъ ему, по его собственнымъ словамъ, письмо въ Москву на имя Плимута, а также на имя Зензинова, какъ онъ объ-

яснилъ при дознаніи, и просилъ о присылкѣ 15 р. с., въ отвѣтъ на что получилъ писанное шифромъ письмо, въ которомъ Вольскій извѣщалъ, что скоро самъ пріѣдетъ въ Тамбовъ. Вскорѣ затѣмъ, по показанію Никифорова, Вольскій дѣйствительно пріѣхалъ съ какимъ-то товарищемъ, назвавшимся Ивановымъ, и привезъ съ собою книги, изъ которыхъ передалъ Никифорову 7 экземпляровъ *Исторіи одного французскаго крестьянина*, 5 экз. *Пѣсенника* и 5 экз. *Сказки о 4-хъ братьяхъ*. У Вольскаго въ этотъ разъ, по словамъ Никифорова, былъ паспортъ какого-то семинариста. По удостовѣренію Арева, во второй половинѣ іюня Никифоровъ былъ у него съ Вольскимъ, товарищемъ послѣдняго Ивановымъ, мастеромъ изъ Тулы, и еще третьимъ лицомъ, также называвшемъ себя Ивановымъ, причемъ у Никифорова былъ узелочекъ съ книгами.

Изъ сопоставленія обстоятельствъ дѣла нельзя не придти къ убѣжденію, что Вольскій-Ивановъ былъ Рогачевъ, а Ивановъ, мастеръ изъ Тулы—Войноральскій. Такъ, пріѣздъ Вольскаго въ Тамбовъ въ началѣ іюня съ запиской отъ Фарсова совпадаетъ со временемъ отъѣзда Рогачева изъ Саратова, причемъ, какъ сказано выше, ему былъ данъ Фаресовымъ адресъ Никифорова въ Тамбовѣ. Отъѣздъ Вольскаго изъ Тамбова въ Москву и пребываніе его въ послѣднемъ городѣ совпадаютъ со временемъ появленія въ Москвѣ Рогачева; адресы, оставленные Вольскимъ Никифорову, указываютъ на сношенія Вольскаго съ Войноральскимъ, и, наконецъ, вторичный пріѣздъ Вольскаго съ Ивановымъ, въ Тамбовъ вполнѣ совпадаетъ со временемъ отъѣзда изъ Москвы Рогачева и Войноральскаго, причемъ въ это время у Рогачева, согласно съ показаніемъ Никифорова, былъ видъ семинариста Ареопагитскаго, переданный ему, какъ изложено выше, въ Москвѣ Войноральскимъ. Выводъ, къ которому приводятъ вышеуказанныя обстоятельства дѣла, находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Войноральскаго, признавшаго свое пребываніе въ Тамбовѣ съ Рогачевымъ и Николаемъ Ивановымъ. Что же касается сего послѣдняго, о появленіи котораго въ Тамбовѣ свидѣтельствуетъ также Аревъ, то есть основаніе полагать, что этотъ третій Ивановъ, былъ Николай Паевскій, называвшій себя Николаемъ Ивановымъ и занимавшійся пропагандой въ Саратовѣ вмѣстѣ съ Войноральскимъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Тамбова трехъ Ивановыхъ, Аревъ, какъ видно изъ его показанія, получилъ и передалъ Никифорову два шифрованныя письма; Никифоровъ же, по удостовѣренію Кульчинскаго и Прозоровскаго, передалъ первому: *Сказку о 4-хъ братьяхъ*, *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ* и *Исторію одного французскаго крестьянина*, а послѣднему—тѣ же книги въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

10-го іюля, по показанію Никифорова, къ нему явился давно ожидаемый Вышеславцевъ и просилъ его зайти вечеромъ къ Ареву, куда и самъ хотѣлъ придти, чего, однако, не исполнилъ, а на другой день Никифоровъ былъ арестованъ.

Кто былъ Вышеславцевъ, осталось неразъясненнымъ.

Адресъ Никифорова и Арева съ паролемъ: „Вышеславцевъ изъ Тулы", былъ найденъ у Рѣчицкаго-Логинова, агитировавшаго въ Николаевскѣ, Самарской губерніи, а также у Войноральскаго, Селиванова, Миллера въ Пензѣ и Софинскаго въ Саратовѣ.

Никифоровъ не призналъ себя виновнымъ ни въ принадлежности къ тайному сообществу, ни въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія.

Прозоровскій, получивъ отъ Никифорова упомянутыя выше книги, передалъ часть таковыхъ для чтенія дочери мѣщанки Дарьѣ Ѳедоровой Вороновой и студенту Московскаго университета Александру Иванову Спиридонову, что подтверждается показаніемъ сихъ лицъ.

При обыскѣ у Прозоровскаго было отобрано: два экземпляра *Сказки о 4-хъ братьяхъ*, *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ* и нѣсколько листковъ отъ означеннаго сборника, а также *Исторія одного французскаго крестьянина*.

Прозоровскій, не признавая себя ни въ чемъ виновнымъ, объяснилъ, что передалъ книги Вороновой и Спиридонову не для чтенія, а лишь для сохраненія таковыхъ; но такое объясненіе Прозоровскаго вполнѣ опровергается показаніями Вороновой и Спиридонова.

Кромѣ Никифорова и Прозоровскаго, въ Тамбовской губерніи распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія занимался еще и тамбовскій мѣщанинъ Сергѣй Антоновъ Стопане, проживавшій въ качествѣ домашняго учителя у помѣщика Янова, въ

Усманскомъ уѣздѣ. Свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что Стопане давалъ читать *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, *Исторію одного французскаго крестьянина* и *Сказку о четырехъ братьяхъ* коллежскому регистратору Михаилу Логвинову, и самъ читалъ таковыя книги прислугѣ Янова — лакею Ѳедору Яковлеву и горничной Дарьѣ Жиряковой.

Стопане, не отвергая вышеизложеннаго, тѣмъ не менѣе не призналъ себя виновнымъ, но въ поданномъ впослѣдствіи на имя производившаго слѣдствіе члена московской судебной палаты Крахта заявленіи, Стопане объяснилъ, что у него было желаніе вести революціонную пропаганду, такъ какъ онъ убѣдился въ необходимости пробужденія въ крестьянахъ сознанія ихъ силы и значенія въ государствѣ. Объяснить же отъ кого имъ были получены книги Стопане отказался.

Изъ дѣла видно, что Стопане, не окончившій курса въ тамбовской гимназіи, былъ знакомъ съ Кульчицкимъ, Прозоровскимъ и Спиридоновымъ.

Изъ Тамбова Войноральскій, Рогачевъ и Паевскій направились въ Саратовъ, гдѣ еще ранѣе, въ концѣ мая или началѣ іюня, Паевскій и Рогачевъ, подъ фамиліею Куликова, какъ это видно изъ показанія свидѣтеля, не окончившаго курса семинаріи Третьякова, вошли въ сношенія съ воспитанниками мѣстной семинаріи, причемъ Паевскій, какъ уже сказано выше, принималъ участіе въ сокрытіи находившихся въ мастерской Пельконена революціонныхъ книгъ. Въ этотъ пріѣздъ свой Войноральскій, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ сношенія съ Рогачевымъ, Ивановымъ (Паевскимъ) и Коваликомъ, видѣлся съ семинаристами, съ которыми и ѣздилъ на островъ около Саратова, причемъ былъ и Коваликъ, а съ означеннаго острова отправился въ Покровскую слободу. Такое показаніе Войноральскаго находитъ себѣ полное подтвержденіе въ показаніи Третьякова; по удостовѣренію послѣдняго, въ квартиру семинариста Гераклитова, гдѣ жилъ онъ, Третьяковъ, и собирались семинаристы, нѣсколько разъ приходили Ивановъ (Паевскій), Куликовъ (Рогачевъ) и Лукашевичъ (Коваликъ), а также одинъ разъ Войноральскій, которые постоянно проводили мысль о необходимости пропагандировать народу объ уничтоженіи правительства; на сходкѣ же, происходившей на островѣ, въ которой принимали участіе Войноральскій и Лукашевичъ, уѣхавшіе затѣмъ въ Покровскую слободу, шла рѣчь о необходимости принести пользу народу, и пѣлись пѣсни изъ революціоннаго пѣсенника; на этой же сходкѣ Коваликъ, по словамъ Третьякова, говорилъ, что лучше убить того мальчика, который на нихъ доказывалъ.

Мальчикъ, о которомъ говорилъ Коваликъ, былъ безъ сомнѣнія Андрей Кулябко, показанія котораго о происходившемъ въ мастерской Пельконена въ значительной степени содѣйствовали открытію преступной дѣятельности ея обитателей.

Въ это же время Войноральскій и его товарищи устроили въ Саратовѣ агентуру у состоявшаго подъ надзоромъ полиціи Григорія Алексѣева Софинскаго, а вскорѣ затѣмъ была устроена агентура и у воспитывавшагося въ Саратовской гимназіи оберъ-офицерскаго сына Владиміра Яковлева Мейера, также состоявшаго подъ надзоромъ полиціи, доказательствами чего служатъ:

а) Шифрованное письмо Войноральскаго на имя Шершивадзе изъ Самары, отъ 25-го іюня, въ которомъ Войноральскій, между прочимъ, писалъ: „.....въ книгахъ недостатокъ, пошлите въ Саратовъ кого-нибудь, чтобы передали къ Софинскому, Большая-Сергіевская улица, домъ Ржевкина, сказавъ „Вышеславцевъ—бунтъ", отсюда возьметъ и Самара"...

б) Шифрованное письмо Паевскаго отъ 8-го іюля, на имя Николая Судзиловскаго Ковалику, въ коемъ Паевскій писалъ: „дѣла въ Саратовѣ очень хороши... Агенты: Мейеръ (адресъ—Константиновская улица, домъ Яковлева, противъ табачной фабрики, кв. Мейера), Софинскій (на Сергіевской улицѣ, противъ церкви св. Сергія, домъ Ржевкина)..."

в) Записная книжка Рѣчицкаго-Логинова, въ которой въ числѣ другихъ адресовъ былъ записанъ и слѣдующій: „Саратовъ. Григорій Алексѣевичъ Софинскій. Пароль: „Вышеславцевъ—бунтъ".

г) Такой же адресъ, найденный у Миллера въ Пензѣ.

д) Шифрованное письмо Войноральскаго отъ 21-го іюля, на имя Шершивадзе, въ коемъ имѣется слѣдующее указаніе: „.....Въ Саратовѣ тоже новое бюро: Владиміръ

Яковлевичъ Мейеръ, спросить о немъ у доктора Сириста, на Константиновской улицѣ, д. Яковлевой“.

е) Шифрованное письмо Рогачева на имя Шершивадзе, полученное въ Москвѣ 19-го іюля, въ которомъ Рогачевъ писалъ: „....Саратовскія дѣла идутъ хорошо... агентура у нѣкоего Мейера“.

ж) Найденные у Софинскаго адресы: Нины Ивановой Сергѣевой (Артамонова), Ободовской, князя Шершивадзе, Татьяны Лебедевой, Никифорова (на Арева) и Жилинской.

з) Шифрованныя записки Войноральскаго, въ которыхъ оказались записанными фамиліи Софинскаго и Мейера.

Независимо отъ сего, свидѣтель Третьяковъ удостовѣрилъ, что послѣ отъѣзда Войноральскаго, Паевскаго и Ковалика, Рогачевъ предложилъ ему брать у адвоката Борцова письма и приносить таковыя къ Мейеру, котораго онъ при этомъ увидѣлъ въ первый разъ.

Войноральскій, уѣзжая въ Самару, обмѣнялся, по его собственному показанію, съ оставшимися въ Саратовѣ дѣятелями адресами для веденія переписки; пропагандируя въ Самарѣ, какъ это будетъ изложено ниже, Войноральскій не переставалъ слѣдить за ходомъ дѣла въ Саратовѣ, гдѣ его единомышленники продолжали свою преступную дѣятельность, достаточное понятіе о которой даютъ письма Рогачева на имя Шершивадзе и Паевскаго къ Ковалику.

Рогачевъ въ своемъ письмѣ извѣщалъ, что „дѣла въ Саратовѣ идутъ хорошо: семинаристы отправились на работу, заведены сношенія съ рабочими, пріобрѣтены четыре личности изъ бывшихъ сосланныхъ, съ сельскими учителями сношенія есть“; къ вышеизложенному Рогачевъ присовокуплялъ: „большое требованіе на народныя книги“.

Паевскій писалъ Ковалику: „Лукашевичъ, дѣла въ Саратовѣ очень хороши. Мѣстныя туземныя силы соединяются въ организацію... Семинаристы (признаться народъ не больно серіозный), сельскіе учителя и гимназисты вошли въ одинъ кружокъ (разъѣхались) и оставили при агентурѣ своего представителя. Есть нѣсколько ночлеговъ и одинъ притонъ въ горахъ на Большегорной улицѣ, д. 154, въ нижнемъ этажѣ, спросить г-жу Цвѣткову, подробные адреса у Мейера. Пароль „Бунтъ и Самозванецъ“. Организація страдаетъ недостаткомъ денегъ и не имѣетъ вовсе сношеній съ городскими рабочими. О нашемъ дѣлѣ ходятъ самые разнорѣчивые слухи. Арестантовъ отправили въ Москву около половины іюня (ихъ 17 человѣкъ), конвой по два человѣка на душу (т.-е. 34), съ экстреннымъ поѣздомъ. Носятся слухи: настоящія имена открыты, особенной важности дѣлу не придаютъ, говорятъ, главные виновники скрылись“.

Притонъ въ домѣ № 154, по Большегорной улицѣ, содержалъ сельскій учитель Павелъ Ефимовъ Князевскій, поселившійся въ квартирѣ Цвѣтковой въ концѣ іюня или въ началѣ іюля и оставшійся одинъ во время поѣздки Цвѣтковой въ Ставрополь въ числившейся за нею квартирѣ.

Князевскій, какъ видно изъ его собственнаго показанія, былъ знакомъ съ Мейеромъ, съ которымъ посѣщалъ мѣщанина Василія Меркулова; по удостовѣренію послѣдняго, Князевскій однажды въ разговорѣ съ нимъ о народномъ образованіи выразилъ неудовольствіе на правительственную опеку, а затѣмъ повелъ рѣчь о бѣдности мужиковъ и претерпѣваемыхъ ими обидахъ, причемъ сказалъ, что скоро начнутъ „колобродить“. На вопросъ Меркулова, что будетъ потомъ? Князевскій отвѣтилъ: „это правительство долой, установится другое“, а на замѣчаніе Меркулова, что все пойдетъ опять по-старому, Князевскій возразилъ: „нѣтъ! управлять будутъ ученые“. Вышеприведенный разговоръ, по словамъ Меркулова, происходилъ въ присутствіи пришедшихъ къ нему вмѣстѣ съ Князевскимъ—коллежскаго регистратора Прокопія Василискова Григорьева и нѣкоего Остроградскаго, о которомъ Князевскій въ своемъ показаніи объяснилъ, что это былъ воспитанникъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Окончивъ упомянутый разговоръ, Князевскій, какъ видно изъ показанія Меркулова, спросилъ послѣдняго, не возьмется ли онъ переплесть книги? Изъ разговора Меркуловъ понялъ, что рѣчь шла собственно о брошировкѣ и изъявилъ согласіе исполнить предложенную работу, съ платою трехъ копѣекъ за книгу, причемъ Князевскій объяснилъ Меркулову, что книги можно продавать, но только секретно, и обѣщалъ прислать книги на дняхъ. На другой или на третій день пришелъ Мейеръ и

принесъ 10 экземпляровъ рѣчи Лассаля къ рабочимъ и при этомъ далъ Князевскому для чтенія какое-то сочиненіе Маркса, а вскорѣ затѣмъ явился Князевскій и сказалъ, что принесетъ книги съ тѣмъ, чтобъ онѣ полежали у Меркулова подъ предлогомъ переплета таковыхъ, и разспрашивалъ Меркулова о томъ, что онъ скажетъ въ случаѣ, если у него найдутъ эти книги, послѣ чего и принесъ двѣ довольно большія пачки книгъ; названій означенныхъ книгъ Меркуловъ при слѣдствіи не могъ припомнить, но при дознаніи объяснилъ, что книги были слѣдующія: *Задачи революціонной пропаганды въ Россіи*, 6 экземпляровъ, *Анархія по Прудону*, 7 экземпляровъ, *Государственность и Анархія*, 5 экземпляровъ, *Историческое развитіе интернаціонала*, 4 экземпляра, *Исторія одного французскаго крестьянина*, 2 экземпляра, *Отщепенцы*, 1 экземпляръ, *Книга для чтенія рабочимъ*, 6 экземпляровъ и *Гражданская война*, 1 экземпляръ.

Меркуловъ, отобравъ по экземпляру переданныхъ ему книгъ, представилъ таковыя мѣстному жандармскому начальнику, остальныя же книги были у него взяты обратно Князевскимъ, который при этомъ объяснилъ, что таковыя будутъ отправлены вверхъ по Волгѣ.

На основаніи вышеизложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что Софинскій, Мейеръ и Князевскій принадлежали къ тѣмъ мѣстнымъ силамъ, которыя, по выраженію Паевскаго, соединились въ организацію съ цѣлью веденія революціонной пропаганды.

Григорьевъ скрылся, а Софинскій, Мейеръ и Князевскій виновными себя не признали.

Саратовскія „мѣстныя силы", подобно революціоннымъ дѣятелямъ другихъ мѣстностей, не останавливались предъ совершеніемъ преступленій, нагляднымъ доказательствомъ чего служитъ показаніе Третьякова, уже изложенное выше, а также письмо Паевскаго къ Ковалику. Въ письмѣ своемъ Паевскій, между прочимъ, сообщалъ Ковалику слѣдующее: „Григорьевъ предлагаетъ отнять деньги у барыни, покупающей хуторъ, для этого нужно, по крайней мѣрѣ, три человѣка, вооруженные револьверами (барыня тоже вооружена). Васъ (Лукашевичъ) она знаетъ, кучеръ ея—тоже, въ лицо. Прибавляю,—мѣсто для дѣйствій неудобно. Драма должна происходить около 15 сего мѣсяца. Отвѣтъ должны дать немедленно, согласны или нѣтъ. Нынѣ веду агитацію въ Покровской слободѣ и въ городѣ между народными учителями и скоро уѣзжаю на Тамбовъ, въ Москву, Кіевскую и Черниговскую губерніи, ожидаю денегъ изъ Пензы. Вышлю ихъ Войноральскому, Рогачеву, вамъ. Здѣсь образуется общество поддѣлки ассигнацій съ революціонною цѣлью (личной цѣли для нихъ не существуетъ): 1) снабдить партію деньгами; 2) произвести финансовый кризисъ, когда надо. *Я отношусь къ этому направленію вполнѣ сочувственно и самъ его поддерживаю*, но высказалъ, что въ программу партіи оно входить не можетъ и должно вестись отдѣльно,—связь можетъ быть только тайная.... Рогачевъ пошелъ внизъ (по Волгѣ) бурлакомъ, просилъ быть въ Харьковѣ (я или вы) и обдѣлать тамъ дѣло въ 200.000 р. сер., владѣтели ихъ устраиваютъ ассоціацію; свѣдѣнія объ этомъ можно получить у меня или въ Тамбовѣ (чрезъ Саратовъ) Н. Ив. чрезъ недѣлю, пишите въ Черниговъ".

Паевскій скрылся, а Рогачевъ, отправившійся внизъ по Волгѣ въ качествѣ бурлака, остался неразысканнымъ до 14-го августа 1876 г., когда онъ былъ задержанъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ освобожденной изъ-подъ стражи Клеопатры Блавдзевичъ, при обыскѣ, произведенномъ у послѣдней по вновь возникшему дѣлу.

При задержаніи Рогачева, онъ назвался сыномъ театрмейстера Иваномъ Звонниковымъ, видъ на жительство котораго и былъ у него найденъ вмѣстѣ съ подложнымъ аттестатомъ, выданнымъ будто бы Звонникову нѣкоимъ Шишко, содержащимъ въ Пензѣ складъ паровыхъ машинъ, и т. п.

Какъ при дознаніи, такъ и при слѣдствіи, Рогачевъ продолжалъ именоваться Звонниковымъ и лишь въ виду показаній нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ и Низовкина, удостовѣрившихъ его личность, призналъ, что онъ дѣйствительно Рогачевъ, а также призналъ себя виновнымъ въ распространеніи запрещенныхъ книгъ, но отказался дать объясненія по существу дѣла.

Кромѣ Рогачева, въ квартирѣ Клеопатры Блавдзевичъ, проглотившей во время обыска какую-то бумагу, была также задержана Анна Тушинская.

Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, изъ числа петербургскихъ агитаторовъ посѣтили Саратовъ Рабиновичъ и Лешернъ фонъ-Герцфельдъ. Рабиновичъ, какъ видно изъ его соб-

ственнаго показанія, вслѣдствіе разсказовъ вернувшейся изъ Пензы Евгеніи Судзиловской о плодотворности *революціонной дѣятельности на Волгѣ, отправился въ августѣ въ Саратовъ, съ цѣлью пристать къ Войнаральскому; въ Москвѣ онъ встрѣтилъ Паевскаго*, который сообщилъ ему, что Войнаральскій арестованъ, *но тѣмъ не менѣе далъ ему рекомендательныя письма къ Мейеру и Софинскому, сказавъ, что въ Саратовѣ можно кое-что сдѣлать; по пріѣздѣ своемъ въ Саратовъ, Рабиновичъ узналъ, что Мейеръ и Софинскій* арестованы, а потому, пробывъ одинъ *день въ Саратовѣ подъ фамиліей* Александрова, *возвратился* въ Петербургъ, откуда въ *началѣ сентября*, вслѣдствіе арестованія Судзиловской и Артамонова, уѣхалъ за границу, а по возвращеніи своемъ былъ задержанъ въ мартѣ 1875 г. на станціи желѣзной дороги въ гор. Харьковѣ, причемъ у него былъ отобранъ паспортъ на имя Роберта Дидерихса.

Рабиновичъ далъ весьма подробное показаніе, въ которомъ призналъ какъ свою принадлежность къ сообществу, такъ и распространеніе имъ книгъ революціоннаго *содержанія*.

Еще ранѣе Рабиновича, а именно 17-го іюня, появилась въ Саратовѣ изъ Рыбинска Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, которая тотчасъ послѣ своего пріѣзда отправилась въ мастерскую Пелькопена, о закрытіи которой она еще не знала, гдѣ и была задержана. При обыскѣ у Лешернъ, одѣтой въ крестьянское платье и назвавшейся крестьянкою Лешевою, было между прочимъ найдено: 3 экз. *Исторіи французскаго крестьянина*, 4 экз. *Сказки о 4-хъ братьяхъ*, *Стенька Разинъ*, *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, фальшивый паспортъ на имя крестьянки Варвары Лешевой, выданный будто бы изъ Баскаковскаго волостного правленія, пять листовъ гербовой бумаги 70 копѣечнаго достоинства съ приложенными къ нимъ печатями Баскаковскаго волостного правленія, свидѣтельство отъ предводителя дворянства Новгородской губерніи на имя дочери генералъ-маіора Софіи Александровой Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, адресъ села Степановки, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, адресъ Воронцова у Самсоніевскаго моста, на Невкѣ, домъ № 14 сверху написано 13), квартира Емельянова, записка: „Лукашевичъ! Съ подателемъ сей записки можете говорить. Онъ пріятель Бух..... и можетъ быть полезнымъ чѣмъ. Н. Н. Паевскій"; конвертъ съ адресомъ: „въ Самару, Дворянская улица, домъ Прагера, спросить у Елизаветы Петровой Араповой о мѣстонахожденіи Льва Сергѣевича Городецкаго или Чернышева, или Курдюмова, или Никитина". Въ означенномъ конвертѣ оказалось письмо слѣдующаго содержанія: „Рекомендую вамъ, братцы, одну барыню, Лешернъ, это та, о которой я писалъ къ Чернышеву отъ имени Буха. Она изъ компаніи Рабиновича, человѣка съ нами вполнѣ солидарнаго, какъ оказывается въ послѣднее время. Окажите ей всевозможное пособіе на сколько можете. Н. Поповъ. Она передастъ кому-нибудь изъ васъ небольшую записочку отъ Паевскаго, которою пусть воспользуется желающій быть въ Николаевскѣ"; письмо въ Самару на имя Филадельфова, въ которомъ нѣкто Богдановичъ просилъ Филадельфова оказать Лешернъ всякое содѣйствіе и помощь, и, наконецъ, клочокъ бумаги съ замѣткой: „въ духовную семинарію, спросить или Петра Ломоносова, или Фаресова", и т. д.

Во время содержанія Лешернъ подъ стражею въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ, смотритель послѣдняго представилъ прокурорскому надзору отобранный имъ у арестанта Салтунова конвертъ съ адресомъ: „въ Рыбинскъ, Дмитрію Андреевичу Бородулину". По вскрытіи означеннаго конверта, въ немъ оказались четыре записки, писанныя Лешернъ, слѣдующаго содержанія: а) „Митрей! *Варя-то Александрова*, вмѣсто *свободной* волюшки, да попала въ клѣтку, гдѣ только и дѣло, что ходить ровно маятникъ, а *либо* сидѣть, какъ кукла, да думу думати. *Вотъ и отписала, только позднёнько, 10 руб. поберегите; вѣдь шубенка-то еще понадобится. Варя*"; б) „*Григорій Егоровичъ! То что те здѣсь сулила, то все разорено нонѣ и я туда же въ ловушку подоспѣла. Учись у себя и вспоминай твою спутницу Варю*"; в) „*Дмитр., замѣните первыя слова, что я вамъ дала выучить*, слѣдующими словами (*читайте ихъ по шр.), но только не стѣсняйтесь ихъ нескромностью* (далѣе слѣдуютъ написанныя шифромъ слова, причемъ въ двухъ *словахъ* начальныя буквы написаны не шифромъ, а именно *г и ж, слова* взяты изъ *непристойнаго шифра* Ковалика), теперь остальныя слова тѣ же, *что я вамъ дала, понимаете! Ну, теперь* читайте большую записку и потомъ передайте ее Р. Если можете, съѣздите лучше сами въ Н—ръ, не рано

и тамъ что не ладно, переполохъ великій. Осторожно идите на квартиру, ибо знаютъ здѣсь, что я тамъ жила. Варя"; г) (большая записка писанная шифромъ) „Бородулинъ и Рабиновичъ, пишу изъ Саратовской тюрьмы, арестовали у квартиры Войноральскаго. Подчуютъ каторгой и проч., если буду запираться, и свободой, если всѣхъ питерскихъ выдамъ. Я отринула и то, и другое, а выбрала бѣгство, есть друзья арестанты, воры, которые здѣсь помогутъ. Меня перевезутъ въ Москву; если здѣсь не удастся, то тамъ буду надъ этимъ работать, мнѣ одинъ исходъ. Мойша, остерегайтесь, а также Бухъ, вообще Самарцы и Саратовцы, имена попались. Письмо Попова очень повредило, я его показала Паповымъ и извращу еще смыслъ письма, равно и вашу фамилію. Я здорова. Здѣсь подгадилъ Кулябко, все разсказалъ подлецъ. Дайте вѣрный адресъ куда писать, непремѣнно скорѣе, на адресъ: Саратовъ, 4 участка, 6 квартала, Аграфенѣ Ефимовой Краснощековой, въ собственный домъ, на Ильинской улицѣ. Это жена одного изъ друзей. Войноральскаго здорово ищутъ, гдѣ онъ? Не можете ли указать убѣжища на первое время. Я послала Филатову старшему письмо, чтобы прислалъ пятьдесятъ рублей. Это для Македона, ему легко удрать. Тутъ вѣдь еще нѣсколько сидятъ, вы вѣрно знаете.... адресы, что при мнѣ были, всѣ сжевала въ части, какъ только взяли.... другъ Софія".

София Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, не признавая себя ни въ чемъ виновною, показала, что отобранный у нея паспортъ на имя Варвары Лешевой былъ составленъ ею самою, назвать же лицо, снабдившее ее революціонными книгами, Лешернъ отказалась.

Между тѣмъ Моисей Рабиновичъ призналъ, что паспортъ на имя Лешевой писанъ имъ, а изъ показанія Лешернъ, даннаго ею при дознаніи, оказывается, что найденныя у нея при обыскѣ революціонныя книги она взяла у Сидорацкой (Ободовской).

Изъ писемъ, отобранныхъ у Лешернъ при ея задержаніи, оказывается, что Лешернъ имѣла намѣреніе вести пропаганду не только въ Саратовской губерніи, но и въ Самарской, куда вскорѣ послѣ своего послѣдняго пребыванія въ Саратовѣ перенесъ свою дѣятельность и Порфирій Войноральскій.

Въ Самарской губерніи существовали два центра революціонной дѣятельности: первый изъ нихъ находился въ гор. Николаевскѣ, гдѣ представителями революціонной пропаганды явились: мѣстный земскій врачъ Александръ Александровъ Кадьянъ, членъ кіевскаго кружка Николай Константиновъ Судзиловскій и дворянинъ Иванъ Ѳедоровъ Рѣчицкій-Логиновъ, и куда, какъ сказано выше, прибыли—Коваликъ, подъ именемъ Малышева, и Ломоносовъ, подъ именемъ Бѣлкина.

Докторъ Кадьянъ, въ показаніи своемъ, не отвергая знакомства съ Судзиловскимъ и Рѣчицкимъ, а также съ Малышевымъ и Бѣлкинымъ, объяснилъ происхожденіе таковаго слѣдующимъ образомъ: по его словамъ, Судзиловскій прибылъ въ Николаевскъ въ началѣ марта 1874 г. съ цѣлью получить мѣсто участковаго фельдшера, исполнялъ нѣкоторое время, въ видѣ испытанія, фельдшерскія обязанности при больницѣ тюремнаго за́мка, а въ концѣ марта, по рекомендаціи Кадьяна, былъ назначенъ земскою управой на должность фельдшера въ село Пестравку, куда однакс отправился лишь въ началѣ мая, будучи задержанъ въ Николаевскѣ сначала распутицей, а впослѣдствіи поѣздкою въ Петербургъ Кадьяна, который, на время своего отсутствія, возложилъ на него завѣдываніе больницей. При отъѣздѣ Кадьяна, Судзиловскій обратился къ нему съ просьбою передать одному изъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ письмо, что̀ Кадьянъ и исполнилъ, причемъ лично видѣлся съ означеннымъ знакомымъ Судзиловскаго. По возвращеніи въ Николаевскъ, въ первыхъ числахъ мая, Кадьянъ, кромѣ Судзиловскаго, засталъ въ своей квартирѣ поселившееся въ ней неизвѣстное лицо, оказавшееся пріятелемъ Судзиловскаго, дворяниномъ Рѣчицкимъ, пріѣхавшимъ въ Николаевскъ съ намѣреніемъ купить участокъ земли и желавшимъ, въ ожиданіи совершенія предположенной покупки, которая могла состояться весьма не скоро, занять мѣсто сельскаго писаря, съ цѣлью собранія свѣдѣній объ экономическомъ положеніи Николаевскаго уѣзда. Желаніе Рѣчицкаго занять мѣсто писаря показалось Кадьяну весьма естественнымъ въ виду того, что означенная должность болѣе всякой другой могла доставить ему возможность собрать тѣ свѣдѣнія, которыми онъ интересовался, а потому Кадьянъ и не затруднился рекомендовать Рѣчицкаго мировому посреднику, благодаря каковой рекомендаціи Рѣчицкій и получилъ мѣсто сельскаго писаря въ селѣ Порубежкѣ. До своего назначенія на должность писаря, что̀ послѣдовало около половины

іюня, Рѣчицкій жилъ у Кадьяна, котораго часто навѣщалъ изъ Нестравки и Судзиловскій, весьма скоро, впрочемъ, а именно: тоже въ половинѣ іюня, отказавшійся отъ должности фельдшера и проживавшій послѣ того въ Николаевскѣ. Со временемъ полученія Рѣчицкимъ мѣста сельскаго писаря совпало появленіе въ Николаевскѣ того лица, которому Кадьянъ передалъ въ Петербургѣ письмо Судзиловскаго; означенное лицо было приведено къ Кадьяну Судзиловскимъ, причемъ Кадьянъ узналъ, что фамилія его Малышевъ. Послѣдній пробылъ въ Николаевскѣ одинъ день и уѣхалъ съ Рѣчицкимъ, отправлявшимся въ Порубежку, но вскорѣ вернулся и поселился у Кадьяна, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи вмѣстѣ съ Судзиловскимъ ѣхать въ Саратовъ. Почти одновременно съ первымъ появленіемъ Малышева, прибыли въ Николаевскъ два лица—нѣкто Ивановъ и гимназистъ Бѣлкинъ; Ивановъ пробылъ въ квартирѣ Кадьяна нѣсколько часовъ, и затѣмъ Кадьянъ его болѣе не видалъ, Бѣлкинъ же и лично и чрезъ Судзиловскаго просилъ Кадьяна доставить ему, какъ больному человѣку, возможность прожить лѣто гдѣ-нибудь въ деревнѣ, вслѣдствіе чего Кадьянъ рекомендовалъ Бѣлкина сосѣдней помѣщицѣ г-жѣ Карповой, которая, по просьбѣ Кадьяна, и согласилась позволить Бѣлкину жить у нея на хуторѣ. 7-го іюля, въ день обыска, произведеннаго въ квартирѣ Кадьяна—у Рѣчицкаго, Бѣлкинъ пріѣхалъ изъ имѣнія Карповой на одинъ день въ Николаевскъ и остановился у Кадьяна, который послѣ обыска и арестованія Рѣчицкаго далъ Бѣлкину 10 р. с. на выѣздъ изъ Николаевска, такъ какъ производившія обыскъ власти не разрѣшили Бѣлкину оставаться въ квартирѣ Кадьяна, а послѣдній призналъ возвращеніе его къ Карповой неудобнымъ, ибо послѣ обыска у него, Кадьяна, явилось подозрѣніе, что Бѣлкинъ замѣшанъ въ одномъ дѣлѣ съ Судзиловскимъ и Рѣчицкимъ.

Къ такому показанію своему Кадьянъ присовокупилъ, что давалъ у себя пріютъ и оказывалъ разныя услуги всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ по просьбѣ Судзиловскаго, обществомъ котораго, какъ образованнаго человѣка, онъ весьма дорожилъ и преступной дѣятельности котораго не подозрѣвалъ.

Такимъ образомъ изъ показанія самого Кадьяна вытекаетъ, что квартира его служила сборнымъ пунктомъ для пропагандистовъ, избравшихъ Николаевскъ театромъ своихъ дѣйствій; что же касается объясненій Кадьяна о томъ, что преступная дѣятельность являвшихся къ нему лицъ не была ему извѣстна, а также о причинѣ побуждавшей его доставлять пріютъ и оказывать всякаго рода содѣйствіе вовсе неизвѣстнымъ или мало знакомымъ ему лицамъ, то неосновательность таковыхъ, помимо признаннаго имъ самимъ образа его дѣйствій, доказывается еще и нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла, раскрытыми дознаніемъ и слѣдствіемъ.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу писемъ Войноральскаго на имя Шершивадзе, и Ковалика на имя нѣкоей Ивлевой оказывается, что означенныя лица имѣли полное основаніе разсчитывать на содѣйствіе Кадьяна при опредѣленіи своихъ единомышленницъ на должности акушерокъ, учительницъ и фельдшерицъ въ Николаевскомъ уѣздѣ. Такъ, въ шифрованномъ письмѣ, отправленномъ изъ Самары 25-го іюня, Войноральскій писалъ: „Если кто желаетъ имѣть мѣсто учительницы и фельдшерицы въ Николаевскомъ уѣздѣ, то пусть обратится прямо къ земскому врачу Александру Кадьяну, только скорѣе....“, а Коваликъ въ концѣ іюня писалъ Ивлевой, въ Кирсановъ: „до 5-го іюля положительно отвѣта дать нельзя. 5-го будетъ съѣздъ врачей, гдѣ подымется вопросъ объ акушеркѣ въ Балаховѣ. Есть надежда довольно сильная.... Быть-можетъ вопросъ рѣшится, такъ что придется нѣкоторое время ждать.... Тогда не желаете ли поселиться въ самомъ городѣ фельдшерицей, сначала безъ жалованья.... Адресъ не въ управу, а земскому врачу, или лучше: Василію Ѳедоровичу Штемпелину, въ гор. Николаевскъ. Только подчеркнуть и больше ничего“.

На имя упомянутаго Штемпелина, провизора при земской аптекѣ, адресовались письма къ пропагандистамъ, проживавшимъ въ Николаевскѣ, что подтвердилъ и Рабиновичъ, удостовѣрившій что имъ по адресу Штемпелина было послано Ковалику, въ Николаевскѣ, письмо за подписью Мими. съ приложеніемъ полученной изъ Кіева шифрованной записки, причемъ, по словамъ Рабиновича, фамилія Штемпелина на конвертѣ была имъ подчеркнута, для обозначенія, что письмо подлежитъ передачѣ Ковалику или Кадьяну.

По обыску у Штемпелина были найдены: 1 т. журнала *Впередъ*, два экземпляра программы этого журнала и *Пѣсенникъ*; по объясненію Штемпелина журналъ *Впередъ* и

программа таковаго были имъ взяты у Кадьяна; откуда же и какимъ образомъ попалъ къ нему *Пѣсенникъ*, Штемпелинъ отозвался незнанiемъ.

Не отвергая такого показанiя Штемпелина, Кадьянъ объяснилъ, что журналъ *Впередъ* былъ имъ взятъ для чтенiя у Рѣчицкаго и лежалъ у него на письменномъ столѣ, откуда Штемпелинъ легко могъ его взять, программу же журнала онъ получилъ въ маѣ 1873 года въ Вѣнѣ по почтѣ и передалъ таковую Штемпелину по просьбѣ послѣдняго; на конвертѣ, въ которомъ была ему прислана программа, былъ цюрихскiй почтовый штемпель, а въ Цюрихѣ, по словамъ Кадьяна, могли знать о пребыванiи его въ Вѣнѣ, такъ какъ на пути изъ Италiи онъ провелъ въ Цюрихѣ нѣсколько дней.

При обыскѣ у Кадьяна въ бумажникѣ его, лежавшемъ въ карманѣ сюртука, былъ найденъ лоскутокъ бумаги, исписанный на половину неизвѣстною рукой, а на половину рукой Кадьяна; по объясненiю послѣдняго, данному при дознанiи, на означенномъ лоскутѣ бумаги изложена программа одного собранiя, предполагавшагося въ Цюрихѣ, а по сличенiи содержанiя этой программы съ программою журнала *Впередъ*, между ними оказалось большое сходство; независимо отъ сего у Кадьяна былъ найденъ чемоданъ Судзиловскаго, въ которомъ находились, между прочимъ, долото, двѣ пилы и два подпилка.

Обыскъ у Кадьяна былъ вызванъ заявленiемъ содержавшагося въ Николаевскомъ тюремномъ замкѣ арестанта Лихачева, который объявилъ начальнику мѣстнаго жандармскаго управленiя слѣдующее: въ майскую сессiю Самарскаго окружнаго суда, въ Николаевскѣ, слушалось дѣло Лихачева и Потлова, защитниками которыхъ явились Судзиловскiй и Рѣчицкiй-Логиновъ. Рѣчицкiй въ разговорѣ съ Лихачевымъ объяснилъ послѣднему, что если его осудятъ, то ему будетъ оказана помощь для совершенiя побѣга; „у насъ много такихъ, какъ вы, говорилъ Рѣчицкiй, мы даемъ имъ пособiя, мы этихъ людей припишемъ куда-нибудь, а приписку эту сдѣлаемъ такъ, что отправимъ, напримѣръ, тебя за границу, тамъ добудемъ иностранный паспортъ, а затѣмъ ты уже явишься не русскимъ подданнымъ“; на вопросъ же Лихачева, зачѣмъ имъ нужны арестанты, Рѣчицкiй отвѣтилъ, что онъ потомъ подробно узнаетъ все, причемъ сказалъ: „намъ нуженъ такой народъ который готовъ рѣшиться на все, а народу этого легче подобрать изъ васъ ссыльныхъ, а изъ народа, на свободѣ находящагося, рѣшительныхъ людей подобрать труднѣе, тамъ народъ слабый“. Далѣе Рѣчицкiй объяснилъ, что имъ нужны рѣшительные люди, потому что они хотятъ „порѣшить власть Царя“, и что заручившись такими людьми, они посылаютъ ихъ въ разныя мѣста раздавать книги. Въ слѣдующее свое посѣщенiе Рѣчицкiй принесъ Лихачеву пять книгъ: *Исторiю французскаго крестьянина*, *Люди прежде и теперь*, *Что-то, братцы*, *Стеньку Разина* и *Вольнаго атамана Степана Тимофеевича Разина*, каковыя книги и читались затѣмъ арестантами и однимъ изъ нихъ, Крючковымъ, были даже переплетены. Передавъ Лихачеву означенныя книги, Рѣчицкiй условился съ нимъ что если послѣдуетъ обвинительный приговоръ, то Лихачевъ ляжетъ въ больницу, откуда и совершитъ побѣгъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вручилъ Лихачеву вырѣзанную на двухкопеечной монетѣ фальшивую печать петровскаго волостного правленiя съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если имъ послѣ совершенiя побѣга не удастся скоро свидѣться, Лихачевъ могъ бы безъ затрудненiя составить себѣ фальшивый паспортъ. Отъ Потлова Лихачевъ узналъ, что его защитникъ Судзиловскiй „свой человѣкъ“, въ чемъ и онъ убѣдился изъ разговоровъ съ Судзиловскимъ; какъ Рѣчицкiй, такъ и Судзиловскiй говорили Лихачеву, что „все равно, что они, то и докторъ Кадьянъ“, поясняя при этомъ, что у нихъ общее дѣло, а Рѣчицкiй, кромѣ того, сказалъ Лихачеву: „ты только ухитрись попасть въ больницу, а докторъ съ нами заодно, мы его предупредимъ, не выпишетъ“, и сообщилъ, что если послѣ побѣга Лихачевъ будетъ въ чемъ-либо нуждаться, то чтобъ онъ писалъ письмо въ николаевскую земскую аптеку, съ передачей Логинову, и добавилъ, что если будетъ получено письмо съ такимъ адресомъ, то все равно попадетъ ли оно въ руки его, Рѣчицкаго, или въ руки доктора Кадьяна, или Судзиловскаго. Послѣ состоявшагося о Потловѣ и Лихачевѣ приговора суда, коимъ Потловъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, а Лихачевъ въ Сибирь на поселенiе, означенные арестанты, получивъ отъ Судзиловскаго долото, заявили себя больными, хотя въ дѣйствительности были совершенно здоровыми, вслѣдствiе чего были отправлены въ больницу, гдѣ Кадьянъ, освидѣтельствовавъ Потлова, принялъ его немедленно, такъ какъ онъ уже прежде лежалъ въ больницѣ и былъ извѣ-

стенъ Кадьяну, и спросивъ затѣмъ у Лихачева его фамилію и услыхавъ таковую, Кадьянъ взялся за голову, какъ бы припоминая что-либо; въ это время присутствовавшій при пріемѣ арестантовъ Судзиловскій показалъ Кадьяну два пальца, послѣ чего Кадьянъ приказалъ принять и Лихачева. Лихачевъ и Потловъ, а также арестантъ Куловъ, тоже имѣвшій намѣреніе бѣжать, были помѣщены въ камеру, гдѣ лежалъ одинъ тяжко больной, ничего не знавшій о предположенномъ побѣгѣ; у окна означенной камеры были двѣ рѣшетки; наружная желѣзная и внутренняя деревянная, изъ которыхъ послѣдняя въ день поступленія Потлова и Лихачева въ больницу была снята по приказанію Кадьяна будто бы для того, чтобы воздухъ былъ чище, а въ дѣйствительности, какъ разсказывалъ впослѣдствіи арестантамъ Судзиловскій, съ тою цѣлью, чтобы можно было передать черезъ окно, что будетъ нужно. Пролежавъ нѣсколько дней въ больницѣ, Лихачевъ, не имѣя намѣренія бѣжать, выписался изъ больницы, и его мѣсто занялъ арестанъ Бездняевъ, отъ котораго, равно какъ и отъ Потлова, Лихачевъ узналъ впослѣдствіи, что ими вмѣстѣ съ Куловымъ было совершено покушеніе на побѣгъ, причемъ конвойные солдаты были опоены какимъ-то одуряющимъ веществомъ, переданнымъ Судзиловскимъ.

Представляя въ доказательство справедливости всего вышеизложеннаго три книги *Люди прежде и теперь*, *Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ и Стенька Разинъ*, Лихачевъ присовокупилъ: а) что изъ остальныхъ книгъ, переданныхъ ему Рѣчицкимъ, *Исторію одного французскаго крестьянина* онъ далъ отправившемуся съ партіей изъ Николаевска въ Самару арестанту Крючкову, отъ котораго слышалъ, что ему также были переданы Судзиловскимъ и Рѣчицкимъ фальшивыя печати; б) что у того же Крючкова имѣется Евангеліе, на листахъ котораго Крючковъ для удержанія въ памяти фамилій лицъ, могущихъ оказать помощь въ случаѣ нужды, написалъ слова: „Аптекарь Кадьяновъ, Логиновъ“, и в) что Судзиловскій при немъ, Лихачевѣ, передалъ Потлову десять порошковъ для усыпленія конвоя, каковые порошки хранились въ тюрьмѣ у Лихачева и Крючкова, изъ которыхъ послѣдній, въ день отправленія партіи изъ Николаевска, всыпалъ восемь порошковъ въ одинъ, ради удобнѣйшаго сохраненія таковыхъ.

Вслѣдствіе такого заявленія Лихачева, у арестантовъ, отправленныхъ въ Самару, былъ произведенъ обыскъ, по которому было найдено: у арестанта Крючкова *Исторія французскаго крестьянина*, а внутри ея прокламація *Чтой-то, братцы*, и Евангеліе на русскомъ языкѣ, въ переплетѣ котораго оказались: четыре фальшивыя печати—одна петровскаго волостного правленія, двѣ балаковскаго волостного правленія и одна николаевскаго полицейскаго управленія; кромѣ сего, на нѣкоторыхъ страницахъ Евангелія усмотрѣны слова „Аптекарь Кадьяновъ, Логиновъ“, а на внутреннихъ сторонахъ переплета надписи: „о здравіи Василія, Василія, Маріи, Ефима, Николая, Константина, Ивана Ѳедорова, о здравіи Александрова, Александрова, Ивана Ѳедорова, Николая Константинова, Николая Александрова“; у арестанта Мордовина—Новый Завѣтъ, въ переплетѣ котораго оказались три фальшивыя печати—николаевскаго и новоузенскаго полицейскихъ управленій и балаковскаго волостного правленія, а на внутренней сторонѣ переплета надписи: „о здравіи Александра Александрова, Николая Константинова, Николая Ѳедорова, Логиновъ“; у арестанта Потлова — вшитые въ поджильникахъ три небольшіе бумажные свертка съ порошкомъ, оказавшимся по изслѣдованіи смѣсью рвотнаго камня съ ипекакуановымъ корнемъ.

Арестантъ Василій Крючковъ при дознаніи показалъ, что онъ слышалъ отъ Лихачева и другихъ арестантовъ, что одна изъ найденныхъ у него печатей была передана Лихачеву Рѣчицкимъ, который лично Крючкову обѣщалъ оказать содѣйствіе къ совершенію побѣга, говоря, что за одно съ нимъ Кадьянъ и Судзиловскій; что *Исторія французскаго крестьянина* и *Чтой-то, братцы* были переданы Рѣчицкимъ Лихачеву и затѣмъ имъ, Крючковымъ, были переплетены и что, передавая означенныя книги, Рѣчицкій просилъ арестантовъ, въ томъ числѣ и Крючкова, раздавать таковыя по выходѣ на волю, причемъ объяснилъ, что у нихъ составилось цѣлое общество въ губерніяхъ Петербургской, Московской, Харьковской и др., съ цѣлью лишить Царя власти.

Показанія Лихачева и Крючкова, подкрѣпленныя результатами обыска у Потлова, Мордовина и Крючкова, нашли себѣ подтвержденіе и въ дальнѣйшихъ собранныхъ слѣдствіемъ данныхъ. Такъ, свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что съ появленіемъ въ тюремномъ замкѣ Судзиловскаго и Рѣчицкаго совпало и появленіе у арестантовъ револю-

ціонныхъ книгъ, и что между арестантами былъ слухъ о томъ, что студенты, какъ называли Судзиловскаго и Рѣчицкаго, недовольны правительствомъ и хотятъ возбудить народъ къ бунту.

Изъ сообщенныхъ николаевскимъ земскимъ врачомъ свѣдѣній оказывается, что Лихачевъ и Потловъ поступили въ больницу 29-го мая, причемъ, какъ видно изъ скорбныхъ листовъ, первый былъ одержимъ воспаленіемъ мочеиспускательнаго канала, которое при употребленіи одного спринцованія совершенно прошло, послѣ чего онъ 2-го іюня былъ выписанъ изъ больницы, а второй страдалъ хроническимъ воспаленіемъ мелкихъ дыхательныхъ путей, принялъ одну микстуру, и 17-го іюня выписанъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ.

Протоколомъ осмотра арестантскаго отдѣленія земской больницы, а также свидѣтельскими показаніями, удостовѣрено покушеніе на побѣгъ въ ночь на 14-е іюня арестанта Потлова, въ одной камерѣ съ которымъ находились: Куловъ, Бездняевъ и Муницынъ, причемъ изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что у арестантовъ было долото, что деревянная рѣшетка въ окнѣ камеры, поставленная по приказанію смотрителя, была снята по распоряженію Кадьяна, что въ ночь покушенія на побѣгъ конвой былъ опоенъ какимъ-то одуряющимъ веществомъ и что Куловъ, Потловъ и Бездняевъ находились въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Судзиловскимъ.

По показанію Потлова, онъ по личному опыту убѣдился въ усыпляющемъ дѣйствіи найденныхъ у него порошковъ, принявъ нѣкоторую долю порошка.

Наконецъ, изъ показанія свидѣтеля Монстрова видно, что революціонные дѣятели не пренебрегали для достиженія своихъ цѣлей и содѣйствіемъ преступниковъ: такъ, по словамъ Монстрова, членъ самарскаго кружка Петропавловскій сообщилъ ему, что существовавшая въ Самарѣ революціонная партія была не прочь сходиться для своихъ цѣлей даже съ преступниками, которые, какъ люди ожесточенные, оказываются надежнѣе другихъ.

Подтверждающееся такимъ образомъ обстоятельствами дѣла заявленіе Лихачева, въ связи съ другими уликами собранными слѣдствіемъ и выше сего изложенными, приводитъ къ убѣжденію, что Кадьянъ дѣйствительно былъ „заодно“ съ Рѣчицкимъ и Судзиловскимъ.

Независимо отъ всего вышеизложеннаго доказательствами виновности Кадьяна служатъ:

а) Разнорѣчивыя его показанія о знакомствѣ съ Коваликомъ. Такъ, первоначально при дознаніи Кадьянъ показалъ, что Малышевъ его знакомый, котораго онъ зналъ въ Петербургѣ, когда Малышевъ былъ студентомъ университета, а онъ, Кадьянъ, студентомъ Медико-Хирургической Академіи, и который пріѣхалъ къ нему на нѣсколько дней проѣздомъ изъ Петербурга въ Саратовъ; впослѣдствіи при дознаніи Кадьянъ измѣнилъ свое показаніе и объяснилъ, что съ Малышевымъ познакомился лишь въ апрѣлѣ 1874 г., когда ѣздилъ въ Петербургъ, слѣдующимъ образомъ: Судзиловскій просилъ его, по пріѣздѣ въ Петербургъ, послать по городской почтѣ записку, которую ему и вручилъ; на означенной запискѣ былъ написанъ адресъ, изъ котораго въ памяти Кадьяна остались лишь слова „Петербургская сторона“ и то, что фамилія была не Малышевъ; по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ поступилъ согласно просьбѣ Судзиловскаго, послѣ чего къ нему явился какой-то господинъ, назвавшійся фамиліей, которую онъ не помнитъ, потому что не обратилъ на нее вниманія; этотъ самый господинъ пріѣхалъ въ Николаевскъ въ іюнѣ, гдѣ Кадьяну сказали, что его фамилія Малышевъ. Къ такому объясненію Кадьянъ присовокупилъ, что прежнее свое показаніе о томъ, что былъ знакомъ съ Малышевымъ давно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ далъ съ тою цѣлью, чтобы не обращать на него вниманія и тѣмъ не усиливать падающаго на него, Кадьяна, подозрѣнія. Послѣднее свое показаніе о знакомствѣ съ Малышевымъ Кадьянъ повторилъ и при слѣдствіи.

б) Письма Войноральскаго и Ковалика. Первый, въ письмѣ своемъ на имя Шершиладзе изъ Ставрополя-Самарскаго писалъ: „......Въ Николаевскѣ погромъ: у пересыльныхъ оттуда арестантовъ нашли книги, арестованъ докторъ Кадьянъ, *прочіе* скрылись......“ Коваликъ въ запискѣ, взятой въ квартирѣ мѣщанки Кирилловой, при арестѣ Войноральскаго, сообщалъ: „былъ погромъ въ Николаевскѣ, докторъ Кадьянъ и Рѣчицкій, а, можетъ-быть, и Ломоносовъ арестованы, я и Судзиловскій едва уѣхали. Послѣднее время дѣло шло хорошо. Не знаю какъ теперь, вѣроятно, то же, что и прежде. Было обѣщано 300 р. с., намѣчены лица, дѣло будетъ продолжаться, я снова пойду туда“.

в) Полученныя уже послѣ ареста Кадьяна два письма на его имя. Первое изъ означенныхъ писемъ было писано нѣкоею Должанскою, которая, ссылаясь на Судзиловскаго, просила Кадьяна предоставить ей мѣсто учительницы въ одной изъ школъ николаевскаго земства; изъ писемъ той же Должанской на имя Судзиловскаго видно, что она была знакома съ Екатериною Брешковскою и Дебагоріо-Мокріевичемъ, имѣла намѣреніе отправиться въ Петербургъ учиться—фельдшерству, но не акушерству, потому что „въ послѣднемъ случаѣ имѣла бы сношенія лишь съ женщинами", и предпочитала бы вмѣсто учительства дѣлать что-либо другое, напр., торговать въ лавкѣ, кабакѣ и т. д.; второе письмо подлежало передачѣ проживавшей у Кадьяна вдовѣ студента Медико-Хирургической Академіи Лидіи Павловнѣ Барышевой и было прислано изъ Кіева ея сестрою, писавшею между прочимъ: „......о Судз. не могла справиться, отъ другихъ слыхала о немъ дурно, но повидимому искренно преданъ общему интересу. Онъ былъ въ Цюрихѣ..... удалось ли сойтись съ кр. или уже и надежду потеряла?" По поводу сего письма Барышева, посѣщавшая по ея словамъ кое-какія лекціи и анатомическій театръ, объясняла при дознаніи, что сестра спрашивала, сошлась ли она съ крестьянами, потому что у нея, Барышевой, было желаніе „учить, какъ малыхъ, такъ и взрослыхъ".

г) Пребываніе у Кадьяна неизвѣстной личности, которую свидѣтель Карповъ видѣлъ въ квартирѣ Кадьяна вмѣстѣ съ Малышевымъ; по словамъ Карпова, личность эта была брюнетъ, средняго роста, съ обритою бородой и усами. По показаніямъ же Лихачева и Крючкова, даннымъ при дознаніи, Кадьянъ приводилъ въ больницу неизвѣстную личность съ такими же примѣтами.

ж) Прибытіе въ Николаевскъ Тетельмана, удостовѣренное его письмомъ къ Судзиловской.

Кромѣ указанныхъ писемъ, послѣ задержанія Кадьяна были получены по адресу Штемпелина два письма, первое — отъ Рабиновича, въ которомъ онъ, между прочимъ, спрашивалъ, не больна ли „бѣлобрысая его сожительница", т.-е. Лешернъ, какъ объяснилъ Рабиновичъ при слѣдствіи; къ означенному письму было приложено полученное отъ Дробышевскаго изъ Кіева писанное шифромъ письмо; второе письмо было писано Наевскимъ къ Ковалику и уже приведено выше, и третье письмо, по адресу Судзиловскаго, отъ сестры его Евгеніи, въ которомъ послѣдняя сообщала брату, для веденія переписки съ нею, адресъ Миллера въ Пензѣ.

Кадьянъ не призналъ себя виновнымъ.

Задержанный при обыскѣ у Кадьяна Рѣчицкій-Логиновъ, препровожденный въ Самару, дорогой застрѣлился; въ записной книжкѣ Рѣчицкаго оказались написанные шифромъ адресы: въ Самарѣ — Осташкина, въ квартирѣ писца губернской земской управы Деттерева, лозунгъ: сколько будетъ 20 и 18?; Пономарева—въ квартирѣ судебнаго слѣдователя Кудряшева (у котораго Пономаревъ служилъ писцомъ); въ Пензѣ—Жилинскаго—подпись „пожиже"; въ Тамбовѣ—Арева, съ передачей Никифорову, пароль „Вышеславцевъ, мастеръ изъ Тулы"; въ Саратовѣ — Софинскаго, пароль „Вышеславцевъ — бунтъ", въ Москвѣ—Шершивадзе.

Ломоносовъ, находившійся подъ именемъ гимназиста Бѣлкина въ квартирѣ Кадьяна во время обыска, получивъ отъ Кадьяна 10 руб., какъ сказано выше, немедленно уѣхалъ изъ Николаевска, и былъ задержанъ 15-го іюля въ гор. Хвалынскѣ, причемъ объявилъ, что настоящая его фамилія—Ломоносовъ.

Ломоносовъ виновнымъ себя не призналъ.

7-го іюля, т.-е. въ день обыска у Кадьяна,—Ковалика и Судзиловскаго не было въ Николаевскѣ; они находились у Карповыхъ, въ селѣ Марьинѣ, и 8-го іюля, узнавъ объ арестѣ Кадьяна и Рѣчицкаго, скрылись. Судзиловскій, какъ изложено выше, появился въ Нижнемъ-Новгородѣ, отправился оттуда въ Москву и затѣмъ успѣлъ окончательно скрыться отъ преслѣдованія; Коваликъ же былъ задержанъ въ Самарѣ, вмѣстѣ съ членомъ самарскаго кружка Осташкинымъ, на постояломъ дворѣ Ѳомпискаго, причемъ назвался фамиліею Малышева и предъявилъ видъ на имя послѣдняго.

Коваликъ призналъ, что принадлежалъ къ соціально-революціонной партіи и что, съ цѣлью организовать силы этой партіи, велъ революціонную пропаганду какъ въ средѣ народа, такъ и въ средѣ интеллигенціи, подготовляя такимъ образомъ народное возстаніе.

Относительно дѣятельности своей въ Николаевскѣ Коваликъ никакихъ объясненій не далъ, а старался лишь увѣрить, что Кадьянъ не принималъ никакого участія въ дѣятельности его, Ковалика, Судзиловскаго и Рѣчицкаго. Изъ показанія Ковалика оказывается, что онъ слышалъ о Кадьянѣ еще до пріѣзда послѣдняго въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1874 г., и что Судзиловскій также „откуда-то добылъ“ адресъ Кадьяна.

Во время содержанія Ковалика подъ стражей въ Москвѣ у него была отобрана записка, въ которой Коваликъ излагалъ планъ побѣга и указывалъ лицъ, могущихъ быть ему полезными въ этомъ случаѣ. Къ числу таковыхъ Коваликъ относилъ Ободовскую (Сидорацкую) и Ваховскую, которыя могутъ, писалъ онъ, познакомить съ Рабиновичемъ, Паевскимъ, Гриценковымъ и другими, а также, между прочимъ, нѣкоего Богусскаго, который предлагалъ ему въ Москвѣ напечатать прокламацію къ полякамъ, но при этомъ Коваликъ присовокупляетъ, что онъ мало знаетъ „московскихъ“.

Другимъ центромъ революціонной дѣятельности въ Самарской губ. былъ гор. Самара, гдѣ существовали два кружка: одинъ, — образовавшійся изъ кружка „саморазвитія“, къ которому принадлежалъ Городецкій, а другой — основанный Войноральскимъ; между обоими кружками установилась впослѣдствіи тѣсная связь.

Послѣ отъѣзда изъ Самары, осенью 1873 г., Городецкаго и Чернышева, кружокъ „саморазвитія“ не прекратилъ своихъ занятій, и число его членовъ стало постепенно увеличиваться. Осенью 1873 г. вошли въ кружокъ: воспитанница Самарской женской гимназіи Вѣра Николаева Боголюбова (вышедшая впослѣдствіи замужъ за Городецкаго), писецъ уѣздной земской управы, крестьянинъ села Каменки, Иванъ Ивановъ Бѣляковъ, писецъ губернской земской управы, крестьянинъ села Кротовки, Степанъ Николаевъ Дегтяревъ и крестьянинъ села Малаго-Толкая Романъ Андреевъ Бодяжинъ.

Вѣра Боголюбова, какъ видно изъ ея показанія, познакомилась съ кружкомъ чрезъ Филадельфова, а Бодяжинъ — чрезъ Емельянова, что признано ими обоими; Бѣляковъ еще въ первой половинѣ 1873 г. познакомился съ Осташкинымъ, по его собственнымъ словамъ, въ квартирѣ Чернышева, а затѣмъ жилъ вмѣстѣ съ Филадельфовымъ, что подтвердила и Боголюбова, указавъ на Дегтярева, какъ на лицо, посѣщавшее квартиру Филадельфова.

Въ началѣ января 1874 г., въ составъ кружка вошелъ мѣщанинъ Павелъ Эрастовъ Александровъ, лакей г-на Бородина, познакомившійся, по его словамъ, съ членами кружка чрезъ Осипова, который давалъ въ домѣ Бородина уроки, а въ февралѣ того же года присоединился къ кружку товарищъ Осипова, Городецкаго, Филадельфова, Осташкина, Чернышева, Буха и Милоголовкина, воспитанникъ самарской гимназіи, крестьянинъ села Грачевки Егоръ Егоровъ Лазаревъ.

Пополнивъ свой составъ новыми личностями, кружокъ, какъ видно изъ показанія Вѣры Боголюбовой, продолжалъ свои занятія; сначала занимались чтеніемъ, а затѣмъ Осиповъ и Филадельфовъ стали доказывать, что нужно распространять образованіе въ народѣ, учить его быть самостоятельнымъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ впослѣдствіи могъ самъ управлять собою, и внушать народу необходимость такого самоуправленія, вслѣдствіе чего всѣ разговоры въ кружкѣ сосредоточились на темѣ „что дѣлать?“ По показанію Боголюбовой, установленіе программы дѣйствій было возложено на Осипова, который чрезъ нѣсколько времени объявилъ, что планъ дѣйствій отысканъ, и въ очень мудреныхъ фразахъ возвѣстилъ необходимость „нравственной выработки“, причемъ старался увѣрить членовъ кружка, что всѣ они „дрянь, никуда не годные люди“; хотя нѣкоторымъ членамъ кружка, какъ, напримѣръ, Боголюбовой, и тяжело было сознаться въ своей дрянности, тѣмъ не менѣе было рѣшено заняться нравственною выработкой путемъ чтенія и составленія рефератовъ, занятія же науками въ гимназіи были признаны безполезными и Осиповъ сталъ внушать Боголюбовой, что она поступаетъ очень глупо, продолжая заниматься въ гимназіи, вслѣдствіе чего Боголюбова, которой сильно надоѣли нѣмецкіе переводы, стала хуже учиться и пропускать уроки. На собраніяхъ кружка, по словамъ той же Боголюбовой, читались въ это время сочиненія Овена и Лассала, а Осиповъ взялъ себѣ для разбора книгу Чернышевскаго „Что дѣлать?“, заранѣе увѣривъ всѣхъ, что онъ напишетъ такой разборъ, который и чрезъ сотню лѣтъ будетъ современнымъ. Такое обѣщаніе Осипова разрѣшилось, однако, ничѣмъ, и, исписавъ нѣсколько листовъ бумаги, Осиповъ объявилъ, что имъ придуманъ новый планъ дѣйствій, а именно: „строго-научная подготовка“, и

предложилъ заниматься анатоміей. Предложеніе Осипова и на этотъ разъ было принято,— и Боголюбова, Филадельфовъ и Осиповъ начали изучать анатомію, всѣ же прочіе члены кружка продолжали заниматься чтеніемъ, собираясь, по временамъ, у Филадельфова. Филадельфовъ и Осиповъ не долго занимались анатоміей и, какъ видно изъ показанія Филадельфова, въ скоромъ времени, вмѣстѣ съ Осташкинымъ, перешли къ изученію химіи и физики, въ каковыхъ занятіяхъ предполагалъ принять участіе и Лазаревъ; независимо отъ сего, Осташкинъ и Филадельфовъ, по словамъ послѣдняго, нѣкоторое время обучались столярному мастерству въ мастерской мѣщанина Зубкова.

Въ февралѣ появились въ средѣ членовъ кружка сочиненія Бакунина, привезенныя изъ С.-Петербурга Осипову, какъ видно изъ его показанія, неизвѣстнымъ лицомъ, назвавшимся студентомъ Медико-Хирургической Академіи Ивановымъ, который объявилъ, что книги присланы товарищами Осипова. Означенныя книги, т-е. *Государственность и Анархія* и *Историческое развитіе интернаціонала*, были посланы Осипову Городецкимъ, какъ оказывается изъ показанія послѣдняго, чрезъ посредство нѣкоего Мордвинова. Съ появленіемъ сочиненій Бакунина, кружокъ окончательно уклонился отъ первоначальной своей программы и принялъ вполнѣ революціонное направленіе.

Постепенный переходъ кружка отъ цѣлей самообразованія къ цѣлямъ революціоннымъ подтверждается и показаніемъ Бодяжина; по словамъ послѣдняго, въ концѣ 1873 г. въ квартирѣ Бѣлякова читались сочиненія Писарева и велись разговоры о самарскомъ голодѣ, и въ это время Бодяжинъ получалъ для чтенія отъ Филадельфова и Осипова лишь народные разсказы и статьи изъ журналовъ; въ январѣ 1874 г., на сходкахъ въ квартирѣ Филадельфова, темою для разговоровъ служили вопросы объ ассоціаціяхъ и объ улучшеніи быта рабочаго класса, причемъ высказывалось, что народъ, находясь въ настоящее время подъ гнетомъ правительства, не понимаетъ своего бѣдственнаго положенія, которое и слѣдуетъ ему разъяснить; въ это же время Бодяжинъ получилъ отъ Емельянова книги: *Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ* и журналъ *Полярная Звѣзда*, а въ мартѣ на сходкахъ читали уже сочиненія Бакунина.

Такимъ образомъ къ веснѣ 1874 г. направленіе кружка получило характеръ чисто революціонный: въ это время, по словамъ Боголюбовой, Емельяновъ уже восхищался книгою *Стенька Разинъ* и толковалъ о необходимости измѣнить ученіе Евангелія. Павелъ Александровъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, давалъ мѣщанину Пудовкину для чтенія журналъ *Впередъ*, а Боголюбова, вышедшая изъ гимназіи и поступившая въ фельдшерскую школу, снабжала послѣднюю, по удостовѣренію фельдшера Байкова, революціонными сочиненіями.

Въ апрѣлѣ прибылъ въ Самару Городецкій, который, какъ видно изъ его собственнаго показанія, въ половинѣ марта отправился изъ Петербурга въ Смоленскую губернію, въ имѣніе знакомаго ему помѣщика Органовича, гдѣ работалъ въ кузницѣ, пробовалъ заговаривать съ крестьянами объ ихъ положеніи и передалъ работавшему вмѣстѣ съ нимъ мальчику нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, какъ-то: *Дѣдушка Егоръ* и *Митюха*: пробывъ у Органовича около мѣсяца, Городецкій направился въ Самару, черезъ Тамбовъ и Саратовъ, разыскивалъ, но безуспѣшно, въ послѣднемъ городѣ семинариста Ломоносова, къ которому имѣлъ письмо отъ его брата, студента Медико-Хирургической Академіи, и въ послѣднихъ числахъ апрѣля пріѣхалъ въ Самару, гдѣ и остановился въ квартирѣ Осипова. По словамъ Городецкаго, онъ привезъ въ Самару сочиненія Бакунина, журналъ *Впередъ*, *Исторію французскаго крестьянина* и *Стеньку Разина*, что подтвердилъ и Филадельфовъ, присовокупившій, что кромѣ вышепоименованныхъ книгъ, Городецкимъ была привезена съ собой и прокламація *Чтой-то, братцы*.

Около того же времени пріѣхали—Чернышевъ, тоже привезшій книги, и Клеопатра Лукашевичъ, вышедшая вскорѣ затѣмъ замужъ за Осипова, а также Никитинъ съ женой и Курдюмовъ, проживавшіе нѣкоторое время у отца Никитина, пристава 2 стана Свіяжскаго уѣзда, и прибывшіе въ Самару, по словамъ Городецкаго, съ цѣлью пропаганды; всѣ упомянутыя лица, кромѣ Клеопатры Лукашевичъ, остановились, какъ это видно изъ показаній Осипова и Филадельфова, въ квартирѣ послѣднихъ, гдѣ кромѣ Городецкаго жилъ еще и Бѣляковъ. Никитинъ и Курдюмовъ, по удостовѣренію Городецкаго, также привезли революціонныя книги, которыхъ такимъ образомъ накопилось въ кружкѣ значительное

количество; въ срединѣ же лѣта, какъ уже было сказано выше, Аранзонъ по порученію Траубенберга привезъ Городецкому еще транспортъ книгъ, не дошедшихъ, однако, по назначенію.

Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, прибыли въ Самару члены кружка: Бухъ и Чернышевъ, изъ которыхъ первый скрылся, а послѣдній умеръ.

Съ пріѣздомъ петербургскихъ товарищей дѣятельность кружка оживилась, и для окончательной выработки програмы дѣйствій былъ устроенъ цѣлый рядъ сходокъ, изъ которыхъ первая происходила въ одномъ изъ залитыхъ разливомъ рѣки домовъ пригорода. Объ этой сходкѣ упоминаютъ въ своихъ показаніяхъ Филадельфовъ, Бѣляковъ и Городецкій; но первые двое, не отрицая посѣщенія означеннаго дома, стараются доказать, что это была лишь прогулка, между тѣмъ какъ Городецкій, прямо называя посѣщеніе залитаго водой дома сходкой, вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣряетъ, что на этой сходкѣ вполнѣ выяснилось, что члены самарскаго кружка пришли къ тѣмъ же выводамъ какъ и ихъ петербургскіе товарищи, т.-е. къ убѣжденію о необходимости пропаганды въ народѣ; по словамъ Городецкаго, на этой сходкѣ говорили больше всѣхъ Филадельфовъ и Лазаревъ, а изъ показаній Филадельфова и Бѣлякова слѣдуетъ заключить, что на сходкѣ присутствовали еще Осиповъ, Осташкинъ, Боголюбова, Емельяновъ, Никитинъ, Никитина, Курдюмовъ и Александровъ.

Послѣдующія сходки происходили въ квартирѣ Осипова, Филадельфова и Бѣлякова, въ домѣ Заикина. По словамъ обвиняемаго Романа Бодяжина, на означенныхъ сходкахъ говорилось, что правительство обманываетъ народъ и злоупотребляетъ его довѣріемъ, что налоги слишкомъ тяжелы, и что освободиться отъ правительственнаго гнета можно только при помощи огня и меча, причемъ Городецкій увѣрялъ присутствовавшихъ, что въ Смоленской губерніи народъ достаточно подготовленъ къ возстанію, и высказывалось также, что прибѣгать къ бунту не будетъ предстоять надобности, такъ какъ правительственный гнетъ спадетъ самъ собою, такъ же, какъ исчезло крѣпостное право. Для достиженія желаемой цѣли, т.-е. паденія правительства, лица принимавшія участіе въ сходкахъ предполагали сблизиться съ народомъ и внушать ему, что земля не должна быть ни помѣщичьею, ни государственною, а общинною, и что обществу должны принадлежать также и желѣзныя дороги; подобнаго рода мысли должны были проводиться всюду, гдѣ къ тому можетъ представиться удобный случай. Сверхъ сего, на сходкахъ читались революціонныя книги: *Исторія одного французскаго крестьянина*, *Сказка о 4-хъ братьяхъ* и прокламаціи *О мученикѣ Николаѣ, или какъ слѣдуетъ жить по закону природы и правды*, *Чтой-то, братцы;* кромѣ таковыхъ книгъ, Бодяжинъ видѣлъ на квартирѣ Осипова еще *Отщепенцевъ* и *Счеты русскаго народа съ Домомъ Романовыхъ*. По словамъ Бодяжина, на сходкахъ бывали: Осташкинъ, Осиповъ, Филадельфовъ, Городецкій, Городецкая (Боголюбова), Чернышевъ, Бѣляковъ, Лазаревъ, Александровъ, Емельяновъ, Курдюмовъ и какая-то женщина, по имени Мароа (Никитина); Бодяжинъ прожилъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Самарѣ только около двухъ недѣль, какъ это видно изъ его показанія, и въ этотъ же промежутокъ времени и посѣщалъ сходки въ домѣ Заикина.

Показаніе Бодяжина находитъ себѣ полное подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей Байкова и Пудовкина.

По удостовѣренію Байкова, все тайное самарское общество собиралось въ домѣ Заикина и устраивало здѣсь свои сходки подъ предсѣдательствомъ Городецкаго и Осипова; на собраніяхъ читали революціонныя книги и говорили о необходимости распространенія въ народѣ идей, которыми руководился кружокъ; девизъ общества былъ: „свобода, равенство и братство", а цѣль его, какъ говорила свидѣтелю Вѣра Городецкая (Боголюбова), состояла въ томъ, чтобы путемъ революціи ниспровергнуть существующій порядокъ. Въ разговорахъ съ Байковымъ, Городецкая отрицала право собственности и необходимость платить налоги и высказывала, что „надо идти въ народъ и склонять его къ возмущенію, чтобъ онъ бралъ въ руки оружіе для достиженія свободы"; изъ членовъ общества, Байковъ зналъ Льва и Вѣру Городецкихъ, Владиміра и Клеопатру Осиповыхъ, Филадельфова, Осташкина, Александрова, Емельянова, Лазарева, Бѣлякова и Дегтярева.

По показанію Петра Пудовкина, присутствовавшаго на одной сходкѣ въ домѣ Заикина, члены кружка, въ его присутствіи, разсуждали о томъ, что нужно сдѣлать вспышку и

взбунтовать народъ, причемъ нѣкоторые доказывали, что сначала необходимо приготовить народъ къ возстанію; спорили очень долго, а затѣмъ Осиповъ, снявъ со стѣны висѣвшую на ней карточку какого то жандармскаго офицера, положилъ на полъ и изрубилъ топоромъ, приговаривая что всѣхъ жандармовъ слѣдуетъ уничтожить такимъ же точно образомъ. Изъ членовъ кружка, Пудовкинъ былъ знакомъ съ Александровымъ, Осиповымъ, Клеопатрою Лукашевичъ, Львомъ и Вѣрою Городецкими, Филадельфовымъ, Осташкинымъ, Курдюмовымъ, Никитинымъ, Никитиною, Лазаревымъ, Бѣляковымъ, Бодяжинымъ, Милоголовкинымъ, Дегтяревымъ и Емельяновымъ.

Байковъ и Пудовкинъ, какъ видно изъ ихъ показаній, были приглашаемы на сходки въ домѣ Зайкина, первый — Вѣрою Городецкою, а послѣдній — Павломъ Александровымъ.

Кромѣ Байкова и Пудовкина, члены кружка пытались склонить къ поступленію въ общество мѣщанина Михаила Бархатова, которому Емельяновъ сообщилъ о существованіи въ Самарѣ тайнаго общества, составившагося съ цѣлью ниспроверженія правительства и существующихъ порядковъ; введенный Емельяновымъ въ квартиру Осипова Бархатовъ познакомился съ Филадельфовымъ, Лазаревымъ, Никитинымъ, Городецкимъ, Осиповымъ, Бѣляковымъ и Александровымъ, послѣ чего Осиповъ, Городецкій и Емельяновъ неоднократно уговаривали его, Бархатова, сдѣлаться членомъ ихъ общества, объясняя ему, что Царя, судовъ и чиновниковъ не нужно и что народъ управится самъ.

Не довольствуясь устною пропагандой, члены кружка, для убѣжденія Байкова, Пудовкина и Бархатова въ справедливости развиваемыхъ предъ ними теорій, снабжали означенныхъ лицъ и революціонными книгами. Такъ, по показанію Байкова, Вѣра Городецкая давала ему для чтенія значительное количество книгъ и брошюръ, въ томъ числѣ и *Стеньку Разина*; Емельяновъ, по удостовѣренію Бархатова, передалъ послѣднему *Стеньку Разина*, *Сказку о 4-хъ братьяхъ*, *Исторію одного французскаго крестьянина* и др., а по словамъ Пудовкина, имъ были получены: отъ Городецкаго—двѣ брошюры *Пѣсенникъ* и *Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ*, отъ Клеопатры Лукашевичъ—сочиненія Бакунина, а отъ Осипова, Осташкина, Александрова и Филадельфова — до 30 книгъ революціоннаго содержанія, которыя затѣмъ Александровъ взялъ отъ него обратно. Павелъ Александровъ призналъ передачу Пудовкину книгъ преступнаго содержанія, въ томъ числѣ и журнала *Впередъ*.

Съ наступленіемъ лѣта самарскій кружокъ приступилъ къ осуществленію своихъ замысловъ; нѣкоторые изъ его членовъ, отправляясь на пропаганду, вовсе оставили Самару, другіе же временно отлучались изъ послѣдняго города.

Владиміръ Осиповъ отправился въ Ставрополь къ своей матери, затѣмъ въ Казань, послѣ чего, по его собственному показанію, путешествовалъ по Вятской губерніи съ цѣлью ознакомленія съ народнымъ бытомъ, и, наконецъ, былъ задержанъ въ Петербургѣ, подъ именемъ Никольскаго. Дѣятельность Осипова, послѣ его отъѣзда изъ Самары, осталась невыясненною, но виновность Осипова, какъ въ принадлежности къ преступному сообществу, составившемуся съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію противъ правительства, такъ и въ распространеніи революціонныхъ книгъ, не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду изложенныхъ выше сего обстоятельствъ дѣла.

Осиповъ виновнымъ себя не призналъ.

Клеопатра Лукашевичъ, вышедшая замужъ за Осипова, отправилась въ Вятскую губернію, гдѣ 30 августа 1874 года и была задержана подъ именемъ Маріи Михайловой въ квартирѣ сельской учительницы Клавдіи Кувшинской, въ селѣ Ивановкѣ, Орловскаго уѣзда.

Проживая въ селѣ Ивановкѣ, Осипова, какъ выяснено слѣдствіемъ, принимала участіе въ крестьянскихъ работахъ, и читала крестьянину, въ домѣ котораго жила, какую-то маленькую книжку о томъ, какъ *три брата жили въ пустынѣ, а одинъ изъ нихъ залѣзъ на лѣсину*. По обыску въ квартирѣ Осиповой было найдено: а) письмо какого-то Семена, въ которомъ послѣдній проситъ свою мать принять Марію Михайлову для обученія ся сельскимъ работамъ; б) синяя крестьянская рубашка и ситцевая юбка, в) карта Европейской Россіи; г) записка, писанная рукою Осиповой и начинающаяся словами: „Чтой-то вы, братцы, все жалуетесь на судьбу свою", и д) книги: *Государственность и Анархія Историческое развитіе интернаціонала*. *Клоочъ Г.*, *Дѣдушка Егоръ* и *Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ*.

Клеопатра Осипова обнаружила признаки разстройства умственныхъ способностей.

Левъ Городецкій, какъ видно изъ его показанія, узнавъ отъ Никифора Емельянова, что въ деревнѣ Смышляевкѣ есть „подходящій“ человѣкъ,-содержатель питейнаго заведенія, отправился въ Смышляевку вмѣстѣ съ Владиміромъ Осиповымъ, взявъ съ собой нѣсколько книгъ, изъ которыхъ одна была нецензурная. Означенное путешествіе окончилось, однако, ничѣмъ, такъ какъ Городецкій и Осиповъ, видя, что крестьяне смотрятъ на нихъ подозрительно, вернулись въ Самару, не дойдя до Смышляевки. Вслѣдъ затѣмъ Городецкій, получивъ отъ Осташкина шифръ для переписки съ нимъ, отправился съ женой въ Николаевскій уѣздъ. По удостовѣренію Пудовкина, Городецкій убѣждалъ его снять въ упомянутомъ уѣздѣ землю и взять къ себѣ Городецкаго въ качествѣ кузнеца, а жену его поселить гдѣ-нибудь въ деревнѣ подъ видомъ простой крестьянки.

Левъ и Вѣра Городецкіе были задержаны 21 іюля 1874 года въ селѣ Троицкомъ, на пути въ Самару, причемъ у нихъ между прочимъ оказались книги *Государственность и Анархія* и *Общественное владѣніе землей*, Чернышевскаго.

Павелъ Александровъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, ходилъ вмѣстѣ съ Чернышевымъ въ село Дубовъ-Уметъ раздавать книги, а съ Никитинымъ ѣздилъ въ Бузулукскій уѣздъ съ тою же цѣлью, осуществить которую имъ однако не удалось; на возвратномъ пути въ Самару, Александровъ и Никитинъ зашли въ село Грачевку къ Егору Лазареву, у котораго, какъ видно изъ его показанія, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ проживала Марфа Никитина и бывалъ Бухъ.

Независимо отъ сего, Павелъ Александровъ, какъ оказывается изъ показанія Бархатова, разъѣзжалъ съ Никифоромъ Емельяновымъ по окрестнымъ деревнямъ, съ цѣлью возбужденія народа противъ правительства и распространенія книгъ преступнаго содержанія.

Павелъ Александровъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что велъ преступную пропаганду.

Никифоръ Емельяновъ, какъ видно изъ показанія Пудовкина, былъ посланъ, самарскимъ кружкомъ на Сергіевскія минеральныя воды съ цѣлью веденія тамъ революціонной пропаганды, причемъ Городецкій, Никитинъ и Бѣляковъ дали Емельянову книги, названія которыхъ Пудовкину неизвѣстны. Не отвергая свою поѣздку на Сергіевскія воды, Емельяновъ объяснилъ, что при отъѣздѣ изъ Самары получилъ отъ Осипова книги: *Государственность и Анархія*, *Отщепенцы*, *Исторія одного французскаго крестьянина*, *Стенька Разинъ*, *Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ*, *Чтой-то, братцы*, *Пѣсенникъ*, брошюру Лассаля и письма Бакунина.

Во время своего пребыванія на Сергіевскихъ водахъ, Никифоръ Емельяновъ дѣятельно занялся пропагандою: такъ, изъ показаній мѣщанина Глѣба Яковлева Терновскаго и крестьянина Адама Вишендерова, оказывается, что Емельяновъ передалъ первому *Исторію французскаго крестьянина*, *Отщепенцевъ*, *Чтой-то, братцы*, *Пѣсенникъ*, *Программу работниковъ*, Лассаля и *Стеньку Разина*, а послѣднему—нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ былъ и *Стенька Разинъ*, причемъ объяснилъ, что въ Россіи скоро будетъ бунтъ, что правительство уничтожатъ, и народъ будетъ управляться самъ собою.

Терновскій весьма быстро усвоилъ себѣ революціонное направленіе и сталъ усердно помогать Емельянову въ его преступной дѣятельности. Свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что Терновскій разсказывалъ о себѣ, что онъ состоитъ членомъ общества, стремящагося уничтожить правительство и учредить въ Россіи республику, убѣждалъ другихъ лицъ вступить въ означенное общество, совѣтовалъ читать сочиненія Бакунина, Герцена и Лассаля, давалъ читать революціонныя книги, доказывалъ, что имущества своего ни у кого нѣтъ, что все оно краденое, и что не слѣдуетъ платить податей, отрицалъ существованіе Господа Бога и осмѣливался произносить дерзкія, оскорбительныя слова противъ Государя Императора.

Емельяновъ, съ своей стороны, продолжая пропагандировать, въ разговорахъ съ другими лицами высказывалъ, что баре и чиновники только тѣснятъ и разоряютъ народъ, что безъ нихъ было бы лучше, и что поэтому ихъ слѣдуетъ уничтожить, а также богохульствовалъ и читалъ одному крестьянину *Стеньку Разина*, и вмѣстѣ съ Терновскимъ, въ присутствіи одного свидѣтеля, произносилъ оскорбительныя выраженія противъ Государя Императора.

Исполняя столь ревностно возложенное на него самарскимъ кружкомъ порученіе, Емельяновъ, какъ видно изъ показанія Бархатова, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ оставшимися въ Самарѣ революціонными дѣятелями; по словамъ Бархатова, на его имя было прислано Емельяновымъ нѣсколько писемъ для передачи другимъ лицамъ, что̀ Бархатовымъ и было исполнено, а отъ Бѣлякова онъ, Бархатовъ, получилъ пять книгъ преступнаго содержанія для отсылки таковыхъ Емельянову, каковыя книги были Бархатовымъ уничтожены; кромѣ сего, показаніемъ того же Бархатова удостовѣрено, что Емельяновъ распространялъ революціонныя идеи и въ окружающихъ Самару мѣстностяхъ, разъѣзжая по деревнямъ, съ цѣлью возбужденія народа противъ правительства.

При обыскѣ, у Емельянова найдены между прочимъ: група, состоящая изъ Никитина и его жены, Попова, Буха, Курдюмова, Городецкаго и Комова, карточки Вѣры Боголюбовой и Филадельфова, книги: *Отщепенцы*, *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, *Исторія французскаго крестьянина*, *Государственность и Анархія*, *Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ*, *Чтой-то, братцы*, *Письмо Бакунина къ товарищамъ Юрской Федераціи* и рукописное стихотвореніе *Ослушная пѣсня*.

Терновскій не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ, а Никифоръ Емельяновъ призналъ себя виновнымъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія и объяснилъ, что найденная у него при обыскѣ *Ослушная пѣсня* писана его рукой и что означенное стихотвореніе онъ читалъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ.

Иванъ Бѣляковъ, проживавшій въ домѣ Заикина вмѣстѣ съ Филадельфовымъ и Осиповымъ, ходилъ, по удостовѣренію Пудовкина, съ Никитинымъ, съ цѣлью возмущенія народа и раздачи книгъ, въ села: Царицыно, Семейкино, Буянъ, Красный-Яръ и Каменку, что подтверждается показаніемъ Бархатова, которому самъ Бѣляковъ разсказывалъ о своихъ странствованіяхъ по окружающимъ Самару деревнямъ; независимо отъ сего, какъ оказывается изъ показанія Ивана Жарехина, Бѣляковъ, придя къ нему въ село Дубовый-Уметъ, предлагалъ ему пріѣхать въ Самару, обѣщая дать книгъ для чтенія и познакомить съ хорошими людьми, а также приглашалъ Жарехина вступить въ тайное общество, составившееся съ цѣлью возбужденія народа къ бунту противъ правительства, а по показанію Бархатова, какъ сказано выше, Бѣляковъ передалъ ему, для доставленія Емельянову, пять книгъ преступнаго содержанія.

Бѣляковъ былъ задержанъ на хуторѣ Чернышевыхъ, причемъ у него за пазухой оказались брошюры: *Стенька Разинъ*, *Чтой-то, братцы* и *Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ*, данныя ему, какъ заявилъ Бѣляковъ при обыскѣ, Никитинымъ; кромѣ сего, у Бѣлякова былъ найденъ адресъ Курдюмова и открытый листъ Свіяжской уѣздной земской управы за № 135, а въ записной книжкѣ его были усмотрѣны адресы „В. В.“ и „Е. Е.“ т.-е. Филадельфова и Лазарева, что̀ призналъ и Бѣляковъ.

Открытый листъ за № 135 былъ выданъ отцу Николая Никитина, приставу 2-го стана Свіяжскаго уѣзда, который давалъ его для разъѣздовъ сотнику, а съ послѣднимъ ѣздилъ неоднократно пріѣхавшій въ маѣ 1874 года изъ Петербурга Николай Никитинъ.

Бѣляковъ не призналъ себя виновнымъ.

Егоръ Лазаревъ отправился на лѣто на свою родину, въ село Грачевку, Бузулукскаго уѣзда, гдѣ, какъ видно изъ его показанія, навѣщали его Александровъ, Никитинъ и Бухъ, и гдѣ гостила у него два мѣсяца Марѳа Никитина.

Проживая въ Грачевкѣ, Лазаревъ, по словамъ Пудовкина, вмѣстѣ съ Александровымъ занимался пропагандою, съ цѣлью которой ходилъ также въ села: Павловку, Дубовое и Подъемъ.

Независимо отъ сего, Лазаревъ, какъ оказывается изъ показанія Льва Городецкаго, далъ послѣднему рекомендательное письмо къ нѣкоему Лахтину, въ Казань, въ каковомъ письмѣ просилъ Лахтина принять Городецкаго въ качествѣ рабочаго; не отвергая передачи Городецкому упомянутаго письма, Лазаревъ объяснилъ, что имѣлъ лишь намѣреніе доставить Городецкому, посредствомъ сего письма, возможность изучить кузнечное ремесло, но такое объясненіе Лазарева опровергается какъ показаніемъ Городецкаго о томъ, что цѣлью предположенной его поѣздки въ Казань было „проведеніе въ жизнь установившихся у него убѣжденій“, такъ и содержаніемъ письма къ Лахтину, въ которомъ Лазаревъ писалъ: „...Будьте совершенно откровенны съ этимъ господиномъ, онъ мой товарищъ, пріятель студенту Никитину, съ которымъ вы, кажется, много говорили“.

Во время содержанія Лазарева подъ стражей у него была отобрана записка Романа Бодяжина, въ которой послѣдній, сообщая о бывшемъ у него обыскѣ и о данныхъ имъ показаніяхъ, просилъ научить его, что показывать на допросахъ.

Егоръ Лазаревъ не призналъ себя виновнымъ.

Марѳа Герасимова Никитина изъ Грачевки вернулась въ Самару, затѣмъ поѣхала въ Орелъ, а оттуда отправилась въ С.-Петербургъ, гдѣ и была арестована, причемъ у нея было отобрано письмо къ роднымъ, въ которомъ она, между прочимъ, писала: „.... Увѣрить васъ заглазно нельзя въ томъ, что я никакихъ идей не проповѣдую“.

Никитина не признала себя виновною.

Никитинъ, по удостовѣренію Пудовкина, ходилъ къ Бѣляковымъ для возмущенія народа и для раздачи книгъ въ села: Царицыно, Семейкино, Буянъ, Красный-Яръ и Каменку, а затѣмъ, съ Курдюмовымъ и Милоголовкинымъ, для той же цѣли въ Вязовку, Кандыбань, Березовый-Гай, Подгорье и Екатериновку.

Никитинъ скрылся и до настоящаго времени не разысканъ.

У отца Никитина были отобраны письма сына, который, между прочимъ, въ одномъ письмѣ сообщалъ, что окружающее его въ Самарѣ общество совершенно подходящее къ нему по характеру, по молодости и по роду занятій, гораздо для него пріятнѣе общества помѣщиковъ, „пропитавшихся всякою дрянью до мозга костей“, съ которыми ему пришлось бы имѣть дѣло въ Казанской губерніи.

Романъ Бадяжинъ, котораго Городецкій въ своемъ показаніи называетъ человѣкомъ „совершенно солидарнымъ съ самарскимъ кружкомъ“, отправился въ село Малые-Толкаи, взявъ съ собою, по его собственнымъ словамъ, *Исторію французскаго крестьянина* и *Чтой-то, братцы*. Въ іюнѣ въ Малые-Толкаи явилась къ Бодяжину Надежда Юргенсонъ подъ именемъ Дарьи Трофимовой и предъявила записку Льва Городецкаго слѣдующаго содержанія: „Бодяжинъ! Помогите ей найти удобное мѣстечко. Л. Городецкій“.

При обыскѣ у Бодяжина были найдены: означенная записка Городецкаго, адресы Осташкина, Дегтерева и Минаева, клочки бумаги, на которыхъ написано: „Городецкій и Надежда Александрова“, книги: *Стенька Разинъ* (повѣсть) и *Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ*, письмо съ надписью Дарья Трофимова и два письма Осташкина.

Въ одномъ изъ упомянутыхъ писемъ Осташкинъ писалъ: „Съ глубокою грустью прочелъ я ваше письмо. Изъ него до осязательности видно то крайне стѣсненное, бѣдственное положеніе, въ которомъ находятся у насъ на Руси мыслящія личности..... но неужели въ виду всего этого должно опустить руки и отказаться отъ борьбы! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!... Подобныхъ личностей у насъ становится все больше и больше, годъ отъ году сила ихъ растетъ.... Наше дѣло идетъ пока порядочно. Попросите кого-нибудь изъ вашихъ надежныхъ знакомыхъ зайти хоть въ гимназію съ запискою къ кому-либо изъ насъ; мы снабдимъ васъ книгами. Почему письмо вышло блѣдно, мысль не закончена, вамъ, конечно, извѣстно. Много, очень много нужно было бы сказать вамъ. Но что же дѣлать, придется отложить до вашего пріѣзда или по крайней мѣрѣ до пріѣзда въ Самару хорошо вамъ извѣстнаго человѣка, съ которымъ мы могли бы писать то, что нужно“. Въ другомъ письмѣ, свидѣтельствуя почтеніе отъ Никифора Ивановича (Емельянова) и другихъ извѣстныхъ Бодяжину личностей, Осташкинъ проситъ увѣдомить „какъ идетъ дѣло, о которомъ ранѣе не разъ бесѣдовали“, а въ письмѣ, подписанномъ „Дарья Трофимова“ изъявляется благодарность „Василію Меркуловичу“ за одолженные имъ три рубля.

Во время содержанія подъ стражею Бодяжина и Лазарева, у послѣдняго, какъ уже сказано выше, была отобрана записка Бодяжина, писанная синимъ карандашомъ на листкѣ синей бумаги. Означенная записка, отчасти стертая, оказалась слѣдующаго содержанія: „у меня нашли два письма отъ Осташкина..... брошюрки, да С. Разина..... Надежда Александровна..... Минаевъ.... котор. пок. письмо отъ Дарьи Трофимовой съ деньг. 2 р., которые заняла да у меня и зап. Серг. Городецк. подательница сего наша, найдите ей мѣсто, въ письмѣ Осташ. сказано...... о котор. мы не разъ бесѣдовали идетъ..... я показалъ, въ письмѣ Осташкинъ говоритъ на счетъ школы, брошюрки далъ Васильевъ, бывая у Малышева, Разина купилъ на толчкѣ. Съ Осташк., съ Осиповымъ, Городецк. знакомъ чрезъ Никифора. Бѣлякова, Лазарева и Павл. Алекс. знаю, Боголюбову видѣлъ, книгъ у нихъ

не бралъ, словъ революц. содержанія при мнѣ не говорили, Н. А. Юрген., Минаевъ и Дегтеревъ, не знаю почему у меня записаны. Дарья Николаева Трофимова не Юргенс., а крестьянка, мнѣ ея показ., я не призналъ. Городецк. сказалъ, что послалъ назвавшуюся Юргенсон... Не оставьте меня насчетъ ее..... вообще я ставлю себя невѣждой".

Бодяжинъ, не признавая себя виновнымъ, далъ подробное показаніе, частью изложенное уже выше сего, и объяснилъ, что адресы Минаева и Дегтерева получилъ отъ Осташкина, что адресъ, написанный на оборотѣ записки Городецкаго, есть адресъ Лазарева, что съ означенною запиской къ нему явилась, подъ именемъ Дарьи Трофимовой, Надежда Юргенсонъ, которую онъ видѣлъ ранѣе сего въ селѣ Черкасахъ, въ обществѣ Льва и Вѣры Городецкихъ, что найденное у него при обыскѣ письмо, подписанное „Дарья Трофимова", писано Юргенсонъ, которая при этомъ письмѣ возвратила три рубля, занятые ею у Бодяжина, для нея у Василія Меркулова, и, наконецъ, что записка на синей бумагѣ писана имъ, Бодяжинымъ, и предназначалась для кого-либо изъ арестованныхъ лицъ, съ цѣлью полученія отъ нихъ указаній, какъ ему поступить, т.-е. признать или не признать, что Юргенсонъ проживала у него, такъ какъ первоначально онъ на всѣ вопросы отзывался незнаніемъ.

Минъ Милоголовкинъ, посѣщавшій квартиру Филадельфова, Осипова и Бѣлякова и, по удостовѣренію сихъ лицъ, присутствовавшій на происходившихъ въ означенной квартирѣ чтеніяхъ, а также знавшій, по словамъ Городецкаго, о цѣляхъ кружка, ходилъ, какъ это видно изъ показанія Пудовкина, для возмущенія народа и раздачи книгъ въ села: Вязовку, Кандыбань, Березовый-Гай, Подгорье и Екатериновку, и затѣмъ былъ задержанъ въ гор. Самарѣ.

Милоголовкинъ не призналъ себя виновнымъ.

Курдюмовъ, какъ оказывается изъ показанія Пудовкина, ходилъ по тѣмъ же селамъ, что и Милоголовкинъ, и съ тою же цѣлью; въ іюнѣ Курдюмовъ, какъ это видно изъ дѣла, отправился во Мценскъ къ роднымъ, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ задержанъ, причемъ назвался чужою фамиліей. Курдюмовъ не призналъ себя виновнымъ.

Изъ показанія Пудовкина видно, что квартиру Никитиныхъ и Курдюмова посѣщалъ самарскій мѣщанинъ Александръ Николаевъ Яновъ, который присутствовалъ при чтеніи книгъ преступнаго содержанія и бралъ таковыя къ себѣ на домъ.

Посѣщеніе Никитиныхъ и Курдюмова не прошли для Янова безслѣдно: онъ примкнулъ къ самарскому кружку и, въ свою очередь, совратилъ мѣщанина Ивана Григорьева Спѣсивцева, съ которымъ, какъ видно изъ показанія послѣдняго, былъ знакомъ около девяти лѣтъ. Приставъ къ кружку и получая отъ него книги, Яновъ и Спѣсивцевъ тоже занялись пропагандою, какъ это видно изъ показанія мѣщанина Максима Апошкина; по словамъ послѣдняго, лѣтомъ 1874 г., Яновъ и Спѣсивцевъ пригласили его въ питейный домъ, а затѣмъ на прогулку, и дорогой завели разговоръ, въ которомъ отрицали бытіе Господа Бога, высказывались противъ Царя и правительства; говорили, что Царя, правительство и духовенство слѣдуетъ уничтожить, а Царя выбрать только на три года, что при новыхъ порядкахъ податей не будетъ, и что землю слѣдуетъ раздѣлить поровну, причемъ предлагали Апошкину книги для чтенія.

Спѣсивцевъ отвергъ вполнѣ показаніе Апошкина, а Яновъ объяснилъ, что былъ пьянъ и потому ничего не помнитъ, каковое объясненіе опровергается показаніемъ Апошкина, удостовѣрившаго, что Яновъ во время вышеприведеннаго разговора былъ совершенно трезвъ.

Яновъ и Спѣсивцевъ виновными себя не признали.

Филадельфовъ ходилъ, по показанію Пудовкина, для возмущенія народа и раздачи книгъ въ села: Смышляевку, Черновку и Грачевку, а по словамъ Бархатова, собираясь идти въ народъ, совѣтовалъ ему, равно какъ и Емельяновъ, открыть въ деревнѣ, съ цѣлью пропаганды, питейный домъ, для чего предлагалъ и деньги; при дознаніи Бархатовъ, кромѣ сего, объяснилъ, что Филадельфовъ, называвшійся фамиліею Витте, передалъ ему книги *Государственность и Анархія*.

Филадельфовъ не призналъ себя виновнымъ.

Осташкинъ, какъ оказывается изъ показанія Пудовкина, ходилъ въ тѣ же села, что и Филадельфовъ, и съ тою же цѣлью.

Въ подкрѣпленіе своего показанія о томъ, въ какія именно мѣстности члены кружка ходили на пропаганду, Пудовкинъ при дознаніи представилъ записку, составленную имъ въ то время, когда онъ посѣщалъ кружокъ, и изложенную со словъ членовъ таковаго, разсказывавшихъ при немъ, Пудовкинѣ, о своихъ похожденіяхъ.

Независимо отъ вышеизложеннаго, Осташкинъ, а также Дегтяревъ, вошли въ близкія сношенія съ кружкомъ, основаннымъ Войноральскимъ.

Порфирій Войноральскій въ первый разъ появился въ Самарской губерніи вмѣстѣ съ Иваномъ Селивановымъ, въ концѣ мая, вскорѣ послѣ открытія мастерской Пелькопеца въ Саратовѣ; у Войноральскаго, какъ видно изъ его показанія, было намѣреніе устроить въ Самарѣ брошировальню для отпечатанныхъ въ типографіи Мышкина преступныхъ сочиненій, каковая брошировальня должна была помѣщаться въ квартирѣ знакомой Войноральскаго—акушерки Надежды Ивановой и состоять въ завѣдыванія Ефрузины Супинской. Такое показаніе Войноральскаго находитъ себѣ подтвержденіе, во первыхъ, въ письмѣ Супинской, сообщавшей обитателямъ мастерской Пелькопеца, что ей неизвѣстно, уѣдетъ ли она туда, что Ар. (Аркадакскій) увѣряетъ, что тамъ ничего устроить нельзя, что съ Кузьмою (Войноральскимъ) не перетолковали объ этомъ обстоятельно, и что ей съ тою же самою цѣлью совѣтуютъ ѣхать въ Орелъ, и, во вторыхъ, показаніемъ Супинской, пояснившей, что она хотѣла ѣхать заниматься брошировкою въ Самару или Орелъ, и что только арестъ помѣшалъ ей привести свое намѣреніе въ исполненіе.

Прибывъ изъ Саратова въ Самарскую губернію, Войноральскій и Селивановъ прошли Самарскій, Бузулукскій и Бугурусланскій уѣзды, причемъ Войноральскій заарендовалъ у крестьянина села Бобровки, Ивана Осокина, постоялый дворъ, съ цѣлью устройства въ немъ, какъ онъ самъ объяснилъ, притона для агитаторовъ, послѣ чего явились въ Самару для разысканія Надежды Ивановой, которую они разсчитывали застать уже въ этомъ городѣ, почему Войноральскій, какъ видно изъ его показанія, и сообщилъ въ Пензу ея адресъ. Между тѣмъ, вопреки ожиданіямъ Войноральскаго, Надежды Ивановой въ Самарѣ не оказалось. Потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу съ этой стороны, Войноральскій тѣмъ не менѣе успѣлъ употребить съ пользою для задуманнаго имъ дѣла свое кратковременное пребываніе въ Самарѣ, а именно, познакомившись случайно съ воспитанниками Самарской семинаріи Иваномъ Дамаскинымъ и Александромъ Пономаревымъ и гимназистомъ Николаемъ Петропавловскимъ, онъ успѣлъ увлечь означенныхъ лицъ на путь революціонной дѣятельности. По словамъ Войноральскаго, онъ и Селивановъ познакомились съ Дамаскинымъ въ общественномъ саду, причемъ у нихъ завязался разговоръ, въ которомъ, какъ это видно изъ показанія Дамаскина, Войноральскій (подъ фамиліею Иванова) спросилъ—нѣтъ ли въ Самарѣ между молодежью кого-либо поэнергичнѣе изъ числа лицъ, „отличающихся протестами", такъ выразился Дамаскинъ. По приглашенію Дамаскина, Войноральскій и Селивановъ отправились на его квартиру, гдѣ Дамаскинъ и познакомилъ ихъ съ проживавшими вмѣстѣ съ нимъ Пономаревымъ и Петропавловскимъ; переночевавъ въ квартирѣ сихъ лицъ, Войноральскій и Селивановъ на другой день направились въ Саратовъ, а затѣмъ, какъ это уже изложено выше, въ Пензу и Москву.

Пономаревъ вовсе не призналъ своего знакомства съ Войноральскимъ и никакихъ объясненій не далъ. Петропавловскій показалъ, что былъ знакомъ съ Войноральскимъ и что зналъ о мастерской въ Саратовѣ и типографіи въ Москвѣ, а Дамаскинъ объяснилъ, что Войноральскій въ первое же свое посѣщеніе сообщилъ: о существованіи революціоннаго кружка, о имѣющемъ быть съѣздѣ пропагандистовъ, о томъ, что у него есть своя типографія въ Москвѣ, и указывалъ на необходимость употребленія въ перепискѣ шифра, причемъ самъ тутъ же написалъ шифрованное письмо. Такое объясненіе Дамаскина подтверждается вполнѣ показаніемъ, даннымъ Петропавловскимъ при дознаніи, въ каковомъ показаніи Петропавловскій удостовѣрилъ, что Войноральскій (подъ именемъ Порфирія Иванова) доказывалъ необходимость веденія революціонной пропаганды, говорилъ, что у него была въ Москвѣ типографія для печатанія революціонныхъ сочиненій, а въ Саратовѣ—мастерская, устроенная съ цѣлью распространенія революціонныхъ идей, предлагалъ принять участіе въ агитаторской дѣятельности, разсказывалъ какъ о бывшемъ, такъ и имѣющемъ быть съѣздѣ пропадандистовъ для выработки общей программы дѣйствій, сообщилъ о существовавшихъ въ каждой губерніи агентахъ, у которыхъ хранились ключи къ шиф-

рамъ, употребляемымъ для переписки, и адресы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и на которыхъ лежала передача по назначенію адресованныхъ на нихъ писемъ, а также упоминалъ о Рогачевѣ, скрывшемся, по словамъ Войноральскаго, у техника Мейера въ Саратовѣ.

Уѣзжая изъ Самары, Войноральскій, по словамъ Дамаскина, оставилъ въ квартирѣ послѣдняго книги, въ числѣ которыхъ были: *Исторія французскаго крестьянина, Сказка о четырехъ братьяхъ*, одна часть сочиненій Бакунина, *Пѣсенникъ* и *Чтой-то, братцы*.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Войноральскій, при первомъ же своемъ знакомствѣ съ Дамаскинымъ, Пономаревымъ и Петропавловскимъ, старался увлечь означенныхъ лицъ на путь революціонной дѣятельности. Усилія Войноральскаго увѣнчались успѣхомъ, благодаря тому обстоятельству, что Дамаскинъ, Пономаревъ и Петропавловскій, или, по крайней мѣрѣ, послѣдній изъ нихъ, были уже подготовлены къ воспріятію революціонныхъ идей Клеменсомъ и Ливановымъ.

Доказательствомъ знакомства Петропавловскаго съ поименованными революціонными дѣятелями, а также вліянія, которое имѣлъ на него Войноральскій, служитъ письмо Петропавловскаго къ одному изъ его знакомыхъ, судебному приставу сызранскаго съѣзда мировыхъ судей Монстрову. Уже 12 іюня, т.-е. нѣсколько лишь дней спустя послѣ перваго знакомства съ Войноральскимъ, Петропавловскій писалъ Монстрову: „...Между прочимъ нужно тебѣ доложить, что Ливановъ поступилъ въ столярную мастерскую съ тою хорошею цѣлью, чтобы тѣснѣе слиться съ рабочими, жить ихъ жизнью, ненавидѣть ихъ ненавистью и пропагандировать принципы соціальной революціи. Въ такого человѣка просто подло кинуть грязью уже по одному тому, что онъ изъ паразита дѣлается производительнымъ работникомъ, который на себѣ испытываетъ всегнетущую, всезагребающую лапу правительства и пріобрѣтетъ вслѣдствіе этого сильнѣйшую ненависть къ этой лапѣ, потому что презираетъ всякій офиціальный постъ, всякій непроизводительный трудъ, какъ вредные симптомы государственности. Я не стану тебѣ идеализировать Ливанова, Войноральскаго, Селиванова и Клеменса (съ В. и С. я познакомился лично, послѣдняго знаю) и многихъ другихъ, я считаю ихъ за простыхъ работниковъ, индивидуальныя усилія которыхъ чрезвычайно малы и незамѣтны, но если соединить всѣ эти усилія въ одно цѣлое, то составится сила, громадная сила, результатъ которой будетъ блестящій. Да, пришло время выкупаться и мнѣ въ чистой водѣ, чтобы смыть съ себя приставшую буржуазную грязь..... Ты говоришь о какомъ-то мѣстѣ въ селѣ, я согласенъ, на все согласенъ..... Читалъ Бакунина, книга хорошая“.

Почти то же самое высказывалъ Петропавловскій Монстрову при личномъ свиданіи съ нимъ въ Хвалынскѣ, лѣтомъ 1874 года; по показанію Монстрова, Петропавловскій сообщилъ ему въ разговорѣ, что въ Самарѣ есть партія, признающая необходимость пропаганды противъ существующаго порядка вещей, что означенная партія ставитъ своею задачей лишь уничтоженіе нынѣшняго строя, предоставляя самому обществу установить впослѣдствіи новый порядокъ, что къ этой партіи принадлежитъ Войноральскій, агитировавшій въ Самарѣ между рабочими плотничьей артели, и устроившій съ цѣлью пропаганды мастерскую въ Саратовѣ и типографію въ Москвѣ, что партія не прочь сходиться и съ преступниками, которые, какъ люди ожесточенные, оказываются надежнѣе другихъ, что даже народныя бѣдствія служатъ цѣлямъ партіи, усиливая недовольство и протестъ, что на Рождество 1874 г. пропагандисты предположили устроить съѣздъ въ Петербургѣ, и что изъ послѣдняго города пріѣзжалъ какой-то рабочій, для сообщенія Войноральскому объ арестѣ его жены; въ томъ же разговорѣ Петропавловскій упоминалъ о какомъ-то офицерѣ Рогачевѣ, который былъ, по его словамъ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей партіи, бурлачилъ на Волгѣ, и жилъ въ Саратовѣ у какого-то механика или техника съ нѣмецкою фамиліей.

Къ вышеприведенному показанію Монстровъ при дознаніи присовокупилъ: Петропавловскій проводилъ мысль, что учиться не стóитъ и что слѣдуетъ сближаться съ народомъ и быть простымъ рабочимъ, и что даже дѣятельность учителя есть дѣятельность буржуазная; вообще изъ всего разговора съ Петропавловскимъ Монстровъ вынесъ убѣжденіе, что Петропавловскій завербованъ Войноральскимъ и Селивановымъ въ ихъ партію и онъ былъ агентомъ въ Самарѣ.

Петропавловскій призналъ, что письмо отъ 12-го іюня 1874 г. къ Монстрову писано имъ.

Между тѣмъ, Войноральскій, побывавъ въ Пензѣ, Москвѣ, Тамбовѣ и Саратовѣ, снова пріѣхалъ въ Самару во второй половинѣ іюня; въ это время Пономаревъ занималъ должность письмоводителя у и. д. судебнаго слѣдователя Кудряшева, а Петропавловскій и Дамаскинъ жили въ домѣ Зарывалова; вмѣстѣ съ ними жилъ семинаристъ Алексѣй Андреевъ Александровскій, а впослѣдствіи къ нимъ переселился и семинаристъ Иванъ Ивановъ Никольскій, какъ это видно изъ показаній Дамаскина и Никольскаго. Между обитателями дома Зарывалова и кружкомъ, къ которому принадлежали Осташкинъ, Филадельфовъ и другіе, установилась тѣсная связь чрезъ Петропавловскаго, который, какъ видно изъ показанія Осташкина, въ качествѣ бывшаго воспитанника гимназіи зналъ многихъ членовъ самарскаго кружка. Такъ, Осташкинъ и Филадельфовъ посѣщали, по словамъ Никольскаго, квартиру Петропавловскаго и др. въ домѣ Зарывалова, что̀ признано самими Осташкинымъ и Филадельфовымъ; Петропавловскій, какъ видно изъ его письма къ Монстрову, былъ знакомъ съ Никитинымъ, а по удостовѣренію Дамаскина, въ домѣ Зарывалова бывала также и Надежда Юргенсонъ.

Войноральскій, посѣщая домъ Зарывалова, познакомился со всѣми бывавшими въ квартирѣ Петропавловскаго и Дамаскина лицами, и подъ его вліяніемъ составился новый кружокъ, въ составъ котораго вошли: Дамаскинъ, Петропавловскій, Пономаревъ, Александровскій и Никольскій, и къ которому примкнули члены перваго самарскаго кружка—Осташкинъ, Филадельфовъ, Дегтяревъ и Юргенсонъ. Пономареву и Дегтяреву была поручена агентура, какъ это видно изъ писемъ Войноральскаго на имя Шершивадзе; такъ, Войноральскій писалъ: „.....пишите немедля сюда писцу губернской земской управы Степ. Никол. Дегтяреву...“; въ письмѣ отъ 25-го іюня: „....если удобно переслать въ Самару (т.-е. книги), то отдать тамъ Осташкину; квартиру его можно узнать у писца губернской управы Дегтярева...“; а въ письмѣ отъ 21-го іюля: „.....имена Дегтярева и Пономарева въ Самарѣ не безопасны“. Адресъ Дегтярева, записанный шифромъ, найденъ: въ Саратовѣ—у Софинскаго, въ Пензѣ—у Миллера и въ Николаевскѣ—у Рѣчицкаго-Логинова. Независимо отъ агентуры для кружка Войноральскаго, Дегтяревъ держалъ агентуру и для самарскаго кружка, доказательствомъ чего служатъ полученные уже послѣ ареста Дегтярева письма, адресованныя на его имя, а именно: а) письмо отъ нѣкоего Трофимова съ адресомъ на внутреннемъ конвертѣ: „Никитину или Курдюмову“, б) два письма отъ матери Надежды Юргенсонъ къ сей послѣдней и в) письмо нѣкоего Гейденрейха на имя той же Юргенсонъ. Впослѣдствіи, когда адресъ Дегтярева сталъ небезопасенъ, Осташкинъ обратился къ самарскому мѣщанину Василію Минаеву съ просьбой о дозволеніи вести переписку на его адресъ, мотивируя такую просьбу тѣмъ соображеніемъ, что онъ, Осташкинъ, часто мѣняетъ квартиры, каковое обстоятельство можетъ затруднить доставленіе адресованныхъ на его имя писемъ. Минаевъ изъявилъ согласіе исполнить просьбу Осташкина, и дѣйствительно получилъ нѣсколько писемъ для передачи послѣднему. О таковой перемѣнѣ адреса Войноральскій сообщилъ въ Москву, въ письмѣ на имя Шершивадзе отъ 21 іюля.

Дегтяревъ, посѣщеніе которымъ квартиры членовъ самарскаго кружка въ домѣ Заикина подтверждено показаніемъ Вѣры Городецкой, не отвергая полученія писемъ для передачи таковыхъ Осташкину, не призналъ себя виновнымъ и объявилъ, что былъ знакомъ лишь съ Осташкинымъ и Бѣляковымъ.

По обыску у Дегтярева, между прочимъ, найдена книга: *Положеніе рабочаго класса въ Россіи*, Флеровскаго, а также рукописная программа для ассоціацій.

Учредивъ такимъ образомъ двѣ агентуры, Войноральскій вмѣстѣ съ тѣмъ озаботился пріисканіемъ помѣщенія, въ которомъ посѣщающіе Самару революціонные дѣятели могли бы находить пріютъ; для этой цѣли онъ выбралъ постоялый дворъ мѣщанина Ивана Яковлева Фоминскаго, на Волгѣ, близъ ярмарки, о чемъ и сообщилъ въ Москву въ письмѣ на имя Шершивадзе ...„Мѣсто остановки и укрывательства здѣсь, писалъ Войноральскій, постоялый дворъ Ивана Яковлевича Фоминскаго“... и дѣйствительно, 12-го іюля на означенномъ постояломъ дворѣ были задержаны Коваликъ и Осташкинъ, о чемъ Войноральскій 21-го іюля также поставилъ въ извѣстность московскихъ пропагандистовъ. На имя Фоминскаго получались, вѣроятно, и письма, адресованныя членамъ кружка Войноральскаго, какъ это слѣдуетъ заключить изъ письма на имя Шершивадзе, въ коемъ упоминается, что и фамилія Фоминскаго не безопасна.

Обезпечивъ сношенія кружка съ другими революціонными дѣятелями, Войноральскій занялся пропагандой между мѣстными рабочими.

Въ шифрованныхъ письмахъ на имя Шершивадзе, Войноральскій писалъ слѣдующее о своей революціонной дѣятельности среди рабочихъ въ письмѣ отъ 25-го іюня: „.... тутъ (т.-е. въ Самарѣ) есть еще много годнаго для дѣла элемента—фельдшера, мѣщане, мастеровые и пришлые изъ Симб. губ. плотники. Съ послѣдними было нѣсколько чтеній. Они просятъ книгъ для отсылки по домамъ, просятъ сходить туда, даютъ письма, указываютъ лучшихъ людей и мѣста; въ книгахъ недостатокъ; пошлите въ Саратовъ кого-нибудь, чтобы передалъ Софинскому... „сказать Вышеславцевъ—бунтъ", оттуда уже возьметъ и Самара; если удобно переслать въ Самару, то отдать тамъ Осташкину, квартиру его можно узнать у писца губернской управы Дегтярева. Осташ. лозунгъ: „сколько будетъ двадцать и осьмнадцать"? Въ письмѣ отъ 2-го іюля: „здѣсь дѣла идутъ великолѣпно, по книгъ страшный недостатокъ, я уже писалъ объ этомъ... плотники посылаютъ меня на ихъ родину: Корсун. уѣз. (указали мѣста и лицъ), завтра ѣду туда, возвращусь опять сюда... Нельзя ли кого прислать съ книгами?" Въ письмѣ отъ 21-го: „.....обыски прошли благополучно, паники нѣтъ, дѣла идутъ хорошо, недостатокъ лишь въ деньгахъ, въ Сызранскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ я ходилъ, настроеніе отличное, завелъ у крестьянъ два нашихъ пункта... Въ книгахъ страшный недостатокъ, а отъ крестьянъ большой на нихъ запросъ".

Какъ дознаніемъ, такъ и слѣдствіемъ вполнѣ подтвердилось все, что Войноральскій писалъ о своей дѣятельности; цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрено, что во второй половинѣ іюня, познакомившись съ артелью плотниковъ купца Назарова, строившихъ въ г. Самарѣ земскую больницу, Войноральскій и Осташкинъ стали вести между ними пропаганду; какъ Войноральскій, такъ и Осташкинъ читали рабочимъ, между которыми было много крестьянъ Корсунскаго уѣзда, тенденціозныя и революціонныя книги и въ томъ числѣ *Исторію одного французскаго крестьянина* и *Сказку о четырехъ братьяхъ*, и разспрашивали крестьянъ объ ихъ родныхъ и знакомыхъ, вызываясь передать имъ поклоны, причемъ записывали сообщаемые имъ адресы, найденные впослѣдствіи у Войноральскаго при его задержаніи; въ началѣ іюля Войноральскій былъ въ Корсунскомъ и Сызранскомъ уѣздахъ, гдѣ и посѣщалъ крестьянъ, адресы которыхъ были ему указаны въ Самарѣ плотниками артели Назарова.

При дознаніи Войноральскій и Осташкинъ были предъявлены нѣкоторымъ изъ вышеупомянутыхъ плотниковъ, которые и признали въ нихъ лицъ, посѣщавшихъ въ Самарѣ артель и читавшихъ имъ книги.

Войноральскій и Осташкинъ, не отвергая сношеній съ плотниками, не признали лишь чтенія послѣднимъ революціонныхъ книгъ, а Войноральскій, кромѣ сего, объяснилъ, что во время своего путешествія по Корсунскому уѣзду знакомился съ крестьянами и бесѣдовалъ съ ними въ томъ духѣ, который находилъ „возможнымъ", и подъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ знакомства съ міросозерцаніемъ населенія, написалъ въ Москву письмо на имя Шершивадзе (отъ 21-го іюля).

Между тѣмъ, въ то самое время, когда Войноральскій и Осташкинъ пропагандировали въ средѣ плотниковъ, всѣ прочія увлеченныя Войноральскимъ на путь революціонной дѣятельности лица, собиравшіяся въ домѣ Зарывалова, въ квартирѣ Петропавловскаго и Дамаскина, были заняты, по словамъ Никольскаго, перепиской съ другими городами, хлопотали о займѣ денегъ и о пріисканіи другой, болѣе секретной квартиры, и въ это же время Войноральскій (подъ фамиліею Иванова) получилъ три письма, въ которыхъ его извѣщали о томъ, гдѣ и кто арестованъ; въ разговорахъ съ Никольскимъ, Войноральскій и его товарищи порицали правительство и всѣ его распоряженія, говорили о бѣдствіяхъ и нуждахъ народа и предлагали Никольскому, какъ бывшему волостному писарю, вновь занять эту должность и снабдить пропагандистовъ паспортами. Петропавловскій кромѣ сего совѣтовалъ Никольскому читать и далъ ему для прочтенія книги: *Отщепенцы*, *Исторія одного французскаго крестьянина* и *Историческое развитіе интернаціонала*, а отъ Александровскаго Никольскій получилъ впослѣдствіи *Сказку о четырехъ братьяхъ*. Узнавъ, что братъ Никольскаго состоитъ домашнимъ учителемъ на хуторѣ купца Волкова, Войноральскій возымѣлъ намѣреніе идти туда на пропаганду, и, чтобы не вызвать своимъ по-

явленіемъ какихъ-либо подозрѣній, упросилъ Никольскаго написать брату записку, что Никольскій и исполнилъ.

12-го іюля Осташкинъ былъ задержанъ на постояломъ дворѣ Фоминскаго вмѣстѣ съ Коваликомъ, причемъ у него была отобрана записка, писанная тремя разными шифрами, съ адресомъ Ушакова, въ Пензѣ; Пономаревъ былъ задержанъ 21-го іюля въ Самарѣ, причемъ въ квартирѣ, въ которой онъ проживалъ, найдены листы изъ книги *Отщепенцы*, а Петропавловскій былъ арестованъ 5-го августа въ Бузулукскомъ уѣздѣ, въ домѣ своей матери; по обыску у него были найдены книги: *Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ*, *Сказка о четырехъ братьяхъ*, *Очерки фабричной жизни*, *Крестьянскіе выборы*, *Гражданская война во Франціи* и *Исторія одного французскаго крестьянина*.

Осташкинъ, Петропавловскій и Пономаревъ не признали себя виновными.

Относительно дѣятельности прочихъ членовъ кружка слѣдствіемъ выяснено слѣдующее:

Дамаскинъ, передавъ своему товарищу по семинаріи, Боголюбову, *Сказку о четырехъ братьяхъ*, отправился въ Бузулукскій уѣздъ, гдѣ, въ селѣ Павловкѣ и деревнѣ Ивановкѣ, читалъ крестьянамъ ту же сказку, а 8-го августа былъ задержанъ въ селѣ Коноваловкѣ, въ домѣ священника Петропавловскаго, причемъ у него были найдены брошюры *Чтой-то, братцы* и *Программа работниковъ*, Лассаля.

Дамаскинъ не призналъ себя виновнымъ, и во время производства предварительнаго слѣдствія обнаружилъ признаки разстройства умственныхъ способностей.

Иванъ Никольскій, по его собственному показанію, отправился въ Ставропольскій уѣздъ, съ цѣлью пріисканія себѣ мѣста волостного писаря, но, не успѣвъ въ этомъ, вернулся въ Самару, гдѣ изъ членовъ кружка засталъ только Александровскаго, находившагося въ больницѣ, котораго онъ навѣщалъ и которому, по его просьбѣ, возвратилъ полученную отъ него *Сказку о четырехъ братьяхъ*.

Никольскій призналъ себя, какъ виновнымъ въ сношеніи съ лицами принадлежавшими къ противузаконному обществу, составившемуся съ цѣлью революціонной пропаганды, такъ и въ передачѣ Александровскому *Сказки о четырехъ братьяхъ*.

Александровскій велъ, по показанію Никольскаго, пропаганду между крестьянами въ томъ селѣ, гдѣ братъ его служилъ священникомъ, о чемъ Никольскій слышалъ отъ самого Александровскаго, находясь же въ больницѣ въ гор. Самарѣ, Александровскій, какъ это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, читалъ больнымъ *Сказку о четырехъ братьяхъ*.

Александровскій призналъ себя виновнымъ въ чтеніи другимъ лицамъ вышеозначенной книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что преступный характеръ книги не былъ ему извѣстенъ.

Основатель кружка, Порфирій Войноральскій, вскорѣ послѣ возвращенія изъ своего путешествія по Корсунскому и Сызранскому уѣздамъ, вновь отправился на пропаганду въ Ставропольскій уѣздъ, причемъ на этотъ разъ спутницей Войноральскаго явилась Надежда Юргенсонъ.

Прибывъ, какъ сказано выше, изъ Пензы въ Самару для предупрежденія Войноральскаго о грозившей ему опасности, Надежда Юргенсонъ, тщетно разыскивавшая, какъ видно изъ ея показанія, акушерку Иванову, появилась въ квартирѣ Осипова, Филадельфова и Бѣлякова, гдѣ, по удостовѣренію Филадельфова, и прожила нѣсколько дней, причемъ, по ея собственнымъ словамъ, особенно подружилась съ Лазаревымъ. Получивъ отъ Городецкаго записку къ Бодяжину, Юргенсонъ отправилась къ послѣднему въ село Малые-Толкаи, гдѣ, по словамъ Бодяжина, и проживала нѣкоторое время, занимаясь черною работой; изъ показанія Бодяжина оказывается, что Юргенсонъ носила крестьянское платье, называлась крестьянкою Дарьею Трофимовою, ходила дня на три въ деревню Нуштайкино, разговаривала съ крестьянами и имѣла при себѣ книгу *Стенька Разинъ* въ стихахъ. По возвращеніи въ Самару, Юргенсонъ, какъ уже сказано, бывала въ квартирѣ Петропавловскаго и другихъ въ домѣ Зарывалова, встрѣтилась тамъ съ Войноральскимъ и въ половинѣ іюля отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Ставропольскій уѣздъ.

Въ гор. Ставрополѣ у Войноральскаго были двѣ знакомыя личности — мѣщанка Ольга Иванова Сахарова и сельская учительница Марья Степанова Иванова; съ Ивано-

вою Войноральскій познакомился чрезъ сельскаго учителя села Семейкина, Самарскаго уѣзда, Владиміра Попова, нынѣ умершаго, а чрезъ посредство Ивановой завелъ знакомство и съ Сахаровою.

При слѣдствіи Иванова и Сахарова дали о своемъ знакомствѣ съ Войноральскимъ объясненія не только не согласныя между собою, но и противорѣчащія показаніямъ, даннымъ ими при дознаніи. Иванова объяснила, что въ концѣ іюня или началѣ іюля, во время бывшаго въ Самарѣ учительскаго съѣзда, она познакомилась съ Владиміромъ Поповымъ, въ свою очередь познакомившимъ ее съ какимъ-то Ивановымъ, оказавшимся впослѣдствіи Войноральскимъ, съ которымъ она видѣлась всего два раза, однажды на улицѣ, а другой разъ на пароходной пристани, когда онъ уѣзжалъ внизъ по Волгѣ. Въ этотъ послѣдній разъ съ нею были сестры Сахаровы, но она ихъ съ Войноральскимъ не знакомила, а сказала лишь имъ, кто онъ. Сахарова показала что въ Самарѣ не была, на пароходную пристань не ходила, и познакомилась съ Ивановымъ совершенно случайно въ Ставрополѣ. Между тѣмъ, при дознаніи Иванова дала слѣдующее показаніе: учитель села Семейкина, Владиміръ Поповъ, познакомившись съ нею въ Самарѣ, разсказалъ ей, что существуетъ много лицъ, желающихъ установить равенство между людьми, и говорилъ, что для этого нужно сдѣлать бунтъ и ходить въ народъ для подготовленія его; что необходимо отнять землю у богатыхъ и раздѣлить ее между всѣми; обѣщалъ пріѣхать въ Ставрополь для приготовленія мѣстнаго населенія и вообще выражалъ желаніе, устроивъ свои денежныя дѣла, оставить должность сельскаго учителя и идти въ народъ на пропаганду; въ это же время Поповъ познакомилъ ее съ Ивановымъ, который, зная, вѣроятно, отъ Попова, что ей уже все извѣстно, ограничился въ разговорѣ съ нею лишь указаніемъ на то, что слѣдуетъ ходить босикомъ и въ крестьянскомъ платьѣ. Поповъ, придя однажды къ ней на квартиру, спросилъ, нѣтъ ли у нея въ Ставрополѣ знакомыхъ поумнѣе; она указала на Сахаровыхъ, и Поповъ изъявилъ желаніе повидаться съ ними, говоря, что онѣ можетъ быть будутъ энергичнѣе ея, Ивановой, и заставятъ ее согласиться съ его взглядами. Она не согласилась привезти Сахаровыхъ въ Самару, но Сахаровы сами пріѣхали въ этотъ городъ, и такъ какъ въ это время Ивановъ уѣзжалъ въ Корсунь, а Сахаровы изъявили желаніе познакомиться съ нимъ, то она, Иванова, и пошла съ ними на пароходную пристань, гдѣ и познакомила ихъ съ Ивановымъ. Съ своей стороны Сахарова при дознаніи объяснила, что Иванова вернулась въ Ставрополь съ бывшаго въ Самарѣ учительскаго съѣзда очень взволнованною и сообщила, что существуютъ лица, желающія установить равенство между людьми, что у нихъ есть своя типографія, почта, что черезъ два года они произведутъ переворотъ, что ее также приглашали помочь этому дѣлу, и что она объявила, что у нея есть подруги, которыхъ она привезетъ въ Самару. Вслѣдствіе такого разсказа Ивановой, Сахарова отправилась съ нею въ Самару, гдѣ тотчасъ по ихъ прибытіи явился къ нимъ Поповъ, съ которымъ Иванова ее и познакомила, и сказалъ, что Ивановъ уѣзжаетъ, вслѣдствіе чего онѣ пошли на пристань, а тамъ Иванова представила ее Иванову.

Такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что Войноральскій, отправляясь съ Юргенсонъ въ Ставрополь, былъ уже знакомъ съ Ольгою Сахаровою, каковое обстоятельство признано самимъ Войноральскимъ, изъ показанія котораго видно, что, познакомившись съ Сахаровою чрезъ посредство Ивановой на пристани, въ то время когда онъ уѣзжалъ въ Корсунь, онъ обѣщалъ Сахаровой пріѣхать къ ней въ Ставрополь послѣ своего возвращенія въ Самару.

Прибывъ въ Ставрополь, *Войноральскій* и *Юргенсонъ остановились въ квартирѣ* Ивановой, гостившей въ то время, *какъ она объяснила при дознаніи*, у Цвѣтковой въ Саратовѣ; Сахарова, по ея собственнымъ словамъ, *подтвержденнымъ и показаніемъ* Войноральскаго, пришла на квартиру Ивановой, гдѣ *познакомилась съ* Юргенсонъ, выхлопотала себѣ, по удостовѣренію Войноральскаго, вслѣдствіе его о томъ просьбы, видъ на жительство и затѣмъ, вмѣстѣ съ Войноральскимъ и Юргенсонъ, отправилась къ своему знакомому, народному учителю Львү Канаеву, въ *село Васильевку, Вольная-Грязнуха* тожь.

По показанію Канаева, Сахарова, *Войноральскій* и *Юргенсонъ прибыли къ нему* 20-го іюля, причемъ Сахарова отрекомендовала ему *своихъ спутниковъ, какъ людей съ* „новыми убѣжденіями“, и при томъ Войноральскаго—*подъ фамиліей Иванова. Войноральс-*

скій и Юргенсонъ объяснили Капаеву, что по рекомендаціи Сахаровой они считаютъ его за человѣка не глупаго и близко стоящаго къ народу и, слѣдовательно, знающаго его нужды, что такого рода люди имъ очень нужны, такъ какъ чрезъ нихъ посредство можно войти въ непосредственныя сношенія съ народомъ для веденія противуправительственной пропаганды, а затѣмъ Войноральскій сталъ уговаривать Капаева поступить въ число пропагандистовъ и вести пропаганду въ окрестныхъ селахъ, причемъ высказывалъ, что нужно дѣйствовать открыто и вербовать подходящихъ людей для открытаго возстанія противъ существующаго правительственнаго порядка. Когда къ Капаеву зашли крестьяне Иванъ Симаевъ и Иванъ Сергѣевъ (Кузьминъ), то Войноральскій завелъ съ ними рѣчь объ урожаѣ, о повинностяхъ, о надѣлѣ землей и т. п.; говорилъ имъ, что съ крестьянъ взыскиваютъ подати, земли же даютъ мало, что земля сотворена Богомъ и повинностей за нее брать не слѣдуетъ, и что если бы не было начальства, то землю раздѣлили бы поровну и некому было бы платить повинностей. Весь вышеприведенный разговоръ Войноральскаго съ крестьянами Капаевъ слышалъ изъ сосѣдней комнаты и дѣлалъ даже попытку остановить Войноральскаго, но послѣдній настаивалъ на томъ, чтобы пригласить какъ можно больше крестьянъ, которые побойчѣе и поумнѣе; видя безуспѣшность своихъ убѣжденій, Капаевъ отправился кататься на лодкѣ съ Сахаровою и возвратился лишь предъ закатомъ солнца.

Оставшись въ квартирѣ Капаева, Войноральскій собралъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ и, какъ видно изъ показаній послѣднихъ, сталъ говорить имъ, что крестьяне впредь податей платить не будутъ, что они будутъ жить „по волѣ", что землю господскую отдадутъ имъ, и что Царя также не будетъ; доказывалъ, что начальство и господъ слѣдуетъ перевѣшать, а Царя лишить власти, разсказывалъ при этомъ, что такихъ людей, какъ онъ, ходитъ много,—человѣкъ 500, и внушалъ, что солдатъ можно подговорить, такъ какъ у каждаго крестьянина есть между солдатами родственники, и что поэтому солдаты на крестьянъ не пойдутъ.

Пока Войноральскій пропагандировалъ въ домѣ Капаева, Надежда Юргенсонъ занималась тѣмъ же въ сосѣдней деревнѣ Куликовкѣ, гдѣ, по удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, говорила крестьянамъ, что жить имъ трудно, что начальство ихъ притѣсняетъ, что если бы народъ взбунтовался, то было бы свободнѣе, что придетъ время, когда начальство и господъ надо будетъ „порѣшить", и при этомъ читала какую-то книжку.

Опредѣлить какую именно книгу читала крестьянамъ Юргенсонъ свидѣтели не могли, но при дознаніи пояснили, что читанная имъ книжка въ темножелтомъ переплетѣ была похожа на брошюру *Чтой-то, братцы*, но какъ будто поменьше послѣдней, и что въ ней говорилось и о какомъ-то кровопролитіи, и о солдатахъ, о томъ, что волю крестьянамъ дали не настоящую, что господъ и начальство не нужно, и что Царя тоже не надо.

Братъ Льва Капаева, Егоръ Капаевъ, съ своей стороны удостовѣрилъ, что у Юргенсонъ была книжка небольшого формата, безъ заглавія, каковую книгу онъ, Егоръ Капаевъ, просмотрѣлъ и убѣдился, что она противуправительственнаго содержанія.

Сопоставляя показанія крестьянъ деревни Куликовки съ объясненіемъ Егора Капаева, есть полное основаніе признать, что книга, которую Юргенсонъ читала крестьянамъ, была *Сказка о четырехъ братьяхъ*, переплетенная безъ заглавнаго листа.

Между тѣмъ крестьяне, съ которыми разсуждалъ Войноральскій въ домѣ Капаева, расходясь по домамъ, что было уже къ вечеру, порѣшили заявить о происходившемъ сельскому старостѣ. Староста прибылъ въ домъ Капаева, гдѣ находилась также и Юргенсонъ, вернувшаяся къ тому времени изъ деревни Куликовки, и потребовалъ у Войноральскаго и Юргенсонъ предъявленія видовъ на жительство: Войноральскій объявилъ, что у него паспорта нѣтъ, а Юргенсонъ предъявила свой видъ на жительство, который и былъ отнесенъ старостой къ мѣстному священнику, а затѣмъ къ дому Капаева былъ приставленъ караулъ.

Находясь подъ арестомъ въ квартирѣ Капаева, Войноральскій написалъ шифрованную записку, найденную впослѣдствіи у него при обыскѣ; по разборѣ шифра, записка оказалась слѣдующаго содержанія: „Деревня Грязнуха, Ставропольскаго уѣзда. Сейчасъ меня арестовали; убѣдительно прошу Каменьскаго и другихъ всѣ мои деньги употребить на народное дѣло и выдавать тому, кто предъявитъ этотъ шифръ. Это мое послѣднее

завѣщаніе. Работайте же энергичнѣе по нашему дѣлу! Другъ Порфирій. 21-го іюля 1874 г.“

Приставленные къ дому Канаева караульные, видя, что утромъ ихъ не смѣняютъ, разошлись, а Войноральскій и Юргенсонъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, скрылись. О бѣгствѣ названныхъ лицъ Канаевъ узналъ отъ Сахаровой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ разсказала ему, что передала Юргенсонъ свой видъ на жительство.

Сахарова, не признавая себя виновною, объяснила, что ей неизвѣстно какимъ образомъ ея паспортъ оказался въ рукахъ Юргенсонъ.

По обыску у Сахаровой найдены письма Софьи Перовской, въ которыхъ послѣдняя приглашала Сахарову пріѣхать въ Петербургъ, причемъ упоминала о сестрахъ Корниловыхъ.

Черезъ три дня послѣ своего бѣгства изъ Грязнухи, а именно 24-го іюля, Войноральскій и Юргенсонъ были задержаны въ гор. Самарѣ, въ домѣ Дудинцова, въ квартирѣ солдатской дочери Кирилловой, знакомой Павла Чернышева и Филадельфова. Юргенсонъ, при задержаніи ея, выдала себя за Ольгу Сахарову и предъявила видъ на жительство послѣдней.

При обыскѣ у Войноральскаго, въ карманѣ его пальто были найдены двѣ карты Самарской губерніи и пять листовъ шифрованныхъ записокъ, въ числѣ которыхъ находилась и написанная Войноральскимъ въ с. Грязнухѣ; по разборѣ остальныхъ записокъ, въ нихъ оказались адресы: Софинскаго, Миллера, Рабиновича (Лемени), Пономарева, Дегтярева, Осташкина, Мейера, Мышкина (Зензинова), Грибоѣдова, Духовского въ Нижнемъ, Иванчина-Писарева, Блавдзевичъ, Паевскаго, Павла Григорьева, Артамонова (Нины Ивановой Сергѣевой) и крестьянъ Симбирскаго и Корсунскаго уѣздовъ, а также ключъ къ шифру: „Пустынной Волги берега темнѣютъ черныхъ юртъ рядами желѣзной финогеша Щебальскій“.

Юргенсонъ, отрицая свою виновность, объяснила, между прочимъ, что познакомилась съ Войноральскимъ въ Петербургѣ, въ февралѣ 1874 г., и что ея поѣздки въ Пензу и Самару были вызваны желаніемъ испробовать на себѣ самой различныя условія общественной жизни и испытать положеніе работницы, учительницы и т. д., что она и не скрывала.

Между тѣмъ, послѣ ареста Юргенсонъ, въ Самарѣ было получено письмо ея матери, въ которомъ послѣдняя писала дочери: „я узнала, что адресъ, данный тобою для переписки, былъ ложный. Письмо твое отъ 23-го мая получено. Ты пишешь, что ты въ Москвѣ, между тѣмъ на конвертѣ стоитъ Пенза. Изъ всего этого я вижу, что ты все врешь“.

Порфирій Войноральскій на предложенный ему при слѣдствіи вопросъ о томъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, отвѣчать отказался.

Такимъ образомъ, большинство революціонныхъ дѣятелей, ушедшихъ въ народъ весной 1874 г., было задержано къ осени того же года, и уже въ августѣ, въ письмѣ, подписанномъ „Раскольникова“, Ободовская, констатируя неуспѣхъ пропаганды, писала слѣдующее: „Тяжело то, другъ, что большинство личностей, несмотря на единичные и серіозные ошибки и провалы, несмотря на множество поучительныхъ для себя фактовъ, не становятся искренними, прямыми, безпристрастными аналитиками всего происшедшаго въ этотъ годъ; никто почти не сводитъ серьезно счетовъ съ собою и съ тѣмъ общимъ цѣлымъ въ его содержаніи и формахъ, которое успѣло достаточно выразиться и характеризоваться крайне грустно, даже мрачно.... Не принимая сама непосредственнаго участія въ попыточной практикѣ, я тѣмъ не менѣе наблюдала и переживала цѣлое въ его частностяхъ, простыхъ и болѣе сложныхъ, которыми оно разрѣшалось отъ поры до времени; изъ нихъ я составила понятіе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ теперь народное дѣло, и вижу я—живого намъ дѣла теперь вовсе нѣтъ даже въ живомъ зародышѣ.... Наши пропагандисты пропорхнули по Руси и нигдѣ не пристроились, потому, вишь, что все имъ мѣстности попадались неблагодарныя; имъ приходилось отказаться отъ прежней сладкой надежды, что, ничего не дѣлая, живя на чужой счетъ, ведя праздную жизнь въ средѣ рабочаго люда, они могутъ дѣлать что-нибудь путное.... Вотъ и не выходили они себѣ ничего со своими особыми, несвоевременными требованіями.... Тысячи истратили они на

свои демократо-туристскія странствованія, анархисты же главнымъ образомъ занялись организаціей провинціальнаго юношества для немедленнаго поднятія революціи.... Теперь же народъ не знаютъ и a priori рѣшаютъ: писать книжки нужно, а о чемъ, не знаютъ.... они думаютъ отдуваться книжками, сочиняемыми ими, которыя болѣе мечтаютъ о народѣ, чѣмъ знаютъ его. Запасшись ими, побаловавшись мастерскими одинъ, два мѣсяца, они отправятся на дѣло. Опять начнется старая пѣсня. Всѣ страшные провалы, кои были до сихъ поръ, не научили, какъ видно, ничему товарищей нашихъ.... Провалъ прокламаціонистовъ, провалъ съ рабочими фабричными и заводскими, провалъ съ крестьянами въ Ярославской губерніи,—ничего не указали.... Московскій погромъ: Войноральскій нашелъ типографію, которая взялась печатать нецензурныя вещи, тюки съ книгами пересылались въ Саратовъ, одинъ попался, съ этого началось дѣло ... въ Москвѣ арестованы двѣ Лебедевы, Дубенскіе братъ и сестра, пять наборщицъ..... (какъ гласятъ слухи, еще арестованъ Войнор. бар. и Варя, давно уже взятъ Коваликъ въ Самарѣ... въ Питерѣ пока тихо—ждемъ)".

По окончаніи предварительнаго слѣдствія Николай Стронскій умеръ отъ паралича сердца. Неизвѣстный человѣкъ, задержанный въ Харьковѣ и называвшій себя Павломъ Александровымъ, заявилъ, что онъ—крестьянинъ Московской губерніи, дер. Шелковой, Иванъ Осиповъ Союзовъ, а Юлія Семенова (Прушакевичъ), Евгеній Іогансонъ и Аронъ Павловскій скрылись. Въ квартирѣ Павловскаго, при охраненіи его имущества, было найдено письмо изъ Таганрога, отъ 14 сентября, подписанное буквами „Е" и повидимому „З", въ которомъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста, объясняющія причину измѣненія нѣкоторыми лицами показаній, данныхъ при дознаніи: „Письмо твое мнѣ хуже ножа въ сердце. Ты себѣ и представить не можешь, какъ ты меня обидѣлъ. Я тебѣ разсказывалъ, какія я давалъ показанія въ тюрьмѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что тебѣ были представлены эти показанія. Въ іюнѣ же 1875 г. я далъ показанія какія были посланы Егоръ Павловичемъ; въ достовѣрности этого можешь убѣдиться, спросивъ у своей матери, она же и отсылала ихъ даже на почту и отправила мои показанія, которыя ей предварительно прочелъ. Показанія эти были составлены мною съ помощью Вари по даннымъ, присланнымъ мнѣ изъ Питера, эти же показанія я подтвердилъ у таганрогскаго слѣдователя.... Если примутся во вниманіе только мои тюремныя показанія, то, конечно, остается винить мою неопытность и болѣзненное состояніе, въ которомъ я находился въ тюрьмѣ".

Независимо отъ вышеизложеннаго, слѣдствіемъ обнаружены отдѣльные случаи распространенія книгъ революціоннаго содержанія въ Вятской и Орловской губерніяхъ и въ городѣ Москвѣ.

Въ іюлѣ 1875 г., въ гор. Вяткѣ, въ квартирѣ сапожнаго мастера Гаврилы Германа Прокопьева, какъ удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, происходили, въ присутствіи постороннихъ лицъ, чтенія книгъ революціоннаго содержанія, въ томъ числѣ и *Исторіи одного французскаго крестьянина*. Читали книги: проживавшій нѣкоторое время у Прокопьева писарь Дебесской мѣстной команды, бывшій ученикъ Вятскаго земскаго техническаго училища, Арсеній Аѳанасьевъ Леонтьевъ и, по показанію малограмотнаго Прокопьева, находившійся у него въ обученіи 15-тилѣтній крестьянскій мальчикъ Матвѣй Хорошавинъ; кромѣ сего Прокопьевъ передалъ другому лицу для чтенія *Пѣсенникъ*.

Прокопьевъ и Леонтьевъ не признали себя виновными, между тѣмъ, изъ показанія самого Леонтьева видно, что имъ была привезена къ Прокопьеву тенденціозная книга—*Очерки фабричной жизни*, а свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что Прокопьевъ хвалилъ читавшіяся у него книги, доказывалъ пользу таковыхъ и объяснялъ, что „Царской фамиліи, начальства и чиновниковъ не будетъ, и что чрезъ три года или черезъ десять лѣтъ будетъ въ Россіи бунтъ и явится какой-нибудь Стенька Разинъ, который и пойдетъ за насъ".

По обыску у Прокопьева найдены книги: *Исторія одного французскаго крестьянина*, *Дѣдушка Егоръ*, *Стенька Разинъ*, *Степные очерки*, *Очерки фабричной жизни*, *Гришка Отрепьевъ* и *Пѣсенникъ*.

По показанію Хорошавина, изъ числа найденныхъ у Прокопьева книгъ—*Исторія одного французскаго крестьянина*, *Дѣдушка Егоръ*, *Степные очерки*, *Стенька Разинъ* и *Пѣсенникъ* были получены имъ, Хорошавинымъ, отъ сельской учительницы села Камышинскаго, Орловскаго уѣзда, Анны Васильевой Якимовой, у которой онъ учился и которая платила за обученіе его сапожному мастерству у Прокопьева.

Якимова не признала передачу Хорошавину вышепоименованныхъ книгъ, но обыску же у нея найдены: *Дѣдушка Егоръ*, *Стенька Разинъ* и *Сказка о четырехъ братьяхъ*, въ имѣніи каковыхъ книгъ Якимова и признала себя виновною, объяснивъ, что первую изъ нихъ она купила въ книжномъ магазинѣ, а двѣ послѣднія—на толкучемъ рынкѣ.

Кромѣ сего, у Якимовой найденъ отрывокъ письма, въ которомъ упоминается о Клавдіи Кувшинской, у коей, какъ сказано выше, проживала нѣкоторое время Клеопатра Осипова (Лукашевичъ).

Въ январѣ 1875 г., въ Москвѣ, къ рабочему фабрики Гюбнера, крестьянину Николаю Скворцову явился неизвѣстный ему человѣкъ, который, ссылаясь на земляка Скворцова, крестьянина Ивана Андреева, изъявилъ желаніе получить мѣсто слесаря на фабрикѣ и пригласилъ Скворцова въ трактиръ, гдѣ предложилъ ему дать книгъ для чтенія, обѣщая придти вечеромъ въ трактиръ съ товарищемъ; дѣйствительно, вечеромъ того же дня Скворцовъ засталъ въ трактирѣ неизвѣстнаго съ товарищемъ и получилъ вновь приглашеніе явиться 18-го января въ трактиръ Эривань. Подозрѣвая въ дѣйствіяхъ неизвѣстнаго противозаконную цѣль, Скворцовъ заявилъ о вышеизложенномъ жандармскому управленію, и 18-го января явился въ трактиръ Эривань съ приглашеннымъ, по совѣту квартальнаго надзирателя, лавочникомъ Степаномъ Ноздринымъ. По удостовѣренію Скворцова и Ноздрина, неизвѣстный, котораго они застали уже въ трактирѣ, угостилъ ихъ чаемъ и сталъ доказывать, что правительство притѣсняетъ народъ и тратитъ непроизводительно деньги, что правительство вовсе не нужно и, что если бы народъ управлялся самъ, то жилъ бы богато, послѣ чего пригласилъ Ноздрина въ ретирадное мѣсто и передалъ ему тамъ *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, *Сказку о четырехъ братьяхъ* и *Стеньку Разина*; задержанный находившимся въ трактирѣ полицейскимъ неизвѣстный былъ препровожденъ въ мѣстное жандармское управленіе, причемъ дорогой пытался бѣжать.

Задержанный человѣкъ назвался первоначально Михаиломъ Ѳедоровымъ, но впослѣдствіи объяснилъ, что онъ сынъ заштатнаго дьячка, Михаилъ Ѳедоровъ Грачевскій, имѣвшій намѣреніе поступить въ Технологическій Институтъ въ Петербургѣ, работавшій тамъ же на заводѣ Струбинскаго и въ ноябрѣ прибывшій въ Москву.

Грачевскій призналъ себя виновнымъ въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія.

Изъ показанія Скворцова видно, что въ ноябрѣ 1874 г., встрѣтивъ Ивана Андреева, на котораго сослался Грачевскій, и знакомаго Андреева Ивана Осипова, онъ вмѣстѣ съ ними пошелъ сначала въ трактиръ, а потомъ на фабрику, гдѣ Осиповъ читалъ *Сказку о четырехъ братьяхъ*, которую и передалъ ему вмѣстѣ съ двумя другими книгами — *Пѣсенникомъ* и *Исторіей одного французскаго крестьянина*. При дознаніи Скворцовъ объяснилъ, что Андреевъ и Осиповъ жили на одной квартирѣ, въ Козицкомъ переулкѣ, въ домѣ Цикина, каковой адресъ найденъ у Петра Осипова Союзова, въ деревнѣ Шелковой, изъ чего слѣдуетъ заключить, что Иванъ Осиповъ, передавшій Скворцову революціонныя книги, былъ Иванъ Осиповъ Союзовъ, который, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній, въ томъ же 1874 г. приходилъ два раза на родину съ товарищемъ, пѣлъ революціонныя пѣсни и оставилъ у своего брата преступнаго содержанія стихотворенія и книги.

Въ мартѣ 1875 г., въ Ливенскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, была обнаружена агитаторская дѣятельность наставника Гатищенскаго сельскаго училища, Павла Трудковскаго, состоявшая какъ въ словесной пропагандѣ революціонныхъ идей въ средѣ мѣстнаго населенія, такъ и въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія. По обыску у Трудковскаго были найдены книги: *Историческое развитіе интернаціонала*, *Что дѣлается на родинѣ*, *Лѣтопись рабочаго движенія*, *Прибавленіе А*, *Впередъ* и нѣ-

сколько тенденціозныхъ книгъ, а также нѣсколько рукописныхъ стихотвореній изъ *Пѣсенника* и клочекъ бумаги съ вопросами: „Есть ли въ окрестностяхъ заводы и какіе именно? Какъ велики поборы за церковныя требы? Каковы отношенія крестьянъ къ духовенству? Въ какихъ отношеніяхъ крестьяне находятся къ старшинѣ и писарю“? и такъ далѣе.

Сынъ дьякона Павелъ Никаноровъ Трудковскій далъ вполнѣ невѣроятныя объясненія о способѣ пріобрѣтенія найденныхъ у него книгъ, утверждая, что таковыя были незавѣдомо для него положены въ его вещи неизвѣстною личностью, назвавшеюся Новиковымъ, во время проѣзда по Грязе-Орловской желѣзной дорогѣ; отвергая затѣмъ злонамѣренное распространеніе книгъ и пропаганду революціонныхъ идей, Трудковскій не призналъ себя ни въ чемъ виновнымъ.

Между тѣмъ, изъ показаній нѣсколькихъ свидѣтелей оказывается, во 1-хъ, что Трудковскій давалъ читать и самъ читалъ другимъ лицамъ *Хитрую механику*, *Сказку о четырехъ братьяхъ* и найденныя у него при обыскѣ стихотворенія, въ числѣ которыхъ были и стихи: *Ужъ какъ шелъ кузнецъ*, и, во 2-хъ, что Трудковскій въ разговорахъ съ нѣкоторыми мѣстными жителями проводилъ антирелигіозныя убѣжденія и рѣзко отзывался о правительствѣ, порицалъ установленные имъ порядки и восхвалялъ чужестранные.

Сверхъ сего, подсудимые Волховской, Ларіоновъ и Эндауровъ, а также отставной коллежскій регистраторъ Всеволодъ Лопатинъ обвиняются въ нижеслѣдующихъ преступныхъ дѣяніяхъ.

21-го ноября 1874 г., содержавшійся подъ стражею въ Московскомъ тюремномъ замкѣ Феликсъ Волховской, возвращаясь въ замокъ изъ жандармскаго управленія, бросилъ въ глаза сопровождавшему его жандарму Баранову нюхательный табакъ и пытался скрыться, но былъ задержанъ.

Волховской сознался, что покушеніе на побѣгъ было имъ совершено по заранѣе обдуманному плану, для приведенія котораго въ исполненіе онъ и запасся нюхательнымъ табакомъ и просилъ вызвать его въ жандармское управленіе; при этомъ Волховской объяснилъ, что о намѣреніи его совершить побѣгъ никому не было извѣстно.

Послѣднее объясненіе Волховского представляется несогласнымъ съ обстоятельствами дѣла, изъ которыхъ оказывается, что въ побѣгѣ Волховского принималъ дѣятельное участіе отставной коллежскій регистраторъ Всеволодъ Лопатинъ.

По удостовѣренію жандарма Баранова, Волховской былъ отправленъ изъ жандармскаго управленія въ тюремный замокъ около двухъ часовъ пополудни; въ это же время Лопатинъ, подойдя къ биржѣ у трактира Тѣстова, обратился къ извозчикамъ съ вопросомъ, у кого изъ нихъ хорошая лошадь, и взялъ безъ ряды извозчика Пареена Михайлова, сказавъ, что укажетъ куда нужно ѣхать. По указаніямъ Лопатина, Михайловъ поѣхалъ по Петровкѣ, по Страстному бульвару, по Малой Дмитровкѣ и Новой Слободѣ; доѣхавъ до перекрестка съ Селезневской улицею, Лопатинъ велѣлъ ѣхать назадъ, и доѣхавъ до церкви Св. Николая, вновь приказалъ повернуть и ѣхать шибче. Пріѣхавъ на площадку предъ самымъ тюремнымъ замкомъ, гдѣ въ это время, по показанію Михайлова, жандармъ и городовой барахтались на землѣ съ Волховскимъ, Лопатинъ закричалъ „стой“, выскочилъ изъ саней, оттолкнулъ городового разжалъ руки жандарму и оттащилъ его отъ Волховского, который, вскочивъ на ноги, бросился бѣжать, Лопатинъ же вскочилъ въ сани и крикнулъ „пошелъ“, но былъ задержанъ, равно какъ и Волховской.

Лопатинъ, не отвергая своего знакомства съ Волховскимъ, съ которымъ нѣкоторое время жилъ даже на одной квартирѣ, объяснилъ, что ему не было даже извѣстно нахожденіе Волховского въ Москвѣ; по словамъ Лопатина, онъ дорогой въ Петровскую Академію увидѣлъ совершенно случайно предъ тюремнымъ замкомъ, что жандармъ и городовой бьютъ кого-то, началъ ихъ отъ этого останавливать, и узналъ Волховского только тогда, когда послѣдній, поднявшись съ земли, бросился бѣжать; ѣзду же свою взадъ и впередъ предъ тюремнымъ замкомъ Лопатинъ объяснилъ тѣмъ, что забывъ адресъ знакомаго, съ которымъ хотѣлъ ѣхать въ Академію, хотѣлъ вернуться домой, но вспомнивъ таковой адресъ, вновь рѣшилъ ѣхать въ Академію.

Такое показаніе Лопатина, неправдоподобное само по себѣ, представляется несогласнымъ съ изложенными выше обстоятельствами дѣла, не оставляющими никакого сомнѣнія въ томъ, что Лопатинъ дѣйствовалъ по предварительному соглашенію съ Волховскимъ.

Лопатинъ, какъ видно изъ его же показанія, былъ исключенъ въ 1869 году изъ Московскаго университета и высланъ подъ надзоръ полиціи въ городъ Ставрополь.

---

23 декабря 1873 года, высланный изъ Петербурга въ городъ Вельскъ, Вологодской губерніи, за неимѣніе опредѣленныхъ занятій и средствъ къ жизни, личный почетный гражданинъ Петръ Ѳедоровъ Ларіоновъ, вмѣстѣ съ лишеннымъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сосланнымъ на житье въ Вологодскую губернію Иваномъ Львовымъ Терликовымъ, скрылись изъ города Вельска, похитивъ принадлежавшую крестьянкѣ Дьяконовой лошадь съ упряжью и санями.

Ларіоновъ, признавая, что ѣхалъ изъ Вельска на украденной лошади, объяснилъ, что лошадь была похищена Терликовымъ, по соглашенію съ нимъ, Ларіоновымъ, ожидавшимъ прибытія Терликова съ лошадью у выѣзда изъ города; вышеозначенная лошадь была впослѣдствіи продана Ларіоновымъ, какъ видно изъ показанія Терликова, въ какой-то деревнѣ за три станціи до гор. Вологды.

Въ началѣ 1874 года Петръ Ларіоновъ появился въ Корчевскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, гдѣ нѣкоторое время занимался письмоводствомъ въ Горицкомъ волостномъ правленіи, въ качествѣ помощника волостного писаря.

Въ концѣ января Ларіоновъ получилъ отъ крестьянъ Горицкой волости Филиппа Ѳедорова, Ефима Степанова и Василія Иванова довѣренность на веденіе ихъ дѣла съ помѣщикомъ Новокщеновымъ о выкупѣ усадебной земли съ правомъ полученія, откуда будетъ слѣдовать, денегъ для передачи таковыхъ крестьянамъ.

Въ силу означенной довѣренности Ларіоновъ получилъ 4-го февраля 1874 года изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства 240 р., внесенныхъ крестьянами на предметъ выкупа усадебной земли и подлежавшихъ возврату крестьянамъ, о чемъ послѣдніе были поставлены въ извѣстность корчевскимъ полицейскимъ управленіемъ.

По полученіи означенныхъ денегъ, Ларіоновъ скрылся, и былъ задержанъ въ Кіевской губерніи, вслѣдствіе павшаго на него обвиненія въ государственномъ преступленіи.

Ларіоновъ призналъ себя виновнымъ въ присвоеніи вышеупомянутыхъ 240 руб. и объяснилъ, что по полученіи изъ казначейства денегъ онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ истратилъ рублей 50 на покупку платья и книгъ, остальныя же деньги онъ или потерялъ въ маскарадѣ въ Большомъ театрѣ, или же таковыя были у него украдены.

Саратовская судебная палата 30-го іюля 1873 г. донесла Правительствующему Сенату, что у городищенскаго мирового судьи Эндаурова, по распоряженію мѣстнаго мирового съѣзда, произведена была внезапная ревизія денежныхъ суммъ, книгъ и документовъ, причемъ оказалось, что деньги, оставшіяся послѣ покойнаго технолога Васильева въ количествѣ 3.275 р. 97 к. и хранившіяся въ казначействѣ, получены и записаны въ книгѣ мирового судьи Эндаурова 19-го сентября 1872 г.; изъ нихъ выдано того же числа Колокольцевой 1.212 р. 45 к. с., купцу Путову 703 р. 60 к., а остальные: 1.359 р. 92 к. выданы Думѣ, по отношенію ея отъ 25-го августа 1872 г. Между тѣмъ, изъ доставленныхъ свѣдѣній было усмотрѣно, что мировымъ судьей было взято изъ казначейства изъ сказанныхъ 3.275 р. 97 к. до 19-го сентября, а именно: 3-го іюня—200 р., 9-го іюня—200 р., 24-го іюня—100 р., 30-го іюня—100 р., 4-го іюля—200 р., 15-го іюля—300 руб. и 4-го августа—300 р., всего 1.400 руб., которые, по книгѣ судьи, на приходъ записаны не были и до 19-го сентября оставались въ рукахъ его безгласными, и которые онъ, если бъ они были на-лицо, могъ выдать Думѣ по означенному требованію ея 25-го августа, но деньги эти поступили запиской въ книгу судьи уже 19-го сентября, при полученіи имъ изъ казначейства послѣдней суммы 1.895 р. 62 к., въ общей суммѣ 3.275 р. 97 к., Думѣ же послѣдовала выдача въ количествѣ 1.359 р. 92 к. 10-го октября 1872 года. О

вышеизложенномъ Городищенскій мировой съѣздъ сообщилъ судебной палатѣ, которая, по истребованіи отъ Эндаурова объясненій, нашла, что объясненіе Эндаурова о желаніи его чрезъ заблаговременное приготовленіе денегъ удовлетворять разныхъ кредиторовъ Васильева, обратившихся къ нему со словесными ходатайствами и обѣщавшихъ немедленно представить исполнительные листы отъ Пензенскаго окружнаго суда, не согласуется съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Эндауровъ, несмотря на повторительное требованіе судебной палаты, затруднился, повидимому, даже поименовать этихъ лицъ въ своихъ представленіяхъ, и что на самомъ дѣлѣ съ исполнительными листами являлись только два лица, и при томъ на суммы болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя были заблаговременно взяты имъ изъ казначейства, и что ссылка Эндаурова на невозможность удовлетворенія требованія Думы отъ 25-го августа ранѣе 10-го октября, вслѣдствіе отъѣзда его изъ участка, не подтверждается, потому что, какъ видно изъ дѣла, Эндауровъ находился въ отъѣздѣ изъ участка только съ 8-го по 15-е сентября и съ 20-го сентября по 7-е октября, деньги же въ надлежащемъ для удовлетворенія Думы количествѣ были ранѣе взяты Эндауровымъ изъ казначейства, но никому не выданы. Посему, усмотрѣвъ въ вышеизложенномъ признаки преступленій, указанныхъ въ I ч. 354 ст. и II ч. 356 ст. Улож. о Наказ., судебная палата представила о дѣйствіяхъ Эндаурова на усмотрѣніе Правительствующаго Сената, который указами отъ 21-го октября и 3-го декабря 1873 года предписалъ Пензенскому окружному суду командировать одного изъ своихъ членовъ для производства по настоящему дѣлу предварительнаго слѣдствія.

Изъ собранныхъ слѣдствіемъ данныхъ оказывается: 1) что первое обвиненіе доказывается слѣдующими данными: а) сознаніемъ Эндаурова въ томъ, что онъ, истребовавъ изъ мѣстнаго казначейства въ разное время, начиная съ 3-го іюня по 3-е августа 1872 года, въ семь разъ, 1.400 руб., принадлежавшихъ Васильеву, дѣйствительно не записывалъ ихъ на приходъ въ денежную книгу до 19-го сентября 1872 года; б) приложенными къ дѣлу 7-ю отношеніями Эндаурова въ Городищенское уѣздное казначейство, изъ которыхъ усматривается, что Эндауровъ получилъ изъ казначейства въ періодъ времени съ 9-го іюня по 3-е августа 1.400 руб. изъ денегъ, хранившихся въ депозитѣ его и оставшихся послѣ смерти технолога Васильева; в) денежною книгой мирового судьи 1 участка Городищенскаго уѣзда на записку партикулярныхъ суммъ, изъ которой видно, что деньги, принадлежавшія умершему Васильеву, въ количествѣ 3,275 р. 90 к., значатся на приходъ записанными по ст. 13 и полученными 19-го сентября 1872 года, и 2) что по второму обвиненію оказались слѣдующія улики: а) Эндауровъ, получивъ изъ казначейства разновременно 1.400 р. изъ денегъ, принадлежавшихъ Васильеву, и не записавъ ихъ на приходъ, не имѣлъ къ этому требованію никакихъ рѣшительно основаній, такъ какъ къ нему въ этотъ періодъ времени никто не обращался съ ходатайствомъ о выдачѣ денегъ и притомъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ 7 разъ были имъ вытребованы изъ казначейства означенныя деньги; б) мировые судьи Городищенскаго уѣзда Арапрвъ, Мотовиловъ, Литвиновъ при слѣдствіи показали, что когда до нихъ дошелъ слухъ, неизвѣстно откуда исходящій, о растратѣ Эндауровымъ ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ, то отъ имени всѣхъ членовъ Городищенскаго съѣзда было отослано Эндаурову письмо, въ которомъ просили его оставить службу и пополнить растрату. Послѣ отправленія этого письма Литвиновъ видѣлся съ Эндауровымъ, и послѣдній сознавался ему въ растратѣ; в) 25-го августа 1872 года, за № 827, Городищенская городская дума сообщила Эндаурову о высылкѣ ей 1.359 руб. 95 коп. изъ денегъ, оставшихся послѣ смерти Васильева; Эндауровъ выдалъ эти деньги лишь 10-го октября, несмотря на то, что въ августѣ мѣсяцѣ у него на рукахъ изъ капитала Васильева находилось 1.400 р. с.

Разсмотрѣвъ слѣдственное производство объ Эндауровѣ, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: мирового судью 1-го участка Городищенскаго уѣзда Эндаурова предать суду Саратовской судебной палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 356 ст. и 1 ч. 354 ст. Ул. о Нак.

Вслѣдствіе рапорта Саратовской судебной палаты о томъ, что Эндауровъ обвиняется въ государственномъ преступленіи, Правительствующій Сенатъ, указомъ отъ 2-го мая 1875 года, далъ знать палатѣ, что дѣло Эндаурова, по обвиненію послѣдняго въ преступленіи по должности, подлежитъ дальнѣйшему направленію въ порядкѣ, указанномъ ст. 3-й

Высочайше утвержденныхъ 7-го іюня 1872 г. правилъ о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ.

Дворянинъ Викторъ Костюринъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ дѣлу о покушеніи на убійство Гориновича.

На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются:

I. Дворянинъ Александръ Константиновъ *Артамоновъ*, дворянка Елена Иванова *Аверкіева*, мѣщанинъ Соломонъ Лейбовъ *Аранзонъ*, дворянинъ Давыдъ Александровъ *Аитовъ*, дворянка Олимпіада Григорьева *Алексѣева*, дочь губернскаго секретаря Анна Васильева *Андреева*, сынъ дьякона Иванъ Ивановъ *Ареопагитскій*, сынъ причетника Алексѣй Андреевъ *Александровскій*, мѣщанинъ Павелъ Эрастовъ *Александровъ*, дворянинъ Николай Михайловъ *Аносовъ*, дворяне: Иванъ и Клеопатра Павловы *Благдзевичъ*, крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, села Бѣлой-Каменки, Иванъ Ивановъ *Бѣляковъ*, дворянка Екатерина Константинова *Брешковская*, дворянинъ Николай Михайловъ *Барковъ*, дворянинъ Василій Александровъ *Бенецкій*, мѣщанинъ Дмитрій Андреевъ *Бородулинъ*, дворянинъ Гавріилъ Георгіевъ *Божко-Божинскій*, крестьянинъ Самарской губерніи, села Малаго-Толкая, Романъ Андреевъ *Бодяжинъ*, крестьянинъ Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, села Богородскаго, Николай Ѳедоровъ *Биткинъ*, крестьянинъ Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, Копринской волости, деревни Люшнова, Сергѣй Ивановъ *Виноградовъ*, дворянка Варвара Ивановна *Ваховская*, сынъ священника Николай Евгеніевъ *Введенскій*, мѣщанинъ Порфирій Ивановъ *Войноральскій*, жена его Надежда Павлова *Войноральская*, дворянинъ Феликсъ Вадимовъ *Волховской*, дворянка Марія Иванова *Веревочкина*, дворянинъ Александръ Александровъ *Волкенштейнъ*, сынъ священника Петръ Петровъ *Воскресенскій*, сынъ колониста Саратовской губерніи Иванъ Ивановъ *Гаугнштейнъ*, дворянинъ Сергѣй Сергѣевъ *Голоушевъ*, дворянка Марія Эдуардова *Гейшторъ*, дворянинъ Юрій Николаевъ *Говоруха-Отрокъ*, дворяне: Левъ Сергѣевъ и Вѣра Николаева *Городецкіе*, дворянинъ Митрофанъ Александровъ *Гриценковъ*, забайкальскій казакъ Николай Ивановъ *Глушковъ*, сынъ причетника Николай Алексѣевъ *Граціановъ*, почетный гражданинъ Николай Елисѣевъ *Гориновичъ*, дворянинъ Аркадій Алексѣевъ *Головинъ*, дворянинъ Леонидъ Ивановъ *Голиковъ*, мѣщанинъ Иванъ Іоновъ *Глушковъ*, дворянинъ Иванъ Ивановъ *Добровольскій*, сынъ священника Иванъ Ивановъ *Добровъ*, дворянинъ Леонидъ Аполлоновъ *Дическуло*, дворянинъ Алексѣй Алексѣевъ *Дробышъ-Дробышевскій*, дворянинъ Викторъ Александровъ *Даниловъ*, сынъ священника Михаилъ Александровъ *Духовской*, крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, села Кротовки, Степанъ Николаевъ *Дегтяревъ*, отставной штабсъ-капитанъ Егоръ Егоровъ *Емельяновъ*, крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, Алексѣевской волости, деревни Ѳедоровки, Никифоръ Ивановъ *Емельяновъ*, дворянка Елизавета Ѳедорова *Ермолаева*, дворяне: Николай Паулиновъ и Ольга Иванова *Войминъ-Мурдасъ-Жилинскіе*, дворяне: Сергѣй и Владиміръ Александровы *Жебуневы*, крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, деревни Сухмановки, Андрей Ивановъ *Желябовъ*, дочь подполковника Лариса Тимоѳеева *Заруднева*, сынъ дьякона Алексѣй Егоровъ *Знаменскій*, дворянка Евгенія Флоріанова *Завадская*, дочь майора Софья Андреева *Иванова*, почетная гражданка Александра Иванова *Корнилова*, дочь священника Анна Дмитріева *Кувшинская*, дворянинъ Михаилъ Васильевъ *Купріяновъ*, дворянинъ Иванъ Ивановъ *Козачекъ*, дворянинъ Сергѣй Филипповъ *Коваликъ*, сынъ священника Павелъ Ефимовъ *Князевскій*, дворянинъ Александръ Александровъ *Кадьянъ*; мѣщанинъ Михаилъ Никитинъ *Кацъ*, сынъ губернскаго секретаря Петръ Васильевъ *Кротоновъ*, сынъ лѣкарскаго помощника Семенъ Ивановъ *Корабельниковъ*, писарь Шуйской уѣздной команды Алексѣй Ивановъ *Комовъ*, дворянинъ Эдуардъ Юліановъ *Каменскій*, дворянинъ Петръ Васильевъ *Курдюмовъ*, дворянинъ Викторъ Ѳедоровъ *Костюринъ*, дворянинъ Тимоѳей Александровъ *Квятковскій*, крестьянинъ Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Зубовской волости, деревни Мишино, Ѳеофанъ Никандровъ *Лермонтовъ*, австрійскій подданный Александръ Осиповъ *Лукашевичъ*, сынъ священника Петръ Андреевъ *Ломоносовъ*; дворянка Софья Александрова *Лешернъ фонъ-Герцфельдъ*, крестьянинъ Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, села Грачевки, Егоръ Егоровъ *Лазаревъ*,

сынъ священника Александръ Ивановъ *Ливановъ*, прусскій подданный Вильгельмъ-Мартинъ *Лонгансъ*, почетный гражданинъ Петръ Өедоровъ *Ларіоновъ*, дворянинъ Николай Абрамовъ *Литошенко*, дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Иванова *Лебедева*, крестьянинъ Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, села Павлова, Николай Алексѣевъ *Личадкевъ*, дворянинъ Өедоръ Михайловъ *Любавскій*, дворянинъ Степанъ Васильевъ *Макіевскій-Зубокъ*, лишенный всѣхъ правъ состоянія Митрофанъ Даниловъ *Муравскій*, сынъ цехового мастера Киріакъ Родіоновъ *Милоглазкинъ*, оберъ-офицерскій сынъ Николай Матвѣевъ *Махаевъ*, мѣщанинъ Николай Александровъ *Морозовъ*, сынъ священника Александръ Андреевъ *Малиновскій*, оберъ-офицерскій сынъ Владиміръ Яковлевъ *Мейеръ*, дворянинъ Петръ Маркеловъ *Макаревичъ*, сынъ коллежскаго асессора Павелъ Дмитріевъ *Максимовъ*, мѣщанинъ Минъ Никитинъ *Милоголовкинъ*, домашній учитель изъ солдатскихъ дѣтей Ипполитъ Никитинъ *Мышкинъ*, дворянинъ Александръ Васильевъ *Низовкинъ*, дворянинъ Петръ Ивановъ *Неволинъ*, мѣщанинъ Николай Степановъ *Никифоровъ*, дворянинъ Михаилъ Дмитріевъ *Нефедовъ*, сынъ дьякона Иванъ Ивановъ *Никольскій*, дворянка Мареа Герасимова *Никитина*, крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Тупиковской волости, деревни Екатини, Михаилъ Андреевъ *Орловъ*, сынъ чиновника Павелъ Александровъ *Орловъ*, дворянинъ Владиміръ Алексѣевъ *Осиповъ*, дворянинъ Викторъ Александровъ *Осташкинъ*, сынъ священника Евгеній Михайловъ *Овчинниковъ*, оберъ-офицерскій сынъ Леонидъ Владиміровъ *Поповъ*, дочь коллежскаго совѣтника Марія Платонова *Потоцкая*, дворянка Вѣра Николаева *Панютина*, мѣщанка Эйдель Владимірова *Пумпянская*, сынъ священника Николай Элпидифоровъ *Петропавловскій*, сынъ дьякона Александръ Андреевъ *Пономаревъ*, сынъ купца Исаакъ Яковлевъ *Павловскій*, дворянка Софья Львова *Перовская*, сынъ священника Николай Михайловъ *Поповъ*, сынъ священника Павелъ Ивановъ *Покровскій*, дворянинъ Андрей Андреевъ *Пыпинъ*, дочь коллежскаго регистратора Идалія Осипова *Польгеймъ*, сынъ купца Иннокентій Павлиновъ *Пьянковъ*, крестьянинъ Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда, Татаровской волости, села Несторова, Леонидъ Давыдовъ *Румянцевъ*, дворяне: Дмитрій Михайловъ и Вѣра Павлова *Рогачевы*, мѣщанинъ Моисей Абрамовъ *Рабиновичъ*, дворянка Александра Яковлева *Сидорацкая*, дворянинъ Сергѣй Силовъ *Синегубъ*, сынъ священника Василій Аполлоновъ *Стаховскій*, дворянка Евгенія Константинова *Судзиловская*, дворянинъ Николай Алексѣевъ *Саблинъ*, сынъ священника Дмитрій Петровъ *Соколовъ*, дворянинъ Иванъ Өедоровъ *Селивановъ*, сынъ дьякона Михаилъ Гавриловъ *Соловцовскій*, дворянка Ефрузина Викентьева *Супинская*, сынъ священника Наөанаилъ Іоновъ *Скворцовъ*, крестьянинъ Тамбовской губерніи, Моршанскаго уѣзда, села Сосновки, Викторъ Ивановъ *Сабелькинъ*, дворянка Софья Александрова *Субботина*, дворянинъ Михаилъ Михайловъ *Серебряковъ*, сынъ купца Дмитрій Николаевъ *Стрышевъ*, сынъ священника Владиміръ Петровъ *Серебровскій*, мѣщанка Ольга Иванова *Сахарова*, сынъ священника Григорій Алексѣевъ *Софинскій*, крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Морозовской волости, деревни Шелковой, Иванъ Осиповъ *Союзовъ*, мѣщанинъ Иванъ Григорьевъ *Спѣсивцевъ*, сынъ діакона Михаилъ Өеоктистовъ *Спѣсивцевъ*, сынъ купца Михаилъ Петровъ *Сажинъ*, дворянинъ Левъ Александровъ *Тихоміровъ*, сынъ статскаго совѣтника Леонидъ Рейнгольдовъ *Траубенбергъ*, дворянинъ Николай Никитинъ *Тепловъ*, жена прапорщика Анна Степанова *Тушинская*, сынъ священника Павелъ Семеновъ *Троицкій*, мѣщанинъ Глѣбъ Яковлевъ *Терновскій*, купеческій сынъ Лейзеръ Абовъ *Тетельманъ*, сынъ священника Иванъ Дмитріевъ *Трезвинскій*, дворянинъ Владиміръ Андреевъ *Усачевъ*, дворянинъ Дмитрій Васильевъ *Өедоровичъ*, дворянинъ Анатолій Ивановъ *Фаресовъ*, почетный гражданинъ Василій Васильевъ *Филадельфовъ*, австрійскій подданный Андрей Аөанасьевъ *Франжоли*, мекленбургъ-шверинскій подданный, дворянинъ Василій Өедоровъ *Фишеръ*, сынъ статскаго совѣтника Өедоръ Васильевъ *Өоминъ*, штабсъ-капитанъ Өедоръ Антоновъ *Фетисовъ*, жена его Ольга Павлова *Фетисова*, дворянинъ Николай Аполлоновъ *Чарушинъ*, сынъ коллежскаго совѣтника Иванъ Николаевъ *Чернявскій*, сынъ купца Соломонъ Лейзеровъ *Чудновскій*, дворянинъ Анатолій Андреевъ *Чарыковъ*, дворянка Марія Александрова *Шавердова*, дворянинъ Леонидъ Эммануиловъ *Шишко*, дворянка Вѣра Андреева *Шатилова*, мѣщанка Ольга Дмитріева *Шевырева*, дворянинъ Леонидъ Михайловъ *Щиглевъ*, кандидатъ Московскаго университета Владиміръ Николаевъ *Щепкинъ*, дочь титулярнаго совѣтника Надежда

Александрова *Юргенсонъ*, купеческій сынъ Феликсъ Іосифовъ *Юркевичъ*, дворянинъ Александръ Викторовъ *Ярцевъ* и мѣщанинъ Александръ Николаевъ *Яновъ*—въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообщничествѣ, имѣвшемъ цѣлью, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ отд. 2, ст. 250 Улож. о Нак.

II. *Войноральскій* и *Мышкинъ*—въ томъ, что составляли, печатали и разсылали въ разныя мѣстности возбуждавшія къ бунту или явному неповиновенію власти верховной сочиненія, съ цѣлью распространенія ихъ, чего не успѣли совершить по обстоятельствамъ, отъ ихъ воли независѣвшимъ, а *Ермолаева*, *Аверкіева*, *Супинская*, *Иванова*, *Заруднева*, *Соловцовскій*, *Малиновскій*, *Селивановъ*, *Скворцовъ*, *Фетисовъ* и *Фетисова*—въ томъ, что завѣдомо участвовали въ такомъ преступленіи, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ 114 и 251 стт. Улож. о Наказ.

III. *Артамоновъ*, *Аранзонъ*, *Аитовъ*, *Андреева*, *Ареопагитскій*, *Александровскій*, *Александровъ*, *Аносовъ*, *Бѣляковъ*, *Барковъ*, *Божко-Божинскій*, *Биткинъ*, *Виноградовъ*, *Ваховская*, *Введенскій*, *Войноральскій*, *Волховской*, *Гауенштейнъ*, *Голоушевъ*, *Гейшторъ*, *Говоруха-Отрокъ*, *Городецкій*, *Городецкая*, Николай *Глушковъ*, *Добровольскій*, *Даниловъ*, *Добровъ*, *Духовской*, Егоръ Егоровъ *Емельяновъ*, Никифоръ Ивановъ *Емельяновъ*, *Жилинскій*, *Жилинская*, Сергѣй *Жебуневъ*, *Знаменскій*, *Кувшинская*, *Купріяновъ*, *Козачекъ*, *Коваликъ*, *Князевскій*, *Кадьянъ*, *Кацъ*, *Кротоновъ*, *Корабельниковъ*, *Каменьскій*, *Квятковскій*, *Ливановъ*, *Ларіоновъ*, *Литошенко*, *Любавскій*, *Лермонтовъ*, *Муравскій*, *Милоглазкинъ*, *Махаевъ*, *Морозовъ*, *Мейеръ*, *Макаревичъ*, *Максимовъ*, *Низовкинъ*, *Нефедовъ*, *Никифоровъ*, *Никольскій*, Михаилъ *Орловъ*, Павелъ *Орловъ*, *Осташкинъ*, *Потоцкая*, *Панютина*, *Петропавловскій*, Исаакъ *Павловскій*, *Пьянковъ*, *Рогачевъ*, *Рабиновичъ*, *Румянцевъ*, *Сидорацкая*, *Синегубъ*, *Стаховскій*, *Соколовъ*, *Саблинъ*, *Сабелькинъ*, *Серебряковъ*, *Сѣрышевъ*, *Союзовъ*, Михаилъ Ѳеоктистовъ *Спѣсивцевъ*, *Сажинъ*, *Тихоміровъ*, *Траубенбергъ*, *Тепловъ*, *Троицкій*, *Терновскій*, *Ѳедоровичъ*, *Фаресовъ*, *Филадельфовъ*, *Чарушинъ*, *Чернявскій*, *Шишко*, *Шавердова*, *Шатилова*, *Щепкинъ*, *Щиголевъ*, *Юргенсонъ*, *Юркевичъ*, *Ярцевъ* и, кромѣ сего, мѣщанинъ Михаилъ Григорьевъ *Гвоздевъ*, сынъ дьякона Михаилъ Ѳедоровъ *Грачевскій*, крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Дмитровской волости, села Стружина, Степанъ Петровъ *Зарубаевъ*, сынъ дьякона Іосифъ Сильвестровъ *Кирилловъ*, писарь Дебесской мѣстной команды Арсеній Аѳанасьевъ *Леонтьевъ*, мѣщанинъ Иванъ Ильинъ *Медвѣдевъ*, сынъ титулярнаго совѣтника Аполлонъ Ивановъ *Прозоровскій*, мѣщанинъ Гавріилъ Германовъ *Прокофьевъ*, мѣщанинъ Сергѣй Антоновъ *Стопане*, крестьянинъ Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда, села Кознакова, Ѳедоръ *Семеновъ*, сынъ дьякона Павелъ Никифоровъ *Трудковскій*, крестьянинъ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, деревни Чуфарцхи, Григорій Алексѣевъ *Щегловъ*, и дочь священника Анна Васильева *Якимова*—въ томъ, что распространяли сочиненія, имѣвшія цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, а Иванъ и Клеопатра *Блаздзевичъ*, *Брешковская*, *Гориновичъ*, *Дробышъ-Дробышевскій* и *Чудновскій*—въ томъ, что покушались на распространеніе такихъ же сочиненій, причемъ ихъ преступное намѣреніе не могло быть приведено въ исполненіе по обстоятельствамъ, отъ ихъ воли независѣвшимъ, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ для первыхъ—въ 251 ст. Улож. о Наказ., а для послѣднихъ—въ стт. 114 и 251 Улож. о Наказ.

IV. Мѣщанинъ Мовша Вульвофъ *Эдельштейнъ*—въ томъ, что не принимая прямого участія въ распространеніи возбуждающихъ къ бунту сочиненій, изъ корыстныхъ видовъ согласился помогать лицамъ, распространявшимъ таковыя сочиненія, съ каковою цѣлью и ввозилъ означенныя сочиненія изъ-за границы въ предѣлы Имперіи, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 13, 121 и 251 Улож. о Наказ.

V. Сынъ причетника Александръ Ильинъ *Виддиновъ*, уѣздный учитель Александръ Яковлевъ *Палимпсестовъ* и дворянинъ Тимоѳей Александровъ *Соловьевъ*—въ томъ, что не участвуя въ распространеніи возбуждающихъ къ бунту сочиненій, завѣдомо приняли къ себѣ таковыя съ цѣлью сокрытія ихъ отъ должностныхъ лицъ, производившихъ обыски, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стт. 14, 124 и 251 Улож. о Наказ.

VI. *Субботина*, Никифоръ Ивановъ *Емельяновъ* и *Терновскій*—въ произнесеніи дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ 246 ст. Улож. о Наказ.

VII. Никифоръ Ивановъ *Емельяновъ* и *Щегловъ*—въ богохуленіи, первый при свидѣтеляхъ, съ намѣреніемъ поколебать ихъ вѣру, а послѣдній—въ болѣе или менѣе многолюдномъ собраніи, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ: для Емельянова—въ ст. 177, а для Щеглова—въ ст. 176 Улож. о Нак.

VIII. *Мышкинъ*—въ томъ, что во время слѣдованія изъ гор. Вилюйска въ гор. Якутскъ, съ цѣлью лишить жизни сопровождавшихъ его казаковъ Бубякина и Маршинцева, сдѣлалъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, но по не зависѣвшимъ отъ его воли обстоятельствамъ не убилъ ихъ, а только ранилъ Бубякина, т.-е. въ преступномъ дѣяніи предусмотрѣнномъ стт. 114 и 1.455 Улож. о Наказ.

IX. *Волховской*—въ томъ, что во время слѣдованія изъ Московскаго жандармскаго управленія въ тюремный замокъ, съ цѣлью совершить побѣгъ, бросилъ въ глаза сопровождавшему его жандармскому унтеръ-офицеру горсть нюхательнаго табаку и хотѣлъ бѣжать, но былъ задержанъ, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стт. 114 и 312 Улож. о Наказ.

X. Дворянинъ Всеволодъ Александровъ *Лопатинъ*—въ томъ, что обязавшись по предварительному соглашенію съ Волховскимъ содѣйствовать побѣгу послѣдняго, съ этою цѣлью старался освободить Волховского отъ поймавшихъ его жандарма и городового, разжимая руки первому и отталкивая послѣдняго, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стт. 13, 121, 114 и 312 Улож. о Наказ.

XI. Дворянинъ Николай Ивановъ *Эндауровъ*—во 1-хъ, въ томъ, что, не принадлежа къ противозаконному сообществу и не принимая участія въ преступной дѣятельности Войноральскаго, изъ личныхъ видовъ, завѣдомо помогъ Войноральскому: а) перевести на чужое имя пожертвованный на дѣла сообщества капиталъ, и б) скрыться отъ преслѣдованія, для чего и передалъ ему бланкъ подорожной, съ которою Войноральскій и уѣхалъ изъ Пензы, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 14, 124, 250 и 251 стт. Улож. о Нак.; во 2-хъ, въ томъ, что, состоя въ должности мирового судьи 1-го участка Городищенскаго уѣзда, несвоевременно и безъ законнаго къ тому основанія записывалъ на приходъ поступавшія къ нему суммы, а также несвоевременно отсылалъ ихъ по принадлежности, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 356 Улож. о Наказ., и въ 3-хъ, въ томъ, что имѣя на своихъ рукахъ ввѣренныя ему по службѣ, какъ мировому судьѣ, денежныя суммы, часть таковыхъ, въ количествѣ 1.400 р. с., обратилъ на свои надобности, при чемъ, однако, возвратилъ означенныя деньги до обнаруженія его злоупотребленія, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 354 ст. Улож. о Наказ.

XII. Петръ *Ларіоновъ*—во 1-хъ, въ томъ, что вмѣстѣ съ другимъ лицомъ тайно похитилъ въ гор. Вольскѣ принадлежавшую крестьянкѣ Дьяконовой лошадь съ упряжью и санями, всего на сумму менѣе 300 р., и во 2-хъ, въ томъ, что получивъ изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства по довѣренности трехъ крестьянъ Горицкой волости 240 р. с., не передалъ означенныя деньги по принадлежности крестьянамъ, а обратилъ таковыя на свои надобности, т.-е. въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 1.656 и 1.682 стт. Улож. о Наказ.

Вслѣдствіе сего, всѣ вышепоименованные обвиняемые, согласно § 2 закона 7-го іюня 1872 года, предаются суду особаго присутствія Правительствующаго Сената, учрежденнаго для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

2007231535

